

ЗВЕЗДЫ МИРОВОЙ ФАНТАСТИКИ

The illustration depicts a ginger and white cat with green eyes sitting on a blue, futuristic-looking device. The cat is looking towards the viewer. To the left, a blue door is partially open, revealing a dark interior. The background is a vibrant, fantastical landscape with a large tree, a winding path, and distant mountains under a bright sky. Several transparent, bubble-like spheres are floating in the air. The overall style is painterly and colorful.

РОБЕРТ ХАЙНЛАЙН

Кукловоды
Дверь в Лето

ЗВЕЗДЫ МИРОВОЙ ФАНТАСТИКИ

**КНИГИ РОБЕРТА ХАЙНЛАЙНА, ОПУБЛИКОВАННЫЕ
ИЗДАТЕЛЬСКОЙ ГРУППОЙ «АЗБУКА-АТТИКУС»**

Фрайди. Бездна

•

Туннель в небе. Есть скафандр — готов путешествовать

•

Астронавт Джонс. Время для звезд

•

Чужак в стране чужой

•

Луна — суровая госпожа

•

Красная планета. Звездный зверь

•

Кукловоды. Дверь в Лето

**РОБЕРТ
ХАЙНЛАЙН**

**Кукловоды
Дверь в Лето**

АЗБУКА

Санкт-Петербург

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)-445
X 15

Robert A. Heinlein
THE PUPPET MASTERS
Copyright © 1951 by Robert A. Heinlein
THE DOOR INTO SUMMER
Copyright © 1957 by Robert A. Heinlein
All rights reserved

«Кукловоды»

Перевод с английского Александра Корженевского, С. В. Голда

«Дверь в Лето»

Перевод с английского Александра Бранского

Серийное оформление Сергея Шикина

Оформление обложки Владимира Гусакова

Иллюстрация на обложке Виталия Еклериса

ISBN 978-5-389-13844-5

© А. Корженевский, перевод, 2017
© С. В. Голд, перевод, предисловие,
послесловие, 2017
© А. Бранский (наследник), перевод, 2017
© Издание на русском языке, оформление
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2017
Издательство АЗБУКА®

Сослагательное наклонение как фактор истории

Путешественники во времени отнимают хлеб у историков. И дело не только в том, что путешественник может в течение пяти минут выполнить работу, на которую профессора тратят половину жизни. Путешественник во времени, как никто другой, демонстрирует, что история — эфемерная наука и за каждым историческим «фактом» в действительности скрывается сослагательное наклонение.

Когда Корпус времени¹ только начинал свою деятельность, его агенты с удивлением обнаружили, что история Вселенной по всем шести временным осям расщеплена на десятки независимых ветвей, каждая из которых порождена вмешательством в изначальную последовательность событий. Неизменность истории, на которой основывалась историческая наука, перестала быть аксиомой. Кто первым высадился на Луне? Армстронг, Лекруа или О'Мэйли? Теперь это зависело не от фундаментальных экономических или политических предпосылок, а от исхода сражений, развернувшихся во времени. Конкурирующие организации, пытающиеся повернуть историю в нужное им русло, уничтожили всякое понятие об исторических закономерностях.

И все же в хаосе Мультивселенной существовала и до сих пор существует одна очень специфическая временная линия. Битвы, потрясающие остальную реальность, ее не затрагивают. Потому что эта линия отделилась от основной последовательности в столь раннюю эпоху, что противостоящие стороны просто не подозревают о ее существовании. Она во многом подобна одной из побочных ту-

¹ См. роман «Кот, проходящий сквозь стены».

пиковых ветвей, в которой первым на Луну слетал Лекруа, Неемия Скаддер так и не родился, а Третья мировая война разразилась почти на тридцать лет раньше обычных сроков, в 1960-е годы. Вот только в этой версии земной истории кобальтовые бомбы не уничтожили все живое на планете и человечество уцелело. С точки зрения гиперистории Мультивселенной это был уникальный результат: вспыхни Третья мировая на десятилетие раньше, она бы полностью уничтожила человеческую цивилизацию, а через два десятилетия, когда средства ПВО достигли бы качественно нового уровня, обмен ядерными ударами вылился бы в широко распространенный вариант «бесполезной войны», или «войны отсыревшими патронами», как ее называли в других временных последовательностях.

Ядерное оружие сохранило свою эффективность, и поэтому война не привела к серьезной перекройке геополитической карты: Советский Союз оставил за собой Сибирь, а Китай ограничился поглощением своих ближайших южных соседей. Австралия не подверглась оккупации, но это же свело на нет все перспективы будущего австрало-американского аншлюса. А сама Америка избежала установления коммунистической диктатуры и вследствие этого не сумела выработать иммунитет от тирании, что неизбежно должно было сказаться позднее.

Как бы то ни было, тысячи людей погибли и прежние столицы были превращены в радиоактивные кратеры. Столь ощутимые последствия конфликта не оставили шанса на быстрое примирение и сближение сверхдержав. Договор о ядерном вооружении не был заключен, договор о создании международных миротворческих сил также отодвинулся в неопределенное будущее. К началу эпохи космической экспансии Космический патруль так и не был создан.

Вместе с тем первое послевоенное десятилетие оказалось не таким тяжелым, как, например, 1950-е годы, когда многолетняя война истощила национальные бюджеты, а значительная часть европейских инфраструктур лежала в развалинах. На этот раз война длилась чуть больше месяца, а большинство масштабных сухопутных сражений произошло вдали от европейских промышленных центров,

в Юго-Восточной Азии. Куда хуже пришлось Северной Америке: помимо людских потерь, США на этот раз лишились многих крупных военно-промышленных центров. Уцелевшие города задыхались от беженцев, зараженные океаны плодили мутантов, но люди засучив рукава восстанавливали разрушенное, снова обустроивали свою жизнь, смотрели на звезды, мечтали и верили, что в будущем все будет гораздо лучше, чем сейчас.

И у них были для этого основания. Конверсия семидесятых выпустила на рынок множество военных технологий, что привело к буму в легкой промышленности, а переход от военного положения к гражданскому управлению привел к небывалой либерализации общественных отношений. Разумеется, затем Америка снова начала скатываться к полицейскому государству и диктатуре, но пока еще гайки дружно крутились в обратную сторону. В результате чего, например, некий инженер Дэвис не стал политическим диссидентом и не отправился отбывать заключение в Луна-Сити, а сумел вместо этого реализовать свой талант изобретателя.

Послевоенные десятилетия нельзя назвать золотым веком, но они были неплохой заявкой на будущее. К сожалению, история, построенная на сослагательном наклонении, не оставляет нам шансов безмятежно плыть по течению. Она непременно преподносит нам какие-нибудь сюрпризы, прерывая спокойное течение водопадами и водоворотами. На этот раз мирный период длился довольно долго — до начала нулевых годов XXI века. Он позволил человечеству решить ряд насущных проблем на Земле и даже отправиться в космос, чтобы получить новые проблемы на свою голову.

Разумеется, они не заставили себя долго ждать¹.

С. В. Голд

¹ «Хайнлайн в картинках».

Кукловоды

Лертону Блассингейму

1

Действительно ли они разумны? Я имею в виду, сами по себе. Не знаю — и не думаю, что мы когда-нибудь узнаем. Правда, я не ученый, я тут по другой части.

Если взять, к примеру, Советы, то там они ничего нового не изобрели — просто взяли коммунистический принцип «власть ради власти» и распространили его на все сферы жизни без всяких там «гнилых либеральных сантиментов», как выражаются комиссары. С другой стороны, в связке с животными они были чем-то намного большим, чем просто животные.

(Я все еще не привык к тому, что больше нигде не увидишь собак. Когда мы с ними наконец-то схлестнемся, они ответят нам за несколько миллионов собак. И кошек. За одного конкретного кота я спрошу с них сам, лично.)

А если то, что у них есть, — всего лишь инстинкт, я очень надеюсь не дожить до того дня, когда мы столкнемся с кем-нибудь вроде них, только разумными. Потому что я знаю, кто тогда проиграет. Я, вы. Так называемый человеческий род.

Для меня все началось очень ранним утром двенадцатого июля 2007 года: телефон зазвонил так пронзительно, что и мертвый бы, наверно, проснулся. Я пошарил вокруг себя, пытаюсь найти штуку, которая его отключает, а потом вспомнил, что оставил ее в пиджаке на другом конце комнаты.

— Ладно, — проворчал я. — Слышу. Выключи этот чертов зуммер.

— Чрезвычайная ситуация, — произнес голос у меня в ухе. — Доложится лично.

Я коротко посоветовал, как им поступить с их чрезвычайной ситуацией.

— У меня трехдневный отпуск, — добавил я.

— Явиться к Старику, — не унимался голос. — Немедленно!

Это был совсем другой разговор.

— Иду, — ответил я, рывком уселся на постели — аж в глазах потемнело — и нос к носу столкнулся с блондинкой.

Она тоже села и уставилась на меня круглыми от удивления глазами. Я вытаращился на нее, мучительно пытаюсь вспомнить, кто она такая и откуда тут взялась.

— С кем это ты разговариваешь? — спросила она.

— Я? Разговариваю?

Я замолчал, пытаюсь придумать подходящую ложь, но тут в голове у меня окончательно прояснилось, и я сообразил, что нет надобности сочинять слишком уж хорошую ложь, поскольку блондинка не могла слышать моего собеседника, — наш Отдел не пользуется стандартными телефонами. Аудиореле имплантировано под кожу за левым ухом и работает за счет костной звукопроводимости.

— Прости, детка, — сказал я. — Кошмар приснился. Я часто разговариваю во сне.

— А-а... Но сейчас-то ты в порядке?

— Да, все хорошо, я уже проснулся, — заверил я и встал, чуть покачнувшись. — Спи дальше.

— Ладно, ладно... — И она тут же уснула.

Я пошел в ванную и вколол себе в руку четверть грана «Гиро». Потом три минуты вытрясал из себя душу вибромассажером, а стимулятор собирал ее по кускам воедино. Из ванной я вышел новым человеком — ну почти новым, так скажем. Осталось только прихватить пиджак. Блондинка тихо посапывала в постели.

Я пустил свое подсознание по ее следу и понял — с некоторым сожалением, — что ничего ей не должен. Поэтому ушел не прощаясь. В квартире не оставалось ничего, что могло бы меня выдать или хотя бы намекнуть ей, кто я такой.

На базу я попал через кабинку в туалете на станции метро «Макартур». Разумеется, вы не найдете наше заведение в телефонной книге. Строго говоря, его вообще нет. Может, и меня тоже нет. Выдумка, иллюзия. Еще туда можно попасть через крохотный магазинчик под вывеской «Редкие марки и монеты». Даже не пытайтесь здесь пройти — вам постараются всучить «Черный двухпенсовик»¹.

Короче, искать нашу контору бесполезно. Как я и говорил, нас просто не существует.

Есть вещи, которые ни один руководитель государства знать не может, — например, насколько хороша его разведывательная служба. Понятно это становится, только когда она его подводит. Чтобы этого не произошло, есть мы. Так сказать, подтяжки для дяди Сэма. Подтяжки в дополнение к ремню. В ООН о нас никогда не слышали, да и в ЦРУ тоже, надеюсь. Кто-то сказал однажды, что наши расходы закрывает Департамент продовольственных ресурсов, но так ли это, я не знаю; мне платят наличными.

А все, что о нашей организации знаю я, — это полученная мной подготовка и задания, на которые меня посылает Старик. Интересные, в общем-то, задания, если вам все равно, где вы спите, что едите и как долго проживете на свете. Я три года провел за железным занавесом, научился пить водку не морщась и шипеть по-русски, как кот, — то же на кантонском, курдском и некоторых других скверных на вкус языках. Могу вас заверить, что там, за железным занавесом, нет ничего такого, чего не найдется в Падуке, штат Кентукки. Только здесь оно больше и лучшего качества. Тем не менее они там как-то живут.

Будь я поумней, давно бы уволился и нашел себе нормальную работу.

Вот только со Стариком тогда поработать больше не доведется. А для меня это много значит. Нет, он вовсе не добрый начальник. Он вполне способен сказать: «Парни, нам

¹ Первые современные почтовые марки, выпущенные в Англии в 1840 г., были черными (по одному пенни) и синими (по два). И «Черный пенни», и особенно более редкие «Синие двухпенсовики» высоко ценятся коллекционерами, а вот «Черный двухпенсовик» может быть только подделкой.

нужно удобрить вот это дерево. Прыгайте в яму, и я вас засыплю».

И мы прыгнем. Все как один.

И если у него будет хотя бы пятидесятитрехпроцентная уверенность, что это — Дерево Свободы, он похоронит нас заживо.

Когда я вошел, Старик поднялся из-за стола и, прихрамывая, двинулся мне навстречу. Я снова задался вопросом, почему он не привел свою ногу в порядок. Подозреваю, что он гордится обстоятельствами, при которых заработал свою хромоту, но так ли это, я никогда не узнаю. Человек в положении Старика гордится своими достижениями втайне, его профессия не допускает публичных почестей.

На его лице расцвела зловещая ухмылка. Большой голый череп и крупный римский нос делали его похожим то ли на Сатану, то ли на Панча.

— Привет, Сэм, — сказал он. — Мне, право, жаль, что пришлось вытащить тебя из постели.

Черта с два ему жаль, конечно.

— У меня отпуск, — коротко ответил я.

Конечно, Старик есть Старик, но ведь отпуск есть отпуск, и он, черт возьми, выпадает нечасто!

— Верно, и ты все еще в отпуске. Мы отправляемся отдыхать.

У Старика весьма своеобразные представления об отдыхе, поэтому я, разумеется, не поверил.

— Ладно. Теперь меня зовут Сэм, — сказал я. — А фамилия?

— Кавано. А я твой дядюшка Чарли. Чарльз М. Кавано, пенсионер. И познакомься — это твоя сестра Мэри.

Входя, я сразу заметил, что он в комнате не один, но отложил осмотр на потом. Старик, когда хочет, умеет привлекать к себе внимание целиком и удерживать его сколько нужно. Теперь же я взглянул на свою «сестру» внимательно и невольно задержал взгляд. Оно того стоило.

Стало понятно, почему для работы вместе Старик назначил нас братом и сестрой: это разом избавляло его от некоторых проблем. Как профессиональный актер не может намеренно испортить диалог, так и обученный агент

не может выйти из заданного образа. И теперь я должен был относиться к ней как к родной сестре — довольно злая шутка, если разобраться!

Высокая, стройная, и спереди все как положено. Хорошие ноги. Широкие — для женщины — плечи. Огненно-рыжие волнистые волосы и, как бывает только у рыжих от рождения, что-то от ящерицы в форме черепа. Лицо скорее правильное, чем красивое, белые острые зубы. И она смотрела на меня оценивающим взглядом, как на кусок мяса.

Я еще не вошел в роль. Мне сразу захотелось опустить одно крыло, задрать другое и пуститься в брачный танец. Наверно, по мне это было заметно, потому что Старик мягко напомнил:

— Спокойно, Сэмми, спокойно, в семье Кавано инцеста не будет. Моя любимая невестка как следует вас обоих воспитала. Сестра, конечно, в тебе души не чаёт, и ты ее тоже любишь, но чисто по-родственному. Ты заботлив и галантен до тошноты. Как говорится, старая добрая Америка.

— Боже, неужели все так плохо? — спросил я, не сводя глаз с «сестры».

— Хуже.

— А, черт, ладно. Привет, сестренка. Рад познакомиться.

Она протянула мне руку — твердую и ничуть не слабее, чем у меня.

— Привет, братец.

Глубокое контральто! Моя слабость. Черт бы побрал Старика!

— Могу добавить, — продолжил он все тем же ласковым голосом, — что сестра тебе дороже собственной жизни. Чтобы защитить ее от опасности, ты готов даже умереть. Мне не очень приятно сообщать тебе это, Сэмми, но, по крайней мере в настоящий момент, сестра для Отдела важнее, чем ты.

— Понятно, — ответил я. — Спасибо за деликатность.

— Сэмми...

— Ладно, она — моя обожаемая сестра. Я защищаю ее от собак и посторонних мужчин. Спокойный, как слон. Когда начинаем?

— Сначала зайди в «Косметику». Они сделают тебе новое лицо.

— Пусть лучше сделают новую голову. Ладно, увидимся. Пока, сестренка.

Голову мне, конечно, новую не сделали, зато примостили мой персональный телефон у основания черепа и заклеили сверху волосами. Шевелюру выкрасили в тот же цвет, что и у новообращенной сестры, осветлили кожу и сделали что-то такое со скулами и подбородком. Из зеркала на меня уставился самый настоящий рыжий — такой же, как сестренка. Я смотрел на свои волосы и пытался вспомнить, какого же цвета они были изначально, много-много лет назад. Затем задумался: а как на самом деле выглядит моя сестренка, так же как сейчас? Хотелось бы надеяться. А эти ее белые зубки... Стоп! Брось, Сэмми! Она — твоя сестра. Точка.

Я надел приготовленный мне костюм, и кто-то сунул мне в руку заранее уложенную дорожную сумку. Старик и сам, очевидно, побывал в «Косметике»: на голове у него висел бледно-розовый пух. С его лицом тоже что-то сделали. Не скажу точно что, но теперь мы, без сомнения, выглядели родственниками — троица законных представителей этой странной расы рыжеволосых.

— Пошли, Сэмми, — сказал Старик. — У нас мало времени. Я все расскажу в машине.

Мы выбрались в город новым маршрутом, о котором я еще не знал, и оказались на стартовой платформе Нортсайд, высоко над Нью-Бруклином, откуда открывался вид на Манхэттенский кратер.

Я вел машину, а Старик говорил. Когда мы вышли из зоны действия городской службы управления движением, он велел мне задать автопилоту направление на Де-Мойн, штат Айова, после чего я присоединился к Мэри и «дядюшке Чарли» в салоне. Первым делом Старик поведал нам наши легенды, сначала кратко, а потом дополнил деталями, чтобы ввести нас в курс дела.

— Короче, мы — беззаботная счастливая семейка, туристы, — закончил он. — И если нам придется столкнуться с чем-то непредвиденным, то мы себя так и поведем — как любопытные бестолковые туристы.

— А что за проблема? — спросил я. — Или будем разбираться на ходу?

— Мм... Посмотрим.

— Хорошо. Хотя на том свете чувствуешь себя гораздо лучше, если знаешь, за что туда попал, правда, Мэри?

«Мэри» промолчала. Редкое для женщины качество — умение молчать, когда нечего говорить. Старик бросил на меня оценивающий взгляд, машина, расположенная у него в голове, переварила полученную информацию, и он спросил:

— Сэм, ты слышал о летающих тарелках.

— Э-э-э... Не уверен.

— Ты же учил историю! Ну соберись!

— А, эти... Повальное помешательство на тарелках, еще до Беспорядков? Я думал, ты имеешь в виду что-то недавнее и настоящее. Тогда были просто массовые галлюцинации...

— Ой ли?

— Я, в общем-то, не изучал статистическую аномальную психологию специально, но уравнения, кажется, помню. Тогда само время было ненормальное; человека, у которого все шарики на месте, могли запросто запереть в психушку.

— А сейчас, по-твоему, наступило царство разума, да?

— О, я еще не сошел с ума, чтобы утверждать такое... — Я порылся у себя в памяти и нашел нужный ответ. — Вспомнил: интеграл Дигби для данных второго и более высокого порядка. Вероятность того, что летающие тарелки — за вычетом объясненных случаев — лишь галлюцинация, равна, по Дигби, девяноста трем и семи десятым процента. Я запомнил, потому что это был первый раз, когда сообщения об инопланетянах собрали, систематизировали и оценили. Одному Богу известно, зачем правительство затеяло этот проект.

Старик выслушал меня и с совершенно невинным видом сказал:

— Держись за сиденье, Сэмми: сейчас мы едем осматривать летающую тарелку. И может быть, как настоящие туристы, даже отпилим себе кусочек на память.

— Следил за новостями в последнее время? — продолжал Старик.

Я мотнул головой. Глупо спрашивать, я же был в отпуске.

— Полюбопытствуй при случае, — посоветовал он, — узнаешь много интересного. Ладно, проехали. Семнадцать часов... — Старик сверился с часами на пальце, — и двадцать три минуты назад неопознанный космический корабль приземлился в окрестностях Гриннелла, штат Айова. Тип неизвестен. Форма дискообразная, около ста пятидесяти футов диаметром. Откуда — неизвестно, но...

— Они что, не отследили траекторию? — перебил я.

— Они. Не. Отследили, — отчеканил он. — Вот фото, сделанное после посадки с космической станции «Бета».

Я взглянул на снимок и передал Мэри. Обычная, но очень четкая фотография с высоты пять тысяч миль. Деревья как мох, тень облака, испортившая самую хорошую часть снимка, и серый круг — возможно, и в самом деле космический аппарат, но с таким же успехом это могла быть нефтяная цистерна или резервуар для воды. Я внезапно задался вопросом: сколько же гидропонных ферм в Сибири мы разбомбили, принимая их за атомные установки?

Мэри вернула фото, и я сказал:

— Похоже на тент для общих собраний в летнем лагере. Что еще нам известно?

— Ничего.

— Как «ничего»? Спустя семнадцать часов? Там должно быть полно наших агентов!

— Посылали. Двое были в окрестностях, четверо отправились к объекту. Ни один не вернулся. Я очень не люблю терять агентов, Сэмми, особенно когда это не дает никаких результатов.

До сих пор я не задавался вопросом, чего ради Старик лично рискует на задании, — оно не выглядело рискованным. И тут я вдруг сообразил, насколько серьезная сложилась ситуация, коли Старик поставил на карту всю организацию, — ибо он и есть Отдел. Смелости ему не занимать,

но и здравого смысла тоже. Он не рискнул бы собой, если бы не знал наверняка, что другие с заданием не справятся и что выполнить это задание надо любой ценой.

Мне стало немного не по себе. Обычно агент обязан спасти свою шкуру — чтобы выполнить задание и доложить о результатах. В данном случае получалось, что вернуться с результатами должен Старик, вторая по значимости — Мэри, а сам я — не дороже скрепки. Радоваться тут, понятно, нечему.

— Один агент успел-таки кое-что сообщить, — продолжил Старик. — Он отправился к месту посадки, изображая обычного зеваку, и передал по личному телефону, что это, по-видимому, космический корабль, хотя он не смог определить тип двигателя. Но это мы уже знали из новостей. Затем сообщил, что корабль открылся и он пытается подобраться ближе, за полицейский кордон. Последнее, что он сказал, было: «Вот они. Маленькие существа, примерно...» — и больше ни слова.

— Маленькие человечки?

— Он сказал «существа».

— Что в местных новостях?

— Полно всего. Студия стереовещания из Де-Мойна сообщила о посадке и направила туда съемочную группу. Все снимки, что они передали, были сделаны с воздуха и издалека. На всех — только дискообразный объект. Затем в течение двух часов — ни снимков, ни новостей, а после этого крупные планы и новое объяснение.

Старик замолчал.

— И что? — спросил я.

— Розыгрыш. «Космический корабль» поддельный, из жести и пластика. Собран двумя подростками в лесу, неподалеку от фермы, где они живут. Фальшивку запустил один комментатор, у которого чувства юмора больше, чем здравого смысла. Он сам и подбил ребят на это дело, чтобы слепить сенсацию. Его, мол, уже уволили, а сообщение о пришельцах из космоса — не более чем очередная утка.

Я поежился:

— Утка, значит. И тем не менее мы потеряли шестерых сотрудников. Наша задача — отыскать их?

— Нет. Думаю, мы их уже не найдем. Нам нужно узнать, почему триангуляция объекта с этого снимка, — он помахал фотографией, полученной с космической станции, — не совсем точно совпадает с тем, что сообщили в новостях, и почему стереостанция Де-Мойна прерывала свою передачу.

Мэри впервые нарушила молчание:

— Я бы хотела поговорить с этими мальчиками с фермы, — сказала она.

Я опустил машину на дорогу в пяти милях от Гриннелла, и мы принялись искать ферму Маклейнов; в новостях виновниками переполоха были названы Винсент и Джордж Маклейны. Найти ее оказалось несложно. На первой же развилке стоял большой, профессионально сделанный щит с надписью: «ПРОЕЗД К КОСМИЧЕСКОМУ КОРАБЛЮ», а чуть дальше уже теснились припаркованные по обеим сторонам дороги машины — наземные, летающие и даже трифибии. На повороте к ферме стояло несколько наспех построенных ларьков, в которых торговали прохладительными напитками и сувенирами. И еще там был полицейский-регулирущик.

— Остановись, — сказал Старик. — Нам тоже посмотреть не помешает, а?

— Точно, дядюшка Чарли, — согласился я.

Старик выпрыгнул из машины и двинулся вперед, помахивая тростью. От его хромоты и следа не осталось. Я помог Мэри выбраться, и она на мгновение прильнула ко мне, опершись на мою руку. При этом она посмотрела мне в глаза, напустив на себя вид наивной скромницы.

— Мм... Какой ты сильный, братишка, — сказала она.

Мне захотелось ее отшлепать, но вместо этого я только смущенно ухмыльнулся. Агент Старика — в роли такой сентиментальной простушки. Ну прямо как улыбка у тигра.

«Дядя Чарли» вовсе изображал богатого старика на отдыхе — приставал к людям с расспросами, суетился, цеплялся к полицейскому. Затем купил в ларьке сигары и, когда мы подошли, небрежно махнул рукой с дымящейся сигарой в сторону сержанта.

— Инспектор говорит, это надувательство, мои дорогие. Местные мальчишки подшутили. Едем дальше?

Мэри сделала разочарованное лицо:

— Что, никакого космического корабля нет?

— Почему же? Есть — если, конечно, это можно назвать космическим кораблем, — ответил полицейский. — Идите за толпой, там его найдете. И я пока еще сержант, а не инспектор.

«Дядюшка Чарли» угостил его сигарой, и мы двинулись через пастбище в сторону редкого леса. Пройти за ворота фермы стоило доллар, и многие сразу поворачивали обратно, поэтому люди на тропе встречались редко. Я держался настороже и страстно желал, чтобы вместо радиотелефона у меня на затылке были глаза. Согласно вводной, шесть агентов прошли этой дорогой — и ни один не вернулся. Мне не хотелось становиться седьмым.

Дядя Чарли и сестренка шли впереди, Мэри без умолку несла какие-то глупости. Она каким-то образом умудрялась выглядеть меньше ростом и моложе, чем была в начале поездки. Наконец мы добрались до поляны и увидели «космический корабль».

Больше ста футов диаметром, но сделан — явно на скорую руку — из тонкой жести и листового пластика, выкрашенного серебрянкой. Формой — как две суповые тарелки одна на другой. Кроме этого, и смотреть не на что. Тем не менее Мэри пискнула:

— Ой, как здорово!

Из люка на вершине этой чудовищной конструкции высунул голову парнишка лет восемнадцати-девятнадцати с глубоким устойчивым загаром на прыщавом лице.

— Хотите посмотреть внутри? — спросил он и добавил, что это будет стоить еще по пятьдесят центов с каждого.

Дядя Чарли раскошелился.

У самого люка Мэри в нерешительности остановилась. Оттуда вынырнула еще одна прыщавая физиономия — точная копия первой. Парни хотели помочь Мэри спуститься, но она вдруг отпрянула, и я тут же оказался рядом, решив, что лучше помогу ей сам. Однако в данном случае я на девяносто девять процентов руководствовался профессио-

нальными соображениями, потому что нутром чувал здесь какую-то опасность.

— Там темно, — дрожащим голосом произнесла Мэри.

— Не бойтесь, — сказал второй парень. — Мы сегодня весь день тут людей водим. Меня, кстати, зовут Винс Маклейн. Ну идите же, девушка.

Дядя Чарли опасливо заглянул в люк, словно заботливая курица, сопровождающая выводок на прогулке.

— Там могут быть змеи, — решил он. — Мэри, тебе лучше туда не ходить.

— Да что вы! Какие змеи?! — принялся уговаривать нас первый Маклейн.

— Ладно, джентльмены, деньги оставьте себе. — Дядя Чарли взглянул на палец с часами. — Мы уже опаздываем, дорогие мои. Пошли.

По тропе я опять шел позади них — постоянно настороже, аж волосы на затылке дыбом встали.

Мы вернулись к машине, и я вырулил на дорогу. Едва мы тронулись с места, Старик резко спросил:

— Ну? Что ты увидел?

Я парировал вопросом на вопрос:

— Насчет первого сообщения никаких сомнений? Того, что оборвалось?

— Абсолютно.

— Этой штукой в лесу агента не обманешь даже в темноте. Он видел другой корабль.

— Разумеется. Что еще?

— Сколько, по-вашему, может стоять этот муляж? Новая жесь, краска и, судя по тому, что я разглядел через люк, примерно тысяча футов бруса для крепежа...

— Продолжай.

— Ну, свой дом Маклейны годами не красили, да и сарай тоже. На этой ферме только что вывески не хватает — «Заложено». Ясное дело, они не сами оплачивали эту шутку.

— Безусловно. Ты, Мэри?

— Вы заметили, дядюшка, как они со мной обращались?

— Кто? — резко спросил я.

— Полицейский и эти двое парней. Когда я включаю режим сексапильной милашки, с мужчинами обязательно должно что-то происходить. Здесь же — никакой реакции.

— По-моему, они обратили на тебя внимание, — возразил я.

— Ты не понимаешь. Я просто чувствую реакцию. Всегда чувствую. Что-то с ними не так. Они словно мертвецы. Или евнухи — если ты понимаешь, о чем я.

— Гипноз? — предположил Старик.

— Возможно. Или действие наркотиков, — сказала она, нахмутив брови, но на лице ее осталось сомнение.

— Хм... — Старик задумался, потом сказал: — Сэмми, на следующем разъезде сверни налево. Нам нужно осмотреть место в двух милях к югу отсюда.

— Место посадки, вычисленное по фотоснимку?

— А что же еще?

Однако добраться нам туда не удалось. Мост впереди рухнул, а разогнаться, чтобы перескочить реку по воздуху, было негде, да и правила дорожного движения для летающих машин этого не разрешали. Мы заехали с юга, по единственной оставшейся дороге, но там нас остановил полицейский. Сказал, что проезда нет из-за пожара. Кустарник, мол, горит, и, если мы поедem дальше, нам придется участвовать в тушении. И вообще, ему положено бы отправить меня туда сразу.

Мэри захлопала ресницами и наврала, что ни она, ни дядюшка Чарли не умеют водить машину. Полицейский смилостивился и оставил нас в покое.

После того как мы отъехали на приличное расстояние, я спросил:

— Что насчет него?

— В смысле?

— Евнух?

— Ни в коем случае! Очень симпатичный мужчина.

Меня это задело.

Взлететь и сделать заход на триангулированную точку Старик запретил. Сказал, это будет бесполезно. Мы отправились в Де-Мойн и, вместо того чтобы припарковаться у въезда в платную зону, заплатили за въезд в город и вскоре остановились перед студией местного стереовещания.

«Дядюшка Чарли» принялся скандалить и прорвался-таки в кабинет генерального директора, ведя нас за собой на буксире. Старик врал на ходу, хотя, может быть, «Чарльз М. Кавано» и в самом деле был какой-нибудь шишкой в Федеральном управлении связи — как знать?

Очутившись в кабинете и закрыв за собой дверь, Старик продолжал строить из себя Высокое Начальство.

— Что это за глупый розыгрыш с летающей тарелкой, сэр? Я требую четкого ответа и предупреждаю, что от этого может зависеть судьба вашей лицензии.

Директор, однако, не испугался; подобные угрозы, видимо, лишь действовали ему на нервы.

— Мы передали опровержение по всем каналам, — сказал он. — Нас просто подставили. Но виновный уже уволен.

— Этого явно недостаточно, сэр.

Человечек — фамилия его была Барнс — пожал плечами:

— А чего еще вы от нас ожидаете? Мы что, должны были на дыбу его вздернуть?

Дядя Чарли ткнул в его сторону сигарой:

— Предупреждаю, сэр, со мной шутки плохи. Я совсем не убежден, что два молодых олуха и младший репортер могли самостоятельно провернуть этот возмутительный розыгрыш. Тут пахнет деньгами, сэр. Да-да, деньгами. И где их искать, как не здесь, на самом верху... А теперь скажите-ка мне, сэр, что именно вы сде...

Мэри сидела рядом со столом Барнса. Она что-то сделала со своей одеждой, выставив напоказ значительную часть тела, и уселась в такой позе, что мне сразу вспомнилась картина Гойи «Маха обнаженная». Спустя несколько секунд она подала Старiku сигнал — большой палец вниз.

Барнс вроде бы не должен был этого заметить: мне казалось, что он смотрит только на Старика. Однако заметил. Он повернулся к Мэри, лицо его словно помертвело, а рука потянулась к ящику стола.

— Сэм! Убей его! — коротко приказал Старик.

Я выстрелил. Луч отжег ему ноги, и туловище Барнса грохнулось на пол. Не самый удачный мой выстрел: я думал прожечь дыру в животе.

Пальцы Барнса все еще тянулись к упавшему пистолету, и я отпихнул оружие носком ботинка. Человек с отстреленными ногами уже не жилец, однако умирает не сразу, и я хотел избавить его от мучений, но тут Старик рывкнул:

— Не трогать! Мэри, назад!

Мы подчинились.

Старик осторожно, словно кошка, обследующая незнакомый предмет, подобрался ближе. Барнс издал долгий булькающий вздох и затих — смерть от болевого шока. Старик осмотрел его и осторожно потыкал тростью.

— Босс, пора сваливать, а? — сказал я.

Не оборачиваясь, он ответил:

— Здесь ничуть не опасней, чем где-то еще. Возможно, их в этом здании полно.

— Кого «их»?

— Откуда я знаю? Их, таких вот, как этот. — Он указал на тело Барнса. — Нам как раз и нужно узнать, кто они такие.

Мэри судорожно всхлипнула — первая непритворная женская реакция с момента нашего знакомства — и выдохнула:

— Он еще дышит. Смотрите!

Тело лежало лицом вниз. Пиджак на спине медленно поднимался и опадал, словно легкие Барнса продолжали работать. Старик присмотрелся и ткнул в спину тростью.

— Сэм. Иди-ка сюда.

Я подошел.

— Раздень его, — приказал он. — Только в перчатках. И осторожно.

— Взрывное устройство?

— Заткнись. И поаккуратнее.

Я не знаю, что Старик ожидал там найти, но, должно быть, он догадывался, в чем дело. Я всегда думал, что у него в голове компьютер, который делает верные логические заключения, даже когда фактов всего ничего, — как те музейные умники, что восстанавливают облик доисторических животных по одной-единственной косточке.

И я поверил ему на слово. Натянул на руки перчатки — специальные перчатки агентов: в них можно размешивать пальцем кипящую кислоту, нашарить монетку в полной

темноте и на ощупь отличить орел от решки, — а затем принялся переворачивать Барнса, чтобы расстегнуть пиджак.

Спина у него по-прежнему шевелилась. Мне это совсем не понравилось — в этом было что-то неестественное, — и я приложил ладонь между его лопаток.

У нормального человека там позвоночник и мышцы. Здесь же было какое-то желе, мягкое и податливое. Я резко отдернул руку.

Мэри молча подала мне стильные ножницы со стола Барнса, и я разрезал ими пиджак. Затем распахнул разрез, и мы стали смотреть. Под пиджаком оказалась тонкая, почти прозрачная рубашка, а между рубашкой и кожей, от шеи и до середины спины, было что-то еще — толщиной около двух дюймов, отчего и казалось, что человек сутулится или на спине у него небольшой горб.

И эта штука пульсировала, как медуза.

На наших глазах «горб» медленно пополз со спины, прочь от нас. Я протянул руку, чтобы задрать рубашку, но Старик стукнул тростью мне по пальцам.

— Ты все-таки реши, что тебе нужно, — сказал я, потирая костяшки пальцев.

Он молча засунул трость под рубашку и задрал ее к плечам. Тварь оказалась вся на виду.

Серая, чуть просвечивающая, пронизанная какими-то более темными структурами, бесформенная, она походила на гигантский ком лягушачьей икры. Это было определенно живое существо, потому что оно пульсировало, вздрагивало и перетекало с одного места на другое. Пока мы смотрели, оно стекло вниз, заполнило пространство между рукой и грудной клеткой Барнса и застыло там, неспособное двинуться дальше.

— Бедняга, — тихо произнес Старик.

— А? Это?

— Нет. Барнс. Когда все это закончится, напомните мне, что ему полагается «Пурпурное сердце»¹. Надо будет

¹ «Пурпурное сердце» — военная медаль США, учрежденная во время Войны за независимость Джорджем Вашингтоном. Ею награждают солдат, погибших или получивших ранения в результате боевых действий противника.

проследить. Если закончится. — Старик выпрямился и принялся расхаживать по кабинету, словно напрочь забыл про серый ужас, угнездившийся под рукой мертвого Барнса.

Я попятился, не спуская с твари взгляда и держа ее под прицелом. Быстро передвигаться она, похоже, не могла, летать, видимо, тоже, но кто ее знает, на что она способна. Мэри подошла, прижалась ко мне плечом, словно ища утешения, и я обнял ее свободной рукой.

На столике у стены громоздилась неаккуратная стопка круглых коробок со стереопленкой. Старик взял одну, потряхнул кассету на пол и вернулся к нам.

— Это, я думаю, подойдет.

Он поставил коробку на пол рядом с серой тварью и принялся загонять ее внутрь, подпихивая тростью. Вместо этого тварь перетекла еще глубже под руку Барнса и спряталась под его телом почти целиком. Я взял труп за другую руку и оттащил в сторону. Тварь сначала цеплялась, но потом шлепнулась на пол. Мы с Мэри настроили оружие на минимальную мощность и под руководством Старика все-таки загнали тварь в коробку, поджигая пол то с одной стороны, то с другой. Тварь заполнила коробку почти до краев, и я тут же закрыл ее крышкой.

Старик сунул коробку под мышку.

— Что ж, вперед, мои дорогие.

На пороге кабинета он задержался, чтобы через полуприкрытую дверь «попрощаться» с Барнсом, затем закрыл дверь, остановился у стола секретарши и сказал:

— Я найду к мистеру Барнсу завтра... Нет, еще не знаю во сколько. Предварительно позвоню.

И мы неторопливо двинулись к выходу: Старик прижимал к себе левой рукой коробку с тварью, я настороженно вслушивался, не поднял ли кто тревогу. Мэри без умолку болтала, изображая маленькую дурочку. Старик даже остановился в фойе купить сигару и расспросил клерка, как доехать до нужного нам места, — этаким добродушный старикан, немного бестолковый, но с чрезвычайно высоким самомнением.

Сев в машину, он сказал, куда ехать, и предупредил, чтобы я не превышал скорость. Спустя некоторое время мы остановились у авторемонтной мастерской и заехали

в гараж. Старик велел позвать управляющего, а когда тот явился, сказал:

— Машина срочно нужна мистеру Мэлоуну.

Это была кодовая фраза, я и сам такой пользовался, только в тот раз куда-то торопился «мистер Шеффилд». И я знал, что через двадцать минут от машины останутся только безликие запчасти в ящиках на полках.

Управляющий окинул нас взглядом, отослал двоих механиков из кабинета и коротко ответил:

— Сюда, пожалуйста, через эту дверь.

Мы очутились в квартире престарелой супружеской пары, там я и Мэри стали брюнетами, а Старик вернул свою лысину. У меня появились усы, которые ничего не добавили к моей внешности. Мэри, надо заметить, выглядела с темными волосами ничуть не хуже, чем с рыжими. Вариант «Кавано» отбросили: Мэри превратилась в медсестру, я — в шофера на службе у богатого старика-инвалида — как положено, с пледом и вечными капризами.

На улице нас ждала новая машина. Назад добрались спокойно. Возможно, нам даже незачем было менять морковного цвета шевелюры. Я держал экран настроенным на студию Де-Мойна, но если полиция и обнаружила труп мистера Барнса, репортеры об этом еще не знали.

Мы двинулись напрямик в кабинет Старика — настолько прямо, насколько это было возможно в наших лабиринтах, разумеется, — и там открыли коробку. Перед этим Старик послал за доктором Грейвсом, руководителем биологической лаборатории Отдела, и все делалось при помощи механических манипуляторов.

Оказалось, нам больше нужны не манипуляторы, а противогазы: кабинет наполнила вонь разлагающейся органики, как от гангренозной раны. Пришлось захлопнуть коробку и включить вентиляцию на полную.

— Что это за чертовщина? — спросил Грейвс, брезгливо наморщив нос. — Похоже на мертвого младенца.

Старик вполголоса выругался.

— Это ты мне расскажешь. Работать манипуляторами, в скафандрах, в стерильном боксе, и я запрещаю думать, что эта тварь уже мертва.

— Если она жива, то я — королева Анна.

— Кто тебя знает? Поэтому не рискуй. Вот все, что я могу сказать: это — паразит, способный присасываться к хозяину, например к человеку, и управлять им. Происхождение и метаболизм почти наверняка инопланетные.

Грейвс фыркнул.

— Инопланетный паразит на человеке? Невозможно. Биохимия была бы несовместимой.

Старик только крикнул.

— Черт бы тебя побрал, с твоими теориями! Когда мы захватили его, он прекрасно чувствовал себя на человеке. Если по-твоему это означает, что организм земной, тогда я хочу знать, откуда он взялся и где искать остальных. Хватит предположений. Мне нужны факты.

— Будут тебе и факты! — раздраженно ответил биолог.

— Шевелись. Стоп! Не используй материала больше, чем нужно для твоих исследований. Основная часть мне нужна в качестве доказательства. И выкинь из головы дурацкую мысль, что тварь мертва. Может быть, этот аромат — просто защитная реакция. Живая она чрезвычайно опасна. Если тварь переберется на кого-то из твоих сотрудников, мне, скорее всего, придется его убить.

Последняя фраза несколько поубавила Грейвсу гонора, и он молча вышел.

Старик откинулся на спинку кресла, тяжело вздохнул и закрыл глаза. Казалось, он уснул. Мы с Мэри молчали. Минут через пять он открыл глаза, посмотрел на меня и спросил:

— Сколько «горчичников» размером с тварь, что унес Док, могло прибыть на космическом корабле размером с тот муляж, что мы видели?

— А был ли корабль? — спросил я. — Фактов пока немного.

— Немного, но они неопровержимы. Корабль был. И он все еще где-то там.

— Нам нужно было обследовать место посадки.

— Там бы нас и похоронили. Те шестеро парней тоже не дураки были. Отвечай на мой вопрос.

— Не могу. Размеры корабля все равно ничего не говорят о его грузоподъемности, когда не знаешь тип двигателя,

дальность перелета и какие условия нужны пассажирам... Это как спрашивать, сколько веревки в мотке. Если хочешь ответ с потолка, я бы сказал, этих тварей там бы поместилось несколько сотен, может, несколько тысяч.

— Мм... да, пожалуй. А это значит, что в Айове сейчас бродят несколько сотен или несколько тысяч зомби. Или евнухов, как назвала их Мэри. — Старик на секунду задумался. — Но как пробраться мимо них в гарем? Нельзя же, в самом деле, перестрелять всех сутулых в Айове. — Он едва заметно улыбнулся. — Разговоры пойдут.

— Могу подбросить другой занятный вопросец, — сказал я. — Если вчера в Айове приземлился один корабль, то сколько таких приземлится завтра в Северной Дакоте? Или в Бразилии?

— Да уж... — Старик погрузился. — Я, так и быть, отвечу на твой вопрос. Знаешь, сколько веревки в твоём мотке?

— Сколько?

— Как раз хватит, чтобы удавиться. Идите пока, ребята, отмойтесь и повеселитесь. Может, это последняя ваша возможность. С базы не уходить.

Я отправился в «Косметику», вернул себе прежний цвет кожи, восстановил свой обычный внешний вид, отмок в ванной и побывал у массажиста, затем — прямоком в наш бар. Решил выпить и разыскать Мэри. Я, правда, не представлял себе, как она будет выглядеть — блондинка, брюнетка или рыжеволосая, — но ни секунды не сомневался, что узнаю ножи.

Оказалось, волосы у нее рыжие. Мэри сидела за отгороженным столиком и потягивала напиток. Выглядела она практически так же, как в тот момент, когда я увидел ее впервые.

— Привет, сестренка, — сказал я, втискиваясь рядом.

— Привет, братец. Залезай сюда, — ответила она и подвинулась.

Я заказал бурбон с водой, которые мне были нужны в медицинских целях, а потом спросил:

— Ты и в самом деле так выглядишь?

Она покачала головой:

— Бог с тобой. В действительности у меня две головы и полосы как у зебры. А ты?

— Меня мамаша придушила подушкой, едва увидела, так что я до сих пор не знаю.

Она снова окинула меня оценивающим взглядом, а потом сказала:

— Ее нетрудно понять. Но у меня нервы покрепче, так что все в порядке, братишка.

— Спасибо на добром слове, — ответил я. — И знаешь, давай оставим эти глупости насчет братишек и сестренки. А то я как-то скованно себя чувствую.

— Хм... По-моему, тебе это только на пользу.

— Мне? Нисколько. Я вообще тихий. И очень даже ласковый. — Я мог бы еще добавить, что с такими девушками лучше волю рукам не давать: если ей не понравится, глядишь, и без рук можно остаться. У Старика другие не работают.

Она улыбнулась:

— Да ну? Зато я не ласкова. Во всяком случае, сегодня. — Мэри поставила бокал на стол. — Допивай лучше и повторим.

Что мы и сделали. Мы продолжали сидеть рядом, просто наслаждаясь теплом и — до поры до времени — покоем. При нашей профессии такие минуты выпадают нечасто, и от этого их еще больше ценишь.

Одним из достоинств Мэри было то, что она никогда не врубала свою сексапильность на полную мощность, разве что в профессиональных целях. Наверное, она сознавала... нет, я абсолютно уверен, что она сознавала, какой ударной силой в этом плане обладает. Но она была слишком джентльменом, чтобы испытывать эту силу на живых людях. И она держала свой регулятор на минимуме, как раз чтобы нам обоим было тепло и уютно.

И пока мы так сидели, лениво переговариваясь, мне ни с того ни с сего подумалось, как хорошо Мэри выглядела бы во втором кресле у камина. Работа у меня такова, что раньше я никогда всерьез не думал о супружестве, и вообще, девочки — это только девочки, и незачем раздувать вокруг них ажиотаж. Но Мэри сама была агентом; с ней и поговорить можно по-человечески. Я вдруг понял, что чертовски одинок и тянется это уже очень давно.

— Мэри...

— Да?

— Ты замужем?

— Э-э-э... А почему ты спрашиваешь? Вообще-то, сейчас — нет. Но какое тебе... Я хотела сказать, какое это имеет значение?

— Может, и имеет, — упрямо продолжал я.

Она покачала головой.

— Я серьезно, — продолжал я. — Вот взгляни на меня: руки-ноги на месте, совсем не стар еще и всегда вытираю ноги в прихожей. Чем не пара?

Она рассмеялась, впрочем вполне добродушно:

— Мог бы подготовить текст и получше. Думаю, сейчас ты импровизировал.

— Точно.

— Ладно, за это прощаю. Фактически я уже забыла. Но знаешь, волчара, тебе следует поработать над техникой. Совсем ни к чему терять голову и предлагать женщине брачный контракт только из-за того, что сегодня она оказалась с тобой переспать. Однажды какая-нибудь из них поймает тебя на слове.

— Я не шутил, — сказал я.

— Да? И какое содержание ты предлагаешь?

— Черт возьми, женщина! Если ты настаиваешь на таком контракте, то я и на это согласен. Можешь оставить себе свою зарплату, я готов переводить тебе половину своей.... если не захочешь уходить в отставку.

Она покачала головой:

— Мне это не нужно. Я не стала бы требовать контракта, во всяком случае от мужчины, за которого сама захочу выйти замуж...

— И видимо, ты не хочешь.

— Просто я пыталась доказать, что это у тебя не всерьез. — Мэри внимательно на меня посмотрела. — Хотя, возможно, я ошибалась, — добавила она мягко.

— Да, — сказал я. — Ты ошибалась.

Она снова покачала головой:

— Агентам не следует жениться. Ты и сам это знаешь.

— Агентам не следует жениться ни на ком, кроме агентов.

Она начала отвечать, но запнулась. Мой собственный телефон за ухом заговорил голосом Старика, и я понял, что она слышит то же самое.

— Срочно ко мне в кабинет! — приказал Старик.

Мы молча встали. В дверях Мэри положила руку мне на плечо и посмотрела в глаза:

— Вот поэтому говорить о браке сейчас просто глупо. У нас работа не закончена. Пока мы разговаривали, ты постоянно думал о деле, и я тоже.

— Я не думал.

— Не играй со мной! Сэм... Представь себе, что ты женат и, проснувшись, вдруг видишь одну из тех тварей на плечах у своей жены. Представь, что она управляет твоей женой. — В ее глазах царил ужас, но она продолжала: — А теперь представь, что я проснулась и увидела одну из них у тебя на плечах.

— Готов рискнуть. И я не позволю им подобраться к тебе.

Она прикоснулась к моей щеке:

— Верю.

Когда мы вошли к Старику, он поднял голову только для того, чтобы коротко бросить:

— Отлично. Поехали.

— Куда? — спросил я. — Или мне не следовало задавать этот вопрос?

— В Белый дом. К президенту. А теперь заткнись.

Я заткнулся.

3

В начале лесного пожара или эпидемии есть короткий промежуток, когда их можно остановить минимальными усилиями, если действовать четко и своевременно. Разные умники могут описать это экспоненциальными уравнениями, но не нужна математика, чтобы понять: результат зависит от ранней диагностики и оперативных действий, предпринятых до того, как процесс выйдет из-под контроля. И Старик уже решил, что нужно сделать президенту:

объявить на всей территории страны чрезвычайное положение, оцепить Де-Мойн и окрестности и стрелять в любого, кто попытается оттуда выскользнуть, будь то спаниель или бабушка с печеньем в корзинке. А затем начать выпускать жителей по одному, раздевая и обыскивая на наличие паразитов. Одновременно задействовать радарные службы, ракетчиков и космические станции для обнаружения и уничтожения других кораблей.

Предупредить все страны, включая те, что за железным занавесом, попросить их о помощи, но не очень-то церемониться с международными законами, потому что речь идет о выживании человечества в борьбе против инопланетных захватчиков. И не важно, откуда они пришли — с Марса, с Венеры, со спутников Юпитера или вообще из другой звездной системы. Главное — отразить вторжение.

Старик расколол это дело, проанализировав его, и выработал правильное решение всего за сутки с небольшим. У него была уникальный дар: факты удивительные и невероятные он подчинял логике с такой же легкостью, как и самые обыденные. Вы скажете, не бог весть какой дар? Я лично не встречал никого, кто мог бы вот так запросто это проделать. Большинство людей, столкнувшись с фактами, которые противоречат их убеждениям, вообще перестают соображать. Интеллектуалы и недоумки в такой ситуации говорят одно: «Я просто не могу в это поверить».

Только не наш Старик. А к его мнению прислушивается сам президент.

Охрана из секретной службы работает серьезно. Рентгеноскоп сделал «бип», и мне пришлось сдать лучемет. Мэри оказалась просто ходячим арсеналом: машина подала сигнал четыре раза, потом еще коротко булькнула, хотя я готов был поклясться, что ей даже корешок от налоговой квитанции негде спрятать. Старик отдал свою трость сразу, не дожидаясь вопросов. Видимо, не хотел, чтобы ее просвечивали рентгеном.

Наши аудиокапсулы выявил и рентгеноскоп, и металлоискатель, но у охранников не было оборудования для хирургических операций. Торопливо посоветовавшись с секретарем президента, начальник охраны решил, что пред-

меты, имплантированные под кожей, оружием можно не считать. У нас взяли отпечатки пальцев, сфотографировали сетчатку и тогда только провели в приемную. Старик тут же вошел в кабинет, чтобы встретиться с президентом наедине.

— Интересно, зачем он нас сюда притащил? — спросил я у Мэри. — Старик сам знает все, что знаем мы.

Она не ответила, так что я стал убивать время, мысленно перебирая лазейки в системе президентской безопасности. За железным занавесом это дело налажено куда лучше а тут любой мало-мальски толковый убийца легко вырубил бы всех наших охранников. Меня это даже немного возмутило.

Спустя какое-то время нас пригласили войти. Внезапно на меня накатила такой страх перед сценой, что я шел, не чувствуя ног. Старик нас представил, я что-то, запинаясь, ответил, а Мэри молча поклонилась.

Президент сказал, что рад с нами познакомиться, и «включил» свою знаменитую улыбку — ту самую, что вы часто видели на экране телевизора, — отчего мне сразу поверилось, что он действительно рад встрече. У меня внутри потеплело, и я перестал смущаться. И уже ни о чем больше не беспокоился. Сейчас президент с помощью Старика начнет действовать и вычистит весь тот грязный ужас, который мы видели.

Первым делом Старик приказал мне доложить обо всем, что я делал, видел и слышал, выполняя последнее задание. Я доложил — максимально коротко, но ничего не опуская. Добравшись до того места в рассказе, где мне пришлось убить Барнса, я попытался поймать взгляд Старика, но он смотрел куда-то в пространство, и я не стал упоминать о его приказе стрелять. Сказал просто, что выстрелил, защищая второго агента, Мэри, когда Барнс выхватил пистолет. Старик тут же меня прервал:

— Полный отчет!

Пришлось добавить про его приказ стрелять. Президент бросил на Старика один короткий взгляд и больше никак не отреагировал. Я рассказал о паразите и, поскольку никто меня не останавливал, обо всем, что случилось после, до настоящего момента.

Затем настала очередь Мэри. Она довольно сбивчиво попыталась объяснить президенту, почему рассчитывает на какую-то реакцию со стороны нормальных мужчин — реакцию, которой не было у молодых Маклейнов, полицейского и Барнса, — но тут он сам пришел ей на помощь. Президент улыбнулся и сказал:

— Милая девушка, я вам охотно верю.

Мэри покраснела, президент дослушал ее до конца уже с серьезным выражением лица. Он задал несколько вопросов и на несколько минут задумался. Затем обратился к Старику:

— Эндрю, твой Отдел всегда оказывал мне неоценимую помощь. Как минимум дважды ваши отчеты влияли на решения в переломные исторические моменты.

Старик фыркнул.

— Значит, «нет», так?

— Я этого не говорил.

— Но собирался.

Президент пожал плечами:

— Я хотел предложить, чтобы твои молодые люди нас на время оставили, но сейчас это не важно. Ты, конечно, гений, Эндрю, но и гении ошибаются. Они переутомляются и теряют ясность суждений. Я не гений, но лет сорок назад я научился периодически отдыхать. Как давно ты не был в отпуске?

— К черту твой отпуск! Послушай, Том, я предвидел подобную реакцию. И поэтому привел с собой свидетелей. Они не под наркотиками и не получили никаких инструкций. Можешь вызвать своих психологов — пусть попробуют поймать их на лжи.

Президент замотал головой:

— Ты бы не привел свидетелей, которых можно было расколоть. Я не сомневаюсь, что в подобных вещах ты разбираешься лучше любого специалиста, которого я могу пригласить. Взять, например, вот этого молодого человека, — чтобы выгородить тебя, он готов пойти на риск быть обвиненным в убийстве. Ты буквально вдохновляешь на преданность, Эндрю. А что касается молодой леди — право же, Эндрю, я не могу начать военные действия, опираясь только на женскую интуицию.

Мэри шагнула вперед.

— Господин президент, — сказала она очень серьезно, — я абсолютно уверена в том, что говорю. Я всегда это чувствую. Не могу объяснить, как именно, но те люди не имели ничего общего с нормальными мужчинами.

Он поколебался, потом ответил:

— Да, но вы упускаете из виду вполне очевидное объяснение, — возможно, это и в самом деле, извиняюсь, «евнухи». Такие несчастные, увы, встречаются. И по законам вероятности вам запросто могли встретиться четверо за один день.

Мэри умолкла. Зато заговорил Старик:

— Черт побери, Том! — (Я даже вздрогнул: ну разве можно так разговаривать с президентом?) — Я ведь знал тебя еще в те дни, когда ты работал в сенатской комиссии, а сам я был у тебя главной ищейкой. И ты прекрасно понимаешь, что я не пришел бы к тебе с подобной сказкой, если бы мог найти какое-то другое объяснение. Как насчет космического корабля? Что там внутри? Почему я не мог попасть на место посадки? — Старик вытащил снимок, сделанный с космической станции «Бета», и сунул его под нос президенту.

Это, однако, не произвело на того никакого впечатления.

— Ах да, факты. Эндрю, мы оба с тобой равнодушны к фактам. Но, кроме твоего Отдела, у меня есть и другие источники информации. Вот этот снимок, например. Ты, когда звонил, особо подчеркивал важность фотоснимка. Я проверил эти факты. И местоположение фермы Маклейнов, указанное в земельных книгах округа, полностью совпадает с координатами объекта на этой фотографии. — Президент поднял взгляд и посмотрел на Старика в упор. — Однажды я по рассеянности свернул не в тот квартал и заблудился в своем родном районе. А ведь там, Эндрю, был даже не твой район.

— Том...

— Что, Эндрю?

— Ты, случайно, не сам ездил проверять карты округа?

— Нет, разумеется.

— Слава богу, а то бы сейчас у тебя на плечах уже висело фунта три пульсирующего желе — и тогда храни Господь Соединенные Штаты! Можешь не сомневаться: и клерк в столице округа, и агент, которого ты послал, уже таскают на плечах таких паразитов. — Старик задумчиво посмотрел на потолок. — Да, и шеф полиции Де-Мойна, и редакторы местных газет, и авиадиспетчеры, и полицейские — короче, все люди на всех ключевых постах. Том, я не знаю, с чем мы столкнулись, но они-то наверняка понимают, что собой представляем мы, и планомерно отсекают нервные клетки социального организма, прежде чем эти клетки смогут послать сигналы. Или же взамен истинной выдают ложную информацию, как в случае с Барнсом. Так что, господин президент, вы должны немедленно отдать приказ о жесточайших карантинных мерах в этом регионе. Другого пути нет!

— Да, Барнс... — тихо проговорил президент. — Эндрю, я надеялся, что мне не придется прибегать к этому... — Он щелкнул тумблером на селекторе. — Дайте мне станцию стереовещания в Де-Мойне, кабинет директора.

Экран на его столе засветился почти сразу. Президент нажал еще одну кнопку, и включился большой настенный экран. Мы увидели кабинет, в котором побывали всего несколько часов назад.

Почти весь экран заслоняла фигура человека — и это был Барнс.

Или его двойник. Если мне случается кого-то убить, эти люди никогда не восстают из мертвых. Увиденное меня потрясло, но все же я верю в себя. И в свой лучемер.

— Вы меня вызывали, господин президент? — спросил человек на экране. Судя по голосу, он был несколько ошарашен оказанной ему честью.

— Да, благодарю вас. Мистер Барнс, вы узнаете кого-нибудь из этих людей?

На лице Барнса появилось удивленное выражение.

— Боюсь, что нет. А должен?

Тут вмешался Старик:

— Скажите ему, чтобы пригласил в кабинет своих сотрудников.

Президент удивился, но просьбу выполнил. «Барнс» выглядел озадаченным, но подчинился. В кабинете появилось еще несколько человек, в основном девушки, я узнал секретаршу, что сидела в приемной Барнса. «Ой, да это же президент!» — пискнула вдруг одна из девушек, и они все разом загалдели.

Никто из них нас не узнал. В отношении меня и Старика это неудивительно, но Мэри выглядела так же, как и тогда, а я готов спорить, что у любой женщины, которая ее видела, образ Мэри врезался в память навсегда.

И еще я заметил: все они сугулились.

После этого президент нас просто выпроводил. Прощаясь, он положил руку Старiku на плечо и сказал:

— Серьезно, Эндрю, возьми отпуск. — Он опять сверкнул своей знаменитой улыбкой. — Страна без тебя не рухнет в одночасье — я подопру ее своим плечом, пока ты не вернешься.

Спустя десять минут мы уже стояли на холодном ветру на платформе Рок-Крик. Старик словно стал меньше ростом, он впервые показался мне настоящим стариком.

— Что теперь, босс?

— А? Для вас — ничего. Вы оба в отпуске до дальнейших распоряжений.

— Я бы хотел еще раз заглянуть к Барнсу.

— В Айову не суйся. Это приказ.

— Мм... А что ты собираешься делать, если не секрет?

— Ты же слышал президента? Собираюсь махнуть во Флориду. Лягу на горячий песок и буду ждать, пока весь мир не полетит к чертям. Если у тебя хватит ума, ты поступишь так же. Времени осталось совсем немного.

Он расправил плечи и двинулся прочь. Я обернулся, чтобы переговорить с Мэри, но она уже ушла. Его совет прозвучал чертовски хорошо, и мне внезапно пришло в голову, что дожидаться конца света в ее компании будет не так уж плохо. Я быстро огляделся по сторонам, но на платформе ее не было. Тогда я побежал и догнал Старика.

— Прошу прощения, босс, — спросил я, — а куда ушла Мэри?

— А? Конечно отдыхать, куда же еще? Все. Меня не беспокоить.

Я хотел разыскать Мэри по собственной системе связи Отдела, но вспомнил, что не знаю ни ее настоящего имени, ни позывного, ни идентификационного номера. Я подумал было искать ее по описанию, но решил, что это будет просто глупо. Только в «Косметике» знают, как на самом деле выглядит агент, а они ничего не скажут. Я знал только, что она дважды ходила на задание рыжеволосой, по крайней мере один раз — по собственному выбору, и что выглядела она — на мой вкус — как объяснение, «почему мужчины дерутся». Попробуйте-ка пробейте это по телефону!

Короче, я просто снял номер в гостинице. А когда снял, задумался, почему не уехал из столицы и не вернулся в свою квартиру. Потом я задумался — а там ли еще моя блондинка. Потом задумался, кто она вообще такая, эта блондинка. Потом я уснул.

4

Проснулся я уже в сумерках. В номере имелось настоящее окно — в Отделе хорошо платят, и я могу себе позволить немного роскоши. И теперь я смотрел в окно, наблюдая, как оживает с приходом ночи столица. Огибая мемориальный комплекс, уходила вдаль река. Было лето, и выше по течению, за границей округа, в воду добавляли флуоресцин, отчего река светилась в ночи переливами розового, янтарного и алого цвета. По ярким полосам сновали туда-сюда маленькие прогулочные катера с парочками, у которых, без сомнения, «одно на уме».

На суше, то здесь, то там, посреди старых зданий зажигались прозрачные купола, превращая город в какую-то сияющую сказочную страну. К востоку, где в свое время упала бомба, старых домов не было вообще, и весь район казался огромной корзиной с подсвеченными изнутри пасхальными яйцами.

Из-за своей работы мне приходилось видеть столицу ночью чаще, чем большинству людей, и мне здесь нравилось, хотя я никогда раньше об этом не задумывался. А сегодня у меня возникло такое чувство, будто это в последний раз. Город был так красив! Но не от красоты сдавливало горло — от понимания, что там, внизу, под покровом мягкого света, — люди, живые люди, личности, и все заняты обычными своими делами, любят, ссорятся, как кому нравится, — короче, каждый делает, черт побери, что ему хочется, «под своей виноградной лозой и под своей смоковницей», и, как там сказано, «никто их не устрашает»¹.

Я думал обо всех этих милых добрых людях (за исключением парочки случайных подонков) и представил себе, что на каждом сидит присосавшийся за плечами серый слизняк, который двигает их ногами и руками, заставляет говорить, что ему нужно, и идти, куда ему хочется.

Черт бы все побрал, даже под комиссарами жизнь не настолько скверная! Я знаю, о чем говорю, — я был за железным занавесом. Подумав об этом, я дал себе клятву: если победят паразиты, я лучше погибну, но не позволю такой твари ездить у меня на спине, как одна из них каталась на Барнсе. Агенту Отдела это несложно, достаточно откусить ноготь, а если руки связаны или еще что, есть множество других способов. Старик планирует на все случаи жизни.

Но он планировал подобные штуки совсем для иных целей, и я это знал. Наше с ним дело — охранять безопасность тех людей внизу, а вовсе не сбегать, когда приходится слишком туго.

Но сделать сейчас я все равно ни черта не мог. Я отвернулся от окна и подумал, что мне, пожалуй, не хватает компании. В комнате оказался стандартный каталог «эскорт-бюро» и «модельных агентств», какой можно найти почти в каждом большом отеле, за исключением, быть может, «Марты Вашингтон»²; я полистал его, поглазел на девочек и захлопнул. Мне не нужны были бедовые девчонки, мне

¹ «Но каждый будет сидеть под своей виноградной лозой и под своей смоковницей, и никто не будет устрашать их» (Мих. 4: 4).

² «Марта Вашингтон» — первоначально чисто женский отель на Манхэттене, предназначенный для белых женщин среднего класса.

нужна была одна, конкретная, острая на язык девчонка, которая стреляет так же легко, как пожимает руку. Но я не знал, где ее искать.

У меня всегда при себе пузырек с пилюлями «темпус фугит»¹, большинство агентов носит их в кармане, потому что никто не знает, когда потребуется встряхнуть рефлекс, чтобы справиться с трудными ситуациями. И что бы там ни писали всякие паникеры, «темпус» вовсе не вызывает зависимости, как его ближайший аналог гашиш.

Хотя, конечно, какой-нибудь пурист мог бы сказать, что я на него подсел, потому что у меня вошло в привычку принимать «темпус» — время от времени, чтобы свободные сутки показались неделей отпуска. Признаю, что мне нравится легкая эйфория, которую вызывает таблетка в виде побочного эффекта. Но главное — это свойство растягивать субъективное время в десять и более раз, дробить его на мельчайшие отрезки, за счет чего в те же календарные сроки можно прожить гораздо дольше.

Что в этом плохого? Да, разумеется, я знаю ту жуткую историю о человеке, который состарился и умер за месяц, потому что принимал пилюли одну за другой, но я пользуюсь ими лишь изредка.

А может быть, этот человек знал, что делал. Он прожил долгую счастливую жизнь — не сомневайтесь, счастливую — и в конце концов умер тоже счастливым. Какая разница, что солнце вставало для него только тридцать раз? Кто ведет счет счастью и устанавливает правила?

Я сидел, глядя на пузырек с таблетками, и думал, что там достаточно — по моему личному времени — года на два. Если захочу, я могу забраться в норку и закрыть вход...

Я встряхнул на ладонь две штуки, налил стакан воды. Потом сунул их обратно в пузырек, нацепил пистолет и аппарат связи, вышел из отеля и направился в Библиотеку конгресса.

По дороге остановился в баре, по-быстрому пропустил рюмочку и посмотрел выпуск новостей. Из Айовы ничего

¹ Латинское выражение «tempus fugit», означающее «время бежит» и почерпнутое из Вергилия: «Между тем бежит, бежит безвозвратное время» («Георгики», III, 284).

не было, но, с другой стороны, когда в Айове вообще что-нибудь случается?

В библиотеке я сразу прошел в общий каталог, уткнулся глазами в бленду и начал просматривать ссылки: от «летающих тарелок» к «летающим дискам», потом к «проекту „Блюдец“»¹, затем пошли «огни в небе», «болиды», «диффузионная теория космического происхождения жизни», а также две дюжины тупиковых маршрутов и всякая околону научная мура для чокнутых. Где руда, а где пустая порода? Только со счетчиком Гейгера и определишь. Тем более что самая нужная информация прячется, возможно, где-нибудь между баснями Эзопа и мифами об Атлантиде.

Тем не менее через час у меня уже скопилось две горстки селекторных карточек. Я вручил их весталке за стойкой, и та принялась скормливать их машине. Наконец она закончила и произнесла:

— Большинство пленок, что вы заказали, уже выданы. Остальные документы доставят в зал девять-а. Воспользуйтесь южным эскалатором, пожалуйста.

В зале 9-а работал только один человек. Когда я вошел, этот человек поднял голову и сказал:

— Ну и ну! Волчара собственной персоной. Как ты меня вычислил? Я была уверена, что ушла чисто.

— Привет, Мэри, — сказал я.

— Привет, — ответила она, — и давай до свидания. Я все еще не стала ласковой, и мне нужно работать.

Я разозлился:

— Знаешь что, грубиянка, тебе это может показаться странным, но я пришел сюда отнюдь не ради твоих, без сомнения, прекрасных глаз. Время от времени я тоже, случается, работаю. Но можешь успокоиться: как только мои пленки придут, я смоюсь отсюда к чертовой матери и найду себе другой зал. Только для мальчиков.

Она тут же смягчилась и, вместо того чтобы открыть ответный огонь, сказала:

— Извини, Сэм. Когда женщине приходится выслушивать одно и то же по тысяче раз на дню, ей начинает казаться, что никаких других тем и не бывает. Садись.

¹ «Блюдец» — официальный проект изучения НЛО, осуществленный ВВС США в 1948 г. и рассекреченный в 1956 г.

— Да нет, спасибо, — ответил я. — Лучше поищу свободную комнату. Мне на самом деле нужно поработать.

— Останься, — попросила она. — Видишь, что там написано? Если ты вынесешь пленки из того зала, куда они были доставлены, у сортировочной машин все лампы перегорят от натуги, а у главного библиотекаря будет нервный срыв.

— Я их верну обратно, когда закончу.

Она взяла меня за руку, и я почувствовал, как у меня по коже побежали приятные теплые мурашки.

— Ну пожалуйста, Сэм. Извини меня.

Я сел и ухмыльнулся:

— Теперь меня никто не заставит уйти. Я не ожидал тебя здесь встретить, но теперь, когда мы оба здесь, я не выпущу тебя из виду, пока не узнаю твой номер телефона, адрес и настоящий цвет волос.

— Волчара, — тихо сказала Мэри, наморщив носик. — Ты никогда не узнаешь ни того, ни другого, ни третьего.

Она демонстративно уткнулась в визор проекционной машины, словно меня рядом и не было. Но я видел, что она не сердится.

Труба пневмодоставки глухо икнула, и мои пленки повалились в приемный лоток. Я сложил их стопкой рядом с соседним проектором, но одна покатилась, ударилась о стопку кассет, что просматривала Мэри, и они рассыпались по столу. Я взял, как мне показалось, свою пленку, взглянул сначала на одну сторону, где стоял серийный номер и точечный код для селекторной машины, перевернул, прочел название и положил в свою стопку.

— Эй! — сказала Мэри. — Это моя!

— Черта с два! — вежливо возразил я.

— Нет, моя! Я заметила этикетку, когда ты ее переворачивал. Я собиралась смотреть ее следующей.

Рано или поздно, но до меня всегда доходит очевидное. Мэри пришла сюда не для того, чтобы изучать историю обуви начиная со Средневековья. Я взял несколько ее пленок и прочел названия на этикетках.

— Так вот почему нужные мне пленки оказались на руках, — сказал я. — Но ты не довела работу до конца. Я на-

шел кое-что, что ты пропустила. — И я придвинул ей свою стопку.

Мэри просмотрела названия и сгребла все пленки в одну кучу.

— Разделим на двоих или каждый просмотрит все?

— Давай пополам, чтобы отсеять мусор, а потом вместе пробежимся по оставшимся, — решил я. — Поехали.

Даже после того, как я своими глазами увидел паразита на спине бедняги Барнса, после заверений Старика о том, что тарелка действительно приземлилась, я оказался не готовым к тем горам фактов, что можно обнаружить в информационных завалах обычной публичной библиотеки. Черт бы побрал Дигби с его оценочной формулой! Этот Дигби был в душе просто флоксиносинигилипилификатор¹, который не верил ничему, что нельзя пощупать руками и попробовать на зуб.

Факты неопровержимо свидетельствовали, что Землю посещали инопланетные корабли, причем неоднократно.

Множество сообщений было зарегистрировано еще до выхода человечества в космос — начиная с семнадцатого века и даже раньше, хотя вряд ли можно считать достоверными сообщения тех времен, когда «наука» означала ссылки на Аристотеля. Первые систематизированные данные появились в США в 40-е и 50-е годы двадцатого века. Следующий всплеск пришелся на 80-е, в основном из Русской Сибири. Достоверность этих сообщений трудно было оценивать, поскольку не было никаких прямых подтверждений от наших разведчиков, а ко всему, что появляется из-за железного занавеса, по определению следовало относиться как к фальшивке.

Я заметил некую закономерность и начал выписывать даты. Выходило, что странные объекты в небе появлялись в большом количестве примерно с тридцатилетней периодичностью. Я сделал себе пометку: пусть с этим поработает аналитик, разбирающийся в статистической обработке

¹ *Флоксиносинигилипилификатор* — шуточное слово, составленное студентами Итона из нескольких латинских слов (*floccus* + *nausum* + *nihilum* + *pilus*) с общим значением «ничто», «пустяк» и означающее человека, который все считает ненужным и бесполезным.

данных, или, еще лучше, можно скормить эти данные Старику, и он сразу увидит правильный ответ в хрустальном шаре, который служит ему мозгом.

Тема летающих тарелок была напрямую связана с «таинственными исчезновениями», и не только потому, что они обе проходили по одной категории, вместе с морскими змеями, кровавыми дождями и прочими необъяснимыми явлениями, но и потому, что по крайней мере в трех хорошо задокументированных случаях пилоты, преследовавшие тарелки, не возвращались на базу и не садились где-либо еще. Официальные инстанции в таких случаях сообщали: «Разбился и не найден» — самая простая отмазка в подобных ситуациях.

Мне в голову пришла новая мысль, и я решил проверить, подчиняются ли таинственные исчезновения тридцатилетнему циклу, и если да, не соответствует ли он циклу движения какого-нибудь из объектов звездного неба. Это походило на правду, но я не был уверен: слишком много было данных и очень малы отклонения от среднего. Ведь каждый год множество людей исчезает по иным причинам — от потери памяти до невыносимой тещи.

Но записи актов гражданского состояния велись в течение длительного времени, и не все они были утрачены во время бомбежек. Я пометил это себе, чтобы потом отдать в работу профессиональным аналитикам.

Тот факт, что сообщения вроде бы группировались компактно географически или даже политически, я даже не особо пытался трактовать. Интуитивная гипотеза у меня была только одна. Поставьте себя на место захватчиков; если вы изучаете чужую планету, станете ли вы равномерно обследовать ее всю целиком или выделите области, которые вам показались интересными (какими бы критериями отбора вы ни пользовались), а затем сосредоточитесь на них?

Это было всего лишь предположение, и я готов был отказаться от него ради завтрака, если что.

За ночь работы мы с Мэри не обменялись и тремя словами. Затем, потягиваясь, встали. Я одолжил ей мелочь, чтобы опустить в машину и сделать микрокопии тех запи-

сей, которые она отметила (и почему женщины никогда не носят с собой мелочь?), и выкупил свои кассеты.

— Ну и каков приговор? — спросил я.

— Я чувствую себя как воробей, который построил симпатичное гнездышко в водосточном желобе.

Я процитировал стишок¹ и сказал:

— Видимо, с нами будет то же самое: ничему не научившись, мы опять построим гнездо в желобе.

— О нет! Сэм, надо срочно что-то делать! Нужно убедить президента. Тут прослеживается четкая закономерность: на этот раз они пришли, чтобы остаться.

— Может быть. Думаю, все так и есть.

— Но что же нам делать?

— Лапушка, пришло время тебе понять, что в стране слепых даже одноглазому приходится несладко.

— Не будь циником. Времени нет.

— Верно, нет. Пошли.

Когда мы уходили, рассвет уже занимался и библиотека был почти пуста.

— Вот что, — сказал я. — Давай возьмем бочонок пиwa, отвезем ко мне в гостиницу и все это хорошенько обговорим.

Она покачала головой:

— Только не к тебе в гостиницу.

— Черт! Это же по делу!

— Поехали ко мне домой. Всего две сотни миль. Я приготавливаю завтрак.

Я вовремя вспомнил основную цель своей жизни, так что не забыл плотоядно ухмыльнуться:

— Это самое лучшее предложение за сегодняшнюю ночь. Но если серьезно: почему не ко мне? Мы бы позавтракали там и сэкономили полтора часа на дороге.

— Не хочешь ко мне домой? Я не кусаюсь.

— Жаль, я на это рассчитывал. Я бы тогда ответил... Нет, мне просто интересно: с чего вдруг такая перемена?

¹ В стихке («He was a bloody sparrow. Lived up a bloody spout») воробья смывает ливень, потом воробей обсыхает и возвращается в желоб. Более известен детский вариант этого стихка (без сквернословия), где вместо воробья фигурирует паучок.

— Ну, может быть, я хотела показать тебе медвежьи капканы, которые красиво расставила вокруг своей кровати. А может, доказать, что я умею готовить. — На ее щеках появились маленькие ямочки.

Я тормознул такси, и мы отправились к ней домой.

Когда мы вошли внутрь, она оставила меня в прихожей, а сама тщательно обследовала квартиру. Вернувшись, она сказала:

— Повернись. Хочу пощупать твою спину.

— Какого...

— Повернись!

Я заткнулся и сделал то, что она просила. Мэри хорошо простучала костяшками пальцев мою спину, а потом сказала:

— Теперь можешь проверить меня.

— С удовольствием! — Однако я уже понял, к чему она клонит, и отнесся к делу серьезно. Под платьем не оказалось ничего, кроме девушки и нескольких смертоносных игрушек.

Она повернулась ко мне лицом и облегченно вздохнула.

— Вот поэтому я и не хотела ехать к тебе в гостиницу. Тут мы в безопасности. Первый раз чувствую себя в безопасности, с тех пор как увидела эту тварь на спине директора станции. Квартира полностью герметична. Уходя, я всегда отключаю воздух и оставляю ее запечатанной, как банковское хранилище.

— А что насчет кондиционеров? Может эта тварь пробраться через воздуховод?

— Наверное. Но я не включала кондиционер. Вместо этого открыла резервный баллон, что стоит на случай налета. Так что не бери в голову. Что тебе приготовить?

Я бы предпочел саму Мэри, сервированную на тостике с листиком салата, но вместо этого спросил:

— Нет ли надежды на двухфунтовый стейк, лишь самую малость подогретый?

Мы поделили на двоих пятифунтовый стейк, и я клянуся, что съел меньшую половину. За едой мы смотрели программу новостей, но из Айовы по-прежнему ничего не было.

Медвежьих капканов я так и не увидел: Мэри просто заперла дверь в спальню. Я обнаружил это, когда попытался ее открыть. Спустя три часа Мэри меня разбудила, и мы позавтракали во второй раз. Потом мы закурили, и я включил выпуск новостей. Он был посвящен в основном показу претенденток от разных штатов на звание Мисс Америка. Раньше я с удовольствием смотрел эти шоу, но не сейчас. И поскольку никто из претенденток не сутулился, а их конкурсные костюмы не скрыли бы даже следа от комариного укуса, я быстро потерял интерес к передаче.

— Итак, — спросил я, — что будем делать?

— Надо систематизировать факты, которые мы откопали, и ткнуть президента в них носом. Нужна по-настоящему глобальная операция национального масштаба.

— И как это сделать?

— Нужно снова с ним встретиться.

— Как? — повторил я.

Ответа у нее не было.

— У нас есть только один маршрут — по официальным каналам, — сказал я, — через Старика.

Я попытался связаться с ним, используя оба наших кода, чтобы Мэри тоже участвовала в разговоре, но в ответ услышал:

— Первый заместитель Олдфилд. Я за Старика — он сейчас недоступен. Выкладывайте.

— Мне нужен сам Старик.

Последовала пауза, после чего он сказал:

— Ни одного из вас в моем списке людей на заданиях нет. Это служебное или личное дело?

— Пожалуй, личное.

— По личным вопросам я вас соединять не стану, а все служебные можете решать со мной.

Я поблагодарил Олдфилда и отключился, чтобы не наговорить ему лишнего. Потом набрал еще один номер. У Старика есть специальный канал связи, в дополнение к обычным, этим сигналом его из могилы поднять можно, но не дай бог кому-то из агентов воспользоваться кодом без важного повода. Я сам им пять лет не пользовался.

Старик ответил букетом ругательств.

— Босс, — перебил я его, — это насчет Айовы...

Он сразу утихомирился:

— Да?

— Мы с Мэри за ночь кое-что накопили в архивах и хотели бы все это с вами обсудить.

Вновь ругательства. Он распорядился передать данные в аналитический отдел и добавил, что при следующей встрече оторвет мне уши.

— Босс! — рявкнул я.

— А?..

— Если вы хотите все бросить, мы готовы сделать то же самое. Мы с Мэри уходим из Отдела прямо сейчас, считайте это официальным заявлением.

Мэри вскинула брови, но промолчала. Старик тоже замолчал надолго. Я уж думал, что он отключился, — как вдруг он выдал усталым голосом:

— Отель «Палмглейд», на севере Майами-Бич. Я на пляже, третий с края.

— Вылетаем.

Я заказал такси, и мы поднялись на крышу. Я посоветовал таксисту сделать крюк над океаном, чтобы не нарваться на полицейские радары над Каролиной, и мы очень быстро добрались.

Старик прекрасно загорел. Он выслушал наш доклад, с мрачным видом просеивая между пальцами песок. Я даже прихватил с собой маленький проектор, чтобы он мог сам просмотреть записи.

Когда мы дошли до тридцатилетнего цикла, Старик резко вскинул голову, но позволил продолжать, до тех пор пока мы не дошли до вопроса о возможности такой же цикличности в исчезновениях. Тут он нас прервал и связался с Отделом:

— Дайте мне аналитиков. Алло, Питер? Это босс. Мне нужен график необъяснимых исчезновений начиная с тысяча восьмисотого года. Чьих? Людей, конечно же, а не ключей от машины. Сгладишь известные факторы и отбросишь стабильный уровень. Мне нужны скачки и спады. Когда? Два часа назад. Ну чего ты еще ждешь?

Отключившись, он с трудом поднялся на ноги, позволил мне вручить ему трость и сказал:

— Ладно, пора возвращаться к станку. Тут мы ничего не сделаем.

— В Белый дом? — с надеждой спросила Мэри.

— Что? Когда ты повзрослеешь? У вас нет ничего такого, что могло бы убедить президента.

— А что же тогда?

— Еще не знаю. И если ничего в голову не приходит, лучше пока помолчи.

Естественно, Старик держал под рукой машину, и мне пришлось ее вести. Передав управление автопилоту, я сказал:

— Босс, кажется, я придумал один фокус, который сможет убедить президента, но вы должны заставить его посидеть тихо пару минуток.

Старик фыркнул.

— План такой: послать двух агентов в Айову — скажем, меня и еще кого-то. Второй агент будет постоянно снимать меня телекамерой. Ваша задача — заставить президента смотреть.

— А предположим, ничего не случится?

— Ну уж я позабочусь, чтобы случилось. Отправлюсь прямо к месту посадки, прорвусь. У вас будут снимки настоящего корабля, с близкого расстояния, и их увидят прямо в Белом доме. А затем я отправлюсь в контору к Барнсу и займусь этой сутулой компанией. Буду сдирать рубашки прямо перед камерой. Просто вскрою этот гадюшник, без всякой деликатности.

— Ты понимаешь, что шансов у тебя не больше, чем у мыши на кошачьем съезде?

— Я в этом не уверен. Насколько я видел, у этих тварей нет никаких сверхчеловеческих способностей. Готов поспорить, что они жестко ограничены возможностями человеческого тела, которым управляют, или и того меньше. Я вовсе не собираюсь записываться в мученики. И в любом случае вы получите хорошую картинку.

— Хм...

— Это может сработать, — вставила Мэри. — Вторым агентом буду я. Я умею...

— Нет! — сказали мы со Стариком одновременно.

Я тут же покраснел: говорить это — не моя прерогатива. Мэри продолжила:

— Я хотела сказать, что это вполне логичный выбор, поскольку я обладаю... э-э-э... даром выявлять мужчин, которых оседлали паразиты.

— Нет, — повторил Старик. — В этом не будет необходимости. Там, куда он собрался, они все с паразитами. Будем так считать, пока не получим доказательств обратного. Кроме того, я приготовил для тебя кое-что другое.

Мэри следовало бы помолчать, но она спросила:

— Какое? Что может быть важнее?

Вместо того чтобы огрызнуться, Старик спокойно сказал:

— Это задание также важно. Я планирую сделать тебя телохранителем президента, как только смогу убедить его, что дело серьезное.

— О! — Она на секунду задумалась. — Однако, босс...

— Что еще?

— Я не уверена, что сумею выявить женщину с паразитом. Я для этого, э-э-э... не оборудована.

— Что ж, значит, мы уберем от него всех секретарш. И, Мэри... тебе придется следить за самим президентом тоже. Он, видишь ли, тоже мужчина.

Она задумалась.

— Предположим, я решу, что один из них, несмотря ни на что, до него добрался?

— Тогда ты сделаешь то, что нужно, кресло займет вице-президент, а тебя расстреляют за измену. Вот и все. Однако вернемся к первому плану. Мы пошлем Джарвиса с камерой, и, пожалуй, я добавлю Дэвидсона в качестве дополнительного прикрытия. Пока Джарвис будет снимать тебя, Дэвидсон будет следить за ним, а ты при случае будешь вполглаза приглядывать за Дэвидсоном. Такой веселый хоровод.

— Значит, думаете, нам это удастся?

— Вообще-то, нет, но любой план лучше, чем никакого. И может быть, это их немного расшевелит.

Мы — Джарвис, Дэвидсон и я — отправились в Айову, а Старик вернулся в Вашингтон. И увез с собой Мэри. Перед самым отъездом она приперла меня к стенке, схватила за уши, крепко поцеловала и сказала:

— Постарайся вернуться, Сэм.

Во мне все зазвенело и заиграло, и я почувствовал себя пятнадцатилетним мальчишкой. Должно быть, впал в детство.

Дэвидсон приземлил машину сразу за рухнувшим мостом, что мы обнаружили в первую поездку. Я указывал, куда ехать, пользуясь крупномасштабной топографической картой, где было отмечено настоящее место посадки космического корабля. В качестве отправной точки мост подходил идеально. За две десятых мили к востоку от места мы свернули с дороги и двинулись к цели напрямик, через кустарник. Никто не попытался нас остановить.

Мы были почти у цели, когда наткнулись на след пожара и решили пройти пешком. Место, указанное на снимке с орбиты, располагалось как раз в центре пожарища, но никакой летающей тарелки там не было. А чтобы доказать, что она тут когда-то садилась, понадобился бы детектив лучше меня. Огонь уничтожил все следы, если они когда-то и были.

Джарвис старательно заснял все, но я уже понял, что этот раунд слизняки у нас опять выиграли. По дороге к машине нам встретился престарелый фермер. Согласно инструкции, мы сохраняли безопасную дистанцию, хотя он выглядел безобидно.

— Ничего себе пожарчик, — заметил я, заходя сбоку.

— Да уж, — сокрушенно ответил он. — Две мои лучшие дойные коровы сгорели, беда прямо. А вы репортеры?

— Ага, — согласился я, — но, похоже, зря мы сюда ехали.

Мне сейчас очень не хватало Мэри. Возможно, этот тип сутулился от природы. Но если Старик прав насчет корабля — а он должен быть прав, — то этот с виду деревенский простофиля знает о нем и, следовательно, покрывает пришельцев. А значит, у него на спине — паразит.

Я решил, что должен попытаться. Поймать живого паразита и заснять его для Белого дома было гораздо проще

в лесу, чем где-нибудь в людном месте. Я бросил взгляд на своих товарищей: они ждали моего сигнала; Джарвис снимал непрерывно.

Когда фермер повернулся, я сбил его с ног, упал сверху и вцепился в рубашку. Джарвис подскочил ближе и приготовился снимать крупным планом. Дэвидсон сместился в сторону, чтобы прикрывать нас. Фермер и охнуть не успел, а я уже оголил ему спину.

И там было чисто. Так же чисто, как у меня, — ни паразита, ни каких-либо его следов. И на всех других местах, которые я проверил, прежде чем отпустил фермера.

Я помог ему подняться и отряхнуть одежду — он весь перепачкался в пепле, да и я вместе с ним.

— Виноват, — сказал я, — произошла ужасная ошибка.

Фермер трясся от злости:

— Чтоб тебе пусто было, ты... ты!.. — Видимо, он даже не мог с ходу подобрать для меня достаточно сильных выражений, только губы дрожали. — Я на вас в полицию пожалуюсь! А будь мне лет на двадцать поменьше, так я бы и сам всех троих отделал!

— Извини, отец, ошибка вышла.

— Ошибка! — Его лицо скривилось, и я подумал, что он вот-вот заплачет. — Возвращаюсь из Омахи, а у меня тут пожарище, половина запасов пропала, и зятя нигде нет. Выхожу посмотреть, кто тут шастает по моей земле, а меня чуть на куски не порвали. Ничего себе ошибка! Куда катится этот мир?!

Наверно, я мог бы ему объяснить куда, но не стал. Хотел предложить ему денег, чтобы как-то загладить вину, но он ударил меня по руке, и деньги полетели на землю. Поджав хвосты, мы убрались.

Уже в машине Дэвидсон спросил:

— Ты уверен, что все идет как надо?

— Положим, я могу ошибиться, — сердито ответил я, — но ты когда-нибудь слышал, чтобы ошибался Старик?

— Мм... нет. Я о таком не слышал. Куда теперь?

— Прямо на студию стереовещания. Там-то уж точно ошибки не будет.

— Как бы то ни было, — подал голос Джарвис, — а картинку я записал отличную.

Я не ответил.

На въезде в платную зону Де-Мойна контролер долго мешкал и не принимал плату. Он заглянул в свой блокнот, потом на наши номерные знаки и сказал:

— Шериф сообщил, что эта машина в розыске. Давайте направо, — и опустил шлагбаум.

— Направо так направо, — не стал спорить я, сдал футов тридцать назад и выжал газ на полную. Машины у нас в Отделе укрепленные, с форсированными движками, что оказалось весьма кстати: барьер тоже сделали на совесть. Миновав заставу, я даже не притормозил.

— Это было занятно, — мечтательно произнес Дэвидсон. — Ты по-прежнему уверен, что все идет как надо?

— Прекрати болтовню! — прикрикнул я. — Может, я и сумасшедший, но я все еще твой начальник. И запомните, вы оба: скорее всего, мы оттуда не выберемся. Но мы обязаны получить эти кадры.

— Как скажешь, шеф.

Если и была погоня, то я от них оторвался. Я резко затормозил перед входом в студию, мы высыпались из машины и ринулись вперед. Тут уже не до мягких методов дядюшки Чарли. Мы просто влетели в лифт, я нажал кнопку этажа, где размещался кабинет Барнса, мы поднялись и оставили лифт открытым. Секретарша в приемной попыталась нас остановить, но мы, не обращая на нее внимания, двинулись дальше. Девушки за другими столами оторвались от работы и уставились на нас. Я подошел к двери Барнса и дернул за ручку. Заперто. Я повернулся к его секретарше:

— Где Барнс?

— Простите, как мне доложить? — Бесстрашно и вежливо.

Я увидел, что кофточка бугрится над ее плечами. Горбатая. Боже, подумал я, ну уж теперь-то наверняка. Она была здесь, когда я убил Барнса. И, перегнувшись через стол, я задрал ее кофточку.

Точно! Я не мог ошибиться. Уже во второй раз я смотрел на живого паразита.

Меня резко затошнило, но некогда было отвлекаться. Она сопротивлялась, царапалась и даже пыталась меня укусить. Я врезал ей по шее ударом дзюдо, едва не вмазавшись в слизняка, и она обмякла. Потом на всякий случай ткнул ее тремя пальцами под дых, развернул и заорал:

— Джарвис! Крупный план!

Этот идиот копался с камерой, повернувшись ко мне своим толстым задом, затем выпрямился и сказал:

— Абзац. Лампа сдохла.

— Замени ее — живо!

В дальнем конце приемной поднялась из-за стола стенографистка и выстрелила, но не в меня и не в Джарвиса, а в камеру. Попала, но мы с Дэвидсоном тут же уложили ее. Словно по сигналу, сразу шестеро бросились на Дэвидсона. Оружия у них, похоже, не было, и они просто навалились на него все вместе.

Я все еще держал секретаршу и стрелял из-за стола. Уловив краем глаза какое-то движение, повернулся и обнаружил в дверях кабинета Барнса — Барнса номер два. Я выстрелил ему в грудь, чтобы наверняка зацепить паразита, который, без сомнения, сидел у него на спине. Потом повернулся к бойне.

Дэвидсон уже стоял на ногах, а к нему ползла одна из девушек, похоже раненая. Он выстрелил ей в лицо, и она замерла. Следующий разряд едва не задел мое ухо. Я обернулся и сказал:

— Спасибо! А теперь сваливаем отсюда. Джарвис, быстрее!

Я тащил на руках секретаршу Барнса. Дверь захлопнулась, и мы поехали вниз. Дэвидсон дрожал, Джарвис стоял весь бледный.

— Спокойно, — сказал я, — вы стреляли не в людей. Вы стреляли в тварей вроде этой, — сказал я, приподнял секретаршу и взглянул ей на спину.

Тут мне чуть плохо не стало. Экземпляр, который я захватил вместе с хозяином, чтобы доставить живьем, исчез. Соскользнул на пол, видимо, и в суматохе куда-то утек.

— Джарвис, ты хоть что-нибудь снял?

Он покачал головой. Я молчал. Молчал и Дэвидсон.

Там, где раньше сидел паразит, вся спина у девушки была покрыта красной сыпью — словно множество крошечных булавочных уколов. Я опустил ее кофточку и усадил на пол, прислонив к стенке лифта. Она еще не пришла в себя, и, вероятно, еще долго не придет. Когда лифт опустился, мы оставили ее в кабине. Видимо, никто ничего не заподозрил, потому что в вестибюле все было спокойно и по пути на улицу никто не пытался нас остановить.

У машины стоял полицейский и, поставив ногу на бампер, выписывал штрафную квитанцию. Когда мы подошли, он вручил ее мне, укоризненно заметив:

— Ты же знаешь, что здесь стоянка запрещена, приятель.

— Извините, — ответил я и расписался в получении, поскольку это казалось самым быстрым и самым безопасным способом выйти из ситуации.

Потом я отвел машину подальше от тротуара, дождался более или менее свободного окна в потоке транспорта и взлетел прямо с городской улицы, гадая, выпишет он мне за это еще один штраф или нет. Набрав высоту, я поменял номерные знаки и идентификационный код. Старик обо всем позаботился заранее.

Однако, когда мы вернулись, оказалось, его заботит все, что угодно, только не мое задание. Я попытался доложить о результатах еще во время пути, но он прервал меня и приказал по возвращении явиться к нему в офис. Когда мы явились, с ним была Мэри. Одно ее присутствие сказало мне все, что я хотел узнать: если бы, несмотря на мой провал, Старик убедил президента, она бы осталась там.

Старик выслушал отчет, лишь изредка прерывая его недовольным ворчанием.

— Сколько вы видели? — спросил я под конец.

— Передача оборвалась, когда вы таранили барьер, — сообщил он. — Не сказал бы, что президента как-то впечатлило то, что он увидел.

— Видимо, да.

— На самом деле он велел мне тебя уволить.

Я весь напрягся. Я готов был подать в отставку, но сейчас это застало меня врасплох.

— Я и сам прекрасно могу... — начал я.

— Помолчи! — рявкнул Старик. — Я ему сказал, что он может уволить меня, а со своими подчиненными я буду разбираться сам. Ты, конечно, балбес, но пока ты мне нужен.

— Спасибо.

Мэри во время разговора беспокойно расхаживала по кабинету. Я пытался поймать ее взгляд, но ничего не получалось. Затем она остановилась за спиной Джарвиса и подала Старiku такой же знак, как в кабинете у Барнса.

Я двинул Джарвиса рукояткой лучемета по голове, и он обмяк в кресле.

— Назад, Дэвидсон! — рявкнул Старик, направив ему в грудь пистолет. — Как насчет него, Мэри?

— С ним все в порядке.

— А он?

— Сэм чист.

Взгляд Старика бегал от одного из нас к другому, и я, признаться, никогда еще не чувствовал себя так близко к смерти.

— Обоим снять рубашки! — приказал он самым неприятным голосом.

Мы подчинились, и Мэри оказалась права по обоим пунктам. Я вдруг задумался, буду ли я осознавать, что происходит, если паразит вдруг окажется у меня на спине.

— Теперь он! — приказал Старик. — Надеть перчатки, оба!

Мы растянули Джарвиса на животе и очень аккуратно срезали с него одежду. Все-таки нам удалось получить живой образец.

6

Меня чуть не стошнило. От одной только мысли, что эта тварь ехала со мной в закрытой машине от самой Айовы, мой желудок готов был взбунтоваться. Я, вообще-то, не брезглив, однажды я четыре дня прятался в канализации Москвы, но тот, кто видел паразита и знает, что это такое, меня поймет.

Справившись с тошнотой, я сказал:

— Давайте сгоним его. Может быть, мы еще спасем Джарвиса.

Хотя на самом деле я так не думал. В глубине души мне казалось, что человек, на котором прокатилась такая тварь, уже потерян для нас навсегда. Наверное, мне суеверно представлялось, что они «пожирают душу» человека, что бы это ни значило.

Старик жестом отогнал нас в сторону:

— Забудьте о Джарвисе.

— Но...

— Хватит! Если его вообще можно спасти, то несколько минут погоды не сделают. В любом случае... — Он умолк.

Я тоже промолчал, поскольку и так знал, что Старик имеет в виду: принцип, который гласил, что каждая жизнь ценна сама по себе, теперь требовал исключить Джарвиса из рассмотрения. Когда речь идет о всем народе Соединенных Штатов, жизнь сотрудника Отдела ничего не стоит.

Простите мой пафос. Просто мне нравился Джарвис.

С пистолетом на изготовку Старик ждал, наблюдая за тварью на спине Джарвиса. Затем сказал Мэри:

— Свяжись с президентом. Специальный номер — три ноля семь.

Мэри прошла к его столу и набрала номер. Я слышал, как она говорит что-то в глушитель, но не очень прислушивался: все мое внимание было приковано к паразиту. Он не делал никаких попыток оставить своего хозяина, его тело медленно пульсировало, по нему прокатывалась переливающаяся рябь.

Наконец Мэри оторвалась от аппарата и доложила:

— Я не могу связаться с ним, сэр. На линии один из его помощников.

— Который?

— Мистер Макдоно.

Старик поморщился, и я вместе с ним. Макдоно был весьма неглуп и приятен в общении, но ни разу не изменил своего мнения о чем-либо с тех пор, как окончил школу. Президент использовал его в качестве буфера.

Старик взял трубку и начал в нее орать, даже не подумав воспользоваться глушителем.

Нет, в настоящее время с президентом связаться нельзя. Нет, и передать сообщение тоже. Нет, мистер Макдоно не превышает своих полномочий. Указание президента было однозначным, и Старик не входит в список исключений, если такой список вообще существует. Да, мистер Макдоно, безусловно, готов организовать встречу. Он постарается как-нибудь втиснуть Старика в график президента, он это обещает. Как насчет следующей пятницы? Что? Сегодня? Исключено. Завтра? Невозможно.

Старик отключил аппарат. Вид у него был такой, словно его вот-вот хватит удар. Затем он дважды глубоко вздохнул, чуть посветлел лицом и сказал:

— Дейв, пригласи сюда доктора Грейвса. Остальным держать дистанцию и не спускать глаз с объекта.

Вскоре появился глава нашей биолaborатории.

— Док, — сказал Старик, — у нас есть еще один — живой.

Грейвс перестал вытирать руки, внимательно посмотрел на Джарвиса, потом подошел и поглядел на его спину.

— Интересно, — пробормотал он. — Должно быть, единственный? — И опустился рядом на одно колено.

— Назад!

Грейвс поднял глаза на Старика.

— Но должен же я... — начал он рассудительным тоном.

— Молчать и слушать! Да, ты должен его изучить. Но это второстепенная задача. Во-первых, его нужно сохранить живым. Во-вторых, ты не дашь ему сбежать. И в-третьих, ты должен обезопасить себя.

— Я его не боюсь. Я...

— Бойся! Это приказ.

— Я хотел сказать, что мне нужно будет соорудить что-то вроде инкубатора для ухода за ним, когда мы снимем его с носителя. Тот мертвый экземпляр, который вы мне дали, мало чем помог в плане изучения их химии, но для нас очевидно, что этим созданиям нужен кислород. Вы же его просто удушили. Понимаете, несвободный атмосферный кислород — он потребляет кислород через своего носителя. Возможно, подойдет большая собака.

— Нет! — резко возразил Старик. — Оставьте все как есть.

— Что? — удивился Грейвс. — А этот человек точно доброволец?

Старик промолчал, а Грейвс продолжил:

— Лабораторные испытания проводятся только на добровольцах. Профессиональная этика, знаете ли.

Похоже, ученых парней просто невозможно приучить к порядку.

Старик взял себя в руки и спокойно сказал:

— Доктор Грейвс, каждый агент в нашей организации добровольно делает все, что я сочту необходимым. Это то, на что они подписываются. Так что будьте любезны выполнять мои приказы. Принесите носилки и заберите Джарвиса. И действуйте предельно осторожно.

Когда Джарвиса унесли, Старик нас отпустил. И мы с Дэвидсоном и Мэри отправились в бар пропустить рюмку-другую. Нам это было сейчас необходимо. Дэвидсона буквально трясло, и, когда первая рюмка не помогла, я попытался успокоить его сам.

— Послушай, Дэйв, мне тоже паршиво из-за тех девушек, но другого выхода у нас не было. Пойми же наконец: не было другого выхода.

— Все было так плохо? — спросила Мэри.

— Ужасно. Я не знаю, скольких мы убили, — может быть, шесть, может быть, дюжину. Не было времени осторожничать. Но мы стреляли не в людей, то есть не в самих людей, — мы стреляли в паразитов. — Я повернулся к Дэвидсону. — Хоть это ты понимаешь?

Вроде мои слова на него подействовали.

— В том-то и дело. Они и в самом деле были уже не люди. Если бы дело требовало, я бы, наверно, смог... наверно, смог бы даже своего брата застрелить. А эти твари — не люди. Ты стреляешь, а они к тебе ползут и ползут. Они не... — Он замолчал.

Меня переполняла жалость. Вскоре он поднялся и ушел в медпункт разбираться: его что-то там беспокоило. Мы с Мэри продолжали говорить, пытаюсь придумать, что делать дальше, но все безуспешно. Потом она сказала, что

хочет спать, и отправилась в женскую спальню. В тот вечер Старик приказал всем сотрудникам ночевать на базе, так что я принял на посошок и прошел на мужскую половину, где залез в свой спальник.

Я не уснул сразу. Я слушал гул города над нами и продолжал вспоминать, как это было в Де-Мойне.

Разбудил меня сигнал тревоги. Сирена еще не смолкла, а я уже оделся, и тут интерком взревел голосом Старика: «Радиационная и химическая тревога! Закрыть все входы и выходы! Всему персоналу собраться в конференц-зале! Немедленно!»

Поскольку я выполнял оперативную работу, никаких обязанностей на базе у меня не было, и я направился напрямик в штаб. Старик, мрачный как тень, собирал всех в зале. Я хотел спросить, что случилось, но полтора десятка других агентов, клерков, стенографисток и прочих оказались там раньше меня, и я решил воздержаться от вопросов. Спустя какое-то время Старик отправил меня к дежурному охраннику узнать, сколько людей находится на базе. Затем он лично провел переключку, и стало ясно, что в зале собрались все отмеченные в списке прибытия, начиная со старой мисс Хайнс, секретарши Старика, и заканчивая официантом из бара. Все, кроме дежурного охранника и Джарвиса. Тут ошибок быть не должно: за теми, кто входит и выходит, у нас следят более тщательно, чем в банке за деньгами.

После переключки меня снова отправили за дежурным охранником. Но чтобы убедить его оставить пост, пришлось связаться оттуда по телефону с самим Стариком. Лишь после этого он заблокировал дверь и последовал за мной. Когда мы вернулись, Джарвиса уже доставили в зал. Его сопровождали Грейвс и один из его лаборантов. Джарвис, в больничном халате, был на ногах и явно в сознании, но сильно заторможенный.

Увидев его, я начал догадываться, в чем дело. Старик не долго томил нас неведением. Он повернулся к собравшимся и, держась на расстоянии, извлек пистолет.

— Один из паразитов-захватчиков находится среди нас, — начал он. — Для некоторых из вас этим все сказано.

Остальным же мне придется объяснить, что в сей момент наша безопасность — и безопасность всей нашей расы — зависит от четкого выполнения приказов и беспрекословного повиновения каждого из вас.

Он кратко, но ужасающе точно описал паразита и обрисовал сложившуюся ситуацию.

— Другими словами, — заключил он, — паразит почти наверняка здесь, в этой комнате. Один из нас выглядит как человек, но на самом деле он — автомат, которым управляет наш самый смертельный и самый опасный враг.

Персонал начал роптать. Люди украдкой поглядывали друг на друга, некоторые пытались встать подальше от других. Секунду назад мы были одной сплоченной командой, теперь превратились в толпу, где каждый подозревал каждого. Я и сам вдруг обнаружил, что невольно отодвигаюсь от стоящего рядом человека, хотя знал бармена Рональда не один год.

Грейвс прочистил горло.

— Шеф, — начал он, — я хочу, чтобы вы поняли: я принял все мыслимые меры...

— Помолчи! Мне не нужны оправдания. Выведи Джарвиса вперед. Сними с него халат.

Грейвс умолк, и они с помощником выполнили приказ. Джарвис не сопротивлялся. Похоже, он едва осознавал, что происходит. От виска через всю левую скулу у него тянулся отвратительный лиловый рубец. Но заторможенный он едва ли был после удара — я не настолько сильно его саданул. Видимо, Грейвс накачал его транквилизаторами.

— Поверните его, — распорядился Старик.

Джарвис не сопротивлялся. На его плечах и на шее слизняк оставил след — мелкую красную сыпь.

— Теперь вы видите, где он сидел.

Когда Джарвиса раздели, люди зашептались, и кто-то из девушек смущенно захихикал. Теперь же в зале воцарилось гробовое молчание.

— А теперь, — сказал Старик, — мы будем ловить этого слизняка! Более того, он нам нужен живьем. Это предупреждение для нетерпеливых ребят, у которых пальцы чешутся спустить курок. Вы все видели, где паразит седлает человека. Предупреждаю: если кто-то его спалит, я сам

пристрелю виновного. Если придется стрелять в носителя, чтобы его поймать, цельтесь ниже... Подойди сюда! — С этими словами он направил свой пистолет на меня.

Но на полпути он меня остановил.

— Грейвс! Уберите Джарвиса с дороги. Усадите его у меня за спиной. Нет! Халат оставь на полу.

Грейвс со своим ассистентом провели Джарвиса через зал и вернулись на место. Старик снова обратил на меня внимание:

— Оружие на пол!

Ствол его лучемета смотрел прямо мне в живот. Я медленно достал свой и отпихнул его ногой метра на два в сторону.

— Теперь снимай одежду — полностью.

Нет, я не стеснительный школьник, но все же мне было неловко выполнять такой приказ. Лучемет Старика помог мне преодолеть смущение. Но он не помешал нескольким юным особам захихикать, когда я дошел до главного. Одна из них довольно громко заметила: «Неплохо!», другая ответила: «Шишечка, я бы сказала».

Я покраснел, как невеста.

Оглядев меня с ног до головы, Старик велел поднять с пола пистолет.

— Прикройешь меня, — приказал он. — И следи за дверью. Теперь ты! Дотти-или-как-там тебя — твоя очередь.

Дотти работала в канцелярии. Оружия у нее, разумеется, не было, и сигнал тревоги, очевидно, выдернул ее из постели, судя по тому, что она куталась в длинный пеньюар. Дотти сделала шаг вперед, остановилась и замерла.

Старик повел лучеметом:

— Давай раздевайся!

— Вы что, всерьез? — недоуменно спросила она.

— Быстро!

Дотти чуть не подпрыгнула на месте.

— Хорошо! — сказала она. — Незачем на меня орать. — Она закусила нижнюю губу, медленно расстегнула застежку на талии и вызывающим тоном добавила: — Думаю, за это мне полагаются премиальные! — и одним движением сбросила с себя одежду.

И тут она испортила весь спектакль, приняв соответствующую позу, — это длилось недолго, всего мгновение, но пропустить такое было невозможно. Должен признаться, что ей было что показать, но я был не в том настроении, чтобы оценить это по достоинству.

— К стене! — прорычал Старик. — Теперь Ренфрю!

Я не знаю, нарочно он чередовал мужчин и женщин или это вышло случайно, но идея была хорошая, поскольку свела протесты к минимуму. Ой, ладно, что я несу? Я же знаю: Старик ничего не делает случайно. После выпавшего на мою долю испытания мужчины действовали быстро и деловито, хотя некоторые все же стеснялись. Что касается женщин, то кто-то хихикал, кто-то краснел, но никто особенно не возражал. В других обстоятельствах я нашел бы ситуацию небезынтересной — ведь мы всегда готовы узнать друг о друге то, чего раньше не знали. Например, одна девочка, которую мы привыкли называть Грудастая... э-э-э... ладно, замнем это. Спустя двадцать минут почти все в зале разделись. Я в жизни не видел столько квадратных ярдов «гусиной кожи», а разложенного на полу оружия хватило бы на целый арсенал.

Когда очередь дошла до Мэри, она подала хороший пример, разделась по-деловому быстро, без ужимок — Старiku нужно было вызвать первой ее, а не эту шалаву Дотти. Даже в чем мать родила Мэри держалась спокойно и с достоинством. А то, что я увидел, никак не поколебало чувства, которое я к ней испытывал.

Мэри внесла заметный вклад в «арсенал». Я решил, что она просто любит оружие. Мне-то самому одной пушки за глаза хватает.

В конце концов разделись все, кроме самого Старика и его секретарши мисс Хайнс, но паразита ни на ком не было. Я думаю, Старик немного побаивался мисс Хайнс. Она была старше его и демонстрировала склонность им командовать. До меня дошло, на ком эта тварь может сидеть, если Старик не ошибается. А он мог и ошибаться: паразит вполне мог сидеть сейчас на потолочной балке, дожидаясь момента, чтобы прыгнуть кому-нибудь на спину.

С недовольным видом Старик потыкал тростью гору одежды. Он знал, что там ничего нет, — должно быть, прос-

то хотел лишний раз в этом удостовериться. Потом он поднял глаза на свою секретаршу:

— Мисс Хайнс, пожалуйста. Вы следующая.

Ну что, братишка, мысленно сказал себя я, сейчас надо будет применить силу.

Она не шелохнулась. Осадив его одним взглядом, она стояла там как памятник оскорбленной невинности.

Я увидел, что он собирается принять меры, поэтому я придвинулся поближе и произнес уголком рта:

— А как насчет вас, босс? Раздевайтесь.

Он дернул головой и бросил на меня удивленный взгляд.

— Я серьезно, — добавил я. — Теперь вас только двое. Паразит у кого-то из вас. Скидывайте шмотки.

Когда надо, Старик способен подчиниться неизбежному.

— Разденьте ее, — буркнул он. — Я следующий.

И он с мрачным видом принялся расстегивать молнию на брюках.

Я сказал Мэри, чтобы взяла двух женщин и раздела мисс Хайнс. Когда я повернулся обратно, Старик уже спустил брюки до колен, и тут мисс Хайнс рванула к выходу.

Между нами стоял Старик, и я не мог стрелять из опасения попасть в него, а все остальные агенты в зале оказались без оружия! Видимо, и это вышло не случайно: Старик опасался, что кто-нибудь, увидев паразита, не сдержится и выстрелит, а слизняк нужен был ему живым.

Пока я мешкал, она уже выскочила за дверь и понеслась по коридору. В коридоре я мог бы ее срезать, но кое-что удержало меня от выстрела. Во-первых, эмоции так быстро не переключишь: ведь для меня это по-прежнему была старушка Хайнс, секретарша моего босса, та самая старая дева, что отчитывала меня за грамматические ошибки в рапортах. А во-вторых, если у нее на спине сидел паразит, то, как было приказано, он нужен был нам живым — и я не хотел рисковать. Я, вообще-то, не лучший стрелок в мире.

Она нырнула в какую-то дверь, я подбежал к ней и снова промедлил — просто в силу привычки: это был женский туалет.

Впрочем, это задержало меня лишь на мгновение. Я пинком распахнул дверь и заскочил внутрь, держа пис-толет наготове. И тут меня что-то ударило над правым ухом, и я отправился в долгое неспешное падение на пол.

О следующих нескольких секундах у меня нет ясных воспоминаний. Видимо, я на какое-то время потерял сознание. Помню борьбу и крики: «Осторожней!», «Черт! Она меня укусила!», «Руки, руки не суй!». Затем кто-то сказал уже спокойно: «Свяжите ей руки и ноги, только осторожно». Кто-то еще спросил: «А с ним что?» — и в ответ послышалось: «Позже. Он не ранен, просто без сознания».

Потом они ушли, но я все еще был где-то далеко, хотя уже чувствовал, как в меня снова вливается поток жизни. Потом я сел, осознавая, что нужно срочно сделать что-то важное. Поднялся и, пошатываясь, направился к двери. Чуть помедлив, я осторожно выглянул в коридор — там никого не было. Тогда я выскочил из туалета и рванул прочь от конференц-зала.

У наружной двери я притормозил и вдруг с ужасом понял, что не одет. Тогда я метнулся по коридору в мужское крыло. Там схватил первую попавшуюся одежду и напялил на себя. Ботинки оказались малы, но это не имело значения.

Я снова бросился к выходу, нашел тумблер, и дверь распахнулась.

Мне уже казалось, что я ушел чисто, но, когда я был в дверях, кто-то крикнул мне вслед: «Сэм!» Я не стал дожидаться и выскочил за порог. Там я оказался перед шестью дверьми, бросился в одну из них, за ней были еще три. К этой кроличьей норе, которую мы называем «Штабом», ведет целая сеть туннелей, похожих на переплетенные спагетти. Они расположены так, чтобы сколько угодно людей могли приходить и уходить незаметно. В конце концов я вынырнул на одной из станций метро, в киоске, где торговали фруктами и дешевыми книжками, кивнул продавцу, который, похоже, нисколько не удивился, проскочил турникет и смешался с толпой. Раньше я этим маршрутом не ходил.

Потом я сел на реактивный экспресс, идущий на север, но сошел на первой же станции. Перебрался на платформу, откуда отправлялся экспресс в обратном направлении, и встал возле кассы, выбирая, у кого из этих раззяв будет бумажник потолще. Выбрал какого-то типа, сел на его поезд, потом сошел на одной с ним остановке и в первом же темном переулке двинул ему по затылку. Теперь у меня появились деньги, и я был готов действовать. Я не понимал, для чего мне деньги, но знал, что для следующего этапа они нужны.

7

Говорят, язык развивается, чтобы описывать жизненный опыт народа, который на нем говорит. Опыт первичен, язык вторичен. Как мне описать свой опыт, то, что я чувствовал?

Окружающие предметы странным образом двоились, словно я смотрел на мир сквозь подернутую рябью воду, но при этом я не испытывал ни удивления, ни любопытства. Я двигался как сомнамбула, не зная, куда иду и что собираюсь делать, хотя на самом деле не спал и отчетливо понимал, кто я, где нахожусь и чем занимался в Отделе. Не было никакой амнезии, все мои воспоминания были мне доступны. И хотя я не знал, что именно я собираюсь делать, я всегда осознавал, что делаю, и нисколько не сомневался, что эти действия необходимы и целенаправленны.

Говорят, что примерно таким образом работает постгипнотическое внушение. Не мне судить — я гипнозу не поддаюсь.

Большую часть времени я не испытывал никаких эмоций, кроме легкого удовлетворения от выполненной работы. Но так было только на сознательном уровне — повторяюсь, я был в полном сознании. Где-то глубоко-глубоко в душе я мучительно переживал свое несчастье, мне было страшно, меня терзало чувство вины, однако все это глубоко, далеко, где-то в заваленном, запертом уголке души.

Я едва осознавал, что во мне сохранились эти чувства, и никакого влияния они на меня не оказывали.

Я знал, что меня видели, когда я уходил с базы. «Сэм!» — это кричали мне. Под таким именем меня знали только двое, но Старик воспользовался бы настоящим. Значит, меня видела Мэри. Хорошо, думал я, что она показала мне, где живет. К ее следующему появлению нужно будет подготовить там ловушку. А до того я должен делать свое дело и следить, чтобы меня не поймали.

Используя все свое умение скрываться от преследования, я двигался через район складов. Вскоре я обнаружил подходящее здание. На табличке у входа значилось: «Сдается верхний этаж. Обращаться к агенту по аренде на первом этаже». Я тщательно его осмотрел, запомнил адрес и быстро вернулся на два квартала назад, к почтовому отделению «Вестерн Юнион», а оттуда с первого же свободного аппарата отправил сообщение: «Высылайте два ящика говорящих книжек-малышек. Скидка та же. Грузополучатель Джоел Фриман». Добавил адрес пустого верхнего этажа, и сообщение ушло в агентство «Роско и Диллард», Де-Мойн, штат Айова.

Когда я вышел из кабинки, светящаяся вывеска кругло-суточного сетевого ресторана быстрого питания напомнила мне, что я голоден, но я тут же подавил позыв и больше об этом не вспоминал. Вернувшись на склад, я выбрал в дальнем конце первого этажа угол потемнее и устроился там, ожидая, когда откроется контора.

Должно быть, я уснул. У меня осталось смутное воспоминание о череде клаустрофобных кошмаров.

С рассвета до девяти утра я ошивался возле местной биржи труда, изучая объявления; это было единственное место в районе, где на бездельника не обратили бы внимания. В девять появился агент по аренде, и, когда он открыл свой офис, я снял верхний этаж, приплатив за то, чтобы он предоставил мне помещение немедленно, пока документы проходят регистрацию. Затем поднялся на верхний этаж, отпер дверь и стал ждать.

Примерно в десять тридцать прибыли мои контейнеры. Я позволил водителям уйти. Трое — это для меня многовато, да и не готов я был действовать в любом случае.

Когда они ушли, я вскрыл контейнер, достал одну ячейку, прогрел ее и подготовил. После этого я спустился на первый этаж, разыскал агента и сказал:

— Мистер Гринберг, не могли бы вы подняться на минутку? Мне нужно кое-что поменять в освещении.

Он поворчал, но согласился. Когда мы вошли, я закрыл дверь и подвел его к открытому контейнеру:

— Вот здесь, внизу. Наклонитесь — и сразу увидите, что я имею в виду. Мне бы нужно...

Едва он наклонился, я сжал его крепким захватом, задрал пиджак и рубашку, свободной рукой перенес хозяина из ячейки ему на спину и подержал еще немного, пока он не успокоился. Тогда я его отпустил, заправил ему рубашку и отряхнул пыль с пиджака. Когда он пришел в себя, я спросил:

— Какие новости из Де-Мойна?

— Что тебя интересует? Как долго ты отсутствовал?

Я начал объяснять, но он меня перебил:

— Не будем тратить время и переговорим напрямую.

Гринберг задрал рубашку, я сделал то же самое, и мы уселись на закрытом контейнере спиной к спине, чтобы наши хозяева могли соприкоснуться. В мыслях у меня осталась пустота, и я даже не знаю, как долго продолжался их разговор. Помню только, я неотрывно смотрел на муху, вьющуюся у облепленной пылью паутины.

Следующим мы обратили управляющего зданием. Это был здоровенный швед, и нам пришлось удерживать его вдвоем. После этого мистер Гринберг позвонил владельцу склада и настоял, чтобы тот приехал и сам посмотрел на последствия какой-то кошмарной катастрофы, случившейся в здании, — не знаю, что именно он ему говорил, потому что в это время мы с управляющим открывали и прогревали новые ячейки.

Владелец здания оказался очень важным приобретением, поэтому все мы, и он сам в том числе, почувствовали удовлетворение. Он принадлежал к престижному Конституционному клубу, а список его членов читался как «Кто есть кто в финансах, правительстве и промышленности». А что еще важнее, у них работал знаменитый шеф-повар; поэтому любой член клуба, если он был в городе, предпочитал завтракать в клубе.

Близился полдень, время было дорого. Управляющий отправился купить для меня подходящую одежду и саквояж, а заодно прислал шофера владельца здания к нам наверх, чтобы мы взяли его в оборот. В двенадцать тридцать мы с владельцем отбыли на его машине в город. В моем саквояже находились двенадцать хозяев, еще в ячейках, но уже подготовленные.

В книге посетителей владелец склада записал: «Дж. Хардвик Поттер с гостем». Один из лакеев хотел забрать у меня саквояж, но я сказал ему, что мне необходимо поменять перед ланчем сорочку. Мы копошились перед зеркалом в туалетной комнате, пока там не осталось никого, кроме служителя, а затем «завербовали» его и отправили сообщить администратору клуба, что одному из гостей стало плохо.

После того как мы о нем позаботились, администратор принес еще один белый халат, и я превратился в нового служителя туалетной комнаты. У меня оставалось только десять хозяев, но контейнеры должны были вскорости доставить со склада прямо в клуб. Вместе с первым служителем мы использовали все оставшиеся ячейки еще до того, как обеденный наплыв посетителей закончился. Один из гостей застал нас за делом, и мне пришлось его убить, так как не было времени с ним возиться. Труп мы запихали в шкаф для швабр.

После этого наступило затишье, поскольку контейнеры все еще не привезли. Меня едва не скрутило голодными спазмами, но они быстро ослабли, хотя и не прекратились совсем. Я сообщил об этом администратору, он велел принести для меня ланч в свой кабинет. Это был один из самых вкусных ланчей в моей жизни. Контейнеры прибыли как раз, когда я доедал.

В период затишья, который во всех мужских клубах наступает во второй половине дня, мы полностью захватили территорию. К четырем часам дня все присутствовавшие — члены клуба, их гости и обслуживающий персонал — были с нами. После чего мы начали обрабатывать вновь прибывших прямо в фойе, куда их впускал швейцар. Ближе к концу дня администратор позвонил в Де-Мойн, чтобы прислали еще четыре контейнера.

И в тот же вечер мы заполучили крупную добычу, можно сказать, приз — заместителя министра финансов. Настоящая победа, ибо Министерство финансов США, помимо всего прочего, отвечает и за безопасность президента.

8

Захват одной из ключевых фигур администрации я воспринял с каким-то рассеянным удовлетворением и больше об этом не думал. Мы — я имею в виду людей-рекрутов — почти совсем не думали, мы знали, что надлежит делать в данный момент, но узнавали об этом, уже действуя, как вышколенная лошадь, которая, получив команду, немедленно ее выполняет и уже готова к следующему сигналу наездника.

Вышколенная лошадь и ее наездник — неплохое сравнение, но все же не полное. Всадник распоряжается умственными способностями лошади лишь отчасти, наши же хозяева получали в свое распоряжение не только разум, но и память, и жизненный опыт каждого из нас. Мы же и общались за них друг с другом, иногда понимая, о чем идет речь, иногда нет. Разговорное общение шло через нас, слуг, но мы никак не участвовали в более важных, прямых переговорах непосредственно между хозяевами. Во время таких совещаний мы просто сидели и тихо ждали, пока наши повелители не наговорятся, затем заправляли одежду, чтобы спрятать их, и делали, что приказано. Одна такая конференция большого масштаба состоялась после того, как был завербован заместитель министра финансов; я знаю о ее содержании не больше, чем вы, хотя я на ней присутствовал.

К словам, что слетали с моих губ по воле хозяина, я имел отношения не больше, чем телефонная трубка к словам, что из нее доносятся. Кстати, все это время аудиоре-ле, имплантированное у меня за ухом, молчало, а свой телефон я оставил на базе. Я, как и он, был всего лишь аппаратом связи, не более того. Как-то, через несколько дней после того, как меня «завербовали», мне случилось переда-

вать администратору клуба новые инструкции о поставках ячеек с хозяевами. Во время разговора я сознавал, что при- были еще три корабля, но не знал, где они приземлились, в моей голове был лишь адрес в Новом Орлеане, который я назвал.

Впрочем, я совершенно об этом не задумывался, а просто продолжал делать свою работу. После дня в клубе я стал новым «помощником мистера Поттера по особым поручениям» и проводил целые дни — а иногда и ночи — в его кабинете. Возможно, далее мы поменялись ролями: я нередко отдавал устные распоряжения и самому Поттеру. Хотя не исключено, что сейчас я понимаю социальную структуру паразитов гораздо хуже, чем тогда. Их взаимоотношения могли быть более гибкими, более анархическими и гораздо более тонкими, чем я могу себе представить, исходя из приобретенного опыта.

Я знал — и также знал мой хозяин, — что мне опасно показываться на улицах. Через меня мой хозяин немало узнал о структуре, которую мы называли Отделом. Ему было известно, что Старик знает о моей «вербовке» и не оставит поисков до тех пор, пока меня не поймают или не убьют.

Странно, что мой хозяин не подыскал себе нового носителя и попросту не убил меня: «рекрутов» у нас было куда больше, чем наездников. Причем они не испытывали ничего похожего на человеческую щепетильность. Хозяева, только-только извлеченные из транзитных ячеек, часто наносили своим носителям увечья; мы всегда уничтожали таких носителей и подбирали новых.

Напротив, мой хозяин к тому времени, когда он выбрал меня, управлял по меньшей мере тремя человеческими носителями — Джарвисом, мисс Хайнс и одной из девочек в офисе Барнса, вероятно секретаршей, — и в ходе этого, несомненно, приобрел изощренность и умение контролировать своих человеческих носителей. Он с легкостью мог «менять лошадей».

С другой стороны, станет ли опытный ковбой менять вышколенную рабочую лошадь на новую, еще не обьеженную? Возможно, только поэтому меня прятали и я остался

жив. А может быть, я сам не знаю, о чем говорю: что пчела может знать о Бетховене?

Через некоторое время город был «обработан», и мой хозяин начал выводить меня на улицу. Я не хочу сказать, что у каждого жителя города появился горб. Людей было слишком много, а хозяев слишком мало. Но все ключевые позиции в городе занимали теперь наши «рекруты» — от полисмена на углу до мэра и начальника полицейского управления, не говоря уже о мелких городских начальниках, священниках, членах советов директоров крупных компаний и значительной части руководства связи и средств массовой информации. Большинство населения продолжало жить обычной жизнью, не только не обеспокоенное этим «маскарадом», но и ничего о нем не подозревающее.

Разумеется, до тех пор, пока кто-то из них по той или иной причине не оказывался на пути у хозяина. В таких случаях их просто устраняли, чтобы заткнуть им рот. Это вело к убыли потенциальных носителей, но никакой нужды экономить их не было.

Наших хозяев заметно сдерживали трудности общения на большом расстоянии. Оно было ограничено тем, что они могли сказать на человеческом языке по обычным каналам связи. Дополнительные ограничения возникали, если не было уверенности в безопасности канала: тогда приходилось прибегать к кодированным сообщениям вроде того, что я послал, заказывая первые два контейнера. Без сомнения, у хозяев имелась связь между кораблями и, вероятно, между кораблями и базой, но поблизости не было ни одного корабля; этот город захватили случайно в результате моего рейда на Де-Мойн в прошлой жизни.

Очевидно, такого общения через слуг им было недостаточно. Видимо, для координации действий часто требовался прямой телесный контакт. Я не эксперт по экзотическим психологиям. Некоторые утверждают, что паразиты не отдельные индивидуумы, а клетки более крупного организма. В таком случае... но какая разница? Главное, им нужны были конференции с непосредственным телесным контактом.

На одну из таких конференций меня отправили в Новый Орлеан.

На самом деле я не знал, что туда собираюсь. Однажды утром я, как обычно, вышел на улицу, добрался до стартовой платформы, расположенной в нашем спальном районе, и вызвал такси. Машин было мало. Я подумал, что стоит перейти на другую сторону и поехать общественным транспортом, но мысль была немедленно подавлена хозяином. После долгого ожидания мое такси поднялось к платформе, и я начал в него забираться — я говорю «начал», потому что тут подскочил какой-то шустрый старикан и забрался в такси первым.

Я получил приказ избавиться от него, но приказ был немедленно отменен и тут же последовал второй: действовать осторожно и осмотрительно, поскольку даже хозяева не всегда полностью уверены в себе.

— Извините, сэр, — сказал я, — но эта машина занята.

— Точно, — ответил старик. — Я ее и занял.

Он был воплощенным самомнением, весь, от портфеля до диктаторских замашек. Он вполне мог быть членом Конституционного клуба, но не одним из наших: их всех мой хозяин знал.

— Вам придется найти себе другую, — сказал я, пытаюсь его урезонить. — И покажите-ка чек с номером очереди.

Свой чек я взял со стойки, как только поднялся на платформу. Номер такси совпадал с номером на моем чеке. Деваться ему было некуда, однако старикан даже не пошевелился.

— Вам куда? — требовательно спросил он.

— В Новый Орлеан, — ответил я, впервые узнав, куда направляюсь.

— Тогда вы можете подбросить меня до Мемфиса.

Я покачал головой:

— Это мне не по пути.

— Да это всего пятнадцать минут! — Он, похоже, злился и с трудом держал себя в руках, как будто не привык, чтобы с ним спорили. — Вам, сэр, следовало бы знать правила пользования такси в наше время всеобщего дефицита. Вы не имеете права необоснованно забирать общест-

венный транспорт в единоличное пользование! — Он повернулся к таксисту и потребовал: — Водитель! Объясните этому человеку правила!

Водитель вытащил изо рта зубочистку — лишь для того, чтобы заявить:

— А мне все равно. Взял, отвез, привез. Сами разбирайтесь между собой, или я попрошу у диспетчера, чтобы дал мне другого пассажира.

Секунду я стоял в нерешительности, не получая никаких инструкций, затем осознал, что забрасываю свой багаж внутрь и лезу в такси.

— В Новый Орлеан. С остановкой в Мемфисе.

Водитель пожал плечами и просигналил в диспетчерскую. Второй пассажир фыркнул и перестал обращать на меня внимание.

Когда мы поднялись в воздух, он открыл портфель и разложил на коленях бумаги. Я без всякого интереса наблюдал за ним, затем чуть изменил позу, чтобы легче было достать пистолет. И тут этот старикашка мгновенно протянул руку и схватил меня за запястье.

— Не так быстро, сынок, — сказал он, черты лица его изменились, и я вдруг узнал сатанинский оскал самого Старика.

У меня хорошая реакция, но я был в невыгодном положении, вся поступающая информация сначала шла от меня к хозяину, там она осмысливалась, и лишь затем ко мне поступала команда действовать. Насколько велика была задержка — миллисекунда? Две? Не знаю. Но, пытаясь вытащить оружие, я уже почувствовал, как в ребра мне ткнулся широкий ствол лучемета.

— Спокойно.

Другой рукой он прижал что-то к моему боку. Я почувствовал укол, и по всему телу разлилось знакомое теплое оцепенение — «морфей» действует быстро. Меня дважды вырубали этим препаратом, да и давали мне его много раз, так что я знал, как он работает.

Я сделал еще одну попытку достать пистолет и рухнул лицом вперед.

Очень смутно я осознал, что слышу голоса. Они звучали, кружились надо мной какое-то время, прежде чем я начал понимать, о чем они говорят. Меня грубо перевернули, потом кто-то сказал: «Эй, осторожней! А то эта обезьяна тебя цапнет!» Другой голос: «Не беспокойся. У нее перерезаны сухожилия». Снова первый: «Да, но зубы-то у нее остались».

Да, промелькнуло у меня в голове, если кто-то из вас окажется рядом, я непременно укушу. Насчет сухожилий тоже казалось все верно: ни руки, ни ноги меня не слушались. Хотя больше всего раздражало, что меня называли обезьяной. Это просто непорядочно — обзывать человека, когда он не в состоянии за себя постоять.

Потом я почему-то вдруг всплакнул и снова впал в оцепенение.

— Ну как, сынок, тебе уже лучше?

Старик задумчиво разглядывал меня, облокотившись на спинку кровати. Он стоял по пояс голый, на груди его курчавились седые волосы, а снизу выпирало небольшое брюшко.

— Э-э-э... да, пожалуй. — Я попытался сесть и обнаружил, что не могу двигаться.

Старик зашел сбоку.

— Видимо, можно снять ремни, — сказал он, копаясь с застежками. — Очень не хотелось, чтобы ты поранился или еще что... Вот так.

Я сел, растирая затекшие мышцы.

— А теперь — что ты помнишь? Докладывай.

— Что я помню?..

— Ты был с ними — помнишь? Тебя поймали. Ты помнишь, что происходило после того, как на тебя попал паразит?

Мне вдруг стало страшно, безумно страшно, и я вцепился в постель.

— Босс! Они знают об этом месте! Я сам им сообщил.

— Нет, об этом не знают, — спокойно ответил он, — потому что это не та база, которую ты помнишь. Старую я эвакуировал, когда понял, что ты ушел в самоволку. А об

этом местечке, я надеюсь, им ничего не известно. Значит, ты что-то помнишь?

— Конечно помню. Я выбрался отсюда — в смысле, со старой базы — через... — Мысли понеслись вперед, обгоняя слова, и неожиданно я отчетливо увидел, как держу в руке живого влажного хозяина, собираясь пересадить его на спину агенту по аренде.

Меня стошнило прямо на простыню. Старик взял ее уголок, вытер мне губы и мягко сказал:

— Продолжай.

Я с трудом сглотнул и выдохнул:

— Босс, они — повсюду! Город у них в руках.

— Знаю. То же, что в Де-Мойне. И еще в Миннеаполисе, Сент-Поле, Новом Орлеане и Канзас-Сити. Может быть, где-то еще. Я не знаю, я не могу быть везде сразу. — Он поморщился и добавил: — Это как бег в мешках. Мы проигрываем, и очень быстро. Даже в тех городах, о которых нам известно, мы ничего не можем сделать. Это очень...

— Боже! Почему нет?

— Сам сообрази. Потому что «более опытные и мудрые» по-прежнему не убеждены. Потому что, когда паразиты захватывают город, там все остается по-прежнему.

Я уставился на него в недоумении, и Старик поспешил меня успокоить:

— Не бери в голову. Ты — наша первая удача. Первый, кого нам удалось вернуть живым. И теперь выясняется, что ты помнишь, что с тобой происходило. Это очень важно. И твой паразит тоже первый, которого нам удалось поймать и сохранить в живых. У нас появился шанс уз...

Он осекся. Должно быть, у меня на лице читался неприкрытый ужас. Мысль, что мой хозяин жив и может снова мной завладеть, была просто невыносима.

Старик встряхнул меня за плечи.

— Успокойся, сынок, — мягко произнес он. — Ты еще слишком слаб.

— Где он?

— А? Паразит-то? Не беспокойся о нем. Можешь увидеть его, когда захочешь. Он на твоём дублере, орангутанге. Кличка — Наполеон. Под надежной охраной.

— Убейте его!

— Бог с тобой. Он нужен нам живым, для изучения.

Видимо, со мной приключилось что-то вроде истерики, потому что Старик пару раз ударил меня по щекам.

— Соберись! Чертовски неприятно беспокоить тебя, пока ты не выздоровел, но обстоятельства вынуждают. Нам нужно записать все, что ты помнишь, на пленку. Так что соберись и начинай.

Я взял себя в руки и начал диктовать тщательный, подробный отчет обо всем, что мог припомнить. Описал, как снял помещение на складе, как «завербовал» свою первую жертву, затем как мы перебрались оттуда в Конституционный клуб. Старик кивнул:

— Логично. Ты и для них оказался хорошим агентом.

— Ты не понимаешь, — возразил я. — Сам я вообще ни о чем не думал. Знал, что происходит в данный момент, но это все. Будто... ну, будто... — Я замолчал, мне не хватало слов.

— Не важно. Дальше.

— После «вербовки» администратора клуба все пошло гораздо легче. Мы брали их прямо у входа и...

— Имена?

— Да, конечно. Я сам, Гринберг — М. К. Гринберг, Тор Хансен, Дж. Хардвик Поттер, его шофер Джим Уэйкли, служитель в туалетной комнате, коротышка по имени Джейк, но от него пришлось избавиться: хозяин просто не отпускал ему времени позаботиться о самом необходимом. Потом был администратор — я так и не узнал его имени... — Я сделал паузу, перебирая в памяти события того напряженного дня и вечера в клубе, стараясь припомнить всех «рекрутов». — О боже!

— Что такое?

— Заместитель министра финансов!

— Хочешь сказать, вы взяли и его?

— Да. В первый же день. Когда это было? Сколько прошло времени? Боже, шеф, ведь Министерство финансов охраняет президента!

Но я разговаривал с пустотой. На том месте, где сидел Старик, уже никого не было.

Я без сил откинулся на спину. Заплакал, уткнувшись в подушку, и вскоре уснул.

Проснулся я с жутким привкусом во рту, с больной головой и смутным предчувствием надвигающейся катастрофы. Но по сравнению с тем, что было раньше, можно сказать, я чувствовал себя отлично.

— Как, уже лучше? — спросил чей-то веселый голос.

Надо мной склонилась миниатюрная брюнетка. Очень даже симпатичная, — видимо, я и в самом деле чувствовал себя лучше, поскольку сразу это отметил. Но одета она была довольно странно: белые шорты, клочок почти прозрачной ткани, чтобы поддерживать грудь, и металлический панцирь, закрывающий шею, плечи и позвоночник.

— Ага, лучше, — согласился я, скривившись.

— Неприятный вкус во рту?

— Как после встречи Балканского кабинета министров.

— Держи-ка. — Она вручила мне стакан с каким-то лекарством. Оно было пряным и слегка обжигало, но неприятный привкус сразу пропал. — Нет-нет, не глотай. Выплюнь бяку, а я дам тебе воды.

Я послушался.

— Меня зовут Дорис Марсден, — продолжала она. — Я твоя дневная сиделка.

— Рад познакомиться, Дорис, — ответил я и снова окинул ее взглядом. — Слушай, а что это за странный наряд? Нет, мне нравится, конечно, но ты выглядишь так, будто из комикса сбежала.

Она посмотрела на свои шорты и хихикнула:

— Я и сама чувствую себя словно девица из кордебалета. Но ты привыкнешь. Я, во всяком случае, привыкла.

— Я уже привык. Это здорово и все такое — но зачем?

— Приказ Старика.

Я вдруг понял, в чем дело, и мне сразу стало хуже.

— А теперь будем ужинать. — Дорис взяла поднос и присела ко мне на кровать.

— Я совсем не хочу ничего есть.

— Открывай рот, — твердо сказала она, — а то я вываплю все это тебе на голову. Вот хороший мальчик!

В перерыве между ложками — пришлось-таки есть в порядке самообороны — я успел выдохнуть;

— Я, вообще-то, ничего. Одна доза «Гиро» — и я встану на ноги.

— Никаких стимуляторов, — категорично ответила она, запихивая в меня следующую ложку. — Специальная диета и отдых, а под конец дня — снотворное. Распоряжение доктора.

— А что со мной?

— Крайнее истощение, длительное голодание и первый случай цинги на моей памяти. А, ну и еще чесотка и вши — но с ними мы уже справились. Теперь ты все знаешь, но если скажешь доктору, что это я проболталась, то я скажу, что ты врешь. А теперь перевернемся на животик.

Я перевернулся на живот, и она стала менять повязки. Похоже, у меня вся спина была в болячках. Мазь поначалу немного жгла, но потом ощущалась прохлада. Обдумав слова Дорис, я попытался вспомнить, как жил при хозяине.

— Не дрожи, — сказала она. — Тебе нездоровится?

— Нет, все в порядке, — ответил я.

Мне действительно удалось унять дрожь и начать все обдумывать спокойно. Насколько я помнил, есть за эти дни мне доводилось не чаще чем раз в два или три дня. Мыться? Попытаюсь вспомнить... черт, за это время я вообще не мылся! Брился, правда, каждый день и надевал свежую сорочку: хозяин понимал, что это необходимое условие маскарада.

Но зато ботинки, насколько я помнил, я ни разу не снимал с тех самых пор, как украл их на старой базе, а они еще вдобавок и малы были.

— Что у меня с ногами? — спросил я.

— Много будешь знать, скоро состаришься, — ответила Дорис. — А теперь перевернись на спинку.

Мне нравятся медсестры: они всегда спокойные, практичные и очень терпеливые. Ночной сестре, мисс Бриггс, с ее вечно недовольной лошадиной физиономией, до малышки Дорис было, конечно, далеко. Впрочем, у нее была прекрасная для женщины ее возраста фигура, крепкая и хорошо ухоженная. Она носила такой же мюзик-холльный

наряд, в каком щеголяла Дорис, но никаких шуточек по этому поводу себе не позволяла, и походка у нее была как у гренадера. У Дорис, слава богу, при ходьбе все очаровательно подпрыгивало.

Ночью я проснулся от какого-то кошмара. Мисс Бриггс отказалась дать мне вторую таблетку снотворного, но согласилась сыграть со мной в покер и обчистила меня на половину месячного жалованья. Я пытался вытянуть из нее что-нибудь о президенте, потому что полагал, что к этому времени Старик должен был либо выиграть, либо проиграть. Но это оказалось невозможно. Она делала вид, будто вообще ничего не знает о паразитах, летающих тарелках и тому подобном, и при этом сидела передо мной в наряде, который могла надеть только по одной причине!

Тогда я спросил, о чем говорят в новостях. Она ответила, что в последнее время ей некогда было следить за передачами. А когда я попросил поставить мне в палату стереоящик, чтобы я мог ловить последние известия, сказала, что это нужно спрашивать у доктора, который прописал мне «полный покой». Я поинтересовался: и когда же, черт возьми, я смогу увидеть этого самого доктора; а она сказала, что не знает: доктор в последнее время очень занят. Я спросил, как много других пациентов сейчас в лазарете, она ответила, что не помнит. Тут раздался сигнал вызова, и она ушла к другому пациенту.

Пока она ходила, я подтасовал колоду, положил ей на следующую сдачу хорошие карты, не требующие прикупа, — с тем чтобы мне не делать ставку при торге.

Я уснул поздно и проснулся, лишь когда мисс Бриггс хлопнула меня по лицу холодной мокрой мочалкой. Затем она помогла мне подготовиться к завтраку, который принесла сменившая ее Дорис. На этот раз я ел самостоятельно, а за едой попытался вывести у нее какие-нибудь новости, но так же, как и с мисс Бриггс, ничего не добился. Сиделки порой ведут себя так, будто работают не в больнице, а в яслях для умственно отсталых детей.

После завтрака заглянул Дэвидсон.

— Мне сказали, что ты здесь. — На нем были только шорты, и ничего больше, если не считать бинтов на левой руке.

— Это уже больше, чем сказали мне, — пожаловался я. — Что у тебя с рукой?

— Пчела ужалила.

Я не стал развивать тему, раз он не хотел говорить, при каких обстоятельствах его зацепило, — это его личное дело.

— Вчера здесь был Старик. Он выслушал мой отчет и вылетел отсюда пулей. Ты его после этого видел?

— Видел.

— И что? — спросил я.

— Да все нормально. Сам-то как? Психологи уже допустили тебя к секретным материалам?

— А что, кто-то во мне сомневается?

— Да, черт возьми, еще как! Бедняга Джарвис так и не оклемался.

— Серьезно? — Я и думать забыл о Джарвисе. — И как он сейчас?

— Никак. Никто в его голове не копался. Он впал в кому и умер на следующий день после того, как ты сбежал. В смысле — после того, как тебя захватили. Не было никаких видимых причин, просто взял и умер. — Дэвидсон смерил меня взглядом. — Должно быть, ты оказался покрепче.

Я не чувствовал себя «покрепче». Я чувствовал, что вот-вот опять разрыдаюсь, и заморгал глазами, отгоняя подступившие слезы. Дэвидсон сделал вид, будто ничего не заметил, и продолжал говорить:

— Видел бы ты, что тут поднялось, когда ты смылся! Старик рванул за тобой, если можно так выразиться, в одном пистолете и насулпленных бровях. Он бы тебя поймал, но его загребла полиция, и пришлось его самого выручать. — Дэвидсон ухмыльнулся.

Я слабо улыбнулся в ответ. Было в этой сцене что-то одновременно возвышенное и комичное: Старик в чем мать родила несется спасать мир от смертельной опасности.

— Жаль, я это пропустил. А что еще случилось в последнее время?

Дэвидсон пристально посмотрел на меня и сказал:

— Подожди минуту.

Он вышел из палаты, но вскоре вернулся.

— Старик сказал, что можно рассказывать. Что тебя интересует?

— Все! Что вчера произошло?

— Вот вчера-то меня как раз и прижгли. — Он повел забинтованной рукой. — Повезло еще, потому что троих других агентов убили. В общем, шороху много было.

— Но как это случилось? А президент? У него...

Тут в палату ворвалась Дорис.

— Вот ты где! — накинулась она на Дэвидсона. — Я же сказала тебе оставаться в постели! Тебя должны оперировать в больнице Милосердия прямо сейчас! «Скорая» ждет тебя уже десять минут!

Дэвидсон встал, улыбнулся ей и уцепился за щеку здоровой рукой.

— Без меня все равно не начнут.

— Ну же, скорее!

— Иду.

Они пошли к двери.

— Эй! — выкрикнул я. — А что с президентом?

Дэвидсон оглянулся через плечо:

— С ним-то? С ним все в порядке, ни единой царапины.

И он ушел.

Через несколько минут вернулась рассерженная Дорис.

— Пациенты! — произнесла она так, будто это бранное слово. — Я ему должна была двадцать минут назад укол сделать, чтоб подействовал еще до больницы. А сделала, когда он в машину садился.

— Что за укол?

— А он не сказал?

— Нет.

— Мм... В общем-то, никакого секрета тут нет. Ему левую кисть ампутировали и пересаживают новую.

— Ого!

Теперь он, подумал я, уже не расскажет, чем кончилось, потому что увидимся мы не скоро: когда руку пересаживают, это не шутка; его дней десять под наркозом продержат. Я вдруг вспомнил о Старике: а он-то выжил в этой передряге? Да конечно выжил, напомнил я себе, Дэвидсон переговорил с ним, прежде чем хоть что-то мне рассказать.

Но это вовсе не значит, что он, например, не ранен. Я снова решил попытать Дорис:

— А что со Стариком? Он тоже в больнице? Или раскрыть эту тайну будет против ваших священных правил?

— Слишком много разговариваем, — ответила она. — У вас по расписанию второй завтрак и сон.

С ловкостью профессионального фокусника она извлекла откуда-то стакан молочно-белой жижи.

— Рассказывай, девчонка, не то я выплуну эту гадость тебе в лицо.

— Старик? Ты имеешь в виду шефа Отдела?

— Кого же еще?

— Он не в больнице, по крайней мере не в этой. — Она передернула плечиками и поморщилась. — Не приведи господь такого пациента.

В этом я с ней не мог не согласиться.

10

Еще дня два или три меня держали в постели и обращались со мной как с ребенком. Впрочем, я не возражал: последние несколько лет мне просто не доводилось отдыхать по-настоящему. Вероятно, меня держали на транквилизаторах; я заметил, что каждый раз после еды меня клонило в сон. Болячки заживали, и вскоре Дорис мне позволила — точнее, приказала — выполнять легкие упражнения, не покидая палаты.

Потом как-то заглянул Старик.

— Ну-ну, симулируешь, значит?

Я вспыхнул:

— Какая неблагодарность, черт побери! Достань мне штаны, и я тебе покажу, кто симулирует.

— Остынь. — Старик посмотрел мою больничную карту, потом сказал Дорис: — Сестра, принесите этому человеку шорты. Я возвращаю его на действительную службу.

Дорис набросилась на него, как рассерженная наседка:

— А теперь слушайте меня! Вы, может, и большая шишка, но здесь ваши приказы не имеют силы. Если лечащий врач...

— Хватит! И выдайте ему какие-нибудь подштанники. Когда придет доктор, отправьте его ко мне.

— Но...

Старик подхватил ее на руки, поставил лицом к двери и, хлопнув по попке, сказал:

— Быстро!

Она вышла, шипя и фыркая, как рассерженная кошка, и вскоре вернулась — но не с моей одеждой, а с доктором. Старик оглядел их и мягко заметил:

— Док, я послал ее за штанами, а не за врачом.

Тот ответил довольно сухо:

— Я был бы вам признателен, если бы вы не беспокоили моих пациентов.

— Он уже не ваш пациент. Он мне нужен, и я возвращаю его на службу.

— Да? Сэр, если вам не нравится, как я справляюсь со своими обязанностями, я могу подать в отставку немедленно.

Старик упрям, но знает, когда нужно отступить. Он тут же сдал назад:

— Прошу прощения, сэр. Иногда я слишком занят своими проблемами и забываю следовать стандартным процедурам. Не будете ли вы так любезны обследовать этого пациента? Если его можно вернуть на службу, он нужен мне как можно скорей.

У доктора на щеках заиграли желваки, однако он лишь коротко ответил:

— Разумеется, сэр.

Он демонстративно изучил мою карту, затем заставил меня сесть на кровати и проверил мои рефлексы. Лично мне показалось, что они были довольно вялыми. Потом он задрал мне веко, посветил в глаз фонариком и заявил:

— Ему еще потребуется время, чтобы восстановить силы... Но можете его забирать. Сестра, принесите пациенту одежду.

«Одежда» состояла из шорт и ботинок. Я был одет куда основательней, когда носил больничный халат. Но окружающие были одеты точно так же, и, признаться, при виде людей с голыми плечами, без паразитов, у меня на душе становилось спокойнее. О чем я сразу сказал Старика.

— Лучшая защита, которая у нас есть, — проворчал он. — Хотя контора теперь смахивает на пляж, полный курортников. Если мы не справимся с этой нечистью до зимы, нам конец.

Старик остановился у двери со свежей надписью: «БИОЛОГИЧЕСКАЯ ЛАБОРАТОРИЯ. НЕ ВХОДИТЬ!»

Он распахнул дверь.

Я попятился:

— Куда это мы идем?

— Взглянуть на твоего дублера, на обезьяну с твоим паразитом.

— Так я и думал. Мне это ни к чему, да и смысла никакого... Нет, спасибо! — Я почувствовал, что меня трясет.

Старик остановился на пороге.

— Послушай, сынок, — терпеливо сказал он, — тебе нужно преодолеть свой страх. И лучший способ — это встретиться с ним лицом к лицу. Знаю, тебе нелегко. Я сам тут провел несколько часов, просто глядя на эту тварь и пытаюсь привыкнуть к ее виду.

— Ты ничего не знаешь, откуда тебе знать! — Меня колотило так, что пришлось опереться о дверной косяк.

Он посмотрел на меня:

— Да, видимо, когда поносишь на спине паразита, это все воспринимается по-другому. Джарвис... — Он вдруг оборвал себя.

— Ты чертовски прав, именно по-другому! И ты меня туда не затащишь.

— Нет, я не стану этого делать. Что ж, очевидно, врач был прав. Возвращайся, сынок, и ложись обратно.

Я понял, что Старик на меня не злится. Его голос звучал скорее печально. Он отвернулся и переступил порог лаборатории.

И сделал еще три или четыре шага, прежде чем я позвал:

— Босс!

Старик остановился и повернулся ко мне с непроницаемым лицом.

— Я иду, — добавил я.

— Может быть, не стоит?

— Справлюсь. Просто это трудно... вот так сразу... Нервы...

Старик участливо взял меня под локоть и повел, будто девушку на прогулке. Мы прошли еще одну запертую дверь и очутились в помещении с влажным теплым воздухом. Там в клетке сидела обезьяна.

Ее тело удерживал на месте металлический каркас. Руки и ноги безвольно висели, словно она не могла ими управлять, — так оно и было, как я узнал позднее.

Когда мы вошли, обезьяна вскинула голову и поглядела на нас. На мгновение в ее глазах вспыхнули ум и ненависть. Затем огонь угас, и они стали просто глазами бессловесного животного. Животному было больно.

— С другой стороны, — тихо сказал Старик.

Я бы не пошел, но он все еще держал меня под руку. Мы двинулись в обход клетки. Обезьяна следовала за нами взглядом, но ее тело надежно удерживал каркас. Зайдя сзади, я увидел...

Хозяин. Тварь, которая бог знает сколько времени ездила у меня на спине, говорила моим языком, думала моим мозгом. Мой хозяин.

— Спокойно, — тихо сказал Старик. — Спокойно. Ты привыкнешь к нему. — Он сжал мою руку. — Отвернись ненадолго, это помогает.

Я так и сделал, и это действительно помогло. Не так чтобы сильно, слегка. Я несколько раз глубоко вздохнул и задержал дыхание. Сердцебиение немного успокоилось, и я заставил себя повернуться и взглянуть на паразита.

Ужас, собственно, вызывает не сам его вид. Да, они мерзкие и уродливые, но не больше, чем слизь в пруду, и не такие отвратительные, как личинки, копошащиеся в мусоре.

И дело не в том, что ты знаешь о способностях паразитов: то же самое чувство я испытал и в первый раз, еще до того, как узнал, что это за твари. Я попытался объяснить свои мысли Старику, и он кивнул, не отрывая взгляда от паразита.

— Да, — сказал он, — у других то же самое. Безотчетный страх, как у птицы перед змеей. Возможно, это их основное оружие. — Он отвел взгляд в сторону, словно даже его железные нервы не выдерживали такого зрелища.

Я тоже не трогался с места, заставляя себя привыкать и пытаюсь удержать завтрак внутри. Говорил себе, что теперь хозяин уже не страшен, что он ничего не может мне сделать. Затем отвел глаза и обнаружил, что Старик за мной наблюдает.

— Ну как? Уже легче?

Я посмотрел на хозяина.

— Немного, — сказал я и с ненавистью добавил: — Но больше всего на свете я хочу его убить. Хочу убить их всех! Я бы всю свою жизнь убивал и убивал этих тварей. — Меня опять затрясло.

Старик серьезно посмотрел на меня, затем протянул свой пистолет:

— Держи.

Я не сразу понял, в чем дело. Своего оружия у меня не было, поскольку мы пришли сюда прямо из больничной палаты. Я взял пистолет и бросил на Старика вопросительный взгляд.

— Э-э-э... зачем?

— Ты же хочешь ее убить. Если тебе это нужно, вперед. Убей. Прямо сейчас.

— Ха! Но ты же говорил, что тварь нужна для изучения.

— Нужна. Но если ты считаешь, что должен ее убить, убей. Это ведь твой хозяин. Если для того, чтобы вновь стать человеком, ты должен ее убить, не стесняйся.

Вновь стать человеком. Мысль звучала в мозгу как набат. Старик знал, какое мне нужно лекарство. Я уже не дрожал. Оружие, готовое извергать огонь и убивать, лежало в ладони как влитое. Мой хозяин...

Я убью его и вновь стану свободным человеком. Если хозяин останется в живых, этого никогда не произойдет. Мне хотелось уничтожить их всех, отыскать и выжечь всех до единого, но первым делом — этого.

Мой хозяин... останется моим хозяином, пока я его не убью. У меня было жуткое и кристально ясное ощущение, что, если нас оставят с ним наедине, я не смогу даже пошевелить пальцем, что я замру и буду покорно ждать, пока он заползает ко мне на спину, снова устраивается между лопатками, нащупывает мой позвоночник и овладевает

моим мозгом и всем моим естеством — до самой последней капли.

Но теперь я мог его убить!

Уже без страха, с переполняющим меня ликованием я прицелился.

Старик по-прежнему смотрел на меня.

Я опустил оружие и неуверенно спросил:

— Босс, положим, я убью этого паразита. А другой есть?

— Нет.

— Но ведь он нужен.

— Да.

— Тогда... Черт, зачем ты дал мне пистолет?

— Ты сам знаешь. Если тебе нужно, убей. Если сумеешь обойтись, тогда им займется Отдел.

Я должен был выстрелить. Даже если мы убьем всех остальных, пока будет жив этот, я так и не перестану трястись в темноте от страха... А что касается других, то в одном только Конституционном клубе можно взять сразу дюжину. Убью этого — и мне уже ничего не страшно: я сам поведу туда группу захвата. Учащенно дыша, я снова поднял пистолет.

Затем отвернулся и кинул его Старiku. Тот поймал оружие на лету и спросил:

— В чем дело?

— А? Не знаю. Когда я уже совсем собрался нажать на спуск, мне стало достаточно просто знать, что я могу это сделать.

— Я тоже так решил.

На душе у меня стало тепло и спокойно, словно я только что убил мужчину или переспал с женщиной — словно я действительно прикончил эту тварь. Я смог повернуться к ней спиной и даже не злился на Старика за то, что он тут устроил; вместо этого я чувствовал признательность.

— Я же понял, что ты все подстроил, черт бы тебя побрал! Ну и как тебе роль кукловода?

Но Старик не принял шутки. Вместо этого он очень серьезно сказал:

— Это не про меня. Самое большее, что я когда-либо делал, — это выводил человека на ту дорогу, по которой он

сам хотел бы идти. А настоящий кукловод — вот он. — И Старик ткнул пальцем в паразита.

Я обернулся.

— Да... — согласился я, — это настоящий кукловод. И ты даже не представляешь, насколько точно угадал. И, босс... надеюсь, ты никогда об этом не узнаешь.

— Я тоже на это надеюсь, — ответил он серьезно.

Теперь я мог смотреть на хозяина без содрогания. Мне даже захотелось с независимым видом засунуть руки в карманы, вот только у шорт никаких карманов не было.

— Босс, — сказал я, по-прежнему не отводя взгляда от паразита, — если от него что-нибудь останется, когда вы с ним закончите, — я его убью.

— Заметано, — сказал он.

Нас прервал человек, который неожиданно влетел в лабораторию. В шортах и в белом лабораторном халате, он выглядел довольно по-дурацки. Это был не Грейвс, я этого парня не знал. Кстати, Грейвса я больше никогда не видел: наверно, Старик его просто съел.

— Прошу прощения, шеф, — выпалил он, подбегая, — я не знал, что вы здесь! Я...

— Да, я здесь, — перебил его Старик. — Почему в халате? — Его пистолет выскочил из кобуры и нацелился парню прямо в грудь.

Тот уставился на пистолет с таким выражением, будто происходящее показалось ему неудачной шуткой.

— Э-э-э... Так я же работал. Не ровен час, обольешься чем, а там у нас растворы бывают...

— Снять!

— Что?

Старик повел пистолетом и скомандовал мне:

— Приготовься.

Парень торопливо скинул халат и стиснул его в руках, нервно кусая губы. На плечах ничего не было, красной сыпи на спине тоже.

— Теперь ты возьмешь этот халат и к чертовой матери сожжешь, — приказал Старик. — А затем вернешься к работе.

Залившись краской, парень шмыгнул к двери, но у порога остановился, зыркнул на меня и спросил Старика:

— Шеф, вы уже готовы к этой... э-э-э... процедуре?

— Скоро буду. Я дам знать.

Парень открыл было рот, потом закрыл его и вышел. Старик, тяжело вздохнув, убрал пистолет и проворчал:

— Вот так всегда. Отдаешь приказ. Зачитываешь вслух. Заставляешь каждого под ним расписаться. И что толку? Можно даже вытатуировать приказ на их хиленьких цыплячьих грудках, и все равно найдется какой-нибудь умник, который считает, что его это не касается. Ученые!

Последнее слово он сказал с той же интонацией, с какой Дорис говорила свое «Пациенты!».

Я снова повернулся к своему бывшему хозяину. Вид его по-прежнему вызывал у меня отвращение, но теперь оно сопровождалось обостренным ощущением опасности. И не совсем, по правде говоря, неприятным — словно стоишь на краю пропасти.

— Босс, — спросил я, — что вы собираетесь с ним делать?

Он посмотрел на меня, а не на слизня:

— Я собираюсь его допросить.

— Допросить? Но как вы... То есть обезьяна же не...

— Да, обезьяна говорить не может. Нам придется найти добровольца. Человека.

Когда смысл его слов наконец дошел до меня и я представил себе эту картину, ужас охватил меня почти с прежней силой.

— Ты сошел с ума. Ты не имеешь права так поступать — даже с добровольцами!

— У меня есть это право, и я это сделаю. Мы сделаем все, что потребуется.

— Вы не найдете добровольцев!

— Одного уже нашли...

— Да ну! И кто же это?

— ...но я не хотел бы использовать того человека. Мне нужен другой.

Сама мысль об этом казалась мне отвратительной, и я не стал скрывать своих чувств.

— Доброволец он или нет, это все равно грязное дело. Ладно, один у вас есть, но второго такого психа вы долго искать будете.

— Возможно, — согласился Старик. — Но я все же не хотел бы использовать первого добровольца. А допрос нам необходим, сынок: мы ведем войну при полном отсутствии разведданных. Мы в действительности ничего не знаем о нашем враге, не можем вести с ним переговоры, не знаем, откуда он и что им движет. Мы должны это выяснить, потому что на кону существование человечества. Говорить с паразитом можно только через человека. Значит, так мы и сделаем. Но мне по-прежнему нужен доброволец.

— Ладно, только меня от этого увольте!

— Я не могу тебя уволить.

Я сказал это наполовину шутя, но он ответил таким тоном, что я чуть заикаться не начал.

— Ты... да ты с ума сошел! Нужно было убить эту заразу, когда ты дал мне свой пистолет. Знал бы заранее, что ты задумал, так бы и сделал. Но чтобы я добровольно позволил снова посадить паразита себе на спину — нет уж, спасибо, натаскался!

Он продолжал гнуть свое, словно меня и не слышал:

— Кто угодно тут не подойдет. Нужен человек, который сможет это выдержать. Джарвис, как оказалось, был недостаточно крепок, сломался. А про тебя мы знаем, что ты на это способен.

— Я? Да вы ни черта не знаете! Все, что вы знаете, — это то, что один раз я после этого выжил. Я... Еще одного раза мне не выдержать.

— Возможно, это тебя убьет, — спокойно сказал Старик. — Но у тебя больше шансов остаться в живых, чем у кого-либо еще. Ты вошел в эту дверь и вышел из нее, теперь ты обязан уметь повторить этот фокус, стоя на голове. Если взять кого-то другого, я рискую потерять агента.

— С каких пор это начало тебя беспокоить? — усмехнулся я.

— Я даю тебе последнюю возможность решить: согласен ли ты на эксперимент, зная, что это необходимо, что у тебя больше всех шансов и что пользы от тебя будет больше, чем от других, потому что у тебя уже есть опыт?

Или ты предпочитаешь, чтобы вместо тебя рисковал своей психикой и своей жизнью какой-то другой агент?

Я попытался объяснить ему, что у меня на душе. Что я не боюсь умереть — в смысле, боюсь не больше обычного. Но мысль о том, что я умру, находясь во власти паразита, была просто невыносима. Почему-то мне казалось, что такой смертью я заранее обрекаю себя на бесконечные муки в аду. Еще хуже была перспектива ощутить прикосновение слизня — и не сдохнуть тут же на месте. Однако я не мог выразить это словами — не существовало слов, описывающих то, с чем человечество раньше не сталкивалось. И поэтому я просто пожал плечами:

— Можешь меня уволить, но есть какие-то пределы тому, что человек в силах вынести. Я не соглашусь.

Он повернулся к интеркому на стене.

— Лаборатория, — сказал он, — мы начинаем эксперимент прямо сейчас. Поторопитесь!

— А кто объект? — донеслось из динамика, и я узнал голос парня, который только что тут был. — От этого зависит размер сбруи.

— Первый добровolec.

— Это для которого станок поменьше? — с сомнением спросил голос.

— Да. Ташите сюда.

Я двинулся к двери.

— Куда это ты собрался? — резко спросил Старик.

— Куда подальше! — огрызнулся я. — Я в этом не участвую.

Он сграбастал меня и одним движением развернул обратно — словно был на голову выше и на пару лет моложе, чем я.

— Нет, ты никуда не идешь. Ты знаешь об этих тварях больше всех, и твои советы могут быть полезны.

— Отпусти меня.

— Ты останешься — либо по своей воле, либо я прикажу тебя связать, — раздраженно сказал Старик. — Я сделал скидку на болезнь, но твои фокусы мне надоели!

У меня уже не осталось сил спорить.

— Валяй, ты здесь главный.

Лаборанты вкатили в комнату кресло на колесиках, хотя, по правде сказать, этот предмет обстановки больше напоминал электрический стул: ремни для запястий, локтей, лодыжек и колен, крепления у пояса и груди, но спинка была срезана, чтобы плечи жертвы оставались открытыми.

Кресло установили рядом с клеткой обезьяны, затем убрали заднюю стенку клетки и ближнюю к нему боковую панель. Обезьяна наблюдала за приготовлениями внимательным, настороженным взглядом, но ее конечности по-прежнему безвольно свисали. Тем не менее, когда открыли клетку, мне снова стало не по себе, и я остался на месте только из опасения, что Старик действительно прикажет меня связать.

Лаборанты отошли в сторону и стали ждать, очевидно готовые начать работу. Открылась дверь, и в комнату вошли еще несколько человек, среди них Мэри.

Я растерялся. Мне очень хотелось ее увидеть, и я пытался отыскать ее через медсестер, но они или действительно не знали, кто она, или получили на этот счет какие-то распоряжения. Теперь мы наконец встретились, но при таких обстоятельствах... Черт бы побрал Старика! Ну зачем приглашать на такое «представление» женщину, пусть даже женщину-агента? Должны же быть какие-то рамки!

Мэри бросила на меня удивленный взгляд, затем кивнула. Я ответил таким же кивком — время было не для светских бесед. Выглядела она отлично, как всегда, только очень серьезно. На ней был такой же наряд, как у сиделок, — шорты и полоска ткани на груди, но без этого нелепого шлема и без панциря на спине.

Остальные в этой компании были мужчины в таких же шортах, как на мне и Старике. Они принесли записывающую и стереоаппаратуру и еще какие-то приборы.

— Готовы? — спросил начальник лаборатории.

— Да, поехали, — ответил Старик.

Мэри подошла к металлическому креслу и села. Двое лаборантов опустили на колени и занялись зажимами на ногах. Мэри завела руки за спину и расстегнула крючки, позволив своей ленточке упасть, оставив ее спину голой. Я смотрел на происходящее в морозном оцепенении, словно угодил в кошмар. Потом схватил Старика за плечи, от-

швырнул в сторону и, подскочив к креслу, раскидал лаборантов.

— Мэри! — крикнул я. — Вставай! Скорее!

Старик выхватил пистолет и навел на меня.

— Прочь от нее! — приказал он. — Вы трое, взять его и связать!

Я посмотрел на пистолет, потом на Мэри. Она ничего не говорила и не двигалась — ноги у нее уже были пристегнуты, — просто смотрела на меня полным сочувствия взглядом.

— Ладно, Мэри, вставай, — сказал я внезапно севшим голосом. — Мне захотелось посидеть.

Они убрали кресло, в котором сидела Мэри, и прикатали другое, побольше. Ее кресло мне не подходило: их сделали точно по фигуре. С застегнутыми ремнями ощущение было такое, будто меня залили в бетон. И сразу же начала нестерпимо чесаться спина, хотя к ней пока еще ничто не прикасалось.

К этому времени Мэри в комнате уже не было. Я не заметил, сама она ушла или ей приказал уйти Старик, да это, похоже, и не имело значения. Когда приготовления закончились, Старик подошел, положил руку мне на плечо и тихо сказал:

— Спасибо, сынок.

Я промолчал.

Я не видел, что они делали с паразитом, потому что это происходило у меня за спиной. Я видел, что они принесли с собой устройство, сделанное, похоже, из дистанционного манипулятора для работы с радиоактивными материалами. Не сомневаюсь, они задействовали именно эту штуку. Мне это было не настолько интересно, чтобы пытаться посмотреть, даже если бы я мог повернуть голову.

Обезьяна только один раз взревела, а потом завизжала, и кто-то крикнул: «Осторожней!»

Затем наступила мертвая тишина, словно все затаили дыхание...

Потом что-то влажное коснулось моей шеи — и я потерял сознание.

Очнулся я со знакомым ощущением звенящей во мне энергии. Я понимал, что здорово влип, но с осторожностью начал просчитывать варианты спасения. Страха не было. К существам, собравшимся вокруг меня, я испытывал презрение и не сомневался, что в конечном счете как-нибудь их перехитрю.

— Ты меня слышишь? — громко спросил Старик.

— Разумеется, — ответил я. — Незачем орать.

— Ты помнишь, зачем ты здесь?

— Разумеется, помню. Вы хотели задать какие-то вопросы. Чего же вы ждете?

— Что ты такое?

— Ну, это совсем глупый вопрос. Просто посмотри на меня: во мне шесть футов и один дюйм, мышц больше, чем мозга, вес...

— Это не ты. Ты знаешь, к кому я сейчас обращаюсь — к тебе!

— В угадайку играем?

Старик ответил не сразу.

— Ты ничего не выиграешь, притворяясь, будто я не знаю, кто ты такой...

— Увы, но ты и в самом деле не знаешь.

— ...или, точнее, будто я не знаю, что ты — паразит и сейчас разговариваешь, используя тело человека. Я изучал тебя все то время, что ты жил на теле обезьяны. И то, что я узнал, дает мне преимущество перед тобой. Во-первых, — он принялся загибать пальцы, — тебя можно убить. Во-вторых, ты чувствуешь боль. Тебе не нравятся удары электрическим током, и ты не выносишь температур, которые способен вынести даже человек. В-третьих, ты беспомощен без своего носителя. Я могу снять тебя с этого человека, и ты умрешь. В-четвертых, ты ничего не можешь сделать без своего носителя, а он сейчас бесполезен. Проверь-ка ремни на прочность и не делай глупостей. Так что ты или будешь отвечать на наши вопросы, или умрешь.

Я слушал вполуха. Я уже проверил ремни, без особой надежды, но и без особого страха, и обнаружил, как я и ожидал, что порвать их действительно невозможно. Но это меня несколько не тревожило, я не чувствовал ни беспомощности, ни страха, только какое-то отстраненное удовле-

творение оттого, что вернулся к хозяину, что свободен от проблем и внутренних конфликтов. Мое дело было служить ему — и только, а дальше будь что будет. А пока я должен был следить за ситуацией, готовый в любой момент выполнить свою работу.

Один ремень на лодыжке вроде был затянут слабее остальных: возможно, мне удастся вытащить ногу... Затем я проверил еще раз ремни на руках. Может, если полностью расслабиться...

Сразу последовали указания — или я сам принял решение: в такой ситуации это одно и то же. Никаких разногласий между мной и хозяином не было: мы думали и действовали как одно целое. Короче, инструкции это были или собственное решение, но я знал, что побег сейчас не удастся. Обводя комнату взглядом, я пытался определить, кто из присутствующих вооружен. Возможно, только Старик: значит, уже легче.

Где-то в глубине души затаилось ноющее чувство вины и отчаяния, знакомое лишь слуге, действующему по воле инопланетного паразита, но я был слишком занят, чтобы переживать.

— Итак, — продолжал Старик, — ты будешь отвечать на мои вопросы или придется тебя заставить?

— Какие вопросы? — спросил я. — До сих пор я не слышал ни одного вразумительного вопроса.

Старик повернулся к лаборанту:

— Дай мне щекоталку.

Я не почувствовал тревоги, хотя и не понял, что именно он попросил. Я все еще был поглощен проверкой ремней. Если удастся как-то подманить его поближе, чтобы пистолет оказался в пределах досягаемости, и если при этом я сумею высвободить одну руку, тогда я смогу...

Он сунул прут куда-то мне за спину, и я почувствовал дикую боль. Свет в комнате погас, словно кто-то щелкнул выключателем, и на один бесконечный миг меня скрутила адская судорога. Боль расколола меня на кусочки, и на мгновение я потерял связь с хозяином.

Затем боль схлынула, оставив после себя только обжигающее воспоминание. Но не успел я собраться с мыслями, как связь между нами восстановилась, и я снова ока-

зался в безопасности во власти моего хозяина. Но в первый и единственный раз за всю мою службу меня охватило беспокойство: его дикий страх и боль отчасти передались и мне.

Я посмотрел вниз и увидел алую струйку, бьющую из моего левого запястья. В пылу борьбы я порезался о зажим. Это не имело значения: я оторвал бы себе руки и ноги и убежал бы оттуда на истекающих кровью культях, если бы мог таким образом спасти своего хозяина.

— Ну как, понравилось? — спросил Старик.

Паника, овладевшая было мной, схлынула, я снова наполнился беззаботным ощущением благополучия, но по-прежнему не терял бдительности. Запястья и лодыжки тоже уже не болели.

— Зачем ты это сделал? — спросил я. — Разумеется, ты можешь причинить мне боль, но зачем?

— Отвечай на мои вопросы.

— Задай их.

— Что ты такое?

Ответ появился у меня не сразу. Старик уже потянулся за разрядником, когда я услышал свой собственный голос:

— Мы — народ.

— Народ? Какой народ?

— Единственный народ. Мы изучили вас и знаем вашу жизнь. Мы... — Внезапно я замолчал.

— Продолжай, — мрачно приказал Старик и повел в мою сторону разрядником.

— Мы пришли, — продолжил я, — чтобы принести вам...

— Принести что?

Я хотел говорить: стержень разрядника покачивался ужасающе близко. Но мне не хватало слов.

— Чтобы принести вам мир, — вырвалось у меня.

Старик фыркнул.

— Мир, — продолжал я, — и удовлетворение... и радость... радость подчинения... — Я снова запнулся: «подчинение» было неправильным словом, я мучился, словно пытался говорить на скверно выученном иностранном языке. — Радость, — повторил я, — радость... нирваны.

Это было правильное слово. Я почувствовал себя собакой, которую погладили по голове за то, что она принесла палку, — весь извивался от удовольствия.

— Давай уточним, — задумчиво сказал Старик. — Вы обещаете, что, если человечество капитулирует перед вашим видом, вы будете заботиться о нас и сделаете нас счастливыми. Правильно?

— В точку!

Старик смерил меня долгим взглядом, но смотрел не в лицо, а куда-то поверх моего плеча, а затем сплюнул на пол.

— Знаешь, — произнес он медленно, — нам, человечеству, уже не раз предлагали такую сделку, хотя, наверное, не в таком грандиозном масштабе. Из этого никогда ни черта не выходило.

Я наклонился вперед, насколько позволяла сбрюя.

— Попробуй сам, — посоветовал я. — Это очень быстро, и тогда ты поймешь.

На этот раз он взглянул мне в глаза:

— Может, мне так и следовало поступить. Может, я обязан испытать это не на... испытать это на себе. Не исключено, что когда-нибудь испытаю. Позже. А сейчас, — Старик вновь заговорил быстро и деловито, — сейчас ты будешь отвечать на мои вопросы. Если будешь отвечать сразу и правильно, ничего с тобой не случится. Будешь медлить, я увеличу ток. — И он помахал разрядником.

Я съезжился, почувствовав поражение. На какое-то мгновение мне показалось, что он согласится, и я уже начал планировать побег.

— А теперь, — продолжал он, — откуда ты прибыл?

Ответа не было... Я не испытывал желания отвечать.

Разрядник придвинулся ближе.

— Издалека! — выпалил я.

— Это не новость. Говори откуда? Где ваша основная база, ваша родная планета?

У меня не было никакого ответа. Старик подождал немного, затем сказал:

— Видимо, придется подстегнуть твою память.

Я тупо следил за ним; в голове — ни единой мысли. Но тут к нему обратился один из помощников.

— Что? — переспросил Старик.

— Возможно, здесь какая-то семантическая проблема, — повторил тот. — Различия в астрономических понятиях.

— Откуда? Паразит знает столько же, сколько знает его носитель. Это мы уже доказали. — Однако он опустил разрядник и задал вопрос по-другому. — Ладно. Солнечная система-то уж тебе точно знакома. Ваша планета внутри или вне Солнечной системы?

Я помедлил, потом ответил:

— Все планеты — наши.

Старик выпятил губу и задумчиво произнес:

— Интересно, что ты имеешь в виду... Впрочем, ладно. Пусть хоть Вселенная целиком. Но где ваше гнездо? Откуда прилетели корабли?

Мне нечего было ему ответить, и я не отвечал. Сидел молча.

Тут Старик неожиданно сунул мне за спину электрод — и я ощутил короткий сокрушительный удар боли.

— А теперь говори, черт бы тебя побрал! С какой вы планеты? С Марса? Венеры? Юпитера? Сатурна? Урана? Нептуна? Плутона? Калки?¹

Когда он называл очередную планету, я видел их воочию — а ведь я ни разу не бывал вне Земли дальше космических станций. И когда он назвал правильный ответ, я мгновенно это понял, но мысль будто выдернули из меня, едва она возникла.

— Говори! — продолжал он. — Или отведаешь кнута.

— Ни с одной из них, — услышал я свой собственный голос. — Наш дом находится гораздо дальше. Вам никогда его не найти.

Он посмотрел поверх моего плеча, потом заглянул мне в глаза:

— Ты лжешь. Немного электричества поможет тебе снова стать честным.

— Нет! Нет!

— Ну, попытка не пытка.

¹ *Калки* — в индуистской мифологии десятая, будущая аватара Вишну.

Он медленно завел руку с разрядником мне за спину. В голове у меня снова вспыхнул правильный ответ, и я уже собрался его выдать, но тут что-то сдавило мое горло, а затем началась боль.

И она длилась и длилась. Я разрывался на части, я пытался говорить, сказать хоть что-то, чтобы остановить боль, но невидимая рука по-прежнему сжимала мое горло, и я не мог.

Сквозь плену боли я узнал склонившегося надо мной Старика. Лицо его дрожало и расплывалось.

— Достаточно? — спросил он. — Готов говорить?

Я начал говорить что-то, но поперхнулся, и сразу накатило удушье. Последнее, что я увидел, — это приближающийся хлыст разрядника.

Тут меня разорвало на куски, и я умер.

Надо мной склонились несколько человек, и кто-то из них сказал:

— Приходит в себя. Осторожнее, он может быть агрессивен.

В поле зрения всплыло взволнованное лицо Старика.

— Ты в порядке, сынок? — с тревогой спросил он.

Я отвернулся.

— Отойдите, пожалуйста, — произнес другой голос. — Мне надо сделать ему инъекцию.

— Его сердце выдержит?

— Разумеется — иначе я не стал бы этого делать.

Говоривший опустился рядом со мной на колени, взял меня за руку и сделал мне укол. Потом он встал, посмотрел на свои руки и вытер их о шорты. На шортах остались кровавые полосы.

Я почувствовал, что ко мне возвращаются силы. «Гиро», — подумал я рассеянно, или что-то наподобие. Что бы это ни было, оно вновь собирало меня в единое целое из отдельных кусочков. Вскоре я уже мог сидеть без посторонней помощи. Мы все еще были в комнате с клеткой, а рядом стояло это проклятое кресло. Клетка, отметил я без всякого интереса, снова была заперта. Я начал подниматься на ноги. Старик шагнул вперед и протянул мне руку, но я ее оттолкнул.

— Не трогай меня!

— Извини, — ответил он, затем приказал: — Джонс! Возьми Ито, и давайте за носилками. Отнесите его обратно в лазарет. Док, идите вперед.

— Разумеется.

Человек, который делал мне укол, хотел поддержать меня за руку, но я не позволил.

— Не трогай меня!

Он замер.

— Отойдите от меня — все. Просто оставьте меня в покое.

Врач посмотрел на Старика, тот пожал плечами и жестом приказал всем отойти. Я сам доковылял до двери, затем открыл вторую дверь и выбрался в коридор. Остановился, посмотрел на свои запястья, на лодыжки и решил, что мне так и так нужно в лазарет. Дорис что-нибудь сделает, и, может быть, мне удастся заснуть. Чувствовал я себя так, словно только что провел пятнадцать раундов на ринге и все их проиграл.

— Сэм, Сэм!

Знакомый голос. Мэри подбежала и остановилась, глядя на меня большими, влажными от слез глазами.

— Боже, Сэм... Что они с тобой сделали? — произнесла она, всхлипывая, так что я едва разобрал слова.

— Ты еще спрашиваешь? — ответил я и из последних сил залепил ей пощечину. — Стерва!

Моя палата оказалась свободной, но Дорис нигде не было. Я помнил, что меня должен был сопровождать доктор, но именно сейчас я не хотел видеть ни его, ни кого-либо еще из той шайки. Я закрыл дверь, улегся на кровать лицом вниз и попытался ни о чем не думать и ничего не чувствовать. Потом за спиной у меня кто-то охнул, и я открыл один глаз: у кровати стояла Дорис.

— Что произошло? — воскликнула она, и я почувствовал ее мягкие прикосновения. — Боже, бедный, да что же это... Лежи, не двигайся. Я позову врача.

— Нет!

— Но тебе нужен врач.

— Нет. Я не хочу его видеть. Ты лучше сама.

Она молча вышла из палаты, но вскоре — во всяком случае, мне показалось, что прошло совсем немного времени, — вернулась и начала обмывать мои раны. Доктора с ней не было.

Она весила, наверное, вдвое меньше меня, но, когда ей было нужно, поднимала и поворачивала меня, словно я и в самом деле был бедным маленьким мальчиком, как она меня называла. Меня это не удивило, я знал, что она сумеет обо мне позаботиться.

Когда Дорис касалась спины, я едва сдерживался, чтобы не закричать. Но все закончилось быстро: она наложила бинты и сказала:

— Теперь на спину, осторожно...

— Я лучше останусь лицом вниз.

— Нет, — твердо сказала она. — Я хочу, чтобы ты кое-что выпил. Будь хорошим мальчиком.

В конце концов я оказался на спине — в основном ее стараниями, — выпил лекарство и спустя какое-то время уснул. Я смутно помню, что потом просыпался и что возле кровати сидел Старик и я будто бы обложил его по-черному. Врача, кажется, тоже видел. Но возможно, это был сон.

Разбудила меня мисс Бриггс, а вскоре Дорис принесла завтрак — все как раньше, словно я и не покидал больничной койки. Дорис хотела покормить меня с ложечки, но я был вполне в состоянии сделать это сам. Внешне я в общем-то неплохо отделался, хотя ощущение было такое, будто меня сбросили в бочке в Ниагарский водопад. На руках и на ногах, где я порезался о застежки «кресла», — бинты, но кости остались целы. Душа — вот где болело больше всего.

Не поймите меня неправильно. Старик был вправе послать меня на любое опасное задание — ведь я на это и подписывался. Но я не подписывался на то, что он со мной сделал. Он знал меня как облупленного и попросту загнал в угол, заставил пойти на то, на что я никогда не согласился бы сам. А затем безжалостно использовал.

О, я, бывало, и сам ломал людей, чтобы заставить их говорить. Иногда просто деваться некуда. Но тут было совсем другое, можете мне поверить.

Больше всего я переживал из-за Старика. Мэри?.. Кто она мне, в конце концов? Так, просто еще одна симпатичная крошка. Роль приманки ей удалась, и как же я ее за это ненавидел! Конечно, ничего плохого в том, что она пользуется в своей работе женственностью, нет; Отделу просто не обойтись без женщин-агентов. Шпионки всегда были, а молодые и симпатичные во все времена пускали в ход одни и те же средства.

Но она не должна была соглашаться играть в эту игру против своего же коллеги — во всяком случае, против меня.

Не очень логично звучит, не так ли? Однако мне все в тот момент казалось логичным. Мэри не следовало этого делать. Точка.

И я решил, что с меня довольно. Операцию «Паразит» пусть заканчивают сами. В Адирондаке, в горах, у меня была небольшая хижина с запасом замороженных продуктов на много лет... ну, на год как минимум. У меня хватало таблеток «темпуса», и можно было достать еще. Я решил отправиться туда и наглотаться пилюль, а мир пусть спасает себя сам или катится ко всем чертям — но уже без меня.

А если кто подойдет ближе чем на сотню ярдов, он либо покажет мне голую спину, либо останется лежать на месте с большой прожженной дырой в груди.

11

Я должен был кому-то обо всем рассказать, и слушать меня выпало Дорис. Возможно, это была секретная информация, но мне было наплевать. Оказалось, что Дорис знает все об операции «Паразит», и не было смысла ничего от нее утаивать. Проблема была в том, чтобы вся история перестала быть секретом... но тут я забегаю вперед.

Дорис возмутилась... ой, ладно, она была зла как тысяча чертей. Ведь она сама меня бинтовала и видела, что со мной сделали. По работе ей, конечно, приходилось видеть и хуже, но сейчас это сделали свои же. И тогда я сказал, что я думаю об участии Мэри.

— Знаешь старую уловку, которую применяют на скотобойнях? — спросил я. — Одно животное обучают вести остальных внутрь. Вот что Мэри заставили со мной проделывать.

Дорис не слышала об этом, но она меня поняла.

— Я так понимаю, ты хотел на ней жениться?

— Да. Глупо, правда?

— Не глупее, чем поступают все мужчины и многие женщины, — но дело не в этом. Не важно, хотела ли она выйти за тебя замуж или нет. Главное, она знала, что ты хотел на ней жениться. Из-за этого ее поступок в восемь тысяч раз гаже. Она понимала, что ты ради нее готов на все. С ее стороны это было просто бесчестно.

Дорис прервала на секунду массаж, ее глаза сузились в щелочки.

— Я эту рыжую никогда не видела, но, если увижу, всю рожу ей расцарапаю!

Я улыбнулся:

— Ты славная девушка, Дорис. Надо полагать, ты играешь с мужчинами честно.

— О, я не ангел, в свое время мне тоже случалось обводить мужиков вокруг пальца. Но если бы я сделала что-то, хоть отдаленно похожее, мне пришлось бы разбить все свои зеркала... Ну-ка, перевернись, я займусь другой ногой.

А потом появилась Мэри. Сначала я услышал сердитый голос Дорис:

— Туда нельзя.

Голос Мэри:

— Мне нужно.

— Ну-ка назад! — прикрикнула Дорис. — А то я повыдергаю тебе твои крашенные лохмы.

Последовала короткая пауза, потом за дверью началась возня, которая завершилась звонким шлепком пощечины. Я крикнул:

— Эй, что там происходит?

На пороге они появились вместе. Дорис тяжело дышала, волосы у нее были в беспорядке. Мэри удалось сохранить гордый вид и невозмутимость, но на левой щеке у нее

было ярко-красное пятно, размерами и формой совпадающее с ладонью Дорис. Она смотрела только на меня и игнорировала медсестру.

Дорис наконец перевела дух:

— Убирайся отсюда! Он не хочет тебя видеть.

— Я бы хотела услышать это от него, — ответила Мэри.

Я посмотрел на них обеих и сказал:

— Ладно, чего уж там. Раз она здесь... Я все равно хотел ей кое-что сказать. Спасибо, Дорис.

Дорис секунду молчала, потом выпалила:

— Ты дурак! — и вылетела за дверь.

Мэри подошла к кровати.

— Сэм... — сказала она. — Сэм...

— Меня зовут не Сэм.

— Я до сих пор не знаю твоего настоящего имени.

Я заколебался, но времени объяснять, что родители имели глупость наградить меня именем Элихью, не было, и я сказал:

— Какая разница? Сойдет и «Сэм».

— Сэм, — повторила она, — дорогой мой...

— Я не твой дорогой.

— Да, я знаю, — сказала она, склоняя голову. — Но я не знаю почему. Сэм, я пришла сюда, чтобы узнать, за что ты меня возненавидел. Может быть, я не смогу уже ничего изменить, но мне нужно знать.

Я возмущенно фыркнул:

— И ты еще спрашиваешь за что? После того, что ты со мной сделала? Мэри, ты, возможно, холодна как рыба, но отнюдь не глупа! Я знаю это, ведь я с тобой работал.

Она покачала головой:

— Все наоборот, Сэм. Я совсем не холодна, но часто поступаю глупо. Выслушай меня, пожалуйста. Я знаю, что с тобой сделали. Я понимаю, что ты пошел на все, чтобы избавить от этого меня. Я понимаю и очень тебе за это благодарна. Но я не понимаю, почему ты меня теперь ненавидишь. Я ведь не просила тебя и не хотела, чтобы ты это делал.

Я промолчал. Спустя какое-то время она спросила:

— Ты мне не веришь?

Приподнявшись на локте, я сказал:

— Я верю тебе. Думаю, ты сама себя убедила, что именно так оно и было. А теперь я расскажу тебе, как было на самом деле.

— Скажи, пожалуйста.

— Ты села в это дурацкое кресло, прекрасно понимая, что я ни за что не позволю им проводить эксперимент на тебе. Ты знала это, признаешься ты себе в этом или нет, — я не знаю, на что способен твой изворотливый женский ум. Старик не заставил бы меня сесть в то кресло ни оружием, ни наркотиками. А ты могла. И заставила. Заставила меня сделать нечто такое, на что я сам никогда бы не пошел. Мне легче умереть было, чем вновь посадить себе на плечи эту мерзость, эту грязь. И все из-за тебя!

Пока я говорил, с лица Мэри постепенно сходила краска, и теперь в обрамлении рыжих волос оно казалось чуть ли не зеленым. Когда я замолчал, она судорожно вздохнула и спросила:

— Ты действительно в это веришь, Сэм?

— А как же еще?

— Сэм, все было не так. Я не знала, что ты там будешь, и страшно удивилась. И я не планировала ничего, кроме как пройти все до конца. Потому что обещала.

— Обещала, — съязвил я. — Как школьница прямо.

— Едва ли школьница.

— Не важно. И так же не важно, знала ли ты о моем присутствии или нет, ты, конечно же, будешь отрицать, но это не имеет значения. Главное другое: мы оба там были и ты не могла не понимать, что произойдет, если ты поступишь так, как поступила.

— Ох!.. — Мэри немного помолчала. — Значит, ты так это видишь, и я не могу оспаривать факты.

— Пожалуй.

Довольно долго она стояла не двигаясь. Я молчал. Наконец Мэри сказала:

— Сэм... ты как-то говорил, что хочешь на мне жениться.

— Я помню что-то такое, смутно. Это давно было.

— Я и не ожидала, что ты еще раз мне это предложишь. Но из этого следует кое-что еще. Сэм, независимо от того,

что ты обо мне думаешь, я хочу, чтобы ты знал: я очень благодарна за то, что ты сделал ради меня. И... Сэм, я уже ласковая. Ты меня понимаешь?

Настала моя очередь посмеяться.

— Женщина до мозга костей! Боже правый, работа женского ума никогда не перестанет меня восхищать и изумлять. Вы почему-то думаете, что всегда можно просто сбросить счет и начать по новой с одной этой козырной карты. — Я насмешливо улыбался, а она тем временем заливалась краской. — Только на этот раз ничего не выйдет. Не беспокойся, я не воспользуюсь твоим щедрым предложением.

Она еще больше покраснела, но ответила ровным тоном:

— Что ж, я сама напросилась. Тем не менее все сказанное остается в силе. И это, и если я могу сделать для тебя что-нибудь еще...

Мой локоть онемел. Я откинулся на подушку:

— Вообще-то, можешь.

Ее лицо засветилось надеждой.

— Что?

— Уйди и оставь меня в покое. Я устал, — сказал я и отвернулся.

Я не слышал, как она ушла, но услышал, как вернулась Дорис. Она ошетинилась, как фокстерьер, — должно быть, они опять пересеклись в коридоре. Она встала передо мной, уперев кулачки в бедра, и выглядела очень хорошенькой и очень рассерженной.

— Ну что, она обвела тебя вокруг пальца?

— Я так не думаю.

— Не ври. Ты весь из-за нее размяк. Я знаю, мужчины всегда так делают. Идиоты! Такой женщине, как эта, достаточно вильнуть задницей, и мужик тут же лапки кверху!

— Ничего подобного. Я ей всыпал по первое число.

— Правда?

— Правда. А потом отправил ее на все четыре стороны. Дорис глянула на меня с сомнением:

— Хотелось бы верить. По крайней мере, выглядела эта стерва уже не так нагло. — Она сменила тему. — Как ты себя чувствуешь?

— Замечательно! — Это была чистая ложь.

— Массажик?

— Нет, просто подойди сюда, присядь на кровать и поговори со мной. Сигарету?

— Ладно, пока доктор не поймал.

Она присела на кровать. Я прикурил две сигареты и сунул одну ей в рот. Дорис глубоко затянулась, так что лоскуток ткани на ее груди чуть не лопнул от натуги. Я снова подумал, какая же она сладкая ягодка — как раз то, что нужно, чтобы отвлечь мои мысли от Мэри.

Мы немножко поболтали. Дорис высказала свои взгляды о женщинах — оказалось, она в принципе их не одобряет, хотя ничуть не стыдится, что она сама женщина.

— Вот, например, пациентки, — сказала она. — Я сюда почему пошла работать — здесь женщин-больных почти не бывает. Мужчина ценит, что мы для него делаем. А от тек «спасибо» не дождешься, одни попреки.

— И ты бы себя так вела? — спросил я, просто чтобы подразнить ее.

— Надеюсь, что нет. Слава богу, я совершенно здорова.

Она затушила сигарету и спрыгнула с кровати.

— Мне пора на выход. Кричи, если чего будет надо.

— Дорис...

— Да?

— У тебя не планируется какой-нибудь отпуск в ближайшее время?

— Я хотела взять пару недель в этом месяце. А что?

— Так, подумал. Я собираюсь в отпуск — как минимум в отпуск. У меня есть домишко в Адирондакских горах. Как ты насчет?.. Мы могли бы приятно провести время и забыть весь этот дурдом.

Она показала мне ямочки на щеках:

— Знаешь, очень мило с твоей стороны сделать девушке такое предложение...

Дорис подошла и смачно поцеловала меня в губы. Раньше она такого не делала.

— ...и не будь я старой замужней леди с парой близнецов в придачу, я могла бы его принять.

— Ой!

— Увы. Но спасибо за комплимент. Ты мне настроение поднял.

Она направилась к двери. Я выкрикнул:

— Минутку, Дорис!

Она остановилась, и я сказал:

— Я не знал. Слушай, а может, все равно? В смысле, пожить в моей хижине? Бери своего благоверного и детей, отдохнете там. Я дам тебе шифр от замка и код к спутниковому каналу.

— Ты серьезно?

— Конечно.

— Хорошо, обсудим попозже. Спасибо.

Она вернулась и снова меня поцеловала. Эх, если бы она была не замужем, ну или хотя бы относилась к этому менее серьезно! Потом она ушла.

Чуть позже пришел доктор. Пока он занимался всякой ерундой, которой обычно занимаются врачи, я спросил:

— Та медсестра, мисс Марсен, — она замужем?

— А вам-то что?!

— Я просто хотел узнать...

— Держите ваши руки подальше от моих медсестер, мистер, или я на них варежки из гипса накручу. А теперь высуньте язык и скажите: «А-а-а...»

После полудня заглянул Старик. Я сперва обрадовался: Старика трудно не любить. Потом все вспомнил, и радость померкла.

— Я хочу с тобой поговорить... — начал он.

— Нам не о чем разговаривать. Убейся!

Он словно бы и не заметил моей дерзости, прошел в палату, подволакивая больную ногу, сел.

— Не возражаешь, если я присяду?

— Похоже, ты уже сидишь.

Это он тоже пропустил мимо ушей. Он сидел, морщил лицо, хмурился и наконец сказал:

— Знаешь, сынок, ты у меня один из лучших сотрудников, но иногда делаешь поспешные выводы.

— Можешь на этот счет больше не беспокоиться, — ответил я. — Как только доктор меня выпишет, я подаю в отставку.

На самом деле я до сих пор ничего не решил, но сейчас я вдруг понял, что по-другому не получится. Я больше не доверял Старiku, и следующий шаг был очевиден.

Старик просто не слышал того, что ему не хотелось слышать.

— Ты торопишься и делаешь поспешные выводы. Возьми, например, эту девушку, Мэри...

— Какую еще Мэри?

— Ты отлично понимаешь, о ком я говорю. Тебе она известна под фамилией Кавано.

— Сам ее возьми.

— Не зная подробностей, ты наговорил ей черт-те чего. Расстроил ее. Возможно, лишил меня очень способного агента.

— О-о-о! Я сейчас заплачу.

— Послушай-ка, мальчишка, у тебя нет никаких оснований напускаться на нее со своими обвинениями. Ты просто не знаешь, что произошло.

Я промолчал: попытки объяснить что-то — плохой способ обороны.

— Мне-то ясно, о чем ты думаешь, — продолжал Старик. — Ты считаешь, что она позволила использовать себя в качестве наживки. Но это не совсем так. Она действительно послужила наживкой, но спланировал это все я.

— Знаю.

— Тогда почему ты злишься на нее?

— Потому что без ее активной помощи у тебя ничего бы не вышло. Это, конечно, очень благородный поступок для такого никчемного бессердечного ублюдка, как ты, — взять вину на себя, но ничего не выйдет.

Он опять пропустил мою ругань мимо ушей и продолжал:

— Ты понял все, кроме одного ключевого момента: *девушка ничего не знала*.

— Черта с два! Она там была.

— И что с того, что была? Сынок, я тебе когда-нибудь лгал?

— Нет, — признал я, — но, если будет нужно, я думаю, солжешь не моргнув глазом.

Похоже, это его задело. Но он все равно ответил:

— Может быть, я и заслужил такие слова. Да, я солгу кому-то из своих людей, если этого потребует безопасность страны. До сих пор мне этого не приходилось де-

дать, потому что я специально отбирал людей, которые на меня работают. В данном случае безопасность страны этого не требует, я не лгу, и тебе придется самому решать, правду я говорю или нет. Мэри ничего не знала. Она не знала, что ты будешь в лаборатории. Не знала, почему ты там оказался. Не знала, что еще не решено, кто сядет в кресло. И не подозревала, что я не собираюсь проводить эксперимент на ней, потому что в качестве подопытного мне подходишь только ты — даже если бы пришлось приказать, чтобы тебя связали и усадили силой. Я бы сделал это, но мой план сработал, и ты согласился сам. Так что засунь свое «черта с два» себе обратно в рот. Она даже не знала, что тебя выписали из лазарета.

Очень хотелось ему поверить, поэтому я изо всех сил сопротивлялся. Если бы он лгал, то лгал бы именно так. А насчет того, станет ли он врать... Не исключено, что его понимание заботы о безопасности страны включает в себя и необходимость как можно скорее вправить мозги двум первоклассным агентам. Мыслит Старик весьма неординарно.

— Слушай меня! — потребовал он, прервав мои глубокие раздумья. Я поднял на него глаза. — Есть еще кое-что, и тебе следует об этом знать. Я хочу, чтобы ты зарубил себе на носу: во-первых, позволь сказать, что все, включая и меня, очень признательны тебе за то, что ты сделал, — независимо от мотивов твоего поступка. Я составил рапорт и не сомневаюсь, что тебе дадут медаль. Это останется в силе, даже если ты уйдешь из Отдела. Если ты решил уйти, я помогу тебе с переводом и всем, чем захочешь.

Он сделал паузу, чтобы перевести дыхание.

— Только не воображай себя таким героем...

— И не думаю!

— ...потому что на самом деле медаль достанется не тому, кому следовало. По справедливости ее должна получить Мэри... Спокойно! Я еще не закончил. Тебя пришлось загонять в героин палками, но я тебя не осуждаю: тебе через многое пришлось пройти. Но настоящим, без оговорок, добровольцем была Мэри. Садясь в то кресло, она не знала, что с нею произойдет, не ждала избавления в последнюю секунду, и у нее были все основания полагать, что, даже

оставшись в живых, она потеряет рассудок, что гораздо страшнее. Но Мэри согласилась, потому что она — героическая натура, а ты, сынок, ей в подметки не годишься. — Не дожидаясь ответа, он продолжил: — Знаешь, в большинстве своем женщины чертовски глупы и наивны. Но диапазон у них шире. Самые храбрые из них храбрее нас, самые добрые — добрее, а самые подлые, если на то пошло, — стократ подлее любого мужчины. Я пытаюсь тебе сказать, что она проявила больше мужества, чем ты, а ты поступил с ней совершенно по-хамски.

У меня в голове уже все перепуталось, и я не мог решить, правду он говорит или опять пытается мной манипулировать.

— Может быть, и так. Может быть, я сорвался не на того человека. Но если все было так, как ты сказал...

— Именно так.

— ...это тебя совсем не красит. То, что ты сделал, выглядит тогда еще хуже.

Обвинение он принял не дрогнув.

— Сынок, мне очень жаль, если я лишился твоего уважения, но, если будет нужно, я сделаю это снова. Мне, как командиру в бою, нельзя быть особенно разборчивым. Мне еще тяжелее, потому что приходится сражаться другим оружием. Если понадобится, я способен пристрелить свою собаку. Хорошо это или плохо, но такая у меня работа. Если когда-нибудь ты сядешь на мое место, тебе тоже придется так поступать.

— Едва ли это когда-нибудь случится.

— А теперь... Думаю, тебе надо взять отпуск, отдохнуть и все обдумать.

— Я возьму отпуск. Бессрочный.

— Как скажешь.

Он поднялся было, но я его остановил:

— Постой...

— Да?

— Ты мне кое-что обещал, и я хочу напомнить. Насчет паразита... Ты сказал, что я смогу убить его, сам. Вы с ним уже закончили?

— Да, но...

Я начал подниматься с кровати.

— Никаких «но». Дай луче́мет. Я сделаю это прямо сейчас.

— Это невозможно. Он мертв.

— Что?! Ты же мне обещал!

— Я знаю, что обещал. Но он сдох, когда мы пытались заставить тебя — в смысле, его — говорить.

Тут меня согнуло и затрясло — от смеха. Я хохотал и никак не мог остановиться. Новость меня ничуть не обрадовала, но я ничего не мог с собой поделать.

Старик встряхнул меня за плечи:

— Перестань! А то плохо станет. Мне жаль, что так вышло, но ничего смешного тут нет.

— Ох, ну как же нет? — ответил я, все еще всхлипывая и хихикая. — Смешнее я в жизни ничего не слышал. Столько канители, сам обгадился, меня с Мэри поссорил — и все впустую.

— Ха! С чего ты взял?

— С чего? Ну, я-то знаю. Я помню все, что происходило. Вы из него — я хотел сказать, из нас — ни слова не вытнули. Ничего нового тебе узнать не удалось.

— Черта с два!

— Да ни черта вы не добились.

— Ты даже не представляешь себе, насколько успешным оказался эксперимент. Паразит действительно сдох, прежде чем мы хоть что-то выжали из него самого, но зато потом мы вытащили кое-что из тебя.

— Из меня?

— Вчера. Мы накачали тебя наркотиками, загипнотизировали, сняли запись мозговой активности — короче, выжали и повесили сушиться. Паразит многое тебе выболтал, и, когда ты от него освободился, гипноаналитик вытянул из тебя всю информацию.

— Например?

— Например, где они живут. Теперь мы знаем, откуда они прилетают, и можем нанести ответный удар. Титан, шестой спутник Сатурна.

Когда он сказал это, я вновь почувствовал, как сжимается у меня горло, и понял, что он прав.

— Ты, разумеется, сопротивлялся, — рассказывал дальше Старик. — Пришлось привязать тебя к кровати, чтобы ты совсем себя не изувечил. Тебе и без того досталось.

Он явно раздумал уходить. Закинул покалеченную ногу на край кровати и закурил. Видимо, старался проявить дружелюбие. Что до меня, то и я, в общем-то, не хотел уже ссориться; голова кружилась, и очень многое нужно было осмыслить. Титан — это далековато. Пока что люди не забирались дальше Марса, если только экспедиция Сигрейвса не долетела до лун Юпитера. Но она не вернулась, так что этого мы никогда не узнаем.

Однако, если будет нужно, мы сумеем добраться до Титана. Добраться и выжечь этот их гадюшник!

Старик наконец встал и проковылял к двери, но я остановил его:

— Папа...

Я не называл его так уже долгие годы. Он обернулся с удивленным, беззащитным выражением на лице:

— Да, сынок?

— Почему вы с мамой назвали меня Элихью?

— Э-э-э... Так звали твоего деда по матери.

— Хм... Не самая веская причина, я бы сказал.

— Возможно, ты прав.

Он снова повернулся, но я снова остановил его:

— Пап, какой была мама?

— Твоя мать? Я даже не знаю, что тебе сказать. В общем... они с Мэри очень похожи. Да, очень.

И он вышел, не дав мне возможности спросить что-нибудь еще.

Я отвернулся к стене и спустя какое-то время понял, что уже совсем успокоился.

12

Я описываю здесь известные всем события так, как видел их сам. Я не пишу историческую хронику. Хотя бы потому, что не видел всю перспективу.

Может, мне стоило больше переживать о судьбах всего мира в то время, когда я думал лишь о собственных делах. Может быть. Правда, я никогда не слышал, чтобы тяжело-раненого слишком заботил текущий ход сражения.

Во всяком случае, тогда мне казалось, что волноваться особенно не о чем. Я знал, что президента спасли при обстоятельствах, которые откроют глаза любому, даже политике, а это было, насколько я понимал, последним реальным препятствием. Слизняки — то есть титанцы — процветали, пока их существование было тайной, а в открытую они вряд ли могли бы противостоять всей мощи Соединенных Штатов. У них не было никаких возможностей, кроме тех, что они заимствовали у своих рабов. Уж я-то об этом знал лучше кого бы то ни было.

Теперь мы зачистим их плацдарм на нашей территории, а потом последуем за ними туда, откуда они пришли. Но планирование межпланетных экспедиций — совсем не моя работа. Я в этом разбираюсь примерно как в египетском искусстве.

Когда меня выписали, я отправился искать Мэри. Кроме слов Старика, у меня по-прежнему ничего не было, но теперь мне начало казаться, что я и в самом деле выставил себя полным идиотом. Я не ждал, что она обрадуется моему появлению, но хотелось как-то оправдаться.

Вы, наверное, думаете, что разыскать высокую красивую рыжеволосую девушку проще простого? Так бы оно и было, будь она была штатным сотрудником. Но она была оперативником, оперативники приходят и уходят, а постоянному персоналу настоятельно рекомендовано заниматься своими делами. Дорис ее больше не видела — по ее словам — и даже разозлилась на меня, что я снова хочу ее найти.

В отделе кадров от меня по-простому отмахнулись: мой запрос не был официальным, имени агента я не знал, и вообще, кто я такой, что обращаюсь к ним с подобными вопросами? Меня отправили в оперативный отдел, то есть к Старiku, что меня совсем не устраивало.

Еще бóльшую подозрительность мои вопросы вызвали в отделе пропусков. Я чувствовал себя как шпион в своем собственном Отделе.

Тогда я отправился в биологическую лабораторию. Начальника я не нашел, пришлось говорить с заместителем. Тот ничего не знал о девушке, участвовавшей в проекте «Интервью», испытуемый был мужчина, это точно — он видел запись.

Я сказал ему, чтобы он присмотрелся ко мне повнимательней. Он присмотрелся и сказал:

— О, так ты и есть тот парень? Приятель, тебе здорово там досталось.

После чего отвернулся, почесался и зашуршал бумажками. Я ушел оттуда, не сказав ему спасибо, и отправился в офис Старика. Похоже, другого выбора у меня не осталось.

За столом мисс Хайнс сидела новая секретарша. После той ночи, когда меня взяли, я больше не видел мисс Хайнс. И не расспрашивал, что с ней случилось. Просто не хотел знать. Новая секретарша ввела мой личный код, и — о чудо! — Старик оказался на месте и согласился меня принять.

— Что тебе нужно? — ворчливо спросил он.

— Подумал, может, у тебя есть для меня какая-нибудь работа, — ответил я, хотя собирался сказать совсем другое.

— Вообще-то, я как раз собирался послать за тобой. Ты уже достаточно побездельничал. — Он гавкнул что-то в интерком и встал. — Пошли.

Я вдруг почувствовал себя совершенно спокойно и вышел вслед за ним.

— В «Косметику»? — спросил я.

— Сегодня сойдет и твоя собственная физиономия. Мы едем в Вашингтон.

Тем не менее мы зашли в «Косметику», но только для того, чтобы переодеться в уличную одежду. Я получил пистолет — мой собственный отправился в край вечной охоты — и проверил свой аппарат связи.

Охранник на входе заставил нас оголить спины и лишь после этого позволил подойти и отметиться. Потом мы заправили свои рубашки в брюки, поднялись наверх и оказались на самом нижнем уровне Нью-Филадельфии. Так я впервые узнал местоположение новой базы Отдела.

— Надо понимать, этот город чист? — спросил я Старика.

— Если ты действительно так думаешь, у тебя совсем мозги заржавели, — ответил он. — Гляди в оба.

Расспросить его подробней уже не удалось. Присутствие такого большого числа полностью одетых людей здорово действовало на нервы. Я невольно сторонился прохожих и выискивал взглядом сутулых. А подниматься в перепол-

ненном лифте до стартовой платформы вообще казалось безумием. Когда мы уселись в машину и ввели маршрут, я так и сказал:

— Какого дьявола тут развели такой гадюшник? Мы только что прошли мимо полицейского, и у него, ей-богу, был горб!

— Возможно. Вполне возможно.

— Вот тебе раз! Что случилось? Я-то думал, у тебя все схвачено и мы тесним их на всех фронтах.

— Мы пытаемся. У тебя есть какое-то предложение?

— Да это же проще простого. Даже если начнутся морозы, никто не должен ходить с закрытой спиной, пока мы не убедимся, что перебили всех паразитов.

— Верно мыслишь.

— Так в чем... Послушай, а президент знает, что происходит? Как я понял, он...

— Знает.

— Тогда чего он ждет? Когда они захватят всю страну? Ему нужно объявить военное положение и начать действовать. Ты же говорил ему об этом давным-давно.

— Говорил. — Старик задумчиво разглядывал сельский пейзаж внизу. — Сынок, ты действительно думаешь, что этой страной управляет президент?

— Нет, конечно. Но он единственный, кто может что-то сделать.

— Хм... Знаешь, премьера Цветкова иногда называют «узником Кремля». Не знаю, правда это или нет, но наш президент — узник конгресса.

— Ты хочешь сказать, конгресс ничего не предпринял?

— Последние несколько дней, после того как мы предотвратили покушение на президента, я занимался тем, что помогал ему убедить конгрессменов. Тебе никогда не приходилось выступать перед комиссией конгресса, сынок?

Я попытался все это осмыслить. Мы сидим тут, как глупые додо, ждущие, когда их перестреляют, и если не строимся с места, *Homo sapiens* просто исчезнет с лица земли — так же как додо.

Немного погодя Старик сказал:

— Пора тебе осознать наконец политические реалии. Конгресс, случалось, отказывался действовать перед лицом

и более очевидной опасности. А в данном случае опасность совсем не очевидна — до тех пор, пока не свалится тебе прямо на голову. Доказательств очень мало, да и не каждый в них поверит.

— А что насчет заместителя министра финансов? Они же не могут просто проигнорировать случившееся.

— Ой ли? У заместителя министра финансов паразита сорвали со спины прямо в восточном крыле Белого дома, и при этом пришлось убить двух его охранников из секретной службы. И теперь distinguished джентльмен лежит в Центральном армейском госпитале с нервным потрясением и вообще не помнит, что с ним произошло. Министерство финансов сообщило, что предотвращена попытка покушения на президента. По сути верно, но они представили все в ином свете.

— И президент при этом промолчал?

— Советники предложили выждать, пока он не получит поддержку в конгрессе. Большинство у него если и есть, то небольшое, а в обеих палатах полно людей, которые жаждут получить его голову на блюде. Партийная политика — это грубая игра.

— Боже, но ведь в такой ситуации политические дразги — это абсурд!

Старик приподнял бровь:

— Это по-твоему.

В конце концов я задал вопрос, ради которого и пришел к нему в кабинет: где Мэри?

— Странно, что ты спрашиваешь, — буркнул он. Я промолчал, и он добавил: — Там, где ей положено быть. Она охраняет президента.

Первым делом мы направились на заседание специального комитета, который изучал доказательства. Это было закрытое мероприятие, но Старика пропустили. Когда мы вошли, там крутили кино. Мы проскользнули на свободные места и стали смотреть. Фильм был про моего человекообразного приятеля Наполеона — сначала сама обезьяна, потом кадры с титанцем у него на спине, а затем титанец крупным планом. От одного его вида мне стало не по себе. Паразиты похожи один на другого как две капли воды, но я знал, чей этот, и был просто счастлив, что он уже мертв.

Потом показали меня. Я видел, как меня привязывают к креслу, и выглядел я, чего уж там говорить, нелучшим образом: настоящий, неподдельный ужас никого не крашит. Голос за кадром пояснял, что сейчас происходит.

Я видел, как титанца сняли с обезьяны и пересадили на мою голую спину. Я — на экране — тут же потерял сознание, после чего чуть не потерял сознание в зале. Описывать дальнейшее не хочется: тошно. Я видел, как корчусь от ударов тока, предназначенных для титанца, и меня снова корчило. Я видел, как в какой-то момент вырвал правую руку из зажимов. Мне об этом не рассказывали, но теперь я понял, почему запястье у меня так долго не заживает.

Но в конце концов я увидел, как тварь сдохла. Ради этого стоило посмотреть и все остальное.

Запись кончилась, и председатель произнес:

- Итак, джентльмены?
- Господин председатель!
- Слово предоставляется джентльмену из Индианы.
- Если говорить без предвзятости по данному вопросу, то вынужден заметить, что в Голливуде делают комбинированные съемки и получше.

В зале захихикали, кто-то крикнул: «Слушайте! Слушайте!» — и я понял, что удача нам в этот раз не светит.

После этого давал показания начальник нашей биологической лаборатории, а затем к месту свидетеля вызвали меня. Я назвал свое имя, адрес и род занятий, после чего мне задали несколько очень поверхностных вопросов о том, что я ощущал, находясь под контролем титанцев. Вопросы читали по бумажке, председатель явно до этого момента их не видел.

Больше всего меня задело то, что мои ответы их совершенно не интересовали. Двое членов комитета вообще читали газеты.

Было всего два вопроса из зала.

Один сенатор спросил:

- Мистер Нивенс... ваша фамилия Нивенс, не так ли? Я подтвердил.
- Мистер Нивенс, из ваших слов я понял, что вы занимаетесь оперативной работой.
- Да.

— Надо полагать, в ФБР?

— Нет. Мой начальник подчиняется непосредственно президенту.

Сенатор улыбнулся:

— Так я и думал. А теперь, мистер Нивенс... вы ведь профессиональный актер, не так ли? — И он сделал вид, что сверяется со своими бумагами.

Видимо, я пытался отвечать слишком правдиво. Хотел объяснить, что действительно когда-то отыграл в театре один летний сезон, но тем не менее я самый что ни на есть настоящий агент-оперативник. Бесплезно.

— Достаточно, мистер Нивенс. Спасибо.

Второй вопрос задал пожилой сенатор, чье имя я должен был знать. Сенатор пожелал узнать мое мнение о расходовании денег налогоплательщиков на вооружение для других стран — и он использовал этот вопрос для того, чтобы пространно изложить свои собственные взгляды. У меня довольно смутное представление об этой теме, что не имело значения, поскольку высказаться мне все равно не дали. Секретарь сразу же заявил:

— Вы свободны, мистер Нивенс.

Я остался стоять на месте.

— Послушайте, — сказал я, — очевидно, вы мне не верите и считаете, что все было разыграно. Ну так принесите сюда детектор лжи, черт возьми! Или допросите меня под гипнозом. Это не заседание, а комедия какая-то!

Председатель комитета постукал своим молоточком:

— Вы свободны, мистер Нивенс!

Я вернулся и сел на место.

Старик говорил, что цель этого совместного заседания — подготовка резолюции о введении военного положения и предоставлении президенту чрезвычайных полномочий. Председатель спросил, готовы ли конгрессмены рассмотреть резолюцию. Тогда один из читающих газету ненадолго оторвался от своего занятия — только чтобы сказать:

— Господин председатель, я требую очистить зал заседаний от посторонних.

После чего нас выставили за дверь.

— Плохи наши дела, — сказал я Старику.

— Не обращай внимания, — ответил он. — Президент понял, что тут ничего не выйдет, едва только узнал состав комитета.

— И что нам теперь делать? Ждать, когда паразиты захватят весь конгресс?

— Президент собирается обратиться с посланием к конгрессу и потребовать неограниченных полномочий.

— Он их получит?

Старик поморщился:

— Честно говоря, не думаю, что у него есть хоть один шанс.

Совместное заседание обеих палат конгресса было, естественно, секретным, но мы присутствовали — должно быть, по прямому указанию президента. Мы со Стариком сидели на служебном балкончике позади трибуны спикера. Открывали заседание долго, со всякой канителью и пустой болтовней, затем провели целую церемонию назначения двух представителей от каждой палаты, чтобы уведомить о заседании президента.

Думаю, что президент все это время находился прямо за дверью, потому что явился сразу же, в сопровождении своих помощников и телохранителей, но охрана теперь состояла из наших людей.

Мэри тоже оказалась в свите. Кто-то поставил для нее складной стул рядом с президентским креслом; она поперелистывала свой блокнотик и вручила президенту какие-то бумаги, изображая секретаршу. Но на этом маскарад и закончился. Она врубила свою сексапильность на полную мощность и выглядела словно Клеопатра в теплую ночь — одним словом, так же неуместно, как кровать в церкви. Внимание на нее обращали не меньше, чем на президента. Он это тоже заметил и явно пожалел, что не оставил ее дома, но было поздно что-либо предпринимать; что бы он ни сделал, получился бы только больший конфуз.

Можете не сомневаться, я тоже это ощутил. Я перехватил ее взгляд, и она подарила мне долгую сладкую улыбку. Я тоже расплылся в улыбке и скалился на Мэри, как щенок колли, пока Старик не ткнул меня локтем в бок. Я по-

пытался вести себя прилично, но все равно был счастлив как мальчишка.

Президент четко и последовательно объяснил конгрессу ситуацию, рассказал, откуда мы об этом узнали и что необходимо сделать. Его доклад звучал просто и рационально, как технический отчет, и примерно столь же эмоционально. Он просто излагал факты. В конце речи президент отложил текст и продолжил:

— Ситуация складывается столь необычная и страшная, столь далекая от всего нашего предыдущего опыта, что для преодоления кризиса я вынужден просить о предоставлении самых широких полномочий. В некоторых районах необходимо будет ввести военное положение. На какое-то время нам придется пойти на значительное ущемление гражданских прав. Свобода перемещения должна быть ограничена. Неприкосновенность от несанкционированных досмотров и арестов должна уступить место всеобщему праву на безопасность. Поскольку любой гражданин, независимо от его положения в обществе и лояльности, может против своей воли оказаться прислужником нашего тайного врага, всем гражданам придется смириться с некоторым ограничением своих гражданских прав и в какой-то мере поступиться личным достоинством до полного уничтожения этой заразы. Я с тяжелым сердцем прошу конгресс утвердить эти крайне необходимые меры.

Президент сел.

Настроение зала определить обычно несложно. Конгрессмены были явно обеспокоены, но президент их ни в чем не убедил. Вице-президент взял молоточек и посмотрел на лидера сенатского большинства: по договоренности он должен был предложить резолюцию.

Что-то пошло не так. То ли лидер большинства покачал головой, то ли просигналил еще как-то, но слова он брать не стал. Неловкая пауза затягивалась, а из зала то и дело выкрикивали: «Господин президент!» и «К порядку!».

Вице-президент, не замечая других желающих выступить, предоставил слово члену своей партии. Я узнал этого человека. Сенатор Готлиб, безотказный партийный активист, проголосовал бы даже за свое собственное линче-

вание, если бы оно было включено в программу партии. Начал Готлиб с заверений собравшихся в своей преданности конституции, Биллю о правах и чуть ли не Гранд-Каньону. Затем скромно упомянул о своей долгой и верной службе и очень высоко отозвался о месте Америки в истории.

Я поначалу подумал, что он просто тянет время, пока остальная команда выработает новую партийную линию, потом вдруг понял, к чему все это говорится: он предлагал изменить повестку дня и начать процедуру импичмента, чтобы предать суду президента Соединенных Штатов!

Видимо, не до одного меня дошло не сразу: сенатор настолько украсил свою речь ритуальным словоблудием, что удивительно, как его вообще кто-то понял. Я посмотрел на Старика.

Старик смотрел на Мэри.

Она, в свою очередь, смотрела на него, словно ей не терпелось сообщить какую-то важную новость.

Старик выхватил из кармана отрывной блокнот, что-то торопливо нацарапал, скомкал листок в шарик и кинул его Мэри. Она поймала записку, развернула, прочла и передала президенту.

Тот сидел с совершенно беззаботным видом, словно и не замечал, как один из его старых друзей на глазах у всего конгресса крошит в капусту главу государства и с ним безопасность республики. Он надел свои старомодные очки, прочитал записку, медленно повернул голову и взглянул на Старика, вопросительно подняв бровь. Старик кивнул.

Президент подтолкнул локтем вице-президента. Тот наклонился, и они о чем-то зашептались.

Готлиб гремел на весь зал о том, что, как ни печально, старая дружба должна уступить высшим интересам и потому... Вице-президент постучал молоточком:

— Прошу прощения, сенатор!

Готлиб изумленно посмотрел на председателя и заявил:

— Я еще не закончил!

— Сенатор, я ни в коем случае не хочу лишать вас слова.

Но в силу важности предмета вашего выступления прези-

дент Соединенных Штатов просит вас подняться на трибуну и продолжать.

Готлиб бросил на вице-президента недоуменный взгляд, но выбора у него не было. Он вышел в проход и медленно двинулся к президиуму. Стул Мэри загораживал ведущие на трибуну ступеньки, но, вместо того чтобы просто подвинуться, она вдруг засуетилась, потом подняла стул и повернулась, совсем преградив сенатору путь. Готлиб остановился, и она, покачнувшись, задела его. Тот поймал ее за руку — отчасти чтобы и самому удержаться на ногах. Мэри что-то сказала, он ответил, но слов никто не расслышал. Наконец они благополучно разминулись, и Готлиб прошел к трибуне.

Старик задрожал, как гончая, завидевшая добычу. Мэри посмотрела на него и кивнула.

— Взять его! — сказал Старик.

Меня будто выстрелили из арбалета. Я перемахнул через барьер и в прыжке обрушился на плечи Готлиба. Я слышал, как Старик кричит: «Перчатки, сынок! Перчатки!» — но времени не было. Голыми руками я разорвал пиджак на спине сенатора и увидел пульсирующее тело слизняка под его рубашкой. Я рванул рубашку — и теперь его могли видеть все.

Чтобы зафиксировать то, что творилось в зале в последние несколько секунд, не хватило бы и шести стереокамер. Я врезал Готлибу под ухо, чтобы не трепыхался. Мэри придавила ему ноги. Президент встал над нами и, показывая пальцем, крикнул: «Вот! Вот! Теперь-то вы все видите!» Вице-президент тоже стоял, ошеломленно размахивая своим молоточком. Конгресс превратился в толпу, мужчины кричали, женщины визжали. Где-то надо мной Старик громогласно раздавал приказы президентской охране, как будто стоял на капитанском мостике корабля.

В нашу пользу сыграло то, что заседание проходило при закрытых дверях, а, кроме собственных ребят Старика, вооруженных и дисциплинированных людей в зале не было. Разумеется, там были парламентские приставы — но кто их примет в расчет? Один пожилой конгрессмен вытащил из кармана допотопный кольт, которому следовало бы лежать в музее, но это был единственный инцидент.

Спустя какое-то время оружие в руках телохранителей и стук председательского молоточка установили в зале некое подобие порядка. Слово взял президент. Случай, сказал он, дал вам возможность увидеть врага собственными глазами. Все могут подойти по очереди и посмотреть на пришельца с самого большого спутника Сатурна. Не дожидаясь реакции на свое предложение, он указал на первый ряд и попросил всех сидящих там подняться.

Они начали подходить.

Я присел в стороне от прохода и задался вопросом, что из происшедшего было случайностью. Когда речь идет о Старике, то поди пойми. Знал ли он, что конгресс заражен? Я потерял ушибленное колено и стал следить.

Мэри оставалась возле трибуны. Человек двадцать прошло мимо, одна женщина-конгрессмен успела закатить истерику, а потом я заметил, что Мэри снова подала знак Старика, и на долю секунды опередил его приказ. Конгрессмен оказался молодым и здоровым, из бывших морских пехотинцев — мне пришлось бы с ним по-настоящему повозиться, если бы не двое наших парней, стоявших рядом. Втроем мы уложили его на пол рядом с Готлибом, и снова Старика, президенту и вице-президенту пришлось надсаживать глотку, восстанавливая порядок в зале.

После этого волей или неволей всем пришлось проходить личный досмотр. Женщин я хлопал по спине, когда они проходили мимо, и одну поймал сразу. Потом решил, что поймал еще одну, но это оказалось досадной ошибкой: она так заплыла жиром, что я не угадал. Мэри выявила еще двоих, затем очень долго — около трехсот человек — ни одного джекпота. Очевидно, носители сместились в хвост очереди.

Не слушайте, когда вам говорят, что конгрессмены тупые. Им нужны мозги, чтобы победить на выборах, и практическая психология, чтобы сохранить кресло. Восьмерых вооруженных охранников, даже если со мной, Мэри и Стариком получалось одиннадцать стволов, было явно мало. Большинство слизняков сумело бы уйти, если бы секретарь палаты представителей не организовал группу поддержки. С их помощью мы поймали тринадцать слизняков, десять

из них живьем. Из носителей только один был тяжело ранен. Но конгресс Соединенных Штатов ни разу не превращался в такой бардак с тех пор, как Джефферсон Дэвис объявил о своем судьбоносном решении¹. Нет, даже после Бомбежки такого не было.

13

Разумеется, президент получил чрезвычайные полномочия, а Старик де-факто стал его начальником штаба. Наконец-то мы могли двигаться вперед, быстро и эффективно... Ха! Вы когда-нибудь пытались быстро провести проект через бюрократическую машину?

«Директивы» следует «приводить в исполнение», «действия» должны быть «скоординированы», а в результате все только обрастает бумажками.

У Старика уже был готов достаточно простой план. Карантин, который мы предлагали, пока зараза еще не расползлась из Де-Мойна, теперь вряд ли бы помог. Прежде чем начинать сражение, нужно было узнать, где враг. Но правительственные агенты не могут проверить двести миллионов человек, люди должны сделать это сами.

Первой фазой осуществления операции «Паразит» должен был стать режим «Голая спина» — что-то я сам заговорил, как бюрократ. Короче, идея заключалась в том, что все — поголовно — должны раздеться до пояса и оставаться раздетыми до тех пор, пока титанцы не будут окончательно обнаружены и уничтожены. Ну, женщинам, разумеется, разрешалось носить бюстгалтеры, ведь паразит не может спрятаться под узенькими бретельками.

Мы на скорую руку подготовили визуальную презентацию, чтобы пустить ее фоном, когда президент вступит с обращением к нации по стереовидению. Быстрыми дейст-

¹ *Джефферсон Финис Дэвис* (1808–1889) — американский военный и политик, первый и единственный президент Конфедеративных Штатов Америки во время Войны Севера и Юга. В январе 1861 г., после отделения южных штатов, выступил в сенате с речью.

виями удалось сохранить в живых семь паразитов из числа тех, что мы поймали в священных залах конгресса; теперь они жили на спинах животных-носителей. Мы решили показать их и запись моего допроса, вырезав из него самые шокирующие эпизоды. Планировалось, что сам президент появится перед камерами в шортах, а профессиональные манекенщицы продемонстрируют образцы одежды этого сезона для «модно раздетых граждан», включая и панцирь для головы и спины, защищающий человека даже во сне.

Мы подготовили ее за одну ночь, литрами потребляя черный кофе, а спичрайтеры президента написали для него соответствующий текст. В качестве ударной концовки передачи должен был пойти фрагмент с заседания конгресса, обсуждающего чрезвычайное положение, где все — мужчины, женщины и обслуживающий персонал — покажут камере свои голые спины.

За двадцать восемь минут до эфира президенту позвонили из здания конгресса. Я при этом присутствовал, поскольку Старик с президентом работали всю ночь, а меня держали при себе для различных поручений. Мэри тоже там была, разумеется, — ведь президент был ее персональным подопечным. Мы все были в шортах, поскольку в Белом доме уже вступил в силу режим «Голая спина». Единственными, кто выглядел естественно в таком наряде, были Мэри, которая могла носить что угодно, цветной швейцар, который держался как зулусский король, и сам президент, чье врожденное достоинство ничто поколебать не могло.

Когда раздался звонок, президент не потрудился включить глушилку, и мы слышали его реплики.

— Да, говорите! — сказал он. Спустя какое-то время он добавил: — Ты уверен? Хорошо, Джон, что ты посоветуешь?.. Ясно. Нет, я думаю, это не пойдет... Видимо, мне лучше явиться самому. Скажи им, пусть подготовятся. — Он оттолкнул от себя аппарат и повернулся к помощнику. Его лицо по-прежнему было спокойным.

— Скажи, чтобы задержали эфир. — Затем он повернулся к Старикам. — Пойдем, Эндрю. Нам нужно в Капитолий.

Он послал за своим камердинером и удалился в гардеробную рядом с кабинетом. Когда он вышел, он был одет

в строгий костюм для официальных церемоний. Нам он ничего объяснять не стал. Старик приподнял одну бровь, но ничего не сказал, я тоже не осмелился открыть рот. Все остальные как были в «гусиной коже», так и остались. И в таком виде мы пошли в Капитолий.

Там снова шло совместное заседание, уже второе менее чем за двадцать четыре часа. Мы завалились туда всей компанией, и тут у меня возникло кошмарное чувство, будто я оказался в церкви без штанов: все конгрессмены и сенаторы были одеты как обычно. Потом я заметил, что курьеры щеголяют в одних шортах, без рубашек, и мне стало немного легче.

Я до сих пор этого не понимаю. Некоторым, очевидно, легче умереть, чем потерять достоинство. Сенаторы здесь среди первых, да и конгрессмены не отстают, ведь конгрессмен — это человек, который хочет стать сенатором. Они наделили президента всеми полномочиями, которые он запрашивал, обсудили и одобрили режим «Голая спина». Но никто не хотел понимать, что это касается и их самих. В конце концов, их ведь уже досмотрели и признали чистыми. Во всей стране конгресс был единственной группой людей, достоверно свободной от титанцев.

Возможно, кто-то из них и осознавал, что это не бог весть какой довод, но никому не хотелось быть инициатором публичного стриптиза. Должностное лицо обязано сохранять достоинство — и точка. Они сидели одетые и уверенные в себе.

Поднявшись на трибуну, президент выжидал до полной тишины в зале, а затем медленно и спокойно начал раздеваться. Он остановился, только когда был голым по пояс. На мгновение он заставил меня поволноваться, думаю, что были и другие обеспокоенные. Потом он медленно повернулся вокруг, подняв вверх руки. И лишь после этого заговорил:

— Я сделал все, чтобы вы могли лично убедиться, что глава исполнительной власти не стал пленником врага. — Президент выдержал паузу. — А как насчет вас?

Последнее слово он швырнул в лица присутствующих.

Президент повернулся и ткнул пальцем в младшего секретаря:

— Марк Каммингс, как насчет тебя?! Ты лояльный гражданин или ты зомби, работающий на захватчиков? Встать! Рубашку долой, живо!

— Господин президент... — С места поднялась Чарити Эванс из штата Мэн, похожая на симпатичную школьную учительницу. Она встала, и я увидел, что хотя она полностью одета, но на ней вечернее платье. До пола, но с таким вырезом, что дальше некуда. Она повернулась, словно манекенщица: на спине платье заканчивалось у основания позвоночника, спереди поднималось, образуя две хорошо заполненные раковины. — Этого достаточно, господин президент?

— Вполне достаточно, мадам.

Каммингс уже был на ногах и с красным как свекла лицом расстегивал пиджак. В центре зала встал кто-то еще. Сенатор Готлиб. Выглядел он так, что лучше бы ему было оставаться на больничной койке: серые ввалившиеся щеки, иссиня-черные губы. Но держался он прямо и с невероятным достоинством последовал примеру президента. Вместо обычного нижнего белья Готлиб носил старомодное трико, цельное с рукавами и штанинами. Он выпутался из рукавов и тоже повернулся кругом, показывая спину всем собравшимся: на его бледной, как рыбе брюхо, коже алела отметина, оставленная паразитом.

— Вчера вечером, — произнес он, — я стоял в этом зале и говорил вещи, которые в обычных обстоятельствах меня не заставили бы сказать даже под пыткой. Вчера вечером я не принадлежал самому себе. Сегодня я — это я. Вы что, не видите, что Рим горит? — Неожиданно у него в руке появился пистолет. — Всем встать, черт бы вас побрал! Если через две минуты я не увижу чью-то голую спину, стреляю!

Мужчины рядом с ним вскочили и попытались схватить его за руки, но он отмахнулся пистолетом, как мухобойкой, разбив одному из них лицо. Я тоже выхватил пистолет, приготовившись поддержать Готлиба, но в этом не было уже необходимости. До них дошло, что он опасен, как разъяренный бык, и вокруг мгновенно образовалось пустое пространство.

Несколько секунд ситуация балансировала на грани, а потом вдруг все принялись скидывать одежду, словно духоборы¹. Один человек метнулся было к выходу, но его тут же сбили с ног. У него, правда, паразита не оказалось, но зато мы поймали троих других. В эфир президент вышел на десять минут позже, а конгресс начал первое за всю историю заседание «с голыми спинами».

14

ЗАПРИТЕ ДВЕРИ!
ЗАКРОЙТЕ ЗАСЛОНКИ В КАМИНАХ!
НИ В КОЕМ СЛУЧАЕ
НЕ ХОДИТЕ В НЕОСВЕЩЕННЫХ МЕСТАХ!
ОСТЕРЕГАЙТЕСЬ ТОЛП!
ЧЕЛОВЕК В ПИДЖАКЕ — ВРАГ: СТРЕЛЯЙТЕ

Всех титанцев в стране должны были обнаружить и убить в течение недели. Не знаю, что еще можно было сделать. В дополнение к непрекращающемуся шквалу пропаганды страну поделили на квадраты и секторы наблюдения с воздуха для поиска летающих тарелок на земле. Вся радиолокационная система слежения встала на постоянное боевое дежурство для обнаружения неопознанных сигналов. Армейские подразделения, от воздушных десантников до станций наведения ракет, готовы были ударить по любому приземлившемуся объекту.

И ничего не происходило. Им просто нечем было заняться. Разбуженная нами машина бессмысленно шипела и дымила, как отсыревший фейерверк.

¹ *Духоборы* — члены русской секты, основанной в XVIII в. воронежскими крестьянами С. Колесниковым и Л. Побирохиным. Духоборы отвергали духовенство, монашество, храмы, церковные таинства, почитание креста и икон, а Библии противопоставляли «внутреннее откровение». Преследуемые православной церковью и гражданскими властями, многие духоборы — около семи с половиной тысяч — в 1898 г. эмигрировали в Канаду; оттуда многие из них попали в США. Разоблачаются же они не так уж часто — в основном при крещении, которое принимают в реке.

В незараженных районах люди поснимали рубашки, кто добровольно, кто под принуждением, осмотрели друг друга и не нашли никаких паразитов. Они следили за новостями, недоумевали и ждали, когда правительство объявит, что опасность миновала. Но ничего нового не происходило, и обыватели, как и местные чиновники, начали сомневаться: стоит ли и дальше бегать по улицам в костюмах для загара? Мы прокричали «Волки!», но ни один волк не пришел.

Зараженные районы? Доклады из зараженных районов ничем существенным не отличались от сообщений из других мест.

Наше стереообращение и последующие мероприятия до этих районов просто не дошли. Раньше, в эпоху радио, такого бы не случилось: станция в Вашингтоне, откуда передали экстренное сообщение, могла покрыть трансляцией всю страну. Но стереовидение работает на таких коротких волнах, что требует релейных станций в пределах прямой видимости, поэтому местные каналы обслуживаются местными же станциями — цена, которую мы платим за многоканальное вещание и картинку с высоким разрешением.

В зараженных районах местными станциями управляли слизняки, и люди просто не слышали предупреждения правительства.

Тем не менее к нам в Вашингтон поступало множество сообщений, свидетельствовавших о том, что нас там слышали. Из Айовы, например, шли такие же доклады, как, скажем, из Калифорнии. Губернатор Айовы одним из первых откликнулся на обращение президента и прислал сообщение, в котором пообещал полную поддержку. Полиция штата Айова, сообщил он, курсирует по дорогам и останавливает всех, требуя раздеться до пояса. А авиаперелеты над Айовой остановлены на время чрезвычайного положения, как и рекомендовал президент. Они даже передали запись выступления губернатора перед избирателями, где он был голый по пояс. Губернатор стоял лицом к камере, и меня так и подмывало сказать ему, чтобы повернулся спиной. Затем пошло изображение с другой камеры: на экране появилась спина крупным планом, а из

динамика слышался все тот же бодрый голос губернатора, убеждавший граждан сотрудничать с полицией.

Если какой-то регион Южных Штатов мог считаться рассадником слизней, им могла быть только Айова. Неужели они оставили Айову и перебрались в самые крупные населенные центры?

Мы собрались в конференц-зале канцелярии президента. Президент держал Старика при себе, я увязался за компанию, а Мэри по-прежнему несла бессменное дежурство. Кроме нас, присутствовали министр национальной безопасности Мартинес и начальник Генерального штаба маршал авиации Рекстон. Еще там были какие-то шишки из окружения президента, но не такие важные.

Президент досмотрел передачу из Айовы до конца и повернулся к Старик у:

— И что же, Эндрю? Мне казалось, именно Айову ты предлагал окружить кордоном.

Старик только крикнул с досадой.

— Насколько я понимаю... — начал маршал Рекстон, — хотя у меня не было времени разобраться в ситуации досконально, думаю, они ушли в подполье. Возможно, нам придется прочесать все подозрительные районы дюйм за дюймом.

Старик снова крикнул.

— Прочесывать Айову копну за копной мне совсем не улыбается, — заявил он.

— Как же вы предлагаете справиться с этой проблемой, сэр?

— Да сообразите же, наконец, какой у нас враг! Он не может уйти в подполье. Он не может жить без носителя.

— Очень хорошо. Предположим, что все это правда. Тогда сколько же, по-вашему, паразитов в Айове?

— Да откуда мне знать, черт побери? Они со мной не делятся такими сведениями.

— Но если предположить по максимуму? Если...

— У вас нет оснований для предположений, — перебил его Старик. — Ребята, вы что, не видите, что титанцы выиграли еще один раунд?

— А?

— Вы только что слушали губернатора. Нам дали взглянуть на его спину — или чью-то чужую спину. Вы заметили, что он ни разу не повернулся перед камерой?

— Повернулся, — сказал кто-то. — Я сам видел.

— У меня определенно сложилось впечатление, что он поворачивался, — медленно произнес президент. — Ты хочешь сказать, что губернатор Паккер под их контролем?

— Безусловно. Вы видели именно то, что они хотели показать. Перед тем как он полностью повернулся, пошло изображение с другой камеры. Люди настолько к этому привыкли, что практически не замечают подобных вещей. Можете не сомневаться, господин президент: все сообщения из Айовы сфабрикованы.

Президент задумался. Министр Мартинес энергично замотал головой и сказал:

— Это невозможно. Допустим, обращение губернатора к избирателям — подделка: хороший актер вполне мог бы его изобразить. Помните инаугурационную речь во время кризиса девяносто шестого, когда настоящий президент свалился с пневмонией? Допускаю, что одну такую трансляцию можно сфабриковать, но у нас были на выбор десятки передач из Айовы. Как насчет репортажей с улиц Де-Мойна? Только не говорите мне, что можно «сфабриковать» сотни голых по пояс людей, расхаживающих по улицам! Или ваши паразиты вдобавок ко всему применяют массовый гипноз?

— Нет, этого они не умеют, насколько мне известно, — признался Старик. — Если бы умели, нам оставалось бы поднять белый флаг и признать, что человечество проиграло. Но с чего вы взяли, что эта передача была из Айовы?

— Как? Черт возьми, сэр, она же пришла по каналу Айовы!

— И что это доказывает? Вы заметили названия улиц? По виду это была типичная улица с магазинами в центре города. И если не обращать внимания на слова комментатора, то какой город мы видели?

Министр замер с открытым ртом. У меня почти идеальная зрительная память, как и положено агенту, и я мысленно прокрутил еще раз только что увиденный сюжет.

Мало того что я не мог сказать, какой это город, непонятно было даже, в какой части страны снимали репортаж. Это мог быть Мемфис, Сиэтл или Бостон — или что-то еще. За исключением особых случаев, таких как Кэнел-стрит в Новом Орлеане или муниципальный центр Денвера, американские города похожи друг на друга, как парикмахерские.

— Можете не напрягаться, — продолжал Старик, — я специально высматривал хоть какие-то ориентиры, и мне это не удалось. Объяснение тут очень простое: станция Де-Мойна взяла уличную сцену с голыми спинами из трансляции какого-то незараженного города и передала ее по своему каналу с собственными комментариями. При этом они вырезали все, что могло дать какую-то привязку к местности... и мы это благополучно проглотили. Враг отлично знает нас, джентльмены. Эту партию они продумали до мельчайших деталей и готовы переиграть нас, какой бы ход мы ни сделали.

— Может быть, ты зря паникуешь, Эндрю? — сказал президент. — Может быть, титанцы просто перебазировались куда-то еще?

— Они по-прежнему в Айове, — категорично заявил Старик, — а из этой штуки, — он махнул рукой на стерео-экран, — мы ничего не узнаем.

Мартинес поежился:

— Черт-те что! Вы утверждаете, что мы не можем получить из Айовы ни одного достоверного сообщения, словно эта территория оккупирована.

— Так оно и есть.

— Но я останавливался в Де-Мойне два дня назад, возвращаясь из Аляски. Там все было нормально. Ладно, я не сомневаюсь, что ваши паразиты существуют, хотя сам ни одного не видел. Но давайте тогда отыщем их и вырвем эту заразу с корнем, вместо того чтобы сидеть на месте и выдумывать всякие фантазии.

Старик выглядел усталым, я сам чувствовал, что чертовски устал. Если даже наверху не понимают, как все плохо, то чего ждать от простых людей?

Наконец Старик ответил:

— Чтобы захватить страну, достаточно подчинить себе связь. Вам, мистер Мартинес, лучше поторопиться, а то вы останетесь вообще без связи.

— Но я только...

— Вырывайте их с корнем! — яростно перебил его Старик. — Я вам уже сказал: они в Айове, в Новом Орлеане и еще в десятке других мест. Я свою работу сделал. Вы министр национальной безопасности — вот и выкорчевывайте их. — Он встал. — Господин президент, в моем возрасте нелегко обходиться так долго без сна. Недоспав, я, бывает, срываюсь. Могу я немного отдохнуть?

— Да, конечно, Эндрю.

На самом деле Старик вовсе не сорвался, и, думаю, президент это понял. Старик никогда не срывается, он заставляет срываться других.

Не успел Старик пожелать всем доброй ночи, как снова заговорил министр Мартинес:

— Минуточку! Вы только что сделали несколько категоричных утверждений. Давайте проверим их прямо сейчас. — Он повернулся к начальнику Генерального штаба. — Рекстон!

— Э-э-э... Да, сэр.

— Этот новый пост наблюдения возле Де-Мойна, Форт... или что-то там, назван в честь... этого... не помню...

— Форт-Паттон¹.

— Точно, точно. Ну давайте не будем терять времени. Пусть нас соединят по линии связи командования.

— С изображением, — вставил Старик.

— Разумеется, с изображением, и мы покажем этому... Я хотел сказать, увидим истинное положение дел в Айове.

С разрешения президента маршал подошел к стереоэкрану, связался со штабом Министерства безопасности и приказал вызвать дежурного офицера в Форт-Паттоне, штат Айова.

Спустя несколько минут на экране появился молодой офицер на фоне приборов центра связи. Он сидел по пояс

¹ *Форт-Паттон* назван в честь Джорджа Смита Паттона (1885–1945) — одного из главных американских военачальников в период Второй мировой войны.

голый, а звание и род войск были обозначены на фуражке. Мартинес с победной улыбкой повернулся к Старику:

— Ну что, видите?

— Вижу.

— Теперь, чтобы удостовериться... Лейтенант!

— Да, сэр! — Молодой офицер, охваченный благоговейным страхом, быстро переводил взгляд с одного известного лица на другое. Поля зрения приемника и передатчика были идеально согласованы: глаза изображения смотрели именно на того, на кого смотрел офицер, как будто он сидел в этом стереоэкране.

— Встаньте и повернитесь, — приказал Мартинес.

— Э-э-э... Есть, сэр! — Дежурный с удивленным видом повиновался, при этом верхняя часть его тела скрылась из поля зрения. Мы видели только голую поясницу — не выше.

— Черт побери! — рявкнул Мартинес. — Сядь и повернись!

— Есть, сэр! — Молодой человек выглядел сильно взволнованным. Он наклонился над столом и добавил: — Секунду, я увеличу угол зрения камеры.

Изображение вдруг расплылось, и по стереоэкрану забегали радужные полосы, однако голос молодого офицера все еще был слышен:

— Так лучше, сэр?

— Черт побери, мы вообще ничего не видим!

— Не видите? Секундочку, сэр.

После этого мы слышали только его тяжелое дыхание. Неожиданно экран ожил, и я решил было, что наладилась связь с Форт-Паттоном. Но на этот раз на экране появился майор, и кабинет за его спиной казался больше.

— Штаб Верховного командования, — доложило изображение. — Дежурный офицер связи майор Донован.

— Майор, — произнес Мартинес сдержанно, — я был на связи с Форт-Паттоном. Что произошло?

— Да, сэр, я следил на контрольном экране. Небольшие технические неполадки. Мы сейчас же восстановим связь.

— Поторопитесь!

— Есть, сэр!

Экран зарябил и погас.

Старик снова встал.

— Ладно, я пошел спать. Позвоните мне, когда устранят эти «небольшие технические неполадки».

15

Я, честное слово, не хотел, чтобы у вас создалось впечатление, будто Мартинес глуп. Никто поначалу не понимал, на что способны эти твари. Нужно увидеть хотя бы одного паразита, чтобы прочувствовать это нутром.

У маршала Рекстона с головой тоже, разумеется, все в порядке. Они пытались связаться еще с несколькими частями в пораженных районах и, убедившись, что «технические неполадки» возникают слишком удобно для паразитов, проработали всю ночь. Около четырех утра они позвонили Старiku, а тот по нашей спeнсвязи вызвал меня. Я считаю, что вживленные нам под кожу приемники не должны использоваться в качестве будильников. Это крайне грубый способ будить человека

Собрались в том же самом конференц-зале — Мартинес, Рекстон, парочка шишек из его подчинения и Старик. Когда я подошел, явился президент в махровом халате. Мэри следовала за ним по пятам. Мартинес начал что-то говорить, но Старик его перебил:

— Ну-ка покажи спину, Том.

Президент глянул удивленно, Мэри просигналила, что все в порядке, но Старик сделал вид, будто не замечает ее.

— Я серьезно, — добавил он с нажимом.

— Ты прав, Эндрю, — сказал президент спокойно и, скинув халат до пояса, предъявил свою голую спину. — Если я не буду показывать пример, то как мне тогда добиться поддержки от всех остальных?

Старик начал помогать ему влезть обратно в халат, но президент отмахнулся и повесил халат на стул.

— Мне просто нужно к этому привыкнуть. Трудновато в моем возрасте. Итак, джентльмены?

Я тоже считал, что вид голой кожи требует привычки. Выглядели мы довольно нелепо. Худошавый загорелый

Мартинес походил на статую из красного дерева. Полагая, в нем была доля индейской крови. Лицо Рекстона было обожжено высотным загаром, но ниже линии воротника он был таким же бледным, как президент. На его груди красовался черный крест волос, от подмышки к подмышке и от подбородка к животу, а президент и Старик спереди и сзади заросли курчавым седым волосом. При этом мех Старика был настолько густым, что в нем спокойно могли бы гнездиться мыши.

Мэри выглядела как рекламная картинка — съемки с нижнего ракурса, чтобы дать акцент на ножки, выверенные позы и все такое. Что до меня самого... Ну ладно, я красив душой.

Мартинес и Рекстон утыкали всю карту страны булавами: красные — для пораженных районов, зеленые — для чистых и еще несколько янтарных. Отчеты продолжали поступать, и помощники Рекстона продолжали добавлять новые булавы.

Айова болела корью. Новый Орлеан и центр Луизианы выглядели не лучше. Канзас-Сити тоже. Верховья бассейна Миссури—Миссисипи, от Миннеаполиса и Сент-Пола вплоть до самого Сент-Луиса, были вражеской территорией. Ниже, к Новому Орлеану, красных булавок становилось меньше, но зеленых не было ни одной. Красное пятно расплозлось вокруг Эль-Пасо, и еще два выделялись на Восточном побережье.

Президент спокойно оглядел карту.

— Нам понадобится помощь Канады и Мексики, — сказал он. — Оттуда есть какие-нибудь сообщения?

— Ничего достоверного, сэр.

— Канада и Мексика — это только начало, — серьезно произнес Старик. — Нам понадобится помощь всего мира.

— Видимо, — сказал Рекстон. — А как насчет России?

Ни у кого не нашлось ответа на этот вопрос; да его и раньше никогда не было. Слишком большая страна, чтобы оккупировать, и слишком большая, чтобы не обращать на нее внимания. Третья мировая война не решила российскую проблему, да и никакая война не сможет ее решить. За железным занавесом паразиты могли чувствовать себя как дома.

— Когда придет время, мы с этим разберемся, — сказал президент и провел пальцем по карте. — Связь с Восточным побережьем нормальная?

— Вроде бы все в порядке, сэр, — ответил Рекстон. — Похоже, они не препятствуют транзитному трафику. Тем не менее я перевел всю военную связь на трансляцию через космические станции. — Он взглянул на палец с часами. — Сейчас работает станция «Гамма».

— Хм... Эндрю, эти твари могут захватить космическую станцию? — спросил президент.

— Откуда мне знать? — раздраженно ответил Старик. — Я не знаю, приспособлены для этого их корабли или нет. Скорее всего, они попытаются проникнуть на борт через грузовые ракеты.

Завязалась дискуссия о том, захвачены ли уже космические станции или нет: режим «Голая спина» на них не распространялся. Хотя мы и финансировали их, и строили сами, формально они считались территорией ООН, и президент вынужден был дожидаться, когда Организация Объединенных Наций примет решения по данному вопросу.

— На этот счет можете не беспокоиться, — сказал Рекстон.

— Почему? — спросил президент.

— Наверное, я тут единственный, кто служил на орбитальной станции. Джентльмены, костюмы, что мы сейчас носим, там обычное дело. Появиться там полностью одетым — все равно что заявиться в пальто на пляж. Однако мы сейчас убедимся. — И он отдал распоряжение своему помощнику связаться со станцией.

Президент продолжил изучать карту.

— Насколько нам известно, вся зараза расплзается из единственной точки посадки, вот отсюда. — Он ткнул пальцем в Гриннелл в штате Айова.

— Насколько нам известно, — согласился Старик.

— О боже! — выдохнул я, и все повернулись ко мне. Я смутился.

— Продолжай, — сказал президент.

— До того как меня спасли, было еще три посадки. Это я знаю совершенно точно.

Старик ошеломленно уставился на меня:

— Ты уверен, сынок? Я полагал, мы выжали тебя до-суха.

— Конечно уверен.

— Тогда почему раньше не сказал?

— Просто я до сих пор об этом не думал. — Я попытался объяснить им, каково это — быть под контролем, когда знаешь, что происходит, но ощущения как во сне, где все важно и в то же время не важно. От этих воспоминаний мне даже не по себе стало.

Я, вообще-то, не из слабонервных, но рабство у титанцев бесследно не проходит. Старик положил мне руку на плечо и сказал:

— Успокойся, сынок.

Президент тоже сказал что-то успокаивающее и одобрительно улыбнулся. Эффект присутствия в стерео не может этого передать — наш президент действительно способен ободрить одной улыбкой.

— Главный вопрос в том, где они приземлились. Может быть, мы сумеем захватить корабль, — сказал Рекстон.

— Сомневаюсь. При первой посадке они замели следы буквально в считанные часы, — ответил Старик и задумчиво добавил: — Если это была первая посадка.

Я подошел к карте и попытался хоть что-то вспомнить. Затем указал на Новый Орлеан.

— Один, я почти уверен, сел здесь, — сказал я, продолжая есть карту глазами. — А про два других не знаю. Но знаю, что они были.

— Что насчет этого района? — спросил Рекстон, указав на Восточное побережье.

— Я не знаю, не знаю.

Старик указал на второе красное пятно на Восточном побережье:

— Нам известно, что это вторичное заражение.

Он любезно не упомянул, что источником инфекции здесь послужил я.

— Вы что, не можете вспомнить? — раздраженно сказал Мартинес. — Думайте, молодой человек, думайте!

— Я действительно не знаю. Мы никогда не знали, что планируют хозяева, практически никогда. — Я напрягся

так, что у меня голова заболела, затем показал на Канзас-Сити. — Сюда я посылал несколько сообщений, но опять-таки не знаю, то ли заказы на доставку ячеек, то ли еще что.

Рекстон взглянул на карту. Канзас-Сити был утыкан булавками почти как Айова.

— Будем считать, что около Канзас-Сити тоже была посадка. Я поручу своим специалистам разобраться. Они могут провести анализ с точки зрения логистики и вычислить, где приземлился корабль.

— Или корабли, — поправил его Старик.

— Что? Корабли? Конечно. Но нам нужно больше информации. — Рекстон повернулся к карте и задумчиво на нее уставился.

16

Сейчас было поздно локти кусать. Когда приземлилась первая тарелка, угрозу мог устранить один решительный человек одной бомбой. Когда семья Кавано — Старик, Мэри и я — проводила разведку в районе Гринелла и в Де-Мойне, мы втроем могли бы уничтожить всех слизняков, если бы проявили безжалостность и, что более важно, знали бы, что они здесь есть.

Если бы режим «Голая спина» ввели хотя бы к концу первой недели, одного этого хватило бы, чтобы справиться с захватчиками. А так мы быстро поняли, что в качестве наступательной меры режим себя не оправдал. Как способ обороны он был полезен: незараженные районы, во всяком случае, такими и оставались. В отдельных случаях мы даже добились успехов в наступлении: удалось очистить зараженные, но не захваченные полностью города. Вашингтон, например, и Нью-Филадельфию. Нью-Бруклин, где я мог указать конкретные адреса. Все Восточное побережье на карте стало зеленым.

Но по мере поступления информации из центральных районов в середине карты расплзлось большое красное пятно. Теперь, когда настенную карту с булавками замени-

ла огромная, в масштабе десять миль на дюйм, электронная панель во всю стену конференц-зала, сердце страны горело ярким рубиновым огнем. Панель, разумеется, только дублировала сигналы из военного ведомства; оригинал находился на одном из подземных ярусов Нового Пентагона.

Страна разделилась на две части, словно какой-то гигант пролил на равнинные области в центре красную краску. По краям захваченной паразитами полосы шли две зигзагообразные янтарные дорожки — только там на самом деле велись активные действия: в местах, где в пределах прямой видимости был возможен прием стереопередач как вражеских станций, так и тех, что еще оставались в руках свободных людей. Одна начиналась неподалеку от Миннеаполиса, огибала с запада Чикаго и с востока Сент-Луис, а дальше змеилась через Теннесси и Алабаму к Мексиканскому заливу. Вторая тянулась через Великие равнины и заканчивалась у Корпус-Кристи. Эль-Пасо находился в центре еще одной красной зоны, не соединенной с основной.

Я смотрел на карту и пытался представить себе, что происходит в этих пограничных районах. Конференц-зал был полностью в моем распоряжении. Президент ушел на встречу Кабинета министров и взял с собой Старика. Рекстон со своими офицерами отбыл чуть раньше. Я остался ждать, просто потому, что шататься без дела по Белому дому как-то не тянуло. Сидел и с волнением следил, как янтарные огни сменяются красными и, гораздо реже, красные — зелеными или янтарными.

Мне очень хотелось знать, как ночному посетителю без официального статуса получить в Белом доме завтрак. Я бодрствовал с четырех утра, и с тех пор мне перепала только чашечка кофе, поданная камердинером президента. Но завтрак мог подождать, куда более срочно нужно было найти туалет. Я знал, где находится президентский, но мне не хватало нахальства им воспользоваться. Я смутно чувствовал, что этот проступок будет квалифицироваться где-то между государственной изменой и хулиганством.

В поле зрения не было ни одного охранника. Вероятно, комната откуда-то просматривалась. Я полагаю, в каждом помещении Белого дома есть глаза и уши, но физически в поле моего зрения никого не было.

Наконец я не выдержал и начал пробовать все двери подряд. Первые две оказались заперты, но за третьей обнаружилось то, что я искал. Поскольку тут не было ни таблички «Исключительно для президента», ни мин-ловушек, я им воспользовался.

Когда я вернулся в конференц-зал, там была Мэри.

Мгновение я тупо пялился на нее.

— Я думал, ты с президентом.

— Я была, но меня вытурили, — сказала она, улыбнувшись. — Вместо меня там Старик.

Я решился:

— Знаешь, Мэри, я давно хотел с тобой поговорить, но до сих пор все не удавалось. Похоже, я... Ну... Короче, мне не следовало... Я имею в виду, что Старик сказал... — Я умолк, обнаружив, что здание тщательно отрепетированной речи лежит в руинах, и наконец выдал: — В общем, я не должен был говорить то, что тогда сказал.

Она тронула меня за руку:

— Сэм... Сэм, дорогой, ну что ты, успокойся. Ты сказал то, что думал. Исходя из того, что ты знал, это было вполне логично. Главное, что ты сделал это ради меня. Остальное не имеет значения... ну разве что я рада слышать, что ты больше меня не презираешь.

— Ну... Черт возьми, да не будь же такой благородной и всепрощающей. Я этого не вынесу.

Она весело улыбнулась, но эта улыбка показалась мне уже не такой мягкой, как первая.

— Сэм, мне кажется, тебе нравится, когда в женщинах есть капелька стервозности. Предупреждаю, я могу быть и такой. А если ты все еще переживаешь из-за той пощечины, могу вернуть тебе долг. — Она подняла руку и легонько шлепнула меня по щеке. — Ну вот, мы в расчете, и ты можешь об этом забыть.

Выражение ее лица внезапно изменилось. Она размахнулась и... я думал, у меня голова отвалится.

— А это, — яростно прошипела она, — за ту, что я получила от твоей подружки!

В ушах у меня звенело, перед глазами плыло. Если бы я не видел ее голую ладонь, то готов был поклясться, что меня огрели доской.

Мэри смотрела на меня настороженно и вызывающе и отнюдь не примирительно — скорее даже зло, если раздутые трепещущие ноздри о чем-то говорят. Я поднял руку, и она напряглась — но я просто хотел потрогать пылающую щеку.

— Она вовсе не моя подруга, — сказал я растерянно.

Мы посмотрели друг на друга и одновременно расхохотались. Мэри обняла меня и, все еще смеясь, уронила голову на мое правое плечо.

— Прости, Сэм, — с трудом выговорила она. — Каюсь, я не должна была... бить тебя. Во всяком случае, мне следовало сдержаться и не бить тебя так сильно.

— Черта с два ты в чем-то раскаиваешься, — проворчал я. — Так вломила, что чуть шкуру не содрала.

— Сэм, бедненький. — Мэри дотронулась до щеки, та в ответ полыхнула болью. — Она в самом деле не твоя подруга?

— Нет, не повезло. Хотя я старался.

— Не сомневаюсь. Ну, Сэм, кто твоя подруга?

Эти слова кто-то мог бы принять за кокетство, но сейчас в Мэри не было ни капли кокетства.

— Ты... ты мегера.

— Теперь да, — сказала она удовлетворенно. — Вся твоя — пока ты этого хочешь. Я уже говорила тебе, и это остается в силе. Оплачена и куплена — можешь брать.

Она подняла лицо, ожидая поцелуя, но я ее оттолкнул:

— Бог с тобой, женщина! Я не хочу тебя «оплаченной и купленной».

Это ее несколько не смутило.

— Я неудачно выразилась. «Оплачена», но не «куплена». Я здесь потому, что сама этого хочу. Теперь-то ты меня поцелуешь?

Могу поклясться чем угодно, что до этого момента Мэри держала свою сексапильность в узде. Как только она поняла, что ответ «да», она выпустила ее на волю. Это было как солнце, выглянувшее из-за туч. Словами не передашь, но других сравнений у меня нет.

Она уже целовала меня один раз. Теперь она *поцеловала* меня. Французы в этом вопросе умнее нас, у них есть два разных слова, чтобы обозначать такие вещи... но тут

было третье. Я чувствовал, что тону в теплом золотистом тумане, из которого совсем не хотелось возвращаться. Наконец мне пришлось оторваться от нее и отдышаться.

— Видимо, мне лучше сесть.

Она сказала:

— Спасибо, Сэм, — и отпустила меня.

— Мэри, — сказал я спустя какое-то время, — дорогая, я думаю, ты можешь здорово меня выручить.

— Что? — с готовностью отозвалась она.

— Ради бога, скажи, как тут можно добыть какую-нибудь еду? Я с утра без завтрака и умираю с голода.

Мэри удивилась. Думаю, она ожидала чего-то другого, но сказала только:

— Ну конечно!

Не знаю, куда она ходила и как она это сделала. Может быть, просто вломилась в буфетную Белого дома и взяла что понравилось. Но она вернулась через несколько минут с подносом сэндвичей и двумя бутылками пива. Отварная солонина и ржаной хлеб вернули цвет моим щекам. Уписывая третью порцию, я спросил:

— Мэри, как думаешь, долго еще продлится заседание?

— Давай посмотрим, — сказала она, — там четырнадцать человек, включая Старика. Я бы дала им как минимум еще два часа. А что?

— Тогда... — я проглотил последний кусок, — у нас есть время сбежать отсюда, найти бюро регистрации, пожениться и вернуться назад, прежде чем Старик по нам соскучится.

Мэри молчала, разглядывая пузырек в своей бутылке пива.

— Что скажешь? — не отставал я.

Она подняла глаза:

— Я пойду за тебя, если ты этого хочешь. Слов обратно я не беру. Но я не собираюсь начинать отношения со лжи. А правда в том, что лучше бы нам этого не делать.

— Ты не хочешь выходить за меня?

— Сэм, я не думаю, что ты готов жениться.

— Говори за себя!

— Не сердись, дорогой. Я, честно, не собираюсь отказываться. Я — твоя, с контрактом или без, в любое время, в любом месте. Но ты меня еще совсем не знаешь. А узнав поближе... ты мог бы изменить свое мнение.

— У меня нет привычки менять свое мнение.

Она молча посмотрела мне в глаза, а потом отвела печальный взгляд в сторону. Я почувствовал, как кровь бросилась мне в лицо.

— То были совершенно особые обстоятельства, — запротестовал я, — больше такого с нами еще сто лет не случится. Я был сам не свой и...

— Я знаю, Сэм, — остановила она меня. — А теперь ты хочешь мне доказать, что на самом деле ничего такого не было или, по крайней мере, что теперь ты совершенно уверен в собственном рассудке. Но тебе не нужно ничего доказывать. Я не убегу от тебя, и я тебя ни в чем не подозреваю. Просто увези меня куда-нибудь на выходные, а еще лучше — переселяйся ко мне. Если решишь, что я тебе точно подхожу, у тебя будет достаточно времени сделать из меня «порядочную женщину», как говорила моя прабабушка, хотя одному Богу известно, зачем это нужно.

Вид у меня, должно быть, был невеселый. Она накрыла мою руку своей и сказала очень серьезно:

— Посмотри на карту, Сэм.

Я повернул голову и посмотрел. Красного цвета меньше не стало, даже немного прибавилось: мне показалось, что зона вокруг Эль-Пасо увеличилась.

— Давай сначала разберемся с этим делом, дорогой. После, если не передумаешь, спроси меня снова. А пока у тебя будут все права, и никаких обязательств.

Казалось бы, что может быть лучше подобного предложения? Беда была в том, что мне хотелось совсем другого. Почему мужчина, который всю жизнь бежал от брака как от чумы, вдруг решает, что на меньшее он просто не согласен? Я видел такое сотни раз и никогда раньше не понимал этих людей. А теперь сам оказался на их месте.

Когда совещание закончилось, Мэри пришлось вернуться к своим обязанностям. А Старик поймал меня и повел прогуляться. Да, именно прогуляться, хотя дошли мы

только до Мемориальной скамейки Баруха¹. Там Старик сел, повозился со своей трубкой и молча уставился в пространство. Стояла духота, какая бывает только в Вашингтоне, но парк был почти безлюден. Люди еще не привыкли к режиму «Голая спина».

— Сегодня в полночь начинается операция «Ответный удар», — сказал он наконец.

Я ничего не ответил, расспрашивать его было бесполезно. Он помолчал и добавил:

— Мы выбрасываем десант на все ретрансляционные станции, радиостанции, редакции газет и отделения связи «Вестерн Юнион» в красной зоне.

— Неплохо, — отозвался я. — Сколько людей участвует в операции?

Не отвечая на вопрос, Старик произнес:

— Мне это совсем не нравится.

— В смысле?

— Смотри, малыш: президент вышел в эфир и велел всем снять рубашки. Мы видим, что его обращение не достигло зараженной территории. Каков следующий логичный шаг?

Я пожал плечами:

— Видимо, операция «Ответный удар»?

— Операция еще не началась. Думай. Прошло больше суток. Что должно было произойти, но не произошло?

— А я должен догадываться?

— Должен, если ты хоть чего-то стоишь сам по себе. Держи. — Он протянул мне ключ от машины. — Сгоняй в Канзас-Сити и по-быстрому осмотришься. Держись подальше от телестудий, от полицейских, от... Ладно, ты знаешь их тактику лучше меня. Так вот, держись подальше *от них*. Просто гляди по сторонам и старайся, чтобы тебя не поймали. — Старик взглянул на перстень с часами и добавил: — Вернешься не позже половины двенадцатого. Вперед.

¹ *Бернард М. Барух* (1870—1965) — легенда Уолл-стрит, один из создателей, идеологов и практиков современного фондового рынка, финансовый советник президентов Вильсона и Рузвельта; имел обыкновение проводить деловые и политические встречи на скамейке в парке Лафайет в нескольких минутах ходьбы от Белого дома. На эту скамейку ему даже адресовали и доставляли почту.

— Не так много времени, чтобы осмотреть целый город, — пожаловался я. — До Канзас-Сити добираться часа три.

— Больше, — сказал Старик. — Не превышай скорость и не привлекай к себе внимания.

— Ты же знаешь, я осторожный водитель!

— Двигай!

И я двинул. Заскочил в Белый дом забрать свою рабочую экипировку. Десять минут убил впустую, убеждая сменяющуюся охрану, что я действительно пробыл там всю ночь и что там на самом деле осталось мое имущество, которое мне нужно забрать. Машина — та самая, на которой мы прилетели, — стояла на платформе Рок-Крик-парк. Движения почти не было; забирая машину, я поинтересовался у диспетчера, в чем дело.

— Все грузовые и коммерческие перевозки только по земле, — ответил он. — Чрезвычайное положение... Кстати, у тебя есть пропуск?

Я мог бы связаться со Стариком и получить пропуск в два счета, но беспокоить его из-за таких мелочей себе дороже. Поэтому я просто сказал:

— Проверь номер.

Он пожал плечами и сунул мой жетон в свою машинку. Видимо, моя догадка оказалась верной, потому что он удивленно вскинул брови и вернул жетон.

— Да ты крут! — присвистнул он. — Ходишь в любимчиках у самого президента?

Он не спрашивал меня о моем пункте назначения, а я его не сообщал. Его машинка, должно быть, заиграла «Славься, Колумбия!»¹, когда прочитала идентификатор Старика.

Взлетев, я запрограммировал автопилот на полет в Канзас-Сити с максимальной допустимой скоростью и попытался думать. Каждый раз, когда при переходе между зонами контроля машину цеплял радарный луч, в приемнике

¹ «Nail Columbia» — патриотическая песня, до 1931 г. служившая неофициальным гимном США. Гимн написал Филипп Файл в 1789 г. на инаугурацию Джорджа Вашингтона под названием «Президентский марш».

раздавалось короткое «бип», но экран оставался пуст. Определенно машина Старика могла летать куда угодно, несмотря на чрезвычайное положение. Я попытался представить себе, что произойдет, когда я влечу на этой машине в красную зону, и тут до меня дошло, что имел в виду Старик, когда спрашивал: «Каков следующий логичный шаг?» Пропустит ли меня сеть контроля на территорию, которая, как нам чертовски хорошо известно, заражена титанцами?

Мы привыкли думать, что слово «коммуникации» означает «телевизионные каналы», и ничего иного. Но на самом деле «коммуникация» означает любое движение информации, включая дорожную тетушку Мэми, которая направляется в Калифорнию с ворохом сплетен за пазухой. Слизняки захватили каналы вещания, и обращение президента не прошло, как мы предполагали, однако новости так просто не остановить, такими мерами можно лишь замедлить их распространение. За советским железным занавесом тетя Соня далеко не ездит, это бесполезно. Следовательно, если слизняки планировали удержать власть в занятых регионах, захват средств связи — это лишь первый шаг.

Очевидно, они не столь многочисленны, чтобы перехватывать весь транспорт, но тогда что они предпримут? Я пришел лишь к совершенно бесполезному выводу, что они наверняка что-нибудь придумали и, поскольку по определению я тоже часть «коммуникаций», мне лучше быть готовым ко всему, если я хочу сохранить свою шкуру.

Тем временем Миссисипи и красная зона приближались с каждой минутой. Что же произойдет, когда идентификатор моей машины примет станция слежения, захваченная паразитами? Я попытался поставить себя на место титанцев, но, хотя и побывал рабом одного из них, это оказалось невозможным. Сама идея думать как титанец вызывала у меня отвращение.

Ну хорошо, сказал я себе, тогда что сделает комиссар госбезопасности, если самолет недружественной державы пересечет железный занавес? Разумеется, собьет его. Нет, не так. Скорее всего, в воздухе угроза для меня даже меньше. Главное — не дать им узнать, где я приземлился. Это же элементарно, нет?

«Элементарно» — если забыть, что имеешь дело с сетью транспортного контроля, о которой с гордостью говорили: «Малая птица не упадет»¹. Ее создатели хвастались, что на всей территории Соединенных Штатов даже бабочка не сможет совершить вынужденную посадку, не приведя в действие поисково-спасательную систему. Это, конечно, преувеличение, но ведь и я не бабочка.

И я решил сесть вблизи зараженной зоны и проникнуть в нее по земле. Пешком я сумел бы пересечь, наверно, любой периметр безопасности — механический, электронный, патрулируемый или комбинированный. Но на машине, которая каждые семь минут оставляет позади один градус долготы, невозможно петлять и скрываться. И она не может построить глупую невинную физиономию и изобразить заблудившуюся овечку. Однако, если я отправлюсь пешком, Старик получит доклад, дай бог, к концу сентября, а он нужен ему к полуночи.

Как-то, разоткровенничавшись, Старик сказал, что он никогда не дает агентам подробных инструкций. Человеку, мол, нужно дать задание, а там пусть сам барахтается, либо справится, либо нет. Я тогда предположил, что с его методами он расходует слишком много агентов.

— Пожалуй, — признал он. — Но другие методы еще хуже. Я верю в людей и отбираю тех, кто умеет выживать.

— По какому, интересно, принципу, — спросил я, — ты их отбираешь?

Губы его изогнулись в зловещей ухмылке.

— Это те агенты, что возвращаются с заданий. Так я их и нахожу.

И теперь я должен был принять решение в ближайшие несколько минут. «Элихью, — сказал я себе, — сейчас мы узнаем, к какой категории ты относишься... И чтоб ему пусто было!»

Я установил курс, который вел меня к Сент-Луису, огибал его по широкой дуге и уводил к Канзас-Сити. Но Сент-Луис находился в красной зоне. Оперативная карта показывала, что Чикаго все еще остается в зеленой. Насколько я помнил, янтарная полоса зигзагами уходила на запад

¹ «Не две ли малые птицы продаются за ассарий? И ни одна из них не упадет на землю без воли Отца вашего» (Мф. 10: 29).

чуть выше Ганнибала в штате Миссури, а мне очень хотелось пересечь Миссисипи где-нибудь в зеленой зоне. Над рекой шириной в милю машина будет сиять на радаре, как осветительная ракета над пустыней.

Я запросил у наземной службы разрешение на спуск до уровня местного движения, но не стал дожидаться ответа, а рванул вниз, перешел на ручное управление, снизил скорость и полетел на север.

На Спингфилдской кольцевой я снова повернул на запад, оставаясь на прежней высоте. Когда показалась река, я выключил ответчик и медленно пересек ее над самой водой. Разумеется, вы не сможете отключить сигнал распознавания в воздухе, если у вас установлен стандартный комплект оборудования, — но у нас в Отделе машины нестандартные. Старик не гнушался гангстерских трюков.

Я рассчитывал, что люди на местной радарной станции если и засекут сигнал, то примут меня за лодку. Я не знал точно, в какой из зон, зеленой или красной, находится станция контроля на том берегу. Кажется, она была в зеленой зоне.

Я уже собрался снова включить ответчик, решив, что так будет безопаснее (или хотя бы менее заметно) влиться в транспортный поток, но тут увидел впереди небольшой разрыв береговой линии. Никакого притока на карте не было, и я решил, что это либо залив, либо новое русло, пробитое весенним половодьем и еще не отмеченное на картах. Опустив машину к самой воде, я направился туда. Протока была узкой и извилистой, а сверху ее почти полностью перекрывали склонившиеся деревья, так что возможности взлететь у меня было не больше, чем у пчелы, залетевшей в тромбон, зато радарная «тень» здесь была идеальная, и я легко мог в ней затеряться.

Через несколько минут я так хорошо затерялся, что меня не нашел бы никакой оператор станции слежения, да я и сам полностью заблудился. Карта мне нисколько не помогала. Протока змеилась, виляла, поворачивала обратно, так что все мое внимание было поглощено ручным управлением и мне было не до навигации. Удерживая машину от падения в воду, я проклинал все на свете и сто раз пожалел, что у меня не трифибия, которую можно посадить на воду.

В деревьях на правом берегу вдруг появился просвет, а за ним полоска ровной земли. Я рванул туда и снизился, так резко затормозив, что меня чуть не разрезало пополам ремнем безопасности. Но зато я стоял на грунте, и мне больше не нужно было изображать зубатку в грязном потоке.

Что делать дальше? Вокруг не было ни души. Я решил, что нахожусь на задах какой-нибудь фермы. Несомненно, где-то рядом проходило шоссе. Я должен был найти его и двигаться дальше по земле.

Но, едва успев так подумать, я понял, что это глупо. От Вашингтона до Канзас-Сити три часа лета, я почти добрался до цели, и сколько я буду добираться до Канзас-Сити? По дорогам — почти три часа. Все, что мне нужно, чтобы завершить поездку, — это оставить машину в десяти или двенадцати милях от Канзас-Сити и пойти пешком. Тогда у меня оставалось бы в запасе три часа на обратную дорогу. Я почувствовал себя как лягушка, которая в каждом прыжке одолевала половину пути до конца бревна и никак не могла допрыгать до финиша. Нужно было возвращаться в воздух. Но я не решался взлетать, не зная, кто здесь контролирует транспортные потоки — свободные люди или слизняки.

Внезапно мне пришло в голову, что стерео я не включал от самого Вашингтона. Я не любитель стерео, между рекламой и откровенным бараклом трудно найти что-то стоящее. Это заставляет задуматься: а что, собственно, такое этот наш «прогресс»? Впрочем, выпуск новостей мне бы сейчас пригодился.

Я не смог найти последние известия. Вместо этого я увидел:

а) лекцию доктора Миртл Дулайтли «Почему мужья начинают скучать». Спонсор — компания по производству гормональных препаратов «Утаген». Я решил, что у доктора Дулайтли богатый опыт в этом вопросе;

б) трио певичек в обтягивающих брючках, исполняющее «Если ты хочешь того, чего, я думаю, ты хочешь, то чего же мы ждем?»;

в) очередной эпизод сериала «Лукреция познает жизнь».

Уважаемая доктор Миртл выступала полностью одетой и могла скрывать на своем теле хоть дюжину титанцев. Трио было одето именно так, как и следовало ожидать, но они ни разу не повернулись к камере спиной. С Лукреции то срывали одежду, то она охотно снимала ее сама, но камера всякий раз переключалась на другой план, или гас свет, и я никак не мог проверить, голая ли у нее спина — в смысле, есть ли там наездник.

Впрочем, это все равно не имело значения. Программы могли записать за неделю или месяц до того, как президент объявил о режиме «Голая спина». Я шелкал переключателем каналов, пытаюсь отыскать выпуск новостей или прямой эфир, пока не наткнулся на профессиональную елейную улыбку ведущего какой-то программы. Он был полностью одет.

Вскоре до меня дошло, что это одна из тех глупых викторин с раздачей призов. Ведущий говорил: «...и какая-нибудь счастливица, сидящая сейчас у экрана, прямо в эту минуту получит — причем совершенно бесплатно — автоматического домашнего дворецкого, шесть в одном, от „Дженерал атомикс“. Кто же это будет? Вы? Вы? Или, может быть, вы?» Он повернулся к камере спиной, и я увидел его плечи. На нем были рубашка и пиджак, но я отчетливо разглядел, что они вздулись бугром — чуть ли не горб на спине. Я был в красной зоне.

Выключив стерео, я заметил, что за мной наблюдают — сорванец лет девяти. Он был в одних трусах, но коричневый цвет его плеч говорил о том, что таков его обычный стиль одежды. Я опустил ветровое стекло:

— Эй, парень, где тут шоссе?

Он молча продолжал смотреть на меня, потом ответил:

— Дорога на Мейкон вон там. Скажите, мистер, а это у вас «кадиллак-молния», да?

— Точно. А где это «вон там»?

— А прокатите?

— Времени нет. Где дорога?

Он смерил меня взглядом, прежде чем ответить:

— Возьмите меня с собой, и я покажу.

Я сдался. Пока он забирался в машину и осматривался, я открыл дорожную сумку, достал брюки, рубашку и пиджак и надел их.

— Может, я зря надел рубашку? Люди здесь носят рубашки?

Он насупился:

— У меня есть рубашки!

— Я не говорил, что у тебя их нет. Я просто спросил, носят ли здесь рубашки?

— Носят, конечно. А вы думали, куда прилетели, мистер? В Арканзас?

Я махнул рукой и снова спросил насчет дороги.

— А можно мне нажать на кнопочку, когда будем взлетать, да?

Пришлось объяснить, что взлетать мы не будем. Он надулся, но все же согласился показать, куда ехать. Для грунтовки машина была тяжеловата, и мне приходилось вести очень внимательно. Немного погодя он сказал мне свернуть. Мы проехали еще немного, и я остановил машину и спросил:

— Ты покажешь мне все-таки, где шоссе, или тебе задницу надрать?

Он открыл дверцу и выскользнул из машины.

— Эй! — крикнул я.

Мальчишка обернулся и махнул рукой: «Туда!» Я развернул машину и, хотя совсем уже не ожидал, обнаружил шоссе всего в пятидесяти ярдах. Паршивец заставил меня сделать почти полный круг.

Шоссе, конечно, оказалось еще то — ни грамма резины в покрытии. Однако какая-никакая, а дорога, и я двинулся по ней на запад. В общем, я потратил впустую час с лишним.

Мейкон, штат Миссури, выглядел слишком нормальным, и это настораживало. О режиме «Голая спина» тут явно не слышали. Среди прохожих попадались голые по пояс, но это вполне могло объясняться жарой. Куда больше было одетых, и у любого под рубашкой мог прятаться слизняк. Я начал думать, что достаточно будет осмотреть этот городишко и рвануть, пока не поймали, назад. При мысли о том, чтобы двигаться вглубь территории, захваченной паразитами, я нервничал, как проповедник на хо-

лостяцкой вечеринке. Поджилки тряслись, и очень хотелось дать ходу.

Однако Старик сказал «Канзас-Сити». Я обогнул Мейкон по кольцевой дороге и выехал на взлетную полосу на западе. Пристроился в очередь на взлет и направился в Канзас-Сити вместе с беспорядочным роем фермерских вертолетов и другой техники. Приходилось держаться местных ограничений скорости, но это безопасней, чем лезть в магистральный поток с ответчиком, который выдаст мою машину на первом же контрольном пункте.

Взлетную площадку обслуживала автоматика, здесь не было дежурных, даже на заправочной станции. Похоже, мне удалось вписаться в транспортный поток Миссури, не вызвав ни у кого подозрений. Правда, позади оставалась станция контроля на участке штата Иллинойс, которая могла заинтересоваться, куда я делся с маршрута, но это не имело значения.

17

Канзас-Сити практически не пострадал при бомбардировке — только на востоке, где раньше был городок Индепенденс. Соответственно, его и не отстраивали заново. С юго-востока можно проехать прямо в центр города до Своуп-парка, на остальных въездах надо либо ставить машину на стоянку, либо платить за право въехать в город. Или же можно попасть туда воздухом, но опять-таки приходится делать выбор: либо садиться на поле на северном берегу реки и добираться до города туннелями, либо лететь до одной из стартовых платформ в деловом центре к югу от Мемориального холма.

Я отклонил оба варианта. Я хотел, чтобы машина оставалась под рукой, но не желал забирать ее на парковке. В случае чего трудно одновременно отстреливаться и предъявлять парковщику талон. Туннели мне тоже не нравятся, да и лифты на стартовых платформах: там легко устроить человеку ловушку.

Честно говоря, мне вообще не хотелось появляться в городе.

Проехав по шоссе номер 40, я подкатил к платному въезду на Мейер-бульвар. Очередь желающих заплатить за сомнительное удовольствие ехать по городским улицам выстроилась довольно длинная, и, едва сзади подкатила следующая машина, у меня возникло ощущение, что я в ловушке. Я пожалел, что не припарковался и не пошел в город пешком. Однако контролер принял деньги, даже не взглянув в мою сторону. Я очень внимательно на него смотрел, но так и не понял, есть у него наездник или нет.

Облегченно вздохнув, я миновал ворота, но меня сразу же остановили снова. Впереди резко опустился шлагбаум, я едва успел затормозить. В открытое окно тут же сунул голову полицейский.

— Проверка безопасности, — сказал он. — Выходите.

Я возразил, что мою машину только что проверили.

— Не сомневаюсь, — согласился он, — но в городе проводится кампания за безопасность движения. Вот квитанция на машину. Получите ее за шлагбаумом. А вам — вон в ту дверь. — Полицейский махнул рукой в сторону здания у дороги.

— Зачем?

— Проверка зрения и рефлексов. Не задерживайте очередь.

В памяти у меня сразу вспыхнула карта, где Канзас-Сити светился красным. Я не сомневался, что город полностью захвачен, и, следовательно, этот добродушный полицейский наверняка таскает на плечах паразита. Мне даже не нужно было смотреть на его плечи. Выбор у меня был небогатый — я мог либо застрелить его и экстренно взлететь с места, либо подчиниться. От обычного полицейского я бы попробовал откупиться, когда он вручал мне квитанцию на машину. Но у титанцев деньги не в ходу.

Или?..

Недовольно ворча, я выбрался из машины и медленно пошел к зданию. Ближайшая дверь была помечена надписью «ВХОД». Другая была в дальнем конце с надписью «ВЫХОД». Когда я подходил, из нее вышел человек. Мне ужасно хотелось спросить у него, что он там видел.

Здание поставили наспех, и даже дверь там по старинке открывалась вручную. Я толкнул ее ногой, посмотрел

влево, вправо и наверх, прежде чем войти. Здесь была пустая приемная с открытой внутренней дверью. Помещение выглядело безопасным.

— Войдите! — крикнули из-за двери.

Держась по-прежнему настороже, я вошел. Там были двое мужчин в белых халатах, один из них — с докторским зеркальцем на голове. Он поднял голову и оживленно сказал:

— Это займет всего минуту. Идите сюда.

Он подошел и закрыл за мной дверь. Я услышал, как шелкнул замок.

Устроились они тут гораздо лучше, чем мы в Конституционном клубе. Если бы у меня было время, я бы полюбился, как тут все здорово организовано. На длинном столе стояли транзитные ячейки с хозяевами, уже вскрытые и прогретые. Второй мужчина держал одну наготове — для меня, как я понял, — наклонив ее к себе, чтобы я не увидел слизняка внутри. Транзитные ячейки сами по себе не должны были вызвать у жертв никаких подозрений: у врачей всегда под рукой полно разных штучек, которые неспециалисты могут показаться странными.

Дальнейший сценарий мне был ясен: меня попросят поглядеть в окуляры обычного прибора для проверки остроты зрения. «Врач» не даст глазеть по сторонам, заставляя изучать контрольные цифры, а тем временем его «ассистент» подсадит мне хозяина. Никакого насилия, никаких ошибок, никаких протестов.

Как я узнал за время своей собственной «службы», для пересадки вовсе не обязательно оголять спину жертвы. Достаточно посадить хозяина на шею, и спустя секунду рекрут сам поправит одежду, чтобы спрятать паразита.

— Сюда, пожалуйста, — повторил «врач». — Глазами в окуляры.

Я очень быстро подошел к прибору, заглянул в окуляры и тут же резко обернулся.

«Ассистент» двигался на меня с готовой ячейкой в руке, и, когда я повернулся, он наклонил ее к себе, чтобы я не видел, что внутри.

— Доктор, — сказал я, — у меня контактные линзы. Мне их снять?

— Нет-нет! — нетерпеливо ответил он. — Давайте не будем терять время.

— Но, доктор, я бы хотел, чтобы вы проверили, насколько хорошо они подходят. С левой линзой что-то не так... — Я поднял руки и оттянул веки вверх и вниз. — Вот видите...

— Здесь у нас не клиника, — сердито произнес «врач». — А теперь будьте так добры...

Теперь они оба оказались в пределах досягаемости. Я резко опустил руки и сграбастал их обоих медвежьим хватом, а потом обеими руками вцепился им в спины между лопатками. Под халатами что-то чувствовалось, и меня передернуло от отвращения, но я ухватился и сжал это мягкое и податливое что было сил.

Как-то раз я видел, как наземная машина сбила на дороге кота: беднягу подбросило на четыре фута вверх, спина вывернута, лапы раскидало в стороны. С этими несчастными произошло примерно то же самое: обоих скрутило, как будто все их мышцы одновременно сократились в болезненном спазме.

Возможно, именно это с ними и произошло, когда я схватил и раздавил их хозяев. Я не смог их удержать, они выскользнули у меня из рук и шлепнулись на пол. Но держать их уже не было необходимости — после выламывающей суставы конвульсии они обмякли и потеряли сознание. Возможно, оба были уже мертвы.

В дверь постучали.

— Минутку! — отозвался я. — Доктор сейчас занят.

Стук прекратился. Убедившись, что дверь заперта, я наклонился к «доктору» и задрал на нем халат, чтобы посмотреть, что стало с его хозяином.

Тварь превратилась в расплзающуюся слизистую массу, которая уже начинала вонять. То же самое произошло и с наездником «ассистента», что меня от души порадовало: если бы паразиты остались живы, мне пришлось бы сжечь их лучеметом, а сделать это, не задев носителей, не так-то просто. Я оставил людей на полу. Может быть, они умерли, может, выжили и их вновь захватили титанцы — не знаю, но помочь им я тогда ничем не мог.

А вот хозяева, ждущие в ячейках, — это совсем другое дело. Я провел лучом на максимальной мощности и сжег

их за считанные секунды. Оставалось еще два больших ящика у стены. Я не знал, есть ли в них хозяева, но у меня не было причины думать иначе. Я жег их до тех пор, пока доски не превратились в угли.

Стук в дверь возобновился. Я торопливо осмотрелся, соображая, куда бы спрятать лежащих на полу людей, но деть их было некуда, и я решил прорываться к машине. Однако у самой двери что-то меня остановило. Не хватало одной детали.

Комната была практически голой, — казалось, в ней нет ничего подходящего для моей цели. Можно было бы использовать халаты «врача» и его «ассистента», но я не хотел к ним прикасаться. И тут мне на глаза попался чехол от прибора для проверки зрения. Я ослабил ворот рубашки, скомкал чехол и, запихав его под рубашку, пристроил между лопатками. Потом застегнул рубашку и надел пиджак. Получилась выпуклость нужного размера.

Потом я вышел на улицу — «...испуганный, для всех чужой, в холодном мире, созданном не мной»¹.

Хотя, по правде сказать, я чувствовал себя довольно дерзким.

Еще один полицейский проверил мою квитанцию, бросил на меня пристальный взгляд и жестом приказал садиться в машину. Когда я сел за руль, он сказал:

— Поедешь в управление полиции, это рядом с мэрией.

— Управление полиции, у мэрии, — повторил я и тронулся с места.

Проехал немного в указанном направлении, свернул на шоссе Николс и, выбрав место, где машин было поменьше, нажал кнопку, меняющую номерные знаки. Я решил, что номер, под которым меня видели на въезде в платную зону, уже в розыске. И я очень жалел, что не могу сменить заодно цвет машины и ее очертания.

Не доезжая до пересечения с магистралью Макджи, я свернул на развязке вниз и покатыл по переулкам среди жилых домов. По местному времени было 18:00; через четыре с половиной часа меня ждали в Вашингтоне.

¹ Рефрен из песни короля блюза Би Би Кинга (1925–2015).

С городом что-то было не так. Я попытался сделать скидку на свое взвинченное состояние и понять, что же с ним на самом деле такое, — увидеть не то, что я заранее ожидал увидеть, и не то, что мне хотели показать. Внешне все выглядело как обычно, но в общей картине было что-то неуловимо фальшивое, словно все вокруг пыталось играть какой-то дурно срежиссированный спектакль. И я никак не мог ткнуть пальцем во что-то конкретное, источник фальши неизменно ускользал.

На окраинах Канзас-Сити множество жилых районов, построенных век и более назад. Время как будто прошло мимо них. Дети носятся по газонам, старики прохладными вечерами посиживают на крылечках, как это делали их деды и прадеды. Если в округе и есть бомбоубежища, то их не видно. Есть у этих громоздких старинных домов, сложенных из камней давно почившими мастеровыми, простое, безыскусное очарование. Глядя на них, удивляешься, как Канзас-Сити ухитрился заработать свою дурную репутацию, — старые районы выглядят островками покоя и безопасности.

Я проезжал по ним, уворачиваясь от собак, мячиков и малышей, которые гонялись за теми и за другими, и пытался ощутить царящую здесь атмосферу. День клонился к вечеру, наступало время затишья, время выпить пива, полить газон, поболтать с соседями.

Внешне все так и было. Впереди по улице я видел женщину, склонившуюся над клумбой. Она была в купальнике с открытой спиной — явно без паразита, и двое ребятишек, что крутились возле нее, тоже. Что же здесь не так?

Погода стояла очень жаркая, жарче даже, чем в Вашингтоне. Я высматривал голые плечи, женщин в купальниках и мужчин в шортах и сандалиях. Канзас-Сити, несмотря на свою репутацию, расположен в Библейском Поясе, и здесь чувствуется пуританское влияние. Горожане не раздеваются по погоде с радостным единодушием, как в Лагуна-Бич или Корал-Гейблсе. Полностью одетый взрослый человек здесь не бросается в глаза даже в самый жаркий день.

Так что я видел людей одетых и так и этак. Однако пропорции были явно не те. Да, полно ребятишек в одних шортах, но на протяжении нескольких миль я заметил только пять женщин и двоих мужчин с голой спиной.

А их должно быть по меньшей мере пять сотен.

Вдумайтесь в эти цифры. Хотя под некоторыми пиджаками и не скрывались паразиты, простая прикидка давала более девяноста процентов населения во власти титанцев.

Они не просто «захватили» город, как некогда мы захватили Нью-Бруклин. Они его заполнили. Пришельцы не только заняли все ключевые посты в городе — они стали жителями города.

Мне неудержимо хотелось взлететь прямо с места и на максимальной скорости рвануть прочь из красной зоны. Паразиты знали, что я ускользнул из ловушки на въезде, и наверняка уже искали меня. Возможно, я последний свободный человек, разъезжающий по городу на машине, а во круг — одни лишь враги!

Я едва справился с собственными паническими мыслями. Агент, позволяющий себе так заводить, ни на что не годен и вряд ли сумеет выкарабкаться, случись ему попасть в сложную ситуацию. Но воспоминания о том, каково это — быть во власти паразита, все еще сохраняли силу, и победа над собой далась мне нелегко.

Сосчитав до десяти, я успокоился и попытался сообразить, в чем тут дело. Видимо, я все-таки ошибался. Паразитов просто не может быть так много: в Канзас-Сити около миллиона жителей. Вспомнился мой собственный опыт: мы отбирали рекрутов и вели учет каждой ячейке. Разумеется, это было незапланированное вторжение, и мы зависели от внешних поставок, тогда как у Канзас-Сити почти наверняка под боком сидела летающая тарелка.

Но даже так что-то не сходилось. Чтобы наводнить Канзас-Сити хозяевами, потребовалась бы не одна, а дюжина тарелок или даже больше. А если бы их было так много, орбитальные станции наверняка бы их засекли и отследили по радарам их посадочные траектории.

А может, не было никаких траекторий? Что, если они просто *появились*, вместо того чтобы опускаться на землю, как ракеты? Может быть, они использовали старый добрый

гипотетический «варп-двигатель»?¹ Я не знаю, что такое этот варп-двигатель, да и никто другой, наверное, не знает, но он точно позволил бы высадиться на планету незаметно для радаров. Мы понятия не имели, на что паразиты способны в техническом плане, а строить догадки, опираясь на собственные представления о возможностях науки, и глупо, и опасно.

Однако выводы, которые напрашивались из всего увиденного, противоречили здравому смыслу. Следовательно, прежде чем докладывать, необходимо еще раз проверить. Пока было ясно одно: даже заполонив почти весь город, они тем не менее сохраняли маскарад и жители Канзас-Сити выглядели как свободные люди. Может быть, я и не настолько сильно выделяюсь.

За своими мыслями я незаметно проехал еще с милю или больше, не выбирая дороги. Когда я понял, что приближаюсь к торговому району вокруг «Плазы», я тут же свернул: где толпы, там и полиция. Но я зацепил самый краешек района и по пути миновал общественный плавательный бассейн. Я запомнил все, что увидел, и отложил для дальнейшего осмысления. Мой мозг использует свою систему отсрочек и приоритетов: данные, имеющие низкий приоритет, откладываются до тех пор, пока каналы не очистятся от прежней информации и не будут готовы к приему новой.

Проще говоря, до меня обычно доходит задним числом.

И я проехал еще несколько кварталов, прежде чем проанализировал данные по бассейну. Их было немного: ворота заперты, на них табличка: «ЗАКРЫТО В СВЯЗИ С ОКОНЧАНИЕМ СЕЗОНА».

Бассейн закрыли в самое жаркое время лета? Конечно, это может объясняться и какими-то естественными причинами. Плавательные бассейны прогорали в прошлом и будут прогорать еще. Но закрывать такое дело без крайней необходимости, когда оно приносит наивысшую прибыль, противоречит экономическому здравому смыслу. Это слу-

¹ *Варп-двигатель* — гипотетическая технология, которая позволит звездолету перемещаться со скоростью выше скорости света за счет деформации пространства-времени.

чается чрезвычайно редко. Однако именно здесь маскарад мог затрещать по швам, а закрытый бассейн вызовет меньше подозрений, чем открытый, но никем не посещаемый. Ясно, что в своих действиях паразиты старательно учитывают человеческую точку зрения. Да что там говорить, я сам был одним из них!

Итак, первое — ловушка у въезда в город; второе — слишком мало людей в купальных костюмах; третье — закрытый плавательный бассейн.

Вывод: слизней гораздо больше, чем кто-либо мог себе представить, включая меня самого, побывавшего под их контролем.

Следствие: операция «Ответный удар» планировалась исходя из неверных оценок; толку в ней не больше, чем в охоте на носорога с рогаткой.

Контраргумент: увиденное мной физически невозможно. Мне живо представилось, как министр Мартинес со сдержанным сарказмом разносит мой доклад в пух и прах. Все мои предположения относились только к Канзас-Сити, но даже здесь они были недостаточно обоснованы. Большое спасибо за ваш интерес к этому делу, но сейчас вам нужен длительный отдых и как можно меньше нервного напряжения. А теперь, господа...

Тьфу!

Мне нужны достаточно веские аргументы, чтобы Старик убедил президента и отмел разумные возражения его официальных советников. И добыть их необходимо прямо сейчас. Ведь, даже нарушив все законы движения транспорта, я вряд ли доберусь до Вашингтона быстрее чем за два с половиной часа.

Но что я мог откопать такого, чтобы оно выглядело убедительно? Поехать в центр города, смешаться с толпой, а потом заявить Мартинесу, что я, мол, уверен: почти все встреченные мной были носителями? Как я смогу это доказать? И если уж на то пошло, как я сам в этом удостоверюсь? Ведь у меня нет особого таланта Мэри. До тех пор пока титанцы старательно изображают, что «все идет как обычно», и доказательств-то, считай, никаких нет. Разве что обилие сутулых людей и почти полное отсутствие обнаженных плеч.

Правда, оставалась ловушка на платном въезде в город. Теперь я достаточно хорошо представлял, как они заполнили город, — главное тут, чтобы хватило ячеек с наездниками. При выезде из города наверняка будет еще одна ловушка, и такие же устроены на стартовых платформах. Каждый, кто отсюда уезжает, становится агентом, каждый, кто приезжает, новым рабом.

Я был полностью уверен в своей правоте и не собирался для проверки посещать какую-нибудь стартовую платформу. Я сам когда-то настроил подобную ловушку в Конституционном клубе. Никто из тех, кто в нее вошел, оттуда не сбежал.

Уже проехав, я заметил на углу улицы газетный принт-автомат «Канзас-Сити стар». Объехав квартал кругом, я вернулся. Припарковался, вышел из машины и сунул в щель автомата десятицентовик. Мне показалось, газеты не было чересчур долго, но это можно было списать на счет моей собственной нервозности — я спиной чувствовал, что каждый прохожий на улице на меня уставился.

«Стар», как всегда, была скучна и респектабельна: никаких сенсаций, ни одного упоминания о чрезвычайном положении или о режиме «Голая спина». Статья на первой полосе называлась «Вспышка на Солнце нарушает телефонную связь», а чуть ниже шло шрифтом помельче: «Солнечная активность изолирует город от внешнего мира». И огромное, на три колонки, цветное полустереофото Солнца с обезображенным космической пылью лицом. На фото была отметка Паломарской обсерватории с датой. Та же подпись шла под одной из колонок.

Фото было хорошо сделанной фальшивкой — или они могли взять настоящую из газетного архива. Скучное, но вполне убедительное объяснение, почему какая-нибудь Мэми Шульц, сама еще без паразита, не может дозвониться бабушке в Питсбург.

Остальная часть газеты выглядела вполне обычно. Я сунул ее под мышку, надеясь позже изучить поподробней, повернулся к машине, но тут из-за угла бесшумно скользнула полицейская машина и остановилась поперек дороги перед самым носом моей. Полисмен вылез из машины и направился ко мне.

Полицейские машины притягивают толпы, словно магнит; секунду назад на углу не было ни души — иначе я бы здесь ни за что не остановился. Теперь же со всех сторон меня окружали люди, а полицейский двигался в мою сторону. Рука у меня невольно дернулась к пистолету, но я сдержался: ведь почти все вокруг были в такой же степени опасны.

Полисмен подошел и остановился:

— Ваше водительское удостоверение. — Более или менее вежливо.

— Сию минуту, — не стал спорить я. — Оно на приборной панели в машине.

Я шагнул мимо него и двинулся в обход машины, словно и не сомневался, что он последует за мной. На какое-то мгновение полисмен замер в нерешительности, затем все же клюнул. Я провел его между двумя машинами к своей и убедился, что он без напарника, — за это отступление от человеческих обычаев паразитов можно было только поблагодарить. Но что более важно, теперь между толпой и мной оказалась моя машина.

— Вот, — сказал я, указывая внутрь, — оно прикреплено к приборной панели.

Он снова на мгновение застыл, затем посмотрел, куда я показываю, и этой доли секунды мне хватило, чтобы применить отработанный недавно прием. Я схватил его левой рукой между лопаток и сдавил изо всех сил.

Повторилась сцена со сбитым на дороге котом. Его тело словно взрывом подбросило в воздух — такой сильной была судорога. Он еще падал на мостовую, а я уже вскочил в машину и выжал газ.

Недостаточно быстро, как оказалось. Маскарад лопнул так же внезапно, как в приемной у Барнса: толпа ринулась на меня со всех сторон. Одна молодая женщина впилась ногтями в дверцу машины, и ее проволокло футов пятьдесят, прежде чем она отвалилась. Все это время я давил на газ и ускорялся, подрезая и выскакивая на встречную полосу, готовый подняться в воздух, но мне никак не хватало места для взлета.

Слева замаячил просвет боковой улицы. Я рванул туда, но это оказалось ошибкой. Кроны деревьев почти смыка-

лись над головой, и взлетать было негде. За следующим поворотом стало еще хуже. Я проклял градостроителей, которые превратили Канзас-Сити в город-сад.

Поневоле пришлось сбросить скорость. Я по-прежнему высматривал поворот на какой-нибудь бульвар, достаточно широкий, чтобы нарушить правила и взлететь, но теперь двигался не быстрее, чем разрешено в черте города. Мозг снова включился в работу, и я вдруг сообразил, что меня никто не преследует. На помощь пришел мой собственный, чересчур непосредственный опыт взаимодействия с хозяевами. Паразиты ограничены возможностями своих носителей; исключение составляет только их способность к «прямому общению». Они видят лишь то, что видят люди, а информацию получают и передают посредством их же органов либо технических средств, что доступны людям.

Это я знал точно. И потому мог предполагать, что ни один из слизняков на углу, за исключением твари, оседлавшей полицейского, не разыскивал именно мою машину, а с ним я уже разобрался.

Конечно, теперь меня ищут остальные присутствовавшие паразиты, но в их распоряжении только тела и навыки носителей. Следовательно, и думать о них можно не больше, чем о случайных очевидцах; иначе говоря, не принимать всерьез; скрылся и забыл.

В моем распоряжении оставалось примерно полчаса, и я наконец понял, какое доказательство мне нужно: пленник, человек, захваченный паразитом, который сможет рассказать, что произошло с городом. Я должен был освободить носителя.

Для этого мне нужно было его схватить, не ранить при захвате, убить или убрать его наездника и вывезти человека в Вашингтон. У меня не было времени выбирать жертву и разрабатывать планы, я должен был действовать прямо сейчас. Едва я принял такое решение, впереди показался прохожий. В руке он нес портфель и шел, помахивая им, как человек, который мыслями уже дома, где его ждет ужин. Я поравнялся с ним и позвал:

— Эй!

— Да? — Он остановился.

— Я только что из мэрии, — сказал я. — Нет времени объяснять. Садись в машину, переговорим напрямую.

— Из мэрии? — удивился он — О чем вы?

— Планы изменились, — пояснил я. — Не трать время. Садись!

Он попытился. Я выскочил из машины и схватил его за сгорбленные плечи.

Никакого результата. Ничего — моя рука просто впилась в костлявую человеческую плоть, и человек завопил.

Я нырнул обратно в машину и рванул прочь. Отъехав на несколько кварталов, снизил скорость и задумался. Может, я не прав, может, просто у меня нервы не в порядке и титанцы мерещатся мне там, где их никогда не было?

Нет! Старик внушил мне неукоснительное желание видеть факты такими, как они есть. Ловушка на заставе, купальники, бассейн, полицейский у принт-автомата — эти факты не вызывали у меня никаких сомнений, а последняя неудача говорила лишь о том, что я выиграл ставку на двойное зеро, выбросил две кости по шесть очков, нарвался на того самого одного человека из десяти — или какое тут у них соотношение, — которого еще не захомутали. Я прибавил скорость и начал искать новую жертву.

Мужчина средних лет, поливающий из шланга лужайку, — выглядело это так естественно, что я чуть не проехал мимо. Однако времени оставалось совсем мало, и на нем был свитер с подозрительной выпуклостью на спине. Если бы я сразу заметил его жену на веранде, наверняка бы не остановился: она была в юбке и в лифчике от купальника — понятное дело, без паразита.

Когда я затормозил, мужчина поднял голову и вопросительно посмотрел на меня.

— Я только что из мэрии, — повторил я старую реплику. — Нам срочно нужно переговорить напрямую. Садись в машину.

— Пойдем в дом, — ответил он. — В машине нас могут увидеть.

Я хотел отказаться, но он уже повернулся и шел к дому. Когда я догнал его, он прошептал:

— Осторожно. Женщина пока не с нами.

— Твоя жена?

— Да.

Мы остановились на крыльце, и мужчина сказал:

— Дорогая, это мистер О'Киф. Нам нужно обсудить кое-какие дела. Мы будем в кабинете.

— Хорошо, дорогой, — ответила она с улыбкой. — Добрый вечер, мистер О'Киф. Ну и жара сегодня, правда?

Я согласился, и она снова занялась своим вязаньем. Мы вошли в дом, и мужчина повел меня в свой кабинет. Мы оба продолжали поддерживать маскарад, поэтому я шел впереди, как и подобает гостю в сопровождении хозяина, хотя мне очень не хотелось поворачиваться к нему спиной.

Должно быть, поэтому я был почти готов к тому, что он двинет меня ребром ладони в основание шеи. Я принял удар, упав на руки почти без вреда для себя, и тут же перекатился на спину.

В учебном центре, если мы, оказавшись на полу, пытались встать, нас били мешочками с песком, и наука запомнилась. Мой тренер по французскому боксу говорил с бельгийским акцентом: «Упав, смелые парни снова встают — и умирают. Будь трусом, наноси удар с пола».

Так что я остался лежать на спине, приготовившись ударить его ногами, если он на меня бросится. Но он тут же отскочил назад. Видимо, у него не было пистолета, и я мог воспользоваться своим. Однако в кабинете оказался настоящий открытый камин — с кочергой, совком и щипцами, — и мужчина боком продвигался туда. В моей досягаемости был только журнальный столик. Я рванулся к нему, перекатился, схватил стол за ножку и швырнул. Попал ему прямо в лицо, когда он уже взялся за кочергу. А мгновение спустя я налетел на него сам.

Его хозяин умирал в моих сжатых пальцах, а сам мужчина бился в конвульсиях, выполняя его последний жуткий приказ, как вдруг раздался душераздирающий крик. В дверях стояла его жена. Я вскочил, ударил ее прямо в двойной подбородок, и она, мгновенно умолкнув, повалилась на пол, а я вернулся к ее мужу.

Потерявшего сознание человека на удивление трудно поднять с пола. У меня больше времени ушло на то, чтобы взвалить его на плечо, чем на то, чтобы вырубить. И он оказался тяжеленький. К счастью, я силой не обижен, ру-

ки-ноги на месте, и вскоре я тяжело затрусил с ним к своей машине. Сомневаюсь, что шум драки побеспокоил еще кого-нибудь, кроме его жены, но ее крики всполошили чуть не весь квартал. Из домов по обеим сторонам улицы выскакивали люди. Пока они были еще далеко, но я благодарил судьбу, что догадался оставить дверцу открытой. Я со всех ног припустил к машине.

Спустя секунду я об этом пожалел: сопляк вроде того, что морочил мне голову у реки, сидел там и тыкал пальцем в кнопки на приборной панели. Ругаясь на чем свет стоит, я бросил пленника в салон и схватил мальчишку. Тот из всех сил упирался, но я все же выдернул его из машины и швырнул — прямо в руки первому из преследователей.

Это меня спасло. Пока он отдира л мальчишку от себя, я успел прыгнуть на водительское сиденье и рванул с места, даже не закрыв двери и не пристегнув ремни. На первом же повороте дверца захлопнулась сама, но и я чуть не слетел с сиденья. Проехав какое-то время прямо, я умудрился пристегнуть ремень, затем срезал еще угол и, едва не сбив наземную машину, дал ходу.

Выскочил на широкий бульвар — кажется, Пасео — и ткнул кнопку «Взлет». Возможно, из-за меня столкнулось несколько машин, но беспокоиться об этом у меня не было времени. Еще не набрав высоты, я повернул на восток. Над Миссури шел на ручном управлении и истратил все стартовые ускорители, чтобы набрать скорость. Видимо, эти безответственные действия и нарушение всех правил движения и спасли мне жизнь. Где-то над Колумбией, едва я запустил последний движок, машину потрянуло взрывной волной. Кто-то пустил ракету-перехватчик, — думаю, это была «адская гончая». Мерзкая штука рванула чуть ли не у меня на хвосте.

Больше, к счастью, в меня не стреляли, и это было замечательно, потому что теперь я был как утка на воде. Правая турбина начала перегреваться — то ли из-за попадания, то ли из-за постоянного форсажа. Я ничего не стал делать, только молча молился, чтобы она не сдохла еще хотя бы минут десять. Когда Миссисипи осталась позади, а индикатор перегрева уполз в зону «опасно», я ее отключил, и дальше машина похромала на одной левой турбине.

Больше трехсот миль она вытянуть так не могла, но я выбрался из красной зоны и снова был среди свободных людей.

До сих пор у меня не было ни минуты, чтобы взглянуть, как там мой пассажир. Он лежал там, куда я его бросил, растянувшись на полу салона, мертвый или без сознания. Но теперь мы оказались в зоне, контролируемой свободными людьми, да и мощности уже не хватало на незаконное превышение скорости, так что никаких причин вести машину вручную не было. Я включил ответчик, дал запрос на регистрацию в общем транспортном потоке и, не дожидаясь ответа, переключил управление на автоматику. Диспетчер на станции может злиться сколько угодно, может даже написать на меня рапорт, но все равно включит меня в систему. Потом я перебрался в салон и осмотрел пленника.

Он дышал, но все еще был в отключке. На лице вздулся рубец, там, где я врезал ему столом. Но вроде бы я ничего ему не сломал, так что, похоже, без сознания он был по другой причине. Я шлепнул его по щеке, придавил ногтями мочки ушей — однако он так и не очнулся.

Мертвый слизняк уже начал вонять, но я не знал, как от него избавиться. Я оставил все как есть и вернулся на водительское сиденье.

Часы на панели показывали 21:37 по Вашингтону, а лететь оставалось добрых шестьсот миль. Выжимая все из одного оставшегося движка, я мог добраться до Вашингтона только после полуночи, а еще нужно было сесть, пробиться в Белый дом и разыскать Старика. Так что свое задание я уже, можно считать, провалил, и Старик, как пить дать, устроит мне разнос.

Я решил рискнуть и попытался запустить правую турбину. Черта с два. Должно быть, ее заклинило и теперь ей требуется капитальный ремонт. Но может быть, это и к лучшему: скоростной двигатель, если он неисправен или разбалансирован, может просто взорваться. Оставив турбину в покое, я попробовал вызвать Старика по телефону.

Телефон не работал. Должно быть, я повредил его во время одной из «разминок», что навязали мне паразиты, но это был первый отказ аппарата на моей памяти. Печатные

схемы, транзисторы и прочая начинка заливаются пластиком и устойчивы к ударам, как бесконтактный взрыватель. Я сунул аппарат обратно в карман и подумал, что, видимо, сегодня один из тех дней, когда вообще не стоит вставать с постели. Затем повернулся к панели коммуникатора и ударил кулаком по кнопке экстренного вызова помощи.

— Контроль! — крикнул я. — Контроль! Чрезвычайная ситуация!

Экран засветился, и передо мной возникло изображение молодого человека — я с облегчением отметил, что он сидит по пояс голый.

— Наземная служба. Зона Фокс-одиннадцать. Почему вы все еще в воздухе? Я пытаюсь связаться с вами с того самого момента, как вы вошли в мою зону.

— Сейчас некогда объяснять, — резко сказал я. — Срочно соедините меня с ближайшим армейским подразделением. Дело не терпит отлагательств!

На лице у него появилась неуверенность, но экран замерцал и погас, и сразу возникло новое изображение, на этот раз военного центра связи. На душе стало тепло и спокойно, потому что все как один там сидели тоже по пояс голые, включая и молодого офицера на переднем плане. Я готов был расцеловать его, но вместо этого лишь сказал:

— У меня важное сообщение. Соедините меня через Пентагон с Белым домом.

— Кто вы такой?

— Времени в обрез! Я агент секретной службы, и мои документы вам все равно ничего не скажут. Поторопитесь!

Возможно, я бы его уговорил, но его вытеснил из поля зрения камеры офицер постарше, со значком командира авиакрыла на фуражке.

— Немедленно приземляйтесь! — отрезал он.

— Послушайте, капитан, — сказал я, — у меня срочное сообщение. Вы должны соединить меня через...

— У нас чрезвычайное военное положение, — перебил он. — Весь гражданский транспорт уже три часа находится на земле. Немедленно приземляйтесь!

— Но я должен...

— Если вы не приземлитесь, вас собьют. Мы взяли вас на сопровождение. Я запускаю ракету-перехватчик — она

взорвется в полумиле впереди. Если вы продолжите полет прежним курсом или выполните любой маневр, кроме захода на посадку, — следующая будет ваша.

— Да послушайте же вы, наконец! Я сажусь, но мне нужно...

Он просто отключился, а мне осталось только бессильно шипеть сквозь стиснутые зубы.

Первая ракета взорвалась даже ближе чем в полумиле. Пришлось садиться.

Не могу похвастаться мягкой посадкой, но ни я, ни мой пассажир не пострадали. Ждать пришлось недолго. Меня осветили ракетами и налетели со всех сторон, не успел я убедиться, что машина встала на грунт. Меня скрутили, и я лично встретился с тем капитаном. Он даже отправил мой доклад адресату. Правда, уже после того, как его психологи допросили меня под гипнозом и привели в чувство дозой стимулятора. К тому времени в Вашингтоне было 1:13. Операция «Ответный удар» началась один час и тринадцать минут назад.

Старик, выслушав мой доклад, только крикнул, а затем велел мне заткнуться и отыскать его утром.

19

Если бы мы со Стариком, вместо того чтобы расслаживаться на скамейке в скверике, отправились в Национальный зоопарк, мне просто не пришлось бы лететь в Канзас-Сити. Десять титанцев, что мы поймали на объединенной сессии конгресса, плюс еще двоих, пойманных на следующий день, поручили директору зоопарка, который посадил их на плечи несчастных человекообразных — орангутангов и шимпанзе. Никаких горилл!

Директор распорядился запереть их в ветеринарной лечебнице зоопарка. Семейную пару шимпанзе, Абеяра и Элоизу, разделять не стали и поместили в одну клетку. Это, кстати, лишний раз доказывает, как трудно нам перестроить свою психологию, когда мы имеем дело с титанцами. Даже люди, которые пересаживали слизняков

обезьянам, воспринимали результат как обезьян, а не как титанцев.

В соседней клетке размещалась семья больных туберкулезом гиббонов. Из-за болезни их не использовали в качестве носителей, и никакого сообщения между клетками не было. Друг от друга они отделялись выдвижной перегородкой, запертой на замок, в каждой клетке был собственный кондиционер; в общем, бывал я в больницах для людей, где условия были куда хуже. Помню, однажды на Украине...

Однако на следующее утро перегородка оказалась выдвинута, а гиббоны и шимпанзе сидели все вместе. Каким-то образом Абелья или, возможно, Элоиза открыли замок. Замки там специальные, обезьяны отпереть их не могут, но против комбинации «обезьяна плюс титанец» они не устояли. Винить разработчиков замка тут не в чем.

Два шимпанзе, два титанца плюс пять гиббонов на следующее утро превратились в семь обезьян, на которых сидели семь титанцев.

Это обнаружили за два часа до моего отлета в Канзас-Сити, но Старика не поставили в известность. Иначе он бы уже знал, что Канзас-Сити наводнен пришельцами. Возможно, я и сам бы об этом догадался. Если бы Старик знал о гиббонах, операцию «Ответный удар» успели бы отменить.

Операция «Ответный удар» провалилась так, как не проваливалась никакая другая в военной истории. Согласно красиво разработанному плану, десант должен был высадиться ровно в полночь одновременно в девяти тысячах шестистах точках, в перечень которых входили редакции газет, диспетчерские транспортные службы, ретрансляционные станции и прочие важные учреждения. Ударные отряды были укомплектованы элитой воздушного десанта, в основном ветеранами в звании сержантов, с ними шел технический персонал, который должен был наладить связь с захваченными пунктами.

После чего все местные станции должны были передать обращение президента. Предполагалось, что на отвоеванных у врага территориях сразу же вступит в силу режим «Голая спина».

И все. Война закончена, остаются локальные зачистки.

Вы когда-нибудь видели, как птица расшибается, налетая на оконное стекло? Птица не дура, просто у нее нет всей необходимой информации.

В двадцать пять минут после полуночи начали поступать первые доклады о том, что такие-то и такие-то пункты захвачены. Чуть позже пошли просьбы о подкреплении с других точек. К часу ночи были высланы последние резервные подразделения, но в Вашингтоне по-прежнему считали, что операция развивается успешно — настолько успешно, что в некоторых случаях командиры соединений сами вылетали в районы боевых действий и докладывали с мест.

Больше о них никто ничего не слышал.

Красная зона проглотила ударную группировку, словно ее и не было. Одиннадцать с лишним тысяч боевых машин, более ста шестидесяти тысяч десантников и техников, семьдесят один старший офицер — стоит ли продолжать? Соединенные Штаты потерпели самое страшное со времен Пёрл-Харбора поражение. Не в количественном отношении, поскольку у нас не разбомбили ни один город. Нас переиграли в качественном плане.

Поймите, я не собираюсь критиковать Мартинеса, Рекстона, Генеральный штаб или тех бедолаг-десантников. Операцию тщательно спланировали исходя из того, что представлялось истинным положением вещей, а ситуация требовала быстрых, решительных действий с привлечением лучших средств, какими мы располагали. Если бы Рекстон не послал туда отборные части, он бы угодил под трибунал: республика была в опасности, и у него хватало ума это осознавать.

Но он не знал о семи обезьянах.

Наверно, только после рассвета до Мартинеса и Рекстона наконец дошло, что победные рапорты сфабрикованы их же людьми. Нашими людьми, но уже захваченными в рабство и участвующими в маскараде. После моего доклада, который опоздал больше чем на час и уже не мог остановить операцию, Старик пытался убедить их не посылать в красную зону подкрепления, но командование несколько ошалело от успехов и хотело поскорее добиться чистой победы.

Старик просил президента, чтобы тот настоял на визуальных проверках, однако связь с операционными группами поддерживалась через орбитальную станцию «Альфа», и каналов для видеоинформации не хватало.

— Успокойтесь, — говорил Рекстон, — они прекрасно знают, с чем им предстоит столкнуться. Как только местные релейные телестанции окажутся в наших руках, наши парни подключатся к наземной трансляционной сети и у вас будет столько видеоподтверждений, сколько вы захотите.

Когда Старик заметил, что к тому времени будет уже поздно, Рекстон не выдержал:

— Черт бы вас побрал! Я не могу остановить солдат посреди боя, чтобы заснять их голые спины! Вы что, хотите, чтобы тысяча человек рисковала жизнью только для того, чтобы у вас перестали трястись поджилки?

Президент его поддержал.

К утру они получили свои «videоподтверждения». Станции стерео на Центральных равнинах гнали в эфир все те же заезженные передачи: «Мэри Солнышко желает вам доброго утра», «Завтрак с Браунами» и прочее барахло. Ни одна станция не передала обращения президента, и ни одна станция не признала, что вообще что-то произошло. К четырем утра доклады десантных подразделений вообще перестали поступать, а лихорадочные попытки Рекстона связаться с ними ни к чему не привели. Ударная группировка «Освобождение» просто прекратила свое существование. *Spurlos versenkt*¹.

Я узнал об этом не от Старика, а от Мэри. Она была маленькой тенью президента, следовала за ним повсюду, и у нее было место в первом ряду. Со Стариком я увиделся только на следующий день в одиннадцать утра. Он выслушал мой доклад, ни разу не перебив, и даже не наорал на меня — отчего я почувствовал себя еще хуже.

¹ Бесследно исчезла; буквально слова «*Spurlos versenkt*» означают по-немецки «потопить без следа» — так германский поверенный в делах в Буэнос-Айресе граф Люксбург посоветовал обойтись с двумя аргентинскими пароходами в мае 1917 г.

Он собирался уже отпустить меня, но я спросил:

— Как насчет моего пленного? Он подтвердил мои выводы?

— А, этот... По последнему отчету, все еще без сознания. Врачи полагают, что он не выживет. Психотехники ничего из него не вытащили.

— Я бы хотел его увидеть.

— Займись лучше своими делами.

— А что, у тебя есть для меня какое-то дело?

— Не сейчас. Думаю, тебе нужно... Нет, лучше вот что: сгоняй в зоопарк. Там тебе кое-что покажут, и ты сразу увидишь в новом свете все, что узнал в Канзас-Сити.

— В смысле?

— Найди доктора Гораса, заместителя директора. Скажешь, что ты от меня.

И я отправился смотреть животных. Хотел взять с собой Мэри, но она была занята.

Доктор Горас, небольшого роста, приятный, общительный человек, здорово смахивающий на одного из своих бабуинов, сразу направил меня к доктору Варгасу, специалисту по экзобиологии, тому самому Варгасу из второй экспедиции на Венеру. Он рассказывал мне, что тут произошло, а я смотрел на гиббонов, пытаюсь уложить все это в голове.

— Я видел обращение президента, — сказал доктор Варгас. — Не вы ли тот человек... Я имею в виду, не вы ли...

— Да-да. Тот самый, — ответил я коротко.

— Тогда вы очень многое можете рассказать нам об этом феномене. У вас была уникальная возможность с ним познакомиться.

— Наверно, должен бы, но, к сожалению, не могу, — нехотя признал я.

— Хотите сказать, что, пока вы были их... э-э-э... пленником, вам не доводилось наблюдать размножение делением?

— Верно. — Я задумался. — Во всяком случае, мне так кажется.

— Вы не помните? Но насколько я понял, после разделения у, э-э-э... жертвы сохраняются все воспоминания?

— Это и так, и не так... — Я попытался объяснить ему то странное, как бы отрешенное состояние, в котором пребывает человек во власти хозяина.

— Я полагаю, это могло происходить, пока вы спали.

— Может быть. Но, кроме сна, есть другие периоды, которые трудно вспомнить. Это их прямые «конференции».

— Конференции?

Я объяснил, и у него загорелись глаза.

— О, вы имеете в виду конъюгации!

— Нет, я имею в виду «конференции».

— Очевидно, мы говорим об одном и том же. Как же вы не понимаете? Конъюгации и деление... Они размножаются по собственной воле, когда поступает достаточно пищи... то есть достаточно свободных носителей. Надо полагать, один контакт на одно деление. Затем, когда появляется возможность, происходит деление, и буквально в считанные часы появляются два новых взрослых паразита. Может быть, даже быстрее.

Я задумался над его словами. Если он прав — а глядя на гиббонов, в этом трудно было усомниться, — тогда почему мы в Конституционном клубе так зависели от поставок? Или может быть, я ошибаюсь? На самом деле я мало что тогда понимал. Делал только то, что приказывал хозяин, и видел только то, что попадалось на глаза. Но почему мы не наводнили Нью-Бруклин, как наводнили Канзас-Сити? Нехватка времени?

По крайней мере, стало понятно, откуда в Канзас-Сити столько паразитов. Имея в наличии космический корабль с запасом транзитных ячеек и достаточно большое «стадо» носителей, титанцы просто начали размножаться, пока не догнали числом землян.

Я не экзобиолог, но я умею делать простые арифметические вычисления. Допустим, в том корабле, который, как мы считали, приземлился около Канзас-Сити, прилеле тела тысяча слизней. Допустим также, что при благоприятных условиях они делятся каждые двадцать четыре часа.

Первый день — тысяча слизней.

Второй день — две тысячи.

Третий день — четыре тысячи.

К концу первой недели, то есть на восьмой день, их будет сто двадцать восемь тысяч.

Через две недели — больше шестнадцати миллионов.

Однако нет оснований считать, что они делятся только раз в сутки; напротив, случай с гиббонами доказывает, что это не так. И мы не знаем, что летающая тарелка несла в трюме только тысячу транзитных ячеек, — их может быть и десять тысяч, или больше, или меньше. Предположим, они привезли на развод десять тысяч и стали делиться каждые двенадцать часов. Через две недели получится...

БОЛЬШЕ ДВУХ С ПОЛОВИНОЙ ТРИЛЛИОНОВ!!!

Число просто не укладывалось в голове, оно было космического масштаба. На всей Земле не наберется столько носителей, даже если к людям приплюсовать обезьян.

Мы окажемся по колено в слизняках — причем в самое ближайшее время. Даже в Канзас-Сити я не чувствовал себя так скверно.

Доктор Варгас представил меня доктору Макилвейну из Смитсоновского института. Макилвейн занимался сравнительной психологией, и, по словам доктора Варгаса, именно он написал книгу «Марс, Венера, Земля: исследование побудительных мотиваций». Варгас ожидал, что это произведет на меня впечатление, но я книгу не читал. И вообще, как можно изучать мотивации марсиан, если все они вымерли еще до того, как мы слезли с деревьев?

Они тут же принялись нести какую-то научную тарарбарщину, а я продолжал наблюдать за гиббонами. Некоторое время спустя Макилвейн спросил:

— Мистер Нивенс, а как долго длятся эти «конференции»?

— Конъюгации, — поправил его Варгас.

— Конференции, — повторил Макилвейн. — Не упускайте из виду: этот аспект более важен.

— Но позвольте, доктор, — не уступал Варгас, — этому есть параллели в земной биологии. При примитивном воспроизводстве конъюгация — это средство обмена генами, посредством которого мутации распространяются из одного тела на...

— Антропоцентризм, доктор! Вы не знаете, что у этой формы жизни имеются гены.

Варгас покраснел.

— Ну хотя бы эквивалент генов вы позволите мне допустить? — сказал он довольно сухо.

— Не вижу такой необходимости. Я повторяюсь, сэр, вы оперируете аналогиями там, где нет никаких оснований предполагать, что аналогии имеют место. У всех форм жизни может быть одна, и только одна, общая характеристика, и эта характеристика — стремление выжить.

— И размножаться, — упрямо добавил Варгас.

— А если данный организм бессмертен и ему не нужно размножаться?

— Но... — Варгас недоуменно пожал плечами. — Тут ваш вопрос неуместен. Мы ведь уже знаем, что они размножаются. — Он махнул рукой в сторону обезьян.

— А я полагаю, что это не размножение, — возразил Макилвейн, — я думаю, что мы имеем дело с единым организмом, который стремится захватить для себя побольше жизненного пространства. Нечто подобное происходит, когда мы пристраиваем новое крыло к дому. Нет, право, доктор, я не хочу вас оскорблять, но нельзя же настолько погрязнуть в идее зигот-гаметного цикла, чтобы забыть о возможности существования иных принципов.

— Но во всей Солнечной системе... — начал было Варгас.

— Антропоцентризм, терроцентризм, гелиоцентризм, — перебил его Макилвейн, — это все провинциальные подходы. Возможно, эти существа прилетели к нам из другой звездной системы.

— Ничего подобного! — вставил я. В мозгу вдруг вспыхнуло изображение Титана, и одновременно удушье снова сдавило горло.

На мою реплику никто не обратил внимания. Макилвейн продолжал:

— Если вам нужны аналогии, возьмите амебу — это более ранняя, более простая и гораздо более успешная форма жизни, чем наша с вами. Мотивационная психология амобы...

Дальше я слушать не стал. Свобода слова, конечно, дает человеку право рассуждать о «психологии» амобы, но слушать это я совсем не обязан. Они так и не вернулись к вопросу о том, сколько времени занимает «конференция»,

а я так и не сказал им, что «конференции» длятся бесконечно.

Затем они занялись экспериментами, что несколько подняло их в моих глазах. Варгас распорядился перевести бабуина с паразитом на спине в клетку к шимпанзе и гиббонам. До этого момента гиббоны вели себя как обычные гиббоны: ухаживали друг за другом, выискивали блох и тому подобное, разве что казались слишком тихими — и зорко следили за каждым нашим движением. Но едва новичок оказался в клетке, они все сошлись в круг, спиной к спине, и начали прямую конференцию, слизняк к слизняку.

— Вот видите, видите?! — Макилвейн взволнованно ткнул пальцем в сторону клетки. — Эти «конференции» нужны им не для размножения, а прежде всего для обмена информацией. Временно разделенный на части организм вновь себя идентифицирует!

Я мог бы сказать ему это же самое без лишней болтовни: хозяин, который долго был без связи, первым делом устраивает прямую конференцию.

— Гипотеза! — фыркнул Варгас. — Голая гипотеза — сейчас у них просто нет возможности размножаться. Джордж!

Он подозвал бригадира лабораторных рабочих и велел доставить еще одну обезьяну.

— Маленького Эйба? — спросил бригадир.

— Нет, мне нужна обезьяна без паразита. Знаешь что, пусть будет Старый Коммуняка.

Бригадир посмотрел на гиббонов и тут же отвел глаза.

— Док, может, не надо Коммуняку? Жалко.

— Ничего с ним не сделается.

— Может, лучше Сатану? Все равно противный, зараза, его не жалко.

— Хорошо, хорошо! Но давайте побыстрее, не заставляйте доктора Макилвейна ждать.

Привели Сатану, черного как уголь шимпанзе. Возможно, в других обстоятельствах он бывал агрессивен, но только не сейчас. Когда его запустили в клетку, он огляделся по сторонам, отпрянул к дверце и жалобно заскулил. Мы словно казнь наблюдали. Я не мог на это смотреть, но не мог и отвести взгляд. Просто намотал нервы на кулак. Че-

ловек ко всему может привыкнуть, некоторые посвящают жизнь откачке выгребных ям, например, — но панический страх обезьяны оказался заразительным: захотелось сбежать.

Поначалу другие обезьяны ничего не предпринимали, просто сидели и смотрели на Сатану, будто суд присяжных, — и продолжалось это довольно долго. Повизгивание Сатаны сменилось низкими стонами, и он закрыл лицо руками.

— Смотрите, доктор! — вдруг воскликнул Варгас.

— Что? Где?

— Люси, старая самка. Вон там. — Он указал пальцем.

То была матриарх семейства чахоточных гиббонов. Она стояла к нам спиной, и я увидел, что слизняк у нее на загривке собрался в ком. По центру его тела сверху вниз пролегла переливающаяся линия.

Потом он начал расползаться, как расколотое яйцо. Всего через несколько минут процесс деления закончился. Один из новых слизняков устроился по центру на позвоночнике Люси, второй медленно стек по ее спине вниз. Обезьяна сидела на корточках, почти касаясь задом пола, и паразит мягко шлепнулся на бетон.

А потом он пополз к Сатане. Обезьяна, должно быть, увидела это сквозь пальцы, потому что хрипло взывала — и кинулась на потолок клетки.

Вы не поверите, но они отрядили команду, чтобы его притащили обратно, — двух гиббонов, шимпанзе и бабуина. Сатану оторвали от решетки, стащили вниз и уложили мордой в пол.

Слизняк подполз ближе.

Когда до Сатаны осталось добрых два фута, он медленно вырастил псевдоподию — слизистое щупальце, которое затанцевало, словно кобра. Потом оно рванулось и ударило Сатану по ноге. Остальные обезьяны тут же егопустили, но Сатана остался лежать без движения.

Титанец словно перетек в выращенную псевдоподию, присосался к ноге, а затем медленно пополз вверх. Когда он добрался до основания позвоночника, обезьяна пошевелилась. Не успел он добраться до верхней части ее спины, Сатана сел. Потом встряхнулся и присоединился

к остальным обезьянам, остановившись только для того, чтобы взглянуть на нас.

Варгас и Макилвейн опять затеяли яростный спор. Происшедшее их, видимо, совсем не тронуло, а мне хотелось разнести что-нибудь ко всем чертям — за себя, за Сатану, за всех обезьяноподобных.

Варгас настаивал, что это ничего не доказывает, Макилвейн же утверждал, что мы видели совершенно новое, для наших представлений, явление: разумное существо, которое благодаря своей организации стало бессмертным и при этом сохраняло свою индивидуальность... или себя в групповой личности — тут его аргументы несколько путались. Тем не менее Макилвейн предполагал, что это существо хранит непрерывную цепь воспоминаний не только с момента предыдущего деления, но и с возникновения вида. Он описывал слизняка как совокупность четырехмерных червей в пространстве-времени, сплетенных в единый организм, и тут разговор понесло в такие эзотерические дебри, что он стал смахивать на полный бред.

Что до меня — я своего мнения не имел, но и не особенно на этот счет беспокоился. Все это было, несомненно, очень интересно и познавательно, но я о слизняках думал одно — что их нужно убивать. Я хотел убивать их с утра до вечера и как можно больше.

Кстати, насчет концепции непрерывной «родовой памяти»: а не тяжеловато ли, когда в любой момент ты можешь точно вспомнить, что делал во вторую среду марта ровно миллион лет назад?

20

Как ни странно, когда я вернулся в Белый дом, Старик оказался свободен и даже хотел поговорить. Президент отбыл на закрытую сессию ООН, а Старика в состав делегации не включили. Я решил, что он выпал из официального окружения, но ничего по этому поводу не сказал.

Он заставил меня полностью отчитаться о том, что я видел в зоопарке, и задал кучу вопросов: сам он там не был.

Я присовокупил к докладу и свое личное мнение о Варгасе и Макилвейне.

— Ну прямо как бойскауты, которые хвастаются друг перед другом альбомами с марками. По-моему, они даже не понимают, насколько это серьезно.

Старик ответил не сразу.

— Ты их недооцениваешь, сынок. Если кто и сумеет найти выход, то уж скорее они, чем мы с тобой.

— Ха! — сказал я (хотя, может быть, тогда прозвучало более крепкое слово). — Да раньше у них все слизняки разбегутся. Помнишь Грейвса?

— Я прекрасно помню Грейвса. Ты просто не понимаешь, что такое научная одержимость.

— И как-то не стремлюсь!

— И не поймешь. Но эта одержимость заставляет мир крутиться, без нее нам крышка. Кстати, одного упустили.

— Что?!

— А тебе не рассказали про слона?

— Про какого слона? Они мне вообще ничего не рассказали. Я их, похоже, мало интересовал; они больше друг другом занимались.

— Ты же не слишком обиделся? А насчет слона... Одна обезьяна с наездником каким-то образом сбежала. Позже раздавленный труп обезьяны нашли в слоновнике. И один из слонов исчез.

— Ты хочешь сказать, что где-то бродит слон со слизняком на спине? — Мне чуть плохо не стало, когда я представил себе эту картину: все равно что танк с кибернетическим мозгом.

— Слониха, — поправил меня Старик. — Это была самка слона. Ее нашли в Мэриленде. Она спокойно поела на поле капусту. Уже без паразита.

— И куда же он делся? — Я невольно огляделся по сторонам.

Старик усмехнулся:

— Не волнуйся так, здесь его точно нет. В деревне неподалеку пропала летающая машина. Я думаю, что сейчас слизняк уже где-то к западу от Миссисипи.

— Кто-нибудь из людей пропал?

Он снова пожал плечами:

— Это свободная страна, так что кто знает? Одно радует: титанцы не могут скрывать свое присутствие на теле человека за пределами красной зоны.

Последнее звучало правдоподобно: режим «Голая спина», похоже, сработал на все сто. И тут я вновь задумался о том, что я видел в зоопарке, но не осознал сразу. Смутная догадка маячила совсем близко, но никак не давалась в руки. Старик тем временем продолжал:

— Правда, нам потребовались довольно суровые меры, чтобы заставить людей соблюдать режим «Голая спина». Президент до сих пор получает заявления протеста — в основном от всяких блюстителей нравственности. А тут еще и Национальная ассоциация галантерейщиков подключилась.

— В смысле?

— Они так раскудахтались, будто мы собрались продать их дочерей по борделям. Была тут недавно одна делегация, «Матери Республики» или что-то в таком же духе.

— И что, президент вынужден тратить время на это? Сейчас?

— Нет. Их принимал Макдоно. Но он и меня потащил на эту встречу, черт бы его побрал. — Старик скривился. — Мы им сказали, что они не увидят президента, пока не разденутся догола. Только это их и остановило.

Беспокоившая меня мысль наконец оформилась.

— А знаешь, может быть, и до этого дойдет.

— До чего?

— Придется заставлять людей раздеваться.

Старик закусил губу и задумался.

— На что ты намекаешь?

— А нам точно известно, что паразит может присасываться к человеку только у основания головного мозга?

— Тебе лучше знать.

— В том-то и дело. Мне казалось, я знаю, но теперь совсем не уверен. Пока я был... ну, с ними, мы так всегда и делали. — Я еще раз, более подробно, рассказал Старiku, что произошло, когда Варгас посадил беднягу Сатану к титанцам. — Обезьяна начала двигаться, едва паразит до-

полз до основания позвоночника, прямо вниз, на самом копчике. Я уверен, титанцы предпочитают присасываться поближе к головному мозгу, но не исключено, что они с таким же успехом могут спрятаться у человека в штанах, вытянув небольшой отросток до спинного мозга.

— Хм... Помнишь, сынок, как в первый раз мы всей толпой искали одну такую тварь и я заставил всех раздеваться догола? Это было не случайно: я хотел убедиться наверняка.

— Видимо, ты был прав. Вот смотри: если им нужно, они могут прятаться на теле где угодно. В тех же шортах, например. Конечно, в некоторых шортах ничего не скроешь, — тут я вспомнил обтягивающие шортики Мэри, — но вот взять твои «семейные трусы». Там запросто может пристроиться паразит, а люди просто решат, что у тебя отвислый зад. Чуть более отвислый, чем на самом деле, я хотел сказать.

— Хочешь, чтобы я их снял?

— Я могу предложить кое-что получше — назову это «канзасский захват».

Может, это и прозвучало как шутка, но я говорил на полном серьезе. И, не дав ему опомниться, с размаху хватил пятерней с полусогнутыми пальцами пониже спины. Он был чист. В противном случае его бы тут же скрутило, как бывает, когда сжимаешь паразита. Старик не стал возмущаться, а взял и проверил меня тем же способом.

— Однако это тоже не дело, — грустно заметил он, садясь на место. — Мы не можем ходить и хлопать всех женщин по задницам.

— Может быть, придется, — сказал я. — Если не заставишь всех раздеваться.

— Сначала нужно немного поэкспериментировать.

— В смысле? — спросил я.

— Помнишь, у нас были панцири, закрывающие голову и позвоночник? Толку от них немного, разве что спокойнее себя чувствуешь. Так вот, я хочу попросить доктора Гораса пристроить обезьяне такой же панцирь, чтобы только ноги оставались открытыми, и посмотрим тогда, что получится. Можно еще и с другими частями тела поэкспериментировать

— М-да. Но может, не стоит брать для этого обезьян, босс?

— Почему?

— Э-э-э... слишком уж они на людей похожи.

— Черт побери, нельзя же приготовить омлет...

— ...не разбив яиц. Знаю. Но эта затея мне все равно не нравится. Так или иначе, с этим нужно разобраться.

Я смотрел на Старика и видел, что ему не нравится картина, которая нарисовалась у него в голове.

— Надеюсь, ты окажешься не прав. Мы намучились, убеждая их снять рубашки. Подумать страшно, каково это — заставить их снять еще и трусы.

Он выглядел озабоченным.

— Ну, может, это не понадобится.

— Надеюсь.

— Между прочим, мы возвращаемся на старую базу.

— А что насчет укрытия в Нью-Филадельфии? — спросил я.

— Мы будем держать наготове обе точки. Война может затянуться надолго.

— У тебя есть для меня какая-нибудь работа прямо сейчас?

— Я уже сказал, что война, похоже, надолго. Почему бы тебе не взять какой-нибудь отпуск? Бессрочный. Будешь нужен — вызову.

— Как всегда, — заметил я. — А Мэри уходит в отпуск?

— Тебе-то что?

— Я задал вам прямой вопрос, босс.

— Мэри дежурит при президенте.

— Зачем? Она уже сделала свою работу, и превосходно. Насколько я тебя знаю, у тебя есть другие способы выявить слизняка, помимо ее чутья. Мэри — слишком хороший агент, чтобы прозябать на работе телохранителя.

— Погляди-ка на него! С каких это пор ты начал указывать мне, куда отправлять других агентов? Ну-ка отвечай, но прежде как следует подумай.

— Ладно, проехали, — сказал я, постепенно вскипая. — Короче, если Мэри не уходит в отпуск, то и я не собираюсь, а причины тебя совершенно не касаются.

— Она хорошая девочка.

— А я разве говорил, что нет? Не суй нос в мои дела. А пока дай мне какую-нибудь работу.

— Я уже сказал: ты должен взять отпуск.

— Чтобы у меня не было свободного времени, когда оно появится у Мэри? У нас тут что, институт благородных девиц?

— Я же говорю: тебе нужен отпуск, ты переутомился.

— Тьфу!

— Послушай меня, ты хороший, иногда даже прекрасный агент, когда в форме. Но прямо сейчас не в форме. Устал. Нет, заткнись и слушай: я послал тебя на простейшее задание. Проникнуть в захваченный город, посмотреть все, что там можно увидеть, и доложить в назначенное время. И что делаешь ты? Сначала так перенервничал, что застрял в пригороде, боясь сунуться в центр. Потом, вместо того чтобы смотреть в оба, три раза едва не спалился. А на обратном пути умудрился сжечь свой транспорт и вернулся позже всех назначенных сроков, когда твоя информация не имела ни малейшего значения. У тебя нервы ни к черту, и все твои рассуждения тоже ни черта не стоят. Убирайся в отпуск немедленно — фактически это будет отпуск по болезни.

Я стоял перед ним, и уши мои горели огнем. Хвала небесам, он не стал обвинять меня в провале операции «Ответный удар», хотя мог бы добавить еще и это. Я чувствовал, что его слова несправедливы, и в то же время понимал, что в них есть доля правды. Раньше мои нервы были как стальные канаты, а теперь у меня дрожали руки, когда я пытался закурить.

И все же он дал мне задание — первый и единственный раз, когда я выиграл в споре со Стариком.

И задание это было — хуже не придумаешь. Следующие несколько дней я выступал перед всякими пентагоновскими шишками, отвечал на их дурацкие вопросы о том, что титанцы едят на ланч, и объяснял, как лучше подступиться к человеку, которого оседлал паразит. Меня представляли в качестве «эксперта», но добрая половина «учеников» почему-то считала, что они знают о титанцах гораздо больше, чем я.

Никогда не понимал, почему люди так цепляются за свои иллюзии?

Операция «Паразит» тем временем, похоже, полностью зашла в тупик. Титанцы удерживали красную зону, но не могли выбраться оттуда незамеченными. Сами мы тоже не пытались больше проникнуть на их территорию, потому что, как ни крути, каждый паразит держал в заложниках одного из наших людей. И такая ситуация могла продлиться еще долгое время.

От ООН помощи ждать не приходилось. Президент хотел от них минимального сотрудничества: всего-то предложил ввести режим «Голая спина» на всей планете, но участники сессии мялись, хмыкали, нерешительно переглядывались и в конце концов переадресовали предложение специальному комитету для дополнительной проверки. А на самом деле нам просто никто не верил. В доме пожар, но люди понимают это, только когда горит прямо под ногами. Врагу такая ситуация, понятно, на руку.

Некоторые страны, впрочем, защищали сами национальные традиции. Финн, который два дня подряд откажется от сауны в компании друзей, на третий уже вызовет подозрения. У японцев насчет наготы тоже никаких комплексов. В относительной безопасности были южные моря и значительная часть Африки. Во Франции сразу после Третьей мировой войны стал невероятно популярен нудизм — во всяком случае, по выходным, — так что паразиту там просто негде спрятаться.

Зато в тех странах, где традиционная стыдливость еще сохраняла силу, титанец мог скрываться до тех пор, пока его носитель не протухнет. Это относилось к самим Соединенным Штатам, Канаде, Англии — особенно к Англии. «Да ладно, старина, бросьте беспокоиться по пустякам. Снять жилетку? Нет, право, это уж слишком!»

Трех слизней (вместе с обезьянами) доставили самолетом в Лондон. Как я понимаю, король, вслед за американским президентом, хотел подать всем пример, однако премьер-министр, подстрекаемый архиепископом Кентерберийским, запретил ему это делать. Сам архиепископ даже не удосужился взглянуть на титанцев: моральный об-

лик, мол, гораздо важнее любых мирских напастей. Средства массовой информации об этой истории умолчали, и, может быть, она не соответствует действительности, но, как бы там ни было, нежные британские тела по-прежнему укрыты от осуждающих соседских взглядов.

Коминформовская пропаганда заработала на полную катушку, едва определилась новая партийная линия по этому вопросу. Всё объявили «выдумкой американских империалистов», предназначенной для «закабаления рабочих». Снова вспомнили «бешеных псов капитализма».

И почему, подумалось мне, титанцы не напали сначала на Россию? Ведь сталинизм как будто сделан прямо под них, на заказ. Потом я задумался: а изменится ли что-нибудь, когда и если это произойдет? Три поколения людей за железным занавесом прожили с поработанным разумом и паразитами на шеях. Между комиссаром со слизняка и комиссаром без слизняка разницы не будет и на копейку.

Будет только одно отличие: их «чистки» примут иную форму — «уклонистов» начнут ликвидировать, сажая им на шею титанцев, а не отправляя в газовую камеру.

За исключением тех случаев, когда Старик брал меня поработать рядом с собой, я был далек от центра событий. Я видел войну с титанцами примерно как обычный человек видит ураган: в моем поле зрения был только маленький кусочек общей картины.

Я довольно долго не видел самого Старика. Задания мне передавал его заместитель Олдфилд. Соответственно, я не знал, что охрана президента передана другим людям и Мэри вернулась на базу. В баре Отдела мы встретились совершенно случайно.

— Мэри! — выкрикнул я, бросился к ней, споткнулся и чуть не полетел на пол.

На ее губах медленно расцвела сладостная улыбка. Мэри подвинулась, чтобы я сел рядом, и прошептала:

— Здравствуй, милый!

Она не спрашивала, чем я занимался, не дулась за то, что я пропал, даже не жаловалась, что меня не было слишком долго. Что прошло, то прошло.

Зато я тараторил без умолку:

— Нет, это просто замечательно! А я-то думал, ты по-прежнему укладываешь президента баиньки. Давно ты здесь? Когда тебе обратно? Слушай, давай я тебя чем-нибудь угощу? О, у тебя уже есть. — Я начал было вводить заказ на «Олд-фешнд»¹ для себя и обнаружил, что Мэри меня опередила: стакан выскочил прямо мне в руку. — О! Как он здесь оказался?

— Я сделала заказ, когда увидела тебя в дверях.

— Мэри, я тебе уже говорил, что ты бесподобна?

— Нет.

— Тогда слушай: ты бесподобна!

— Спасибо.

— Это надо отметить! — Меня продолжало нести. — Надолго освободилась? Слушай, а как бы тебе несколько дней отдохнуть? Не могут же они держать тебя на работе двадцать четыре часа в сутки, неделю за неделей, совсем без передышки? Я сейчас пойду к Старику и скажу ему...

— Я в отпуске, Сэм.

— ...все, что я о нем... А?

— Я в отпуске.

— Серьезно? Надолго?

— До вызова. Сейчас все увольнения до вызова.

— Но... И давно ты отдыхаешь?

— Со вчерашнего дня. Сажу здесь и жду тебя.

— Со вчерашнего дня!

А я-то весь вчерашний день читал пентагоновским шишкам лекции, дурацкие лекции, которые совершенно их не интересовали!

— Жди меня здесь. — Я вскочил на ноги. — Никуда не уходи. Сейчас вернусь.

И я помчался в главный офис. Прорвался к первому заместителю, заявив, что у меня безотлагательное дело, которое требует его личного внимания. Когда я вошел в кабинет, Олдфилд нехотя поднял на меня глаза и угрюмо спросил:

— Ну, тебе-то что еще нужно?

¹ «Олд-фешнд» — коктейль-аперитив из виски, биттера и сахара с долькой апельсина и льдом; подается в особом стакане.

— Шеф, я насчет сеанса вечерних сказок, который запланировали для меня на сегодня. Его лучше отменить.

— С какой стати?

— Я болен. Мне давно полагается отпуск по болезни, и я хочу им воспользоваться.

— Ты больной на всю голову, если хочешь знать мое мнение.

— Точно! Я болен на голову. Иногда голоса слышу. И все за мной следят. А еще мне постоянно снится, что я опять у титанцев. — Последнее, к сожалению, было чистой правдой.

— С каких это пор помешательство стало препятствием для работы в Отделе? — Он откинулся в кресле и приготовился слушать, как я буду это оспаривать.

— Слушай, ты меняпустишь или нет?

Он порывлся в бумагах на столе, нашел нужную и порвал ее на куски.

— Ладно. Телефон держи под рукой. Тебя могут вызывать в любую минуту. А теперь проваливай.

Что я и сделал. Едва я вошел, Мэри подняла взгляд и снова расцвела в улыбке. Я сказал ей:

— Собирайся, мы уезжаем.

Она даже не спросила куда, просто встала. Я схватил свой стакан и одним махом осушил половину, пролив остальное на пол. Мы с Мэри молча поднялись в город, на пешеходный уровень. Только тут я спросил ее:

— Теперь вот что. Где бы ты хотела выйти замуж?

— Сэм, мы ведь это уже обсуждали.

— Конечно обсуждали. А теперь сделаем. Так где?

— Сэм, милый, я сделаю, как ты скажешь. Но я по-прежнему против.

— Почему?

— Знаешь, Сэм, давай поедem ко мне? Я тебе обед готовлю.

— Согласен, приготовишь, только не там. И сначала мы поженимся.

— Ну пожалуйста, Сэм...

— Давай-давай, жми, парень. Она уже сдается, — раздался чей-то голос над ухом.

Я оглянулся и увидел, что вокруг собралась довольно приличная толпа зрителей. Я помахал руками, едва не заехав в морду юнцу, который лез ко мне с непрошеными советами, и сердито крикнул:

— Вам что, делать всем нечего? Шли бы лучше выпили!

В толпе лишь бесстрастно прокомментировали:

— Я бы на его месте согласился на ее предложение: лучше-то ему все равно не светит.

Я схватил Мэри за руку, молча потащил к такси и, только когда мы забрались в машину, обиженно спросил:

— Ладно. Почему ты не хочешь за меня замуж? У тебя есть какие-то причины?

— Но зачем, Сэм? Я и так твоя. Тебе не нужен контракт.

— Как — зачем? Затем, что я тебя люблю, черт побери!

Мэри какое-то время молчала, и я уже начал думать, что чем-то ее обидел. Потом наконец ответила, но так тихо, что я едва ее расслышал.

— Раньше ты мне этого не говорил, Сэм.

— Разве? Не может быть. Я уверен, что говорил.

— Нет, я уверена, совершенно уверена, что не говорил. Почему?

— Ох... Ну, я не знаю... Видимо, по недосмотру? И вообще, я не совсем понимаю, что означает слово «любовь».

— Я тоже, — тихо произнесла она. — Но мне нравится, как ты это говоришь. Скажи это еще раз, пожалуйста.

— Да? Хорошо. Я люблю тебя. Я люблю тебя, Мэри.

— Сэм...

Она положила голову мне на плечо, прижалась, и я почувствовал, что она вся дрожит. Я легонько встряхнул ее:

— А ты?

— Я? О, я тоже тебя люблю, Сэм. Я люблю тебя с тех самых пор...

— С каких пор?

Я думал, она скажет, с тех пор, как я занял ее место во время операции «Интервью», но оказалось — нет:

— Я полюбила тебя, когда ты залепил мне пощечину.

Ну и где тут логика?

Машина тем временем медленно катила вдоль коннектикутского побережья: я сказал водителю просто ехать впе-

ред. Мне пришлось разбудить его, чтобы он высадил нас в Вестпорте. Там мы сразу же направились в мэрию.

Я подошел к стойке в бюро санкций и лицензий и спросил у клерка:

— Мы можем здесь пожениться?

— Это как пожелаете, — ответил он. — Охотничьи лицензии налево, лицензии на собак направо. А здесь золотая середина. Надеюсь. — Он хитро на меня прищурился.

Не люблю всяких умников, да и шутка эта с бородой.

— Очень хорошо, — сказал я сухо. — Вы оформите нам контракт?

— Да не вопрос. Каждый должен это испытать хотя бы раз в жизни — я всегда говорю это моей старухе. — Он достал огромный бланк. — Давайте ваши регистрационные номера.

Мы назвали номера. Он сунул бланк в машинку и вбил их в форму.

— Так. Не регистрировал ли кто-то из вас брак в другом штате?

Мы сказали, что нет. Он продолжал:

— Вы уверены? Если вы сейчас об этом не скажете и я пушу бумагу в ход, а потом обнаружатся другие контракты, этот контракт утратит силу.

Мы снова подтвердили, что оба никогда не вступали в брак ни в каком другом месте. Он пожал плечами и двинулся дальше:

— Какой срок — возобновляемый или пожизненный? Если срок более десяти лет, такса такая же, как за пожизненный. Если меньше шести месяцев, то это не ко мне: можете получить упрощенный контракт в авторегистраторе вон там, у стены.

Я посмотрел на Мэри.

— Пожизненный, — тихо сказала Мэри.

Клерк удивленно вскинул брови:

— Леди, вы уверены, что делаете правильный выбор? Возобновляемый контракт с автоматическим продлением столь же постоянен, но, если вы передумаете, вам не придется обращаться в суд.

Я вмешался:

— Вы слышали, что сказала леди? Вводите.

— Хорошо-хорошо. По инициативе одной из сторон, с обоюдного согласия или обязательный?

— Обязательный, — ответил я, и Мэри кивнула.

— Обязательный так обязательный, — согласился он, пробежав пальцами по клавиатуре. — Теперь подходим к существу дела: кто платит и сколько? Ежемесячное содержание или дарственный фонд?

— Содержание, — ответил я, поскольку на дарственный фонд моих сбережений просто не хватило бы.

— Ни то ни другое, — твердо сказала Мэри.

— В смысле? — удивился клерк.

— Ни то ни другое, — повторила она. — Это не денежный контракт.

Клерк замер в нерешительности, сначала он посмотрел на меня, потом на Мэри.

— Леди, вы совершаете ошибку, — сказал он самым рассудительным тоном. — Вы же слышали, что сказал джентльмен? Он все делает правильно.

— Нет.

— Может быть, вам перед принятием решения лучше посоветоваться со своим адвокатом? В фойе есть общественный коммуникатор.

— Нет!

— Да чтоб мне слохнуть тогда, если я понимаю, зачем вам нужен контракт!

— Я тоже не понимаю, — успокоила его Мэри.

— Вы хотите сказать, он вам не нужен?

— Нет! Запишите, как я вам сказала: «Без содержания».

Клерк с беспомощным видом склонился над клавиатурой.

— Теперь, видимо, все. Проще не бывает, — сказал он и забубнил: — Клянетесь — ли — вы — оба — что — изложенные — выше — факты — верны — что — вы — регистрируете — это — соглашение — по — собственной — воле — и — не — под — влиянием — наркотических — препаратов — что — никаких — скрытых — обязательств — и — прочих — юридических — препятствий — к — заключению — и — регистрации — брака — не — существует?

Да, клянемся; да, по собственной; нет, не под влиянием; нет, не существует. Он выдернул форму из машинки.

— Пожалуйста, отпечатки больших пальцев. Хорошо, с вас десять долларов, включая федеральный налог.

Я расплатился, он сунул контракт в копировальную машину и шелкнул переключателем.

— Копии будут высланы вам обоим по адресам, соответствующим вашим серийным номерам. Все. Какого рода церемонию вы предпочитаете? Могу я чем-нибудь помочь?

— Мы не хотим никаких религиозных церемоний, — ответила Мэри, и я с ней согласился.

— Тогда я могу посоветовать как раз то, что вам нужно. Старый добрый доктор Чамли. Никакого предпочтения ни одной из религий, лучшее стереосопровождение в городе — все четыре стены — и настоящий оркестр. Полный набор удовольствий, включая обряд плодородия и прочее, но все чинно, с достоинством. И в завершение вечера — отеческое наставление, прямое и простодушное. После него вы действительно почувствуете себя семьей.

— Нет. — Теперь это сказал я.

— Да полно вам! — принялся уговаривать меня клерк. — Подумайте о молодой леди. Если она сдержит свои обязательства по контракту, второго шанса у нее не будет. Каждая девушка заслуживает, чтобы у нее была свадьба. И честное слово, я не бог весть какие комиссионные получаю.

— Послушайте, вы сами можете нас поженить, не так ли? — спросил я. — Тогда вперед — и покончим с этой процедурой.

Клерк удивился.

— Разве вы не знали? — спросил он — В этом штате люди женятся сами. Вы женаты с того момента, когда поставили отпечатки пальцев на контракте.

Я сказал «О!», Мэри промолчала, и мы вышли на улицу.

На посадочной площадке к северу от города я взял напрокат машину — развалюхе исполнилось лет десять, и пахло от нее соответственно, но в ней был автопилот, а это единственное, что имело сейчас значение. Мы облетели город по кругу, срезали над Манхэттенским кратером, а дальше я включил автомат. Мы не слишком много разговаривали по дороге. Да и говорить пока было особенно не

о чем. Меня распирало от счастья, и в то же время я ужасно волновался, но затем Мэри меня обняла, и немного погодя я уже не волновался, зато был счастливее куда больше прежнего. Не знаю уж, сколько прошло времени, но скоро — слишком скоро — послышалось «БИП! бип-бип БИП!» радиомаяка в моей хижине. Я высвободился из объятий, взял на себя управление и направил машину к земле.

— Где это мы? — спросила Мэри сонным голосом.

— Над моей хижинкой в горах, — ответил я.

— Я даже не знала, что у тебя есть хижина. Думала, мы летим ко мне.

— Там же полно медвежьих капканов! И кстати, это теперь не моя хижина, а наша.

Она снова меня поцеловала, и я чуть не врезался в землю. Мне пришлось уделить несколько минут машине, а Мэри тем временем выбралась и пошла вперед. Я догнал ее уже у дома.

— Бесподобно, милый!

— Адирондак! Этим все сказано, — согласился я.

Солнце висело над самым горизонтом, а легкая дымка, окутавшая горы, придавала пейзажу какой-то особенную, удивительную объемность.

— Я выбрал это место в основном из-за вот этого вида.

Мэри взглянула на пейзаж и сказала:

— Да-да. Только я имела в виду не горы, а твою... нашу хижину. Давай поскорей зайдем.

— Конечно, — согласился я. — Только это действительно всего лишь простая хижина.

В общем-то, так она и планировалась. Внутри даже бассейн не было. Приезжая сюда, я хотел, чтобы город оставался где-то там, далеко позади. Корпус — стандартный, из стали и стеклопластика, но снаружи обшит имитацией натурального дерева, которую вы бы не отличили от настоящих бревен — если, конечно, не царапать их ножом. Внутри все просто: одна большая гостиная с настоящим камином, мягкими коврами без рисунка и со множеством низких кресел. Все оборудование производства «Компакто-спешал» упрятано с глаз долой, в фундамент: кондиционер, энергоблок, система очистки, звуковая аппаратура, водоснабжение и канализация, датчики радиационной опасности, сервоприводы — все, кроме морозильника и

прочего кухонного оборудования. Даже стереоэкраны за-
прятаны так, что в глаза не бросаются, пока не включе-
ны. Почти настоящая бревенчатая хижина, но с водопро-
водом.

— Очень милая хижина, — сказала Мэри серьезным
тоном. — Большой роскошный дом мне бы, наверное, не
понравился.

— Значит, нас уже двое. — Я набрал комбинацию, и па-
радная дверь разошлась в стороны. Мэри тут же прошмыг-
нула внутрь. — Эй! Куда ты? Вернись! — закричал я.

Она послушалась.

— В чем дело, Сэм? Я что-то сделала не так?

— Еще бы! — Я вытащил ее на улицу, затем поднял на
руки, перенес через порог и, поцеловав, поставил на пол. —
Вот, теперь ты у себя дома — и самым правильным обра-
зом.

Когда мы вошли, включился свет. Мэри обвела гости-
ную взглядом, повернулась и бросилась мне на шею.

— О дорогой, дорогой! У меня в глазах все расплыва-
ется, я ничего не вижу...

У меня в глазах тоже все расплывалось, так что мы взя-
ли тайм-аут для взаимного лечения. Потом она принялась
бродить по комнате, присматриваясь, прикасаясь к вещам.

— Знаешь, Сэм, если бы я планировала обстановку са-
ма, я бы сделала все точно так же.

— У меня, к сожалению, только одна ванная, — при-
знался я. — Будем жить в суровых полевых условиях.

— Меня это вполне устраивает. Я этому даже рада: те-
перь-то я вижу, что ты не водил сюда своих женщин.

— Каких женщин?

— Сам знаешь каких. Если бы ты задумал этот дом как
любовное гнездышко, здесь была бы вторая ванная ком-
ната.

— Да, тебя не проведешь.

Она не ответила и ушла на кухню. Спустя секунду отту-
да донесся радостный визг.

— Что случилось? — спросил я, войдя вслед за ней.

— Я совсем не ожидала найти в холостяцком доме на-
стоящую кухню!

— Ну, я неплохо готовлю. Мне хотелось иметь нор-
мальную кухню, вот я и купил все это.

— Я так рада. А теперь я все-таки приготовлю тебе ужин.

— Хорошо, это твоя кухня. Распоряжайся. Но может, ты хочешь сначала сполоснуться в душе? Я пропущу тебя вперед. А завтра мы выпишем каталог, и ты выберешь себе ванную. Ее доставят по воздуху.

— Я не тороплюсь, — сказала она. — Иди первым. Я пока хочу заняться ужином.

Так я и сделал. Видимо, она без особых затруднений освоила кухонную систему управления и контроля, потому что уже через пятнадцать минут, когда я, насвистывая, стоял в душе, впитывая всеми порами горячую воду, она постучала в дверку. Я посмотрел сквозь прозрачную панель двери и увидел силуэт Мэри.

— Можно войти? — спросила она.

— Конечно, конечно! — сказал я. — Места хватит.

Я открыл дверку и посмотрел на нее. Она выглядела чудесно. Какое-то мгновение она стояла неподвижно, позволяя себя разглядывать, при этом на лице ее было такое милое застенчивое выражение, какого я никогда у нее прежде не видел.

Я изобразил чрезвычайное удивление и спросил:

— Дорогая, что случилось? Ты не заболела?

Она изумленно вскинула брови и спросила:

— Я? Что ты имеешь в виду?

— Я не вижу на тебе ни одного пистолета... Нигде.

Она засмеялась и набросилась на меня:

— Какой же ты дурачок! — Она принялась меня щеко-
тать.

Я взял ее левую руку на излом, но она ответила приемом дзюдо, одним из самых мерзких, какие когда-либо рождались в Японии. К счастью, я знал на него ответ, а потом мы оказались на полу душевой, и она вопила:

— Отпусти! Ты мне волосы намочишь!

— Это так важно? — спросил я, не сдвигаясь с места. Мне нравилось там, где я в тот момент находился.

— Думаю, нет, — тихо ответила она и поцеловала меня.

Потом я ее отпустил, и мы, хихикая, принялись оглаживать друг другу синяки. Это был самый замечательный душ в моей жизни.

Семейная жизнь началась у нас с Мэри так гладко и естественно, словно мы были женаты уже двадцать лет. Нет, я не говорю, что медовый месяц прошел скучно (совсем нет) или что у нас не осталось тысячи вещей, которые нам предстояло друг о друге узнать, — суть была в том, что мы словно бы уже знали друг о друге все необходимое, и это превращало нас в семейную пару. Особенно это относилось к Мэри.

В памяти те дни сохранились не очень ясно, и все же я помню каждую их секунду. Помню ощущение счастья и легкой дезориентации. Когда-то мой дядя Эгберт достигал примерно такого же эффекта с помощью кружки кукурузного виски, а мы с Мэри тогда даже не принимали таблеток «темпуса». Я был счастлив. Видимо, с годами я успел позабыть, на что это похоже, или просто давно перестал сознавать, что несчастлив. Да, случалось, кто-то вызывал у меня интерес. Случалось, я увлекался. Веселился, пресыщался — но счастлив ни с кем не был.

Мы ни разу не включили стерео и ничего не читали, разве что иногда Мэри зачитывала мне вслух что-то из книг Баума про страну Оз. Это были бесценные раритеты, оставленные мне моим прадедом, — Мэри никогда в жизни таких не видела. Их чтение не возвращало нас в реальность — оно уводило нас еще дальше от нее.

Лишь на второй день мы пешком спустились в поселок, потому что мне хотелось показаться на люди с Мэри. Местные жители думают, что я — писатель, и я поощряю их заблуждение. Поэтому я задержался в магазинчике, чтобы купить пару ламп, конденсатор и ленту для моей пишущей машинки, хотя у меня, разумеется, не было ни малейшего намерения что-то записывать. Я разговорился с владельцем магазинчика о слизнях и режиме «Голая спина», только чтобы поддержать свой публичный образ, естественно. У них тут недавно случилась ложная тревога, и одного местного в соседнем городке застрелил воинственный констебль: бедолага по рассеянности появился на публике в рубашке. Владелец магазина был возмущен. Я сказал, что убитый сам виноват: время сейчас беспокойное, военное.

Он покачал головой:

— Я считаю, ничего бы не было, если бы мы тихо занимались своими делами. Господь сотворил людей не затем,

чтобы они болтались в космосе. Лучше бы мы бросили эти космические станции и сидели дома, тогда все у нас было бы в порядке.

Я указал ему на то, что близняшки прибыли сюда на собственных кораблях, что это не мы за ними летали, — и поймал предупредительный сигнал от Мэри: не болтать лишку.

Владелец магазина оперся на стойку, наклонился ко мне и спросил:

— Но ведь пока мы не летали в космос, у нас проблем не было?

Я согласился.

— Вот видите? — сказал он торжествующе.

В ответ я промолчал. Как тут спорить?

Больше мы ни с кем не виделись и не говорили. На обратном пути мы проходили мимо хибары местного отшельника Старого Джона по прозвищу Горный Козел. Говорят, Джон раньше держал коз, не знаю, правда ли это, но несет от него как от козла. По моей просьбе он приглядывал за моим домиком, и мы уважали друг друга, то есть без необходимости друг к другу не лезли. Но, увидев его, я помахал рукой.

Он помахал в ответ. Одет Джон был как обычно: старая армейская куртка, вязаная шапочка, шорты и сандалии. Я хотел предупредить его, что тут неподалеку человека застрелили за то, что не соблюдал правила ходить голым по пояс, но передумал. Джон — ярый анархист, он бы еще больше заартачился. Вместо этого я сложил ладони рупором и крикнул:

— Пришли ко мне Пирата!

Он снова махнул рукой, и мы пошли дальше, не подходя к Джону ближе чем на две сотни футов: разумная предосторожность, поскольку он был с наветренной стороны.

— Кто такой Пират, дорогой? — спросила Мэри.

— Увидишь.

И она увидела. Едва мы вернулись домой, появился Пират. Дверца, что я для него сделал, открывалась на его «мяу», так что он мог входить и выходить когда заблагорассудится. Пират был здоровенный, наглый, драный котик, наполовину рыжий персидский, наполовину дворовых кровей. Он вошел с важным видом, высказал мне все,

что думает о хозяевах, которые исчезают слишком надолго, затем простил и ткнулся мордой мне в ноги. Я потрепал его по спине, и тогда он отправился обследовать Мэри.

Я внимательно наблюдал, что она будет делать. Мэри опустилась на колени и издавала звуки, которые обычно используют люди, понимающие кошачий протокол, однако Пират смотрел на нее подозрительно. Затем вдруг прыгнул к ней на руки и заурчал, как неисправный топливный насос, тыча головой в ее подбородок.

Я облегченно вздохнул.

— Ну слава богу, — сказал я. — А то я уж думал, что он не разрешит тебя оставить.

Мэри подняла глаза и улыбнулась:

— Не волнуйся, я прекрасно лажу с кошками. Я сама на две трети кошка.

— А еще на треть кто?

Она скорчила гримаску:

— Узнаешь.

Она чесала Пирата под подбородком, а он тянул шею и принимал ласку с выражением весьма неприличного похотливого удовольствия на морде. И еще я заметил, что цвет ее волос точно в тон его шерсти.

— Старый Джон заботится о нем, когда меня нет, — объяснил я. — Но Пират принадлежит мне. Или наоборот.

— Я догадалась, — ответила Мэри. — И теперь я тоже принадлежу Пирату. Верно, Пират?

Кот не ответил, он продолжал бесстыдно нежиться, но было ясно, что она права. У меня и в самом деле камень с души свалился. Котофобы никогда не поймут, почему кошки имеют такое значение для котофилов, но если бы Мэри оказалась не из нашей логи, это бы постоянно на меня давило.

С тех пор Пират почти все время оставался с нами — или с Мэри, кроме тех случаев, когда я выгонял его из спальни. Мэри и кот протестовали, но тут я был неумолим. Мы даже взяли его с собой, когда спускались в ущелье пострелять по мишеням. Я говорил Мэри, что безопаснее было бы оставить его дома, но она ответила:

— Просто постарайся не попасть в кота. Я-то в него стрелять не буду.

Я заткнулся, несколько уязвленный. Вообще-то, я хороший стрелок и поддерживаю форму постоянными тренировками при каждом удобном случае, даже в свой медовый месяц. Нет, это не совсем правда: по такому поводу я бы плюнул на тренировки, если бы не выяснилось, что Мэри очень любит стрелять. Мэри не просто хорошо натренирована — она первоклассный стрелок, десять из десяти. Она пыталась и меня подтянуть до своего уровня, но такому нельзя научиться, это что-то врожденное.

Пользуясь случаем, я спросил ее, почему она всегда носит с собой минимум два пистолета.

— Всегда может понадобиться еще один, — ответила она. — Ну-ка, давай попробуй отобрать у меня пистолет.

Я встал в стойку и начал отрабатывать комбинацию из положения лицом к лицу, с голыми руками против пистолета. Она легко уклонилась от захвата и резко спросила:

— Что ты делаешь? Пытаешься отобрать оружие или приглашаешь потанцевать? Давай по-настоящему!

И тогда я сделал все по-настоящему. Пусть медалей мне не завоевать, но по части кабацких драк я на первых местах. И ей пришлось уступить, иначе я сломал бы ей запястье.

Но когда ее пистолет оказался у меня, я почувствовал, что вторая пушка прижимается к моему пупку. Это был гражданский дамский пистолетик, но из него можно уложить без перезарядки человек двадцать. Я глянул вниз и увидел, что он снят с предохранителя. Моя прекрасная леди легким напряжением одной мышцы могла сейчас проделать во мне дырку. Не очень широкую, но вполне достаточно и такой.

— Тьфу, черт! Откуда ты его вынула? — спросил я.

У меня был хороший повод задать этот вопрос, поскольку мы вышли из дому, не одеваясь. Да и зачем, ведь тут никто не ходит. В конце концов, это моя земля.

И я готов был поклясться, что пистолет у Мэри один — тот, который она несла в руке.

— Он был высоко на шее, под волосами, — спокойно ответила она. — Хочешь посмотреть?

Я посмотрел. Я знал, что там можно спрятать телефон, но я никогда бы не подумал, что там есть место и для пис-

толета. Хотя, конечно, я не стреляю из дамских пистолетов и не отращаю себе длинные огненные локоны.

Тут мне снова пришлось скосить глаза вниз, потому что в мои ребра уперлась дулом третья пушка.

— А этот откуда взялся? — спросил я.

В ответ она захихикала:

— Что, вконец запутался? Этот все время был на виду.

Больше она ничего не сказала, а я так и не догадался. Они же должны были лязгать при ходьбе — так ведь ничего подобного!

Я обнаружил, что могу научить ее кое-чему по части рукопашной, и это немного восстановило мое самоуважение. Голые руки важнее пушек — они чаще спасают вам жизнь. Нет, Мэри и сама все умела: ее руки таили в себе смерть, ноги — вечный сон. Просто всякий раз, как я укладывал ее на обе лопатки, она обмякала и принималась целоваться. Однажды, вместо того чтобы ответить на поцелуй, я встряхнул ее и сказал, что она относится к делу недостаточно серьезно, но Мэри, понизив голос на октаву, сказала:

— Разве ты не понимаешь, дорогой? Не это мое оружие...

Это вовсе не значило, что «ее оружие» — пистолеты. Она имела в виду что-то более древнее и первобытное. Да, она умела бороться, как разъяренный медведь, и я уважал ее за это. Но она не была амазонкой. Амазонки в постели выглядят совсем по-другому. Истинная сила Мэри заключалась в иных талантах.

Кстати, о том, как меня удалось спасти от слизней, я узнал от Мэри. Она много дней бродила по городу, не находя меня, но при этом скрупулезно фиксируя в рапортах, как идет процесс заражения города. Если бы не ее способность обнаруживать «одержимых», мы, возможно, бесполезно потеряли бы многих агентов, а я бы никогда не освободился от своего хозяина. Благодаря полученным от нее сведениям Старик свернул операции внутри города и сосредоточился на въездах и выездах. И меня спасли, хотя на выезде караулили не меня конкретно... по крайней мере, не думаю, что засаду устроили ради меня одного.

А может, и ради меня одного. Что-то из того, что сказала Мэри, заставляло думать, что они со Стариком посменно, с утра до ночи, обходили главные стартовые площадки

города. Но такого просто не может быть: Старик не стал бы в ущерб работе тратить время на поиски одного-единственного агента. Должно быть, я неправильно ее понял.

Мне так и не представился случай уточнить. Мэри вообще неохотно говорила о прошлом. Я спросил ее однажды, почему Старик освободил ее от охраны президента. Она ответила:

— От меня там больше не было пользы, — и отказалась вдаваться в подробности.

Она понимала, что я рано или поздно сам выясню причину: слизни наконец-то узнали о сексе, поэтому она больше не могла работать в качестве пробного камня для «одержимых» мужчин. Но тогда я об этом не знал, Мэри же считала эту тему гадкой и отказалась о ней говорить. Она вообще не любила обсуждать неприятности.

И поэтому мы касались этих тем в наш медовый месяц так редко, что я почти забыл о титанцах.

Мэри не любила рассказывать о себе, зато охотно слушала мои рассказы. А я настолько размяк от счастья, что говорил обо всем, даже о том, что грызло меня всю жизнь. О том, как демобилизовался и как валял дурака, прежде чем проглотил свою гордость и пошел работать на Старика.

— Я же миролюбив по натуре, — говорил я, — что со мной не так? Старик — единственный человек, которому я способен подчиняться, и я все равно постоянно с ним собакуюсь. Почему?

Моя голова лежала у нее на коленях. Мэри за уши пригнула меня к себе и поцеловала.

— Малыш, разве ты не понимаешь? Это не ты такой, это тебя таким сделали.

— Но я всегда был таким, во всяком случае до сих пор.

— Да, с детства. Без матери, с блистательным и сильным отцом. Тебя столько шпыняли, что ты потерял уверенность в себе.

Ее слова так меня удивили, что я вскинулся. Это у меня-то? Нет уверенности в себе?

— Что ты такое говоришь? Да я самый наглый петух на дворе!

— Да, конечно. Или раньше им был. Все к лучшему. — И, воспользовавшись тем, что я убрал голову с ее колен, она встала и сказала: — Пойдем полюбуемся закатом.

— Каким закатом? — недоуменно спросил я. — Мы же только что позавтракали.

Но она была права, а я не прав, обычное дело. Однако путаница со временем вернула меня в реальный мир.

— Мэри, сколько мы уже здесь? Какое сегодня число?

— А это имеет значение?

— Еще как имеет. Прошло, наверно, больше недели. Наши телефоны могут зазвонить в любую минуту — и все: назад, на галеры.

— Да, но зачем беспокоиться заранее?

Она была права, однако я уже не мог успокоиться, пока не узнаю, какое сегодня число. Можно было, конечно, включить стерео, но там наверняка наткнешься на выпуск новостей, а это себе дороже; я все еще притворялся, будто мы с ней в каком-то другом, безопасном мире, где нет никаких титанцев.

— Мэри, — спросил я, — сколько у тебя таблеток «темпуса»?

— Ни одной.

— Ладно. У меня хватит на нас двоих. Давай растянем наш отпуск, пусть он длится подольше. Вдруг нам осталось всего двадцать четыре часа? Можно превратить их в целый месяц субъективного времени.

— Нет.

— Но почему? Давай ловить момент, пока он от нас не убежал.

Она накрыла ладонью мою руку и внимательно посмотрела мне в глаза:

— Нет, дорогой, это не для меня. Я хочу прожить каждое мгновение своей жизни, не омрачая его беспокойством о следующем. — Наверное, я выглядел очень упрямо, и она добавила: — Если хочешь принимать «темпус», я не возражаю, но, пожалуйста, не уговаривай меня.

— Да ну к черту! Я не буду веселиться в одиночку.

Она промолчала, и, должен заметить, это лучший способ выигрывать споры.

Не то чтобы мы часто спорили. Если я из-за чего-то заводился, Мэри обычно поддавалась, но в конце концов выходило, что не прав я. Несколько раз я пытался разгово-

рить ее, заставить рассказать о себе — нужно же мне знать о своей жене хоть что-то, — и на один из моих вопросов о прошлом она задумчиво ответила:

— Иногда мне кажется, что у меня вообще не было детства. Может, оно мне просто приснилось?

Я спросил напрямик, как ее зовут.

— Мэри, — спокойно ответила она.

— Это твое настоящее имя? — Я уже давно сказал ей свое, но она по-прежнему звала меня Сэмом.

— Конечно настоящее. С тех пор как ты меня назвал этим именем, я — Мэри.

— Ладно, ты моя дорогая и любимая Мэри. А как тебя звали раньше?

В глазах у нее промелькнула какая-то затаенная боль или обида, но ответила она спокойно:

— Когда-то я носила имя Аллукьера.

— Аллукьера, — повторил я, смакуя его на языке. — Аллукьера. Какое странное и красивое имя — Аллукьера! В нем есть что-то величественное. Моя дорогая Аллукьера...

— Теперь меня зовут Мэри, — отрезала она.

Я понимал, что где-то когда-то с ней случилось что-то ужасное и память о нем до сих пор отзывается болью. Но видимо, мне просто не суждено было о нем узнать. Я почти не сомневался, что когда-то она была замужем. Может, причина в ее первом браке.

А потом я выкинул это из головы. Она была такая, какая есть, теперь и навсегда, и я был счастлив, что могу согреть душу теплом ее присутствия. «Ее разнообразью нет конца, Пред ней бессильны возраст и привычка...»¹

Я продолжал называть ее Мэри, раз ей так больше нравилось, и думал о ней как о Мэри, но имя, которое она когда-то носила, не давало мне покоя. Аллукьера... Аллукьера... Я катал его, как горошину, на языке. Меня не оставляло впечатление, что где-то я его слышал.

И неожиданно я вспомнил. Настойчивая мысль все-таки раскопала информацию на дальних полках памяти, заваленных всяким бесполезным хламом, от которого не-

¹ У. Шекспир. Антоний и Клеопатра. Перевод Б. Пастернака.

возможно избавиться. Была в свое время то ли секта, то ли колония... Они пользовались искусственным языком и даже имена детям давали новые, придуманные...

Точно. Уитмениты. Анархистско-пацифистский культ. Их вышибли из Канады, но они не смогли закрепиться даже в Литл-Америке¹. Их пророк еще написал книгу «Энтропия радости». Я ее не читал, но однажды пролистал, в ней было полно псевдоматематических формул, указывающих путь к достижению счастья.

В мире все «за счастье», так же как все «против греха», но эти сектанты пострадали из-за принятых у них обрядов. Свои сексуальные проблемы они решали очень древним и не совсем обычным по современным понятиям способом, что создавало взрывоопасные ситуации, с какой бы культурой ни соприкасались уитмениты. Даже Литл-Америка была недостаточно далеко, и, если я правильно помню, остатки сектантов эмигрировали на Венеру. Но в таком случае никого из них уже нет в живых.

Короче, думать об этом — только забивать голову. Если Мэри была уитмениткой или выросла в их среде, это ее дело. И уж конечно, я не допущу, чтобы философия какого-то там культа нарушала согласие в семье; брак, в конце концов, не купчая, а жена — не собственность.

Если это было все, что Мэри хотела скрыть от меня, то я не хотел ничего об этом знать. Мне не нужна была девственность, запаянная в герметичную упаковку, мне нужна была сама Мэри.

22

В следующий раз, когда я упомянул «темпус», Мэри не стала спорить, но предложила ограничиться минимальной дозой. Вполне приемлемый компромисс — увеличить дозу никогда не поздно.

¹ *Литл-Америка* — общее название пяти американских полярных станций, работавших в Западной Антарктиде на восточной краевой части шельфового ледника Росса, в районе бухт Китовая и Кайнан.

Чтобы препарат действовал быстрее, я приготовил инъекции. Приняв «темпус», я обычно слежу за часами, и когда секундная стрелка замирает, это означает, что препарат действовал. Но в моей хижине не было часов, а мы перестали носить свои перстни. Это было утром, мы не спали всю ночь и теперь лежали обнявшись на полукруглом низком диване у камина.

Мы долго лежали так, в полусне и покое, и я уже начал подумывать, что препарат не сработал. А потом я понял, что восходящее солнце замерло на месте. За панорамным окном повисла птица, и только если смотреть на нее достаточно долго, можно было заметить, что крылья у нее движутся.

Я отвернулся от окна и бросил взгляд на жену, привычно восхитившись изяществом ее ног и выразительными округлостями. Пират свернулся у нее на животе, поджав лапы, словно спрятал их в муфте. Они оба как будто спали.

— Как насчет завтрака? — спросил я. — Я умираю с голоду.

— Готовь, — ответила Мэри. — Если я пошевелюсь, Пират проснется.

— Но ты поклялась любить меня, почитать и кормить завтраком.

Я наклонился и пощекотал ей пятку. Мэри вскрикнула и резко поджала ноги. Пират подскочил и с недоуменным мяуканьем шлепнулся на пол.

— Ну зачем ты? — сказала Мэри. — Из-за тебя я слишком резко дернулась и обидела Пирата.

— Забудь кота, женщина, ты замужем за мной!

Однако я понимал, что не прав. Когда рядом есть кто-то, кто не принимал «темпус», двигаться нужно крайне осторожно. По правде сказать, я просто забыл про кота. Ему наверняка казалось теперь, что мы скачем и дергаемся, как пьяные чертики из табакерки. Я хотел приласкать его и заставил себя двигаться медленнее.

Куда там. Пират бросился к своей дверце. Я мог бы его остановить — ведь для меня он не бежал, а еле полз, — но решил, что не стоит, а то он напугается еще сильнее. Просто оставил его в покое и отправился на кухню.

Должен заметить, что Мэри была права: в медовый месяц «темпус фугит» себя не оправдывает. Экстатическое

ощущение счастья, что я испытывал до того, тонуло теперь в вызванной наркотиком эйфории — хотя в тот момент я не осознавал потери, потому что наркотическая эйфория сама по себе убедительна. Но потеря была совершенно реальной: естественное чудо я променял на химическую подделку.

Есть драгоценные мгновения, которые нельзя или не стоит торопить. Мэри, как обычно, оказалась права. В общем-то, день — или месяц — прошел неплохо, но лучше бы я держался за настоящее чувство.

К вечеру действие препарата кончилось. Как всегда после «темпуса», я чувствовал себя немного раздраженно, однако нашел перстень с часами и занялся проверкой рефлексов. Убедившись, что все вернулось в норму, проверил Мэри, после чего она сообщила, что у нее действие препарата прекратилось минут двадцать назад, — дозы мы отмеряли довольно точно, в соответствии с массой тела.

— Хочешь попробовать еще раз? — спросила она.

Я притянул ее к себе, поцеловал и ответил:

— Нет. По правде говоря, я рад, что все кончилось.

— И я рада.

У меня разыгрался волчий аппетит (тоже обычное после «темпуса» дело, независимо от того, сколько и когда человек ел под препаратом). Я сказал об этом Мэри, и она ответила:

— Сейчас. Я только позову Пирата. Его не было весь день.

Весь прошедший день — или месяц — я о нем даже не вспоминал; одно слово — эйфория.

— Не беспокойся о нем, — сказал я. — Он часто пропадает целыми днями.

— Раньше этого не случалось.

— При мне случалось, — успокоил я.

— Боюсь, Пират на меня обиделся. Наверняка обиделся.

— Тогда он, скорее всего, внизу, у Старого Джона. Обычно он так меня наказывает, когда ему не нравится мое обслуживание. Ничего с ним не случится.

— Но уже ночь. А вдруг его сцапает койот?

— Глупости. Койоты не забредают так далеко на восток.

— Ну, тогда лиса или еще кто-нибудь. Ты не возражаешь, дорогой? Я просто выгляну и позову его. — Она направилась к двери.

— Тогда накинь что-нибудь, — потребовал я. — Там сейчас холодно!

Мэри помедлила, потом вернулась в спальню, надела пеньюар, который я купил для нее в поселке, и вышла за дверь. Я подбросил в камин дров и пошел на кухню.

Должно быть, она оставила входную дверь открытой. И пока я мучительно колебался между легкостью приготовления пакетика «Быстросуп» и удовольствием от настоящей еды из настоящих продуктов, я слышал, как она приговаривает: «Плохой, плохой котик! Мамочка из-за тебя волнуется» — тем воркующим голоском, каким люди обычно разговаривают с младенцами и животными из семейства кошачьих.

— Тащи его сюда и закрой дверь! Только пингвинов не пускай! — крикнул я из кухни.

Она ничего не ответила, и я не услышал, что дверь хлопнулась. Тогда я вернулся в гостиную.

Она стояла у порога, но Пирата с ней не было. Я начал что-то говорить, но тут увидел ее глаза. В них застыл невыразимый ужас.

— Мэри! — позвал я и двинулся к ней.

Она вздрогнула, словно только что меня заметила, и повернулась к двери. Двигалась Мэри как-то судорожно, рывками, а когда она повернулась ко мне спиной, я увидел ее плечи.

Под пеньюаром торчал горб.

Не знаю, как долго я стоял на месте. Наверно, только доли секунды, но в память они врезались как целая вечность. Я прыгнул и схватил ее за руки. Мэри обернулась, но теперь я увидел в ее глазах не бездонные колодцы ужаса, а два мертвых омута.

Она врезала мне коленом.

Я сгруппировался, и мне удалось избежать худшего. Да, я знаю, что опасного противника бесполезно хватать за руки, но ведь это была моя жена. Не мог же я просто действовать по накатанной схеме: замах-уклонение-ударить-убить?!

Однако у слизняка подобных сомнений на мой счет не было. Мэри — вернее, эта тварь — показала мне все, на что была способна, а мне пришлось показать все, на что был способен я, — чтобы случайно ее не убить. Не дать ей убить меня, уничтожить паразита, не дать ему перебраться ко мне — иначе мне не удалось бы ее спасти.

Я выпустил одну руку и ударил Мэри по скуле. Удар должен был вырубить ее, но она даже не замедлилась. Я снова обхватил ее, теперь и руками, и ногами, пытаюсь зажать медвежьей хваткой, чтобы обездвижить, не искалечив. Мы упали на пол, и Мэри оказалась сверху. Она попыталась меня укусить, и я ударил ее головой в лицо.

У нее было сильное тело, и я понял, что мне удастся только сдерживать ее за счет большей мышечной массы. Тогда я попытался ее парализовать, воздействуя на болевые точки, но она понимала, что я делаю, знала эти точки не хуже меня, так что мне еще повезло, что я сам не оказался парализованным.

Оставалось одно: раздавить самого слизняка. Но я уже знал, какое жуткое действие это оказывает на носителя. Мэри может умереть, и даже в лучшем случае, если она останется в живых, последствия будут ужасны. Нужно было лишить ее сознания, а паразита сначала снять, а потом только убить... Согнать его огнем или легкими ударами тока.

Согнать огнем...

Времени проработать идею мне не дали: Мэри впилась зубами мне в ухо. Я передвинул правую руку и схватил слизняка. Никакого результата. Мои пальцы, вместо того чтобы погрузиться в слизистое рыхлое тело, наткнулись на плотный роговой или кожистый панцирь — я словно пытался раздавить футбольный мяч. Когда я дотронулся до него, Мэри дернулась и оторвала мне кусок уха, но это был не сокрушающий кости финальный спазм. Паразиту ничего не сделалось, и он по-прежнему держал Мэри в своей власти.

Я попробовал поддеть его, но он держался, как присоска: даже палец не мог просунуть.

Мэри, однако, тоже времени не теряла, и мне здорово от нее досталось. Я перекатил ее на спину и, все еще сжимая в захвате, умудрился встать на колени. Пришлось осво-

бодить ее ноги, чем она тут же воспользовалась, но зато я сумел перегнуть ее через колено, поднялся и волоком потащил ее к камину.

Она поняла, что я задумал, и едва не вырвалась. Она билась, как разъяренная пума, но все же я дотащил ее, ухватил за волосы и заставил запрокинуться над огнем.

Я хотел только обжечь паразита, чтобы он, спасаясь от жара, отцепился. Но Мэри так яростно сопротивлялась, что я потерял равновесие, ударился головой о верхний край камина и уронил ее спиной на раскаленные угли.

Она закричала и выпрыгнула из огня, увлекая меня за собой. Еще не очухавшись от удара, я вскочил на ноги и увидел, что она лежит на полу. Ее волосы, ее прекрасные волосы горели.

Пеньюар тоже вспыхнул. Я бросился гасить огонь руками и обнаружил, что слизняка на ней уже нет. Продолжая сбивать пламя ладонями, я огляделся по сторонам и увидел, что он лежит на полу перед камином... и его обнюхивает Пират.

— Брысь! — крикнул я. — Пират! Пошел вон!

Кот поднял голову и вопросительно посмотрел на меня, словно я отвлекал его от новой интересной игрушки. Я продолжал сбивать огонь и, только убедившись, что ни волосы, ни одежда больше не горят, оставил Мэри. У меня даже не было времени проверить, жива ли она. Потому что нужно было кое-что срочно предпринять.

Мне нужен был совок для угля. Я не мог рисковать, хватая тварь голыми руками, — я повернулся к камину, чтобы взять совок...

Но слизняк уже не лежал на полу — он оседлал Пирата. Кот застыл на месте, широко расставив лапы, а слизняк копошился, устраиваясь у него на загривке.

Возможно, все обернулось бы лучше, задержись я еще на несколько секунд. Возможно, слизняк, устроившись на Пирате, сбежал бы на улицу. Я бы не стал преследовать его в темноте. Думаю, не стал бы. Но я прыгнул на Пирата и, падая, успел схватить его за задние лапы, когда он, повинувшись воле титанца, сделал первое движение.

Хватать взбесившегося кота голыми руками по меньшей мере безрассудно, а удержать, если им управляет пара-

зит, просто невозможно... Я спешил к камину, и на каждом шагу он рвал зубами и когтями мои руки.

На этот раз я все сделал правильно. Несмотря на вой и яростное сопротивление Пирата, я повернул его спиной к раскаленным углям и сунул в камин. Пламя охватило его шерсть и мои руки, но я держался до тех пор, пока слизняк не свалился прямо в огонь. Тогда я вытащил Пирата и положил на пол. Он больше не сопротивлялся. Я загасил тлеющую шерсть и вернулся к Мэри.

Она все еще была без сознания. Я присел на корточки рядом с ней и заплакал.

За час я сделал для Мэри все, что мог. Слева волосы сгорели у нее начисто, плечи и шея были в ожогах. Однако пульс бился сильно, а дышала она пусть часто и неглубоко, но ровно, и я был уверен, что она не потеряла слишком много жидкости. Я забинтовал ее ожоги — на всякий случай я держу в хижине полную аптечку — и ввел снотворное. Теперь у меня было время заняться Пиратом.

Он лежал на полу там, где я его оставил, и выглядел ужасно. Ему досталось гораздо больше, чем Мэри, и еще, возможно, у него обгорели легкие. Я думал, он уже мертв, но, когда я тронул его рукой, Пират поднял голову.

— Извини, дружок, — прошептал я, и он вроде бы тихо мякнул в ответ.

Я сделал для него то же, что для Мэри, только снотворное вводить побоялся. После этого я пошел в ванную и осмотрел себя.

Ухо уже не кровоточило, и я решил пока его не трогать. Когда-нибудь, когда у меня будет время, его надо будет восстановить. Но руки... Я сунул их под горячую воду, заорал, затем высушил под струей воздуха, что тоже оказалось очень больно. Забинтовать их я все равно не сумел бы, да и не хотелось: наверняка придется еще что-то делать.

В конце концов я вылил по унции крема от ожогов в две пластиковые перчатки и надел их на руки. В креме содержалось обезболивающее, и в общем стало терпимо. Я подошел к стереофону и позвонил местному врачу. Подробно и грамотно объяснил, что случилось, что я сделал сам, и попросил подъехать.

— Ночью? — спросил он. — Вы, должно быть, шутите. Я сказал, что мне совсем не до шуток.

— Это невозможно. Ваш случай уже четвертый в округе, и ночью здесь никто не выходит на улицу. Сейчас вы сделали все, что было возможно. Завтра с утра я первым делом заеду и осмотрю вашу жену.

Я посоветовал ему катиться к дьяволу, прямо с утра, и отключился.

В первом часу ночи Пират умер. Я похоронил его сразу же — чтобы Мэри не видела, в каком он виде. Руки от лопаты болели нещадно, но яма для него нужна была совсем небольшая. Я постоял немного над могилой, попрощался и пошел в дом. Мэри тихо спала. Придвинув кресло к кровати, я сел дежурить.

Старался не заснуть, но несколько раз, кажется, проваливался в полудрему. В общем, не помню.

23

Под утро Мэри начала ворочаться и стонать. Я обнял ее и зашептал:

— Я здесь, родная, здесь. Все в порядке. Сэм с тобой.

Она открыла глаза, и в них мелькнул уже знакомый мне ужас. Затем она увидела меня и успокоилась.

— Сэм! Мне такой жуткий сон приснился!

— Все уже в порядке.

— А почему ты в перчатках? — Мэри вдруг заметила на себе бинты; что-то в ее лице дрогнуло, и она все поняла. — Это был не сон!

— Нет, родная, не сон. Но ты не бойся. Я его убил.

— Убил? Ты уверен, что он мертв?

— Абсолютно.

В доме все еще воняло дохлым слизняком.

— Ох!.. Иди ко мне, Сэм. Обними меня крепко-крепко.

— Тебе будет больно.

— Все равно обними!

Я обнял ее, стараясь не касаться ожогов, но Мэри их как будто и не замечала. Спустя какое-то время она перестала дрожать.

— Извини, дорогой. Я всего лишь слабая женщина.

— Ну что ты! Видела бы ты, в каком я был виде, когда меня спасли от паразита.

— Я видела. Но ты должен рассказать мне, что случилось. Я помню, как ты запикивал меня спиной в камин, и это все.

— Извини, Мэри, другого выхода не было. Я хотел снять паразита, а иначе никак не получалось!

Она встряхнула меня за плечи — теперь пришла ее очередь утешать меня.

— Я знаю, Сэм, знаю, дорогой. И очень тебе благодарна за то, что ты сделал. От всего сердца благодарна. Ты снова меня спас.

Мы оба немного поплакали. Наконец я справился с собой, шмыгнул носом и продолжил:

— Ты не ответила, когда я тебя позвал. Я вышел в гостиную и там увидел тебя.

— Да, помню. Я так сопротивлялась!

— Я знаю — ты пыталась уйти, — сказал я, глядя ей в глаза. — Но как тебе это удалось? Когда паразит на спине, это конец, с ним невозможно справиться.

— Да, мне не удалось — но я старалась изо всех сил.

Эта загадка так и осталась загадкой. Как бы то ни было, Мэри сумела воспротивиться воле паразита, что было невозможно, — я знал это по собственному опыту. Правда, в конце концов она уступила, но теперь я знал, что моя жена крепче и сильнее меня самого, несмотря на все эти дивные округлости и зашкаливающую женственность.

Я смутно догадывался, что, если бы она не сдерживала паразита, пусть даже самую малость, я бы с ним не справился, поскольку не мог драться с Мэри в полную силу.

— Надо было, конечно, взять фонарь, — продолжила она, — но знаешь, Сэм, мне и в голову не пришло, что здесь тоже опасно.

Я кивнул. Мне тоже казалось, что здесь, в горах, нам ничто не угрожает, как под одеялом или в крепких объятиях.

— Пират прибежал ко мне сразу же. Но я не видела этой твари, пока не протянула руку его погладить и не коснулась ее, а потом уже было поздно. — Мэри вдруг приподнялась на локте. — А где Пират, Сэм? С ним ничего не случилось? Позови его.

Пришлось рассказать. Она выслушала меня с застывшим лицом, кивнула и больше никогда о нем не заговаривала. Я же решил сменить тему:

— Ну, раз уж ты проснулась, я приготовлю тебе завтрак.

— Не уходи!

Я остановился.

— Вообще никуда от меня не отходи, оставайся в поле зрения. Сейчас я встану и сама приготовлю завтрак.

— Черта с два! Ты останешься в постели и будешь вести себя как послушная девочка.

— Подойди сюда и сними перчатки. Я хочу посмотреть, что у тебя с руками.

Перчатки я снимать не стал, даже думать об этом не мог, потому что обезболивающее уже почти не действовало.

— Так я и знала, — мрачно произнесла Мэри. — У тебя ожоги еще хуже, чем у меня.

В общем, завтрак готовила она. Более того, она одна его и ела — я не хотел ничего, кроме чашки кофе. Я настоял, чтобы она тоже пила как можно больше: ожоги на большой площади — это не шутка. Позавтракав, Мэри отодвинула от себя тарелку, посмотрела на меня и сказала:

— Знаешь, Сэм, я ни о чем не жалею. Теперь я тоже знаю, каково это. Теперь мы оба знаем.

Я коротко кивнул, понимая, что она имела в виду. Делить одни только радости — этого недостаточно.

Мэри встала:

— Видимо, надо идти.

— Да, — согласился я. — Нужно скорее доставить тебя к врачу.

— Я не это имела в виду.

— Знаю.

Обсуждать тут было нечего. Мы оба понимали, что музыка кончилась и пора возвращаться на работу. Развалюха, на которой мы прилетели, по-прежнему стояла на поса-

дочной площадке возле дома, отсчитывая плату за прокат. На то, чтобы сжечь тарелки, собраться и обесточить все, кроме дежурного питания, у нас ушло не больше трех минут. Я потерял свои ботинки, но Мэри вспомнила, где я их оставил.

Поскольку я с такими руками ни на что не годился, машину вела Мэри. Поднявшись в воздух, она повернулась ко мне и предложила:

— Давай сразу вернемся в Отдел. Там и подлечат, и все новости расскажут. Или руки болят слишком сильно?

— Нет, летим в Отдел, — согласился я.

Руки, конечно, болели, но за час-другой им хуже не станет. Мне не терпелось узнать новости, да и к работе вернуться. Я попросил Мэри вывести на экран новостной канал: сейчас мне хотелось увидеть последние известия не меньше, чем раньше хотелось их избежать. Но аппаратура оказалась под стать самой машине: мы даже звук не смогли поймать. Хорошо хоть автопилот еще работал, иначе Мэри пришлось бы вести машину вручную.

Меня не оставляла в покое одна мысль, и я решил поделиться ею с Мэри:

— Как ты думаешь, слизняк ведь не стал бы забираться на кота просто так, правда?

— Думаю, нет.

— Тогда почему же он оказался у Пирата на спине? Здесь должна быть какая-то логика. Все, что они делают, логично — пусть даже у этой логики довольно мрачный привкус.

— Но здесь тоже все логично. С помощью кота они поймали человека.

— Да. Но как они могли это запланировать? Неужели их настолько много, что они позволяют себе разъезжать на кошках, в надежде на случайную встречу с человеком? Хотя... — Я вспомнил, с какой скоростью один слизняк на спине обезьяны превратился в двух, вспомнил переполненный тварями Канзас-Сити и содрогнулся.

— Почему ты спрашиваешь об этом меня, дорогой? У меня же не аналитический мозг.

В некотором смысле это была чистая правда: нет, никаких дефектов мозга у Мэри, конечно же, нет, но она все

время приходит к правильным выводам инстинктивно, перескочив через логику. Меня подобное отсутствие логических связей нервирует чрезвычайно.

— Брось прикидываться скромной девочкой и подумай лучше вот о чем: откуда этот слизняк взялся? Сам бы он сюда не дополз. До Пирата он мог добраться только на спине другого носителя. Кто это был? Я бы предположил, что это Старый Джон, Горный Козел. Больше Пират никого к себе не подпускает.

— Старый Джон? — Мэри на секунду прикрыла глаза, потом снова их открыла. — Нет, я не помню от него никаких особых ощущений. Я была слишком далеко.

— Методом исключения получается, что это мог быть только он. В поселке все соблюдали режим, а Старый Джон был в куртке. Следовательно, паразит оседлал его еще до введения режима «Голая спина». Джону это сходило с рук, потому что он избегает людей. Но дальше моя логика пасует. Зачем слизнякам отшельник, живущий черт-те где в горах?

— Чтобы поймать тебя.

— Меня?

— Да, чтобы вернуть тебя.

В этом был какой-то смысл. Возможно, любой носитель, которому когда-либо удалось от них уйти, становился объектом слежки. В таком случае те полтора десятка конгрессменов, да все прочие, кого мы спасли, в том числе Мэри, подвергаются серьезной опасности. Я бы сообщил об этом нашим аналитикам. Впрочем, нет, Мэри в списке быть не должно — единственный слизняк, который знал, что она была под контролем, теперь мертв.

С другой стороны, может быть, им нужен именно я. Что такого во мне особенного? Да, тайный агент. Но что более важно, мой хозяин знал все, что мне известно о Старике, и, следовательно, понимал, в каких мы отношениях. В моем представлении Старик был их главным противником, и мой паразит знал, что я так думаю, поскольку он имел доступ к любым моим мыслям.

И этот слизняк даже встречался со Стариком, разговаривал с ним. Стоп, минуточку: тот слизняк сдох. Моя теория рухнула.

И тут же снова восстала из руин.

— Мэри, — спросил я, — ты была у себя на квартире, с тех пор как мы там в последний раз завтракали?

— Нет. А что?

— Не возвращайся туда ни в коем случае. Я помню, как думал, когда был с ними, что надо устроить там ловушку.

— Но не устроил?

— Нет. Но возможно, это сделал кто-то другой. Не исключено, что еще один «Старый Джон» сидит там, как паук в паутине, и ждет, когда ты придешь. Или когда я приду. — Я рассказал ей про Макилвейна и его теорию «групповой памяти». — Тогда я думал, что он просто фантазирует, — любимое занятие всех ученых. Но теперь я в этом уже не уверен. Теперь мне кажется, что это единственная гипотеза, с которой согласуются все факты, — если только не предполагать, что титанцы настолько глупы, что ловят рыбу и в ванне, и в реке. Но они вовсе не глупы.

— Подожди-ка, Сэм. По теории Макилвейна каждый паразит — это как бы все остальные паразиты, так? Другими словами, тварь, что захватила меня вчера вечером, в такой же степени тварь, которая ездила на тебе, как и та, которая на самом деле... Ой, я запуталась. Я хотела сказать...

— Это только общая идея. По отдельности они самостоятельные особи, а на прямой конференции объединяют воспоминания, и Траляля превращается в Труляля. Если это действительно так, то вчерашний паразит помнил все, что они узнали от меня. Разумеется, если у него были прямые конференции со слизняком, который ездил на мне, или с любым другим слизняком, который с ним общался, или со слизняком, который был связан с моим через цепочку конференций любой длины — после того, как тот меня оседлал. А зная их повадки, я думаю — наверняка общался. Он... Я имею в виду, первый... Нет, знаешь что, пусть их будет трое: Джо, Мо и, например... э-э-э... Герберт. Гербертом назовем вчерашнего. Мо пусть будет...

— Зачем ты даешь им имена, если они не самостоятельные личности? — спросила Мэри.

— Просто чтобы обозначить их... А впрочем, ладно, это все ерунда. Главное, если Макилвейн прав, то сейчас сотни тысяч, а может быть, миллионы слизняков точно знают,

кто мы такие, как нас зовут, как мы выглядим, где твоя квартира, где моя и где наша хижина. Мы у них в списке.

— Но... — Мэри нахмурилась. — Это же ужасно, Сэм. Откуда они могли знать, что мы появимся в хижине? Ты ведь никому не говорил, куда мы уехали, и я тоже не знал. Неужели они просто устроили ловушку и ждали? Да, видимо, все так и было.

— Иначе не сходится. Мы не знаем, что значит для слизняков ожидание. Возможно, они воспринимают время совсем по-другому.

— Как венерианцы, — предположила она.

Я кивнул. Венерианцы, случается, «женятся» на своих же праправнучках, и прародители бывают моложе своих потомков. Разумеется, это зависит от того, кто как впадает в летнюю спячку.

— В любом случае мы должны сообщить все это — и догадки тоже — нашим аналитикам. Пусть парни порезвятся — может, что и надумают.

Я хотел было добавить, что Старику теперь нужно быть особенно осторожным, поскольку охотятся в конечном счете именно на него, но тут, впервые с начала нашего отпуска, зажужжал аппарат связи. Я ответил и услышал перекрывший оператора голос Старика:

— Явиться лично!

— Уже летим, — сообщил я. — Будем примерно через полчаса.

— Нужно быстрее. Ты пройдешь через «ка-пять», Мэри пусть явится через «эль-один». Поторопитесь. — И он отключился, прежде чем я успел спросить, откуда ему известно, что Мэри со мной.

— Ты слышала? — спросил я Мэри.

— Да. Меня тоже соединили.

— Похоже, вот-вот начнется веселье.

Только после приземления до меня дошло, насколько сильно все вокруг изменилось. Мы исправно соблюдали режим «Голая спина», но понятия не имели о режиме «Загар». Едва мы вышли из машины, нас остановили двое полицейских.

— Стоять на месте! — приказал один из них. — Не делать резких движений!

Кроме ремней, ботинок и узеньких — чисто символических — плавок, на них ничего не было. Я даже не сразу заметил номерные бляхи на поясах.

— Так, — распорядился первый полицейский, — вылезай из штанов, приятель.

Видимо, я слишком мешкал, и он рявкнул:

— Быстро! Двоих таких сегодня уже застрелили, и у тебя есть шанс стать третьим.

— Сделай, как они говорят, Сэм, — спокойно сказала Мэри.

Я сделал. Шорты у меня были надеты на голое тело, так что я остался стоять в одних ботинках и перчатках. Чувствовал я себя полным идиотом, но, снимая шорты, ухитрился спрятать в них аппарат связи и пистолет.

Один из полицейских заставил меня повернуться, и его напарник сказал:

— Он чист. Теперь дама.

Я начал было натягивать шорты, но меня остановил первый полицейский:

— Эй! Ты что, неприятностей захотел? Не вздумай их надевать.

— Вы же меня уже обыскали, — попытался возразить я. — Я не хочу, чтобы меня задержали за появление в общественном месте в непристойном виде.

Полицейский удивился, потом заржал и повернулся к своему напарнику:

— Ты слышал, Скай? Он боится, что его арестуют за непристойный вид!

Второй терпеливо пояснил:

— Слушай, придурок, ты должен делать, что говорят, понял? Сам знаешь правила. По мне, так хоть шубу надевай, но тогда тебя точно заберут — только не за непристойный вид, а сразу в морг. Дружинники не то что мы — сразу стреляют на поражение. — Он повернулся к Мэри. — Теперь, леди, ваша очередь, пожалуйста.

Мэри без разговоров стала стягивать шорты. Второй коп любезно заметил:

— Этого не нужно, леди. С этим фасоном все ясно. Просто медленно повернитесь.

— Благодарю вас, — ответила Мэри и послушно повернулась.

Полицейский подметил верно: и шорты, и лифчик на ней выглядели так, будто их напылили из баллончика, и очевидно в них не пряталось ничего, кроме самой Мэри.

— Что насчет бинтов? — спросил первый. — В ее одежде точно ничего не спрячешь.

«Братишка, — подумал я, — как же ты заблуждаешься! Готов держать пари, что в эту минуту она прячет как минимум две пушки, не считая той, что в сумочке. И готов держать пари, что одна из них может выпалить куда быстрее ваших!» Но вместо этого я сказал:

— У нее сильные ожоги. Вы что, сами не видите?

Он с сомнением посмотрел на неаккуратно намотанную повязку, которую я наложил. Я действовал по принципу «чем больше, тем лучше», и толстая повязка на плечах, где она обгорела сильнее всего, несомненно, могла скрывать слизняк.

— Хм... — протянул он. — Откуда мне знать, что там на самом деле ожоги?

— А что же еще?! — Я почувствовал, что вот-вот взорвусь. Я был свежееиспеченный идеальный супруг, остро реагирующий на все, что касается его жены. Я понимал это, и мне это очень нравилось. — Черт побери, а волосы? Она что, по-вашему, сожгла себе такие волосы, только чтобы вас одурачить?

— Эти все могут, — мрачно произнес первый полицейский.

— Карл прав, — сказал второй, более терпеливый. — Извините, леди, но нам придется потревожить ваши бинты.

— Вы не имеете права! — вспыхнул я. — Мы как раз едем к врачу. Вы ...

— Помогите мне, Сэм, — перебила меня Мэри. — Я их сама не размотаю.

Я заткнулся и дрожащими от ярости руками принялся отгибать повязку с одной стороны. Через некоторое время тот, что был постарше и помягче, присвистнул и сказал:

— Хорошо, я удовлетворен. Карл?

— Я тоже, Скай. Кошмар какой-то. Девочка, похоже, кто-то пытался поджарить тебя на барбекю. Как это случилось?

— Расскажи им, Сэм.

Так я и сделал. Когда я закончил рассказ, старший заметил:

— Скажу, что вы еще легко отделались, — без обид, мэм. Значит, теперь еще и кошки, да? Про собак я уже слышал. И про лошадей. Но кто бы мог подумать, что обычная кошка тоже может таскать паразита, а? — На лице у него словно сгустилась тень. — У нас дома есть кошка, и теперь придется от нее избавиться. Детишки, понятное дело, расстроятся.

— Сочувствую вам, — сказала Мэри, и, судя по голосу, она действительно ему сочувствовала.

— Всем сейчас тяжело. Ладно, ребята, вы свободны.

— Подождите-ка! — сказал первый. — Скай, если она пойдет по улице с такой повязкой на спине, кто-нибудь наверняка пришкворит ее из лучемета.

Второй полицейский почесал подбородок.

— Тоже верно, — сказал он Мэри. — Видимо, придется вызвать вам патрульную машину.

Что они и сделали — одна из машин как раз садилась неподалеку. Я расплатился за аренду нашей развалюхи и доехал с Мэри до ее входа в Отдел — через служебный лифт в одном из небольших отелей. Чтобы избежать лишних вопросов, мы вошли в лифт вместе. Она спустилась до нижнего уровня, который даже не значился на очевидных для взгляда кнопках, а я поднялся, уже один, обратно. Можно было пройти в Отдел с ней, но Старик приказал мне возвращаться через «К-5», так что мне нужен был «К-5».

А еще мне очень хотелось снова надеть шорты. В патрульной машине и во время марш-броска от машины до служебного входа в отель, в сопровождении полицейских, которые решили довести нас до места, чтобы никто случайно не подстрелил Мэри, я еще чувствовал себя нормально, но для того, чтобы выйти на люди без штанов, когда ты один, выдержки требуется несравненно больше.

Впрочем, я зря беспокоился. Идти мне было недалеко, но и за эти несколько минут я увидел достаточно, чтобы понять: древняя привычка человечества прятать тело под одеждой канула в Лету. Большинство мужчин носили такие же гульфики с завязками, как и полицейские, но я оказался не единственным человеком в Нью-Бруклине, расхаживающим в одних ботинках. Один мне запомнился особенно

хорошо: он стоял, прислонившись к столбу, и буквально сверлил холодным взглядом каждого, кто проходил мимо. Кроме сандалий и нарукавной повязки с буквами «ДФ», на нем ничего не было, но в руках он держал пистолет-пулемет Оуэна. По дороге мне встретились еще трое таких, и я подумал, что очень вовремя решил нести шорты в руке.

Некоторые женщины разделись полностью, некоторые носили белье, но они с тем же успехом могли оставаться голышом — только тоненькие лифчики и полупрозрачные пластиковые трусики, ничего, что могло бы скрывать слизняка.

Правда, большинству женщин, на мой взгляд, лучше бы было оставаться в одежде, желательно в тогах. Если проповедники прошлых лет боялись именно этого, то они ломились не в ту дверь: никакой похоти зрелище не возбуждало — так, во всяком случае, мне показалось сначала. Но даже это впечатление скоро исчезло. На некрасивые тела я обращал не больше внимания, чем на побитые такси. Глаз их просто не замечал. И точно так же, похоже, вели себя все остальные — с полным безразличием. Видимо, режим «Голая спина» хорошо их к этому подготовил.

Еще кое-что я осознал только задним числом: уже через квартал я начисто забыл о собственной наготе, хотя еще долго замечал других голых людей. Американское общество веками держалось за свое нелепое табу на обнаженное тело, но, когда припекло, это табу обернулось такой же пустышкой, как призрак в окне, который оказывается трепещущей на ветру занавеской. Кожа — она кожа и есть, что в ней такого? Сама по себе она ничего не значит, в ней нет ни морального, ни аморального.

Когда я вернулся в Отдел, меня сразу пропустили к Старому. Он поднял голову и буркнул:

— Ты опоздал.

— Где Мэри? — спросил я вместо ответа.

— В лазарете. Залечивает ожоги и диктует рапорт. Ну-ка покажи, что у тебя с руками.

Но я даже пальцем не пошевелил, чтобы снять перчатки.

— Нет, спасибо, — ответил я, — я их лучше доктору покажу. Что вообще происходит?

— Если бы ты хоть изредка слушал новости, ты бы знал, что происходит, — проворчал он.

На самом деле я даже обрадовался, что не смотрел выпуски новостей, иначе бы наш медовый месяц закончился, не успев начаться. Пока мы с Мэри рассказывали друг другу, какой у каждого из нас замечательный избранник, человечество едва не проиграло войну — причем насчет «едва не» я отчасти сомневался. Мои подозрения насчет того, что паразит может управлять носителем, прячась на теле жертвы в любом месте, полностью подтвердились. Я догадался об этом, исходя из своих наблюдений на улицах. Оказалось, что это подтвердили экспериментами в Национальном зоопарке еще до нашего с Мэри отлета в горы, однако отчет прошел мимо меня. Но Старик знал. Президент, разумеется, тоже, и все высшее руководство.

И тогда на смену режима «Голая спина» пришел режим «Загар», и все дружно скинули штаны...

Черта с два! Когда начались Скрантонские беспорядки¹, новая информация все еще была под грифом «совершенно секретно», а вокруг нее шли бурные дебаты в Кабинете. Не спрашивайте меня, зачем было вешать на нее гриф «сов. секретно» или даже «д. с. п.». Наше правительство привыкло секретить все, что ни попадя, ведь мы, по мнению мудрых государственных мужей и чиновников, еще недостаточно взрослые мальчики и девочки. «Маме лучше знать, дорогой» — вот их политика. Я читал, что когда-то налогоплательщик мог потребовать от чиновников сообщить ему любые факты — и его требование выполняли. Не знаю, не знаю, это какая-то утопия.

Скрантонские беспорядки должны были убедить любого, что по зеленой зоне шляются толпы слизняков, но даже после этих событий режим «Загар» ввели не сразу. Насколько я понимаю, ложные сигналы воздушной тревоги передали на Восточном побережье на третий день нашего медового месяца. За день до этого мы спускались в деревню и не заметили там никакого особого ажиотажа и никакой повышенной активности линчевателей. Властям

¹ Скрантон — шестой по величине город в штате Пенсильвания

потребовалось довольно много времени после объявления тревоги, чтобы разобраться, что произошло, хотя с самого начала было ясно, что освещение не может «случайно» отключиться одновременно в таком количестве бомбоубежищ.

Даже сейчас я с ужасом думаю о том, как все эти люди сидели в крошечной тьме, дожидаясь сигнала отбоя, а тем временем зомби, перебираясь от одного к другому, подсаживали на них слизняков. По-видимому, в некоторых бомбоубежищах они добились стопроцентных результатов. У людей просто не было шансов спастись.

На следующий день вспыхнули беспорядки в других городах, в стране начался террор, хотя мы об этом и не знали. Строго говоря, начало движению бдительных граждан положил один отчаявшийся гражданин, который попытался, угрожая оружием, проверить полицейского. Это был житель города Олбани Морис Т. Кауфман; полицейского звали Малькольм Макдональд. Спустя полсекунды Кауфман погиб от руки полицейского, но Макдональд тут же последовал за ним — толпа разорвала его на куски вместе с паразитом. Однако по-настоящему добровольческое движение оформилось, когда за организацию дежурств взялись на местах инспектора по гражданской обороне.

Поскольку во время воздушной тревоги инспектора в основном оставались наверху, они не попались в ловушку в бомбоубежищах и теперь чувствовали свою ответственность за случившееся. Не все добровольцы были инспекторами, и не все инспектора стали добровольцами; голых вооруженных людей с повязками «Инспектор ГО» либо с аббревиатурой «ДФ» было на улицах примерно поровну. И те и другие, случалось, стреляли по любому, у кого замечали что-то подозрительное под одеждой, — сначала стреляли, а разбирались после.

Пока мне обрабатывали и бинтовали руки, я входил в курс дел за прошедшие две недели, которые мы с Мэри провели в хижине. По распоряжению Старика доктор, прежде чем занялся моими ожогами, ввел мне небольшую дозу «темпуса», и я просидел объективно меньше часа, субъективно — около трех суток, просматривая стерео-

пленки на сверхскоростном проекторе. Эта аппаратура до сих пор не продается населению, хотя я слышал, что кое-где в колледжах студенты во время сессии используют нелегально приобретенные образцы. При работе с ней надо подгонять скорость перемотки к вашему субъективному темпу времени и соответственно снижать звуковые частоты, чтобы слышать нормальные звуки. Это очень вредно для глаз и обычно вызывает раскалывающую череп головную боль, но в моей работе это вещь очень полезная.

Поначалу с трудом верилось, что так много событий произошло за такой короткий срок. Взять, например, собак. Люди из добровольческих формирований стреляли в них, едва завидев, даже если на них не было паразитов. Нет сейчас, значит после захода солнца будет, а тогда она нападёт на человека, и титанец просто поменяет в темноте носителя.

Ну что это за мир, где нет веры собакам?!

Видимо, кошек пришельцы почти не использовали из-за их небольших размеров. Бедняга Пират оказался редким исключением.

В зеленой зоне собак теперь почти не видели, во всяком случае днем. Они просачивались к нам из красной зоны по ночам, пробирались в темноте, а днем прятались. Время от времени они продолжали появляться даже на побережье. Это заставляло вспоминать легенды об оборотнях. Я сделал себе мысленную заметку извиниться перед деревенским доктором, который отказался приехать осмотреть Мэри ночью, — за то, что наорал на него.

Еще я просмотрел десятки кассет с передачами из красной зоны. Их можно было разделить на три группы: период маскарада, когда близняшки продолжали «нормальное» вещание; короткий период контрпропаганды, во время которого слизни пытались убедить население зеленой зоны, что правительство сошло с ума (они не сработали, так как мы их не транслировали, точно так же как они не передали обращение президента), и, наконец, последние дни, когда они вообще перестали притворяться.

По версии доктора Макилвейна, собственная культура у титанцев отсутствует, они паразитируют и в этом смысле тоже, просто перестраивая под себя ту культуру, кото-

рую встречают. Возможно, Макилвейн слишком спешил с выводами, но именно так они поступили в красной зоне. Слизняки были вынуждены поддерживать, хотя бы на минимальном уровне, хозяйственную деятельность своих жертв, иначе им пришлось бы голодать вместе со своими носителями. И паразиты действительно сохраняли в захваченных районах прежние экономические отношения — правда, с некоторыми вариациями, которые для нас совершенно неприемлемы. Например, они перерабатывали поврежденных носителей или просто лишних людей на удобрения. Однако в целом фермеры оставались фермерами, механики — механиками, а банкиры — банкирами. Последнее кажется глупым, но специалисты утверждают, что экономика, основанная на разделении труда, обязательно требует бухгалтерского учета «денежной» системы.

Я знаю, что деньгами пользуются даже за железным занавесом, так что это все похоже на правду. Но я никогда не слышал о «банкирах» или «деньгах» у муравьев или термитов. Впрочем, я много о чем не слышал.

Менее очевидны причины, по которым они сохранили человеческие развлечения. Носит ли потребность в развлечениях универсальный характер? Или они узнали о ней от нас? «Эксперты», отстаивающие ту и другую точку зрения, одинаково убедительны, и я не знаю, кому из них верить. В целом их выбор человеческих забав, которые они сохранили и «улучшили», характеризует нас самих не с лучшей стороны, хотя кое-что тут заслуживает внимания — например, корриды в Мексике, где быкам предоставлялись равные шансы с матадорами.

Но все остальное по большей части было омерзительно до тошноты, и я не буду вдаваться в подробности. Мне, одному из немногих, довелось видеть записи без купюр. Ну и конечно, их видели отчаянные парни, как-то выживавшие в янтарной зоне, но я, в отличие от них, смотрел на эти записи профессиональным взглядом. Правительство фиксировало все стереотрансляции из красной зоны, но распространение записей было запрещено на основании старого Закона о непристойности — еще один пример методики «Мамочка знает, как лучше». Хотя в данном случае, возможно, мамочка действительно была права. Наде-

юсь, Мэри на своем инструктаже ничего этого не видела. Впрочем, она, если и видела, все равно не скажет.

А с другой стороны, может, мамочка все же была не права? Если что-то могло усилить в людях ненависть к слизнякам, то, пожалуй, именно «развлекательные» стереограммы из красной зоны. Я вспоминаю матч по боксу, который транслировали из Мемориала Уилла Роджерса в Форт-Уорте, — или то были соревнования по борьбе? — не важно, как это называлось. В любом случае там был ринг, рефери на ринге и два соперника, один против другого. Правила даже предусматривали фолы, то есть участников штрафовали за действия, которые могли повредить менеджеру противника — я имею в виду хозяина, слизняка, сидящего на противнике.

А все прочее было разрешено — то есть абсолютно все! В этом матче мужчина был против женщины, оба здоровенные и крепкие. В первом же клинче она выдавила ему глаз, а он сломал ей левое запястье, что поставило их в равные условия для продолжения матча. Бой прекратили только тогда, когда один из них настолько ослабел от потери крови, что его кукловод уже не мог заставить своего раба плясать. Проиграла женщина, — думаю, там она и умерла, поскольку ее левая грудь была практически оторвана и она потеряла столько крови, что спасти ее могла только немедленная операция и переливание крови. Но об этом, естественно, никто не побеспокоился. В конце матча слизняки пересели на новых носителей, а бесчувственных соперников куда-то уволокли.

Но мужчина-раб оставался активным немного дольше, чем женщина, и, хотя он был истерзан и изранен, он завершил матч заключительным актом триумфа над побежденной, что, как я вскоре узнал, было обычной нормой. Похоже, это послужило сигналом, и матч мгновенно превратился в передачу «делай как мы» с участием зрителей. Это была жуткая оргия, на фоне которой ведьминский шабаш — всего лишь кружок кройки и шитья.

О, слизняки наконец-то открыли для себя секс!

Было там и еще кое-что. До сих пор не уверен, стоит ли упоминать об этих позорных, отвратительных фактах, но чувствую, что должен: среди прислужников титанцев

встречались и люди (если их можно так назвать) без паразитов. Перебежчики. Предатели.

Я всей душой ненавижу титанцев, но, будь у меня выбор, первым делом свернул бы шею одному из этих. Наши предки считали, что некоторые готовы добровольно пойти на сделку с дьяволом. И отчасти они были правы: такие среди нас нашлись.

Многие не верили в возможность такого предательства; они просто не видели запрещенных записей. Ошибиться было невозможно: как всем известно, едва слизняки отбросили маскарад, в красной зоне от одежды отказались даже более радикально, чем требовал действующий в зеленой зоне режим «Загар». На кошмарном матче в Форт-Уорте, о котором я вкратце рассказал выше, рефери оказался таким предателем. Он часто попадал в кадр, так что я смог убедиться наверняка. Я знал его в лицо, он был известный спортсмен-любитель, арбитр-джентльмен. Я не упоминаю здесь его имени не потому, что хочу его защитить, скорее хочу защитить себя: позднее я нашел его и убил.

Еще до того, как мне закончили обрабатывать руки, я понял: мы проигрываем на всех фронтах. Наши методы годились лишь для того, чтобы сдерживать распространение паразитов, и при этом далеко не всегда гарантировали успех. Вступить в открытую борьбу означало бы бомбить собственные города, причем без всякой уверенности, что такими методами можно избавиться от слизней. Нам нужно было оружие, которое убивало бы титанцев, но не причиняло вреда людям, что-то такое, отчего люди, скажем, теряли бы сознание или временно лишались способности сопротивляться. Тогда мы могли бы вторгнуться в захваченные районы и спасти своих сограждан. Но такого избирательного оружия не существовало, хотя над ним бились все ученые, начиная с комедийного дуэта Макилвейн—Варгас и заканчивая последним лаборантом, моющим пробирки в Бюро стандартов. Тут идеально подошел бы какой-нибудь «сонный газ», но нам, видимо, повезло, что такой газ не был известен до начала нападения, иначе паразиты наверняка использовали бы его против нас. Нельзя забывать, что в распоряжении титанцев была такая же, если не

большая, доля военной мощи Соединенных Штатов, как и у свободных людей.

В шахматах это называется пат, но время работало на них. В зеленой зоне хватало идиотов, которые предлагали обрушить на города в долине Миссисипи массированный ядерный удар и попросту стереть их с лица земли, но это все равно что вылечить рак губы, отрезав больному голову. В противовес им выступали такие же идиоты, которые не видели паразитов, не верили в них и считали происходящее целенаправленным ущемлением местного законодательства, а режим «Загар» — тираническими происками Вашингтона. Этих, из второй категории, с каждым днем становилось все меньше, но не потому, что они меняли свои убеждения, — просто очень уж старались люди из добровольческих формирований.

Был и третий тип — этакie открытые, без предрассудков, деятели, которые считали, что с титанцами можно вести переговоры и устанавливать деловые отношения. Одна такая делегация, направленная секретным совещанием представителей оппозиционной партии в конгрессе, даже попыталась провести идею в жизнь. В обход Государственного департамента они связались с губернатором Миссури по телемосту, и им пообещали дипломатическую неприкосновенность. Титанцы пообещали, они поверили. Делегация вылетела в Сент-Луис, и больше их никто не видел. Правда, они неоднократно посылали нам сообщения. Я как-то проглядел одно такое — воодушевляющая речь, общий смысл которой можно было бы выразить фразой: «Давайте все к нам! Вода отличная!»

Но разве скот когда подписывал соглашения с мясозаготовителями?

Северная Америка по-прежнему оставалась единственным известным очагом инфекции. Организация Объединенных Наций ничего не предпринимала, только передала в наше распоряжение космические станции и временно переехала в Женеву. И поскольку ни одна из стран-участников не была вовлечена в агрессию против другой страны, а слизняки — если они на самом деле существовали — чисто технически являлись эпидемическим заболеванием, а не потенциальным источником военных действий, вся

эта история не представляла интереса для Совета Безопасности ООН. Голосованием при двадцати трех воздержавшихся было решено считать наше бедствие «гражданскими беспорядками», после чего секретариат обратился ко всем странам — членам организации с просьбой оказывать любую посильную помощь законным правительствам Соединенных Штатов, Мексики и Канады.

Вопрос, какую помощь они сочтут «посильной», был чисто академическим — мы сами не знали, чего просить.

Бесшумная тайная война продолжалась, и сражения часто проигрывались раньше, чем мы узнавали об их начале. После провала операции «Ответный удар» обычное оружие применялось только для полицейских операций по наведению порядка в янтарной зоне — теперь она превратилась в две нейтральные полосы, которые тянулись через всю страну, от непроходимых канадских лесов до мексиканских пустынь. Днем там не появлялось ничего живого, кроме наших патрулей и зверья не крупнее птиц и мышей. Ночью наши разведчики покидали территорию и через нее шли собаки — а с ними, возможно, и другие существа.

За всю войну, до нашего с Мэри возвращения, атомные бомбы использовали только один раз — чтобы уничтожить летающую тарелку, которая приземлилась неподалеку от Сан-Франциско, к югу от Берлингейма. Уничтожили ее в полном соответствии с действующей военной доктриной, но доктрину после этого случая подвергли критике: тарелку, мол, нужно было захватить для исследований, потому что нам следует лучше изучить нашего противника, чтобы успешнее ему противостоять. Сам я, правда, больше симпатизировал тем, кто сначала стрелял, а разбирался после.

К тому времени, когда действие «темпуса» начало ослабевать, я уже достаточно хорошо представлял себе ситуацию в Соединенных Штатах — она была хуже некуда. Даже в захваченном слизнями Канзас-Сити я не мог себе представить, что в стране развернется террор. Друзья стреляли в друзей, жены разоблачали мужей и так далее. Малейший слух о появлении титанца вмиг собирал на улице толпу, и суд Линча стал обычным явлением. На стук в дверь ночной порой вместо вопроса «кто там?» следовал выстрел. Ночью честные люди сидели по домам, а по улицам бродили только собаки — и другие существа.

Оттого что в большинстве случаев слухи о слизнях не подтверждались, ситуация не становилась менее опасной. И вовсе не эксгибиционизм заставлял так много людей ходить нагишом, хотя режим «Загар» допускал узенькие обтягивающие трусы и бюстгалтеры. Даже самый минимум одежды вызывал подозрительные взгляды, а подозрения, случалось, приводили к слишком поспешным действиям. Панцири для позвоночника и плеч больше никто не носил: слизняки быстро научились делать такие же, но использовали в своих целях. Особенно запомнился мне случай с девушкой в Сиэтле. На ней были только босоножки, а в руке — средних размеров женская сумочка, но один из добровольцев-патрульных — видимо, у него уже нюх на паразитов развился — заметил, что она не выпускает сумочки из правой руки, даже когда достает мелочь.

Девушка осталась жива: он отстрелил ей руку у запястья. Возможно, ей уже пересадили новую, поскольку этих «запасных частей» хватало теперь с избытком. Когда патрульный открыл сумочку, паразит тоже был еще жив, но прожил он всего несколько секунд.

Прочитав эту историю, я содрогнулся, вспомнив, как беспечно нес свои шорты по улице, думая, что нахожусь в безопасности, — любая вещь размером со слизня была теперь законным поводом для подозрений.

Почти сразу после этого действие «темпуса» прекратилось, и я вновь обрел контакт с окружающим миром, о чем и сообщил медсестре.

— Не волнуйтесь, — ответила она. — Вам это вредно. А теперь, пожалуйста, согните пальцы на правой руке.

Пока я сгибал и разгибал пальцы, они с врачом за считанные минуты напылили мне суррогатную кожу. Я заметил, что медсестра предпочитала не рисковать: лифчика она вообще не надевала, а ее так называемые шорты были на самом деле слегка увеличенными стрингами. Доктор был одет примерно так же.

— Для грубой работы пользуйтесь перчатками, — предостерег он. — Зайдете ко мне через неделю.

Я поблагодарил их и отправился в штаб. Первым делом мне хотелось отыскать Мэри, но оказалось, что она занята в «Косметике».

— Как руки? — спросил Старик, когда я вошел.

— Ничего. Фальшкожа на неделю. Завтра мне пересадят новое ухо.

Он нахмурился:

— Совсем забыл про твое ухо. У нас нет времени ждать, чтобы оно прижилось. Пусть в «Косметике» сделают искусственное.

— Я и без уха пока могу, — сказал я. — Зачем мне искусственное? Или ты задумал для меня новый образ?

— Не совсем... Однако теперь ты уже знаешь, что происходит в стране, и я хочу знать твое мнение.

Я попытался угадать, чего он от меня добивается.

— Плохи наши дела. Все следят друг за другом. Все равно что за железным занавесом. Даже хуже: коммунистов можно подкупить, а что ты предложишь слизняку?

— Хм... — отозвался он. — Интересная мысль. Что можно предложить титанцам в качестве взятки?

— Слушай, это был риторический вопрос. Я...

— Но я-то задал его совсем не риторически. Я отдам его теоретикам на проработку.

— Что, готов уже хвататься за любую соломинку?

— В точку. А теперь о другой части твоего комментария. Куда, по-твоему, легче проникнуть — в Советский Союз или в красную зону? Что бы ты предпочел?

— В смысле? — Я бросил на него подозрительный взгляд. — С каких это пор ты позволяешь агентам выбирать задания?

— Я просто хочу услышать твое профессиональное мнение.

— Мм... У меня мало данных для сравнения. А что, слизняки уже за железным занавесом?

— Вот это-то мне и хотелось бы узнать.

Я вдруг понял, что Мэри была права: агентам не следует жениться. Когда все это закончится, я, пожалуй, наймусь к какому-нибудь богатею, страдающему бессонницей, буду считать ему на ночь овец или займусь еще какой-то непыльной работенкой.

— В это время года я бы, наверно, отправился через Гуанчжоу. Или ты планируешь выброску с парашютом?

— А с чего ты решил, что я хочу отправить тебя в СССР? — спросил он. — Гораздо быстрее и проще узнать все, что нам нужно, в красной зоне.

— Ой ли?

— Наверняка. Если они высаживались где-нибудь еще, кроме этого континента, титанцы в красной зоне знают, где именно. Зачем же тогда лететь за полмира?

Пришлось отложить оформившийся было план, где я фигурировал в качестве индийского торговца, путешествующего с женой, и я задумался о словах Старика. Может быть... Может быть...

— Но как теперь проникнуть в красную зону? — спросил я. — С пластиковым муляжом слизняка на плечах? Меня поймут на первой же прямой конференции. Или еще раньше.

— Не сдавайся так сразу. Туда отправились уже четыре агента.

— Они вернулись?

— Ну, в общем, нет, пока нет. В этом-то и загвоздка.

— И ты хочешь, чтобы я стал пятым? Решил, что я слишком долго числюсь в платежных ведомостях?

— Я думаю, те четверо применяли неверную тактику.

— Да уж наверно!

— Тут главное — убедить их, что ты перебежчик. Как тебе идея?

Идея действительно была сногшибательная. Я даже не сообразил сразу, что ответить. Но потом я ему выдал:

— Может, начать с чего попроще? Может, какое-то время потренироваться в роли панамского сутенера? Или в качестве маньяка с топором? Входить в роль нужно постепенно.

— Ладно, полегче, — сказал он. — Возможно, это непрактично...

— Да ну тебя!

— ...но ты, я думаю, справился бы. Никто из моих агентов не знает паразитов лучше тебя. И видимо, ты неплохо отдохнул, если не считать, что чуть-чуть прижег пальцы. Хотя, может быть, нам лучше забросить тебя куда-нибудь

недалеко от Москвы, чтобы ты осмотрелся там и сообщил свои выводы. В общем, подумай. Два дня у тебя еще есть, так что можешь не дергаться.

— Ну спасибо. Огромное тебе спасибо. — Я решил переменить тему. — Что ты запланировал для Мэри?

— Не понимаю, каким боком это тебя касается?

— Она — моя жена.

— Знаю.

— Черт побери! И это все, что ты можешь мне сказать? Ты не хочешь пожелать мне счастья? Или хотя бы удачи?

— Мне иногда кажется, — произнес он медленно, — что удачи у тебя и так хоть отбавляй. Однако прими мое благословение, если оно чего-то стоит.

— Хм... Спасибо. — До меня иногда не сразу доходит, но я оправдываю себя тем, что приходится думать обо всем одновременно. До этой минуты мне не приходило в голову, что столь удобным совпадением отпусков мы с Мэри обязаны Старiku. И я сказал: — Знаешь, папа...

— Что такое?

Уже второй раз за месяц я назвал его папой, и это его, видимо, насторожило.

— Ты ведь с самого начала рассчитывал, что мы с Мэри поженимся, да? У тебя так и было запланировано?

— А? Бог с тобой! Я верю в свободу воли, сынок, и в свободу выбора.

— При условии, что этот свободный выбор устраивает тебя самого.

— Слушай, мы это уже однажды обсуждали...

— Я помню. Ладно, я на тебя не в обиде. Просто чувствую себя призовым жеребцом, которого на поводу ведут в загон. Зачем ты это устроил? Ведь не ради каких-нибудь сантиментов насчет «юной любви» и тому подобной ерунды — я-то тебя хорошо знаю.

— Да ничего я не делал, говорю же тебе! А что до моего благословения — ну так, говорят, род должен продолжаться. А иначе все, чем мы занимаемся, совершенно бессмысленно, даже эта война.

— Вот здорово! В самый разгар войны ты отправил двух агентов в отпуск, только чтобы заделать себе внука? — Я быстро прикинул в уме числа и добавил: — Держу пари, ты все подсчитал на логарифмической линейке.

Он покраснел:

— Я не понимаю, о чем ты. Вам обоим полагались увольнительные, а все остальное — случайность.

— Да? Случайностей не бывает. Во всяком случае, когда ты поблизости. Однако ладно. Исходом событий я доволен. А насчет работы... Дай мне немного времени. Я обдумаю, что тут можно сделать. И зайду в «Косметику», поинтересуюсь насчет резинового уха.

В тот день мне не удалось ни с кем поговорить про свое новое ухо, поскольку по дороге в «Косметику» я повстречал Мэри, — она как раз шла оттуда. Я не собирался афишировать наши отношения внутри Отдела, но она застала меня врасплох, и я воскликнул:

— Милая! Тебя залатали!

В ответ она медленно повернулась, позволяя себя разглядеть.

— Хорошая работа, не так ли?

Поработали над ней и правда на славу. Невозможно было догадаться, что она недавно сожгла себе волосы. Кроме того, тамошние умельцы вполне убедительно замазали тональным кремом временную кожу у нее на плечах — но этого-то я как раз и ожидал. Не ожидал я того, что произойдет с волосами. Я осторожно потрогал их и внимательно осмотрел корни волос.

— Похоже, они все тут убрали и вырастили новые.

— Нет, просто подобрали похожие.

— И твой любимый тайник для пистолета вернулся на место.

— Ты про это? — Она поправила выбившуюся прядку левой рукой и улыбнулась.

А в следующую секунду у нее в руках было по пистолету. И снова я не заметил, откуда появился второй.

— Вот хорошая девочка! Когда-нибудь, если придется, сможешь зарабатывать на жизнь, показывая фокусы в ночном клубе. А если серьезно, то не дай бог добровольцы заметят, как ты проделываешь этот трюк. Они ребята нервные.

— Не заметят, — торжественно пообещала она.

Потом мы пошли в зал отдыха персонала и нашли тихое место, где можно было спокойно поговорить. Выпивку за-

казывать не стали, она нам была не нужна. Мы обсудили текущее положение и сверили информацию, которой нас загрузили. Я не сказал Мэри о задании, которое мне предложили, а она, если и получила какое-то, ни словом о нем не обмолвилась. Мы снова стали частью Отдела, и вбитые в нас привычки было нелегко сломать.

— Мэри, — неожиданно для себя спросил я, — ты беременна?

— Слишком рано, чтобы можно было сказать, дорогой, — ответила она, находя взглядом мои глаза. — А ты этого хочешь?

— Да.

— Тогда я буду очень сильно стараться.

26

В конце концов мы решили проникнуть за железный занавес, а не в красную зону. Аналитики сочли, что у липового перебежчика нет никаких шансов. Их рекомендации, конечно, не остановили бы Старика, но на этот раз он с ними согласился, да и я его поддержал. Все упиралось в вопросы: «Как человек становится перебежчиком? Почему титанцы ему верят?»

Ответ содержится в самом вопросе: слизняк знает мысли своего носителя. Словесные заверения для титанца ничего не значат, но если однажды он взлезет в мозг человека и поймет, что тот по природе своей ренегат и готов продать, тогда, если это совпадает с целями титанцев, они могут использовать его не как носителя, а как перебежчика. Но первым делом слизняк все-таки проверит, насколько у человека подлая душа.

Мы сделали такой вывод, исходя из чисто человеческой логики, но паразиты должны ей подчиняться, потому что они могут ровно столько, сколько могут их носители. Меня же, по словам наших психоаналитиков, нельзя выдать за перебежчика даже при помощи гипнотического внушения. Узнав об их решении, я совершенно искренне сказал «аминь». Это избавило меня от необходимости говорить

Старику, что добровольно я к слизнякам в плен не полезу, а Старика — от необходимости изобретать какую-нибудь дьявольскую логическую эквилибристику, которая вынудила бы меня подписаться на это «добровольцем».

Возможно, действия титанцев, «освобождающих» носителей, покажутся вам нелогичными — даже притом что они знали: эти носители по характеру рабы. Однако преимущества такой тактики понятны из аналогии: комиссары не дают своим рабам-согражданам сбежать и тем не менее посылают их тысячами на территорию свободных людей, чтобы сформировать пятую колонну. Бывает, что агенты выбирают свободу, но большинство, как показывает опыт, предпочитает рабство.

Из «верных» перебежчиков слизняки формировали свою пятую колонну. Слово «верные» здесь выглядит как-то нелепо, но в человеческих языках нет специального слова, чтобы охарактеризовать подобную низость. Мы не сомневались, что ренегаты проникают в зеленую зону, но поди отличи пятую колонну от идиотов с тараканами в башке. Идиотов всегда было намного больше, чем настоящих злодеев.

Долго готовиться к заброске мне не пришлось. Я освежил под легким гипнозом несколько языков, которые могли пригодиться, причем особый упор сделал на лозунгах, отражающих последние зигзаги партийной линии. Затем получил новую внешность и крупную сумму денег, а также прошел курсы ремонтника ирригационных насосов — профессии, которая позволит мне много перемещаться по стране. При необходимости я мог бы намекнуть, что на насосной станции произошла диверсия. Принуждение, запугивание, подкуп и шантаж отлично работают за железным занавесом: люди живут там в обстановке террора так долго, что у них нет от него никакой защиты, и ниточки, за которые их можно дергать, все на виду — только руку протяни.

Я не должен был проползать под железный занавес на границе, вместо этого меня собирались забросить вглубь территории. Если я не выйду на связь, Отдел пошлет других агентов. Думаю, их послали бы в любом случае — или

они уже были на месте. Меня об этом не информировали: то, чего агент не знает, он не сможет рассказать даже под наркотиками.

Для связи мне выдали последнюю модель передатчика, иметь такую — сплошное удовольствие. УКВ-диапазон, антенна не больше чайной чашки, а все остальное, вместе с блоком питания, не больше буханки хлеба. И все так хорошо экранировано, что счетчик Гейгера вблизи даже не пискнет. Работает в зоне прямой видимости — я мог направить его на любую космическую станцию, появившуюся над горизонтом. Причем направить достаточно точно, отчего мне потребовалось отпечатать в голове орбиты всех трех космических станций и навигационную сетку территорий, на которых я должен был работать. Эта сложность была на самом деле главным моим преимуществом: узконаправленный передатчик невозможно засечь, разве что при каком-то диком стечении обстоятельств.

Планировалось, что меня забросят сквозь их радарный щит, под прикрытием мощных помех, которые должны на время свести с ума приборы на станциях слежения и создать для меня антирадарное «окно». Они поймут, что нечто проникло сквозь щит, но не будут знать что, где и когда, потому что это будет не первая, не последняя и не единственная дырка в их щите.

После того как я выясню, захвачен СССР слизняками или нет, я должен буду передать свой рапорт на любую из космических станций в пределах видимости. Я имею в виду — в пределах видимости приборов. Сам-то я не могу ее разглядеть на небе невооруженным глазом и не очень верю тем, кто говорит, будто на это способен. Отправив донесение, я мог уходить, уезжать, уползать, прорываться или покупать себе проход через границу, как уж получится.

Однако все эти приготовления оказались ни к чему. В районе городка Пасс-Кристиан села летающая тарелка.

Тарелка под Пасс-Кристианом стала третьей, чья посадка была замечена. Первую, в районе Гриннелла, слизняки сумели спрятать, или она снова улетела; от второй, под Берлингеймом, осталось только радиоактивное воспоминание. Но ту, что села у Пасс-Кристиана, засекли в полете и практически сразу обнаружили на земле.

Засекли ее с космической станции «Альфа», но зарегистрировали как «довольно крупный метеорит», который предположительно упал в Мексиканский залив или на побережье. Поначалу этот факт никак не связали с тарелкой под Пасс-Кристианом, но позже мы наконец-то выяснили, что радары не замечали других посадок... потому что тарелки садились слишком быстро!

Примитивные радарные устройства шестидесятилетней давности неоднократно замечали в прошлом летающие тарелки, особенно когда они, двигаясь в атмосфере с небольшой скоростью, проводили разведку. Современные же радары оказались настолько «совершенны», что просто не могли засечь летающую тарелку. Все дело в специализации. Электронные инструменты развиваются, подобно живым организмам, в сторону все большей и большей избирательности. Все наши радары содержат фильтры, схемы подавления ложных сигналов и прочие ухищрения, для того чтобы каждый их тип видел только то, что должен видеть, и не заморачивался тем, что должен игнорировать. Аппаратура транспортного контроля регистрирует только то, что летает в атмосфере. Система обороны и радары систем управления огнем видят только то, что им и положено видеть. Точные радары видят в диапазоне от атмосферных скоростей до орбитальных; более грубые перекрывают диапазон точных радаров и замечают все, начиная от низкоскоростных бескрылых ракет и заканчивая космическими кораблями, чья скорость относительно Земли чуть выше: около десяти миль в секунду.

Есть и другие системы с избирательной чувствительностью: метеорологические радары, радары морских портов и прочие. Беда в том, что ни один из них не фиксирует объекты со скоростью больше десяти миль в секунду — кроме регистраторов метеоритной активности на космических станциях, которые не подчиняются военному ведомству и являются собственностью ООН, предоставленной в пользование Ассоциации содействия развитию науки.

Потому-то до поры до времени зафиксированный приборами «гигантский метеорит» никто не связал с летающей тарелкой.

Однако ее посадка у Пасс-Кристиана не осталась незамеченной. Подводный крейсер «Роберт Фултон» вышел

на обычное патрулирование красной зоны и шел в погруженном состоянии в десяти милях от Галфпорта, когда его станция слежения засекала торможение и посадку летающей тарелки. Космический корабль пришельцев появился на экране радара, когда сбросил космическую скорость (по данным орбитальной станции — около пятидесяти трех миль в секунду) до верхнего предела чувствительности радара.

Корабль возник из ниоткуда, снизил скорость до нуля и исчез. Но дежурный оператор засек координаты последнего сигнала — оказалось, это в нескольких милях от берега Миссисипи. Капитан крейсера очень удивился: след на экране радара не мог означать космический корабль, поскольку они просто не тормозят с пятидесятикратными перегрузками. Ему не пришло в голову, что слизнякам такие перегрузки, возможно, нипочем. Тем не менее он решил разобраться и направил крейсер в устье Миссисипи.

Первый его рапорт гласил: «К западу от Пасс-Кристиана на Миссисипи совершил посадку космический корабль». Второе было еще короче: «Высаживаю группу захвата».

Если бы я в то время не готовился в Отделе к заброске, меня наверняка не взяли бы с собой — все происходило слишком быстро. Зазвонил мой телефон. От неожиданности я ударился головой о корпус проекционной машины и выругался. Тут же послышался голос Старика:

— Ко мне! Быстро!

Отправились мы той же компанией, с которой началась вся эта история много недель — или лет? — назад: Старик, Мэри и я. Поднявшись в воздух, мы рванули на юг с предельной скоростью, не обращая внимания на предупреждения службы контроля и включив на передатчике полицейскую «мигалку». И только в дороге Старик объяснил нам, в чем дело.

— Но почему только наша семейка? — спросил я, когда он закончил вводную. — Туда надо направить целую десантную часть.

— Они уже там, — мрачно ответил Старик и вдруг улыбнулся тем самым прежним злым оскалом, которого я не видел с начала нынешних событий. — А что тебе не нра-

вится? — спросил он насмешливо. — Семейство Кавано снова в седле. Правда, Мэри?

Я фыркнул.

— Если ты опять хочешь поручить нам роль братика и сестрички, тебе лучше подыскать другого мальчика.

— Ладно, в силе остается только тот пункт, где ты защищаешь ее от собак и посторонних мужчин, — серьезно сказал Старик. — Ты понял? И от собак, и от мужчин. Не исключено, сынок, что сегодня решается все.

Я хотел спросить его, что он имел в виду, но Старик перебрался за пульт, задвинул переборку и склонился над коммуникатором. Я повернулся к Мэри. Она прижалась ко мне, вздохнула и прошептала:

— Привет, братишка.

Я обнял ее крепче:

— Если ты и дальше будешь называть меня «братишкой», кое-кого придется отшлепать.

27

Поначалу нас чуть не сбили свои же, затем придали для сопровождения два «Черных ангела», которые сбросили скорость до минимума и как-то ухитрились плестись рядом с нами. Они доставили машину к флагману, откуда руководил операцией маршал Рекстон. Флагман выравнял с нами свою скорость и принял нас на борт, подцепив якорной петлей. Маневр, надо заметить, не для слабонервных.

Рекстон хотел отшлепать нас и отправить домой, так как технически мы были гражданскими лицами, но Старика так просто не отшлепаешь. В конце концов нас выгрузили прямо в воздухе, и я посадил машину на шоссе, идущее по дамбе вдоль залива, — могу добавить, что я чуть не поседел, когда при заходе на посадку кто-то выпустил по нашей машине ракету типа «земля—воздух». Над нами и вокруг нас продолжался бой, но около самой тарелки было на удивление спокойно.

Инопланетный корабль высился над шоссе всего в сорока ярдах от нас. Выглядел он так же зловеще и убедительно.

тельно, как глупо и ненатурально смотрелась та подделка из досок и пластика в Айове, — огромный диск, чуть наклоненный в нашу сторону. При посадке тарелка краем угодила на дом, один из тех чопорных особняков с остроконечными крышами, что стоят тут вдоль всего побережья. Дом обрушился, но тарелку в наклонном положении поддерживали его развалины и шестифутовый ствол дерева, которое росло перед домом.

Из-за того что тарелка стояла наклонно, нам хорошо было видно ее верхнюю часть с металлической полусферой около десяти футов в диаметре. Она была расположена по центру диска и, несомненно, прикрывала вход в шлюзовую камеру. Полусфера висела футом в шести-восьми над корпусом корабля. Я не видел, на чем она держится, но полагал, что там должен быть центральный вал или поршень, как у тарельчатого клапана.

Почему они не закрылись и не взлетели, тоже было понятно: шлюз искорежила и заклинила своим корпусом «болотная черепаха», легкий плавающий танк из группы захвата, высаженный с «Роберта Фултона».

Хочу, чтобы вы запомнили эти имена: командир танка лейтенант Гилберт Калхаун из Ноксвилла, механик-водитель Флоренс Берзовски и стрелок Букер Т. У. Джонсон. Когда мы приземлились, все они были уже мертвы.

Едва наша машина опустилась на дорогу, ее окружил взвод десантников под командованием розовощекого паренька, которому явно не терпелось кого-нибудь пристрелить. Увидев Мэри, он немного поутих, но все равно не разрешил приблизиться к тарелке, пока не получил согласие своего непосредственного командира, который, в свою очередь, связался с капитаном «Фултона». Учитывая, что тому, скорее всего, пришлось обращаться к Рекстону и говорить с Вашингтоном, разрешение мы получили довольно быстро.

Ожидая ответа, я наблюдал за сражением в воздухе и, по правде говоря, был рад, что не принимаю в нем участия. Потери ожидалось большие, и многие уже полегли. За нашей машиной лежало тело мальчишки лет четырнадцати. Он был совершенно голый, но в руках он все еще сжимал реактивный гранатомет. На его плечах остались отметки

твари, но самого слизняка поблизости видно не было. Я сразу насторожился: возможно, паразит сполз и умер, но кто знает, может, он сумел перебраться на солдата, который заколол мальчишку штыком.

Пока я обследовал тело, Мэри с молодым морским офицером отошли по шоссе в сторону. Опасение, что паразит еще жив и может быть где-то рядом, заставило меня поспешить к ней.

— Вернись в машину, — сказал я.

Она бросила взгляд вдоль дороги: глаза ее возбужденно блестели.

— Я подумала, что, может быть, мне удастся пострелять.

— Здесь она в безопасности, — заверил меня молодой офицер. — Мы надежно удерживаем их довольно далеко отсюда.

Я сделал вид, что не слышу его.

— Послушай, ты, кровожадная хищница! Быстро в машину или я затолкаю тебя туда силой!

— Хорошо, Сэм. — Она послушно повернулась и пошла обратно.

Я оглянулся на морячка:

— На что уставился? — Я был сильно на взводе, и мне очень хотелось на ком-нибудь отыгаться. Это место пахло слизняками, и каждая лишняя минута здесь просто выводила меня из себя.

— Да ни на что особенно, — ответил он, смерив меня взглядом. — Там, откуда я родом, так с дамами не разговаривают.

— Вот и убирайся туда, откуда ты родом, черт побери! — прорычал я и пошел прочь.

Старика нигде не было видно, и мне это совсем не нравилось.

С запада появилась машина «скорой помощи». Она остановилась рядом, и водитель крикнул:

— Дорога до Паскагулы свободна?

Река Паскагула в тридцати милях к востоку от места посадки считалась янтарной зоной: одноименный городок на восточном берегу в устье реки был в зеленой зоне, но в шестидесяти — семидесяти милях к западу по этой же доро-

ге находился Новый Орлеан, город с самой высокой концентрацией паразитов южнее Сент-Луиса. Враги прибывали оттуда, а наша ближайшая база была в Мобиле.

— Не знаю, не слышал, — ответил я.

Он закусил зубами костяшку пальца.

— А, ладно. Один раз получилось — может, и второй раз повезет.

Турбины взвыли, и он унесся прочь. Я продолжал высматривать Старика.

Хотя на земле сражение переместилось прочь от тарелки, в воздухе бой продолжался прямо у нас над головой. Я смотрел на дымные росчерки в небе, пытаюсь понять, кто есть кто и как они сами это определяют. Над нами пронеслась большая транспортная машина, резко затормозила, спалив реактивные ускорители, и оттуда посыпались десантники. Издалека я не мог разглядеть, есть у них слизи или нет. По крайней мере, транспорт появился с востока, хотя это ничего не доказывало.

Потом я заметил Старика. Тот разговаривал с командиром десантников. Я подошел и вмешался в разговор:

— Босс, по-моему, пора давать ходу. Сюда еще минут десять назад должны были сбросить атомную бомбу.

— Не беспокойтесь, — сказал командир. — Концентрация паразитов здесь настолько мала, что не заслуживает даже игрушечной бомбы.

Я уже хотел спросить, откуда он знает, что слизнякам есть дело до его расчетов, но вмешался Старик:

— Он прав, сынок.

Затем взял меня за локоть, отвел к машине и добавил:

— Он прав, но совершенно по другой причине.

— В смысле?

— Мы же не бомбим города, которые они захватили. Вот и слизняки не станут бомбить этот район; корабль нужен им целым и невредимым. А теперь возвращайся к Мэри и помни: собаки и посторонние мужчины.

Я заткнулся, хотя он меня совсем не убедил. Каждую секунду я ждал, что от нас вот-вот останутся только шелчки в счетчике Гейгера. Слизняки всегда сражались с полным пренебрежением к личной опасности, возможно, потому, что не были отдельными личностями. С чего тогда они бу-

дут осторожничать с одним из своих кораблей? Может быть, им гораздо важнее, чтобы тарелка не попала в наши руки.

Мы едва успели дойти до машины и переброситься парой слов с Мэри, как снова, весь в мыле, примчался тот молокосос. Он отдышался и откозырял Старику:

— Командир распорядился оказывать вам всяческое содействие, сэр. Вы вправе делать все, что захотите.

Судя по тому, как изменилось его отношение к нам, можно было подумать, что вместо ответной радиогаммы они получили пылающие письма от самого Господа Бога.

— Благодарю вас, сэр, — ответил Старик снисходительно. — Мы хотели всего лишь осмотреть захваченный корабль.

— Да, сэр. Прошу за мной, сэр.

Но вместо этого он пошел рядом с нами и поначалу никак не мог решить, кого ему нужно сопровождать, Старика или Мэри. Мэри победила. Я шел сзади, обшаривая глазами местность и стараясь не думать об этом мальчишке. Места на побережье — если это не ухоженные сады — совсем дикие, практически джунгли. Летающая тарелка плюхнулась как раз в такую чашу, а Старик вел напрямик.

— Осторожнее, сэр. Смотрите под ноги, — предупредил юнец.

— Слизняки? — спросил я.

Он покачал головой:

— Кобры.

Сейчас ядовитые змеи волновали меня не больше, чем обычные пчелы, но я прислушался к его предупреждению и смотрел на землю, когда случилась новая неожиданность.

Я услышал крик, вскинул голову, и — помоги нам Бог — прямо на нас несся бенгальский тигр.

Мэри, видимо, выстрелила первой. Я — одновременно с молодым офицером, может быть даже чуть раньше. Я почти уверен, что раньше. Старик выстрелил последним.

Четыре луча расплосовали зверя на столько кусков, что на ковер там уже ничего не осталось. Но, как ни странно, паразит на загривке тигра не пострадал, и я спалил его вторым выстрелом.

Молодой офицер посмотрел на тигра без малейшего удивления.

— Надо же! — сказал он. — Я думал, мы с ними со всеми разделились.

— Что ты имеешь в виду?

— Один из первых транспортов, что они сюда направили. Настоящий Ноев ковчег. В кого мы только не стреляли — от горилл до белых медведей. На тебя никогда не бросался индийский буйвол?

— Нет, и что-то не хочется.

— На самом деле собаки похуже будут. На мой взгляд, эти твари все-таки плохо соображают. — Он равнодушно кивнул на слизняка, вид которого вновь вызвал у меня тошноту.

Мы быстро миновали заросли и добрались до корабля титанцев — отчего мне совсем не стало спокойнее, хотя ничего пугающего в самом корабле не было. В его внешнем облике, я имею в виду.

Другое дело, что корабль выглядел не так. Явно искусственный объект, но и без всяких подсказок было ясно, что сделан он не людьми. Почему? Не знаю, как точнее передать. Поверхность — сплошное темное зеркало, и на нем ни царапины, вообще ни единой отметины. Как его собирали — непонятно. Сплошная гладкая поверхность, и все.

Я даже не мог сказать, из чего он сделан. Металл? По идее, да, должен быть металл. Но что это на самом деле? Далее, поверхность космического корабля только-только с орбиты может быть или безумно холодной, или обжигающе-горячей от прохождения через атмосферу. Я дотронулся до нее рукой и ничего не почувствовал, ни холода, ни жара — вообще ничего. И не надо мне говорить, что совершенно случайно его температура оказалась ровно тридцать шесть и шесть. А потом я сообразил еще одно: корабль таких размеров, садящийся на высокой скорости, должен был спалить под собой по крайней мере акра два; здесь же ничего не выгорело, под кораблем остался пышный зеленый кустарник.

Мы поднялись к «грибу» в центре тарелки — к шлюзу, если я правильно понял его назначение. Одним краем «гриб» зажал «болотную черепаху». Танковую броню смяло, будто картонную коробку. А ведь эти «черепахи» могут

погружаться на глубину до пятисот футов, так что, сами понимаете, они очень прочные.

Шляпка «гриба» смяла ее, но шлюз все-таки не закрылся. Хотя на металле — или что это там за материал, из которого паразиты делают свои корабли, — все равно не осталось ни следа.

Старик повернулся ко мне:

— Вы с Мэри подождите здесь.

— Ты что, один туда собрался?

— Да. Возможно, у нас мало времени.

Тут подал голос офицер:

— Я должен вас сопровождать, сэр. Приказ командира.

— Хорошо, — согласился Старик. — Пошли.

Он встал на колени, заглянул внутрь, затем опустился на руках в люк. Мальчишка последовал за ним. Я немного злился на Старика, но оспаривать его решение не стал.

Когда они скрылись в тарелке, Мэри повернулась ко мне:

— Сэм, мне это совсем не нравится. Я боюсь.

Я удивился. Я сам боялся до чертиков, но мне не приходило в голову, что ей тоже страшно.

— Не беспокойся. Я рядом.

— А нам обязательно оставаться здесь? Он ведь этого не говорил.

Я обдумал ее слова и решил:

— Если хочешь вернуться к машине, я тебя провожу.

— Я... Нет, Сэм, наверно, нам надо остаться. Но ты меня обними.

Я обнял ее и почувствовал, как она дрожит.

Спустя какое-то время — я не помню, сколько мы там простояли, — над краем люка появились головы Старика и мальчишки-офицера.

Офицер выбрался наружу. Старик приказал ему охранять шлюз, а нас потянул внутрь.

— Пошли. Там не опасно. Вроде бы.

— Черта с два! — сказал я, но Мэри уже двинулась к люку; Старик помог ей спуститься.

— Берегите голову, — предупредил он. — Здесь везде низкие потолки.

Звучит банально, но нечеловеческие расы все делают не по-человечески. Мало кто из людей побывал в лабиринтах Венеры, еще меньше видели марсианские руины, а я не принадлежу к числу даже тех немногих. Сам не знаю, что ожидал увидеть внутри. Не то чтобы там все поражало воображение, но выглядело довольно необычно. Создавался корабль инопланетным разумом, с совершенно иными представлениями о том, как и что нужно делать, — разумом, который даже не знал, возможно, о прямых углах и прямых линиях или же считал эти элементы ненужными или нежелательными. Мы оказались в очень маленькой, как бы приплюснутой сверху и снизу камере, а из нее поползли по трубе футов четырех диаметром. Труба, похоже, закручивалась спиралью, уходя вглубь корабля, и по всей поверхности светилась красноватым светом.

В корабле стоял странный, немного тревожный запах — словно болотный газ с гнилым душком от мертвых слизней. Это, да еще красноватое свечение плюс полное отсутствие ощущения тепла или холода под ладонями создавали неприятное чувство, будто я ползаю по кишкам какого-то инопланетного чудовища, а не исследую чужую технику.

Труба разветвилась, словно артерия, и там мы впервые увидели титанского гермафродита. Он — пускай будет «он» — лежал на спине, будто спящий ребенок со слизняком вместо подушки. На маленьких пухлых губках застыло некое подобие улыбки, и я не сразу догадался, что он мертв.

При первом взгляде сходство между нами и жителями Титана более заметно, чем различия. То, что мы ожидали увидеть, как бы заслоняет то, что мы видим на самом деле, — источенная ветром скала может показаться человеческой головой или танцующим медведем. Взять хотя бы симпатичный «ротик» пришельца — с чего я решил, что он им дышит?

В действительности, даже несмотря на поверхностное сходство — четыре конечности и похожий на голову нарост, — они напоминают нас не больше, чем, скажем, лягушка-бык молодого бычка. И все же общее впечатление было приятное и ничуть не пугающее. В них ощущалось что-то смутно человеческое. «Маленький эльф», — подумалось мне. Эльфы со спутника Сатурна. Если бы мы

встретились с ними до того, как ими завладели слизняки, которых мы называем титанцами, думаю, мы могли бы с ними поладить. Судя по их умению строить летающие тарелки, мы с ними были бы на равных — если, конечно, это они строили тарелки. (Уж точно строили не слизняки, ведь они не созидатели, они воры, космические кукушки.)

Но обо всем этом я думал позже. А тогда при виде человечка сразу выхватил пистолет. Старик, предвидя мою реакцию, обернулся и сказал:

— Успокойся. Он мертв. Они все погибли, задохнувшись в кислороде, когда танк сломал их воздушный шлюз.

— Я хочу сжечь слизняка, — возразил я, направляя пистолет. — Может, он еще живой.

Этот слизняк был голый, без роговой оболочки, какая встречалась теперь почти у всех, голый и отвратительный.

Старик пожал плечами:

— Твое дело. Но он тебе ничего не сможет сделать.

— Почему?

— Другая химия. Этот слизняк не выживет на носителе, который дышит кислородом.

И он полез дальше через маленькое тело, не оставив мне ни малейшего шанса прицелиться и выстрелить, хотя у меня руки так и чесались. Мэри, у которой пистолет никогда не дремал в кобуре, вопреки обыкновению, не выхватила оружие. Она вдруг прижалась ко мне и неровно задышала, словно давилась слезами. Старик остановился и терпеливо спросил:

— Ты идешь, Мэри?

Она судорожно вздохнула и сказала сдавленным голосом:

— Пойдем назад! Я не могу здесь!

— Мэри права, — сказал я. — Это работа не для троих агентов, а для целой научной группы со специальным оборудованием.

Старик не обратил на меня никакого внимания.

— Мэри, это нужно сделать, ты же знаешь. Кроме тебя, никому.

— Да почему же именно она? — разозлился я.

Он снова пропустил мои слова мимо ушей.

— Мэри?

Каким-то образом ей удалось с собой справиться. Дыхание стало ровным, лицо разгладилось, и она с невозмутимостью королевы, всходящей на эшафот, поползла дальше, прямо через тело маленького «эльфа» и завладевшего им слизняка. Я двинулся следом, стараясь не задеть тело, хотя пистолет в руке здорово мешал.

В конце концов мы добрались до большого помещения, которое, по всей вероятности, служило командным отсеком, — мертвых «эльфов» там было больше, чем в других местах корабля, хотя я не увидел ничего (на мой взгляд) похожего на приборы или машины. Вогнутые стены светились ярче, чем в туннеле, а пол был покрыт какими-то наростами — на мой взгляд, столь же бессмысленными и бессистемными, как извилины в коре головного мозга. Меня снова тревожно уколола мысль (совершенно неверная, как я позднее убедился), что сам корабль — это большой живой организм.

Старик не уделил камере ни малейшего внимания, он тут же пополз в следующий багрово пылающий туннель. Мы ползли по его изгибам, пока туннель не расширился футов до десяти, — даже встать уже можно было. Но это не самое главное: стены стали прозрачными.

За прозрачными панелями по обеим сторонам плавали, вертелись, извивались в какой-то жидкости тысячи и тысячи слизняков. Каждый контейнер освещался изнутри рассеянным светом, и я мог видеть в их глубине сплошную трепещущую массу — и мне хотелось кричать!

Пистолет все еще был у меня в руке, и Старик прикрыл дуло ладонью.

— Даже не думай, — предупредил он. — Ты выпустишь их сюда, к нам. А эти-то как раз под нас сделаны.

Мэри тоже смотрела на слизняков, но лицо ее было слишком уж спокойным. Наверно, она даже не совсем понимала, где находится и что происходит. Я посмотрел на нее, на стены этого жуткого аквариума и, теряя терпение, сказал:

— Давайте сматываться отсюда, пока еще есть время, а потом разобьем это к чертовой матери.

— Нет, — тихо ответил Старик. — Это еще не все. Пошли.

Туннель сузился, затем снова стал шире, и мы оказались в камере чуть поменьше предыдущей. Опять прозрачные стены, и опять что-то за ними плавало.

До меня даже не сразу дошло, что это.

Прямо за стеной лицом вниз колыхалось человеческое тело. Земной мужчина лет сорока — пятидесяти, седоватый и почти облысевший. Он плавал, скрестив руки на груди и поджав колени, словно в глубоком сне — или в утробе матери.

Я смотрел на него, и в голову лезли разные ужасные мысли. Он был не один в аквариуме — за ним плавали еще: мужчины и женщины, молодые и старые, — но только его я мог разглядеть как следует. Я думал, что человек мертв, даже сомнений не возникало. Но тут он шевельнул губами — боже, лучше бы это и в самом деле был мертвец!

Мэри блуждала по камере от одной прозрачной стены к другой, как будто была пьяна — нет, не пьяна, а в каком-то ошеломлении, полностью погруженная в себя. Она оставалась, пристально вглядываясь в мутные глубины, потом шла дальше.

Старик смотрел только на нее.

— Ну что, Мэри? — спросил он мягко.

— Я не могу их найти, — сказала она плачущим голосом маленькой девочки и побежала к другой стене.

Старик схватил ее за руку.

— Ты не там их ищешь, — сказал он твердо. — Иди к ним. Ты помнишь?

— Я не могу вспомнить! — простонала она.

— Ты должна вспомнить... Сейчас. Ты должна это сделать — ради них. Вернись к ним и найди их.

Мэри закрыла глаза, по ее щекам побежали слезы. Она всхлипывала и судорожно глотала воздух. Я протиснулся между ними и повернулся к Старику:

— Прекрати! Что ты с ней делаешь?

Он оттолкнул меня в сторону и рассерженно прошептал:

— Не лезь, сынок. Сейчас ты не должен мне мешать.

— Но...

— Нет! — Он отпустил Мэри и отвел меня ко входу. — Стой здесь. И если ты любишь жену и ненавидишь титанцев — не мешай! С ней все будет в порядке — обещаю.

— Что ты задумал?

Но он отвернулся и ушел, а я остался стоять. Мне хотелось остановить его, но я боялся вмешиваться в то, чего не понимаю.

Мэри села на корточки и закрыла лицо руками, как напуганный ребенок. Старик опустился рядом с ней на колени и тронул ее запястье.

— Назад, возвращайся назад, — донеслось до меня. — Туда, где все это началось.

Я едва расслышал, как она ответила:

— Нет... нет...

— Сколько лет тебе было? Когда тебя нашли, по виду было семь или восемь. Это случилось раньше?

— Да... да, раньше. — Она зарыдала и рухнула на пол. — Мама! Мамочка!

— Что говорит твоя мама? — мягко спросил Старик.

— Она ничего не говорит. Она так странно на меня смотрит. У нее что-то на спине. Я боюсь, боюсь!

Я встал и поспешил к ним, пригнув голову, чтобы не удариться о низкий потолок. Старик, не отрывая глаз от Мэри, махнул рукой, чтобы я оставался на месте, и я в нерешительности остановился на полпути.

— Назад! — приказал он. — Возвращайся назад!

Он обращался ко мне, и я его послушался. Но Мэри тоже его услышала.

— Это был корабль, — пробормотала она, — большой сверкающий корабль...

Старик сказал что-то еще. Если она и ответила, я на этот раз не расслышал. Я остался стоять в стороне и больше не предпринимал попыток вмешаться в происходящее. Я видел, что он не причиняет ей физической боли, и, хотя чувства во мне так и кипели, я понимал: происходит что-то важное, настолько важное, что оно целиком поглотило внимание Старика, несмотря на то что мы в самом логове врага.

Он говорил — успокаивающе, но настойчиво. Мэри затихла и словно впала в оцепенение, но я слышал, что она

ему отвечает. Через некоторое время слова хлынули из нее потоком, как будто сорвало эмоциональный тормоз. Старик лишь изредка направлял ее рассказ.

Я услышал, как что-то ползет по проходу у меня за спиной. На какое-то мгновение мной овладело дикое паническое ощущение, что мы попали в ловушку, и я чуть не пристрелил молодого офицера, которого мы оставили охранять вход.

— Срочно на выход! — произнес он, задыхаясь, затем протолкнулся мимо меня к Старiku и повторил то же самое.

Старик зыркнул на него, как на смертельного врага.

— Заткнись и не мешай! — рявкнул он.

— Но, сэр, это необходимо, — настаивал офицер. — Командир приказал немедленно возвращаться. Мы отступаем. Командир сказал, что готов в любую секунду уничтожить этот корабль. Вместе с нами — если мы останемся внутри.

— Хорошо, — неожиданно спокойно произнес Старик. — Мы заканчиваем. Иди скажи своему командиру, что он должен продержаться, пока мы не вернемся. У меня есть жизненно важная информация. Сынок, помоги мне с Мэри.

— Есть, сэр! Но поторопитесь! — Офицер поспешно уполз.

Я подхватил Мэри на руки и донес до воронки, ведущей в туннель. Она ни на что не реагировала, хотя вроде бы была в сознании. У выхода я положил ее на пол.

— Придется тащить, — сказал Старик. — Она, видимо, не скоро придет в себя. Знаешь что, давай-ка я пристрою ее тебе на спину, и ты поползешь впереди.

Не обращая на него внимания, я тряхнул Мэри за плечи.

— Мэри! — крикнул я. — Мэри! Ты меня слышишь?

Она открыла глаза:

— Да, Сэм.

— Мэри, родная, нам нужно выбираться отсюда — и очень быстро. Ты сможешь?

— Да, Сэм. — Глаза опять закрылись.

Я снова ее встряхнул и выкрикнул:

— Мэри!

— Да, дорогой. Что такое? Я очень устала.

— Послушай, Мэри, тебе нужно ползти вперед. Иначе нас схватят слизняки. Ты понимаешь?

— Хорошо, дорогой. — Она уже не закрывала глаз, но в них не было ни единой мысли.

Я подтолкнул ее в туннель и пополз следом. Всякий раз, когда она останавливалась или замедлялась, я подгонял ее шлепками. Через камеру со слизняками и центр управления — если это действительно был центр управления — я пронес Мэри на руках, затем снова ползком. На развилке, где на полу лежал мертвый «эльф», она остановилась. Я пополз вперед и закинул труп в боковой туннель. Теперь уже у меня не возникало никаких сомнений, что паразит сдох; меня на него чуть не стошнило. Но Мэри снова пришлось поддаться, чтобы она двигалась вперед.

Худо-бедно этот кошмар закончился, и мы все-таки выползли к шлюзу, где нас ждал молодой офицер. Он помог нам поднять Мэри: мы со Стариком толкали снизу, он тянул. Затем я посадил Старика, выкарабкался наверх сам и отобрал Мэри у этого мальчишки. Снаружи уже почти стемнело.

Возвращались мы длинной дорогой: чтобы не застрять в кустарнике, обогнули развалины дома и спустились к прибрежному шоссе. Машины на месте не оказалось, но вместо нее нас ждала «болотная черепаха», куда мы и втиснулись, не теряя ни секунды, потому что бой шел уже чуть ли не у нас над головой. Командир велел задрать люки, и танк загрохотал по ступенькам к дамбе, а оттуда к воде. Спустя пятнадцать минут мы были на «Фултоне».

А через час мы высадились на базе Мобил. Нам со Стариком предложили в кают-компании «Фултона» сэндвичи и дрянной кофе, а Мэри тем временем приводили в себя в женском кубрике. Она присоединилась к нам перед самым прибытием на базу и выглядела уже совершенно нормально.

— Ты как, в порядке, Мэри? — спросил я.

Она улыбнулась:

— Конечно, дорогой. А что могло со мной случиться?

С базы мы вылетели на небольшой штабной машине в сопровождении эскорта истребителей. Я подумал, что теперь мы вернемся в офис Отдела, а еще лучше — полетим

в Вашингтон, но не стал спрашивать: Старик явно был не в настроении разговаривать, а мне было достаточно того, что я сижу рядом с Мэри, держу ее за руку и с облегчением чувствую, что все закончилось.

Пилот посадил машину в ангар, скрытый в теле горы. Это был один из тех маневров «попади в десятку», какие гражданским машинам повторить просто не под силу: вот он летит на полной скорости, а вот он уже в пещере, стоит на посадочной площадке. Это было потрясюще.

— Где это мы? — спросил я.

Старик не ответил и выбрался из машины. Мы с Мэри последовали за ним. Ангар был небольшой — всего лишь стоянка для дюжины летающих машин, одна тормозная и одна стартовая платформы. Помимо нашей, здесь стояли только два машины. Охрана направила нас к двери, вырубленной в скале, мы вошли и оказались в холле. Металлический голос из невидимого источника велел нам снять все, что на нас еще оставалось. Голым я ходить привык, а вот с оружием и телефоном расстаться было жаль.

Затем мы прошли в следующее помещение, где нас встретил молодой охранник, чье облачение состояло лишь из повязки с тремя шевронами и двумя перекрещенными ретортами. Он повел нас дальше и перепоручил девушке, на которой было и того меньше — только два шеврона. Оба служащих базы, конечно же, обратили внимание на Мэри, каждый в соответствии со своим полом, и мне показалось, что девица-капрал облегченно вздохнула, передав наконец нашу компанию капитану.

— Мы получили ваше сообщение, — сказала женщина-капитан. — Доктор Стилтон уже ждет.

— Спасибо, мэм, — ответил Старик. — Чем раньше, тем лучше. Куда теперь?

— Секундочку. — Она подошла к Мэри и стала ощупывать ее волосы. — Знаете, приходится быть настороже, — извиняющимся тоном пояснила она.

Мэри не дрогнув восприняла обыск.

Если капитан и заметила, что больше половины волос у Мэри искусственные, то никак этого не проявила. Ее собственные курчавые седые волосы были подстрижены коротко, по-мужски.

— Ладно, — смилостивилась она. — Идемте.

— Хорошо, — сказал Старик. — Но ты, сынок, оста-
нешься здесь.

— Почему это? — спросил я.

— Потому что ты, черт бы тебя побрал, чуть не прова-
лил мне первую попытку, — отрезал Старик. — Так что
заткнись.

— Офицерская кают-компания — в первом проходе на-
лево, — подсказала капитанша. — Можете подождать там.

Я так и сделал. По пути в кают-компанию я прошел ми-
мо двери, украшенной большим красным черепом с кос-
тями и надписью: «ОСТОРОЖНО! ЖИВЫЕ ПАРАЗИТЫ». Маленькими буквами ниже было добавлено: «Только для
допущенного персонала! Используйте процедуру „А“!»

Разумеется, меня бы туда силой не затащили.

Офицерская кают-компания оказалась обычным заль-
чиком типа ночного клуба. В ней прохлаждалось трое или
четверо мужчин и две женщины. Мое появление никого не
заинтересовало, поэтому я нашел свободное кресло, сел и
попытался сообразить, кем нужно быть, чтобы получить
тут порцию выпивки. Спустя несколько минут ко мне при-
соединился крупный общительный мужчина с цепочкой
на шее, на которой болталась бляха с полковничьими звез-
дами, образок святого Христофора и армейский опознава-
тельный жетон.

— Новичок? — спросил он.

Я признал, что да.

— Гражданский эксперт? — продолжал он.

— Насчет «эксперта» не уверен, — ответил я. — Вооб-
ще-то, я оперативник.

— А как зовут? Извините за навязчивость, но я отве-
чаю здесь за режим секретности. Фамилия — Келли.

Я тоже назвался. Он кивнул.

— Вообще-то, я видел, как ваша группа прибыла на
базу. Я был голосом совести, звучащим из стены. Ладно,
мистер Нивенс, как насчет того, чтобы промочить горло?
Судя по вашему досье, вы не откажетесь, верно?

Я вскочил:

— Спрашиваете! Кого надо прикончить, чтобы налили?

— ...И насколько я понимаю, — говорил Келли, — режим секретности здесь нужен, как кобыле роликовые коньки. Результаты нашей работы надо публиковать в печати, и как можно скорее.

Я заметил, что он совсем не производит впечатления твердолобого солдафона. Келли рассмеялся:

— Поверьте, далеко не все «твердолобые солдафоны» на самом деле таковы. Они ими только кажутся.

На это я сказал, что да, мол, маршал Рекстон, например, действительно не так прост, как можно было бы подумать.

— Вы с ним знакомы? — спросил полковник.

— Не то чтобы знаком, но мы встречались с ним по работе. Последний раз я видел его сегодня утром.

— Хм... — сказал полковник. — Я никогда не встречался с этим джентльменом лично. Похоже, вы вращаетесь в более высоких сферах, сэр.

Я объяснил, что это всего лишь случайный поворот судьбы, но тем не менее он стал относиться ко мне с гораздо большим уважением.

Спустя какое-то время Келли принялся рассказывать мне о работе лаборатории:

— Сейчас мы знаем об этих мерзких созданиях больше самого дьявола. Но известно ли нам, как уничтожить паразитов, не убивая носителя? Увы. Разумеется, если бы мы могли заманивать их по одному в какую-нибудь камеру и усыплять газом, тогда носители оставались бы целы и невредимы. Но знаете эту старую шутку про то, как ловить птиц? Все, мол, очень просто, если можешь подобраться достаточно близко и насыпать ей на хвост соли. Сам я не ученый — всего лишь сын полицейского и сам полицейский, хотя и числюсь по другому ведомству, — но я разговаривал со здешними учеными и знаю, что нам нужно. Это биологическая война, и ее исход решит биологическое оружие. Нам нужен микроб, который будет кусать слизняка, а не носителя. Вроде бы не так сложно, да? На самом деле все не так просто. Мы знаем сотни болезней, которые смертельны для слизняков, — оспа, тиф, сифилис, энцефалит, болезнь Обермейера, чума, желтая лихорадка и так далее. Беда в том, что все они убивают и носителей.

— А нельзя использовать что-нибудь такое, против чего у всех есть иммунитет? — спросил я. — Всем, например, делают прививки от тифа. И почти все вакцинированы от оспы.

— Ничего не выйдет. Если у носителя есть иммунитет, паразиту болезнь не передается. Теперь, когда слизняки научились отращивать себе наружный панцирь, все контакты с внешней средой идут у них через носителей. Нет, нам нужно что-то такое, чем хозяин сможет заразиться и что убьет слизняка, но не вызовет у носителя ничего страшнее легкой лихорадки и головной боли.

Я хотел что-то ответить, но тут заметил в дверях Старика, извинился перед Келли и встал из-за столика.

— Что там из тебя Келли выкачивал? — спросил Старик.

— Ничего не выкачивал, — ответил я.

— Это ты так думаешь. Ты знаешь, кто он такой?

— А должен?

— Да, должен бы. Хотя, может, и нет. Он никому не позволяет себя фотографировать. Это сам Би Джей Келли, величайший научный криминалист современности.

— Тот самый Келли?! Но он же не имеет никакого отношения к армии.

— Резервист, должно быть. Думаю, теперь ты догадываешься, насколько важна эта лаборатория. Пойдем.

— Где Мэри?

— Сейчас тебе к ней нельзя. Она приходит в себя.

— С ней... что-то случилось?

— Я же обещал тебе, что все будет в порядке. Лучше Стилтона в этой области никого нет. Но нам пришлось копать очень глубоко и преодолевать сильное сопротивление. Это всегда тяжело для объекта.

Я обдумал его слова и спросил:

— Ты получил, что хотел?

— И да и нет. Мы получили гору информации, но еще не закончили.

— А что ты хочешь найти?

Мы шли по одному из бесконечных подземных коридоров базы, потом зашли в небольшой кабинет и сели. Старик нажал клавишу коммуникатора на столе и сказал:

— Частная беседа.

— Да, сэр, — ответил голос. — Мы не будем записывать.

На потолке зажегся зеленый огонек.

— Верить им, конечно, нельзя, — пожаловался Старик, — но, по крайней мере, так пленку не будет слушать никто, кроме Келли. Теперь, сынок, о том, что ты хотел узнать... Я не уверен, что у тебя есть на это право. Ты женат на этой девочке, но это не значит, что ее душа — твоя собственность. То, что мы откопали, крылось слишком глубоко в душе. Мэри и сама не подозревала, что там есть.

Я молчал, и он продолжал задумчиво, обеспокоенным тоном:

— Впрочем, наверное, лучше рассказать тебе что-то, чтобы ты понял, о чем я говорю. Иначе ты начнешь дергать ее, а мне бы этого очень не хотелось. Это может довести ее до нервного срыва. Сама она вряд ли что-нибудь вспомнит — Стилтон работает предельно осторожно, — но ты можешь здорово осложнить ей жизнь.

Я глубоко вздохнул и сказал:

— Сам решай.

— Ладно. Я расскажу тебе кое-что и отвечу на твои вопросы — на некоторые из них, — если ты поклянешься никогда не беспокоить на эту тему свою жену. У тебя просто нет нужного опыта.

— Хорошо, сэр. Я обещаю.

— В общем, не так давно на Земле существовала группа людей — культ, можно сказать, — к которым все остальное человечество относилось довольно неприязненно.

— Я знаю. Уитмениты.

— А? Откуда ты узнал? От Мэри? Нет, Мэри не могла ничего тебе рассказать; она сама не помнила.

— Нет, не от Мэри. Сам догадался.

Старик посмотрел на меня с внезапным уважением:

— Возможно, я тебя недооценивал, сынок. Да, уитмениты. И Мэри была в детстве с ними, в Антарктике.

— Стоп! Они же перебрались из Антарктики... — я напруг память, и нужная дата вдруг всплыла, — в тысяча девятьсот семьдесят четвертом.

— Точно.

— Но тогда Мэри должно быть около сорока.

— А тебя это беспокоит?
— В смысле? Да нет. Но этого не может быть.
— На самом деле может. Но есть нюансы. Хронологически ей действительно около сорока. Биологически — примерно двадцать пять. А субъективно она еще моложе, потому что у нее нет сознательных воспоминаний о жизни до тысячи девятьсот девяностого.

— Что ты имеешь в виду? Я могу понять, что она не помнит своего детства, не хочет его вспоминать. Но что означает все остальное?

— То, что я и сказал. Ей ровно столько, на сколько она выглядит... Помнишь ту камеру на корабле титанцев, где она начала что-то вспоминать? Лет десять или даже больше Мэри провела в анабиозе точно в таком же аквариуме.

28

С возрастом я не становлюсь грубее и крепче; скорее наоборот — мягче, сентиментальнее... Мэри, моя любимая жена, плавающая в этой искусственной утробе, не живая и не мертвая — законсервированная, словно саранча в банке, — нет, это было уже слишком.

Откуда-то издалека вновь донесся голос Старика:

— Спокойно, сынок. С ней все в порядке.

— Ладно. Давай дальше.

Внешне жизнеописание Мэри выглядело довольно просто, хотя элемент загадочности в нем тоже присутствовал. Ее нашли в болотах под Кайзервилем, у Северного полюса Венеры. Девочка ничего не могла о себе рассказать и знала только свое имя — Аллукьера. Никто не обратил внимания на необычное имя, да и вряд ли кому пришлось бы в голову искать связь между ребенком ее возраста и погибшей колонией уитменитов: команда грузового корабля, доставлявшего припасы в их колонию в Новый Сион, сообщила, что там никого не осталось в живых. Их плантации вновь поглотило болото, а от жилищ остались одни остовы, скрытые буйной молодой порослью. Маленького найденныша из Кайзервиля отделяли от забытых богом ко-

лонистов Нового Сиона двести миль непроходимых джунглей и долгие десять лет.

Неизвестно откуда взявшийся ребенок на Венере? В 1990 году? Событие более чем невероятное. Словно кошка, запертая в холодильнике, оно требовало объяснения. Но на планете не нашлось ни одного человека, который заинтересовался бы этим делом и захотел разобраться. Кайзервиль в то время — это горняки, шлюхи, несколько представителей «Двухпланетной компании», и, пожалуй, все. А когда целыми днями ворочаешь на болотах радиоактивную грязь, ни сил, ни желания чему-то удивляться уже не остается.

Девочка росла, называя всех женщин в поселении «мамами» или «тетями», а игрушками ей служили покерные фишки. Со временем поселенцы сократили ее имя до Лаки — Везунчик. Старик не сказал, кто платил за ее перелет до Земли, да это и не так важно. Главный вопрос заключался в другом: где она была с тех пор, как Новый Сион поглотили джунгли, и что случилось с колонией уитменитов?

Однако ответ на него хранился только в памяти Мэри — вместе с ужасом и отчаянием.

Незадолго до 1980 года — примерно в то время, когда появились сообщения о летающих тарелках над Сибирью, или на год-два раньше — титанцы обнаружили на Венере колонию Новый Сион. Как раз, видимо, за один сатурнианский год до нападения на Землю. Скорее всего, они прилетели на Венеру не ради землян, а на разведку, наподобие той, какую уже давно вели на Земле. Но может быть, и наоборот, титанцы точно знали, где искать колонистов. Нам известно, что они похищали землян в течение как минимум двух веков, и кто-то из последних пленников мог знать, где находится Новый Сион. Здесь темные воспоминания Мэри ничего не проясняли.

Она видела, как титанцы захватили колонию, как ее родители превратились в зомби, которые вдруг потеряли к ней всякий интерес. Очевидно, паразиты не использовали Мэри в качестве носителя или же попробовали и отпустили, решив, что слабенькая девочка-несмышлениш ни на что не годится. Так или иначе, она целую вечность — в ее

детском восприятии — оставалась в захваченном поселении: забытая, никому не нужная, без ласки и заботы. Правда, ее не трогали, позволяя, как мышке, добывать пропитание на помойке. Титанцы, судя по всему, собирались закрепиться на Венере: в качестве рабов они использовали в основном венерианцев, а колонисты-земляне большой роли в их планах не играли. Но Мэри присутствовала при том, как ее родителей помещали в анабиотический контейнер. Для планируемого вторжения на Землю? Возможно, но кто их знает.

В конце концов она и сама оказалась в таком контейнере. Либо на корабле титанцев, либо на их венерианской базе. Скорее всего, последнее, поскольку после пробуждения она все еще была на Венере. Тут в ее истории много неясностей. Неизвестно, например, отличались ли паразиты для венерианцев от тех, что управляли колонистами-землянами. Возможно, нет: жизнь на Земле и на Венере имеет одинаковую углеродно-кислородную основу. Судя по всему, способности паразитов изменяться и приспосабливаться к окружающей среде безграничны, однако им приходится подстраиваться под биохимию носителя. Если бы жизнь на Венере имела кремний-кислородную основу — как на Марсе — или фторовую, одни и те же паразиты не смогли бы использовать и венерианцев, и людей.

Но важнее всего было то, что случилось с Мэри после извлечения из «инкубатора». Планы титанцев захватить Венеру провалились, — во всяком случае, она застала последние дни господства паразитов. Почти наверняка, вытащив ее из контейнера, пришельцы подсадили ей хозяйку, но Мэри пережила своего слизняка.

Почему он умер? Почему провалились планы титанцев? Именно это и пытались узнать Старик с доктором Стилтоном, выискивая ответы в памяти Мэри.

— И это все? — спросил я.

— А по-твоему, мало? — ответил Старик.

— Да тут больше вопросов, чем ответов! — фыркнул я.

— На самом деле их еще больше, — сказал он. — Их гораздо больше. Но ты не специалист по Венере и не психолог, так что твое мнение никого не интересует. Я расска-

зал тебе, что знаю, только для того, чтобы ты понял, зачем нам нужна Мэри, и ни о чем ее не расспрашивал. Будь с ней поласковой, сын, на ее долю и так выпало слишком много горя.

Совет я пропустил мимо ушей, решив, что с женой мы поладим без посторонней помощи.

— Чего я не могу понять, так это как ты догадался, что Мэри имеет какое-то отношение к летающим тарелкам, — сказал я. — Надо думать, тогда в Айову ты тоже взял ее с собой не случайно. И оказался прав. Но как тебе это удалось? Только не надо мне вешать лапшу на уши.

— Сынок, у тебя бывают предчувствия? — озадаченно спросил он.

— Еще бы!

— А что такое предчувствие?

— А? Видимо, ничем на первый взгляд не подкрепленная уверенность в том, что какое-то событие произойдет или не произойдет.

— Очень сырая формулировка, сынок. Я бы сказал, это результат подсознательного осмысления данных, о наличии которых ты даже не подозреваешь.

— Черная кошка в темном угольном погребе в полночь. У тебя не было вообще никаких данных. И не пытайся меня уверить, что твое подсознание обрабатывает информацию, которую ты получишь только на следующей неделе.

— Ха, но данные-то у меня как раз были!

— Как это?

— Ты помнишь последнюю процедуру, которой подвергается кандидат перед зачислением в наш Отдел?

— Личное собеседование с тобой.

— Нет, не то.

— А! Гипноанализ! — Я забыл об этом по той простой причине, что объект и не должен помнить сеанс гипноанализа. Его проводят во сне, когда вы этого не ожидаете, и вы благополучно спите всю процедуру. — Ты хочешь сказать, что знал что-то о Мэри еще тогда? Значит, это не предчувствие?

— Тоже неверно. Тогда я получил очень мало данных — в памяти Мэри стоит очень сильная защита. Кроме

того, я успел забыть то небольшое, что удалось узнать. Но я сразу понял, что Мэри должна быть на этом задании. Позже я прослушал пленку с ее гипноинтервью еще раз и только тогда понял, что она может знать гораздо больше. Первая попытка ничего не дала. Но я уже не сомневался, что Мэри сможет рассказать что-то еще.

Я задумался.

— Веселую жизнь ты ей устроил, чтобы добраться до этой информации.

— Ничего другого мне не оставалось. Извини.

— Ладно, проехали. — Я помолчал, затем спросил: — Слушай, а что было в моем гипноинтервью?

— Это был неправильный вопрос.

— Чушь!

— И я не мог бы тебе рассказать, даже если бы захотел. Я его просто не слушал, сынок.

— Как это?

— Распорядился, чтобы пленку прослушал мой заместитель. Он сказал, что для меня там нет ничего интересного. Я и не стал слушать.

— Даже так? Что ж, спасибо.

Он только хмыкнул в ответ, но я вдруг почувствовал, что мы стали ближе, чем были долгое время. Мы с ним вечно ставим друг друга в неловкое положение.

29

Паразиты на Венере умерли от какой-то болезни, которую они там подцепили, — в этом, по крайней мере, мы почти не сомневались. Поначалу Старик рассчитывал вытащить из летающей тарелки тех людей, что плавали в анабиотических контейнерах, оживить их и допросить, но теперь мы вряд ли могли надеяться, что быстро получим подтверждение: пока Старик рассказывал мне о Мэри, из Пасс-Кристиана сообщили, что Рекстон все-таки приказал сбросить бомбу на летающую тарелку, чтобы она не досталась титанцам. И другого случая получить информацию из первых рук у нас, видимо, не будет.

Что ж, тот шанс был упущен, так что ответы оставалось искать только у Мэри. Если какая-то инфекция, специфичная для Венеры, оказалась фатальной для слизняков, но несмертельной для людей — Мэри, во всяком случае, выжила, — тогда нам оставалось проверить их все и определить, что это за болезнь. Хорошенькое дело! Все равно что проверить каждую песчинку на пляже, чтобы отыскать единственную с квадратными гранями.

Дело упрощалось тем, что не нужно было проверять венерианские болезни, которые, как известно, смертельны для землян. Возможно, искомая зараза была из их числа, но тогда это не имело для нас значения: с тем же успехом мы могли бы использовать оспу. Однако список венерианских болезней, которые не смертельны для человека, а вызывают только легкое недомогание, просто огромен. С точки зрения венерианских микробов мы, видимо, не слишком съедобны. Если, конечно, у них есть точка зрения, в чем я лично сомневаюсь, что бы там ни говорил доктор Макилвейн.

Проблема осложнялась тем, что на Земле хранилось весьма ограниченное число живых культур болезнетворных микроорганизмов Венеры, то есть песчинки, которую мы искали, возможно, и не было на этом пляже. Безусловно, упущение можно было поправить — но лет этак за сто дополнительных исследований и изысканий на чужой планете.

А тем временем приближались холода. Режим «Загар» не мог держаться вечно.

Оставалось искать ответ там, где, ученые надеялись, его можно найти: в памяти Мэри. Мне это совсем не нравилось, но поделать я ничего не мог. Сама Мэри, похоже, не знала, зачем ее вновь и вновь погружают в гипнотический транс, или просто не хотела об этом говорить. Вела она себя достаточно спокойно, но усталость чувствовалась: круги под глазами и все такое. В конце концов я не выдержал и сказал Старику, что это пора прекращать.

— Ты же сам все прекрасно понимаешь, сынок, — тихо сказал он.

— Черта с два! Если вы до сих пор не нашли того, что искали, то и не найдете уже.

— А тебе известно, сколько требуется времени, чтобы проверить все воспоминания человека, даже если ограничиться каким-то отдельным периодом? Ровно столько же, сколько этот период длился! То, что мы ищем — если у нее вообще есть нужная нам информация, — может оказаться каким-то едва уловимым штрихом ее воспоминаний.

— Вот именно, «если есть»! — повторил я. — Вы сами в этом не уверены. Знаешь что?.. Если у Мэри из-за этого случится выкидыш, я тебе своими руками шею сверну.

— Если мы ничего не добьемся, — сказал он спокойно, — ты сам пожалеешь, если ребенок родится. Или ты хочешь плодить детей, чтобы они становились носителями для титанцев?

Я закусил губу.

— Почему ты оставил меня на базе, а не отправил в Россию?

— Ты нужен мне здесь, рядом с Мэри, чтобы утешать ее и успокаивать, а ты ведешь себя как испорченный ребенок. И, кроме того, лететь в Россию уже не нужно.

— Как это? Что случилось? Кто-то из агентов раздобыл информацию?

Он поднялся и пошел к двери.

— Если бы ты, как положено взрослому человеку, хоть изредка интересовался новостями, ты бы и сам все давно понял.

— Что ты имеешь в виду? — крикнул я ему вслед, но он молча вышел за дверь.

Я поспешил ознакомиться с текущей обстановкой. Ежедневные новости всегда выпадают из узкой сферы моих интересов, — на мой вкус, это пустая жвачка для глаз и ушей, чепуха, которая застит нам горизонт, отравя так называемой цивилизации и погибель для серьезного мышления в придачу. Но я и в самом деле иногда пропускаю важные события.

Оказалось, что на этот раз я прозевал сообщение об охватившей целый континент азиатской чуме: главную... нет, пожалуй, вторую по значимости сенсацию века. Пер-

вую эпидемию континентального масштаба со времен Черной смерти в семнадцатом веке.

Новость не укладывалась в голове. Допускаю, что коммунисты — сумасшедшие. Но я достаточно долго прожил за железным занавесом, чтобы понимать: их система здравоохранения так же хороша, как наша, и даже в каком-то смысле лучше поставлена, потому что у них все делается в приказном порядке и без всяких глупостей. Чтобы в стране разразилась эпидемия, должно было случиться нашествие крыс, вшей, блох и прочих классических переносчиков заразы. А ведь комиссары даже Китай вычистили до такой степени, что тиф и бубонная чума проявлялись там лишь спорадическими вспышками в отдельных регионах, но никак не эпидемиями.

А сейчас оба заболевания стремительно распространились по всей территории Китая, России и Сибири. Ситуация зашла так далеко, что советская государственная машина сломалась и через космическую связь в ООН посыпались просьбы о помощи. Что же произошло?

Ответ напрашивался сам собой.. Я посмотрел на Старика:

— Босс, слизняки проникли за железный занавес.

— Да.

— Ты догадался? Однако, черт, нам теперь нужно топориться, а не то в долине Миссисипи будет то же, что и в Азии. Одна маленькая крыса — и...

Я вспомнил о времени, проведенном среди слизняков, — то, чего я изо всех сил избегаю, если это возможно. Титанцы совершенно не заботились о санитарии. Мой собственный хозяин ни разу не приказывал мне принять душ. И видимо, с тех пор как они отбросили маскарад, на территории от канадской границы до Нового Орлеана не мылся ни один человек. Вши... Блохи...

Старик вздохнул:

— Возможно, это лучший способ решить наши проблемы. Возможно, единственный.

— Ты еще можешь закидать их бомбами, если нечего больше предложить. Смерть, по крайней мере, будет не так мучительна.

— Да, пожалуй. Но ты же сам понимаешь, что мы этого не сделаем. Пока есть хоть малейший шанс избавиться от паразитов, не сжигая дом дотла, мы будем искать выход.

Тут я задумался надолго. Гонка со временем обрела еще один аспект. Неужели титанцы настолько глупы, что не в состоянии уберечь своих рабов? Может быть, именно по этой причине они вынуждены перебираться с планеты на планету? Потому что портят все, к чему прикоснутся? Потому что со временем их носители вымирают и им нужны новые?

Это была теория, только теория — и я выкинул ее из головы. Ясно было одно: если мы не найдем способа уничтожить слизняков, в красной зоне произойдет то же, что за железным занавесом, причем очень скоро! Я наконец собрался с духом и решил, что обязательно пойду на следующий сеанс «просеивания памяти». Если в воспоминаниях Мэри есть что-то такое, что поможет расправиться с паразитами, возможно, мне удастся разглядеть это там, где пропустили другие. Понравится это Старику со Стилтоном или нет, но я буду там. В конце концов, мне надоело, что со мной обращаются не то как с принцем-консортом, не то как с нежеланным ребенком.

30

Нас с Мэри поселили в комнатухе не больше пивного бочонка. Она была рассчитана на одного младшего офицера — в лабораторию не планировалось приглашать семейные пары. Тесно там было, как на шведском столе, заставленном тарелками, но мы не жаловались.

На следующее утро я проснулся первым и, как обычно, проверил, не добрался ли до Мэри слизняк. Пока я проверял, она открыла глаза и сонно улыбнулась.

— Спи-спи, — прошептал я. — У тебя еще есть полчаса.

Но она не стала засыпать. Немного погодя я спросил:

— Мэри, ты, случайно, не знаешь, какой у бубонной чумы инкубационный период?

— А должна? Слушай, у тебя один глаз чуть темнее другого.

Я слегка встряхнул ее:

— Да соберись же, девчонка. Вчера вечером я был в лабораторной библиотеке и кое-что посчитал. По моим прикидкам, слизняки прибыли к нашим приятелям-коммунистам по крайней мере за три месяца до того, как напали на нас.

— Да, я знаю.

— Знаешь? А почему ты ничего не говорила?

— Никто не спрашивал. Кроме того, это же очевидно.

— О, ради бога! Давай вставать, мы опоздаем на завтрак.

Перед выходом я спросил:

— «Вопросы и ответы» в обычное время?

— Да.

— Мэри, ты никогда не рассказывала, о чем они тебя там спрашивают.

— Я просто этого не помню, — удивленно сказала она.

— Так я и подумал. Глубокий транс, а потом приказание забыть, да?

— Видимо, да.

— Хм... Ладно, тогда мы кое-что поменяем. Сегодня я иду с тобой.

— Хорошо, дорогой, — только и сказала она.

Вся команда, как обычно, собралась в кабинете доктора Стилтона: Старик, сам Стилтон, начальник штаба полковник Гибси, какой-то подполковник, которого я знал только в лицо, и целая орава сержантов-техников, младших офицеров и прочей obsługi. Недаром говорят, что без десятка солдат генерал даже высморкаться не сумеет. И это одна из причин, по которой я оставил службу.

Увидев меня, Старик удивленно поднял брови, но промолчал. Однако сержант, который тут, похоже, работал швейцаром, попытался меня остановить.

— Доброе утро, миссис Нивенс, — сказал он Мэри, а затем добавил, обращаясь ко мне: — А вас у меня в списке нет.

— Я себя сам туда включил, — громко объявил я на всю комнату и пролез мимо него.

Полковник Гибси бросил на меня сердитый взгляд, повернулся к Старiku и забурчал что-то типа «какого-дьявола-кто-это-такой». Старик не ответил, но его брови поползли еще выше. Остальные следили за происходящим с застывшими лицами и пытались сделать вид, что их здесь нет, — только одна девица-сержант не сумела сдержать улыбку.

— Минутку, полковник. — Старик доковылял до меня и так, чтобы только мне было слышно, сказал: — Ты же мне обещал, сынок.

— Я забираю свое обещание. Ты не имел права требовать от меня обещаний, касающихся моей жены.

— Но тебе здесь нечего делать, сынок. У тебя нет никакого опыта в подобных делах. Хотя бы ради Мэри оставь нас.

До этой минуты мне и в голову не приходило оспаривать право Старика присутствовать на сеансе, но неожиданно для себя я заявил:

— Это тебе здесь нечего делать. Ты не психоаналитик, так что давай убирайся.

Старик бросил взгляд на Мэри, я тоже, но на ее лице не отражалось никаких чувств. Должно быть, она ждала от меня чего-то подобного.

— Ты что, сынок, сырого мяса объелся? — тихо спросил Старик.

— Опыты проводят на моей жене, и отныне я буду устанавливать здесь правила — или никаких экспериментов не будет, — сказал я.

Тут в разговор вмешался полковник Гибси:

— Молодой человек, вы в своем уме?

— А вы что здесь делаете? — Я взглянул на его руки. — Если не ошибаюсь, на вашем перстне монограмма военно-морской разведки. Есть у вас какая-нибудь другая специальность? Вы кто, врач? Или психолог?

Гибси выпрямился и расправил плечи, пытаясь выглядеть внушительно, что довольно трудно для человека, одетого лишь в собственную кожу, — если это достоинство не прирожденное, как у Мэри.

— Похоже, вы забыли, что это военный объект.

— А вы, похоже, забыли, что ни я, ни моя жена не служим в армии! Пойдем, Мэри. Мы уходим.

— Да, Сэм.

Я обернулся к Старику и добавил:

— Мы сообщим в Отдел, куда переслать нашу корреспонденцию.

Затем направился к двери. Мэри последовала за мной.

— Подожди! — сказал Старик. — В порядке личного одолжения, хорошо?

Я остановился, и он подошел к Гибси:

— Полковник, можно вас на минутку? Я бы хотел переговорить с вами наедине.

Полковник Гибси одарил меня взглядом, в котором отчетливо читались слова «военный трибунал», но вышел вместе со Стариком. Все ждали. Сержантский состав сохранял каменные физиономии, подполковник немного нервничал, а маленькую девицу с сержантской повязкой буквально распирало от смеха. Только Стилтон ничуть не волновался. Он достал бумаги из корзины с входящей корреспонденцией и спокойно принялся за работу.

Минут десять или пятнадцать спустя появился еще один сержант.

— Доктор Стилтон, командир распорядился, чтобы вы начинали работу.

— Отлично, сержант, — откликнулся тот, посмотрел на меня и сказал: — Прошу в операционную.

— Стоп! — сказал я. — Не так быстро. Что насчет остальных... статистов? Вот он, например. — Я показал на подполковника.

— А? Это доктор Хазелхерст. Два года на Венере.

— Хорошо, он остается. — Тут мне на глаза попалась смешливая девица-сержант, и я спросил: — Эй, сестренка, а у тебя тут какие обязанности?

— У меня-то? Ну, я тут типа сопровождающей.

— Я сам займусь ее сопровождением. Доктор, может быть, вы сами решите, кто из них вам на самом деле нужен, а кто нет?

— Хорошо, сэр.

Оказалось, что, кроме подполковника Хазелхерста, ему на самом деле никто не нужен. У меня сложилось впечат-

ление, что он был только рад избавиться от галерки. Так что в операционную пошли только Мэри, я и двое специалистов.

В операционной стояла обычная кушетка, какие можно встретить в кабинете любого психиатра, и кресла, расставленные полукругом. С потолка глядело двойное рыло стереокамеры. Микрофон, видимо, был скрыт в кушетке. Мэри подошла к кушетке и легла. Доктор Стилтон достал шприц.

— Попробуем начать с того места, где мы остановились в прошлый раз, миссис Нивенс.

— Минуточку, — сказал я. — У вас есть записи предыдущих сеансов?

— Разумеется.

— Давайте сначала прокрутим их. Я хочу знать, что вы уже успели.

Он несколько секунд думал, потом сказал:

— Как пожелаете. Миссис Нивенс, вы подождете в моем кабинете? Нет, это займет довольно много времени. Я вызову вас попозже.

Возможно, во мне еще бродил дух противоречия: победа над Стариком добавила мне в кровь адреналина.

— Давайте сначала узнаем, хочет ли она уходить, — предложил я.

Стилтон удивленно вскинул брови:

— Вы просто не понимаете, о чем говорите. Эти записи могут нарушить эмоциональное равновесие вашей жены, даже нанести вред ее психике.

— Это весьма сомнительный способ терапии, молодой человек, — добавил Хазелхерст.

— Терапия здесь ни при чем, и вы прекрасно это понимаете, — отрезал я. — Если бы вашей целью была терапия, вы использовали бы не наркотики, а эйдетическую технику восстановления памяти.

— Но у нас нет времени, — озабоченно сказал Стилтон. — Ради быстрого получения результатов нам придется применять грубые методы. Боюсь, я не могу разрешить объекту видеть эти записи.

— Я с вами согласен, доктор, — снова вставил Хазелхерст.

— А вас, черт побери, никто не спрашивает! — взорвался я. — И нет у вас никакого права разрешать ей или не разрешать. Записи надерганы из мозга моей жены, и они принадлежат ей. Мне надоело смотреть, как вы разыгрываете из себя Господа Бога. Я ненавижу эти замашки у паразитов и точно так же ненавижу их у людей. Она сама за себя решит. А теперь потрудитесь узнать ее мнение

— Миссис Нивенс, вы хотите увидеть записи? — спросил Стилтон.

— Да, доктор, — ответила Мэри. — Очень.

Он явно удивился.

— Э-э-э... как скажете. Вы будете смотреть их одна? — Он покосился на меня.

— Вместе с мужем. Вы и доктор Хазелхерст можете остаться, если хотите.

Они, разумеется, остались. В операционную принесли стопку кассет, каждая с наклейкой, где значились дата записи и возраст объекта. Чтобы просмотреть их все, нам потребовалось бы несколько часов, поэтому я сразу отложил в сторону те, что относились к жизни Мэри после 1991 года: они вряд ли могли помочь. Мэри посмотрит их позже, если захочет.

Мы начали с ее раннего детства. В начале каждой записи объект эксперимента — Мэри — стонала и задыхалась, через силу произнося слова, сопротивляясь, как все люди, которых вынуждают мысленно возвращаться к событиям, которые они предпочли бы забыть. Затем начиналась реконструкция событий — звучал ее голос и голоса других людей. Больше всего меня поразило лицо Мэри — я имею в виду, на стереозэкране. Мы увеличили изображение, так что оно придвинулось почти вплотную к нам, и могли следить за мельчайшими изменениями в выражении лица.

Сначала Мэри превратилась в маленькую девочку. Нет, черты лица остались прежними, взрослыми, но я знал, что вижу жену именно такой, какой она выглядела в детстве. Мне сразу подумалось, как хорошо будет, если у нас тоже родится девочка.

Затем выражение ее лица менялось — это начинали говорить другие люди, чьи слова сохранились у нее в памя-

ти. Мы словно смотрели на невероятно талантливого актера, играющего подряд сразу несколько ролей.

Мэри воспринимала записи достаточно спокойно, только незаметно для других сунула свою руку в мою. Когда мы добрались до тех жутких кассет, где ее родители превратились в рабов титанцев, она сжала мои пальцы с такой силой, что раздавила бы, не будь у меня рука такой крепкой. Однако больше Мэри никак себя не выдала.

Я отложил в сторону кассеты с надписью «Период анабиоза» — их было удивительно много, никогда бы не подумал, что можно что-то выкопать из памяти человека, который находится в таком состоянии. Что бы там ни было, очевидно, за этот период она не могла узнать ничего для нас полезного. Поэтому я отложил их, и мы перешли к следующей группе — от ее пробуждения до спасения на болотах.

Сразу стало ясно, что паразит оседлал ее, едва Мэри пришла в себя после анабиоза. Мертвое выражение лица — это титанец, которому незачем притворяться. Последние передачи из красной зоны были полны таких кадров. А скудность воспоминаний за этот период лишь подтверждала, что Мэри находилась во власти паразита.

Затем совершенно неожиданно кошмар прекратился, и она вновь стала маленькой девочкой, очень больной и очень испуганной маленькой девочкой. Сохранившиеся в памяти мысли путались, как в бреду, но потом возник новый голос, он прозвучал громко и ясно:

— Да чтоб я сдох! Пит! Смотри — здесь маленькая девочка!

Еще один голос:

— Живая?

И снова первый:

— Не знаю.

Дальше на пленке шли воспоминания о Кайзервиле, ее выздоровление и еще много новых голосов и образов. Спустя какое-то время запись закончилась.

— Я хотел предложить вам прокрутить еще одну запись из того же периода, — сказал доктор Стилтон, вынимая кассету из проектора. — Они все немного отличаются друг от друга, а период этот для нас ключевой.

— Почему, доктор? — поинтересовалась Мэри.

— А? Нет, если не хотите, можем, конечно, не смотреть, но именно этот период мы сейчас исследуем. Нам нужно восстановить события и понять, что же случилось с паразитами, почему они умерли. Если мы сумеем узнать, что за болезнь убила титанца, который... э-э-э... управлял вами, — убила титанца, но пощадила вас, — тогда нам, возможно, удастся найти оружие против паразитов.

— А вы не знаете? — удивленно спросила Мэри.

— Что? Пока нет, но мы непременно узнаем. Человеческая память хранит на удивление подробные записи, даже если извлечь их довольно трудно.

— Но я могу сказать прямо сейчас. Я думала, вы и так знаете. Это девятидневная лихорадка.

— Что? — Хазелхерст выскочил из кресла как ошпаренный.

— Ну да. Вы разве не поняли по моему лицу? Это очень характерная деталь — я имею в виду «маску». Я много раз ее видела. Дома... в смысле, в Кайзервиле, меня отправляли ухаживать за больными девятидневной лихорадкой, потому что я уже переболела и у меня был иммунитет.

— Что вы на это скажете, доктор? — спросил Стилтон. — Вам приходилось видеть таких больных?

— Больных? Нет. Ко времени второй экспедиции уже появилась вакцина. Но я, разумеется, хорошо знаком с клиническими особенностями.

— А можете вы сделать вывод на основе этой записи?

— Хм... — Хазелхерст осторожничал. — Я бы сказал, что увиденное согласуется с этой версией, но не доказывает ее.

— Какая еще версия? — резко спросила Мэри. — Я же сказала, что это девятидневная лихорадка.

— Мы должны быть уверены на все сто процентов, — извиняющимся тоном произнес Стилтон.

— А какие еще доказательства вам нужны? У меня нет на этот счет никаких сомнений. Мне сказали, что, когда Пит и Фриско меня нашли, я была больна. А после я ухаживала за другими больными, но ни разу не заразилась. Я помню их лица перед смертью — точь-в-точь как мое на пленке. Любой, кто хоть однажды видел больного девяти-

дневной лихорадкой, ни с чем другим эту болезнь не спутает. Что еще вам нужно? Огненные письма в небе?

За исключением одного случая, я никогда не видел Мэри такой рассерженной — и сейчас я сказал про себя: «Внимание, джентльмены, все в укрытие!»

— Хорошо, я думаю, вы доказали свою точку зрения, — сказал Стилтон, — но объясните пожалуйста: мы считали, что у вас нет сознательных воспоминаний об этом периоде жизни, и моя проверка это подтвердила, а теперь вы говорите так, словно все помните.

— Да, теперь помню, — произнесла Мэри несколько озадаченно. — И очень отчетливо. Я не думала об этом долгие годы.

— Кажется, я понимаю. — Стилтон повернулся к Хазелхерсту. — Ну, доктор? У вас есть культура девятидневной лихорадки? Ваши люди с ней уже работали?

Хазелхерст ошеломленно посмотрел на него.

— Работали?! Нет, конечно! Это исключено! Девятидневная лихорадка... С таким же успехом мы можем применять полиомиелит или сыпной тиф. Все равно что заусенцы рубить топором!

Я тронул Мэри за руку:

— Пойдем, дорогая. Кажется, мы уже испортили им все, что можно.

Она дрожала, и в глазах у нее стояли слезы. Я тут же увел ее в кают-компанию и выписал ей дозу своего фирменного терапевтического средства — неразбавленного.

Позже я уложил Мэри вздремнуть, присел рядом и дождался, пока она заснет. Затем отыскал отца в выделенном ему кабинете.

— Привет!

Он бросил на меня задумчивый взгляд:

— Ну, Элихью, я слышал, ты сорвал-таки джекпот.

— Я предпочитаю, чтоб меня называли Сэм, — ответил я.

— Пусть будет Сэм. Победителей, конечно, не судят, но твой джекпот оказался до обидного мал. Девятидневная лихорадка... Неудивительно, что вся колония вымерла вместе со слизняками. Видимо, мы не сможем воспользо-

ваться этим открытием. Нельзя рассчитывать на то, что все обладают столь же неукротимой волей к жизни, как Мэри.

Я понимал его разочарование: при девятидневной лихорадке смертность среди невакцинированных землян составляет девяносто восемь с лишним процентов. Среди вакцинированных — ноль, но к нашей ситуации это не относилось. Нам нужна была болезнь, от которой помирали бы паразиты, а не люди.

— Видимо, это и не имеет значения, — заметил я. — Месяца через полтора в долине Миссисипи наверняка начнется эпидемия тифа или чумы — может быть, и то и другое сразу.

— Если только паразиты не извлекут урок из неудачи, которую потерпели в Азии, и не введут жесткие санитарные меры, — ответил Старик.

Об этом я не подумал. Его мысль меня настолько напугала, что я едва не пропустил мимо ушей его следующую фразу:

— Нет, Сэм, тебе придется разработать план получше.

— Мне? Я всего лишь рядовой сотрудник Отдела.

— Был. Теперь ты его возглавляешь. Я не против. Так или иначе, я готов был уйти в отставку.

— Что? Черт возьми, о чем ты говоришь? Я никогда ни за что не отвечал и не собираюсь. Ты у нас руководитель Отдела.

— Руководитель — это человек, которому дано руководить. Звания и знаки отличия, как правило, приходят позднее. Как по-твоему, Олдфилд мог бы меня заменить?

Я подумал и покачал головой. Первый папин заместитель был обычным администратором типа «входящие-исходящие», а не «мозговой центр».

— Я знал, что рано или поздно ты займешь это место, — продолжал он, — и теперь это произошло. Выступил против моего решения по важному вопросу, навязал свой собственный вариант и в итоге оказался прав.

— О боже, чушь какая! Я просто уперся и продал свое решение. Почему-то вам, умникам, так и не пришлось в голову задать свои вопросы единственному настоящему эксперту по Венере, который у вас был, — я имею

в виду Мэри. И я совсем не ожидал, что мы что-то узнаем от нее. Мне просто повезло.

Старик задумчиво покачал головой:

— Я не верю в удачу, Сэм. «Удача» — это ярлык, который посредственность наклеивает на достижения гениев.

Я оперся руками о стол и наклонился к Старику:

— Хорошо, пусть я гений, но в эту телегу ты меня не запряжешь. Когда все закончится, мы с Мэри отправляемся в горы растить детишек и котят. Я не собираюсь тратить лучшие годы жизни на свору чокнутых агентов.

Он только сдержанно улыбнулся, и я добавил:

— Пропади она пропадом, такая работа!

— То же самое сказал Богу дьявол, когда занял его место. Но оказалось, у него не было выбора. Не принимай это близко к сердцу, Сэм. До поры до времени я останусь в своем кресле и буду помогать тебе, чем смогу. А пока... какие будут указания, сэр?

31

Хуже всего было то, что он говорил это всерьез. Я пытался уйти в тень, но ничего не вышло. После полудня все руководство базы и ведущие специалисты собрались на совещание. Меня тоже известили, но я не пошел. Спустя какое-то время в дверях появилась миниатюрная девушка-сержант и вежливо сообщила, что командир ждет. Не могу ли я, мол, поторопиться?

Делать нечего, явился. Но старался не влезать ни в какие дискуссии. Однако отец обладает способностью вести заседания по своему плану, даже если ему не предложили председательствовать; делает он это, пристально глядя на того, чье мнение хотел бы услышать. Очень тонкое умение, поскольку собравшиеся и не подозревают, что их «ведут».

Но я-то его знал. А когда все глаза в комнате смотрят на тебя, проще высказать свое мнение, чем промолчать. Тем более что у меня было свое мнение.

В основном собравшиеся стонали и жаловались по поводу того, что нет никакой возможности использовать девятидневную лихорадку. Да, конечно, она убивает титан-

цев. Она даже венерианцев убивает, хотя их можно надвое разрубить и ничего им не сделается. Но это верная смерть и для людей. Почти для всех. Моя жена выжила, но для подавляющего большинства исходом была смерть. Семь—десять дней после заражения — и конец.

— Вы что-то хотите сказать, мистер Нивенс? — обратился ко мне командующий базой генерал.

Я ничего не хотел сказать, но отец выжидательно смотрел на меня.

— Мне кажется, — начал я, — здесь слишком много говорилось о нашем отчаянном положении и прозвучало слишком много оценок, основанных только на предположениях. Возможно, на неверных предположениях.

— Например?

Готового примера у меня не было; я, что называется, стрелял с бедра.

— Мм... Вот, скажем, все постоянно ссылаются на девять дней лихорадки, как будто эти девять дней — абсолютный неизменный факт. Но это совсем не так.

Генерал нетерпеливо пожал плечами:

— Это просто удобное наименование. В среднем болезнь длится девять дней.

— Да, но откуда вы знаете, что она длится девять дней у слизняка?

По ответному ропоту я понял, что опять попал в точку.

Мне предложили объяснить, почему я считаю, что лихорадка протекает у паразитов быстрее, и какое это имеет значение. Я почувствовал себя человеком, которого попросили произнести речь на банкете, но взял быка за рога и попер вперед.

— Что касается первой части вопроса, — начал я, — то в единственном известном нам случае слизняк на самом деле умер раньше, чем истекли девять дней. Намного раньше. Те из вас, кто видел записи воспоминаний моей жены — а на мой взгляд, их видело уже слишком много специалистов, — знают, что паразит оставил ее — предположительно, отвалился и сдох — задолго до кризиса, который происходит на восьмой день. Одной точки маловато, чтобы построить кривую, но если все так и есть и эксперименты это подтвердят, тогда проблема предстает в совершенно ином свете. Человек, зараженный лихорадкой, может из-

бавиться от своего слизняка, допустим, на четвертый день. У вас останется пять дней, чтобы отловить его и вылечить.

Генерал присвистнул:

— Это довольно рискованный метод, мистер Нивенс. Как вы, например, предлагаете лечить их? Или «отлавливать»? Допустим, мы распространили в красной зоне эпидемию, но после этого потребуются невероятно быстрые действия — кстати, встречающие активное сопротивление, — чтобы разыскать и вылечить пятьдесят миллионов человек, прежде чем они умрут.

Это была, что называется, «горячая картофелина», так что я тут же отпасовал ее обратно. Наверное, не один «эксперт» сделал себе имя подобным же образом, перекладывая ответственность на другого.

— Что же касается второй части вопроса, то это задача для специалистов по тактике и материально-техническому обеспечению — ваша задача, а не моя. А что касается первой, то вот ваш эксперт, — я указал на доктора Хазелхерста, — спросите у него.

Тот пыхтел, сопел — в общем, я понимал, каково ему быть в центре внимания. «Недостаток имеющегося опыта... необходимость дальнейших исследований... дополнительные эксперименты...» Он как будто припоминал, что в свое время велась разработка антитоксина. Однако вакцина оказалась настолько эффективной, что он даже не был уверен, доведена ли работа над антитоксином до конца. Во всяком случае, каждому, кто сегодня отправляется на Венеру, делают перед отлетом прививку. В заключение он промямлил, что изучение экзотических болезней Венеры находится пока в зачаточном состоянии.

Генерал перебил его вопросом:

— Насчет этого антитоксина — как скоро вы сможете узнать точно?

Хазелхерст ответил, что позвонит знакомому в Сорбонне и выяснит.

— Звоните. Прямо сейчас, — приказал генерал. — Можете идти.

На следующее утро, еще до завтрака, кто-то позвонил нам в дверь. Меня это здорово разозлило, я вышел в коридор, но узнал Хазелхерста и сдержался.

— Извините, что разбудил вас, — сказал он, — но вы оказались правы насчет антитоксина.

— В смысле?

— Мне уже выслали партию из Парижа. Она прибудет с минуты на минуту. Надеюсь, антитоксин еще действует.

— А если нет?

— Ну, у нас есть средства, чтобы изготовить еще. В любом случае придется, если этот дикий план будет запущен, — миллионы ампул.

— Спасибо, что сообщили. Уверен, генерал будет доволен. — Я уже повернулся, чтобы вернуться в комнату, но он меня остановил:

— Э-э-э... мистер Нивенс...

— Да?

— Еще по поводу распространителей...

— Распространителей?

Я послушно задумался о придурках, которые лезут к людям со своими листовками и брошюрками.

— Да, распространителей инфекции. Мы не можем использовать крыс, мышей или что-нибудь подобное. Вы в курсе, как передается лихорадка на Венере? Маленькими летающими коловратками — я имею в виду венерианский эквивалент этого насекомого. Здесь таких нет, а это единственный способ распространить инфекцию.

— Вы хотите сказать, что при всем желании не сможете меня заразить? Даже окунув в бак с живой культурой?

— Нет, почему же. Я могу ввести вам вирус в кровь. Но мне трудно себе представить, как миллион парашютистов высаживаются в красной зоне и просят людей с паразитами на спине не дергаться, пока им не сделают уколы. — Он беспомощно развел руками.

У меня в голове что-то смутно забрезжило. Миллион парашютистов разом...

— А почему вы обращаетесь ко мне? — спросил я. — Это скорее по части медиков или биологов.

— Да, конечно. Я просто подумал... Вам как-то легко удается...

— Спасибо. — Мой мозг пытался решить две задачи одновременно, но получалось что-то вроде автомобильного затора.

«...интересно, сколько всего людей в красной зоне?..»

— Скажите-ка мне вот что: допустим, у вас лихорадка, а у меня нет. Вы не можете меня заразить?

«...в высадке не могут участвовать медики: их просто столько не наберется...»

— Это будет нелегко. Если я возьму у себя со слизистой оболочки мазок и полезу с ним в ваше горло, тогда вы, видимо, заболеете. Если я сделаю вам прямое переливание своей крови, вы заболеете наверняка.

— Значит, нужен непосредственный контакт, да? — Сколько человек сможет обработать один парашютист с антитоксином? Двадцать? Тридцать? Или больше? — Если этого достаточно, тогда у вас нет никаких проблем.

— Как это?

— А что прежде всего делает слизняк, встречаясь с другим, которого он последнее время не видел?

— Конъюгации!

— Я всегда называл это «прямые конференции», но я пользовался неточным термином, который употребляли сами слизняки. Как вы полагаете, болезнь можно передать таким образом?

— Полагаю? Да я в этом уверен! Мы уже доказали — прямо здесь, в этой лаборатории, — что при конъюгации происходит обмен белками. Тут уже никто не избежит инфицирования. Мы сможем заразить всю колонию, как будто у нее одно тело. И как я сам до этого не додумался?

Его слова напомнили мне кое-что ужасное типа: «Если бы у моих подданных была только одна шея...»¹, но я воздержался от того, чтобы это процитировать.

— Вы не очень-то пока настраивайтесь на победу, — сказал я. — Лучше сначала проверьте. Хотя лично я думаю, что этот трюк сработает.

— Сработает! Еще как сработает! — Он собрался бежать, но остановился. — Э-э-э... мистер Нивенс, вы не станете возражать... Я знаю, что прошу слишком многого...

— Что такое? Выкладывайте. Мне завтракать пора! — На самом деле мне не терпелось вернуться к решению второй проблемы.

¹ Эту фразу Калигулы («О, если бы у римского народа была только одна шея!») приводит Светоний в «Жизни двенадцати цезарей».

— Э-э-э... Вы позволите мне объявить об этом методе распространения болезни на моем утреннем докладе? Разумеется, приоритет открытия останется за вами, но генерал очень на меня рассчитывает, а это как раз то, что придаст моему отчету завершенность.

Так ему было невтерпех, что я чуть не рассмеялся.

— Ради бога. В конце концов, это по вашей части.

— Вы чрезвычайно любезны. Постараюсь не остаться в долгу.

Хазелхерст отправился к себе счастливым человеком. Я тоже. Приятно, когда тебя считают гением, — я начал входить во вкус.

Перед дверью в нашу каморку я задержался — нужно было прояснить в голове все основные моменты большого десанта — и только после этого вернулся в комнату. Мэри открыла глаза и одарила меня своей райской улыбкой. Я пригладил ее волосы:

— Привет, рыжик. Ты знаешь, что у тебя муж — гений?

— Да.

— Знаешь? Ты никогда мне этого не говорила.

— А ты никогда не спрашивал.

В своем докладе Хазелхерст здорово передо мной расшаркался: он назвал процесс заражения «вектором Нивенса». Мне пришлось это комментировать. На самом деле я всегда считал, что приличнее вежливо дожидаться, пока тебя пригласят прокомментировать чье-то выступление, однако папа сразу посмотрел в мою сторону.

— Я согласен с доктором Хазелхерстом, — начал я, — хотя здесь требуется экспериментальное подтверждение, как он и упомянул. Однако он не остановился на некоторых аспектах проблемы, которые носят не медицинский, а скорее тактический характер. Действительно, все коллективное тело титанцев может быть инфицировано в результате одного контакта, но важные соображения относительно общих сроков — можно сказать, решающие... — (речь я продумал за завтраком, вплоть до драматических пауз; у Мэри, к счастью, нет привычки болтать с утра во время еды), — требуют начать распространение инфекции сразу во многих точках. Если мы хотим спасти сто процентов

населения красной зоны, необходимо, чтобы все паразиты были заражены практически одновременно. Тогда спасательные бригады смогут высадиться в красной зоне после того, как слизняки перестанут представлять опасность, но до того, как носители минуют стадию, после которо антитоксин уже бесполезен. Проблема легко поддается математическому анализу... — (Сэм, мальчик мой, сказал я себе, старый ты шарлатан, тебе самому даже с электронным интегратором за двадцать лет не справиться), — и ее следует передать в аналитический отдел. А пока я позволю себе вкратце обрисовать задачу. Количество источников заражения обозначим X , а количество спасателей, которых мы сможем послать, — Y . Существует бесконечное число решений этой задачи, но оптимальное зависит от возможностей материально-технического обеспечения. Я уже говорил, что здесь необходим точный математический расчет, но, основываясь на собственном, к сожалению слишком близком, знакомстве с их привычками... — цифры я как мог прикинул на логарифмической линейке, но разумеется, этого не сказал, — полагаю, что нам понадобится...

Все затаили дыхание — можно было бы услышать, как муха пролетит, если бы в этом подземелье водились мухи, — и я продолжал. Меня прервали только один раз, когда я слишком низко оценил фактор « X », — тогда генерал заявил:

— Мистер Нивенс, можете не сомневаться, добровольцев будет столько, сколько нужно.

Я покачал головой:

— Добровольцев тут использовать нельзя, генерал.

— Да, я вас понимаю. Болезнь должна укрепиться в организме, и у добровольцев останется слишком мало времени, чтобы подействовало противоядие. Но эта проблема решается очень просто. Им можно имплантировать желатиновую капсулу с антитоксином или еще что-то. Тут наши люди справятся.

Я тоже думал, что они справятся, и возражал против добровольцев по другой причине: отвратительной казалась сама мысль, что этим людям придется подчиниться паразитам.

— Как бы там ни было, нам нельзя использовать добровольцев, сэр. Слизняк узнает все, что знает его носитель, и просто не пойдет на прямые переговоры. Вместо этого он предупредит остальных голосом. — Я не был в этом уверен, но прозвучало вполне правдоподобно. — Нет, нам придется использовать животных — обезьян, собак, любых животных, которые способны носить слизняка, но не могут ничего рассказать. И их должно быть достаточно, чтобы заразить всю опасную зону, прежде чем хотя бы один паразит поймет, что болен.

Затем я вкратце высказал свои соображения по поводу высадки десанта — операции «Милосердие», как я ее назвал.

— Первую фазу, операцию «Лихорадка», можно начинать, как только у нас будет достаточно антитоксина для второй фазы. И через неделю после этого на нашем континенте не должно остаться в живых ни одного слизняка.

Никто не аплодировал, но атмосфера была соответствующая. Генерал закрыл заседание и поспешил удалиться, чтобы переговорить с маршалом Рекстоном, а после прислал своего помощника с приглашением на ланч. Я ответил согласием, но при условии, что приглашение распространяется и на жену.

Отец ждал меня у выхода из конференц-зала.

— Ну как я выступил? — спросил я, стараясь не показывать, что волнуюсь, хотя, кажется, мне это не очень удавалось.

Он затряс головой:

— Сэм, ты их наповал сразил. У тебя есть задатки политика... Или нет, лучше я достану тебе контракт с какой-нибудь студией на полгода. Будешь выступать на стерео.

Меня распирало от удовольствия. За всю речь я ни разу не замаялся и вообще чувствовал себя теперь совершенно другим человеком.

32

Шимпанзе, за которого я так переживал в Национальном зоопарке, — Сатана — полностью оправдал свою кличку, едва его освободили от слизняка. Отец вызвался доб-

ровольцем для проверки «теории Нивенса—Хазелхерста», но я уперся, и короткая спичка досталась Сатане.

Отец раздул из этого целую проблему: он все носился со своей дурацкой идеей, что ему нужно хотя бы раз побывать под контролем слизняка. Я сказал ему, что у нас нет времени тешить его порочные наклонности, тогда он разозлился, но я стоял на своем.

Ни сыновние чувства, ни их фрейдистская противоположность тут были ни при чем: я просто боялся комбинации Старик-плюс-паразит. Мне не хотелось, чтоб он оказался на их стороне даже временно и в лабораторных условиях: слишком уж Старик хитер и изворотлив. Я не знал, как именно ему удастся убежать и что он сделает, чтобы разрушить наши планы, но я был твердо уверен: он это сделает, едва окажется под их контролем.

Люди, которые не испытали на себе власти паразитов, даже те, кто мог наблюдать это со стороны, не в состоянии понять, насколько враждебно относятся к нам, свободным людям, носители — при этом сохраняя все свои способности. Мы не могли рисковать тем, что отец окажется против нас, — и я употребил все свое влияние, чтобы ему отказать.

Короче, для опытов использовали обезьян. В наше распоряжение передали не только питомцев Национального зоопарка, но и множество других — из зоопарков поменьше и нескольких цирков. Я не выбирал Сатану, — будь моя воля, я бы оставил бедное животное в покое. У него на морде было написано такое страдание, что все забывали о слизняке, сидящем у него на спине.

Сатане вкололи девятидневную лихорадку в среду, тринадцатого числа. К пятнице он уже заболел, и к нему в клетку поместили другого шимпанзе с паразитом. Два слизняка тут же соединились для прямых переговоров, после чего вторую обезьяну снова отселили.

В воскресенье, семнадцатого, хозяин Сатаны съехался и отвалился — мертвый. Сатане немедленно ввели анти-токсин. В понедельник поздно вечером сдох второй слизняк, и его носитель получил свою дозу препарата.

К среде Сатана практически выздоровел, хотя и заметно похудел. Вторая обезьяна, Лорд Фаунтлерой, тоже поправ-

лялась. На радостях я дал Сатане банан, а он откусил мне последний сустав на указательном пальце. Обидно, тем более что времени заниматься восстановлением у меня не было. Впрочем, я сам виноват: у Сатаны действительно мерзкий характер.

Но маленькая травма не испортила мне настроения. Забинтовав палец, я бросился искать Мэри: мне хотелось поделиться с ней радостью. Не нашел ее и в конце концов отправился в кают-компанию: думал, найду кого-нибудь, с кем можно будет отпраздновать.

Но там никого не оказалось. Все работали в лабораториях — готовились к началу операций «Лихорадка» и «Милосердие». Распоряжением президента все приготовления велись только на одной этой базе в нашей лаборатории в недрах Смоки-Маунтинса. Обезьян для распространения инфекции — более двухсот — тоже доставили на базу; здесь же «колдовали» над культурой болезнетворных микроорганизмов и антитоксином. Даже пункт для получения иммунной сыворотки разместили в подземном зале, где раньше сотрудники базы играли в гандбол.

Миллион с лишним человек для операции «Милосердие», конечно же, там разместиться не могли, но они и не должны были ничего знать до сигнала тревоги перед началом операции, когда каждому из них выдадут пистолет и два нагрудных патронташа с одноразовыми инъекторами антитоксина. Тем, кто ни разу не прыгал с парашютом, поможет преодолеть страх сержант — если будет необходимо, пинком. Делалось все возможное, чтобы сохранить подготовку в тайне; мы могли и проиграть, если только титанцы узнают о наших планах — от предателя или еще как-то. Слишком много хороших замыслов проваливалось в прошлом потому лишь, что какой-нибудь идиот выбалтывал их в постели жене.

Если нам не удастся сохранить наш план в тайне, наших зараженных обезьян никогда не допустят до прямых переговоров, их просто перестреляют сразу после появления среди титанцев. Однако после первой рюмки я немного расслабился. Меня не покидало радостное чувство, и я почти не сомневался, что утечки не произойдет. Все, кто

прилетел на базу, должны были оставаться там до самой высадки десанта, а любое общение с внешним миром полностью контролировал полковник Келли.

Что же касается утечки информации из источников за пределами базы, то это практически исключалось. Недель раньше генерал, отец, полковник Гибси и я побывали в Белом доме, где встретились с президентом и маршалом Рекстоном. Я уже убедил Старика, что лучший способ сохранить тайну — ни с кем ею не делиться. Он устроил целое театрализованное представление со скандалом и добился того, чего мы хотели: в конце концов о плане не сообщили даже министру национальной безопасности Мартинесу. Если президент или Рекстон не разговаривают во сне, то все должно быть в порядке. Нужно продержаться только неделю.

Неделя была крайним сроком. Красная зона неумолимо расплзалась. Контратака у Пасс-Кристиана была не последней. Слизняки перешли в наступление и овладели побережьем Мексиканского залива к востоку от Пенсаколы и, похоже, не собирались на этом останавливаться. А может быть, им надоест преодолевать наше сопротивление и они решат «истратить» потенциальных носителей, просто забросав наши города атомными бомбами. Если это случится, мы не сможем их остановить. Радарные службы, конечно, сообщат об угрозе заранее, но они не могут остановить массированное нападение.

Но я решил не думать о плохом. Еще неделя — и...

В кают-компанию вошел полковник Келли и сел рядом.
— Выпить не хотите? — спросил я. — Есть повод.

Он посмотрел на свой огромный волосатый живот и сказал:

— Ладно, я думаю, от одного пива мне хуже не станет.

— Берите два. Нет, четыре. Или сразу дюжину! — Я заказал для него пива и сообщил об успешном эксперименте с обезьянами.

Келли кивнул:

— Да, я слышал. Неплохо.

— Всего лишь «неплохо»? Полковник, мы в полушаге от победы! Через неделю все будет закончено!

— Ну а дальше-то что?

— Как «что»? — Я даже немного разозлился. — Вы сможете одеться и вообще вернуться к нормальной жизни. Или вы думаете, наш план не сработает?

— Нет, отчего же? Операция, я думаю, пройдет успешно.

— Тогда почему такой траур?

Келли уклонился от прямого ответа. Вместо этого он сказал:

— Мистер Нивенс, вы сами, очевидно, понимаете, что с таким пузом, как у меня, не очень-то приятно расхаживать голышом.

— Видимо, да. Но сам я привык и уже вхожу во вкус. Будет даже жаль, если все станет как прежде. Удобно, да и время экономится.

— А вы не беспокойтесь, не станет. Ничего уже не изменится.

— Что-то я вас не понимаю. Минуту назад вы сказали, что наш план сработает, а теперь утверждаете, что режим «Загар» останется в силе навсегда.

— С некоторыми изменениями, но останется.

— Простите? Я сегодня не очень хорошо соображаю.

Он выбил на клавиатуре еще одно пиво.

— Мистер Нивенс, я никогда не думал, что мне доведется увидеть, как военный комплекс превращается в лагерь нудистов. А увидев, я уже не жду, что все вернется обратно. Потому что это невозможно. Ящик Пандоры открывается только в одну сторону. «И вся королевская конница, и вся королевская рать...»¹

— Согласен, — ответил я. — В жизни ничто не проходит бесследно и ничто не становится как было. Но по-моему, вы преувеличиваете. Едва президент отменит режим «Загар», законы о появлении в общественных местах в непристойном виде снова войдут в силу и человека без штанов, скорее всего, арестуют.

— Надеюсь, этого не произойдет.

— Ха! Вам все-таки нужно решить, чего вам хочется больше.

— А все уже решено за меня. Мистер Нивенс, до тех пор пока существует вероятность, что на Земле остался хотя бы один слизняк, любой нормальный человек должен

¹ Перевод С. Маршака.

быть готов оголить тело по первому же требованию. Иначе его могут просто пристрелить. Не только на этой неделе или на следующей, а двадцать лет спустя и, может быть, сто. Нет, я не сомневаюсь в успехе операции, — добавил он, видя, что я собираюсь возразить, — но, простите, вы были слишком заняты их деталями, чтобы заметить: все эти меры сугубо временные и локальные. Как, например, быть с амазонскими джунглями? Вы, случайно, не собираетесь их прочесывать? Но это так, риторические вопросы. На планете около шестидесяти миллионов квадратных миль суши. Этой работе конца не видно. Черт, мы даже с крысами не можем справиться, хотя люди бьют их с незапамятных времен. А титанцы хитрее крыс и плодятся с большей скоростью.

— Хотите сказать, что мы затеяли безнадежное дело? — спросил я.

— Безнадежное? Вовсе нет. Закажите себе еще. Я просто пытаюсь убедить вас, что нам предстоит научиться жить с этим кошмаром — так же, как мы научились жить при атомной бомбе.

Я ушел из кают-компания, чувствуя себя разбитым. Моя самоуверенность куда-то улетучилась. Мне хотелось увидеть Мэри. И еще я думал, что в иные дни никакой радости быть гением.

33

Все собрались в том же самом конференц-зале Белого дома, и мне сразу вспомнилась ночь после обращения президента к нации, много недель назад. Присутствовали отец, Мэри, Рекстон и Мартинес. Не было никого из обычного окружения президента, их места заняли наш генерал из лаборатории, доктор Хазелхерст и полковник Гибси. Мартинес еще не вполне очухался от известия, что самое большое шоу его собственного отдела разыграли у него за спиной.

Но никто не обращал на него внимания. Наши глаза были прикованы к электронной карте на стене; прошло

уже четыре с половиной дня от начала операции «Лихорадка», но долина Миссисипи по-прежнему светилась рубиновыми огнями.

Я немного нервничал, хотя в целом заброска обезьян прошла успешно и мы потеряли только три борта. По нашим расчетам, все слизняки, вступавшие в прямые переговоры, должны были заразиться три дня назад, причем двадцать три процента из них неоднократно. Операция планировалась таким образом, чтобы охватить около восьмидесяти процентов титанцев в первые же двенадцать часов — главным образом в крупных городах.

Скоро, очень скоро паразиты начнут дохнуть быстрее, чем мухи. Если только мы нигде не ошиблись.

Усилием воли я заставил себя сидеть на месте, но мысли сами возвращались к карте. Что там за этими рубиновыми огнями? Несколько миллионов очень больных слизняков или две сотни мертвых обезьян? Вдруг кто-то напутал в расчетах? Сболтнул лишнего? Или мы допустили в своих рассуждениях ошибку столь колоссальную, что не можем ее увидеть?

Неожиданно прямо в центре карты вспыхнул зеленый огонек. Все встрепенулись. Из динамиков стереовизора послышался голос, хотя изображение так и не появилось.

— Говорит станция Дикси, Литл-Рок, — донесся до нас очень усталый голос; говорил явно южанин. — Нам срочно нужна помощь. Все, кто нас слышит, пожалуйста, передайте это сообщение дальше: в Литл-Роке, штат Арканзас, разразилась ужасная эпидемия. Необходимо поставить в известность Красный Крест. Мы были в руках... — Голос растаял — то ли от слабости, то ли прервалась связь.

Я наконец вспомнил, что надо дышать. Мэри тронула меня за руку, и я откинулся в кресле, чувствуя, как полегчало на душе. Не просто удовольствие, нет — ощущение великой радости. Вглядевшись в карту внимательнее, я заметил, что зеленый огонек вспыхнул не в самом Литл-Роке, а западнее, в Оклахоме. Вскоре вспыхнули еще два: один в Небраске, другой чуть к северу от канадской границы. Из динамиков донесся новый голос — со звонким новоанглийским произношением. И как его угораздило оказаться в красной зоне?

— Как во время выборов под конец дня, да? — пошутил Мартинес.

— Похоже, но обычно мы не получаем голосов из Мексики, — согласился президент и указал на карту: в штате Чиуауа загорелось сразу несколько зеленых огней.

— А, черт, верно! Видимо, когда все это закончится, Госдепартаменту придется утрясать не один конфликт, а?

Президент не ответил, и Мартинес, слава богу, умолк. Я посмотрел на президента. Тот шевелил губами, словно разговаривал сам с собой. Он заметил мой взгляд, улыбнулся и произнес вслух:

На спинах блох блошата есть,
Кусают блох они там.
Блошинок у блошат не счесть,
И так *ad infinitum*¹.

Я из вежливости улыбнулся: ситуация — наша, во всяком случае, — к веселью не располагала.

Президент отвернулся и сказал:

— Кто-нибудь хочет ужинать? У меня впервые за несколько дней разыгрался аппетит.

К вечеру следующего дня зеленого на карте стало гораздо больше, чем красного. Рекстон распорядился установить в зале два монитора с прямым подключением к центру управления в Новом Пентагоне: один показывал сложным образом рассчитанный процент готовности к высадке, другой — расчетное время десантирования. Цифры на втором мониторе время от времени менялись то в одну, то в другую сторону, но последние два часа время колебалось около 17:43 по времени Восточного побережья.

Рекстон поднялся с места и объявил:

— Я думаю, надо назначить десантирование на семнадцать сорок пять. Господин президент, если позволите...

— Разумеется, сэр.

Рекстон повернулся к нам со Стариком:

— Если вы, донкихоты, все еще не передумали, то пора идти.

¹ До бесконечности (*лат.*). Президент декламирует детский стишок, восходящий к сатирическому стихотворению Джонатана Свифта «О поэзии. Рапсодия» (1723).

Я встал:

— Мэри, ты меня обязательно дождись.

— Где? — спросила она.

Еще раньше мы решили — правда, не без скандала, — что Мэри в операции участвовать не будет.

— Может быть, миссис Нивенс подождет вас здесь? — вмешался президент. — В конце концов, она — почти член семьи.

Он сопроводил приглашение своей лучшей улыбкой, и я сказал:

— Благодарю вас, сэр.

Полковника Гибси чуть не перекосило.

Спустя два часа мы были над целью, и дверь уже открылась. Мы с отцом шли последними, за молодыми десантниками, которые займутся настоящей работой. Руки у меня вспотели, и, видимо, от меня просто несло страхом. Ненавижу прыгать с парашютом.

34

С пистолетом в левой руке, инъектором с антитоксином — в правой, я перебирался от дома к дому в назначенном мне квартале — старый район Джефферсон-Сити, почти трущобы, застроенные многоквартирными домами пятидесятилетней давности. Я успел ввести антитоксин двум десяткам больных, и еще порций тридцать у меня оставалось, а затем нужно было идти к месту сбора у здания муниципалитета. Но по правде сказать, меня уже начинало мутить.

Я знал, зачем прилетел. Нет, не из любопытства. Я хотел своими глазами увидеть, как подыхают паразиты, хотел увидеть их мертвыми, всех, и эта иссушающая душу ненависть пересиливала все другие чувства. Увидел. Достаточно увидел. Теперь мне хотелось только домой — отмыться и забыть.

Работа была нетяжелая, но монотонная и, в общем, не для слабонервных. Ни одного живого паразита я пока не встретил, зато видел множество мертвых. Прижег собаку,

у которой, мне показалось, был горб, хотя, может быть, я и ошибся: высадились мы перед закатом и вскоре стало совсем темно.

Хуже всего были запахи. Те, кто сравнивает вонь от невымытых, запаршивевших больных людей с вонью овечьего стада, просто ненавидят овец.

Я закончил проверку дома, покричал на всякий случай — вдруг кто откликнется — и вышел на улицу. Никого. Поскольку все слегли от лихорадки, люди на улицах нам почти не встречались. Но на этот раз я увидел человека — редкое исключение. Он шел на заплетающихся ногах прямо на меня, но его пустые глаза, похоже, ничего не замечали. Я крикнул: «Эй!»

Человек остановился.

— У меня есть как раз то, что тебе нужно, — сказал я. — Вытяни руку.

Он попытался меня ударить. Я легко увернулся, двинул его несильно по шее, и он повалился лицом вниз. На спине у него краснела сыпь: совсем недавно там сидел паразит. Я выбрал над почками место почище, воткнул инъектор и чуть наклонил, чтобы сломать головку ампулы. Они были заряжены под давлением, так что больше ничего не требовалось. Я даже не потрудился его выдергивать, а оставил торчать из спины.

На первом этаже следующего дома оказалось семеро больных, большинство из них в таком плохом состоянии, что я, не говоря ни слова, ввел каждому по дозе и пошел дальше. На втором этаже — то же самое.

На самом последнем — три пустые квартиры. Правда, чтобы убедиться в этом, в одной из них пришлось выжечь замок. В четвертой жили — если можно так сказать. На полу кухни лежала женщина с пробитой головой. Паразит все еще сидел у нее на плечах, но уже мертвый. Я не стал их трогать и пошел дальше по квартире.

В ванной комнате, в старинной чугунной ванне, сидел, уронив голову на грудь, мужчина средних лет со вскрытыми венами. Мне показалось, что он мертв, но, когда я наклонился, мужчина с трудом поднял голову и глухо произнес:

— Вы пришли слишком поздно. Я убил свою жену.

Или слишком рано, подумал я. Судя по тому, сколько крови натекло на дне ванны, по его серому лицу, пятью минутами позже было бы лучше. Я смотрел на него, не зная, стоит ли тратить ампулу. Но тут он едва слышно произнес:

— Моя дочь...

— У вас есть дочь? — громко спросил я. — Где она?

Веки его дрогнули, но он ничего не сказал и снова уронил голову на грудь. Я покричал ему в ухо, потом вдавил большой палец в его шею. Пульса не было. На всякий случай, уходя, я оказал ему последнюю любезность: выстрелил в затылок.

Его дочь, лет восьми или около того, я нашел в постели в одной из комнат, — если бы не болезнь, очень симпатичная девчушка. Она проснулась, заплакала и назвала меня «папочкой».

— Да, папочка здесь. Сейчас папочка тебя вылечит, — сказал я и ввел ей антитоксин в ногу.

Она даже не заметила укола.

Я уже собрался идти, но она попросила пить. Пришлось возвращаться в ванную. Когда я держал стакан у ее губ, пронзительно зазвонил мой телефон, и от неожиданности я пролил немного воды.

— Сынок, ты меня слышишь?

Я притронулся к аппарату связи на поясе и включил свой телефон.

— Да. Что случилось?

— Я сейчас в небольшом парке к северу от тебя. Нужна твоя помощь.

— Иду!

Поставив стакан, я двинулся к выходу, но в нерешительности остановился, затем вернулся. Нельзя же было оставить ее там, чтобы она проснулась и первым делом наткнулась в квартире на своих мертвых родителей. Я взял девочку на руки и отнес на второй этаж, зашел в первую попавшуюся квартиру и положил на диван. Люди в этой квартире сами лежали без движения, но ничего другого мне не оставалось.

— Скорее, сынок!

— Уже иду!

Я метнулся на улицу и, не тратя лишних слов, бросился бегом. Улица, назначенная отцу, шла параллельно моей и граничила с крохотным парком. Обогнув дом, я не заметил отца и пробежал мимо.

— Сюда, сынок. Я в машине!

Теперь я слышал его и в телефоне, и так, а обернувшись, увидел машину, большой летающий «кадиллак» вроде тех, что обычно использует Отдел. Внутри сидел человек, но в темноте трудно было разглядеть кто.

Я стал осторожно приближаться к машине, пока не услышал голос:

— Слава богу! Я уж думал, ты никогда не придешь.

Голос отца.

Забираясь в машину, я пригнулся, и вот тут-то он двинул меня по затылку.

Придя в себя, я обнаружил, что руки и ноги у меня связаны. Я полулежал во втором водительском сиденье, а Старик вел машину, сидя в первом. Руль на моей стороне был убран вверх. Когда до меня дошло, что мы в воздухе, я очнулся окончательно.

Старик повернулся ко мне и с улыбкой спросил:

— Ну как, уже лучше?

— Пожалуй, — ответил я, глядя на сидящего у него на плечах слизняка.

— Извини, что пришлось тебя оглушить. Выбора не было.

— Да, наверное.

— Придется пока оставить тебя связанным. Позже мы придумаем что-нибудь получше. — Он улыбнулся такой знакомой зловещей улыбкой, и меня поразило, до чего же сильно проглядывает личность Старика в каждом слове, которое произносит паразит.

Я не стал спрашивать, что означает «что-нибудь получше», — не хотел знать. Вместо этого я принялся проверять веревки, но Старик постарался на совесть, ничего не скажешь.

— Куда мы летим?

— На юг, — ответил он, что-то переключая на панели управления. — Далеко на юг. Дай мне минутку, я задам колымаге программу и тогда объясню тебе все наши пла-

ны. — Он повожился еще несколько секунд, затем удовлетворенно сказал: — Ну вот, этого ей хватит, пока не наберем тридцать тысяч.

Упоминание о такой большой высоте заставило меня еще раз взглянуть на приборную панель. Машина не просто походила на одну из машин Отдела, это и была одна из наших машин с форсированными движками.

— Где ты ее взял? — спросил я.

— Отдел на всякий случай припрятал ее в Джефферсон-Сити. Я проверил — и вот, ее действительно никто не нашел. Повезло, да?

У меня, конечно, на этот счет сложилось свое мнение, но я не стал спорить. Я по-прежнему пытался найти выход, хотя шансы вырисовывались от почти безнадежных до нулевых. Пистолет исчез. Свой он, очевидно, держал с другой стороны, подальше от меня.

— Но это еще не все, — продолжал Старик. — Мне повезло: меня захватил, возможно, единственный во всем Джефферсон-Сити здоровый титанец. Хотя в удачу я, как ты знаешь, не верю. Короче, мы все-таки победим. — Он усмехнулся. — Это все равно что разыгрывать сложную шахматную партию сразу за обе стороны.

— Ты так и не сказал мне, куда мы летим. — Я не знал, чем мне поможет эта информация, но ничего другого предпринять все равно не мог.

Он на секунду задумался.

— Во всяком случае, за пределы Соединенных Штатов. Возможно, мой хозяин единственный не заболевший девятидневной лихорадкой на всем континенте, и я не хочу рисковать. Думаю, полуостров Юкатан нас вполне устроит — как раз туда я и направил машину. Мы сможем там отсидеться, восстановить численность и обработать юг. Когда мы вернемся — а мы обязательно вернемся! — мы не сделаем тех же ошибок.

— Может, ты меня развяжешь, пап? У меня все затекло. Ты же знаешь, что мне можно доверять, — сказал я.

— Подожди, подожди... Всему свое время. Сначала надо запрограммировать автопилот.

Машина все еще поднималась. Даже после доработки в Отделе ей требовалось время, чтобы набрать тридцать

тысяч футов: в конце концов, с конвейера она сошла как обычная серийная модель.

— Похоже, ты забываешь, что я и сам долгое время был с хозяевами, — сказал я. — Я знаю, что это такое, и могу дать тебе честное слово...

Он только усмехнулся:

— Не учи отца овец воровать. Если тебя развязать сейчас, ты меня убьешь или мне придется убить тебя. А ты нужен мне живым. Мы с тобой еще погуляем, сынок. Хитрости и решительности нам не занимать, а это как раз то, что нужно.

Я промолчал, и он добавил:

— Кстати, насчет того, что ты знаешь... Почему ты мне ничего не сказал, сынок? Почему ты от меня скрывал?

— Что?

— Ты не сказал мне, каково это на самом деле. Я даже не подозревал, сынок, что такое возможно — покой, удовлетворение, благодать. Никогда в жизни я не чувствовал себя таким счастливым. Разве что... — На лице у него промелькнуло удивленное выражение. — Разве что до того, как умерла твоя мать. Впрочем, сейчас мне даже лучше. Ты напрасно не рассказал мне об этом.

Меня обдало таким отвращением, что я начисто забыл о тонкой игре, которую пытался вести.

— Может быть, для меня все это совсем не так. Да и для тебя на самом деле тоже, старый ты идиот, только сейчас у тебя на загривке сидит паразит, говорит твоим языком и думает твоим мозгом!

— Не кипятись, сынок, — сказал он мягко, и, черт побери, его голос действительно немного меня успокоил. — Скоро ты сам все поймешь. Поверь, это наша судьба, наше предназначение. Человечество разделено и постоянно воюет, но хозяева сделают его единым.

Я вдруг подумал, что, наверное, и в самом деле есть такие слабоумные, которым эта идея придется по вкусу — добровольно продать душу за обещание мира и безопасности. Однако промолчал.

— Совсем немного уже ждать осталось, — сказал отец, бросив взгляд на приборную панель. — Сейчас я задам ей направление, и все будет в порядке. — Он настроил авто-

пилот и еще раз проверил приборы. — Следующая остановка — Юкатан. А теперь пора к делу.

Он поднялся с сиденья и опустился рядом со мной на колени, втиснувшись в узкое пространство.

— На всякий случай, — сказал он, затягивая ремень безопасности у меня на поясе.

Я резко поднял колени и ударил его в лицо.

Отец отскочил и бросил на меня беззлобный взгляд:

— Ай-ай, какой шалун! Я мог бы рассердиться, но хозяева не сердятся. А теперь будь паинькой. — Из носа у него текла кровь, но он даже не остановился, чтобы ее стереть, проверил веревки на руках и на ногах и добавил: — Сойдет. Потерпи еще немного. Это будет быстро.

Затем сел на свое место и наклонился вперед, упершись локтями в колени. Теперь я видел его хозяина.

Несколько минут ничего не происходило, и я, напрягая все силы, пытался хоть немного ослабить веревки — ничего другого не оставалось. Старик, казалось, уснул, но я знал, что он может притворяться.

На твердом кожистом покрытии паразита, посередине, вдруг появилась вертикальная линия.

Прямо у меня на глазах трещина становилась шире и шире, и вскоре показалось мерзкое, переливающееся мутными цветами тело этой твари. До меня наконец дошло, что паразит разделился и теперь высасывает из моего отца жизнь и его плоть, чтобы хватило на двух хозяев.

И в то же мгновение я понял, что моей собственной свободной жизни мне осталось от силы минут пять. Мой новый хозяин уже родился и вот-вот будет готов перебраться ко мне на спину.

Если бы было возможно разорвать путы усилием человеческой плоти, я бы это сделал, но увы. Старик не обращал на мои потуги никакого внимания. Я даже думаю, что он вообще ничего не замечал. При делении контроль над носителем наверняка ослабевает, и, видимо, паразиты просто парализуют своих рабов. Старик, во всяком случае, сидел совершенно неподвижно.

К тому времени, когда я, обессилев и потеряв всякую надежду вырваться, сдался, по телу самого паразита уже бежала тонкая серебристая линия — верный признак того,

что процесс деления вот-вот закончится. Именно это, пожалуй, подстегнуло меня искать другой выход, хотя от ужаса я мало что в этот момент соображал.

Мои руки были связаны за спиной, ноги тоже связаны — у лодыжек, и, кроме того, Старик притянул меня за пояс к сиденью ремнем безопасности. Но ногам, хотя и связанным вместе, от пояса вниз ничего не мешало. Я сполз по сиденью еще ниже, задрал ноги и изо всех сил ударил по приборной панели, включив сразу все стартовые ускорители.

Перегрузка получилась — дай бог. Я не знаю, сколько в машине оставалось ускорителей, и поэтому не могу сказать точно, сколько вышло g, но, в общем, немало. Нас обоих швырнуло назад. Отца гораздо сильнее, поскольку я был пристегнут ремнем. Его бросило на спинку сиденья, и открывшийся, беззащитный паразит оказался как между молотом и наковальней.

Короче, он буквально брызнул во все стороны.

Отца выгнуло в том жутком спазме, что я видел уже три раза, и, с искаженным лицом, со скрюченными пальцами, откинуло вперед на рулевую колонку.

Машина резко пошла вниз.

Я сидел и смотрел, как она падает, если вообще можно «сидеть», когда висишь привязанный только ремнем у пояса. Если бы тело отца, рухнувшее на приборную панель, не сбilo все приборы, я бы еще мог что-то сделать — например, связанными ногами выровнять курс. Пытался, но ничего не вышло. Видимо, управление еще и заклинило.

Альтиметр деловито шелкал. Когда я нашел время взглянуть на прибор, он показывал уже одиннадцать тысяч футов. Затем стало девять... семь... шесть — и мы вышли на последнюю милю.

На высоте полторы тысячи футов включилась радарная блокировка, и один за другим выстрелили тормозные ускорители в носу машины. Каждый раз меня чуть не разрезало ремнем пополам, однако появилась надежда, что теперь машина выровняется и, может быть, я спасусь. Рассчитывать на это было глупо, поскольку отец по-прежнему лежал на рулевой колонке...

Но когда мы врезались в землю, я все еще надеялся.

В себя я начал приходить, почувствовав какое-то мягкое покачивание. Ощущение раздражало, и в голове крутилась только одна мысль: «Когда же это кончится?» Каждое, даже самое легкое движение вызывало нестерпимую боль во всем теле. Я с трудом разлепил один глаз — второй вообще не открывался — и тупо огляделся, пытаюсь сообразить, чем же вызвано это раздражающее покачивание.

Надо мной был пол машины, но я довольно долго его разглядывал, прежде чем понял, что это такое. К тому времени я начал вспоминать, где нахожусь и что произошло. Вспомнился стремительный полет вниз, удар, и до меня дошло, что мы упали не на землю, а, видимо, в воду. Может быть, в Мексиканский залив? Я не знал наверняка, да и не до того было.

Мысль об отце отозвалась вспышкой боли и отчаянья.

Надо мной болтались два обрывка ремня безопасности. Руки и ноги по-прежнему были связаны, но одну руку я вроде бы умудрился сломать. Второй глаз так и не открывался, дышалось с трудом. Отца у приборной панели не оказалось, и это меня почему-то удивило. Превозмогая боль, я перекатил голову, чтобы взглянуть на другую часть машины здоровым глазом. Отец, весь в крови, лежал совсем рядом; от моей головы до его было всего фута три. Я уже не надеялся, что он жив, но, наверно, целых полчаса потратил, чтобы проползти эти три фута.

Дополз и остановился лицом к нему, почти касаясь щекой его щеки. Никаких признаков жизни, и, судя по тому, как он лежал — изломанный, скомканный, словно тряпичная кукла, — на чудо рассчитывать не приходилось.

— Папа, — хрипло позвал я, затем закричал: — Папа!

Веки его дрогнули, но глаза остались закрытыми.

— Привет, сынок. Спасибо... Я тебе очень благодарен... — прошептал он и умолк.

Мне хотелось встряхнуть его, но я ничего не мог, только кричать:

— Папа! очнись! Ты жив?

Он снова заговорил, но каждое слово, похоже, давалось ему с болезненным усилием:

— Твоя мать... просила передать тебе... она очень тобой гордилась...

Его голос снова умолк, а дыхание вдруг наполнилось зловещим предсмертным хрипом.

— Папа, — закричал я сквозь слезы, — не умирай! Я не смогу без тебя!

Он открыл глаза:

— Сможешь, сынок, сможешь. — Пауза, хриплый натужный вздох, затем: — Мне так больно... — И глаза закрылись.

Я кричал, но больше ничего не мог от него добиться. Затем просто прижался к нему лицом, и по моим щекам, смешиваясь с кровью и грязью, потекли слезы.

35

А теперь мы вычистим Титан!

Все, кто должен был лететь, пишут такие отчеты. Если мы не вернемся, это будет нашим посланием свободному человечеству — тут всё, что мы знаем о титанцах и о том, чего в борьбе с ними надо опасаться. Ибо Келли оказался прав: Шалтая-Болтая уже не собрать. Несмотря на успешное завершение операции «Милосердие», нельзя успокаиваться и думать, что все титанцы уничтожены. Только неделю назад на Юконе пристрелили медведя с паразитом на спине.

Отныне человечеству предстоит постоянно быть настороже, особенно лет через двадцать пять — если мы не вернемся, а вместо нас прилетят тарелки. Нам пока неизвестно, почему активность титанцев подчиняется двадцатидевятилетнему циклу сатурнианского года, но это факт. Причина, возможно, очень проста: мы и сами во многом подчиняемся циклу, совпадающему с земным годом. Будем надеяться, что титанцы по-настоящему активны только в один из периодов своего года. Если так, операция «Возмездие» пройдет легко и быстро. Впрочем, мы на это не рассчитываем. Меня направили, помоги нам Бог, как «специалиста по прикладной экзопсихологии», но, кроме того, я еще и боевая единица, как любой из нас, от капеллана до повара. Мы раз и навсегда должны показать паразитам,

что они совершили крупную ошибку, связавшись с самой живучей, самой коварной, самой опасной, самой непокорной — и самой способной — формой жизни в этом секторе космического пространства, с существами, которых можно убить, но не подчинить.

(Лично я втайне надеюсь, что мы найдем какой-нибудь способ спасти тех маленьких эльфов-гермафродитов. Мы не сумели спасти ни одного из них в тарелке, которую нашли под Канзас-Сити после победы, но это ничего не доказывает. Думаю, что с эльфами мы поладим. Наверняка они — истинные аборигены Титана и, конечно же, не в родстве со слизняками.)

Справимся мы с ними или нет, человечеству в любом случае придется теперь поддерживать свою заслуженную репутацию по части свирепости. Цена свободы — это готовность вступить в драку — в любое время, в любом месте и с беспредельной храбростью. Если мы не извлечем урок из нашествия паразитов, нам остается только крикнуть: «Эй, динозавры, подвиньтесь-ка! Мы уже готовы вымирать!»

Ибо кто знает, какие еще пакости таит в себе эта Вселенная? И паразиты, возможно, покажутся нам простыми, открытыми, дружелюбными парнями по сравнению, скажем, с жителями планет Сириуса. Если это только увертюра, то нам лучше извлечь из нее урок и всерьез подготовиться к первому действию. Мы считали, что Вселенная пуста, а нам автоматически отводится роль ее властителей. Даже после «завоевания» космоса мы продолжали заблуждаться, потому что Марс уже умер, а на Венере разум едва зародился. Но если человек претендует на главную роль — или хотя бы на роль уважаемого соседа, — ему придется доказывать себя в борьбе. Перековывать орала обратно на мечи; первый вариант — это глупые фантазии старых дев.

Каждый из участников операции хоть раз, но был в подчинении у паразитов. Только те, кто испытал на себе их власть, знают, как паразиты коварны, как ни на секунду нельзя терять бдительность — и как нужно ненавидеть. Полет, нам сказали, продлится двенадцать лет, так что у нас с Мэри будет долгий медовый месяц. Да, разумеется, Мэри летит. Почти весь экспедиционный корпус состоит

из женатых пар, а что касается остальных, то на каждого одинокого мужчину приходится одинокая женщина. Двенадцать лет — не просто долгое путешествие, это часть жизни.

Когда я сказал Мэри, что мы летим к спутникам Сатурна, она ответила лишь: «Хорошо, дорогой».

Думаю, у нас будет достаточно времени, чтобы вырастить двоих или троих ребятишек. Как говорит отец, род должен продолжаться, даже если сам не знает, куда движется.

Я понимаю, что отчет у меня получился не очень связный. Видимо, перед тем как сдавать, придется его доработать. Но я все изложил, как видел и чувствовал. Война с инопланетной расой — это война психологическая; техника не играет тут главной роли, и, может быть, то, что я думал и чувствовал, будет гораздо важнее, чем то, что я делал.

Отчет я заканчиваю уже на космической станции «Бета», откуда мы должны перейти на крейсер «Мститель». Похоже, у меня не будет времени доработать свое сочинение, так что оставляю его как есть — пусть историки развлекаются. Вчера вечером мы попрощались в Пайк-Пик-Порте с папой и оставили с ним нашу маленькую девочку. Она ничего не понимала, и это было тяжело. Но для нее так лучше. А для нас с Мэри — лишний повод поскорее проработать вопрос насчет еще одного ребенка.

Когда я прощался, папа меня поправил:

— Не «прощай», а «до свидания». Вы вернетесь, и я собираюсь дотянуть до вашего возвращения, становясь с каждым годом все чудней и ворчливей.

Я сказал, что буду на это надеяться. Он кивнул:

— Вы вернетесь. Ты слишком живуч, чтобы умереть. Я очень верю в тебя и в таких, как ты, сынок.

С минуты на минуту начнется переброска на крейсер. В душе — волнение и радость. Ну, теперь держитесь, кукловоды, — свободные люди летят по вашу душу!

Смерть и разрушение!

Дверь в Лето

В ту зиму, незадолго до Шестинедельной войны, мы с котом Петронием Арбитром жили на старой ферме в штате Коннектикут. Сомневаюсь, сохранился ли дом до сих пор, — зона поражения от ракеты, промазавшей по Манхэттену, прошла совсем рядом, а старые каркасные дома горят, как папиросная бумага. Даже если он и выстоял, вряд ли кому придет в голову арендовать его — в тех местах выпали радиоактивные осадки. Но тогда нас с Питом он вполне устраивал. Водопровода там не было, и поэтому арендную плату не вздували; к тому же комната, служившая нам столовой, выходила окнами на север, а при таком освещении удобно работать с чертежами.

Единственным недостатком нашего жилища были одиннадцать дверей, ведущих наружу. Двенадцать, если считать дверь Пита. Я всегда старался устроить для него персональную дверь — на этот раз я вставил в окно нежилой спальни доску и вырезал в ней кошачий лаз, достаточно широкий для усов Пита. За свою жизнь я потратил слишком много времени, открывая двери котам. Как-то я подсчитал, что с момента своего появления человечество провело за этим занятием девятьсот семьдесят восемь человеко-веков. Могу показать выкладки.

Обычно Пит пользовался своей дверью, хотя предпочитал человечью и вынуждал меня ее открывать, но наотрез отказывался выходить через свою дверь, как только выпадал снег. Тогда он принуждал меня открывать ему человеческую дверь.

Еще пушистым шустрым котенком Пит выработал для себя простую философию, в соответствии с которой я должен был отвечать за жилье, пищу и погоду, а он — за все

остальное. Но особую ответственность, как он считал, я нес за погоду. А вы знаете, что зимы в Коннектикуте хороши разве что на рождественских открытках. Той зимой Пит взял за правило подходить к своей двери, обнюхивать ее — и поворачивать обратно. Его, видите ли, не устраивало противное белое вещество, покрывавшее землю и все вокруг. Он начинал приставать ко мне, чтобы я открыл ему человеческую дверь. У него было твердое убеждение: хоть одна из дверей да должна открываться в лето.

Поэтому всякий раз мне приходилось обходить вместе с ним все одиннадцать дверей и приоткрывать их по очереди, дабы он убедился, что за каждой из них та же зима. И с каждым новым разочарованием росло его недовольство мною.

Так что он оставался дома до тех пор, пока внутреннее гидравлическое давление не выгоняло его наружу. Когда он возвращался, льдинки на лапах стучали по полу, словно башмаки на деревянной подошве. Он свирепо поглядывал на меня и отказывался мурлыкать, пока не обкусит все до последней льдинки, после чего милостиво прощал меня — до следующего раза.

Но он никогда не прекращал искать Дверь в Лето.

Третьего декабря 1970 года я тоже искал ее.

Мои попытки были столь же безнадежны, как поиски Пита тогда, в январском Коннектикуте. Весь снег, что выпал в Южной Калифорнии, остался лежать в горах, на радость лыжникам. В центре Лос-Анджелеса снега не было вообще, — должно быть, он не мог пробиться сквозь смог. Но в сердце у меня царил зима.

На здоровье я не жаловался, если не считать хронического похмелья. Мне еще не стукнуло тридцати, и денежные дела у меня были в порядке. За мной никто не гнался: ни разгневанные мужья, ни полиция, ни судебные исполнители — словом, ничего такого, что нельзя было вылечить легкой порцией амнезии. Но в сердце у меня все равно была зима, и я искал Дверь в Лето. И не потому, что я так уж жалел себя, хотя, конечно, жалел. В конце концов, больше двух миллиардов человек на планете находились в худшем положении, нежели я. Но Дверь в Лето искал я один.

Большинство дверей, что я проверил за последние дни, были двустворчатыми и открывались в обе стороны, наподобие той, перед которой я сейчас стоял. Она вела, если верить вывеске, в гриль-бар «Сан-Суси». Я вошел, выбрал кабинку неподалеку от входа, осторожно поставил на сиденье дорожную сумку и примостился рядом, поджидая официанта.

— А я у-у? — спросила сумка.

— Успокойся, Пит, — отвечал я.

— Мя-а-а-у!

— Не дури, не так уж долго ты сидишь в сумке. И закрой пасть, официант идет.

Пит замолк. Когда я поднял голову, официант уже наклонился над столиком.

— Двойной скотч, стакан воды и бутылочку имбирного пива.

— Имбирное пиво, сэр? Со скотчем? — Официант, похоже, расстроился.

— Есть у вас имбирное пиво или нет?

— Почему нет, есть, конечно. Но...

— Тогда несите. Я не собираюсь его пить — я буду смотреть на него и показывать ему язык. И прихватите блюдце.

— Как угодно, сэр. — Он протер столик. — А как насчет бифштекса? Или устриц? Сегодня устрицы очень хороши...

— Послушайте, приятель! Если обещаете не приносить устриц, я включу их стоимость в чаевые. Все, что мне надо, я уже заказал... И не забудьте блюдце.

Он наконец заткнулся и ушел. Я еще предупредил Пита, чтоб не дергался, — морская пехота не подведет. Вернулся официант: бутылку он нес на блюдце — самоутверждения ради. Пока он открывал лимонад, я успел смешать виски с водой.

— Принести стакан под пиво, сэр?

— Мы, ковбои, пьем только из горла.

Он заткнулся и молча взял с меня деньги за выпивку и чаевые, не забыв включить в счет устриц. Едва он убрался, я налил в блюдце пива и постучал по сумке:

— Кушать подано, Питер.

Сумка была открыта. Когда я ношу в ней Пита, то никогда не застегиваю молнию. Пит когтями раздвинул края

сумки, высунул голову и быстро огляделся. Потом вылез и оперся передними лапами о край стола. Мы переглянулись, и я поднял стакан:

— За слабый пол, Пит! Чтоб вовремя встретить и вовремя расстаться!

Он молча кивнул в ответ — это полностью соответствовало его собственной философии. Потом изящно наклонил голову и принялся лакать пиво.

— Если такое, конечно, возможно, — добавил я и сделал приличный глоток.

Пит не ответил. Для него забыть даму сердца труда не составляло — он был прирожденным холостяком.

За окном, на другой стороне улицы, бежали буквы рекламы. Сперва они сложились в слова: «ТЫ СПИШЬ, А СЛУЖБА ИДЕТ», потом появилось: «ОКУНИСЬ В СОН, И ВСЕ БЕДЫ ВОН!» Затем загорелись буквы вдвое больше прежних:

СТРАХОВАЯ КОМПАНИЯ «ВЗАИМНАЯ ГАРАНТИЯ».

Я прочитал рекламу трижды, не вникая в смысл. О приостановленной жизни я знал не больше остальных. Когда об этом заговорили в первый раз, я прочитал популярную статью на эту тему. Да еще раза два или три в неделю с утренней почтой мне поступали рекламные проспекты страховых компаний. Я выбрасывал их не читая: это касалось меня не больше, чем реклама губной помады.

Во-первых, до недавнего времени я не смог бы заплатить за «холодный сон»: он стоил недешево. Во-вторых, с какой стати человеку, который увлечен работой, умеет делать деньги и надеется, что вскоре их у него станет еще больше, да к тому же влюбленному и, можно сказать, почти женатому, — с какой стати ему, спрашиваю я вас, становиться наполовину самоубийцей?

Другое дело, если человек неизлечимо болен и приговорен врачами к смерти, но считает, что медицина будущего спасет его. К тому же он в состоянии оплатить приостановку жизни на тот срок, пока врачи не научатся исцелять его недуг. Тогда, конечно, игра стоит свеч. Или, скажем, человек мечтает совершить путешествие на Марс. Он полагает, что если перескочит на одно поколение вперед, то получит возможность купить билет на рейс Земля — Марс. В этом,

я считаю, тоже есть своя логика. В какой-то газете была статья об одной парочке, которая прямо из-под венца отправилась в Храм Сна Западной страховой компании. Они заявили журналисту, что оставили распоряжение разбудить их, только когда станет возможным провести медовый месяц на межпланетном лайнере... Я сильно подозреваю, что это всего лишь рекламный трюк; парочка же, получив гонорар, смылась через черный ход, заблаговременно, уже под другими именами. Да и кто поверит, что нашлись бы желающие провести свою первую брачную ночь в ящике со льдом, словно какая-нибудь замороженная скумбрия?

Все страховые компании откровенно заманивали клиентов, напирая, как правило, на финансовую сторону дела: «Ты спишь, а служба идет» (читай: «И денежки тоже!»). Лежите, мол, себе спокойно, а ваши скромные сбережения за время сна превратятся в целое состояние. Положим, вам пятьдесят пять лет и из пенсионного фонда вы получаете пару сотен в месяц. Так почему бы вам не проспать полсотни лет, проснуться в том же возрасте и получать уже ежемесячно тысячу! Не говоря о том, что пробудились бы вы в новом светлом мире, где наверняка вам будет уготовано жить еще долгие годы припеваючи в добром здравии. Это то, на что давили все компании. Причем каждая стремилась с помощью «точных подсчетов» доказать, что страховки именно этой компании дадут в будущем самый большой процент прибыли: «Ты спишь, а служба идет!»

Меня это несколько не вдохновляло: мне еще не стукнуло пятидесяти пяти, оставлять работу я не собирался и ничего плохого в 1970 году не ожидал. Не интересовали до недавнего времени — так будет вернее. А теперь — нравилось мне или нет (вообще-то, не нравилось) — меня лишили работы; вместо того чтобы наслаждаться медовым месяцем, я торчал во второразрядном кабаке и, чтобы забыться, глушил виски, а жену мне заменял ободранный кот с нездоровой тягой к имбирному пиву. В настоящее время у меня не было никаких привязанностей, да и к чему они мне? Я бы их все променял на ящик джина, а потом одну за другой опустошил бы бутылки.

Но уж кем-кем, а банкротом я точно не был.

Из кармана пиджака я вытащил конверт и открыл его. В нем лежали две бумаги: одна — заверенный чек на сумму, которую я раньше и представить себе не мог, не то что держать в руках; другая — заверенный в банке список акций «Горничная, инкорпорейтед». Обе бумаги были слегка помяты: я таскал их в кармане с тех пор, как получил.

Почему бы и нет?

Почему бы мне не залечь на дно, не окунуться в сон, чтобы беды вон? Куда приятнее, чем Иностранный легион, и не так мерзко, как самоубийство, а заодно избавит меня от людей и событий, испортивших мою жизнь. Так почему бы и нет?

Нет, к богатству я не стремился. Конечно, я читал «Когда спящий проснется» Герберта Уэллса, когда он еще был просто классическим романом, это уже потом страховые компании стали раздавать книгу бесплатно. Я знал, что можно получать по сложным процентам или в результате роста биржевых котировок. Но я и не был уверен, хватит ли у меня средств оплатить Долгий Сон и одновременно вложить сумму, достаточно крупную, чтобы игра стоила свеч. Меня больше прельщала другая сторона дела — лечь баиньки и проснуться, если так можно выразиться, в мире ином. Будет ли он лучше, как уверяют страховые компании, или хуже — кто знает? Но что он будет иной — это точно.

Но я должен быть твердо уверен, что просплю достаточно долго, чтобы не застать в этом мире Белл Даркин или Майлза Джентри, особенно — Белл. Если ее не станет, я смогу забыть ее, забыть то, что она сделала со мной, вычеркнуть ее из памяти... А пока мое сердце раздирает на части оттого, что я знаю, что она всего в нескольких милях отсюда.

Что ж, прикинем. Белл сейчас двадцать три, — во всяком случае, она так утверждает. Правда, однажды она проговорила, что помнит президентство Рузвельта. Ладно, пусть ей еще нет тридцати. Если проспять лет семьдесят, от нее один некролог останется. Пусть будет семьдесят пять — для верности.

Потом я вспомнил об успехах в гериатрии. Толкуют, что скоро продолжительность жизни достигнет ста двадцати

лет и такой возраст, мол, вполне достигим. А может, стоит залечь лет на сто, — правда, я не уверен, в состоянии ли хоть одна страховая компания предложить мне столь длительный анабиоз.

Тут под теплым дыханием виски мне в голову пришла поистине дьявольская мысль: вовсе не обязательно дожидаться смерти Белл. Достаточно, более чем достаточно, просто идеально отомстить женщине тем, что остался молодым, когда она превратилась в старуху. Разницы лет в тридцать хватит вполне, чтобы ткнуть ее в это носом.

Я почувствовал легкое прикосновение лапы.

— Ма-а-ло! — объявил Пит.

— Ненасытное брюхо, — проворчал я и вновь наполнил блюдце лимонадом.

В знак благодарности он немного помедлил, потом вновь принялся жадно лакать. Но он уже прервал поток сладостно-мстительных мыслей. Да, а что, черт побери, мне делать с Питом? Кот — не собака, его в чужие руки не отдашь; он попросту такого не вынесет. Иногда кошки привязываются к дому, но Пит не таков. Для него с тех самых пор, как девять лет тому назад его отняли от матери, единственной опорой в нашем изменчивом мире был я. Даже в армии я умудрялся держать его при себе и ради этого шел на любые ухищрения. Пит пребывал в добром здравии и, похоже, сдавать не собирался, хотя шрамов у него хватало. Сообразовывая он склонность к лидерству со своими возможностями — ему еще лет пять выходить победителем из всех драк и плодить потомство.

Я мог бы, конечно, оплатить содержание в кошачьем пансионе до конца его дней (немыслимо!); мог бы усыпить его (так же немыслимо!) или просто бросить. С кошками всегда так: или вы безропотно выполняете принятые на себя обязательства — или бросаете несчастное создание на произвол судьбы, обрекая на одичание, и разрушаете его веру в высшую справедливость. Как Белл разрушила мою веру.

Стоп, Дэнни! Выкинь-ка все это из головы. Твоя собственная жизнь может лететь под откос, но тебе все равно придется выполнять принятые на себя обязательства перед избалованным котом.

Тут мои философские размышления были прерваны. Имбирное пиво попало Питу в нос, и он чихнул.

— *Gesundheit!*¹ — сказал я. — И не старайся вылакать все блюдце за один присест.

Пит не обратил внимания на мои слова. В общем и целом он лучше меня умел вести себя за столом — и знал об этом.

Наш официант околачивался возле кассы и трепался с кассиром. Наступило послеобеденное затишье, и, кроме нас с Питом, еще несколько посетителей сидели у стойки. Когда я сказал «*Gesundheit!*», официант взглянул в нашу сторону и что-то сказал кассиру. Они оба посмотрели на нас, затем кассир вышел из-за стойки и направился к нам.

— Полундра! — тихо скомандовал я.

Пит огляделся и нырнул в сумку, которую я тут же прикрыл. Кассир подошел, облокотился на столик и быстрым взглядом окинул всю кабинку.

— Извини, друг, — начал он тусклым голосом, — но кота придется отсюда убрать.

— Какого кота?

— Того самого, что ты поил из блюдца.

— Не вижу никакого кота.

Он нагнулся и заглянул под столик.

— Ты засунул его в сумку, — уличил он меня.

— В сумку? Кота? — недоуменно переспросил я. — Мой друг, вы страдаете острой фигуральностью речи.

— Что? Выражайся по-человечески! Кот у тебя в сумке. Открой ее.

— Есть у вас ордер на обыск?

— Слушай, не валяй дурака.

— Это вы валяете дурака, требуя осмотра моей сумки без ордера. Война давно кончилась, и Четвертая поправка снова действует. Ну, как я понимаю, вопрос урегулирован. Передайте официанту, чтобы он повторил заказ, или организуйте все сами.

Он, похоже, обиделся.

— Друг, я ведь против тебя ничего лично не имею, но терять лицензию мне неохота. Видишь, вон там, на стене,

¹ Будь здоров! (нем.)

табличка. На ней ясно написано: «Посетители с кошками и собаками не обслуживаются». Мы стараемся соблюдать санитарные нормы.

— Плохо стараетесь. — Я поднял свой стакан. — Видите следы губной помады? Вам бы следовало получше присматривать за посудомойкой, а не обыскивать посетителей.

— Не вижу никакой помады.

— Она почти вся стерлась, пока я пил. Но давайте отправим стакан в Санитарное управление, пусть они там микробов посчитают.

Он вздохнул:

— Ты что, полицейский? У тебя есть значок?

— Нет.

— Тогда мы на равных. Я не буду обыскивать твою сумку, а ты не потащишь меня в Санитарное управление. А теперь, если хочешь выпить еще, подходи к стойке и бери что надо... с собой. Но не здесь.

Он развернулся и направился к кассе.

Я пожал плечами:

— Мы как раз собирались уходить.

Я поднялся, подхватил сумку и поплелся к выходу. Когда я проходил мимо стойки бара, кассир спросил:

— Без обид?

— Без обид. Правда, я собирался чуть позже привести сюда свою лошадь, она тоже любит выпить. Теперь не приду.

— Как вам угодно. В правилах о лошадях ничего не говорится. Вот только еще один вопрос: этот кот действительно пьет имбирное пиво?

— Четвертая поправка, помнишь?

— Да я не хочу на него смотреть, я просто спросил.

— Ладно, так и быть, скажу. Вообще-то, он предпочитает, когда эту бурду развлекают чем-нибудь покрепче. Ну, если придется, пьет и неразбавленное.

— Да? Он так испортит себе почки. Взгляните-ка сюда, приятель.

— Куда-куда?

— Сдвинься немного, чтобы твоя голова была вровень с моей. Теперь посмотри на потолок. Над каждой кабин-

кой среди потолочных украшений — зеркало. Видишь? Я знал, что у тебя кот, потому что я его видел.

Я выгнулся, как он сказал, и взглянул вверх. На потолке забегаловки было множество странных украшений, в том числе зеркала. Теперь я увидел, что некоторые из них располагались под таким углом, что с места кассира весь зал просматривался, как в перископ.

— Мы вынуждены были так сделать. — Он словно бы оправдывался. — Ты не представляешь, что творилось бы в кабинах, не присматривай мы за клиентами. Мир полон скверны.

— Аминь, друг, — завершил я нашу содержательную беседу и направился к двери.

Очутившись на улице, я раскрыл сумку и понес ее за одну ручку. Пит тут же высунул голову.

— Слышал, что он сказал, Пит? Этот «мир полон скверны». И что еще хуже, друзья тут не могут спокойно выпить, чтобы за ними не шпионили. Так что вопрос решен.

— На-ау? — спросил Пит.

— Как скажешь. Но если уж решили, зачем откладывать?

— На-ау! — согласился Пит.

— Принято единогласно. То, что нам надо, — напротив. Только улицу перейти.

Секретарша в приемной «Взаимной гарантии» являла собой восхитительный образец чисто функциональной внешности. Обтекаемость основных форм (хоть сейчас разгоняй до скорости 4 Маха¹) дополняли фронтальные обтекатели радаров наведения на цель... ну и все прочее, что требовалось для выполнения ее основного предназначения. Я напомнил себе, что к тому времени, когда я отсюда выйду, она превратится в окаменелость, и сказал, что хочу видеть продавца.

— Присядьте, пожалуйста, — завибрировала она. — Сейчас взгляну, кто из администраторов свободен.

Не успел я расположиться, как она возникла опять:

— Вас примет наш мистер Пауэлл. Пройдите сюда, пожалуйста.

¹ 4 Маха — около 1,2 км/сек.

Обстановка в кабинете «нашего мистера Пауэлла» наводила на мысль, что дела в компании идут в гору. Мистер Пауэлл подал мне свою влажную руку, усадил в кресло и предложил сигарету. Он попытался взять у меня из рук сумку, но я вцепился в нее мертвой хваткой.

— Итак, сэр, чем могу служить?

— Мне нужен Долгий Сон.

Брови мистера Пауэлла медленно поползли вверх, и он стал еще более обходителен. Не сомневаюсь, «Гарантия» не погнушалась бы и страховкой на семь баксов, но Долгий Сон отдавал в их руки все активы клиента.

— Весьма мудрое решение, — чуть ли не благоговейно откликнулся мистер Пауэлл. — Будь я свободен в выборе решения, то поступил бы так же. Но... ответственность за семью, знаете ли...

Он взял со стола бланк.

— Клиенты, выбравшие «сон», обычно спешат. Позвольте, я сэкономлю ваше время и все заполню сам... а пока мы организуем ваш медосмотр.

— Минутку.

— Да?

— Только один вопрос. Можете ли вы обеспечить «холодный сон» коту?

На его лице появилось выражение сначала удивления, потом обиды.

— Вы, конечно, шутите?

Я приоткрыл сумку, и Пит тут же высунул голову.

— Знакомьтесь, мой кореш. Итак, что скажете? Если нет, мы обратимся в страховую компанию «Центральная долина». Их офисы, насколько я знаю, в этом же здании.

Выражение обиды сменилось выражением ужаса.

— Мистер... Не расслышал вашего имени.

— Дэн Дэвис.

— Мистер Дэвис, едва клиент переступает наш порог, «Взаимная гарантия» берет его под свое неназойливое покровительство. Я просто не могу позволить вам пойти в «Центральную долину».

— Интересно, как вы собираетесь «не позволять»? Применяя дзюдо?

— Что вы, что вы! — Он оглянулся и понизил голос. — Наша компания всегда соблюдает этические нормы.

— Вы имеете в виду, что «Центральная» не соблюдает?

— Нет-нет. Я этого не говорил. Мистер Дэвис, понимаю, конечно, что не могу надеяться повлиять на вас...

— Да я и не позволю...

— ...но осмелюсь посоветовать: сравните образцы контрактов нашей компании и «Центральной». Проконсультируйтесь с адвокатом, а еще лучше — с сертифицированным специалистом по семантике. И вам станет ясно, что предлагаем и реально обеспечиваем мы, а что может предложить «Центральная долина»? — Он снова оглянулся и наклонился ко мне. — Я не должен этого говорить — надеюсь, потом вы не будете ссылаться на меня, — но они даже не пользуются стандартными актуарными таблицами¹.

— Может, вместо этого они предоставляют клиенту более благоприятные возможности для помещения капитала?

— Да что вы! Дорогой мой мистер Дэвис, вот наша компания распределяет между клиентами всю получаемую прибыль. Этого требует наш устав... в то время как «Центральная» является акционерной компанией.

— Возможно, мне стоит прикупить несколько их акций... Послушайте, мистер Пауэлл, мы попусту теряем время. Возьмет «Взаимная» заботы о моем приятеле или нет? Если нет, то я у вас и так слишком долго задержался.

— То есть вы имеете в виду, что хотите сохранить это существо живым при помощи гипотермии? И оплатите расходы?

— Я имею в виду, что нам обоим нужен Долгий Сон. И не называйте моего кота «это существо». Его зовут Петроний.

— Извините. Я поставлю вопрос иначе. Готовы ли вы оплатить два взноса — за себя и, э-э-э... Петрония — за помещение вас в наш Храм Сна?

— Готов. Но не два взноса. Взнос за себя, ну и сколько-то я доплачу, понятно, за Пита. Вы же можете поместить нас в один ящик. Разве честно брать одинаковую плату с кота и человека?

¹ *Актуарные таблицы* — таблицы, в которых указаны вероятности наступления страховых случаев в зависимости от возраста клиента.

— Но ваш случай весьма необычен...

— Конечно. Но давайте поторгуюсь чуть позже... или я поторгуюсь с «Центральной долиной». Давайте обсудим главное: можете вы выполнить мой заказ или нет?

— Н-да... — Мистер Пауэлл в задумчивости забарабанил по крышке стола. — Минутку. — Он поднял телефонную трубку. — Опал, дай мне доктора Барквиста.

Остального я уже не слышал — он включил систему индивидуальной защиты. Несколько минут спустя он положил свое орудие производства и улыбнулся так, словно у него помер богатый дядюшка.

— Хорошие новости, сэр. Я тут совершенно упустил из виду тот факт, что первые успешные опыты по замораживанию производились как раз на котах. Так что техника и основные особенности процесса хорошо известны. Фактически в Военно-морской исследовательской лаборатории в Аннаполисе есть кот, которому уже более двадцати лет поддерживают жизнь в состоянии гипотермии.

— А я-то думал, что ВМИЛ разрушили до основания, когда добрались до Вашингтона.

— Нет, пострадали только здания на поверхности, а подземные сооружения сохранились. Благодаря совершенной технике животное оставалось целым и невредимым более двух лет, а ведь его жизнедеятельность поддерживалась только автоматикой!.. И оно до сих пор живо-здорово — и не состарилось. Так и вы, сэр, будете здравствовать тот период времени, на какой доверите себя «Взаимной».

Мне показалось, он вот-вот перекрестится.

— Ладно, ладно. Давайте уже начнем торги.

Итак, мы обсудили четыре вопроса. Первый — как оплатить заботу о нас «Взаимной», пока мы находимся в спячке; второй — на какой срок мы уснем; третий — куда я собираюсь поместить свои капиталы на то время, пока буду лежать в морозильнике. И последний: как они поступят, если я откину копыта и не проснусь.

Я окончательно остановился на 2000 годе: приятная круглая дата, до которой спать-то всего тридцать лет. Я опасался, что, проспав дольше, полностью утрачу связь с действительностью. За те три десятка лет, что я прожил на свете, столько всего случилось, что глаза на лоб лезут, — две

большие войны и десяток войн поменьше, крушение коммунизма, Великая паника, искусственные спутники и переход на атомную энергию... Да что там, когда я был маленьким, у нас даже мультиморфов не было.

Возможно, двухтысячный год снесет мне крышу. Но если я не прыгну так далеко, у Белл не будет времени, чтобы превратиться в ходячую коллекцию морщин.

Когда дело дошло до вопроса, куда инвестировать мои накопления, я с ходу отмел государственные облигации и прочие консервативные вложения. Наша налоговая система изначально закладывает в них инфляцию. Я решил положиться на имевшиеся у меня акции «Горничной», а наличные вложить в другие ценные бумаги. Тут я особо уповал на акции компаний, занимавшихся перспективными разработками — к примеру, автоматизированных систем. Кроме того, я надеялся на одну сан-францисскую фирму по производству минеральных удобрений. Там проводили опыты над дрожжевыми культурами и годными в пищу водорослями. Людей на нашей планете становится с каждым годом все больше, а стейки и не думают дешеветь. То, что оставалось после сведения баланса, я попросил поместить в фонд доверительного управления «Взаимной».

Но главный вопрос был в том, как поступить со всем этим, если я загнусь во время сна. Компания гарантировала, что мои шансы очень высоки — семь к десяти, что я буду жить через тридцать лет «холодного сна»... и компания готова была принимать ставки на любой исход. Шансы были неравные, но иного я и не ожидал. В любой честной азартной игре в выигрыше всегда тот, кто держит банк. Только мошенники заявляют, что дают новичкам отличные шансы, а страхование и есть легализованная азартная игра. Думаете, лондонский «Ллойд», самая старая и авторитетная страховая фирма в мире, играет в открытую? Партнеры «Ллойда» примут любую ставку с любой стороны. Но не надейтесь на свой выигрыш — ведь должен же кто-то оплачивать «нашему мистеру Пауэллу» счета от портного!

В общем, я распорядился в случае своей смерти все деньги до единого цента передать в трастовый фонд компании, из-за чего мистер Пауэлл чуть меня не расцеловал,

что заставило меня задуматься над вопросом: насколько оптимистичны эти его шансы семь к десяти?.. Я же ухватился за этот вариант только из-за того, что становился (если выживу) наследником других клиентов, выбравших те же условия страхования (в случае их смерти, конечно). Чем не русская рулетка? При деньгах будет тот, кто выживет, ну и компания, которая, как обычно, урвет свой процент за то, что держит банк.

Я выбрал все варианты с высокой вероятностью пробуждения и обошелся без хеджирования в случае, если угадал неверно, и мистер Пауэлл возлюбил меня, как крупье любит идиота, который ставит и ставит на zero. Пристроив таким образом мои капиталы, мистер Пауэлл весьма здраво подошел к решению вопроса о взносе за Пита. Мы сошлись на пятнадцати процентах обычного взноса и составили на Пита отдельный контракт.

Теперь оставалось получить разрешение суда и пройти медицинское освидетельствование. Врачебный осмотр меня не беспокоил: я отписал все в пользу компании на случай своей смерти, так что они должны были взять меня даже на последней стадии чумы. Но вот получить добро у судьи — долгая история. А без этого не обойтись, потому что клиент, пребывающий в «холодном сне», по закону числится живым, хотя и беспомощным.

Впрочем, мои опасения оказались напрасными. У «нашего мистера Пауэлла» были уже заготовлены все документы — общим числом девятнадцать, и каждый — в четырех экземплярах. У меня пальцы занемели, пока я их подписывал. Потом явился посыльный, забрал всю пачку и поспешно удалился. Так что судью я и в глаза не видел.

Медосмотр оказался стандартной утомительной процедурой, если не считать небольшого эпизода. Закончив осмотр, врач строго посмотрел мне в глаза и спросил:

— Сынок, ты давно в запое?

— В запое?

— В запое, в запое.

— Да с чего вы взяли, доктор? Я трезв, как... как вы.

«Королева кавалеру подарила каравеллу...»

— Брось валять дурака. Отвечай на вопрос.

— Да недельки две, может, чуть больше.

— Периодически тянет выпить? Сколько раз ты такие штуки выкидывал в прошлом?

— Ну, вообще-то, я никакой не алкаш. Видите ли... — И я принялся рассказывать о том, как поступили со мной Белл и Майлз и почему я был в таком состоянии.

— О, я умоляю!.. — Он предостерегающе поднял руку. — У меня хватает своих проблем, к тому же я не психиатр. Все, что меня интересует, — выдержит ли твое сердце предстоящую нагрузку, когда тебя охладят до четырех градусов по Цельсию. Вообще-то, мне плевать, если какой-то псих сует башку в петлю, да еще и завязывает ее сам. Я так считаю: одним дураком на свете меньше. Но остатки профессиональной этики не дают мне права разрешить человеку, чей мозг пропитан алкоголем, — не важно, что он за птица, — залезть в один из этих гробов. Повернись-ка кругом.

— Что?

— Спиной, говорю, повернись. Сделаю тебе укол в ягодицу.

Я повернулся — он уколол. Пока я растирал уколотое место, он продолжал:

— Теперь выпей вот это. Минут через двадцать станешь трезвым как стеклышко. Потом, если у тебя есть хоть капля здравого смысла, в чем я лично сомневаюсь, ты все обдумаешь и решишь — сбежать от своих проблем... или встретить их лицом к лицу, как и подобает мужчине.

Я выпил лекарство.

— Вот и все. Одевайся, твои бумаги я подпишу, но предупреждаю, что могу наложить вето даже в самую последнюю минуту. Больше ни грамма алкоголя, только легкий ужин. Ужин и никакого завтрака. Быть здесь для окончательного осмотра завтра в полдень.

Он повернулся ко мне спиной и удалился, даже не попрощавшись. Я оделся и вышел, кипя от злости. Мистер Пауэлл уже отложил мои экземпляры документов, подписанные в суде. Когда я забирал их со стола, он заметил:

— Можете оставить их здесь, если хотите. Заберете завтра в полдень... тот комплект, что отправится с вами в усыпальницу.

— А что станет с другими?

— Один комплект мы оставим у себя. Затем, когда вы заснете, один комплект пошлем судье и один — в Карлсбадские архивы. Н-да... Доктор предупредил вас о соблюдении диеты?

— Конечно.

Чтобы скрыть раздражение, я стал листать бумаги.

Пауэлл потянулся за ними:

— Я сохраню их до завтра.

Я спрятал бумаги за спину:

— Я и сам смогу их сохранить. Может, мне захочется что-нибудь изменить.

— Увы, уже поздно вносить изменения, дорогой мой мистер Дэвис.

— Не давите на меня. Если надумаю что изменить, приду пораньше.

Я раскрыл сумку и засунул документы во внутренний боковой карман, рядом с Питом. Я и раньше держал там ценные бумаги. Может, там не так надежно, как в архивах, упрятанных в Карлсбадские пещеры, но безопаснее, чем вы думаете. Один ловкий воришка пытался как-то залезть в этот карман. Думаю, у него до сих пор следы от когтей Пита.

2

Выйдя из здания компании, я спустился к автомобильной стоянке по Першинг-сквер, где утром оставил свою машину. Бросил в счетчик несколько монет, включил автотопилот, набрав код западной магистрали, выпустил Пита из сумки на сиденье и расслабился. Вернее, попытался расслабиться — движение в Лос-Анджелесе интенсивное до жути, а я не очень доверял автоматике. Давно собирался переделать систему: она немного устарела, чтобы соответствовать своему названию «идеально надежной». К тому времени, как мы миновали Западное авеню и можно было переключиться на ручное управление, я уже весь извелся и меня тянуло промочить горло.

— А вот и оазис, Пит!

— Вер-р-р-но?

— Прямо перед нами.

Пока я искал, куда бы приткнуть машину (Лос-Анджелесу не грозит вторжение — захватчики просто не найдут куда припарковаться), я вдруг вспомнил, что доктор запретил мне прикасаться к спиртному. Тут я очень образно и доходчиво растолковал ему, как он может поступить с подобными советами, — жаль только, что он не мог этого услышать. Интересно, сумеет ли он сутки спустя определить, пил я или нет? Я что-то читал на этот счет, но тогда меня интересовало совсем другое, и я пролистал статью, не вникая в смысл написанного.

Черт, а ведь он может не допустить меня в анабиоз! Буду-ка я похитрее и отложу выпивку до лучших времен.

— Ннну-у? — спросил Пит.

— Нет, потом. А сейчас поищем-ка придорожную закусочную.

Я вдруг с удивлением обнаружил, что к выпивке меня совсем не тянет. Вот поесть и выспаться я бы не отказался. Да, доктор оказался прав — я был совершенно трезв и впервые за много недель чувствовал себя хорошо. Может, и вколлот-то он мне в корму всего лишь какой-нибудь B_1 ; но если так, то доза была реактивная. Так что мы нашли придорожную закусочную и заехали во двор. Себе я заказал цыпленка по-кентуккски, Питу — полфунта рубленого шницеля и немного молока. Пока не принесли заказ, я выпустил Пита поразмяться. Мы с ним часто перекусываем в придорожных заведениях — там не надо то и дело загонять Пита в сумку.

Полчаса спустя машина вывезла нас из деловой части города. Я выключил зажигание, закурил, почесал Пита за ухом и задумался.

Дэн, старина, а ведь доктор был прав. Ты пытался утопиться в бутылке, и у тебя почти получилось — голова пролезла, да вот плечи застряли. Сейчас ты трезв как стеклышко, твой желудок полон, и впервые за несколько дней еда спокойно там улеглась. И чувствуешь ты себя нормально.

Что еще? А может, док прав и в отношении всего остального? Может, ты просто избалованный мальчишка? Или тебе не хватит пороха плюнуть на все и начать по новой?

Почему ты идешь на это? Приключений захотелось? Может, ты просто пытаешься откосить от службы и сбежать к мамочке?

Но я действительно хочу этого, сказал я себе. Ведь это же двухтысячный год!

Ладно, хочешь — живи. Но вот можешь ли ты сбежать и не свести кое с кем счеты здесь?

Хорошо, хорошо! Но как я могу свести с ними счеты? Не буду же я добиваться, чтобы Белл вернулась после всего, что она сделала! А как я еще могу поступить? Подать на них в суд? Не будь идиотом, у тебя нет доказательств. И в любом случае от судов не выиграет никто, кроме адвокатов.

— Му-у-у-р-р-ра-а-а! — подтвердил Пит.

Я взглянул на него: вся морда в шрамах. Уж он-то не станет подавать на кого-то в суд. Не понравится ему, скажем, форма усов у какого-нибудь кота, так Пит просто предложит ему выйти и зубами да когтями растолкует, что к чему.

— А пожалуй, ты прав, Пит. Навещу-ка я Майлза, руки-ноги ему повывергиваю и выколочу из подонка всю правду. А Долгий Сон подождет. Должны же мы выяснить в конце-то концов, как они это обстрипали и кто из них истинный автор этой подлой затеи.

Из ближайшей телефонной трубки я позвонил Майлзу и велел сидеть дома и ждать.

Мой старикан дал мне имя Дэниел Бун Дэвис¹, чем на свой лад выразил отношение к таким понятиям, как «свобода личности» и «вера в собственные силы». Я родился в 1940 году, когда все в один голос утверждали, что незаурядные личности находятся на грани вымирания и будущее — за средним человеком. Отец отказывался верить этому и, назвав меня так, бросил вызов обществу. До последнего вздоха он стремился доказать свою правоту — и умер, когда ему прочищали мозги в Северной Корее.

¹ Дэниел Бун (1734–1820) — один из первых американских поселенцев в Кентукки, ставший впоследствии популярным литературным и фольклорным персонажем.

Когда началась Шестинедельная война, я служил в армии и у меня уже имелся диплом инженера-механика. На призывной комиссии о дипломе я умолчал; единственное, что я унаследовал от отца, — неудержимое желание быть независимым, не отдавать и не выполнять приказов и не подчиняться предписываемым распоряжкам. Я хотел тихо-мирно отгнать свой срок — и свалить. Когда холодная война вдруг закипела и превратилась в горячую, я был техником-сержантом на складе боеприпасов в городе Сандиа, штат Нью-Мексико, и набивал атомами атомные бомбы, раздумывая между делом, чем бы заняться после дембеля. В тот день, когда Сандиа перестала существовать, я находился в Далласе, куда меня послали за новыми запасами *Schrecklichkeit*¹. Радиоактивные осадки отнесло к Оклахоме, поэтому я выжил — чтобы затем получать все положенные по службе бонусы.

Пит выжил по той же причине. У меня был приятель — Майлз Джентри, из резервистов. Он был женат на вдове с ребенком, но к тому времени, как его призвали, жена умерла. Он жил вне казармы, в Альбукерке, чтобы у падчерицы (ее звали Фредерика) был свой дом. Маленькая Рикки (мы никогда не называли ее полным именем) позаботилась о Пите для меня. Спасибо кошачьей богине Бубастис, Майлза, Рикки и Пита в те страшные дни также не было в городе — они все уехали на выходные: Пита я им подбросил, потому что не мог взять с собой в Даллас.

Я не меньше других удивился, когда выяснилось, что у нас были целые дивизии, запрятанные в Туле и других местах, о которых никто не подозревал. Еще в тридцатые годы стало известно, что человеческое тело можно охладить до состояния, при котором все жизненные процессы организма замедляются до предела. Но до Шестинедельной войны такое охлаждение было всего лишь лабораторным фокусом и использовалось как крайнее терапевтическое средство. Для военных исследований работает простое правило: если люди и деньги в принципе способны сотворить нечто, это будет сотворено наверняка. Напечатай еще миллиард долларов, найми еще тысячу ученых и инжене-

¹ Жуть, ужас (нем.).

ров — и любую задачу можно решить независимо от того, каким необычным, почти неправдоподобным и даже сомнительным способом осуществляют решение. Стазис, «холодный сон», гибернация, гипотермия, замедленный метаболизм — называйте как хотите — позволил исследовательским группам решить проблему логистики: теперь они могли хранить людей в штабелях и размораживать по мере надобности.

Сначала объекту дают наркотик, затем гипнотизируют, охлаждают и содержат при температуре ровно четыре градуса Цельсия. То есть при максимальной плотности воды, когда в ней не образуются кристаллы льда. Если «замороженного» потребуется срочно разбудить, его подвергают диатермии, затем снимают гипноз — и все за каких-то десять минут (в Номе управились и за семь!). Но такая спешка ведет к моментальному старению тканей, и «размороженный» может до конца дней остаться тупым на голову. Если у вас нет особых причин спешить, то лучше растянуть процесс до двух часов минимум.

Ускоренный метод профессиональные военные называют «просчитанный риск». И эта штука оказалась тем риском, который противник не принял в расчет. Поэтому, когда война кончилась, меня не расстреляли и не отправили в лагерь для рабов, а демобилизовали и выдали расчет.

На гражданке мы с Майлзом тут же занялись коммерцией. И как раз в то время страховые компании стали предлагать «холодный сон».

Мы сняли пустующий дом на базе ВВС в пустыне Мохаве, открыли там небольшую фабрику и стали изготавливать «Горничных». Техническую сторону дела взял на себя я, а Майлз занимался юридическими вопросами, благо опыта в сфере бизнеса у него хватало. Да-да, это я изобрел «Горничную» и все ее семейство — «Стэна-стекломоя» и прочих, — хотя в технических паспортах моего имени вы не найдете. В армии я много размышлял о том, что делать человеку с дипломом инженера. Работать на «Стандарт ойл», «Дюпон» или «Дженерал моторс»? Спустя тридцать лет в вашу честь устроят торжественный ужин с речами и спроводят на пенсию. Вам гарантирован размеренный режим дня и регулярное питание, а еще полеты на самолетах ком-

пании. Но вы никогда не будете хозяином самому себе. Другое тепленькое местечко для инженера — это госслужба; с самого начала хорошая зарплата, потом приличная пенсия и никаких забот. Тридцать дней отпуска и хорошая страховка. Свой оплачиваемый отпуск я уже отгулял и желал теперь только одного — быть самому себе хозяином.

Что мог найти для себя инженер-одиночка? Что-то достаточно компактное, что не требует шести миллионов человеко-часов для того, чтобы выпустить первую модель на рынок. Все твердили, что времена изобретателей с кустарными мастерскими и смехотворным начальным капиталом, вроде того, с чего начинали Форд и братья Райт, миновали. Но я не верил этому. Начинался бум автоматизации: на химическом заводе теперь хватало двух наладчиков и охранника; машина продавала билет в одном городе, а в шести других тут же появлялась отметка «место занято»; стальные кроты добывали уголь, а горнякам на станции контроля оставалось лишь присматривать за ними, развалившись в кресле. Поэтому, пока я был на зарплате у Дяди Сэма, я от корки до корки проштудировал все засекреченные материалы по связи, электронике и кибернетике, на какие смог раздобыть допуск.

Как вы думаете, что автоматизировалось в последнюю очередь? Ответ прост: труд домохозяйек. Я не собирался зарабатывать научно-спроектированный дом; женщинам он не нужен. Все, чего хочет женщина, — это новая и хорошо обустроенная пещера. Правда, домохозяйки до сих пор жалуются на проблему прислуги, хотя прислуга давно ушла в область преданий, следом за мастодонтами. В каждой женщине есть что-то от рабовладельца: они, похоже, до сих пор верят, что где-то должны существовать здоровенные деревенские девки, почитающие за счастье скоблить полы по четырнадцать часов в день, питаться объедками с хозяйского стола и получать гроши, до которых не унизился бы и ученик лудильщика.

Поэтому-то мы и назвали нашего монстра «Горничной». Это слово должно было напоминать о старых добрых временах, когда наши бабушки помыкали юными иммигрантками, словно рабынями. Вообще-то, «Горничная» была всего лишь пылесосом улучшенной конструкции. Мы со-

бирались выбросить его на рынок по ценам, ненамного превышавшим стоимость обычной метлы. Наша «Горничная» (первая модель, а не мыслящий робот, в которого я ее потом превратил) могла драить полы — любые полы. Делала она это весь день с утра до вечера, не нуждаясь в присмотре. А где вы видели полы, не требующие, чтобы их время от времени драили? «Горничная» их мыла, проти-рала, пылесосила и полировала, а что именно надо делать, ей подсказывала ее убогая электронная память. Любой предмет размером больше горошины она поднимала с пола и клала в лоток, вмонтированный в верхнюю крышку, чтобы кто-нибудь поумней решил — выбрасывать его в мусорное ведро или нет. Она неторопливо разъезжала целый день по квартире в поисках грязи, проникая в самые дальние закоулки. Стоило в комнате оказаться людям, она, как вышколенная прислуга, тут же давала задний ход, если только хозяйка не успевала догнать ее и повернуть переключатель, чтобы сообщить бедному созданию, что его никто не гонит. Ближе к обеду «Горничная» направлялась в «стойло» — быстро подзарядиться. Но так было, пока мы не установили ей «вечные» блоки питания. Первая модель «Горничной» не многим отличалась от обычного пылесоса. Но как раз «немногое» — работа в автоматическом режиме — и обеспечило ее сбыт.

Принцип автономного патрулирования я содрал из журнала «Сайнтифик Америкен»; там в конце сороковых годов была описана схема «электрической черепахи». Блок памяти я «вынул» из электронного мозга управляемой ракеты. (У этих сверхсекретных штук есть одна замечательная особенность — их не патентуют.) Ну а чистящее устройство и другие узлы я «позаимствовал» из дюжины разных машин, таких как полотер из армейского госпиталя, автомат по продаже безалкогольных напитков или манипулятор, который применяют на атомных станциях, когда работают с «горячими» объектами. В нашей машинке не было ни одного принципиально нового узла, и весь фокус заключался в том, чтобы их скомпоновать. А «искру гениальности», что требовалось в соответствии с «Положением о патентах», мог обнаружить хороший юрист по патентному праву.

Но настоящая гениальность заключалась в нашей технологии производства: «Горничную» можно было собрать из стандартных деталей, заказанных по каталогу «Свит»; исключение составляли пара эксцентриков и одна печатная плата. Плату нам поставляли по договору, а эксцентрики я сам вытачивал на станке (излишки военного оборудования) в том сарае, который мы громко именовали «наша фабрика».

Сначала как было? Майлз да я — вот и весь «сборочный конвейер»: плоское — тащи, круглое — кати, ржавое — закрась. Опытный образец обошелся нам в 4317 долларов 9 центов; первая сотня моделей — по 39 долларов за штуку. Мы сдали всю партию фирме в Лос-Анджелесе с сетью магазинов, торговавших со скидкой, по 60 долларов за штуку; продавали их уже по 85 долларов. Нам пришлось отдать весь товар на реализацию, потому что ни я, ни Майлз не могли себе позволить заниматься сбытом, и мы чуть с голоду не подошли, пока дождались первых денежных поступлений. Потом журнал «Лайф» дал целый разворот с «Горничной»... и нам срочно понадобились помощники, чтобы собирать наших монстров.

Белл Даркин появилась вскоре после этого. Мы с Майлзом отстукивали наши деловые письма одним пальцем на ундревуде образца 1908 года; Белл стала нашей машинисткой и бухгалтером. Мы взяли напрокат электрическую пишущую машинку со стандартным шрифтом и свежей лентой, а я разработал фирменный бланк. Мы все горячо принялись за дело; Пит и я спали прямо в мастерской, а у Майлза и Рикки была хибара поблизости. Чтобы защитить свои права, мы создали акционерное общество. Для этого требовалось три человека, и мы взяли в долю Белл, назначив ее секретарем-казначеем. Майлз стал президентом и генеральным директором, а я — главным инженером и председателем правления... ну и владельцем пятидесяти одного процента акций.

Хочу, чтобы было понятно, почему я сохранил контрольный пакет у себя. Я не жлоб, просто мне хотелось быть хозяином самому себе. Конечно, хотя Майлз, надо отдать ему должное, и вкалывал как лошадь, но больше шестидесяти процентов начального капитала принадлежали мне; и все сто процентов идей и их воплощения были мои. Майлз

вряд ли смог бы сделать «Горничную», тогда как я мог бы сделать ее с кем угодно в качестве партнера, а то и в одиночку. Но мои попытки превратить «Горничную» в деньги потерпели бы неудачу: Майлз был бизнесменом, а я — нет.

Но я хотел сохранить за собой контроль над производством и предоставил Майлзу такую же свободу в бизнесе. Слишком большую свободу, как выяснилось позже.

Первую модель «Горничной» раскупали, как пиво на стадионе. Какое-то время я был занят ее модернизацией, установкой сборочной линии и подбором управляющего фабрикой. А потом я с радостью погрузился в изобретение других гаджетов для работы по дому. Просто поразительно, как мало внимания уделялось домашнему труду, хотя он составляет пятьдесят процентов всей работы, производимой в мире. Женские журналы толковали об «облегчении домашнего труда» и «функциональных кухнях», но это была пустая болтовня; на глянцевах картинках красовались приспособления, в сущности мало чем отличавшиеся от домашней утвари времен Шекспира. Техническая революция, заменившая карету реактивным самолетом, еще не коснулась труда домохозяек.

Я убежден, что домохозяйки — народ весьма консервативный. Они не признают никаких машин для работы по дому — только приспособления для уборки, приготовления пищи и по уходу за детьми, чтобы заменить труд вымершей породы домашних слуг.

И я задумался о грязных окнах и рыжем налете на эмалированной поверхности ванн: чтобы соскоблить этот налет, надо согнуться в три погибели. Оказалось, что электростатическое устройство моментально удаляет грязь с любой гладкой силикатной поверхности: с оконных стекол, ванн, унитазов и тому подобного. Вот так и появился «Стэн-стекломой», и я только диву давался, почему никто до меня не додумался сконструировать его. Я не пускал его в производство, пока не сделал настолько дешевым, что люди покупали его не задумываясь. Кстати, а вы знаете, во сколько вам обойдется нанять мойщика окон?

Я не пускал «Стэна» в производство гораздо дольше, чем это устраивало Майлза: он хотел начать продажи, как

только мы сведем себестоимость к минимуму, но я настаивал на еще одном условии: я хотел, чтобы его было легко ремонтировать. Самый большой недостаток подобных приспособлений в том, что они выходят из строя как раз в тот момент, когда нужны больше всего. И чем они лучше, чем больше операций способны выполнять — тем больше вероятность их поломки. А в этом случае требовался специалист для их починки, с оплатой не менее пяти долларов в час. На следующей неделе случилось то же самое — теперь с мойкой или кондиционером — и, как правило, в субботу поздно вечером, когда на улице снежный буран и машины стоят в пробках. А я хотел, чтобы мои приспособления работали — работали долго, не доводя их владельцев до инфаркта.

Но всем машинам свойственно ломаться, даже моим. И так будет продолжаться, пока в них имеются движущиеся части. Если у вас в доме полно техники, что-нибудь непременно будет не в порядке.

Но военные уже много лет назад решили эту проблему. Нельзя же проигрывать сражение или даже войну, теряя миллионы человеческих жизней только потому, что в каком-то механизме полетит деталька величиной с палец. Для этих целей придумано множество уловок — «отказоустойчивость», «резервирование цепей», «военная приемка». Но из того, что они использовали, для производства приспособлений, облегчавших домашний труд, годился только модульный принцип.

Сама идея проста до глупости: не чинить, а заменять. Я задумал превратить те узлы, которые могли выходить из строя, в сменные блоки, а затем укомплектовать каждого «Стэна» набором запчастей. Замененные части можно будет или выкинуть, или отправить в ремонт. Зато сам «Стэн» простоит только то время, которое понадобится на замену вышедшего из строя блока новым.

Тут и возникла первая ссора между мной и Майлзом. Я заявил, что принимать решение о том, когда перейти от опытного образца к производству, должен инженер, а Майлз настаивал, что это чисто вопрос коммерции. Согласись я на это — «Стэн» поступал бы на рынок таким же капризным и подверженным простудам, как и все прочие

непродуманные и недоделанные приспособления «для облегчения домашнего труда».

Помирила нас Белл Даркин. Если б она на меня нажала, я, может, и позволил бы Майлзу начать продажу «Стэна» прежде, чем сам считал необходимым, потому что я сходил с ума по Белл — настолько, насколько это вообще возможно для мужчины.

Она не только была превосходным секретарем и офисным менеджером, но и обладала к тому же формами, которые вдохновили бы и Праксителя, а ее духи действовали на меня, как валерьянка на Пита. Девушка-администратор высшего класса — а Белл была именно таковой — нынче большая редкость. И если одна из лучших вдруг соглашается работать за гроши в завалящей фирме вроде нашей, то должен возникнуть естественный вопрос: почему? Но мы даже не поинтересовались, где она работала прежде, — так обрадовались, что кто-то освободит нас от потока бумаг, связанных со сбытом «Горничной».

А немного погодя я бы и сам с негодованием отверг любое предложение проконтролировать работу Белл, потому что к тому времени на мои суждения серьезно влияли размеры ее бюста. Она милостиво разрешила мне рассказывать, как одинок я был до встречи с нею, и ласково отвечала, что ей хотелось бы узнать меня получше, ибо она испытывает ко мне нечто большее, чем простую симпатию. Наконец Белл согласилась соединить свою судьбу с моей. Это случилось вскоре после того, как она помирила меня с Майлзом.

— Дэн, милый, у тебя задатки великого человека... и мне кажется, я именно та женщина, которая поможет тебе им стать.

— Конечно ты — и никто больше!

— Ну-ну, милый. Но я не собираюсь тут же выскакать за тебя замуж. Мне не хочется обременять тебя детьми и всем, что сопутствует семейной жизни. Я стану работать вместе с тобой и добьюсь, чтобы наша фирма процветала. А уж потом мы поженимся.

Я попытался возражать, но она оставалась непреклонной:

— Нет, дорогой. Впереди у нас — долгий путь. Фирма «Горничная» станет такой же известной, как «Дженерал

электрик». И тогда мы поженимся, я плюну на бизнес и целиком посвящу себя заботам о тебе. Но сначала я должна подумать о твоём благополучии — ради нашего общего будущего. Верь мне, милый.

Ну я и верил. Она не позволила мне приобрести дорогое обручальное кольцо, что я присмотрел для нашей помолвки; вместо этого я переписал на её имя часть моих акций в качестве подарка к нашей помолвке. Разумеется, при голосовании я считал их своими. Вспоминая сейчас, я уже не уверен, что это была моя собственная идея.

После этого я стал работать усерднее, чем раньше, придумал самоопорожнявшееся мусорное ведро и мойку, укладывавшую вымытую посуду в кухонный шкаф. И все были счастливы... все, кроме Пита и Рикки. Пит игнорировал Белл, как и все, что он не одобрял, но изменить не мог. А вот Рикки была по-настоящему несчастна.

И виной тому был я. Рикки лет с шести считалась «моей девушкой» — ещё в Сандиа, когда я служил в армии, а она была смешной девчушкой с бантиками в волосах и большими темно-кариими глазами. И я обещал «жениться на ней», когда она подрастет, чтобы мы вместе заботились о Пите. Мне-то все представлялось забавной игрой, да так оно в самом деле и было. Я считал, что во всем этом самое важное для малышки — заботиться о нашем коте. Но кто может узнать, что происходит в детской душе?

Честно говоря, к детям я особой нежности не питаю. Большинство из них — маленькие чудовища, которые превратятся в цивилизованных людей, только когда вырастут, да и то не все. Но маленькая Фредерика напоминала мне мою родную сестру, а кроме того, она любила Пита и относилась к нему должным образом. По-моему, я ей нравился за то, что никогда не говорил свысока (сам ненавидел такое в детстве) и серьезно относился к её скаутским делам. Рикки была молодцом: она вела себя с достоинством — не зазнавалась и не хныкала, не лезла на колени. Мы были друзьями, вместе заботились о Пите и играли в «жениха и невесту».

После того как мама и сестренка погибли под бомбежкой, я прекратил игру. Не потому, что я принял сознательное решение, просто мне больше не хотелось шутить, да и вообще возвращаться к прошлому. Тогда ей было лет семь,

а ко времени, когда мы с Белл обручились, все одиннадцать.

Наверно, я один и сознавал, как сильно Рикки ненавидела Белл, хотя внешне неприязнь проявлялась только в отказе разговаривать с ней. Белл называла это застенчивостью, и Майлз, думаю, был с нею согласен.

Но я-то догадывался, в чем дело, и пытался подействовать на Рикки. Вы когда-нибудь пробовали обсуждать с подростком тему, на которую тот не желает разговаривать? Пользы столько же, сколько от крика под водой. Я утешал себя, что все еще может измениться, едва Рикки поймет, какая Белл замечательная.

А тут еще и Пит.

С ним, правда, дело обстояло иначе. Если бы я не был по уши влюблен, то его поведение меня давно бы уже насторожило. И я понял бы, что нам с Белл никогда не понять друг друга.

Белл — конечно же! — «нравился» мой кот. И вообще она обожала кошек, ей нравилась моя намечавшаяся лысина, и ее приводил в восторг мой выбор блюд в ресторанах — словом, все, что касалось меня, вызывало у нее восхищение.

Но кошек не обманешь — они прекрасно чувствуют, кто их любит, а кто нет. Вообще, человечество делится на кошатников и прочих (этих прочих, видимо, большинство), которые «не выносят таких безобидных и полезных кошек». Даже если они и прикидываются из вежливости (или по другим причинам), будто любят кошек, то тут же выдают себя с головой; надо знать, как обращаться с кошками! Кошачий протокол гораздо строже дипломатического — в его основе чувство собственного достоинства и взаимное уважение. В нем есть что-то от *dignidad de hombre*¹ латиноамериканцев, на что посягнуть можно только с риском для жизни.

Кошки напрочь лишены чувства юмора, они непомерно эгоистичны и очень обидчивы. Если кто-нибудь спросит меня, зачем вообще возиться, чтобы им угодить, я вынужден буду признать, что логических причин для этого

¹ Чувство собственного достоинства (исп.).

нет. Мне проще будет объяснить человеку, который ненавидит острые сыры, почему он «должен любить», например, лимбургер. Тем не менее я очень хорошо понимаю китайского мандарина — того, кто отрезал рукав халата, покрытого бесценной вышивкой, потому что на нем спал котенок.

Белл стремилась показать, как она «любит» Пита, обращаясь с ним словно с собачкой... и он ее, конечно, царапал. Затем, как и всякий благовоспитанный кот, он побыстрому смывался и где-то отсиживался некоторое время. Он поступал весьма мудро, иначе я бы ему врезал; а Пита никто никогда не наказывал, даже я. Бить кота совершенно бесполезно; чтобы вразумить его, нужно огромное терпение.

Я смазывал Белл царапины йодом и старался объяснить, в чем ее ошибка.

— Мне ужасно жаль, что так получается, поверь! Но если будешь продолжать в том же духе, он тебя снова поцарапает.

— Но я только хотела приласкать его!

— Да, но... ты ласкала его, как ласкают собак. Никогда не похлопывай кошку, а только поглаживай. И не делай резких движений в пределах досягаемости его когтей; когда ты гладишь Пита, ему нужно видеть, что у тебя добрые намерения. Ты всегда должна быть уверена, что ему это нравится. Если ему не хочется, чтобы его гладили, он потерпит из вежливости — коты ведь очень вежливы, — но только недолго. Так что очень важно оставить его в покое, прежде чем у него лопнет терпение. — Я помолчал. — Ты же не любишь кошек?

— Что? Фу, какие глупости! Конечно же люблю. Просто мне не приходилось часто иметь с ними дело. Она у тебя очень обидчивая?

— Он. Пит — кот. Вообще-то, он не обидчив, с ним всегда хорошо обходились. Но повторяю, с кошками надо уметь обращаться. И никогда не надо смеяться над ними.

— Что? Почему, ради всего святого?

— Потому что они действительно забавны, даже очень комичны пожалуй. Но у них отсутствует чувство юмора — насмешка их обижает. Однако упрекать тебя за то, что ты смеешься над ним, он не станет, а просто удалится, и за-

воевать его дружбу снова будет непросто. Но это не так важно. Гораздо важнее знать, как найти к нему подход. Когда Пит вернется, я научу тебя, что нужно сделать.

Но в тот день Пит так и не вернулся, и мне не пришлось учить ее. С тех пор Белл ни разу к нему не прикоснулась. Она разговаривала с ним и вообще вела себя так, будто любила его, но держалась от него подальше. Пит тоже соблюдал дистанцию. Я вскоре забыл о случившемся — не мог же я из-за такой ерунды позволить себе сомневаться в женщине, которая была для меня дороже всего на свете.

Но вопрос о Пите вновь возник и чуть не стал камнем преткновения. Мы с Белл обсуждали, где будем жить, когда поженимся. Правда, тогда она не назвала дня нашей свадьбы, но мы тем не менее тратили массу времени, обсуждая всякие подробности. Я хотел приобрести небольшое ранчо неподалеку от фабрики, а Белл предпочитала квартиру в городе, пока мы не сможем позволить себе приобрести виллу в районе Бель-Эр.

— Дорогая, это непрактично, — уверял я ее. — Мне необходимо жить поближе к работе. А кроме того, как в городской квартире держать кота?

— Ах вот ты о чем. Я рада, что ты сам упомянул об этом. Я тут подзаялась кошачьим вопросом серьезно, прочитала пару книг. Мы его кастрируем, тогда он станет более покладистым и будет вполне счастлив, живя в квартире.

Я уставился на нее, не веря своим ушам. Превратить старого бойца в евнуха? Сделать из него украшение для камина?

— Белл, ты сама не понимаешь, что говоришь!

— Не спорь, мамочке лучше знать, — нетерпеливо перебила она.

И принялась выкладывать обычный набор доводов, свойственных тем, кто считает кошек лишь частью интерьера. И что ему, мол, не будет больно, и что это для его же блага, и что она знает, как он мне дорог, и что у нее в мыслях не было лишать меня общества Пита, и что это на самом деле очень простая и безопасная операция, и от этого всем будет только лучше.

Я прервал ее:

— А почему бы тебе не устроить это нам обоим?

— Что ты имеешь в виду, дорогой?

— Себя. Я стал бы послушным, всегда бы ночевал дома и никогда с тобой не спорил. Как ты заметила, это совсем не больно, и я даже стал бы намного счастливее.

— Ты говоришь глупости, — покраснев, сказала Белл.

— Ты тоже.

Больше она об этом не заговаривала. Белл никогда не допускала, чтобы разногласия приводили к ссоре. Она замолчала и затаилась, ожидая подходящего случая. В ней, пожалуй, тоже было что-то кошачье... поэтому, наверно, я и не мог бы от нее отказаться.

И я рад был случаю замять дело, поскольку по уши был занят «Феноменальным Фрэнком». «Стэн» и «Горничная» должны были принести нам кучу денег. Но я был помешан на идее создать совершенный многоцелевой домашний автомат-слугу. Можете назвать его роботом, хотя такое определение не совсем точно, да и я не имел намерения конструировать механического человека.

Мне хотелось создать агрегат, который мог бы выполнять любую работу по дому — не только уборку и приготовление пищи, но и более сложную: менять грудным детям подгузники или заправлять новую ленту в пишущую машинку. Я хотел, чтобы вместо одноцелевых «Горничных», «Стэнов-стекломоев», «Нянек Нэнси», «Неленивых Лени» и «Садовников Сэнди» любая семья была бы в состоянии купить одну машину по цене... ну, скажем, хорошего автомобиля. А делать такая машина могла бы все — как те слуги-китайцы, о которых все читали, но которых никто в наше время уже в глаза не видел.

Создание такой машины было бы равносильно появлению второй «Прокламации об освобождении рабов»¹, освобождающей женщин от их векового рабства. Мне хотелось опровергнуть старую истину: домашнюю работу никогда не переделаешь. Нудная, тяжелая, однообразная работа по дому оскорбляла мои чувства инженера.

Чтобы отказаться от посторонней помощи, «Феноменального Фрэнка» я хотел сделать из стандартных частей и на основе уже известных принципов. Фундаментальные

¹ «Прокламация об освобождении рабов» — документ, подписанный Авраамом Линкольном в 1862 г.

исследования не проводят в одиночку, мне придется использовать прежний научно-технический опыт, иначе ни черта у меня не выйдет.

К счастью, прежнего опыта было полным-полно в оборонной промышленности, и, имея доступ к секретным сведениям, я времени в армии даром не терял. Да моему агрегату и не требовалось выполнять столь же сложные задания, что и управляемой ракете.

Чего я добивался от «Феноменального Фрэнка»? Только одного: он должен был производить любую работу по дому, которую до сих пор делала женщина. Он не должен был уметь играть в карты, заниматься любовью, есть или спать, но должен был прибираться за картежниками, готовить, застилать кровати, нянчить детишек — по крайней мере, следить за их дыханием во сне и звать кого-нибудь, если что не так. Не было необходимости «учить» его отвечать на телефонные звонки — такой прибор уже выпускала «Эй-ти-энд-ти»¹. На дверные звонки он тоже мог не отвечать — большинство квартир в новых домах оборудовалось системой ответчиков. Но чтобы заниматься теми вещами, которые я хотел ему поручить, у него должны были быть руки, глаза, уши и мозг... достаточно вместительный мозг.

«Руки» я мог заказать у компании, изготовлявшей оборудование для атомной промышленности, — они же поставляли «руки» для «Горничной». Но на этот раз мне требовались приборы лучшего качества, с многоцелевым сервомеханизмом и хорошей обратной связью, — те, что использовались при отмеривании радиоактивных изотопов. Та же компания могла поставлять и «глаза», — правда, они могли бы быть более простой конструкции, ведь «Фрэнку» не требовалось видеть и действовать из-за бетонных укрытий, как на атомных станциях.

«Уши» я мог приобрести у любой из десятка компаний по производству радиотелевизионной техники, хотя мне, возможно, придется спроектировать кое-какие контуры, чтобы он мог контролировать свои руки с помощью зрения, слуха и сенсорной обратной связи — так же как контролируется человеческая рука.

¹ «Эй-ти-энд-ти» (AT&T) — Американская телеграфная и телефонная компания, основанная в 1885 г. Александром Беллом.

Но, используя транзисторы и печатные схемы, в небольшой объем можно запихнуть много чего.

«Фрэнку» не придется пользоваться стремянкой, чтобы, скажем, покрасить потолок. Я сделаю так, чтобы шея у него тянулась, как у страуса, а руки раздвигались, как складной метр. Но вот нужно ли, чтобы он умел подниматься и спускаться по обычной лестнице?

Вообще-то, аналог уже имелся — инвалидное кресло на колесах с мощным приводом. Стоило, наверно, приобрести одно из них и использовать как основу для шасси, подогнав под него размеры и вес опытной модели, — так я получил бы необходимые параметры для разработки. Управлять передвижением будет «мозг» «Фрэнка».

С «мозгом» мне пришлось помучиться. Можно собрать агрегат, соединить отдельные части наподобие человеческого скелета или даже более функционально. Можно собрать достаточно тонкую координационную систему — так, чтобы этот агрегат забивал гвозди, соскребал грязь с пола, разбивал яйца или, наоборот, не разбивал. Но пока у него нет такой штуки, как у человека между ушами, это не человек. Это даже не труп человека. К счастью, человеческий мозг мне и не требовался: я хотел создать послушного идиота, годного только для однообразной домашней работы.

Вот гдегодились торсеновские трубки памяти. Они применялись в межконтинентальных ракетах, которыми мы нанесли ответный удар, и их упрощенный вариант — в системах регулирования уличного движения, в Лос-Анджелесе например. Нет нужды углубляться в теорию электронных трубок, поскольку даже в лабораториях «Белл корпорейшн» в этом не очень разбираются. Суть заключается в том, что, если подключить трубку Торсена к цепям управления и заставить машину выполнить нужную операцию с помощью ручного управления, трубка «запомнит» ее и сможет в дальнейшем управлять операцией без участия человека. Для автоматизированных станков этого вполне достаточно. Но для более хитроумных механизмов — управляемых ракет и «Функционального Фрэнка» — необходимо добавить вторичные цепи, которые дадут возможность машине «рассуждать». Конечно, рассуждать, как человек, машина, по-моему, не сможет никогда, вторичные цепи —

это обычный следящий контур с простой программой: следить за тем-то и тем-то в таких-то пределах; обнаружив то-то и то-то, действовать по программе. Сложность программы зависит от возможностей трубки памяти — а они практически неограниченны! Можно так запрограммировать, что вторичные «цепи рассуждения» (по сути, их функция — давать водителю идиотские советы с заднего сиденья) в любое время прервут цикл, если возникнет несоответствие с тем, что было изначально заложено в торсеновскую трубку.

То есть смысл в том, что нужно лишь однажды научить «Феноменального Фрэнка» вытирать со стола, очищать тарелки от остатков пищи и загружать их в мойку — и после этого он справится с любой грязной посудой, если понадобится. Что еще лучше, можно электронно скопировать торсеновскую трубку и вставить в голову любой машины, и она тоже справится с грязной посудой — с первого раза... и даже не разобьет ни одной тарелки.

Если вставить другую «записанную» трубку рядом с первой, машина сможет менять пеленки младенцу и никогда не выбросит в мусорное ведро вместо использованных пеленок ребенка.

В квадратную голову «Фрэнка» легко могла бы встать хоть сотня таких трубок, каждая с электронной «памятью» какой-то работы по дому. Затем вокруг всех «рассуждающих» цепей монтируется защитный контур, цепь блокирования на случай, если «Фрэнк» столкнется с чем-то, что не вложено в его память, — в этом случае цепь срабатывает, он остановится и «позовет на помощь». Так что и дети, и посуда будут в безопасности.

Итак, я смонтировал своего «Фрэнка» на каркасе инвалидного кресла. Выглядел он как осьминог в любовной схватке с вешалкой... но, боже, как он полировал столовое серебро!

Майлз с недоверием осмотрел первого «Фрэнка». Он внимательно наблюдал, как «Фрэнк» смешал мартини и подал нам стаканы, потом вытряхнул и тщательно протер пепельницы (не прикоснувшись к тем, что стояли чистыми), открыл окно и закрепил рамы, подъехал к книжному

шкафу, вытер пыль с книг и снова аккуратно расставил их по полкам.

— Много вермута, — сказал Майлз, сделав глоток мартини.

— Именно так мне и нравится. Но можно научить его смешивать и в твоём вкусе. У него ещё не задействовано много трубок.

Майлз сделал ещё глоток.

— Как скоро его можно пустить в производство?

— Ну, лет десять с ним надо повозиться, — отвечал я. И, не ожидая, пока он взвзвонит, добавил: — Однако упрощённую модель можно будет запускать уже лет через пять.

— Чушь! Мы обеспечим тебя всем необходимым, но опытный образец должен быть готов через полгода.

— Черта с два! Ведь это мой *magnus opus*¹. И я не собираюсь отдавать его, пока он не станет произведением искусства: во-первых, размером в три раза меньше, во-вторых, у него должны полностью заменяться блоки, кроме торсеновских трубок. Он будет настолько ловким, что сможет не только выпустить на прогулку кошку и искупать ребёнка, но даже играть в пинг-понг, если покупатель заплатит за дополнительное программное обеспечение. — Я взглянул на «Фрэнка»: тот методично вытирал пыль с моего стола и при этом возвращал каждую бумажку на то же место, откуда брал. — Правда, играть с ним в пинг-понг мало радости — всегда будешь проигрывать. Хотя, думаю, его можно научить изредка «мазать»... Да, это можно сделать. Из этого получится хорошая презентация.

— Год. Один год, Дэн, и ни днем больше. Я найму какого-нибудь в «Лоуи», чтобы помог тебе с дизайном.

— Майлз! Когда ты наконец вспомнишь, что технической стороной дела командую я. Твой черед наступит, когда я передам тебе готовую модель... но не раньше.

— И все-таки вермута многовато, — ответил Майлз.

Я ковырялся потихоньку с помощью наших механиков, пока не добился, что «Фрэнк» стал меньше походить на гибрид газонокосилки с игральным автоматом, а стал выглядеть как машина, которой не грех и перед соседями

¹ Великое творение (лат.).

похвастаться. Между делом я устранил множество неполадок в его системе контроля. Я даже научил его гладить Пита и почесывать его за ухом именно так, как тому нравилось. А для этого, поверьте мне, нужна была система обратной связи не хуже тех, что использовались в приборах атомных станций. Майлз на меня не давил, хотя и заходил ко мне время от времени посмотреть, как продвигается дело. Большую часть работы я делал по ночам, поужинав с Белл и проводив ее домой. Днем отсыпался, потом приезжал на фабрику, подмахивал не глядя бумаги, подготовленные Белл, и шел смотреть, что успели сделать за день механики. Потом вез Белл куда-нибудь ужинать. Днем я не выкладывался: не встречаться же с любимой женщиной, когда от тебя несет потом, как от козла. После напряженной работы ночью в лаборатории фабрики вряд ли кто-нибудь вынес бы мое присутствие. Кроме Пита, конечно.

Как-то раз мы с Белл, как обычно, ужинали в ресторане. Когда подали кофе, Белл спросила меня:

— Возвращаешься на фабрику?

— Конечно. А что?

— Это хорошо. Потому что Майлз собрался встретить нас там.

— А...

— Он хочет провести общее собрание акционеров.

— Общее собрание? Для чего?

— Не беспокойся, оно будет коротким. Ты, милый, последнее время так мало внимания уделяешь делам фирмы. Майлз хотел подвести итоги и определить нашу дальнейшую политику.

— Я вплотную занимаюсь инженерными вопросами. Что еще от меня требуется?

— Ничего, милый. Майлз сказал, собрание долго не продлится.

— Да что случилось-то? У Джейка неполадки со сборочной линией?

— Милый, ну пожалуйста! Майлз мне не говорил зачем. Допивай быстрее кофе.

Майлз и впрямь ожидал нас на фабрике. Он торжественно пожал мне руку, словно мы месяца не виделись.

— Майлз, в чем дело? — спросил я.

Он не ответил, а, повернувшись к Белл, спросил:

— Повестка дня готова?

Уже одно это должно было меня насторожить: ведь Белл явно лгала, утверждая, будто Майлз ни о чем ее не извещал. Но тогда я ничего не заметил. Ведь я верил Белл, черт меня подери! Да к тому же я отвлекся на другое: Белл подошла к сейфу, нажала ручку и открыла дверцу.

— Кстати, дорогая. Вчера ночью я пытался открыть сейф и не смог. Ты что, изменила шифр?

Она, не оборачиваясь, вынимала бумаги из сейфа.

— Разве я тебе не говорила? На прошлой неделе кто-то пытался его взломать, и в полиции нам посоветовали изменить шифр.

— Тогда неплохо бы и мне знать его, а то придется названивать кому-нибудь из вас ночью, в неурочный час.

— Конечно-конечно. — Она закрыла сейф и положила папку на стол, за которым мы проводили заседания.

Майлз прочистил горло и сказал:

— Давайте начнем.

— Ладно, — согласился я. — Если у нас деловое совещание, стенографируй, милая. Итак... Среда, восемнадцатое ноября тысяча девятьсот семидесятого года, двадцать один час двадцать минут. Присутствуют все держатели акций — запиши наши имена. Председательствующий — Д. Б. Дэвис, вице-председатель правления. Какие вопросы, рассматривавшиеся на прошлой встрече, остались нерешенными?

Таковых не оказалось.

— Отлично. Валяй, Майлз, это твое шоу. Возникло что-нибудь новенькое?

Майлз прокашлялся.

— Я хочу проанализировать политику фирмы, представить программу на будущее и обсудить финансовое положение с советом директоров.

— Финансовое? Не дури. Мы ведем дело с прибылью, и с каждым месяцем она возрастает. В чем дело, Майлз? Недоволен своим текущим счетом в банке? Мы могли бы тебе кое-что подкинуть.

— Новая программа потребует от нас значительного расширения структуры капитала. Мы можем лишиться прибыли.

— Что за новая программа?

— Подожди, Дэн. Я взял на себя труд записать все подробно. Пусть Белл нам прочтет.

— Ладно... пусть.

Если отбросить цветастые юридические обороты, а Майлз обожал сложносочиненные предложения, дело сводилось к следующим трем пунктам: 1) забрать у меня «Феноменального Фрэнка», передать мастерам-производственникам и незамедлительно выпустить в продажу...

— Нет! — остановил я Белл.

— погоди минутку, Дэн. Как председатель и генеральный директор, я, естественно, имею право в процедурном порядке высказать свои мысли. Оставь замечания при себе. Дай Белл дочитать до конца.

— Ну ладно... хорошо, хорошо. Только ответ все равно один — нет!

Пункт 2 гласил, что нам пора задуматься о расширении дела. У нас в руках оказалась перспективная вещь, не менее перспективная, чем автомобиль в свое время, и мы были впереди всех. Поэтому нам надо срочно расшириться и основать компанию по продаже и продвижению нашего товара на общенациональный и мировой рынок.

Я нервно забарабанил пальцами по столу. Представляю, каково быть главным инженером такой компании, — они и до чертежной-то доски меня не допустят, а главной моей заботой будет, чтобы профсоюз не объявлял забастовок. С таким же успехом я мог бы остаться в армии и попытаться дослужиться до генерала.

Но я не стал прерывать чтения.

В пункте 3 говорилось, что грошами тут не обойтись, нужны миллионы. Финансировать нас берется «Мэнникс энтерпрайзес», конечно под обеспечение нашими акциями и патентом на «Фрэнка». Мы же превращаемся в дочернее предприятие. Майлз становится управляющим отделением, я — главным инженером-разработчиком. Но нашей свободе — конец: мы оба будем работать по найму.

— Всё? — спросил я.

— Мм... да. Давайте обсудим и проголосуем, — сказал Майлз.

— Ну что же... Надеюсь, нам хотя бы гарантируется право сидеть по вечерам перед лачугой и распевать спичуэлс?

— Тут не место шуткам, Дэн. Выход у нас только тот, что я предложил.

— А я и не шучу. Чтобы невольник не бунтовал, должна же быть у него хоть какая-то привилегия. Да ладно. Теперь моя очередь?

— Говори, говори.

Я внес контрпредложение — оно родилось у меня, пока я их слушал: мы полностью отстраняемся от производства.

Джейк Шмидт — наш управляющий производством — был неплохим парнем, тем не менее меня постоянно отвлекали от проектирования по всяким производственным пустякам: из теплого тумана творчества — в ледяную воду действительности. Поэтому я работал в основном по ночам, а днем старался держаться от фабрики подальше. А если расширяться, занять еще несколько зданий, ввести вторую смену, то наступит время, когда о творческой работе придется забыть, даже при условии, что осуществится этот совершенно неприемлемый план — стать в один ряд с «Дженерал моторс» и «Консолидейтед». Я не един в двух лицах и не смогу, естественно, быть и изобретателем, и управляющим производством.

Поэтому я предложил не расширяться, а, наоборот, сократить. Запатентовать «Горничную» и «Стэна-стекломоя», продать лицензии на их производство и сбыт какой-нибудь фирме, а самим только загребать денежки. Когда «Фрэнк» будет готов, мы его тоже запатентуем. Если «Мэнникс» купит лицензию на его производство и будет продавать «Фрэнка» по более высоким ценам — черт с ними! Тем временем мы изменим название на «Дэвис и Джентри. Исследовательская корпорация». В нее войдут трое: мы сами — Белл, Майлз и я — да пара наемных механиков мне в помощь, чтобы ковыряться с новыми агрегатами. Майлз и Белл останутся сидеть в конторе и подсчитывать денежки, которые к нам потекут.

Майлз медленно покачал головой:

— Нет, Дэн. Продажа патента даст нам кое-какую гарантированную прибыль. Но мы получим много больше, если будем производить товар сами.

— К черту, Майлз! Да не будем мы сами производить — вот в чем штука. Ты что, хочешь запродать наши души

«Мэнниксу»? Ну сколько тебе надо? Ты же не сможешь одновременно пользоваться больше чем одной яхтой и одним бассейном, верно? Не пройдет и года, как у тебя будет и яхта, и бассейн, если тебе уж так хочется их иметь.

— Они мне не нужны.

— А что тебе нужно?

Он поднял на меня глаза:

— Дэн, ты хочешь изобретать. Мой план позволяет тебе заняться любимым делом — мы обеспечим все необходимое: оборудование, помощь, любые деньги. Что касается меня — я хочу вести большое дело. Большое. У меня призвание. — Он взглянул на Белл. — И мне вовсе не улыбается до конца жизни торчать здесь, в самом центре пустыни Мохаве, и быть управляющим при изобретателе-одиночке.

Я в изумлении уставился на него:

— Раньше, в Сандиа, ты говорил по-другому. Хочешь выйти из дела, папаша? Нам с Белл будет чертовски неприятно, если ты так поступишь... Но уж если ты надумал... Я заложу землю или еще что-нибудь и откуплю твою долю. Не хотелось бы, чтобы кто-то чувствовал себя обиженным.

Я был потрясен до глубины души. Ну что ж, если старина Майлз так настойчив, я не считал себя вправе заставлять его делать по-моему.

— Нет, из дела я не хочу выходить, — упрямо заявил Майлз. — Я хочу его расширить. Ты же слышал, о чем я говорил: у нас есть официальное предложение от корпорации. И я считаю, мы должны его принять.

Думаю, вид у меня был несколько озадаченный.

— Ты настаиваешь на своем? Ладно. Белл, пиши: я — против. Не стану торопить тебя с рассмотрением моего контрпредложения. Обсудим все в ближайшее время. Хочу, чтобы ты остался доволен, Майлз.

Но Майлз продолжал упорствовать:

— Проголосуем как положено. Поименно. Начнем, Белл.

— Хорошо, сэр. Майлз Джентри голосует пакетом акций... — она перечислила номера и серии, — и отдает свой голос...

— За.

Она сделала отметку в блокноте.

— Дэниел Б. Дэвис голосует пакетом акций... — она снова зачитала список телефонных номеров; я пропустил мимо ушей эти формальности, — и отдает свой голос...

— Против. Ну вот и все. Сожалею, Майлз.

— Белл С. Даркин, — словно не слыша, продолжала она, — голосует... — перечисление цифр, — за!

У меня отвисла челюсть; перестав ловить открытым ртом воздух, я наконец проямлил:

— Но ты не вправе так поступать, детка... Конечно, акции твои, но ведь ты прекрасно знаешь, что...

— Объявите результаты голосования, — прорычал Майлз.

— Большинство — за. Первое предложение проходит.

— Внесите в протокол.

— Слушаюсь, сэр.

Некоторое время я пребывал в полном замешательстве. Потом начал орать на нее, потом пытался образумить, потом бессильно зарычал и заявил, что то, что она сделала, просто подло. Действительно, я переписал акции на ее имя, но она-то прекрасно знала, что это всего-навсего подарок к нашей помолвке. Что я всегда голосовал этими акциями и даже в мыслях не держал терять контроль над делом! Тьфу ты, я ведь даже в апреле уплатил за них подоходный налог. И если она выкинула такое, пока мы помолвлены, чего же от нее можно ожидать, когда она станет моей женой?

Она смотрела на меня не мигая — лицо ее показалось мне совершенно чужим.

— Дэн Дэвис, если вы думаете, что после всего, что здесь наговорили, я считаю себя помолвленной с вами, то вы еще глупее, чем я предполагала. — Она повернулась к Джентри. — Отвезешь меня домой, Майлз?

— Обязательно, дорогая.

Я хотел было что-то сказать, но махнул рукой и вымелся оттуда, даже не захватив шляпу. Самое время было убраться, а то я, пожалуй, прикончил бы Майлза; Белл-то, конечно, я и пальцем тронуть не смог бы.

В ту ночь мне было не до сна. Часа в четыре утра я вылез из кровати и сделал несколько телефонных звонков, согла-

сившись заплатить больше, чем дело того стоило. К пяти тридцати я уже был у ворот фабрики с грузовичком. Я намеревался открыть ворота, подогнать машину к разгрузочной платформе и перетащить «Фрэнка» в кузов — он весил четыреста фунтов.

На воротах висел новый замок.

Обдираясь о колючую проволоку, я перебрался через забор. Запертые ворота меня не беспокоили: в мастерской наверняка найдутся инструменты, чтобы их открыть.

Но замок входной двери мастерской тоже был заменен.

Я стал прикидывать, что лучше — разбить стекло монтировкой или достать из грузовика домкрат, загнать его между дверной рамой и ручкой и отжать им дверь, как вдруг кто-то заорал:

— Эй, ты! Руки вверх!

Рук я не поднял, но обернулся. Средних лет мужчина направил на меня револьвер размером с осадную пушку.

— Вы кто такой, черт возьми!

— А вы кто?

— Я Дэн Дэвис — главный инженер этого предприятия.

— Ох... — Он немного обмяк, но миномет свой не опустил. — Ну да, мне вас так и обрисовали. Но если при вас есть какой-нибудь документ, лучше вы его мне предъявите.

— Чего ради? Еще раз спрашиваю, кто вы такой?

— Я-то? Да вы меня не знаете. Звать меня Джо Тодд из Мохавской службы охраны. Работаем по частным лицензиям. Уж вы-то должны знать нашу контору: ваша фирма уже несколько месяцев наш клиент. Но сегодня ночью я на спецзадании.

— Да ну? Тогда, если вам доверили ключ, отоприте дверь. Мне нужно войти в мастерскую. И бросьте целиться в меня из вашего мушкетона...

Дуло по-прежнему смотрело мне прямо в живот.

— Не могу сделать этого, правда. Первое дело — у меня нет ключа. Второе дело — у меня насчет вас приказ: не пускать вас внутрь. Вот за ворота я вас выпущу.

— Ладно, открывайте ворота. Но мне-то надо как раз внутрь. — Я оглянулся в поисках камня, которым можно было бы разбить окно мастерской.

— Прошу вас, мистер Дэвис...

— Ну?

— Сожалею, что вы настаиваете. В ноги вам я стрелять не стану: стрелок из меня никудышный. Придется стрелять в живот. Пули в моей пушке разрывные, так что если пальну — от вас куча дерьма останется.

Последний довод заставил меня отступить, хотя хотелось бы верить, что сделал я это по другой причине. Например, потому, что, заглянув в окно мастерской, я не увидел «Феноменального Фрэнка» там, где обычно его оставляли.

...Выпроводив меня за ворота, Тодд как ни в чем не бывало вручил мне конверт:

— Велено передать вам, если, мол, вы тут появитесь.

Письмо я прочел в кабине грузовика. Это было вполне официальное извещение.

18 ноября 1970 г.

Уважаемый мистер Дэвис!

На состоявшемся сегодня очередном заседании совет директоров проголосовал за прекращение всех Ваших отношений с корпорацией в соответствии с параграфом третьим Вашего контракта. При этом вы остаетесь нашим акционером. Убедительно просим Вас не посягать на собственность компании. Ваши личные вещи и бумаги будут направлены Вам заказной почтой.

Совет выражает Вам благодарность за оказанные услуги и сожалеет о разногласиях относительно политики компании, которые вынудили нас пойти на этот шаг.

Искренне Ваш,

*Майлз Джентри,
председатель правления
и генеральный директор*

Письмо подготовила: Б. С. Даркин, секретарь-казначей.

Я дважды перечитал письмо, прежде чем до меня дошло, что никакого контракта с «нашей фирмой» у меня никогда не было; тогда откуда ссылка на третий или какой-либо другой параграф?

К концу того же дня посыльный доставил запечатанную коробку в мотель, где я снимал номер. В посылке я обнаружил шляпу, настольный письменный прибор, логарифмическую линейку, книги, мою личную переписку и несколько документов. Но там не было ни описаний, ни чертежей, сделанных мною в ходе создания «Фрэнка».

Зато там было несколько весьма любопытных документов, таких как мой «контракт», например. Третий параграф действительно позволял им уволить меня без предупреждения, выплатив пособие в размере трехмесячного жалования. Но седьмой параграф был еще любопытнее. Это была новейшая модификация кабального договора, согласно которому уволенный не имел права в течение пяти лет работать по своей специальности в любой конкурирующей фирме, не предложив свои услуги в первую очередь своему бывшему нанимателю. За это фирма выплачивала мне некоторую компенсацию. То есть, другими словами, я мог вернуться на работу в любой момент, когда захочу, придя в фирму со шляпой в протянутой руке, умоляя Майлза и Белл взять меня обратно. Может, для этого они и вернули мне шляпу?

А иначе все пять лет я не мог бы заниматься бытовой техникой нигде, не спросив у них разрешения. Да мне легче было горло себе перерезать.

Среди документов имелись и копии всех моих зарегистрированных патентов (на «Горничную», «Стэна-стекломая» и прочую мелочь), право на владение которыми, как оказалось, я передал фирме «Горничная, инкорпорейтед»; оформлено было все как положено. «Феноменальный Фрэнк», конечно, не был запатентован. Так я тогда думал, а как на самом деле — выяснилось позже.

Но я никогда не передавал никакого права на патенты фирме; даже не давал формального разрешения на их использование. Я не видел смысла в этом, ведь «Горничная, инкорпорейтед» была моим детищем.

В последних трех папках находились мои сертификаты на мою долю акций (те, что я еще не успел переписать на имя Белл), чек и письмо, в котором расписывалась по пунктам вся сумма: накопленная «зарплата» — за вычетом

издержек по текущему счету, трехмесячный оклад за увольнение без предупреждения, компенсация по «седьмому параграфу»... и премия в тысячу долларов «за особые услуги, оказанные фирме». Что ж, очень мило с их стороны.

Перечитывая эту изумительную подборку, я осознал наконец, как неумно вел себя, подписывая не глядя все, что мне подсовывала Белл; подлинность моей подписи не вызывала сомнений.

На следующий день я полностью пришел в себя и решил посоветоваться с адвокатом, очень умным и очень жадным до денег, из тех, что не стесняются бить противника ногами и рвать его зубами и когтями. Поначалу он согласился заняться моим делом, однако, ознакомившись с бумагами и выслушав все подробности, он откинулся на спинку кресла, сцепил пальцы на животе и мрачно изрек:

— Дэн, позвольте дать вам бесплатный совет.

— Да?

— Ничего не затевайте. У вас нет никаких шансов выиграть дело.

— Но вы же говорили...

— Я помню, что говорил. Они вас надули. Но как вы это докажете? Они были слишком умны, чтобы не красть все ваши акции или оставить вас без единого цента в кармане... И они дали вам то, на что вы могли бы рассчитывать, если бы уходили из фирмы при нормальных обстоятельствах. Или если бы вас уволили — как они сформулировали — «из-за несогласия с политикой компании». Они выплатили вам все, что причитается, да еще кинули жалкую тыщонку в придачу — как знак того, что не держат на вас зла.

— Но у меня не было контракта! Я никогда не передавал никому свои патенты!

— Но бумаги-то говорят другое. Что подпись ваша — вы признали. Кто-нибудь может подтвердить ваши претензии?

Я призадумался. Нет, подтвердить не сможет никто. Даже Джейк Шмидт вряд ли знал, что происходит в конторе фирмы. Единственные свидетели — Майлз и Белл.

— Теперь об акциях, которые вы ей отписали. Тут можно найти зацепку. Если вы...

— Но как раз это — единственная законная сделка. Я действительно переписал акции на ее имя.

— Хорошо, пусть так. Но почему? Вы сказали, что преподнесли ей акции в качестве подарка, рассчитывая на будущий брак. Как она ими воспользовалась при голосовании — к делу не относится. Если вы сможете доказать, что дарили ей акции по случаю помолвки в твердой надежде на брак и что она знала условия, принимая подарок, вы можете заставить ее или выйти за вас замуж, или вернуть вам контроль над акциями. Вспомним дело Макнолти против Роудса. Тогда вы сможете вернуть себе контроль над фирмой и вышвырнуть их из бизнеса. Итак, вы можете это доказать?

— На черта теперь она мне сдалась, не собираюсь я на ней жениться...

— Дело ваше. Но давайте по порядку. Есть у вас свидетели или доказательства — ну, там, письма или нечто в этом роде, — которые подтверждали бы, что она принимала акции, зная: вы дарите ей их как будущей жене?

— Конечно есть свидетели... все те же двое: Майлз и Белл.

— Теперь вам ясно? У вас нет ничего, кроме вашего слова против их слов, плюс куча официальных бумаг — не в вашу пользу. Вам не только нет смысла что-нибудь затевать; больше того, вас вполне могут упрятать в психушку как параноика. Мой вам совет — найдите себе работу в какой-нибудь другой области... Или в крайнем случае ломитесь напропалую, организуйте конкурирующую фирму, чтобы оспорить их паршивый контракт. Хотел бы я посмотреть, как эти параграфы осуществляются на деле, тем более что защищать вас буду не я. Но не пробуйте обвинить их в заговоре. Они выиграют иск и будут судиться с вами, пока не заберут у вас все, что оставили поначалу. — Он поднялся с места, давая понять, что беседа закончена.

Я внял его совету, но частично. На первом этаже дома, где помещалась его контора, был бар. Я зашел туда и надрался.

У меня было достаточно времени, чтобы все это вспомнить, пока я ехал на встречу с Майлзом. Когда фирма начала приносить прибыль, он арендовал маленький домик в долине Сан-Фернандо и перебрался туда с Рикки, спасаясь от убийственной мохавской жары. Он ежедневно ездил до работы и обратно автобусом-экспрессом ВВС. И тут я вспомнил, что Рикки, к счастью, сейчас была далеко — в скаутском лагере для девочек на Большом Медвежьем озере. Мне вовсе не хотелось, чтобы она стала свидетельницей ссоры между мной и своим отчимом.

В туннеле Сепульведа машины шли бампер в бампер; тут мне пришла в голову мысль, что, прежде чем встретиться с Майлзом, неплохо бы пристроить куда-нибудь сертификат на акции «Горничной». Я не ожидал, что дойдет до применения силы (если только я сам не начну), но я решил, что это будет разумная предосторожность; как кот, однажды прищемивший хвост дверью, я постоянно был настороже.

Оставить бумаги в машине? Предположим, меня повяжут за нападение и побои, — будет глупо хранить их в машине, которую потом отбуксируют и конфискуют.

Я мог бы отправить бумаги по почте на свое имя, но последнее время я получал корреспонденцию в отделе доставки главпочтамта, поскольку вынужден был переезжать из одной гостиницы в другую. Меня выставляли, как только обнаруживалось, что я держу в номере Пита.

Лучше было отправить их кому-то, кому я мог доверять.

Но список таких людей был весьма коротким.

Потом я вспомнил, кому можно верить.

Рикки.

Может показаться, что я опять лезу на рожон: только что меня надула одна особа женского пола, а я собираюсь довериться другой. Но тут был совсем другой случай. Я знал Рикки пять лет — половину ее жизни, и если есть среди людей хоть один кристально чистый человек, так это она... и Пит был того же мнения. Кроме того, Рикки пока не могла своими женскими прелестями лишить мужчину здравого смысла. Женственность проявлялась только в ее лице и еще не повлияла на ее фигуру.

Выбравшись из туннельной пробки, я свернул с магистрали и вскоре обнаружил, что искал, — аптеку. Там я купил бумагу для письма, марки и пару конвертов — большой и маленький. И начал писать:

Дорогая Рикки-тикки-тави!

Надеюсь скоро увидеть тебя, но, пока я не приехал, прошу тебя сохранить вложенный в письмо конверт. Пусть это будет нашей тайной.

Тут я задумался. Проклятье! А если со мной что-нибудь случится?.. Автомобильная катастрофа или еще что-то... и меня не станет?.. Акции останутся у Рикки и в конечном счете попадут к Майлзу и Белл. Если я не придумаю, как это предотвратить. Пока я так рассуждал, до меня дошло, что подсознательно я уже принял решение отказаться от «холодного сна». Трезвая голова и прочитанная доктором лекция укрепили мою решимость. Я раздумал убежать и хотел остаться и дать им бой; и этот сертификат станет моим главным оружием. Он дает мне право проверять всю документацию фирмы, на законном основании совать нос во все дела компании. А если они попробуют вновь выставить меня с помощью наемных охранников, то я вернусь обратно с адвокатом, помощником шерифа и постановлением суда. Можно и к суду их привлечь. Не смогу выиграть процесс — так хоть устрою такой скандал, что отпугну «Мэнникс» от покупки нашей фирмы.

А может, вовсе не надо посылать сертификат Рикки?

Нет, случись что со мной... Пусть он останется у нее. Ведь Рикки и Пит — теперь вся моя семья. И я продолжил письмо:

Если нам не удастся встретиться в течение года, то знай, что со мной что-то случилось. Тогда позаботься о Пите, если сможешь его отыскать. После этого возьми маленький конверт, что внутри письма, и, не говоря никому ни слова, отнеси его в любое отделение Американского банка, а там обратись к кому-нибудь, кто занимается доверительной собственностью, и попроси вскрыть конверт.

Люблю, целую.

Дядя Дэнни

Я взял еще один лист и написал:

3 декабря 1970 г., Лос-Анджелес, Калифорния

Передаю все свои наличные сбережения и прочее имущество (тут я привел опись акций «Горничной, инкорпорейтед» с указанием серийных номеров) на доверительное хранение в Американский банк в интересах Фредерики Вирджинии Джентри для передачи в ее собственность по достижении ею двадцати одного года.

И подписал.

Думаю, что яснее выразить свои намерения я вряд ли смог бы, учитывая, что написано было все на аптечном прилавке, а в ухо мне орал музыкальный автомат. Не должно быть и тени сомнения, что в случае, если со мной что-то стрясется, деньги и ценные бумаги достанутся Рикки, и ни Майлзу, ни Белл не удастся их у нее отнять.

Но если все пройдет нормально, я попрошу Рикки вернуть конверт, когда мы встретимся. Я не стал делать передаточную подпись на обороте сертификата, где была типографским способом отпечатана форма. Тем самым я надеялся избежать бумажной волокиты, когда придет время вернуть акции в свою собственность, — для этого мне достаточно будет просто порвать свое заявление.

Я вложил сертификат и заявление в маленький конверт, запечатал его и вместе с письмом Рикки засунул в большой конверт. Потом написал на нем адрес лагеря скаутов, приклеил марку и бросил в почтовый ящик рядом со входом в аптеку. Из надписи на ящике свидетельствовало, что корреспонденцию заберут минут через сорок; у меня словно гора с плеч свалилась, и я забрался в машину с легким сердцем... не потому, что сохранил свои сбережения, нет. Просто я решил свои самые важные проблемы.

Ну не то чтобы решил их, но, по крайней мере, больше не убегал от решения, не прятался в нору, изображая Рипа ван Винкля¹, и не пытался утопить проблемы в этиловом спирте различных вкусовых оттенков.

¹ *Рип ван Винкль* — герой одноименного рассказа американского писателя Вашингтона Ирвинга, на долгие годы заснувший в пещере.

Конечно же, я все еще хочу увидеть 2000 год, но просто сидя на своем месте. И я обязательно увижу его — когда мне стукнет шестьдесят и я еще буду достаточно молод, чтобы свистеть вслед проходящим красоткам. Куда торопиться? Прыжок в следующее столетие за один Долгий Сон нормальному человеку вряд ли понравится. Словно увидишь конец фильма, не зная, что же произошло в середине. Последующие тридцать лет мне стоит просто радоваться течению жизни, и тогда я, наверное, лучше сумею понять 2000 год, когда он наступит.

А сейчас я собирался дать бой Майлзу и Белл. Может, я проиграю, но им встреча со мной тоже даром не пройдет. Так мой Пит в старые добрые времена, возвращаясь домой весь в крови после очередного боя, все-таки громко заявлял:

— Посмотрел бы ты на моего противника!

От вечерней встречи многого я не ожидал, она была просто официальным объявлением войны. Я намеревался испортить Майлзу сон... а он мог позвонить Белл и испортить сон ей.

3

Подъезжая к дому Майлза, я весело насвистывал. Я больше не беспокоился об этой драгоценной парочке. Последние пятнадцать миль я уже обдумывал схемы двух новых моделей — каждая из них могла бы меня озолотить. Одна из них представляла собой чертежную машину, управляемую по принципу электрической пишущей машинки. Думаю, в США наберется тысяч пятьдесят инженеров, которые изо дня в день горбятся над чертежными досками и проклинают их, потому что эти доски засели у них в печенке и испортили им зрение. И не потому, что им не нравится проектировать, — они выбрали эту работу и хотят ею заниматься. Но сама работа очень тяжела и физически. Мое изобретение позволило бы им, сидя в удобном кресле, нажимать на клавиши, а чертеж появлялся бы на экране, укрепленном над клавиатурой. Одновременно нажимаете три клавиши — и в нужном месте появляется горизонталь-

ная линия; нажимаете еще одну клавишу — и связываете горизонталь с вертикалью; нажатием четырех других клавиш получается изображение линии под любым необходимым углом.

Да что там! За небольшую доплату можно установить второй экран, что позволит архитекторам проектировать в изометрии (единственно правильный способ проектирования!) и получать второе изображение в идеальной перспективе, не глядя на чертеж. Можно даже научить машину снимать планы этажей и лестничных клеток прямо с изометрического изображения.

Вся прелесть проекта состояла в том, что машину легко было почти полностью собрать из стандартных деталей, большинство из них можно найти в любом магазине радио- или фототоваров. Кроме панели управления. Но я был уверен, что смогу добыть для нее необходимые узлы, купив электрическую пишущую машинку, распотрошив ее и приспособив клавиши для управления нужными цепями. Месяц уйдет на создание примитивной модели, еще полтора — на устранение неполадок...

Но эту идею я держал в памяти про запас, так как был уверен, что в любое время смогу воплотить ее в жизнь, — а в успешном сбыте своего детища я не сомневался. Еще одна мысль — и она меня приводила в восторг — касалась старины «Феноменального Фрэнка». Я придумал, как его сделать еще более гибким. Я-то знал его вдоль и поперек, но вряд ли кому другому удастся досконально разобраться в его конструкции, потратить он хоть целый год на ее изучение. Но никто не мог узнать, даже изучив тщательно мои записки, что у каждого технического решения, которое я принял, была как минимум еще одна приемлемая альтернатива и что я сознательно ограничивал свой выбор только желанием сделать из него домашнюю прислугу. Первоначально можно было вообще отказаться от размещения его в инвалидном кресле, и тогда у меня развязаны руки. Правда, мне понадобятся торсеновские трубки памяти, но Майлз будет не в силах запретить мне их использовать — эти трубки мог приобрести каждый, кто занимается проектированием кибернетических систем.

Чертежная машина подождет, а я займусь созданием многоцелевого автомата с неограниченными возможностями

ми, который можно будет запрограммировать на выполнение любой человеческой работы — до того момента, пока не потребуется вмешательство человеческого разума.

Нет, сначала я сработаю чертежную машину. А потом с ее помощью я спроектирую «Первоклассного Пита».

— Как насчет имени, а, Пит? Назовем первого в мире настоящего робота твоим именем?

— Мур-р-р?

— К чему такая подозрительность? Это большая честь.

Набив руку на «Фрэнке, я смогу проектировать «Пита» прямо на моей чертежной машине и сразу же вносить усовершенствования в модель. Я сделаю из него убийцу, демона-губителя, и он разделается с «Фрэнком», прежде чем они запустят того в производство. Я разорю их, и они еще будут умолять меня вернуться обратно. Они сами прирезали курицу, несущую золотые яйца.

В окнах дома Майлза горел свет, у тротуара стояла его машина. Свою я поставил чуть дальше. Питу я сказал:

— Тебе, парень, лучше остаться здесь и охранять машину. Крикнешь три раза «Стой!» и после стреляй на поражение.

— Но-о-оу!

— Хочешь зайти в дом? Полезай в сумку!

— Бр-р-р?

— Не спорь. Я же сказал: полезай в сумку, если идешь со мной.

Пит неохотно прыгнул в сумку.

Майлз впустил меня в дом. От рукопожатий мы воздержались. Он провел меня в столовую и жестом указал на кресло.

Белл была здесь. Я не ожидал ее увидеть, но особо и не удивился. Взглянув на нее, я усмехнулся:

— Какая замечательная встреча! Только не рассказывай, что ты проделала долгий путь из Мохаве, чтобы поболтать со стариной Дэном... — О, стоит меня завести, я тоже шуточки откалываю! Посмотрели бы вы, что я вытворяю на вечеринках.

Белл нахмурилась:

— Не валяй дурака, Дэн. Говори, с чем пришел, если у тебя есть что сказать, и выметайся.

— Не торопи меня. Ведь у нас дружеская беседа... бывший партнер, бывшая невеста. Не хватает лишь бывшего совместного дела.

— Постой, Дэн. Не кипятись, — примирительно сказал Майлз. — Мы поступили так для твоей же пользы... и ты можешь вернуться, когда захочешь. Буду рад заполнить тебя обратно.

— Для моей же пользы? Что-то в этом роде сказали конокраду, перед тем как его повесить. Вернуться... А что ты скажешь, Белл? Могу я вернуться?

Она закусила губу.

— Конечно, если Майлз так говорит.

— А совсем недавно ты говорила: «Конечно, если Дэн так говорит». Но все меняется — такова жизнь. И я не вернусь, ребята, можете не беспокоиться. Я пришел сюда кое-что выяснить.

Майлз взглянул на Белл. Та спросила:

— Что, например?

— Ну, для начала — кто из вас придумал эту подставу? Или вы оба на пару?

Майлз процедил:

— Что за выражения, Дэн! Мне это не нравится.

— Брось ты. Давай начистоту. Если я груб, то вы поступили со мной совсем по-скотски. Я имею в виду подделку паскудного контракта, подделку передаточных подписей на патентах — это уголовное преступление, Майлз. И скоро ты увидишь небо в клетку. Я не уверен до конца, но, думаю, ребята из ФБР объяснят мне все тонкости. Завтра.

Майлз вздрогнул:

— Дэн, неужели ты настолько глуп, что попытаешься устроить скандал?

— Скандал? Да я врежу вам по всем статьям — гражданским и уголовным. Вам придется долго отмываться... если не согласитесь кое-что сделать. Да, я ведь не упомянул о вашем третьем грешке — краже не только записей и чертежей по «Феноменальному Фрэнку», но и самой модели. Впрочем, вы можете высчитать с меня за детали, поскольку их оплачивала наша фирма.

— Кража? Чушь! — огрызнулась Белл. — Ты же работал на компанию, а не на себя.

— Разве? Я делал работу по ночам. И вам обоим, Белл, хорошо известно, что я не был служащим. Я не получал зарплату, а жил на проценты с доходов по акциям. А что скажет «Мэнникс», если я подам в уголовный суд жалобу, все-таки обвинив вас в краже? Неужели они станут покупать «Горничную», «Стэна» и «Фрэнка», если узнают, что те никогда не принадлежали фирме, а были украдены у меня?

— Чепуха! — жестко повторила Белл. — Ты работал на компанию. У тебя был контракт.

Я откинулся на спинку кресла и рассмеялся:

— Ребятки, бросьте врать, поберегите свое вранье для свидетельских показаний. Здесь, цыпки, кроме нас, нет никого. Однако мне хочется выяснить: кто все придумал? Как это делалось — я знаю. Ты, Белл, обычно приносила мне на подпись бумаги. Какие бумаги находились под верхним экземпляром — я не видел; ты ведь подкладывала их так, что мне было видно только место, где ставить подпись. Делалось так для моего удобства, разумеется, — ты ведь была идеальной секретаршей. Теперь-то я уверен, что ты подсовывала лишние карты в колоду, — это ведь ты разработала всю технологию обмана, Майлз не смог бы. Где ему! Он даже на машинке прилично печатать не умеет. Но кто подготовил документы, с помощью которых вы меня одурачивали? Ты, Белл? Не думаю... Без юридической подготовки ты бы не смогла. Что думаешь, Майлз? Могла ли обыкновенная секретарша так замечательно сформулировать прекрасный параграф номер семь? А может, это сделал юрист? Думаю, это был ты.

Сигара Майлза давно погасла. Он вынул ее изо рта, осмотрел и осторожно сказал:

— Дэн, дружище, если ты думаешь, что выудишь у нас признание, то ты спятил.

— Кончай, Майлз, — прервал его я. — Мы здесь одни. Так или иначе, вы оба виноваты. Хотелось бы мне верить, что к вам явилась Далила¹, вручила сфабрикованное дельце и вы в минуту слабости поддались искушению. Но ведь

¹ Далила — библейская героиня, выманившая хитростью у Самсона секрет его богатырской силы.

я знаю, что все не так. Поскольку Белл не юрист, вы оба с начала и до конца являетесь сообщниками. Ты, Майлз, составил фальшивый документ, а Белл отпечатала его и подсунула мне на подпись. Правильно?

— Не отвечай ему, Майлз!

— Конечно не буду, — согласился Майлз. — Может, у него в сумке спрятан магнитофон.

— Хорошо бы, — согласился я. — Да нет у меня магнитофона. — Я раскрыл сумку, и Пит высунул голову наружу. — Все запомнил, Пит? Осторожней, ребята, у Пита память как у слона. Нет, магнитофон я не захватил. Я все тот же добрый старый болван Дэн Дэвис, крепкий задним умом. Бреду спотыкаясь... свято верю друзьям. Как верил вам двоим... Разве Белл юрист, Майлз? Или ты сам сел и хладнокровно рассчитал, как связать меня по рукам и ногам, ограбить и придать всему законный вид?

— Майлз! — перебила меня Белл. — С его-то способностями ему ничего не стоит сделать магнитофон размером с пачку сигарет. Он может держать его не в сумке, а спрятать в карман.

— Прекрасная мысль, Белл! В следующий раз я последую твоему совету.

— Я учел это, дорогая, — сказал Майлз. — А ты вот не следишь за собой. Держи язык за зубами!

В ответ Белл выдала такое, что у меня от удивления глаза на лоб полезли. Таких выражений раньше в ее лексиконе не встречалось.

— Уже грызетесь между собой? Воры что-то не поделили?

— Придержи и ты язык, Дэн, если хочешь уцелеть...

Майлз начал выходить из себя, и мне было приятно это видеть.

— Тихо, тихо. Я моложе тебя и к тому же совсем недавно прошел переподготовку по дзюдо. В человека ты не выстрелишь, скорее подсунешь ему какую-нибудь фальшивку в виде документа, имеющего законную силу. Я сказал «воры» — и имел в виду именно это. Воры и лжецы вы оба. — Тут я повернулся к Белл. — Отец учил меня никогда не называть леди лгуньей, сладкая моя, но ведь ты не леди. Ты лгунья... и воровка... и шлюха.

Белл покраснела. Маска красоты слетела с ее лица, обнажив облик хищной твари.

— Майлз! — завопила она. — Ты так и будешь спокойно сидеть и позволять ему...

— Тихо! — скомандовал Майлз. — Его грубость с расчетом. Он хамит, чтобы вывести нас из себя... Хочет, чтобы ты наговорила лишнего, что ты и делаешь. Так что придержи язык.

Белл заткнулась, но злобное выражение на ее лице осталось. Майлз снова повернулся ко мне:

— Дэн, я всегда был человеком практичным. Я пытался объяснить тебе наши мотивы, прежде чем ты вышел из дела. При составлении контракта я старался сделать все, чтобы ты достойно воспринял неизбежность происходящего.

— То есть спокойно позволил себя ограбить? Ты это имел в виду?

— Называй как хочешь. И я все еще предпочел бы решить дело миром. Твой иск вряд ли удовлетворят, но, как юрист, я понимаю, что до суда лучше дело не доводить. По возможности. Ты тут говорил, будто есть некие условия, при которых ты согласен на мировую. Назови их, — возможно, мы сможем достичь соглашения.

— Ах вот ты о чем. К этому я и веду. Ты их выполнить не можешь, но, вероятно, помочь уладить дело тебе по силам. Вот что... Заставь Белл вернуть акции, подаренные мной в день помолвки.

— Нет! — сказала Белл.

— Я же велел тебе придерживаться язык, — нахмурился Майлз.

— Почему же нет, моя бывшая возлюбленная? Я посоветовался на сей счет с адвокатом: ты нарушила обещание выйти за меня замуж и поэтому не только с этической, но и с юридической точки зрения обязана вернуть мне акции. Ведь это не так называемый добровольный дар — если я ничего не путаю в терминологии, — а передача чего-то в ожидании договоренного события, которое так и не произошло. Об этом-то уж вам ведомо, ваша самовлюбленность. Так что выкладывай акции, ну? Или ты опять передумала и готова выйти за меня?

Она ответила, где и как видела меня и мою свадьбу.

— Белл, ты только все осложняешь, — устало сказал Майлз. — Тебе разве не понятно, что он старается достать нас? — Он повернулся ко мне. — Дэн, если ты пришел только ради этого, можешь проваливать. Если б все обстояло именно так, как ты утверждаешь, тогда, допускаю, у тебя имелся бы повод требовать акции обратно. Но ничего подобного не было: ты передал акции Белл в оплату услуг.

— Вот как? Что за услуги? И где подтверждающие их документы?

— В них нет нужды. Она получила акции за услуги, оказанные фирме вне ее служебных обязанностей.

Я пристально взглянул ему в глаза:

— Хорошенькая теория! Послушай, Майлз, старина, если она получила акции за услуги, оказанные фирме, а не мне лично, то ты должен был знать об этом и поспешил бы уплатить ей столько же — ведь мы делили доходы и расходы пополам. Даже если у меня был — или я полагал, что у меня был, — контрольный пакет акций. Только не говори, что ты передал Белл акции на ту же сумму.

Они переглянулись, и тут у меня зародилось дикое подозрение.

— Ты так и сделал, может быть? Держу пари, моя малышка вынудила тебя, иначе бы она не вступила в игру! Верно? Если так, даю голову на отсечение, она зарегистрировала передачу немедленно... и даты покажут, что я отписал ей акции в день помолвки — ах, черт! О помолвке-то было объявлено в «Дезерт герольд»! — а вот ты передал ей акции, когда вы решили от меня избавиться, и она меня бросила. И все это зарегистрировано в книгах. Может, судья поверит мне, а не вам, а, Майлз? Как ты считаешь?

Я раскусил их, раскусил! Судя по их побледневшим лицам, я наткнулся на единственную зацепку — обстоятельство, которое им не удастся объяснить, а мне не положено было знать. Так что я их придавил, сильно придавил... Но тут мне пришла в голову еще одна дикая мысль. Дикая? Нет — вполне логичная.

— Сколько ты получила, Белл? Столько же, сколько вытянула из меня за «помолвку»? Для него ты сделала больше, и получить с него ты должна больше. — Тут я запнулся. — Слушай, мне кажется странным, что Белл проделала такой путь сюда только ради того, чтобы погово-

рить со мной, — ведь она терпеть не может ездить через пустыню. Может, она и не приезжала сегодня, а была тут все время? Вы сожительствоете? Или надо говорить «помолвлены»? Или... уже женаты? — Я немного поразмыслил. — Держу пари, так оно и есть. Ты, Майлз, деловой человек. Это я не от мира сего. Ставлю последнюю рубашку против твоей головы — ты никогда в жизни не передал бы акции Белл только за обещание выйти за тебя замуж. Но в качестве свадебного подарка — мог, теперь контрольный пакет у вас в руках. Не трудись отвечать — завтра я начну копать. И найду запись о регистрации вашего брака.

Майлз взглянул на Белл и ответил:

— Не трать времени даром. Знакомься: миссис Джен-три.

— Вот как? Поздравляю вас обоих. Вы друг друга стоите. Ну а теперь о моих акциях. Поскольку миссис Джен-три, очевидно, не может выйти за меня замуж, то...

— Не валяй дурака, Дэн. Я уже отмел твои смешотворные доводы. Я передал акции Белл так же, как и ты. И по той же причине — за услуги фирме. Ты сам сказал — такие вещи фиксируются. Белл и я поженились неделю назад, но если ты будешь справляться, то увидишь, что акции были переданы ей значительно раньше. Тебе не удастся связать два этих факта. Да, она получила акции от нас обоих за особые заслуги перед фирмой. И только после того, как ты бросил ее и ушел из фирмы, мы поженились.

Я был озадачен. Майлз слишком умен — он не будет лгать, если его легко можно проверить. Но что-то мешало мне поверить ему до конца.

— Когда и где вы поженились?

— Хоть это и не твое дело — в здании суда в Санта-Барбаре, в прошлый четверг.

— Может, и не мое. А когда ты передал акции?

— Точно не помню. Можешь уточнить, если хочешь.

Черт, в его утверждении, будто он передал акции Белл до официального бракосочетания, что-то не вязалось. Это я мог угодить в такую ловушку, Майлз не таков.

— Меня кое-что удивляет, Майлз. Если я найму частного детектива, не выяснится ли, что вы поженились задолго до названного тобою дня? И где же? Может, в Юме? Или в Лас-Вегасе? Или когда вы смылись на север, в Ри-

но, якобы на процесс об уплате налогов? Может, окажется, что ваш брак зарегистрирован именно там? И возможно, тогда дата передачи акций Белл и дата передачи моих патентов фирме улягутся в одну прелестную картинку. Как думаешь?

Майлз не дрогнул; он даже не взглянул на Белл. А посмотреть было на что: лицо ее так и перекосило от ненависти ко мне. Похоже, все так и было. И я решил довести дело до конца.

— Дэн, — спокойно сказал Майлз, — я долго терпел и пытался решить все миром. А в ответ получил только оскорбления. Так что, думаю, самое время тебе уйти. Или я озверю и выкину тебя к черту вместе с твоим блохастым котом!

— Ого! — восхитился я. — Впервые за весь вечер ты заговорил как мужчина. Только не называй Пита блохастым. Он понимает английский и может порвать тебя в клочки. Ладно, бывший приятель, я уберусь... но под занавес хочу произнести короткую речь, очень короткую. Вероятно, у меня не будет больше возможности разговаривать с тобой. Идет?

— Ладно... Идет. Только короче...

Белл нетерпеливо перебила его:

— Майлз, мне надо переговорить с тобой.

Даже не взглянув на нее, Майлз сделал успокаивающий жест.

— Валяй, но только покороче.

Я повернулся к Белл:

— Ты, наверно, не захочешь этого слушать. Лучше тебе уйти.

Разумеется, она осталась. Чего я и добивался. Я вновь повернулся к Майлзу:

— Я не сержусь на тебя. Мужчина ради женщины, даже воровки, способен на все. Если не устояли ни Самсон, ни Марк Антоний, чего же ожидать от тебя? По справедливости, я должен быть тебе благодарен. Пожалуй, я и впрямь тебе немного благодарен. И мне тебя жаль. — Через плечо я оглянулся на Белл. — Теперь она твоя, вот и разбирайся с ней сам, а мне все, что было, стоило испорченных на время нервов и небольшой суммы денег. Но во что она обойдется тебе? Она обманула меня и заставила тебя, мой быв-

ший друг, стать обманщиком. И сколько времени пройдет, пока она найдет нового болванчика и начнет обманывать тебя? Неделя? Месяц? Или она выдержит целый год? Но все равно без этого прожить она не сможет и... вернется к своей блевотине, как собака...¹

— Майлз! — взвизгнула Белл.

— Убирайся! — угрожающе зарычал Майлз.

И я понял, что самое время уйти. Я поднялся:

— Сейчас уходим. Мне жаль тебя, старина. Оба мы в самом начале совершили ошибку, и я не снимаю вины и с себя. Но расплачиваться за нее предстоит тебе одному — вот что скверно... тем более что ошибка-то совсем невинная.

Любопытство, очевидно, пересилило в нем гнев, и он спросил:

— Ты о чем?

— Нам бы с тобой следовало поинтересоваться, с чего бы это такая умная, такая красивая, такая знающая, необыкновенно способная женщина согласилась работать на нас за жалованье секретаря-машинистки. Если бы мы взяли у нее отпечатки пальцев, как это делают крупные фирмы, и сделали простую проверку, может, мы ее и не приняли бы на работу... и до сих пор оставались партнерами.

Опять в точку! Майлз резко повернулся и взглянул на свою жену. Сказать, что она выглядела крысой, загнанной в угол, было бы неверно: крыс такого размера не бывает. Но мне мало было достигнутого успеха — мне нужна была полная победа. Я направился к столу:

— Ну, Белл! Что, если я возьму твой стакан с виски и проверю отпечатки пальчиков? Что обнаружится? Фотографии во всех полицейских участках? Шантаж? Двоемужество? А может, брачные аферы с корыстными целями? Майлз — твой законный муж? — Я протянул руку и взял стакан со стола.

Белл выбила его у меня из рук.

Майлз заорал на меня.

Я слишком долго испытывал судьбу. И глупо было входить в клетку к хищникам без оружия, но еще глупее — за-

¹ Ср.: «Но с ними случается по верной пословице: пес возвращается на свою блевотину, и вымытая свинья идет валяться в грязи» (Второе послание Св. Ап. Петра, 2: 22).

быть первую заповедь дрессировщика: не поворачиваться к зверю спиной. Когда Майлз на меня заорал, я повернулся к нему. Белл схватила сумочку... и я только успел подумать, что вовсе не время ей хвататься за сигареты. Потом я почувствовал укол. Колени у меня подогнулись, и, падая на ковер, я продолжал удивляться, что Белл способна на такое. Несмотря ни на что, я все-таки продолжал ей верить.

4

Сознание я до конца так и не потерял. После укола подступила дурнота и все поплыло перед глазами — этот препарат действовал быстрее морфина. Но этим его действие и ограничилось. Майлз прокричал что-то Белл и схватил меня в охапку, когда я начал падать. Он протащил меня до кресла и бросил в него, у меня даже голова перестала кружиться.

Сознание прояснилось, но тело мне не подчинялось. Теперь-то я знаю, что она мне вприснула «зомби» — такой наркотик, ответ Дяди Сэма на «промывание мозгов». Насколько мне известно, его никогда не использовали на заключенных, но наши нашли ему применение в расследованиях случаев «промывания мозгов» — это было незаконно, но весьма эффективно. Сейчас, похоже, его применяют при однодневном психоанализе, но, чтобы воспользоваться лекарством, даже психоаналитик должен запастись решением суда.

Бог знает, как он попал к Белл. И бог знает, скольких еще болванов она с его помощью прибрала к рукам! Но тогда я об этом не думал. Я вообще ни о чем не думал. Я просто неуклюже раскинулся в кресле, неподвижный как бревно. Я слышал все, что происходило, но видел только то, что находилось прямо передо мной. Если бы мимо меня прошествовала сама леди Годива, пешая, без коня, я бы даже взглядом за ней не проследил.

До тех пор, пока мне не прикажут.

Пит выпрыгнул из сумки, подбежал к креслу, в котором я лежал, и спросил, в чем дело. Я не отвечал, и он принялся

теребить мою штанину, требуя объяснений. Так и не получив ответа, он вспрыгнул ко мне на колени, положил передние лапы на грудь, заглянул в глаза, требуя немедленно объяснить, что случилось.

Я продолжал молчать, и тут он завыл.

Его вопли обратили на себя внимание Майлза и Белл. Майлз повернулся к Белл и зло спросил:

— Ну и что ты сделала? Ты что, рехнулась?

— Толстячок, побереги нервы! — ответила Белл. — Сейчас мы с ним разберемся раз и навсегда.

— Что? Если ты рассчитываешь на мое содействие в убийстве...

— Чушь! Хотя по здравом размышлении его и следовало бы убрать... да у тебя для этого кишка тонка. К счастью, такой необходимости нет. Достаточно препарата.

— Что ты имеешь в виду?

— Он теперь в наших руках. Будет делать то, что я ему велю. Он больше не доставит нам неприятностей.

— Но... Господи, Белл, не можешь же ты все время держать его на игле. Однажды он очухается и...

— Кончай толковать как законник. Я знаю, как действует этот наркотик, а ты нет. Когда он очухается, он будет делать то, что я ему велю. Велю ему прекратить преследовать нас, и он перестанет; велю ему прекратить совать нос в наши дела, и он оставит нас в покое. Велю ему уехать в Тимбукту, и он туда отправится. Велю ему забыть все, что с ним было, и он забудет... но сделает все, что я ему прикажу до того.

Я слушал, понимал все, о чем она говорила, но меня ничто не интересовало. Если бы в тот момент раздался крик «Пожар! Горим!», я понял бы смысл, но мне все было бы безразлично.

— Не верю я.

— Хм, не веришь? — Она как-то странно взглянула на него. — А следовало бы.

— Как? О чем ты?

— Ладно, не важно. Препарат действует, толстячок. Но сначала нам нужно...

Вот тут-то Пит и начал выть. Не часто приходится слышать, как воют коты; можно прожить всю жизнь и не услы-

шать кошачьего воя. Коты не воют во время драки, как бы сильно им ни досталось, никогда не воют просто из-за недовольствия. Они начинают выть только в минуты безысходного страдания, когда попадают в совершенно невыносимые условия, когда наступает предел их возможностей и уже больше ничего не остается делать.

Это похоже на вой банши. Он леденит душу, его невозможно выносить, он изнуряет своей непрерывностью.

— Чертов кот! Надо выкинуть его отсюда, — вздрогнув, сказал Майлз.

— Убей его! — взвизгнула Белл.

— Ты всегда круто берешь, Белл. Из-за своего бесценного животного Дэн устроит нам скандал посильнее того, который он закатил бы, обчисти мы его самого до нитки. Где тут... — Он повернулся и поднял мою дорожную сумку.

— Я сама убью его! — визгливо закричала Белл. — Я почти год мечтала убить эту проклятую тварь. — Она оглянулась в поисках орудия убийства. Затем ринулась к камину и схватила кочергу.

Майлз поднял Пита и попытался засунуть его в сумку.

Именно «попытался». Пит спокойно позволяет себя поднять только мне или Рикки. Но даже я не осмеливаюсь взять его на руки, когда он воет. Сначала надо провести осторожные переговоры: выведенный из эмоционального равновесия кот опаснее, чем гремучая змея. Но даже если он не был так расстроен, он никогда без сопротивления не дал бы схватить себя за загривок.

Пит вцепился когтями Майлзу в предплечье, а зубами впился в его большой палец.

— Отвали, толстяк! — истошно заорала Белл и замахнулась на Пита кочергой.

Ее намерения были достаточно откровенны, и на ее стороне были сила и оружие. Но она не обладала сноровкой в обращении с кочергой, а Пит был весьма искусен во владении своим оружием. Он поднырнул под кочергу и нанес ей четыре удара, обеими лапами по каждой ноге.

Белл пронзительно завизжала и выронила свое оружие.

Что происходило потом, я мог только догадываться. Я по-прежнему мог смотреть только прямо перед собой и

видел большую часть гостиной, но не мог видеть поля боя целиком. Я следил за происходящим в основном по звукам борьбы, крикам, воплям, топоту ног. Только раз в моем поле зрения мелькнули два человека, которые гнались за котом, а потом, внезапно, эти двое пробежали обратно, и кот их преследовал.

Не думаю, чтобы им удалось хотя бы прикоснуться к нему.

Самым худшим из случившегося со мной в ту ночь было то, что я пропустил звездный час Пита — час его величайшей битвы и величайшей победы. Мало того что я не увидел всех его подробностей, я даже не был в состоянии их по достоинству оценить. Я видел и слышал, но не воспринимал того, что происходило. Я находился в оцепенении, и когда! В миг его наивысшего торжества.

И сейчас, вспоминая ту ночь, я чувствую волнение, которое не мог испытать тогда. Но это не одно и то же: испытать подобное мне уже никогда не суждено, словно бедолаге-нарколептику, проспавшему свой медовый месяц.

Внезапно проклятия и грохот смолкли, и вскоре Майлз и Белл вернулись в гостиную.

— Кто оставил эту чертову москитную сетку открытой? — отдышавшись, спросила Белл.

— Ты сама. Заткнись уж. Он убежал.

У Майлза лицо и руки были в крови. Он потрогал царапины на лице и поморщился. Судя по состоянию его одежды, в какой-то момент он оступился и упал. Пиджак на его спине разошелся по шву.

— Черта с два я заткнусь! Есть у тебя в доме ружье?

— А?

— Я пристрелю этого поганого кота.

Ей пришлось хуже, чем Майлзу. У нее было больше незащищенных мест, доступных когтям и зубам Пита, — ноги, обнаженные руки и плечи. Было совершенно очевидно, что ей еще долго не придется носить открытые платья и без вмешательства специалиста рубцы от шрамов останутся у нее до конца жизни. И вообще она была в тот момент похожа на гарпию после серьезной стычки с сестрами.

— Сядь! — повысил голос Майлз.

Белл ответила ему коротко и, судя по смыслу, отрицательно.

— Все равно я убью этого кота!

— Хорошо, не садись. Пойди и умойся. Я помогу тебе с йодом и перевязкой, а потом ты поможешь мне. Забудь об этом коте, мы от него избавились, и слава богу.

Белл произнесла что-то неразборчиво, но Майлз разобрал.

— Ты тоже, но еще дальше, — ответил он. — Послушай, Белл, будь у меня ружье — я не говорю, что оно у меня есть, — ты вышла бы во двор и начала палить. Не важно, попадешь ты в кота или нет, но через десять минут сюда нагрянет полиция и начнет тут все разнохивать и задавать вопросы. Ты хочешь, чтобы это случилось, когда у нас на руках вот это? — Майлз ткнул в меня пальцем. — А если ты сунешься за дверь без ружья, этот зверь тебя убьет. — Он еще больше нахмурился. — Следовало бы издать закон, запрещающий держать дома таких тварей. Он представляет опасность для общества. Только послушай!

Было слышно, как Пит рыщет вокруг дома. Он больше не выл. Снаружи доносился боевой клич: он призывал своих врагов выбрать вид оружия и выйти на бой — поодиночке или всей стаей.

Белл прислушалась, и ее передернуло. Майлз продолжал:

— Не беспокойся, в дом он не проникнет. Я не только закрыл раму с москитной сеткой, которую ты оставила открытой, но и запер вторую дверь.

— Я не оставляла ее открытой!

— Считай так, если тебе нравится.

Майлз обошел помещение, проверяя запоры на окнах. Вскоре Белл покинула комнату, за ней вышел и Майлз. Через некоторое время не стало слышно и Пита. Я не знаю, сколько времени они отсутствовали, — время для меня перестало существовать.

Белл вернулась первой. Ее косметика и прическа были безупречны, она надела платье с длинным рукавом и стоячим воротником и заменила порванные чулки. Кроме нескольких полосок пластыря на лице, ничто в ее облике не напоминало о недавней битве. Если б не утрюмое выраже-

ние лица, при других обстоятельствах ее можно было бы назвать восхитительной.

Она направилась напрямик ко мне и велела мне встать, что я и сделал. Она быстро и профессионально обыскала меня, не пропустив карманчик для часов, карманы рубашки и маленький внутренний карман, который не в каждом пиджаке и имеется-то. Добыча была невелика: кошелек, немного наличности, идентификационные карточки, водительское удостоверение, ключи, мелочь, антисмоговый ингалятор и еще всякий мелкий хлам да конверт с чеком, который они мне прислали. Она повертела чек в руках, прочла передаточную надпись и обеспокоенно спросила:

— Что такое, Дэн? Решил приобрести страховку?

— Нет. — Я бы рассказал ей обо всем остальном, но отвечать мог только на последний заданный мне вопрос.

Она нахмурилась и бросила конверт поверх прочего содержимого моих карманов. Тут она заметила сумку Пита и вспомнила, видно, об отделении, которое я использовал как портфель. Она подняла сумку и пошарила внутри — и тут же, понятно, обнаружила комплект копий документов, что я заполнил во «Взаимной гарантии». Она уселась и принялась читать бумаги. Я же остался стоять, где она меня оставила. Словно забытый портновский манекен.

Вскоре появился Майлз. На нем был махровый халат, тапочки и большое количество бинтов и лейкопластыря. Он походил на неудачливого борца среднего веса, которого выставили против чемпиона, — результат был налицо. Марлевая шапочка прикрывала царапину, тянувшуюся через всю лысину, — должно быть, Пит достал его, когда Майлз нагнулся.

Белл оторвалась от чтения, сделала ему знак молчать и показала на стопку уже прочитанных бумаг. Майлз присел и углубился в чтение; вскоре он просмотрел всю стопку, последнюю бумагу он дочитывал, заглядывая через ее плечо.

— Это меняет дело, — закончив чтение, сказала Белл.

— Не то слово! У него вызов на четвертое декабря, то есть на завтра. А он в полном отрубе. Белл, это скверно пахнет. Надо его убирать отсюда. — Он взглянул на часы. — Завтра утром его начнут разыскивать.

— Майлз, едва тебя прижмет, ты начинаешь вести себя как мокрая курица. Да это же счастливый случай, на лучшее мы и надеяться не могли!

— И как ты себе это представляешь?

— «Зомби» — хорошая штука, но имеет один недостаток. Скажем, ты всадил его кому-нибудь и напичкал приказами. Ладно, этот кто-нибудь выполняет все, что ему сказано, он вынужден выполнять. Ты что-нибудь знаешь о гипнозе?

— Не так уж много.

— А еще в чем-нибудь, кроме законов, ты разбираешься, толстячок? Ты начисто лишен любознательности. Суть сводится вот к чему. Постгипнотическое внушение может вызвать у субъекта противодействие; практически противодействие возникает всегда, так как внушаемые команды заставляют его делать то, чего он не хочет. Кончается обычно тем, что из-за расстройства психики субъект попадает в лапы психиатра. И если тот хоть каплю смыслит в своем деле, он разберется, что к чему. Так вот, Дэн наверняка будет проходить осмотр, и психиатр снимет внушение. Если так, он сможет причинить нам немало неприятностей.

— О черт! Ты ж говорила, что наркотик — дело верное.

— Господи ты боже мой! Толстячок, в жизни ничего не добьешься не рискуя, в этом вся ее прелесть. Дай подумать. — Спустя некоторое время она заговорила вновь: — Проще и менее рискованно отпустить его — пусть себе ложится в Долгий Сон, как задумал. Мы будем в большей безопасности, чем если бы он был мертв; к тому же нам не надо идти на риск. Вместо того чтобы нагрузить его сложными приказами и молить Бога, чтобы он не прочухался, все, что нам нужно, — приказать ему залечь в «холодный сон», потом привести в чувство и вывести отсюда... нет, сначала вывести отсюда, а потом привести в чувство. — Она повернулась в мою сторону. — Дэн, когда ты собираешься в Храм Сна?

— Я не собираюсь.

— Да ну? А что же это такое? — Она жестом указала на бумаги.

— Документы для «холодного сна». Контракт с «Взаимной гарантией».

— Он сбрендил, — прокомментировал Майлз.

— Мм... разумеется. Я все время забываю, что под наркотиком они не могут думать по-настоящему. Только слышать, говорить и отвечать на вопросы... но вопросы надо ставить правильно. — Она подошла поближе и заглянула мне в глаза. — Дэн, я хочу услышать все, что связано с твоим погружением в «холодный сон». Начни с самого начала и расскажи все по порядку. Ты приготовил для этого все нужные бумаги и, очевидно, подписал их только сегодня. Теперь ты говоришь «не собираюсь». Расскажи мне все, потому что я хочу знать причину, почему ты передумал.

Ну я ей и рассказал. На поставленный правильно вопрос я мог отвечать. На это ушло много времени — ведь она велела мне рассказывать подробно, с самого начала и до конца.

— Значит, ты передумал, пока сидел в придорожном ресторане, а вместо этого решил приехать сюда и устроить нам скандал?

— Да.

Я приготовился было продолжить рассказ и поведать им о поездке, о беседе с Питом, о том, как я заскочил в аптеку и как распорядился акциями «Горничной», как подъехал к дому Майлза и Пит не захотел оставаться в машине... как... Но Белл не дала мне возможности рассказать обо всем.

— Ты опять передумал, Дэн, — сказала она. — Ты хочешь погрузиться в «холодный сон». Ты пойдешь и ляжешь в «холодный сон». И никому на свете ты не позволишь помешать тебе лечь в «холодный сон». Понял меня? Так что ты собираешься сделать?

— Собираюсь погрузиться в «холодный сон». Я хочу... — Тут я стал раскачиваться, как флагшток под сильным ветром. Я стоял неподвижно битый час, не двигая ни единым мускулом, — ведь никто не приказал мне расслабиться. И я начал медленно заваливаться прямо на Белл.

Она отскочила в сторону и резко приказала:

— Сядь!

Я сел. Белл повернулась к Майлзу:

— Вот так это делается. Я не успокоюсь, пока не вобью ему в башку то, что нам требуется.

— Он сказал, что ему велено явиться ровно в полдень, — напомнил Майлз, взглянув на часы.

— Времени у нас достаточно. Но будет лучше, если мы сами отвезем его туда, чтобы быть... Да нет, черт возьми!

— Что такое?

— Времени слишком мало. Я вкатила ему лошадиную дозу, чтобы его долбануло посильнее, прежде чем он долбанул бы меня. К полудню он, скорее всего, и очухается настолько, что никто ничего не заподозрит. Никто, кроме врача.

— Может, его осмотрят только для проформы, ведь медицинское освидетельствование уже подписано.

— Ты же слышал, что он сказал: доктор собирается проконтролировать, пил ли он накануне. А это означает, что он будет проверять его рефлексы, измерять скорость реакции, смотреть ему в глаза и... словом, все то, что нас никак не устроит. Мы не можем позволить доктору сделать это. Майлз, это не сработает.

— А если его отвезти послезавтра? Позвонить им и сказать, что вышла небольшая задержка...

— Заткнись и дай мне подумать.

Она вновь принялась перебирать мои бумаги. Потом вышла из комнаты, но тут же вернулась обратно с лупой, какой пользуются ювелиры. Вставив ее в правый глаз наподобие монокля, Белл стала тщательно изучать каждый документ. Майлз поинтересовался, что она делает, но она только отмахнулась от него.

Наконец она отложила лупу в сторону и вздохнула с облегчением:

— Слава богу, что все страховые компании должны применять стандартные бланки. Толстячок, подай-ка мне телефонную книгу с «желтыми страницами».

— Для чего?

— Давай, давай скорей. Мне надо проверить точное название фирмы. Я и так его знаю, но лучше перепроверить.

Майлз, что-то бурча, принес телефонный справочник. Белл пролистала его, нашла нужную страницу и принялась водить по ней пальцем.

— Точно. «Главная страховая компания Калифорнии». И места на бланках достаточно. Хорошо бы заменить ее на Автомобильную — это верняк. Но в Автомобильной стра-

ховой компании у меня нет связей, да и я не уверена, что они имеют дело с анабиозом. Скорее всего, они занимаются только страховкой автомобилей и грузовиков. — Она подняла голову от бумаг. — Толстячок, ты сейчас же ответьшь меня к нам на фабрику.

— Что?!

— Может, ты знаешь другой, более быстрый способ раздобыть электрическую машинку со шрифтом для деловых бумаг? Нет, лучше поезжай за ней один: мне надо сделать несколько звонков.

Майлз нахмурился:

— Белл, я начинаю понимать, что ты затеваешь. Это же безумие. И притом дьявольски опасное.

Она рассмеялась:

— С твоей точки зрения. Я же говорила, что у меня в свое время были хорошие связи. Ты мог повернуть дельце с «Мэнникс» в одиночку?

— Ну... Не знаю.

— Зато я знаю. А может, ты знаешь, что Главная страховая принадлежит «Мэнниксу»?

— Нет, откуда? Нам-то какая разница?

— Разница в том, что мои старые связи могут пригодиться. Фирма, на которую я работала до вас, время от времени помогала «Мэнниксу» избежать уплаты кое-каких налогов... пока мой хозяин не смотался из Штатов. Как ты считаешь, могли мы повернуть наше дельце, не будучи уверенными, что Дэнни нам не помешает? О «Мэнниксе» я знаю все. Ну а теперь поторопись. Привезешь машинку, и у тебя будет случай увидеть виртуоза за работой. Кота берегись!

Майлз, продолжая ворчать, направился к двери, потом вернулся:

— Белл, разве Дэн поставил машину не прямо перед домом?

— А что?

— Да нет ее там, — сказал он с тревогой.

— Наверно, он оставил ее где-то поблизости, какая тебе разница? Дуй за машинкой, и поживее.

Он ушел. Я бы мог им сказать, где поставил машину, но, поскольку они меня не спросили, мысль об этом не задержалась в моем мозгу — я вообще ни о чем не думал.

Белл тоже куда-то ушла, и я надолго остался один.

Майлз вернулся уже на рассвете. Он выглядел изможденным и с трудом волок на себе нашу тяжеленную машину. Потом они снова оставили меня одного.

Вскоре Белл вернулась и спросила меня:

— Дэн, тут в бумагах сказано, что ты поручаешь страховой компании заботу об акциях «Горничной». Так вот, ты совсем не хочешь так поступать, ты хочешь отдать их мне.

Я не ответил. Она раздраженно сказала:

— Сформулируем иначе: ты очень хочешь передать их мне. Ты понимаешь, что ты хочешь передать их мне? Или не понимаешь?

— Да, понимаю. Я хочу передать их тебе.

— Ну и славно. Ты хочешь, ты должен передать мне акции и, пока не отдашь, не будешь счастлив. И где же они? В твоей машине?

— Нет.

— Тогда где же?

— Я отправил их по почте.

— Что?! — взвизгнула она. — Когда отправил? Кому отправил? Почему?

Если бы второй вопрос она задала последним, я бы на него ответил. Но все, что я смог сделать, — дать ответ на последний из заданных вопросов.

— Я сделал передаточную надпись.

— Куда он их дел? — спросил вошедший в комнату Майлз.

— Он сказал, что отправил их по почте... потому что сделал на них передаточную надпись! Найди-ка его машину и обыщи ее как следует, — может, ему только кажется, что он отправил их по почте. Ведь когда он оформлял страховку, акции точно были при нем.

— Сделал передаточную надпись... — машинально повторил Майлз. — О господи! Кому?

— Сейчас спрошу. Дэн, на кого ты сделал передаточную надпись?

— На Американский банк.

Она не спросила меня почему — тогда я бы ей и рассказал о Рикки.

Белл сникла и тяжело вздохнула:

— Гол в наши ворота, толстячок. Можешь считать, что акции уплыли. Из банка нам их ни за что не выковырять. — Она вдруг выпрямилась. — Если только он на самом деле отослал их. А если нет, я так подчищу передаточную надпись, что комар носа не подточит. И он сделает новую передаточную надпись... на мое имя.

— На твое и на мое, — поправил ее Майлз.

— Ну, это уже детали. Иди-ка поищи его машину.

Спустя некоторое время Майлз возвратился и сообщил:

— В радиусе шести кварталов ее нигде нет. Я объехал все улицы и переулки вокруг. Похоже, он приехал на такси.

— Но ты же слышал — он сказал, что приехал на своей машине.

— Но ее нет поблизости. Лучше спроси его, когда и откуда он отправил по почте акции?

Белл спросила, а я ей ответил:

— Перед тем, как сюда приехать. Я опустил пакет в почтовый ящик на углу улицы Сепульведа и бульвара Вентура.

— Думаешь, он не врет? — спросил Майлз.

— В таком состоянии он не может врать. И он абсолютно уверен в своих словах — так что путаница исключается. Забудь о них, Майлз. Может, когда мы от него избавимся, окажется, что передаточная надпись не имеет силы, поскольку он уже продал акции нам; по крайней мере, я сейчас заставлю его подписать несколько пустых бланков, а там увидим.

Она попыталась получить от меня подпись, а я попытался расписаться. Но в таком состоянии я не мог расписаться толком. Наконец она вырвала у меня из рук бумагу и сказала со злостью:

— Ты меня до истерики доведешь! Я и то лучше могу за тебя расписаться. — Она наклонилась ко мне и мстительно прошипела: — Жаль, что я твоего кота не пристукнула.

До вечера они меня больше не беспокоили. Потом ко мне подошла Белл и объявила:

— Дэнни, я сделаю тебе укольчик, и ты почувствуешь себя гораздо лучше. Ты сможешь встать, двигаться и вести

себя так, словно ничего не произошло. Ты ни на кого не будешь сердиться, особенно на нас с Майлзом, — ведь мы твои лучшие друзья, правда? Кто твои лучшие друзья?

— Вы. Ты и Майлз.

— Но я тебе больше чем друг. Я тебе как сестра. Повтори.

— Ты мне как сестра.

— Вот и хорошо. А сейчас мы прокатимся на машине, потом ты погрузишься в Долгий Сон. Ты приболел, а когда проснешься, у тебя все снова будет в порядке. Понимаешь, о чем я говорю?

— Да.

— Так кто я?

— Ты мой лучший друг. Ты мне как сестра.

— Умница. А теперь закатай-ка рукав.

Укола я не почувствовал, но кожа в том месте, куда вошла игла, горела. Я сел, потянулся и сказал:

— Эй, сестренка, у меня кожа после укола горит. Что ты мне засадила?

— Кое-что, от чего тебе сразу станет лучше. Ты немного приболел.

— Да, приболел. А Майлз где?

— Сейчас вернется. А теперь еще разок. Закатай другой рукав.

— Для чего? — запротестовал я, но рукав закатал и позволил себя уколоть. От укола я подпрыгнул в кресле.

— Тебе ведь не очень больно? — улыбнулась Белл.

— А? Нет, не больно. Зачем уколы-то?

— Ты подремлешь, пока мы доедем. А как доберемся до места, ты проснешься.

— Ладно. Мне хотелось бы поспать. И я хочу погрузиться в Долгий Сон. — Тут мной овладело беспокойство, и я оглянулся по сторонам. — А где же Пит? Он ведь собирался со мной...

— Пит? — переспросила Белл. — Ну что ты, милый, забыл разве? Ты отправил его к Рикки, она о нем позаботится.

— Ах да.

Я улыбнулся с облегчением. Я послал Пита Рикки, помню, как отправлял его по почте. Все хорошо. Рикки

любит Пита и, пока я пребываю в Долгом Сне, будет о нем прекрасно заботиться.

Они отвезли меня в Объединенный храм в Соутелл, которым пользовались небольшие страховые компании, не имевшие собственных Храмов Сна. Я проспал всю дорогу и проснулся, как только Белл заговорила со мной. Майлз остался в машине, а Белл повела меня в здание. Девушка за стойкой регистратуры взглянула на меня и спросила:

— Дэвис?

— Да, — ответила за меня Белл. — А я его сестра. Представитель «Главной страховой» здесь?

— Он в процедурной номер девять — там все готово и вас ждут. Документы отдадите представителю «Главной». — Она с интересом взглянула на меня. — Он уже прошел медицинское обследование?

— О да! — поспешила заверить ее Белл. — Брат здесь из-за отсроченной терапии. Он под опиатами... это из-за болей.

— Да-да, — сочувствующе закудаhtала девица, — в таком случае поторопитесь. Пройдите через ту дверь, а потом налево.

В девятой комнате находились три человека: мужчина в повседневном костюме, еще один — в белом халате и женщина в форме медсестры. Они помогли мне раздеться, обращаясь со мной как с малолетним дебилом. Белл тем временем опять рассказывала, что она ввела мне успокаивающее, потому что меня мучили сильные боли. Обнаженного, меня распростерли на столе, и мужчина в белом халате принялся массировать мне живот, глубоко проминая пальцами.

— С этим никаких хлопот, — объявил он наконец. — Он совершенно пуст.

— Он ничего не ел и не пил со вчерашнего вечера, — подтвердила Белл.

— Прекрасно. Некоторые заявляют сюда нафаршированные, словно рождественская индейка. У них башка совсем не варит.

— Да-да, очень верно.

— Фу-у... Ну, сынок, сожми-ка кулаки покрепче, пока я введу тебе иглу.

Я почувствовал укол, и все вокруг стало погружаться в туман. Неожиданно я вспомнил о Пите и попытался подняться.

— Где Пит? Хочу видеть Пита.

Белл обхватила мою голову ладонями и поцеловала меня:

— Братик, ну что ты, что ты! Пит не придет, разве ты забыл? Он ведь остался с Рикки. — Я затих, а она вполголоса объяснила остальным: — У нашего брата Пита дома большая малышка.

Я начал засыпать. Вскоре я почувствовал сильный холод, но, чтобы натянуть на себя одеяло, у меня не было сил.

5

Я жаловался бармену на кондиционер — он работал слишком сильно, и мы могли простудиться.

— Не имеет значения, — уверял он меня. — Вы не почувствуете холода, когда заснете. Сон... сон... сон... вечерняя усада, прекрасный сон. — У бармена почему-то было лицо Белл.

— У вас есть что-нибудь согревающее? — спросил я. — «Том и Джерри»¹. Или горячий грог?

— Так ты игрок? — сказал доктор. — Сон не для таких, как ты. Вышвырните этого игрока вон!

Я попытался зацепиться ногой за бронзовую подножку, но у стойки бара не было бронзовой подножки, и мне это показалось странным. А еще я лежал на спине, и это было еще более странно, хотя, возможно, они тут организовали обслуживание для людей без ног. Ведь у меня не было ног — как же я мог зацепиться за бронзовую подножку? И рук не было тоже. «Мам, смотри, я без рук!» Пит уселся мне на грудь и завыл.

Я снова был на военных курсах — судя по всему, на усиленной переподготовке, потому что я был в Кемп-Хэйле на

¹ «Том и Джерри» — горячий пунш, приправленный специями.

одном из этих дурацких испытаний, где парням напихивают за шиворот снег, чтобы сделать из них настоящих мужчин. Мне нужно было вскарабкаться на чертову гору, самую высокую во всем Колорадо; ее склоны — сплошной лед, а у меня не было ног. Тем не менее я тащил самый большой тук, какой только можно представить, — я вспомнил, что генералы хотели выяснить, нельзя ли солдата использовать вместо вьючного мула; меня же выбрали потому, что я был расходным материалом. Я бы не сдвинулся с места, если бы маленькая Рикки не шла сзади и не подталкивала меня в спину.

Старший сержант повернулся ко мне — лицо у него было точь-в-точь как у Белл — и, посинев от ярости, заорал:

— Эй, ты, пошевеливайся! Я тебя ждать не собираюсь. Мне плевать, заберешься ты или нет... Но пока не выполнишь задания, спать не будешь.

Мои не-ноги не несли меня дальше, я упал на снег, и он был обжигающе-ледяной, но я все-таки заснул, а маленькая Рикки причитала и умоляла меня не спать. Но я должен был спать...

Я проснулся в постели; рядом лежала Белл. Она трясла меня, приговаривая:

— Проснись, Дэн! Я не могу ждать тебя тридцать лет: девушка должна думать о своем будущем!

Я попытался встать и отдать ей мешки с золотом, которые лежали у мен под кроватью, но она ушла... а тем временем «Горничная» с лицом Белл схватила мешки, положила на поднос и поспешно выкатилась из комнаты. Я ринулся было за ней, но у меня не было ног и, как оказалось, не было тела вообще. «Нету тела у меня, не о чем заботиться...» Мир состоял из старших сержантов и работы, так какая разница, что ты делаешь, где работаешь и как? Я позволил им снова надеть на меня упряжь и вновь принялся карабкаться вверх по ледяному склону. Склон был белым и красиво изогнутым, и мне ничего не оставалось, как только карабкаться к розовой вершине, где мне позволят наконец заснуть: ведь мне так необходим сон! Но я никогда не достигну ее... у меня нет ни рук, ни ног — ничего...

На склоне горы занялся лесной пожар. Снег почему-то не таял, но на меня волнами накатывалась жара; а я все

полз и полз, выбиваясь из сил. Старший сержант наклонился надо мной и сказал:

— Просыпайся... просыпайся... просыпайся...

Но как только я просыпался, он хотел, чтобы я засыпал опять. Что происходило потом — я помню смутно. Кажется, некоторое время я лежал на столе и стол подо мной вибрировал; вокруг горели огни, наподобие змей свешивались с потолка шланги каких-то приборов, толпился народ. Потом, когда я окончательно проснулся, то уже лежал на больничной койке. Чувствовал я себя вполне сносно, если не считать легкой слабости, словно после сеанса в турецкой бане. У меня снова были руки и ноги. Но со мной никто не разговаривал, и едва я раскрывал рот, чтобы задать вопрос, медсестра тут же засовывала что-то мне под язык. Потом довольно долго мне делали массаж.

Наконец, проснувшись однажды утром, я почувствовал себя совершенно здоровым и тут же вылез из кровати. Слегка кружилась голова, а в остальном был полный порядок. Теперь я уже знал, кто я, знал, как попал сюда, знал, что вся эта чертовщина мне просто приснилась.

И я знал, кто меня сюда поместил. Пока я находился под действием наркотика, Белл внушала мне, чтобы я забыл о ее предательстве; но либо я не воспринял внушений, либо за тридцать лет в «холодном сне» гипноз потерял свою силу. И хотя кое-какие детали стерлись из памяти, я не забыл, что они хитростью заманили меня в храм, — так в добрые старые времена вербовщики спаивали и увозили на суда матросов.

Я не был очень уж зол на них. Правда, все это произошло только «вчера», или один сон назад, но сон-то длился целых тридцать лет! Человеку порой бывает трудно разобраться в своих ощущениях — они, как правило, субъективны; хотя я отчетливо помнил все, что случилось «вчера», но воспринимал события того дня так, словно они имели место давным-давно. Приходилось вам видеть на экране телевизора двойной план: питчера в момент подачи и одновременно общий вид стадиона? Два изображения словно наложены друг на друга. Нечто похожее испытывал и я: прошлое четко запечатлелось в моем сознании,

но эмоциональное восприятие притупилось, как это бывает, когда мысленно возвращаешься к делам давно минувших дней.

Я твердо намеревался разыскать Белл и Майлза и следовать из них фарш для кошачьих консервов, но спешить не следовало. Дело терпит до следующего года; а сейчас мне хотелось понять, что же собой представляет 2000 год, в который я попал. Кстати, о кошачьих консервах... А где же Пит? Он ведь должен быть где-то поблизости, если, конечно, бедняга пережил Долгий Сон.

Вот тут-то я и вспомнил, что мне помешали прихватить с собой Пита.

Я немедленно переместил Белл и Майлза из папки «Отложено» в папку «Срочно». Они пытались убить моего кота.

Они больше чем убили его — они обрекли Пита на одиночество... Он влачил остаток своих дней, шатаясь по задворкам в поисках обедков. Он стал тощим и ободранным, его добрая душа очерствела, и он возненавидел всех без исключения двуногих тварей. Они дали ему умереть — а он, конечно, не мог дожить до моего пробуждения, — и умер он в уверенности, что я его бросил. Они мне заплатят за это — если они сами еще живы. О, трудно выразить словами, как я надеялся, что они еще живы!

Тут я обнаружил, что стою в изножье своей койки, вцепившись в спинку, чтобы не упасть. Из одежды на мне была только пижама. Я огляделся, прикидывая, как мне вызвать кого-нибудь из персонала. Больничные палаты за тридцать лет, что я спал, изменились мало — на первый взгляд. Только вот окна не было, и я не мог понять, откуда поступал свет. Больничная койка, насколько я помнил из прошлого, напоминала прежние: высокая и узкая, но сконструированная не только как место, на котором спят; под сеткой матраса располагались какие-то трубы, еще ниже, видимо, имелся и модернизированный ночной горшок. Прикроватная тумбочка составляла единое целое с койкой. При других обстоятельствах меня, может, и заинтересовала бы незнакомая конструкция, но теперь я сосредоточил внимание на поисках обычного звонка, которым вызывают сестер или нянечек, — мне нужна была одежда.

Но звонка не оказалось. Зато я обнаружил то, во что он трансформировался, — клавишу на боковой стенке тумбочки, которая оказалась совсем не тумбочкой. Я случайно нажал на нее, когда искал звонок, и на экране, вмонтированном напротив изголовья, зажглась надпись: «ВЫЗОВ ПЕРСОНАЛА». Почти тотчас же экран мигнул и на нем появились слова: «ПОЖАЛУЙСТА, ПОДОЖДИТЕ МИНУТКУ».

Очень скоро дверь палаты скользнула в сторону и появилась медсестра. Судя по ее виду, медсестры тоже не очень изменились. Эта оказалась в меру привлекательной, со знакомыми ухватками хорошо вымуштрованного сержанта. На ее коротко стриженных, лилового цвета волосах чудом держалась маленькая нарядная белая шапочка, и одета она была в белую униформу. Странного покроя, она прикрывала одно и не скрывала другое, совсем не так, как в 1970 году. Впрочем, женская одежда, даже рабочая униформа, всегда этим отличалась. Так или иначе, в любом столетии можно безошибочно признать медсестру только по одной манере держаться.

— Возвращайтесь в кровать!

— Где моя одежда?

— Возвращайтесь в кровать. Немедленно!

— Послушайте, сестра, — ответил я рассудительно, — я ведь свободный гражданин, старше двадцати одного года и никак не преступник. Мне не нужно ложиться в кровать, и я не собираюсь этого делать. А теперь извольте показать, где находится моя одежда, иначе я отправлюсь на поиски в том, что на мне.

Она взглянула на меня, потом неожиданно повернулась и вышла; дверь выпустила ее и тут же скользнула на место. Но меня дверь не выпустит. Я попытался понять принцип работы дверной автоматики: совершенно очевидно, что если один инженер выдумал приспособление, то другой в состоянии постигнуть его секрет. Но тут дверь снова открылась и впустила мужчину.

— Доброе утро, — обратился он ко мне. — Я доктор Альбрехт.

Его наряд представлял собой нечто среднее между выходным костюмом обитателя Гарлема и одеждой для пик-

ников, но его решительные манеры и усталые глаза были убедительно профессиональны и заставили меня поверить ему.

— Доброе утро, доктор. Я хотел бы получить свою одежду.

Он сделал еще один шаг, и дверь за его спиной скользнула на место. Потом он сунул руку в складки одежды и извлек пачку сигарет; вытащил одну, помахал ею в воздухе, вставил в рот и затянулся. Сигарета задымилась. После этого он протянул пачку мне:

— Закурите?

— Да нет, благодарю.

— Берите, одна не повредит.

Я помотал головой. Раньше я не мог без сигарет работать. Чем больше окурков было в пепельницах и прожженных мест на чертежной доске, тем успешнее продвигалось дело. Теперь от одного вида дыма я почувствовал легкое головокружение и удивился: неужели за время спячки я избавился от привычки курить?

— Все равно не хочу, спасибо.

— Ладно. Мистер Дэвис, я здесь работаю шесть лет. Моя специальность — гипноз, реанимация и все такое прочее. За время работы и здесь, и в других местах я помог восьми тысячам семидесяти трем пациентам вернуться к нормальной жизни после гипотермии. Вы — восемь тысяч семьдесят четвертый. Все проснувшиеся ведут себя странно — по мнению неспециалиста; для меня-то их поведение естественно. Одни, например, не хотят просыпаться и орут на меня, когда я пытаюсь их разбудить; другие снова засыпают, и мы вынуждены отправлять их в другое учреждение; третьи начинают рыдать без остановки, когда понимают, что это был билет в один конец и уже поздно пытаться вернуться домой, в тот год, из которого они стартовали. А некоторые, вроде вас, требуют одежду и хотят тут же бежать на улицу.

— И что же? Разве нельзя? Я что, заключенный?

— Ни в коем случае. Вы можете получить свою одежду. Полагаю, вы найдете, что она не совсем в вашем стиле, но это уж ваша личная проблема. А пока ваши шмотки не принесли, не могли бы вы рассказать мне, о каком таком

важном деле вы должны позаботиться сию же минуту... после того, как оно дожидалось вас тридцать лет? А именно такой срок вы провели в «холодном сне» — тридцать лет. Неужели это настолько срочно? Или оно подождет до вечера? Или даже до завтра?

Я начал было бормотать что-то о необходимости срочно заняться... потом сконфузился и промямлил:

— Ну, наверное, это не очень срочно.

— Тогда сделайте мне одолжение — ложитесь в кровать и позвольте вас осмотреть, потом вы позавтракаете и, возможно, побеседуете со мной немного, прежде чем рвануть на все четыре стороны. Может быть, я даже смогу посоветовать вам, в какую сторону лучше рвануть.

— Гм, хорошо, доктор. Извините за беспокойство. — Я снова забрался в кровать. Лежать в ней было удобно, и я вдруг почувствовал, как устал.

— Какое там беспокойство, пустяки. Видели бы вы, что некоторые устраивают. Нам их приходится с потолка снимать. — Он поправил на мне одеяло, потом наклонился к тумбочке-столу. — Доктор Альбрехт из семнадцатой. Пошлите дежурного с завтраком... э-э-э... меню — четыре-минус. — Он опять повернулся ко мне. — Повернитесь на живот и задерите пижаму — хочу проверить ваши ребра. Пока я вас осматриваю, можете задавать вопросы. Если хотите.

Я попытался обдумать вопросы, пока он тыкал чем-то мне в ребра; шутовину, которой он пользовался, я принял за стетоскоп, хотя он скорее напоминал уменьшенный слуховой аппарат. Но у нее имелся все тот же недостаток — поверхность датчика была холодной и твердой.

О чем спросить, проспав тридцать лет? Достигли или нет звезд? Кто теперь проповедует «война войне»? Выращивают ли детей в колбах?

— А что, док, в фойе кинотеатров все еще стоят машины для продажи попкорна?

— Стояли, когда я последний раз смотрел кино. У меня нет времени бывать там часто. Кстати, теперь в ходу слово «хваталка», а не «кино».

— Вот как? А почему?

— А вы сходите разок. И сразу поймете. Да не забудьте пристегнуться ремнем: от некоторых кадров зрителей аж

из кресла выбрасывает! Видите ли, мистер Дэвис, мы-то сталкиваемся с подобным ежедневно и уже привыкли. Для выходцев из каждого года у нас есть корректирующие словари, а также обзоры по вопросам истории и культуры. Это совершенно необходимо, поскольку дезориентация может быть совершенно экстремальной, несмотря на то что мы стараемся смягчить первичный шок.

— Хм, пожалуй.

— Несомненно так. Особенно после такого экстремально долгого периода, как у вас. Тридцать лет.

— А тридцать лет — максимум?

— И да и нет. Самый долгий период сна, с которым мы имели дело, — тридцать пять лет. Первый клиент на коммерческой основе был охлажден в декабре тысяча девятьсот шестьдесят пятого года. Но среди тех, кого я вернул к жизни, вы проспали дольше других. Теперь здесь есть клиенты, заключившие контракт на срок до ста пятидесяти лет. Но, честно говоря, вас не должны были принимать на такой долгий срок — тридцать лет: в те годы о гипотермии знали еще недостаточно, чтобы так рисковать вашей жизнью. Вам повезло.

— В самом деле?

— В самом деле. Перевернитесь-ка на спину. — Он продолжил осмотр, потом добавил: — Но с теми знаниями, какими мы обладаем теперь, я взялся бы подготовить человека к прыжку через тысячелетие, если бы кто-нибудь взялся финансировать такое предприятие... Я бы с годик продержал его при температуре, в которой пребывали вы, чисто для проверки, а потом резко, за миллисекунду, обрушил бы до минус двухсот. Он бы выжил. Я уверен. Давайте-ка проверим ваши рефлексy.

Слово «обрушил» мне не очень понравилось. А доктор Альбрехт продолжал тем временем:

— Сядьте и положите ногу на ногу. Проблем с языком у вас, я полагаю, не будет. Конечно, я следил за своей речью и говорил на языке тысяча девятьсот семидесятого года. Я весьма горжусь тем, что могу разговаривать с пробуждающимися пациентами на языке того года, откуда они к нам поступают. Я прошел специальный курс обучения под гипнозом. Но вы полностью овладеете современным разговор-

ным языком через неделю — тут все дело только в дополнительном словарном запасе.

Я хотел было заметить ему, что по меньшей мере раза четыре он употребил слова, которых в 1970 году не знали или вкладывали в них совершенно иной смысл. Но потом решил, что это будет невежливо по отношению к нему.

— Вот пока и все, — наконец сказал он. — Да, кстати, вас хотела повидать миссис Шульц.

— Как?

— Разве вы с ней не знакомы? Она утверждала, что вы ее старинный друг.

— Шульц, — задумчиво повторил я. — Вероятно, я знал когда-то нескольких женщин по фамилии Шульц, но единственная, кого могу вспомнить, — моя учительница в начальной школе. Хотя, скорее всего, она давно умерла.

— Возможно, она тоже находилась в «холодном сне». Получить ее записку сможете, когда захотите. Так, я могу вас выписывать. Но если вы человек смекалистый, то побудете здесь еще несколько дней, чтобы проникнуться духом новой для вас обстановки. А я загляну к вам потом. Ну, «одиннадцать — и я смываюсь», как говорили в ваше время. Вот и дежурный с вашим завтраком.

Я сделал для себя окончательный вывод, что в медицине он разбирается лучше, чем в лингвистике. Но тут я увидел дежурного и забыл обо всем. Он вкатился, аккуратно объехав доктора Альбрехта, а тот вышел из палаты, не обращая на него внимания и не дав себе труда посторониться.

Итак, он вкатился, подъехал к кровати, выдвинул встроенный в нее столик, повернул так, что столик оказался передо мной, и поставил на него завтрак.

— Налить вам кофе?

— Да, пожалуйста, — ответил я.

Вообще-то, мне не хотелось, чтобы кофе был в чашке, пока я завтракаю, но я сгорал от желания посмотреть, как он справится.

Представьте себе мое изумление — ведь это был... «Феноменальный Фрэнк»! Нет, это была не та неуклюжая, на скорую руку собранная модель, скорее напоминавшая электронный макет, которую украли у меня Майлз и Белл, конечно нет! Он походил на «Фрэнка» не более, чем гоночный турбомобиль на первую безлошадную повозку. Но

разве мастер может не узнать свое творение? Я создал базовую модель, а это был продукт ее эволюции... Вот он, правнук «Фрэнка», — улучшенный, доведенный до ума, более эффективный, — но одной с ним крови.

— Больше ничего не надо?

— Минутку...

Очевидно, я ляпнул что-то не то, потому что робот вытянул из себя лист плотного пластика и вручил мне. Лист соединялся с его корпусом тонкой стальной цепочкой; на нем было напечатано вот что:

УПРАВЛЯЕТСЯ ГОЛОСОМ —

«ТРУДЯГА», модель XVII-а

ВНИМАНИЕ! Этот автомат для обслуживания НЕ понимает человеческую речь. Он не обладает разумом, так как является всего лишь механизмом. Но для вашего удобства он сконструирован так, что может реагировать на нижеперечисленные команды голосом. Он проигнорирует все остальное, сказанное в его присутствии или (если какая-либо фраза вызовет неполное срабатывание или спровоцирует замкнутый цикл команд) предложит вам данную инструкцию. Пожалуйста, прочтите ее внимательно.

Благодарим вас.

Корпорация «Аладдин» по производству автоматизированного оборудования. Выпускает модели: «ТРУДЯГА», «ВИЛЛИ-НА-ВСЕ-РУКИ», «ЧЕРТЕЖНИК ЧЕТ», «СТРОИТЕЛЬ СТИЛЛ», «САДОВНИК», «НЯНЯ».

Проектирование и консультации по вопросам автоматизации.

Всегда к вашим услугам!

На фабричной марке был изображен Аладдин, выпускавший джинна из бутылки. Ниже приводился длинный перечень простых команд и распоряжений: «СТОЙ», «ИДИ», «ДА», «НЕТ», «МЕДЛЕННЕЕ», «БЫСТРЕЕ», «ПОДОЙДИ СЮДА», «ПОЗОВИ СИДЕЛКУ» и так далее. Был и короткий список заданий медицинского характера вроде растирания позвоночника, а о некоторых процедурах я вообще никогда не слышал. Список заканчивался официальным уведомлением: «Приказания с номера 87 по номер 242 отдаются только персоналом больницы и поэтому не включены в этот список».

Мой «Феноменальный Фрэнк» управлялся кнопками на приборном щитке, а не голосом. Не потому, что я не подумался до этого, просто система анализа речи с телефонным коммутатором для этого узла весила бы больше, была более громоздкой и стоила гораздо дороже, чем весь мой «Фрэнк» (старший) без упаковки. Я решил, что, прежде чем смогу вернуться к работе по специальности здесь, в будущем, мне придется основательно изучить все новое в области миниатюризации и упрощения электронных систем. Я горел желанием побыстрее приступить к делу; судя по «Трудяге», мне предстояла интереснейшая работа, передо мной открывались невиданные возможности. Инженерное искусство в значительной степени зависит от общего технического уровня общества, а не от таланта отдельно взятого инженера. Ведь железные дороги появились только тогда, когда развитие техники достигло соответствующего уровня. Бедный профессор Лэнгли¹ все силы души, весь свой гений отдал разработке летательного аппарата, который, по его мнению, обязательно должен был взлететь, — но он на несколько лет опередил время и не смог воспользоваться успехами сопредельных наук, чтобы увидеть результаты своего труда. Или взять великого Леонардо да Винчи — наиболее блестящие его изобретения не были претворены в жизнь; он намного обогнал эпоху, в которой жил.

И в этом плане меня многое радовало здесь, то есть я хотел сказать «сейчас».

Я вернул роботу листок с инструкциями и вылез из койки, чтобы взглянуть на табличку с выходными данными. Я не удивился бы, увидев название «Горничная, инкорпорейтед», набранное мелким шрифтом, но была ли фирма «Аладдин» дочерним предприятием группы «Мэнникс»? Табличка сообщала не особенно много сведений — название модели, серийный номер, завод-изготовитель и т. п. Но на ней имелся перечень патентов — около сорока, — и самый ранний, что меня очень заинтересовало, датировался 1970 годом. Я почти не сомневался: он наверняка был выдан на основе моих чертежей и оригинальной модели.

¹ Сэмюэл Пирпонт Лэнгли (1834–1906) — американский астроном, физик и пионер авиации

Я отыскал в тумбочке блокнот и карандаш и записал номер первого патента — на всякий случай. Мой интерес был чисто интеллектуальным. Даже если чертежи были украдены у меня, а сомнений тут быть не могло, срок действия патента истек в 1987 году; впрочем, законы могли измениться и действительными могли считаться только патенты, выданные после 1983 года. Это мне предстояло выяснить.

На щитке автомата загорелась лампочка, и он объявил:

— Меня вызывают. Могу я удалиться?

— Гм... Что? Да, конечно, беги. — Робот полез за листком с перечнем фраз; я поспешно добавил: — Иди!

— Благодарю вас. До свидания, — сказал он, объезжая меня.

— Тебе спасибо.

— Не стоит благодарности, — отвечал робот приятным баритоном.

Я вернулся в постель и принялся за завтрак, который оставил остывать, — да только оказалось, что он не остыл. Завтрак «четыре минус», похоже, был рассчитан на средних размеров птичку, но, как ни странно, я наелся досыта, хотя был очень голоден. Впрочем, может, за время сна у меня желудок ссохся? Уже закончив трапезу, я вспомнил, что поел впервые за тридцать лет, — на Земле за это время успело вырасти новое поколение. На эту мысль меня натолкнуло меню завтрака: оно лежало под салфеткой. То, что я принял за копченую грудинку, значилось в меню как «дрожевые полоски, запеченные по-деревенски».

Но несмотря на тридцатилетний пост, еда меня мало интересовала; вместе с завтраком мне прислали газету — «Грейт Лос-Анджелес таймс» за 13 декабря 2000 года, среду.

Газета, которую я держал в руках, походила на прежние малоформатные газеты со сжатым текстом и большим количеством иллюстраций. Но бумага была гляцевая, а не шероховатая, а иллюстрации — цветные или черно-белые стереоскопические; в чем секрет стереоэффекта, я понять не сумел. Уже в конце пятидесятых, когда я был еще ребенком, появились стереооткрытки, которые можно было рассматривать без специальных очков. Помню, в детстве я восхищался такими открытками с рекламой мороженых продуктов. Но тогда для получения стереоизображения

применялся толстый прозрачный пластик с запрессованными в него крошечными призмами; здесь же изображения были на тонкой бумаге. Но у них была глубина.

Я бросил ломать голову над разгадкой иллюстраций и принялся за чтение. «Трудяга» установил газету на специальном пюпитре, и некоторое время мне казалось, что вся она состоит из одной страницы, — я никак не мог уразуметь, как чертова штука раскрывается. Все листы словно смерзлись намертво.

Наконец я случайно коснулся нижнего правого угла первой страницы; она загнулась вверх и перелистнулась — что-то вроде отталкивания поверхностным статическим зарядом, которое запускалось нажатием в эту точку. Следующие страницы открывались так же аккуратно — стоило мне коснуться их нижнего правого угла.

Добрая половина содержания газеты была мне настолько знакома, что я почувствовал приступ ностальгии: «Ваш гороскоп на сегодня»; «Мэр открывает новый бассейн»; «„Своими новыми запретами органы безопасности подрывают свободу печати“, — заявил нью-йоркский Солон»; «„Гиганты“ играют два матча подряд в один день»; «Внезапное потепление ставит под угрозу занятия зимними видами спорта»; «Пакистан предупреждает Индию» — и так далее, и тем скучнее. Все до боли знакомое.

Другие заголовки касались новых понятий, но их содержание все объясняло:

«ЛУННЫЙ ШАТТЛ ДО СИХ ПОР ПОДВЕРГАЕТСЯ МЕТЕОРИТНОМУ ДОЖДЮ — Геостационар получил две пробоины. Погибших нет»; «В КЕЙПТАУНЕ ЛИНЧЕВАЛИ ЧЕТВЕРЫХ БЕЛЫХ — ООН требует принятия санкций»; «МАМАШИ ВЫСТУПАЮТ ЗА БОЛЕЕ ВЫСОКИЕ СТАВКИ — они требуют объявить „любительниц“ вне закона»; «ПЛАНТАТОР ИЗ МИССИСИПИ ОБВИНЯЕТСЯ В НАРУШЕНИИ ЗАКОНА О НЕПРИМЕНЕНИИ „ЗОМБИ“ — защитник утверждает: „Этим работникам лекарств не вводили. Они просто тупы от природы!“».

Ну, про «зомби» я знал не понаслышке, а из собственного опыта.

Некоторые газетные сообщения я совершенно не понимал. Продолжали распространяться «воггли», и пришлось

эвакуировать жителей еще трех городов во Франции. Король обсуждает порядок опыления территорий. Король? Ну ладно, французские политики на все способны, но что за «санитарная пудра», которую они собираются использовать против «вогглей» (что бы это ни было)? Может, что-нибудь радиоактивное? Надеюсь, они выберут для распыления безветренный день... лучше всего — тридцатое февраля. Я сам схватил дозу радиации в Сандиа по вине одной идиотки из химического подразделения ВАК¹. Своей блевотиной я, слава богу, не подавился, но кюри поймать — врагу не пожелаю.

Полицейское отделение Лос-Анджелесской лагуны получило на вооружение «ликойлзы». Начальник отделения предложил всем «тедди» убираться из города. «У моих людей приказ сперва стопорить, а марковать после. Пора с этим кончать!»

Про себя я отметил, что следует держаться подальше от района Лагуны, пока не узнаю, чем все закончилось. Не уверен, что хочу быть «маркованным» или «маринованным», даже впоследствии.

И это только один пример. Некоторые новости начинались вполне бойко, но затем превращались в полнейшую галиматью.

Я начал пробегать по диагонали последние страницы с демографической статистикой, как вдруг на глаза мне попались совершенно новые рубрики. Здесь были и знакомые по прежним временам объявления о рождениях, смертях, свадьбах и разводах, но теперь к ним добавились «исходы» и «возвращения», расписанные по храмам. Я взглянул в список «Соутельского объедин. хр.» и нашел в нем свое имя. У меня появилось приятное чувство сопричастности.

Но интереснее всего — захватывающе интересными — были объявления. Одно из них почему-то врезалось мне в память: «Все еще молодая, привлекательной наружности вдова, одержимая страстью к путешествиям, желает познакомиться со зрелым мужчиной, обладающим такими же

¹ ВАК (WAC — Women's Army Corps) — корпус женской вспомогательной службы сухопутных войск США.

склонностями. Намерения: двухгодичный брачный контракт». Но dokonали меня рекламные объявления.

«Горничная», ее сестры, братья и тетки заплонили всю полосу. И у них был все тот же товарный знак — ядреная девка с метлой, — который я придумал когда-то для нашего фирменного бланка. Я даже слегка пожалел, что с такой поспешностью избавился от своих акций «Горничная, инкорпорейтед», похоже, что теперь они стоили гораздо больше, чем все мои остальные ценные бумаги, вместе взятые. Нет, неверно. Не избавься я от них вовремя, парочка ворюг свистнула бы их у меня и стерла бы передаточную надпись. Как бы то ни было, акции получила Рикки, и если она с их помощью разбогатела — слава богу. Более достойного человека и представить трудно.

Я сделал в блокноте отметку: выяснить не откладывая, что стало с Рикки. В этом мире она была единственной, кто оставался у меня от прошлой жизни. И это многое для меня значило. Милая маленькая Рикки! Будь она лет на десять старше, я бы и не взглянул на Белл... и не обжегся бы.

Прикинем, сколько ей сейчас лет? Сорок, нет, сорок один. Трудно представить, что Рикки теперь сорок один год. Впрочем, это было не так уж много для женщины и в мое время, а тем более — сейчас. Иной раз и вблизи не отличишь сорокалетнюю от восемнадцатилетней.

Если она разбогатела, я позволю ей угостить меня, и мы выпьем за упокой удивительной души нашего дорогого Пита. А если что-то не получилось и, несмотря на подаренные мной акции, она бедна, тогда, черт возьми, я женюсь на ней! Да, женюсь. И не важно, что теперь она лет на десять старше меня. Поскольку я обладаю удивительной способностью совершать глупости, мне просто необходим был кто-нибудь постарше, чтобы присматривать за мной и вовремя останавливать, — вряд ли кто сможет с этим справиться лучше, чем Рикки. Ей еще не исполнилось и десяти лет, а она уже по-детски серьезно, но весьма умело заботилась о Майлзе и вела хозяйство; должно быть, и в сорок она все такая же, только добрее и мягче.

Впервые после пробуждения я почувствовал себя уверенно: я теперь не был одинок в незнакомом мире. Рикки была ответом на все вопросы и решением всех проблем.

И тут внутренний голос сказал мне: «Послушай, болван! Ты не можешь жениться на Рикки. Еще тогда было ясно, что она будет симпатичной девушкой; теперь она уж наверняка лет двадцать замужем. У нее, верно, четверо детей... и старший сын выше тебя ростом... и, конечно, муж, который не будет в восторге от старого доброго дяди Дэнни».

Я слушал, что мне говорил внутренний голос, и у меня потихоньку отвисала челюсть. Потом я попытался слабо возразить: «Ладно, ладно, поезд опять ушел. Но я все равно разыщу ее. Не убьют же меня за это. В конце концов, кроме меня, она была единственной, кто действительно понимал Пита».

Я перевернул еще одну газетную страницу. От мысли, что я потерял обоих — и Рикки, и Пита, — мне стало не по себе. Спустя некоторое время я задремал прямо над газетой и проснулся только тогда, когда «Трудяга» (или его двойник) принес обед.

Во сне Рикки держала меня на коленях и приговаривала:

— Все в порядке, Дэнни. Я нашла Пита, и мы теперь будем все вместе. Правда, Пит?

— Я-а-а-сн-о-о!

Корректирующий словарь я освоил быстро; значительно больше времени я потратил на чтение исторических обзоров. За тридцать лет может произойти много чего, но зачем я буду тут это перечислять, если вы все и так знаете лучше меня? Меня несколько не удивило, что Великая Азиатская Республика вытесняет нас с южноамериканских рынков — это началось еще в мое время, с заключения договора по Формозе¹. Еще меньше меня удивило, что Индия, наподобие Балкан, превратилась во множество мелких государств. Мое внимание привлек абзац, где говорилось о намерении Англии стать одной из провинций Канады; кто тут хвост, а кто собака — не разберешь. Я опустил описание биржевой паники 1987 года: золото — замечательный технический материал для некоторых задач, и я не мог расценивать как трагедию то, что оно упало в цене

¹ Формоза — прежнее название о. Тайвань.

и больше не служит основой денежной системы, независимо от того, сколько народа разорилось до нитки при этом переходе.

Я отложил обзор и начал размышлять, где можно применять дешевое золото, обладающее высокой плотностью, хорошей электропроводностью, чрезвычайной ковкостью... но остановился, поняв, что сначала мне нужно будет почитать техническую литературу. Черт, для одних только ядерных физиков это будет неоценимый дар! Да и для автоматике, особенно там, где требуется миниатюризация деталей, золото подходит лучше, чем любой другой металл. В сущности, я уверен, что «голова» у «Трудяги» набита золотом. Мне придется заняться выяснением того, что успели напридумывать в своих «клетушках» мои коллеги, пока меня тут не было.

В Соутелльском храме не было технической литературы, и я объявил доктору Альбрехту, что готов выписываться. Он пожал плечами, назвал меня идиотом и... согласился. Я решил переночевать здесь в последний раз: я обнаружил, что лежание на спине и чтение книг с потолочного экрана изрядно меня утомило.

На следующее утро сразу после завтрака мне принесли современную одежду, и мне пришлось попросить помощи, чтобы надеть ее. Сама по себе она не была столь уж необычна (хотя я никогда прежде не носил фиолетовых брюк клеш), но вот с застежками я не мог совладать без тренировки. Думаю, мой дедушка так же мучился бы с молниями, пока не привык. Это оказался стиктайтский шов-застежка. Я уже подумал о том, что мне придется нанять прислугу для совершения туалета, но тут меня осенило: нужно было просто сжать края — и, разноименно заряженные, они приклеивались друг к другу. Когда я попытался ослабить поясную ленту, то чуть не потерял штаны; правда, никто надо мной не смеялся.

— Чем собираетесь заняться? — поинтересовался доктор Альбрехт.

— Я-то? Собираюсь раздобыть карту города. Потом найду, где переночевать. Потом примусь за чтение книг по специальности... думаю, за год справлюсь. Я ведь инженер с устаревшими знаниями, доктор. И меня такое положение дел совсем не устраивает.

— Гм, гм... Ну, удачи. Если смогу помочь — звоните, не стесняйтесь.

Я протянул ему руку:

— Спасибо, доктор. Вы молодчина. Вот. Может, мне не следовало бы говорить, пока я не побывал в своей страховой компании и не справился о моем финансовом положении, но моя благодарность не останется только на словах. Я отблагодарю вас за все, что вы для меня делаете, более весомо. Понимаете?

Он покачал головой:

— Спасибо за добрые намерения. Но все мои расходы оплачивает храм.

— Но...

— Нет. Я не могу принять то, о чем вы говорите. Пожалуйста, давайте прекратим ненужный разговор. — Он пожал мне руку и добавил: — До свидания. Если встанете на эту транспортную ленту, она доставит вас к Центральной канцелярии. — Он помедлил. — Если почувствуете, что начинаете уставать, — возвращайтесь. Согласно «Контракту об опеке», вам положено еще четыре дня на восстановление сил и переориентацию — без дополнительной оплаты. Не грех этим воспользоваться. Можете приходить и уходить, когда вам заблагорассудится.

— Спасибо, доктор, — усмехнулся я. — Можете держать пари — я не вернусь. Разве что приду когда-нибудь повидать вас.

Я сошел с ленты у Центральной канцелярии. Зашел в здание и объяснил администратору, кто я. Мне был вручен конверт; в нем была записка с номером телефона миссис Шульц. Я еще не позвонил ей, потому что не знал, кто она. В храме не разрешалось посещать «воскресших» или звонить им без их согласия. Едва взглянув на записку, я засунул ее в блузу и при этом подумал, что напрасно я сделал «Феноменального Фрэнка» таким ловким. Раньше администраторами были хорошенькие девушки, а не машины.

— Пожалуйста, пройдите сюда, — произнес администратор. — Вас хотел повидать наш казначей.

Что ж, я тоже хотел его повидать, поэтому направился, куда мне указали. Желал бы я знать, сколько сейчас загребу! Я поздравил себя по поводу того, что всади́л все денежки в акции, а не оставил их просто храниться на банковском

счете. Конечно, во время Паники 1987 года стоимость акций упала, но сейчас они снова должны подскочить в цене. Я знал, что по крайней мере два моих пакета стоили сейчас кучу денег, — я вычитал об этом в финансовом разделе «Таймс». Газету я захватил с собой, подумав, что, может, еще придется заглянуть в нее и навести кое-какие справки.

Казначей оказался человеком, а не роботом и даже выглядел, как положено казначею. Мы обменялись быстрым рукопожатием.

— Здравствуйте, мистер Дэвис. Моя фамилия — Дафти. Садитесь, пожалуйста.

— Здравствуйте, мистер Дафти! — бодро ответил я. — Думаю, не отниму у вас много времени. Только один вопрос: моя страховая компания ведет расчеты через вас или я должен обратиться в их ближайшее отделение?

— Садитесь же, прошу вас. Мне нужно кое-что объяснить вам.

Я уселся. Его помощник (все тот же добрый старый «Фрэнк»!) положил перед ним папку, и он продолжил:

— Здесь первые экземпляры ваших контрактов. Хотите взглянуть?

Я желал, и даже очень. Полностью придя в себя ото сна, я то и дело скрещивал пальцы от сглаза — мне не давала покоя мысль, что Белл нашла-таки способ добраться до чека. Правда, чек заверен и его намного труднее подделать, чем обычный, но Белл была умная девочка.

Я с облегчением обнаружил, что все передаточные надписи в порядке. Естественно, не было контракта на Пита и документов, где шла речь об акциях «Горничной». Скорее всего, Белл их просто сожгла, чтобы избежать лишних осложнений. Я придирчиво осмотрел с десяток документов, в которых она исправила название «Компания „Взаимная гарантия“» на «Главная страховая компания Калифорнии».

Несомненно, она была мастером своего дела. Возможно, эксперт-криминалист, вооруженный микроскопом, методами стереохимического анализа и так далее, доказал бы, что каждый из этих документов — подделка, но мне такое не под силу. Интересно, справилась ли она с заверенным чеком? Печать и подпись на обороте стереть невозможно, потому что чеки печатаются на особой бумаге. Впрочем,

совсем не обязательно, что она пользовалась стирательной резинкой, — ведь то, что один придумал для блага, другой исхитрился использовать во зло... а Белл очень хитра.

Мистер Дафти прокашлялся; я оторвался от бумаг:

— Расчет со мной будет произведен здесь?

— Да.

— Не вникая в подробности — сколько мне причитается?

— Мм... Мистер Дэвис, прежде чем перейти к вопросу о расчетах, мне хотелось бы обратить ваше внимание еще на один документ... и на еще одно обстоятельство. Перед вами контракт между нашим храмом и «Главной страховой компанией Калифорнии»; в нем говорится об условиях вашего «холодного сна» и возвращения к нормальной жизни. Прошу заметить, что все оплачено заранее. Это делается в ваших и наших интересах, поскольку таким образом обеспечивается защита прав клиента, пока он физически беспомощен. Денежные средства — все средства, на основе постановления судебных инстанций, в чью юрисдикцию входят такие дела, — помещаются на депонент и выплачиваются храму поквартально как оплата вашего пребывания здесь.

— Ясно. Звучит неплохо.

— Верно. Таким образом, клиент защищен во время сна. Теперь вам должно быть ясно, что храм является самостоятельным акционерным обществом и не имеет отношения к вашей страховой компании; контракт между ней и храмом предусматривает только оплату наших услуг, мы не несем ответственности за управление вашим капиталом.

— Мистер Дафти, к чему вы клоните?

— Есть ли у вас какие-нибудь активы, кроме тех, что вы доверили «Главной страховой»?

Я задумался. Когда-то я владел автомашиной, но бог знает, где она теперь. Я снял все деньги со своего счета в Мохавском банке в самом начале моего запоя, а в тот день, закончившийся посещением Майлза, когда я отключился после укола наркотиком, у меня наличных было долларов тридцать-сорок. Не в моих правилах было копить добро, ну а книги, кой-какая одежда да логарифмическая линейка наверняка давно уже пропали.

— Нет, ничего нет. Даже автобусного билета в кармане не завалялось.

— Тогда — мне очень неприятно сообщить вам об этом — у вас не осталось ничего.

Я подождал, пока моя голова завершит круг и зайдет на аварийную посадку.

— Что вы имеете в виду? Некоторые акции, в которые я вложил деньги, сейчас в цене. Я сам видел. Вот тут ясно напечатано. — Я достал номер «Таймс», доставленный мне вместе с завтраком.

Он покачал головой:

— Очень сожалею, мистер Дэвис, но у вас нет никаких вкладов. «Главная страховая» разорилась.

Я почувствовал слабость — хорошо, что он заставил меня сесть.

— Как же это случилось? Из-за Паники?

— Нет-нет. Они разорились в результате краха группы «Мэнникс»... Вы, конечно, не можете этого знать. Все произошло уже после Паники, но, конечно, под ее влиянием. «Главная страховая» устояла бы, если бы ее регулярно не обирали... потрошили... доили звучит слишком вульгарно. Если бы это было обычным хищением, что-то, может, и удалось бы спасти. Но это было не так. И когда все раскрылось, от компании осталась только пустая оболочка. А люди, виновные в крахе, оказались вне экстрадиции. Гм, может, вас утешит, что при наших нынешних законах такое вряд ли случится.

Нет, меня его сообщение не утешило. Кроме того, я не разделял его уверенности. Мой старик утверждал, что чем запутанней закон, тем больше возможностей для всяких мерзавцев. А еще он говаривал, что мудрый человек должен быть готов в любое время бросить свой багаж. Интересно, сколько раз мне придется оставаться на бобах, чтобы прослыть мудрым?

— Мистер Дафти, любопытства ради хотел спросить у вас, как поживает «Взаимная гарантия»?

— Компания «Взаимная гарантия»? Прекрасная фирма. Им, как и всем, досталось во время Паники. Но они выстояли. Может, у вас есть их полис?

— Нет.

Не было смысла пускаться в долгие объяснения. Не мог же я надеяться на «Взаимную» — ведь условия контракта мною не соблюдены. И «Главную» я не могу привлечь к суду — какой смысл возбуждать дело против обанкротившегося трупа?

Я мог бы подать в суд на Белл и Майлза, если они еще живы. Но так поступать — себя дураком выставить: доказательств-то у меня нет!

К тому же с Белл я не хотел судиться. Лучше взять тупую иглу и вытатуировать ей по всему телу: «Насквозь лжива и безнравственна». Потом я разобрался бы с ней за то, что она сделала с Питом. Я еще не придумал наказания за такое преступление, как это.

Тут я вспомнил, что Майлз и Белл собирались продать нашу «Горничную, инкорпорейтед» именно группе «Мэнникс», из-за чего они меня и вывели из игры.

— Мистер Дафти, вы уверены, что от «Мэнникса» ничего не осталось? Разве не им принадлежит компания под названием «Горничная»?

— «Горничная»? Вы имеете в виду фирму, производящую бытовую технику?

— Да, именно ее.

— Навряд ли. То есть совершенно точно — такого быть не может, потому что империя «Мэнникс» как таковая больше не существует. Конечно, я не берусь утверждать, что «Горничная» не имела никакого отношения к группе «Мэнникс». Но скорее всего, между ними вообще не было деловых контактов, а если и были, то незначительные; во всяком случае, я об этом не слышал.

Я прекратил расспросы. Меня вполне устраивало, если Майлз и Белл прогорели вместе с «Мэнниксом». Но с другой стороны, если «Горничная, инкорпорейтед» принадлежала группе «Мэнникс», то крах фирмы ударил так же сильно и по Рикки. Я не хотел, чтобы Рикки пострадала, а все остальное меня мало беспокоило.

Я поднялся:

— Что ж, благодарю вас за проявленную чуткость, мистер Дафти. Пойду, пожалуй.

— Не спешите, мистер Дэвис... Наша организация считает себя ответственной перед нашими клиентами не толь-

ко за выполнение буквы контракта. Полагаю, вы догадываетесь, что ваш случай не первый. Наш совет директоров предоставил в мое распоряжение дискреционный фонд для вспомоществования клиентам, оставшимся без средств. Деньги, отпущенные...

— Никакой благотворительности, мистер Дафти. Но все равно спасибо.

— Это не благотворительность, мистер Дэвис. Кредит. Если хотите, условный кредит. Поверьте, на таких кредитах мы ничего не теряем... и нам не хотелось бы, чтобы вы вышли отсюда с пустыми карманами.

Я взвесил его предложение еще раз. С одной стороны, мне не на что было даже подстричься, а с другой, брать займы — все равно что плыть с камнем на шее, к тому же небольшую ссуду вернуть сложнее, чем миллион.

— Мистер Дафти, — медленно начал я, — доктор Альбрехт говорил, что по контракту мне полагается еще четыре дня... с предоставлением койки и похлебки.

— Думаю, вы правы, но мне надо свериться с вашей карточкой. Мы не выгоняем людей на улицу даже по истечении срока действия контракта, если они не готовы покинуть храм.

— Я в этом и не сомневался. А сколько стоит комната, куда я был помещен, если считать ее больничной палатой, и питание?

— Гм... Но мы не сдаем комнаты внаем. И у нас не больница — мы просто создаем клиентам условия для реабилитации.

— Да-да, конечно. Но у вас должны быть какие-то расценки, хотя бы для учета затрат.

— И да и нет. Существующие расценки приняты на иной основе. Они составлены с учетом накладных и амортизационных расходов, расходов на обслуживание, диетическое питание, оплату персонала и так далее. Думаю, я мог бы прикинуть смету.

— Нет-нет, не беспокойтесь. Ну а сколько, скажем, может стоить такая же палата и питание в больнице?

— Это, правда, не совсем по моей части. Хотя... Ну, пожалуй, долларов сто в день.

— У меня не использовано четыре дня. Можете ссудить мне четыре сотни?

Он не ответил, но сообщил что-то цифровым кодом своему механическому помощнику. Тут же восемь пятидесятидолларовых бумажек легли мне в руку.

— Спасибо, — искренне поблагодарил я его и засунул деньги в карман. — Будь я проклят, если вскорости не верну долг. Обычные шесть процентов, или теперь берут больше?

Он покачал головой:

— Это не заем. Как вы и просили, я выплатил вам разницу за неиспользованный срок пребывания.

— Ах так? Послушайте, мистер Дафти, у меня в мыслях не было давить на вас... Конечно, я собираюсь...

— Прошу вас. Мой помощник уже зарегистрировал выдачу денег. Или вы хотите, чтобы у наших аудиторов попусту голова болела из-за каких-то четырехсот долларов? Я готов был одолжить вам намного больше.

— Ладно, больше не спорю. Скажите, мистер Дафти, а как по нынешним временам, четыреста доллaров — много это или мало? Какие сейчас цены?

— Трудно сказать.

— Ну хотя бы приблизительно. Сколько стоит пообедать?

— Стоимость питания не так уж высока. За десять долларов вы можете получить вполне приличный обед, если позаботиться выбрать ресторан с умеренными ценами.

Я поблагодарил мистера Дафти и вышел из конторы с чувством признательности этому человеку. Он напомнил мне нашего армейского казначея. Казначей бывают только двух видов: первые тычут в параграф инструкции, где сказано, что вы не можете получить и того, что вам полагается; вторые же будут рыться в инструкциях до тех пор, пока не найдут параграф, в соответствии с которым вам причитается даже то, чего вы не заслужили.

Мистер Дафти относился, конечно, ко вторым.

Храм фасадом выходил на Уилширскую дорогу. Перед храмом были разбиты клумбы, рос кустарник, стояли скамейки. Я присел на скамейку, чтобы подвести итоги и подумать, куда направиться — на восток или на запад. Я держался молодцом с мистером Дафти, хоть и был, честно говоря, здорово потрясен; зато теперь в кармане джинсов

у меня лежит сумма, которой хватит на пропитание в течение недели.

Но солнце пригревало, движущаяся дорога успокаивающе гудела, и я был молод (по крайней мере, биологически); руки-ноги были при мне, голова работала. Насвистывая «Аллилуйя, я бродяга», я открыл «Таймс» на странице «Требуется». Подавив желание посмотреть раздел «Инженеры», я сразу принялся искать колонку «Разнорабочие».

Эта клятая колонка была совсем крохотной, я едва ее нашел.

6

Я приступил к работе на следующий день, в пятницу, 15 декабря. У меня сразу возникли недоразумения с законом: я постоянно путался с тем, как себя вести, что говорить и как воспринимать разные вещи. Я обнаружил, что «переориентироваться» по книгам — все равно как изучать секс теоретически; на деле все было совершенно по-другому.

Наверно, у меня было бы меньше неприятностей, окажись я в Омске, Сантьяго или Джакарте. В чужой стране, чужом городе ты знаешь, что столкнешься с чем-то непривычным, но перемены в Большом Лос-Анджелесе не укладывались в сознании, хотя я и сталкивался с ними ежечасно. Конечно, тридцать лет — небольшой отрезок времени: за всю свою жизнь каждый из нас успевает привыкнуть ко множеству перемен. Но на меня все обрушилось разом.

Взять, к примеру, случай, когда я произнес без всякой задней мысли обычное для меня слово в присутствии одной дамочки. Дамочка сильно оскорбилась, и только мое поспешное оправдание, что я из «спящих», удержало ее мужа от мордобоя. Я не стану приводить это слово здесь — хотя почему бы и нет? Поверьте, во времена моего детства оно использовалось как вполне пристойное — стоит заглянуть в старый словарь; во всяком случае, никто не царапал его гвоздем на стенках туалетов и не писал мелом на заборах.

Слово, о котором я говорю, — «маньяк».

Были и другие слова — их я произносил, только хорошо прежде подумав. Не то что они были из разряда табу, нет. Просто изменилось полностью их значение. Слово «хозяин», например, раньше означало человека, взявшего у вас в прихожей пальто; он мог отнести его в спальню, если на вешалке не было места, — но при чем тут уровень рождаемости?

Тем не менее я потихоньку приспособливался. Моя работа заключалась в том, что я давил новехонькие лимузины под прессом, чтобы их отправили обратно в Питтсбург в качестве металлолома. «Кадиллаки», «крайслеры», «эйзенхауэры», «линкольны» — самые шикарные, большие и мощные турбомобили различных марок, не наездившие ни одного километра. Загоняешь их между челюстями пресса, потом — бах! трах! бабах! — и готово сырье для мартена.

Поначалу мне было не по себе — сам я на работу ездил на движущейся дороге, денег на гравилет у меня не было. Как-то я высказал свое мнение о бессмысленности уничтожения такой прекрасной техники — и чуть не лишился работы. Хорошо еще сменный мастер вспомнил, что я из «спящих» и ни черта не понимаю.

— Это элементарная экономика, сынок. Тут у нас излишки автомобилей, которые правительство принимает в качестве обеспечения по кредитам для поддержки стабильных цен. Автомобили выпущены два года назад, но они никогда не будут проданы, поэтому правительство превращает их в металлолом и продает обратно сталелитейным компаниям. Мартены не могут работать на одной руде, им нужен и металлолом. Тебе бы полагалось знать такие простые вещи, даже если ты «спящий». Кстати, обогащенной руды не хватает, и металлолома требуется все больше и больше. Эти автомобили нужны сталелитейной промышленности позарез.

— Но зачем вообще их было выпускать, если знали, что они не будут проданы? Это же расточительство!

— Это только с виду расточительство. Ты что, хочешь, чтобы люди остались без работы? Чтобы снизился уровень жизни?

— Ладно, почему не отправлять автомобили за границу? По-моему, там за них выручили бы больше, чем здесь, продавая как металлолом.

— Ну да! И взорвать экспортный рынок? Кроме того, если бы мы стали продавать автомобили по бросовым ценам за границей, мы бы восстановили против себя всех: Японию, Францию, Германию, Великую Азиатскую Республику — всех. И к чему все привело бы? К войне? — Он вздохнул и продолжал поучать меня отеческим тоном: — Сходи-ка ты в Публичную библиотеку и возьми несколько книжек. А то судишь о том, о чем понятия не имеешь.

Я и заткнулся. Я не стал говорить ему, что провожу все свое свободное время в Публичной или университетской библиотеке. Избегал я упоминать и о том, что был когда-то инженером. А претендовать на должность инженера теперь — все равно что в свое время прийти к Дюпону и заявить: «Сударь, я — алхимик. Не нуждается ли вы в моем искусстве?»

И все-таки я вернулся к этой теме еще раз. Я давно обратил внимание, что очень немногие автомобили из кредитного обеспечения были собраны полностью. Сделаны они были кое-как: в одном не хватало приборной панели, в другом отсутствовало воздушное охлаждение. Но когда однажды я заметил, как зубья дробилки размалывают пустой, без мотора, капот, я вновь обратился к сменному мастеру. Тот в изумлении уставился на меня:

— Великий Юпитер! Сынок, неужели ты думаешь, что кто-то будет стараться при сборке никому не нужных автомобилей? Прежде чем они сойдут с конвейера, они уже оплачены.

На этот раз я заткнулся надолго. Лучше заниматься техникой: экономика для меня — темный лес. Зато у меня было много времени для размышлений. Мою работу трудно было назвать работой. Все операции выполнялись «Феноменальным Фрэнком» в различных модификациях. «Фрэнк» и его собраты обслуживали дробилку, подгоняли автомобили, убирали металлолом, подсчитывали и взвешивали грузы. Моя «работа» заключалась в том, что я стоял на небольшой платформе (сидеть запрещалось) и держал руку на рубильнике, который отключал всю систему, если что-то шло не так. Но ничего никогда не случалось, хотя довольно скоро я уяснил, что от меня требовалось, по крайней мере раз за смену, «обнаружить» неполадки в системе

автоматики, остановить работу и послать за ремонтниками.

Что ж, за это мне платили двадцать один доллар в день, и я мог не думать о хлебе насущном. И это было главное. После вычетов на социальное страхование, медицинское обслуживание, профсоюзных взносов, подоходного налога, налога на оборону и взносов в общественный фонд социального обеспечения у меня оставалось около шестнадцати долларов. Мистер Дафти оказался не прав, утверждая, будто обед стоит десять долларов, — вполне сносный обед можно было получить за три доллара, если вы не против искусственного мяса. Ручаюсь, вам будет не отличить бифштекс, выращенный в колбе, от того, который гулял на травке. Учитывая, что вокруг ходило много слухов о радиоактивном мясе с черного рынка, я был совершенно счастлив, потребляя суррогат.

Труднее было с жильем. Во время Шестинедельной войны Лос-Анджелес не попал в список городов, подлежащих уничтожению, и в него хлынула масса беженцев (и меня причисляли к ним, но я-то себя таковым не считал). Никто не вернулся домой, даже те, у кого было куда возвращаться. Город — если Большой Лос-Анджелес можно называть городом, это, скорее, правовой статус — был уже переполнен, когда я лег в «холодный сон». Теперь он просто кишел людьми и напоминал огромный муравейник. Может быть, не стоило избавляться от смога: в шестидесятые многие покидали город из-за обострения синусита. Теперь, очевидно, никто никогда не уезжал из города.

Когда я выписывался из храма, у меня в голове сложился план действий: 1) найти работу; 2) найти ночлег; 3) повысить уровень инженерных знаний; 4) найти Рикки; 5) снова стать инженером, если это в человеческих силах; 6) найти Майлза и Белл, заплатить должок и при этом постараться избежать тюрьмы; 7) прочие дела, вроде поиска исходного патента на «Трудягу»: у меня было предчувствие, что в основу его легли мои разработки по «Феноменальному Фрэнку» (конечно, сейчас все это не имело значения, просто мне было любопытно). Хотелось мне разузнать о судьбе «Горничной, инкорпорейтед»... и так далее и тому подобное.

Я начал располагать свои дела в порядке очередности много лет назад, еще во время учебы (после того, как едва не вылетел с курса в первый год обучения), потому что понял: если не соблюдать приоритеты, останешься ни с чем. Конечно, некоторые пункты плана можно было осуществлять одновременно: я надеялся отыскать Рикки, а может, заодно «Белл и К°», продолжая при этом совершенствовать знания в области автоматики. Но сначала главное, а потом второстепенное: сперва следовало найти работу, а потом искать потерянное, потому что доллары — конечно, если они у вас есть в достатке — ключи ко всему остальному.

Получив отказы в шести местах в городе, я поехал по объявлению в Сан-Бернардино... и опоздал на десять минут. Тут я свалил дурака: вместо того чтобы сразу снять комнату, я потащился опять в центр города, надеясь найти там жилье, чтобы встать пораньше и первым успеть по утренним объявлениям.

Откуда мне было знать, что так получится? Меня записали на «лист ожидания» в четырех гостиницах, а в результате я оказался в парке, под открытым небом. Почти до полуночи я прогуливался по дорожкам, чтобы хоть немного согреться (зимы в Большом Лос-Анджелесе субтропические, если только сильно подчеркиваешь приставку «суб»), а потом плюнул и пошел в город. Я нашел убежище в помещении станции Уилширской движущейся дороги, и часа в два ночи меня замели вместе с остальными бродягами.

Тюрьмы, надо сказать, изменились к лучшему. В камере было тепло, и похоже, даже тараканов тут заставили вытирать ноги.

Мне предъявили обвинение в шатательстве. Судья оказался молодым симпатичным парнем; он даже глаз не поднял от газеты, когда спросил:

— Все обвиняются по первому разу?

— Да, ваша честь.

— Тридцать суток или условное освобождение с отбыванием срока в трудовых лагерях. Давайте следующих.

Нас начали выталкивать, но я уперся:

— Минутку, судья!

— А? Вы чем-то недовольны? Признаете себя виновным или нет?

— Гм... Я, право, не знаю, потому как не понимаю, что я такого совершил. Видите ли...

— Нужен общественный защитник? Если так, посидите взаперти, пока кто-нибудь не возьмется за ваше дело. Думаю, дней через шесть-семь кто-то из них да освободится, так что решать вам.

— Гм... не знаю. Может, мне как раз подходит условное освобождение с отбыванием срока в трудовых лагерях, хотя я и не представляю себе, что это такое. Но в чем я действительно нуждаюсь, так это в добром совете. И если высокий суд соизволит...

— Выведите остальных, — приказал судья приставу. Затем обернулся ко мне. — Выкладывайте. Но гарантирую, что мой совет вам не придется по вкусу. Я давно в должности и успел наслушаться столько лживых историй, что меня уже тошнит от них.

— Я понимаю вас, сэр. Но моя история — правдивая. Ее легко проверить. Видите ли, я только вчера вышел из Долгого Сна и...

Он посмотрел на меня с отвращением:

— Так вы один из тех? Я вот часто задаюсь вопросом: с чего это наши деды и бабки решили, что можно на нас вываливать свои отбросы? Город и так перенаселен, а тут еще нам на шею садятся те, кто в своем-то времени ужиться не смог. Эх, прогнать бы всех вас пинками в ваш какой-не-знаю год, чтобы вы объяснили там всем и каждому: будущее, о котором они так мечтают, вовсе не — повторяю: не — усыпано розами. — Он вздохнул. — Впрочем, уверен, толку от этого было бы мало. Ну а от меня-то вы чего ожидаете? Дать вам еще один шанс? Чтобы вы снова появились через неделю?

— Нет, судья, думаю, больше я тут не появлюсь. У меня достаточно денег, чтобы прожить, пока не найду работу и...

— А? Если у вас есть деньги, почему же вы занимаетесь шатательством?

— Судья, я даже не знаю, что обозначает слово «шатательство».

На этот раз он снизошел и выслушал мои объяснения. Когда я упомянул о том, как меня обчистила «Главная

страховая компания», его отношение ко мне резко изменилось.

— Ох уж эти свиньи! Моя мать пострадала от них, а ведь она двадцать лет выплачивала взносы! Что ж вы мне сразу об этом не сказали? — Он достал карточку, что-то черкнул на ней и протянул мне. — Отдайте в контору по найму Управления по излишкам и сбору утиля. Если они не найдут для вас работы, зайдите ко мне часов в двенадцать. Только не занимайтесь больше шатательством. Занятие не только порочное и преступное, но и очень опасное — можно нарваться на «зомби»-вербовщика.

Вот так я получил работу — крушить вдребезги новенькие наземные автомобили. Я уверен, что поступил правильно, поставив на первое место задачу найти работу. Человеку с солидным счетом в банке везде хорошо — даже полиция его не тронет. Нашел я и вполне приличную (по моим средствам) комнату в западной части Лос-Анджелеса; тот район еще не подвергся изменениям в соответствии с Новым планом. Думаю, раньше это была не комната, а шкаф для одежды.

Не хочу, чтобы кто-то подумал, будто 2000 год нравился мне меньше, чем 1970-й. Меня вполне устраивало все и в 2000 году, и в следующем, 2001 году, который наступил через пару недель после моего пробуждения. Несмотря на приступы нестерпимой тоски по прошлому, я считал, что Большой Лос-Анджелес на заре третьего тысячелетия — самое замечательное место из всех, какие мне приходилось видеть. В нем бурлила жизнь, он сиял чистотой, и вас неудержимо влекло к нему, хотя он был забит толпами народа и разросся до немыслимо гигантских размеров. Перестроенные по Новому плану части города меня как инженера только радовали. Будь городские власти в силах приостановить лет на десять приток иммигрантов, жилищная проблема была бы решена. Но поскольку у них не было такой власти, им оставалось прикладывать максимум усилий, чтобы разместить в городе толпы, валом валившие со стороны Сьерры. Их успехи были невероятно потрясающими, и даже неудачи выглядели грандиозно.

Но, ей-богу, стоило проспять тридцать лет, чтобы проснуться в такое время, когда люди справились с простудой

и никто не страдал от насморка. Для меня это значило больше, чем строительство поселка исследователей на Венере.

Но больше всего меня поразили две вещи — одна большая, другая маленькая. Во-первых, конечно, открытие антигравитации, или, как тут называли это явление, «нульграв». Еще в 1970 году мне приходилось слышать, что в Бабсоновском научно-исследовательском институте занимались изучением гравитации, но я не ожидал, что у них что-нибудь получится, — и у них действительно ничего не получилось. Базовая теория поля, на которой основано действие нульграва, была разработана в Эдинбургском университете. Однако в школе меня учили, что гравитация — это такая штука, с которой никто ничего не может сделать, потому что она присуща самой форме пространства.

И они действительно изменили форму пространства. Конечно, только временно и локально, но этого достаточно, чтобы перемещать тяжелые объекты. Правда, они все еще должны оставаться в пределах тяготения нашей матушки Земли, поэтому для космических кораблей это устройство бесполезно. Так считается в 2001 году, а насчет будущего я зарекся предсказывать. Я узнал, что для подъема все же необходимо расходовать энергию, дабы преодолеть гравитационный потенциал, а если хотите, наоборот, опустить груз, вам нужен блок питания, чтобы сохранить эти футо-фунты, иначе они все превратятся в «вззззз — бум!». А вот чтобы переместить груз в горизонтальной плоскости — скажем, из Сан-Франциско в Большой Лос-Анджелес, — надо просто поднять его и направить, а потом уже никаких затрат энергии не требуется. Груз скользит, словно конькобежец по льду.

Красота!

Я попытался изучить теорию гравитации, но математика процесса начиналась там, где кончалось тензорное счисление, она мне была не по зубам. Инженер редко бывает матафизиком, да в этом и нет необходимости. Он просто должен хорошо разбираться, как вещь работает, чтобы понять, как ее применять в практических нуждах, — знать ее рабочие параметры. На это меня хватит.

Еще одно, что так поразило меня, — изменения в женской моде, ставшие возможными благодаря стиктайтскому шву. Я не был потрясен видом обнаженного женского тела на пляжах. в 1970 году к этому стали привыкать. Но что дамочки выделявали с помощью нового шва, приводило меня в полное замешательство. Мой дедушка родился в 1890 году, — наверно, фасоны 1970 года подействовали бы на него так же.

Но мне нравился этот стремительный новый мир, и я был бы счастлив, живя в нем, если бы не одиночество. Меня выбило из привычной колеи. Временами (особенно по ночам) я с радостью променял бы все это на одного дражного кота или на возможность провести день с маленькой Рикки в зоопарке... или на дружбу, которую мы делили с Майлзом, когда у нас была лишь тяжелая работа и надежды на будущее.

2001 год только начался. Мне не удалось еще прочитать и половины намеченного, а меня уже охватило непреодолимое желание уйти из тепленького местечка, каким была моя работа, и вернуться к чертежной доске. Теперь, при нынешнем развитии техники, открывалось столько возможностей, о которых в 1970 году приходилось только мечтать. И мне хотелось немедленно приступить к любимому делу — заняться проектированием.

К примеру, я полагал, что уже появились автоматические секретари — машины, которым можно было бы диктовывать деловые письма и получать их отпечатанными с учетом нужного формата и без единой ошибки, а главное — без участия человека в какой-нибудь из операций. Но оказалось, что таких машин не было.

Конечно, существовала машина, печатавшая с голоса, однако рассчитана она была на фонетический язык — вроде эсперанто. Но разве можно было диктовать ей на языке, в котором произносится «Ливерпуль», а пишется «Манчестер»? Трудно ожидать, с другой стороны, что в угоду изобретателю люди изменят традиционному написанию слов родного языка. Придется Магомету идти к горе. Но если уж ученицы старших классов с трудом усваивают английское правописание и произношение — как научить машину писать правильно? Считается, что ответ может быть

один: невозможно. Предполагается, что это требует человеческого мышления и понимания. Но инженер-изобретатель как раз и делает то, что когда-то считалось невозможным, — вот почему правительство выдает патенты.

Используя трубки памяти и успехи современной миниатюризации — я оказался прав насчет роли золота в качестве технического материала, — легко уместить сотню тысяч звуковых анализаторов в кубический фут, то есть ввести в машину весь Энциклопедический словарь Вебстера. Впрочем, этого не требуется. Вполне достаточно десяти тысяч слов. Какая стенографистка знает, как пишутся слова «претенциозный» или «коллорабационист»? Если вам надо их употребить, вы просто продиктуете их ей по буквам. Итак, программируем машинку на восприятие слов по буквам. Записываем звуковой код для обозначения пунктуации... для различных форматов писем... для поиска адресов в памяти... для количества копий печати... да, нужен резерв памяти по меньшей мере на тысячу специальных терминов, используемых в профессии будущего владельца. Конструкция должна быть достаточно простой, чтобы покупатель сам мог внести в память машины любое нужное ему слово, просто произнести «стенобарический» с нажатой клавишей памяти и больше никогда его не повторять.

Все просто. Осталось собрать вместе имевшиеся в продаже блоки и изготовить промышленный образец.

Но вот что делать с омонимами?

«Стенографистка Синди» даже темпа не сбавит, печатая скороговорку «На дворе трава, на траве дрова...», — здесь все слова звучат по-разному. Но как ей выбрать правильное написание — «рог» или «рок», «соты» или «соды»?

Правда, в Публичной библиотеке должен быть Словарь омонимов. Да, он там был... И я взялся подсчитывать наиболее употребительные омонимические пары, пытаясь понять, сколько из них может быть опознано с помощью теории информации и контекстной статистики, а какие потребуют специального кодирования.

Потихоньку у меня начали сдавать нервы. Я терял по тридцать часов в неделю на совершенно бесполезную работу, да и вообще — не мог же я заниматься инженерными

изысканиями в Публичной библиотеке! Мне нужны были комната, где я мог бы чертить, мастерская для сборки и подгонки блоков будущей машины, каталоги деталей, специальные журналы, калькуляторы и все прочее.

Я твердо решил найти работу, хоть как-то связанную с моей специальностью. У меня хватило ума понять, что я пока не могу называться инженером: мне еще нужно набираться и набираться знаний. Сколько раз я что-то придумывал, используя приобретенные знания, а потом узнавал в библиотеке, что кто-то уже решил эту проблему и сделал это лучше, изящнее и дешевле, чем я, — десять или пятнадцать лет назад.

Надо поступить на работу в какое-нибудь конструкторское бюро — там я самой кожей впитаю все новое. Я надеялся, что смогу получить место младшего чертежника. В 2001 году пользовались мощными полуавтоматическими чертежными машинами — мне приходилось видеть их изображения, но пощупать руками не довелось. Представься мне такая возможность, я бы, без сомнения, освоил ее за двадцать минут — ведь она была материальным воплощением идеи, зародившейся у меня тридцать лет назад: агрегат, столь же походивший на чертежную доску с рейсшиной, сколь гусиное перо на пишущую машинку. Помнится, я хорошо продумал, как, стуча по клавишам, наносить на чертеж линии любой конфигурации в любом месте.

Тем не менее я был уверен, что в этом случае идея моя не была украдена (как украли «Феноменального Фрэнка»), — ведь чертежная машина существовала только в моем воображении. Кому-то пришла в голову та же мысль, и она получила свое логическое развитие. Железные дороги строят только тогда, когда приходит их время.

Конструкторы «Аладдина», той самой фирмы, которая выпускала «Трудягу», создали одну из лучших чертежных машин — «Чертежник Чет». Я прикинул, сколько у меня оставалось наличности, купил более или менее приличную одежду и подержанный дипломат, набил его для солидности газетами и под видом покупателя отправился в фирменный магазин «Аладдина». Там я попросил показать автомат в работе. Подойдя вплотную к модели «Чертежника Чета», я обмер. Психологи определили бы мое состоя-

ние как дежавю — «со мной все это уже было». Проклятье, машина выглядела точно такой, какой я себе ее представлял тогда, и сделана она была так же, как я сделал бы ее сам, не попади против своей воли в Долгий Сон.

Не спрашивайте, почему у меня возникло такое чувство. Мастер всегда узнает свое детище; искусствовед безошибочно отличит картину, написанную Рубенсом, от картины кисти Рембрандта по манере письма, светотени, композиции, выбору красок и множеству других особенностей. Проектирование — не наука, а то же искусство, и у любой технической проблемы есть множество вариантов решения. Своими предпочтениями в выборе этих решений инженер-проектировщик однозначно «подписывает» свою работу, точно так же как художник.

В «Чертежнике Чете» я настолько отчетливо увидел свою собственную руку, что меня это не на шутку встревожило. Я начал всерьез задумываться о телепатии и прочих вещах.

Я осторожно поинтересовался номером исходного патента и уже не удивился, обнаружив, что дата его выдачи — 1970 год. Я решил выяснить, кто же был изобретателем, — ведь он мог оказаться одним из моих учителей, от которых я перенял манеру конструировать, а может, одним из инженеров, с кем я когда-то работал. Изобретатель, возможно, еще жив. Если так, то когда-нибудь я его разыщу и познакомлюсь с человеком, мыслившим так же, как я.

Я собрался с духом и попросил консультанта показать мне принцип работы. Ему не пришлось долго объяснять — мы с «Чертежником Четом» были словно созданы друг для друга. Через десять минут я управлялся с машиной лучше любого консультанта. Наконец я с трудом оторвался от «Дэна» и получил рекламный проспект с указанием цены, скидок и перечнем мастерских по обслуживанию. Консультант уже протягивал мне на подпись заполненный бланк заказа, когда я, поспешно откланявшись и пообещав позвонить, удалился. Я, конечно, поступил с ним подло, но в конце концов и отнял-то у него всего час времени.

Оттуда я направился прямо на головной завод по производству «Горничных» и подал заявление о приеме на работу. Я уже знал, что Майлз и Белл больше не имеют от-

ношения к «Горничной, инкорпорейтед». Время, оставшееся от работы и пополнения инженерных знаний, я тратил на поиски Белл, Майлза, а особенно — Рикки. Никто из них не значился в числе абонентов телефонной сети ни в Большом Лос-Анджелесе, ни в Соединенных Штатах вообще. В национальном бюро в Кливленде с меня за «информацию» содрали четверную плату: я искал Белл под двумя фамилиями — Даркин и Джентри.

Список избирателей округа Лос-Анджелес также ничего не дал.

В письме, подписанном семнадцатым вице-президентом «Горничной, инкорпорейтед», в чьи обязанности входило, наверное, отвечать на дурацкие вопросы, осторожно сообщалось, что служащие с такими фамилиями некоторое время работали в корпорации тридцать лет назад, но в настоящее время корпорация не располагает о них никакими сведениями.

Отыскать след, который остыл тридцать лет назад, не под силу любителю, который не располагает для этого временем, а тем более средствами. Будь у меня их отпечатки пальцев, я мог бы обратиться в ФБР. Но я не знал даже их номеров социального страхования. Моей благословенной отчизне хватило здравого смысла не опуститься до уровня полицейского государства, так что вряд ли существовало бюро, хранившее досье на каждого гражданина страны. Впрочем, если бы такие досье и были, сомневаюсь, чтобы я получил к ним доступ.

Может быть, частное сыскное агентство за солидное вознаграждение смогло бы перерыть записи в архивах коммунальных служб, газетные подшивки и еще бог знает какие источники и напало бы на их след. Но у меня не было солидного вознаграждения, а для самостоятельных поисков не было ни таланта, ни времени.

В конце концов я оставил попытки отыскать Майлза и Белл, но дал себе слово: как только появятся деньги — найму профессионального сыщика и разыщу Рикки. Я уже установил, что она не владела акциями «Горничной, инкорпорейтед», и обратился с запросом в Американский банк с просьбой сообщить, имеют или имели когда-либо они на сохранении ценные бумаги на ее имя. В ответ я получил отпечатанный типографским способом листок, в ко-

тором значилось, что сведения такого рода являются конфиденциальными. Тогда я вновь обратился к ним, указав, что я «спящий» и что Рикки — моя единственная оставшаяся в живых родственница. На этот раз мне ответили довольно любезным письмом за подписью заведующего одного из отделов. Он сожалел, что сведения о держателях ценных бумаг не могут быть сообщены даже родственнику, находящемуся в таких исключительных обстоятельствах, как я, но считает себя тем не менее вправе поставить меня в известность, что никогда ни в одно из отделений банка не поступали на хранение ценные бумаги на имя некоей Фредерики Вирджинии Джентри.

Что ж, по крайней мере, тут была ясность. Каким-то образом эти стервятники — Белл и Майлз — умудрились отнять ценные бумаги у Рикки. Я ведь сделал передаточную надпись для того, чтобы и акции, и другие ценные бумаги находились в Американском банке до совершеннолетия Рикки. Но их там никогда не было. Бедная Рикки! Нас обоих ограбили.

Тогда я сделал еще одну попытку... В архивном отделе Мохавского управления просвещения обнаружили запись об ученице начальной школы по имени Фредерика Вирджиния Джентри, но названную ученицу забрали из школы в 1971 году. Другие сведения отсутствовали.

Уже утешение — хоть кто-то где-то допускал, что Рикки вообще существовала. Но она могла перевестись в любую из многих тысяч американских государственных школ. Сколько времени понадобится, чтобы написать в каждую из них? И сохраняются ли в них архивы? И захотят ли школьные чиновники утруждать себя ответом? В стране жили четверть миллиарда человек, среди них легко потерять одну девочку — словно камешек на берегу океана.

Теперь, когда розыски мои окончились неудачей, я решил во что бы то ни стало получить работу в «Горничной, инкорпорейтед», тем более что был уверен — фирма не принадлежит Майлзу и Белл. Конечно, я мог попытаться счастья в любой из сотни фирм, производивших автоматическое оборудование, но «Горничная» и «Аладдин» занимали такое же положение в отрасли по производству автоматизированных бытовых приборов, как «Форд» и «Дженерал моторс» во времена расцвета автомобилестроения.

Отчасти я выбрал «Горничную» и по причине сентиментального свойства: мне хотелось посмотреть, во что превратилась моя старая мастерская.

Пятого марта 2001 года, в понедельник, я пришел в бюро по найму фирмы «Горничная, инкорпорейтед», встал в очередь к окошку с надписью: «Набор служащих», заполнил десяток анкет, из которых только одна имела отношение к специальности... После чего мне сказали: «Не-звоните-нам-мы-сами-вам-позвоним».

Я немного послонялся перед конторой и умудрился прорваться к помощнику заведующего бюро. Он неохотно пробежал глазами единственную стоящую анкету и заявил, что мой инженерный диплом ничего не значит, поскольку у меня тридцатилетний перерыв в работе и я утратил все навыки.

Я уточнил, что провел это время в «холодном сне».

— Тем хуже для вас. В любом случае мы не нанимаем людей старше сорока пяти.

— Но мне нет сорока пяти. Мне только тридцать.

— Извините, но вы родились в тысяча девятьсот сороковом году.

— И что же мне теперь делать? Застрелиться?

Он пожал плечами:

— На вашем месте я хлопотал бы о пенсии по старости.

Я поспешил выйти, чтобы не наговорить ему грубостей. Затем прошел три четверти мили до главного входа и вошел на территорию фирмы. Главного управляющего звали Куртис; я спросил, как его найти.

Первых двух стражей я взял нахрапом, доказывая, что у меня к нему дело. Компания не пользовалась своими клерками-автоматами, предпочитая работников из плоти и крови. Наконец я поднялся несколькими этажами выше и оказался (как я смекнул) на расстоянии двух дверей от босса. Тут я натолкнулся на непрошибаемую девицу, во что бы то ни стало желавшую знать, какое у меня дело к боссу.

Я огляделся. В довольно большом зале находилось человек сорок и множество машин.

— Ну? — резко повторила она. — Выкладывайте ваше дело, и я доложу секретарю мистера Куртиса.

Громко, чтобы слышали все, я сказал:

— Я хочу знать, что это он затевает с моей женой!

Шестьдесят секунд спустя я уже был в личном кабинете босса. Он поднял глаза от бумаг:

— Ну? Что за чушь вы там несли?

Еще с полчаса ушло на то, чтобы с помощью кое-каких старых документов доказать ему, что у меня нет никакой жены и что я являюсь основателем фирмы. С этой минуты беседа приняла дружеский характер, появились сигары и выпивка, мне представили коммерческого директора, главного инженера и начальников отделов.

— Мы считали, что вы умерли, — сказал мне Куртис. — Так, собственно, значится в официальной «Истории компании».

— Непроверенные слухи. Меня, видно, спутали с каким-нибудь другим Д. Б. Дэвисом.

Вдруг Джек Галлоуэй, коммерческий директор, спросил меня:

— Чем вы теперь занимаетесь, мистер Дэвис?

— Ничем особенным. Я был связан... гм... с автомобильной промышленностью... Но собираюсь в отставку. А почему вы спрашиваете?

— Почему? Разве не ясно? — Он живо обернулся к главному инженеру мистеру Макби. — Ты слышал, Мак? Все вы, инженеры, одинаковы: не видите своей выгоды, даже если она у вас под носом. Вы спрашиваете «почему?», мистер Дэвис? Потому что вы — великолепная реклама, вот почему. Потому что вы сплошная романтика! «Основатель фирмы восстает из могилы, чтобы увидеть свой замысел воплощенным в жизнь», «Изобретатель первого робота-слуги созерцает плоды материализованной мысли»...

— Подождите минутку, — торопливо прервал я его разглагольствования. — Я ведь не рекламный образец и не звезда «хвatalки». Меня устраивает моя приватность. И не за этим я сюда пришел. Я пришел сюда просить место... инженера.

Брови мистера Макби поползли вверх, но он промолчал.

Некоторое время мы пререкались. Мистер Галлоуэй пытался доказать мне, что я просто обязан помочь фирме,

которую основал, выступив в качестве живой рекламы. Мистер Макби говорил мало, но было очевидно, что он не считал бы меня удачным приобретением для своего отдела. Он спросил как бы между прочим, что я знаю о проектировании интегральных схем. Я вынужден был признать, что мои знания по данному вопросу почерпнуты из популярной литературы.

Наконец Куртис предложил компромисс:

— Видите ли, мистер Дэвис, ваше положение совершенно особое. Вы основали, можно сказать, не только эту фирму, но и целую отрасль. Тем не менее, как вам дал понять мистер Макби, отрасль шагнула далеко вперед за время вашего пребывания в Долгом Сне. Что вы скажете, если мы зачислим вас в штат фирмы на должность... ну, скажем, «заслуженного инженера-исследователя»?

— И что это будет означать? — недоуменно спросил я.

— Все, что захотите. Но скажу вам по-дружески: мы надеемся на ваше сотрудничество с мистером Галлоуэем. Мы ведь не только производим продукцию, мы обязаны продавать ее.

— Хм... Буду ли я иметь возможность заниматься проектированием?

— Как вам угодно. В ваше распоряжение предоставят оборудование, и вы сможете заниматься чем пожелаете.

— В том числе заводское оборудование?

Куртис посмотрел на Макби.

— Конечно, конечно... в пределах разумного, естественно, — ответил Макби.

Дальше он заговорил с таким сильным шотландским акцентом, что я с трудом понимал его.

— Вот и договорились, — бодро заметил Галлоуэй. — Прошу прощения, босс, я заберу мистера Дэвиса. Мистер Дэвис, не возражаете, если вас сфотографируют рядом с самой первой моделью «Горничной»?

Я был рад видеть ее... та самая модель, которую я собирал, набивая мозоли на руках и обливаясь потом. Мне захотелось проверить, работает ли она до сих пор. Но Макби не позволил мне включить ее, — похоже, он и вправду не верил, что я умею с ней обращаться.

Март и апрель я наслаждался работой в «Горничной». В мое распоряжение предоставили необходимое мне оборудование, технические журналы, торговые каталоги, справочную библиотеку, «Чертежника Чета» (сама корпорация не выпускала чертежные автоматы, но пользовалась лучшими из производимых другими фирмами моделей, то есть моделями фирмы «Аладдин»). А чего стоили профессиональные разговоры моих коллег — они звучали музыкой для моих ушей!

Ближе других я сошелся с Чаком Фрейденбергом — заместителем главного инженера по комплектующим. На мой взгляд, Чак был единственным настоящим инженером, все остальные были просто переучившимися ленивыми механиками, включая Макби. Пример главного инженера ясно доказывал: чтобы стать инженером, недостаточно иметь диплом и шотландский акцент. Позже, когда Чак стал доверять мне полностью, он признался, что согласен со мной.

— Мак и вправду не признает ничего нового — ему бы работать теми же методами, что его дедушка в копиях Клайда.

— Что же входит в его обязанности?

Подробностей Фрейденберг не знал. Кажется, нынешняя фирма раньше была просто компанией по производству изделий по патентам (моим патентам!), взятым напрокат у «Горничной, инкорпорейтед». Около двадцати лет назад из-за высоких налогов началось слияние многих компаний; «Горничная» объединилась с фирмой-производителем, акции стали совместными, и новая фирма приняла название, которое я дал когда-то основанной мною компании. Чак считал, что Макби был принят на работу именно в то время.

— У него, верно, имеется пакет акций, — добавил он.

Мы с Чаком частенько сживали вечерами за кружкой пива и обсуждали инженерные проблемы, дела фирмы и все остальное. Поначалу его заинтересовало то, что я был из «спящих». Я заметил, что «спящие» у многих вызывали нездоровый интерес, словно мы были какими-то уродцами. Поэтому в разговоре с незнакомыми людьми я избегал упоминать об этом. Чака же привлекал сам факт прыжка

во времени, и он очень хотел услышать, как выглядел мир до его рождения, из уст человека, для которого далекое прошлое было в полном смысле «вчера».

В свою очередь, он охотно критиковал зрелые у меня один за другим замыслы новых машин. На поверку оказывалось, что они безнадежно устарели... в 2001 году от Рождества Христова. Под его дружеским руководством я быстро наверстывал упущенное и становился современным инженером.

Как-то теплым апрельским вечером я начал обрисовывать ему в общих чертах свою новую идею — автоматического секретаря. Он прервал меня и спросил озабоченно:

— Дэн, ты занимался разработкой на службе?

— Вообще-то, нет. А что?

— Что говорится в твоём контракте?

— Контракте? Да у меня нет никакого контракта. Куртис внес мое имя в платежную ведомость. Галлоуэй напустил на меня фотографа да еще какого-то писака. Тот долго ходил за мной и изводил идиотскими вопросами. Вот и все.

— На твоём месте, приятель, я бы ничего не предпринимал, пока не выяснил, на каком ты свете. Ты придумал и в самом деле что-то новое. И я думаю, ты сможешь заставить эту штуку работать.

— Над этим я еще не задумывался.

— Отложи работу на время. Ты ведь знаешь положение дел на фирме. Она процветает и выпускает хороший товар. Но все новинки последних пяти лет фирма производит по закупленным лицензиям. Я не могу пробить ни одной новой идеи — на пути у меня стоит Мак. Но ты можешь обойти Мака и пойти прямо к боссу. Так что не спеши, потому как, кроме своей ежемесячной зарплаты, ты больше ничего за это не получишь.

Я последовал его совету. Продолжал работать над проектом, но все чертежи сжигал. Мне они были ни к чему — я помнил их наизусть. Виноватым перед фирмой я себя не чувствовал: меня наняли не как инженера, а как рекламный манекен для Галлоуэя. Когда из меня как из рекламы выжмут все, что можно, мне сунут в зубы месячную зар-

плату, выразят искреннюю благодарность и выставят за дверь.

Но к тому времени я должен снова стать настоящим инженером, способным открыть собственное дело. Если Чак согласится рискнуть, я возьму и его.

Джек Галлоуэй не стал размениваться на газеты — он начал проталкивать историю обо мне в толстые общенациональные журналы. Он хотел, чтобы «Лайф» дал целый разворот и увязал публикацию с материалами тридцатилетней давности о первой модели «Горничной». «Лайф» наживку не заглотнул, но Галлоуэй закинул удочку в других местах, и кое-где клюнуло. Там его статью разместили в блоке рекламы.

Я начал подумывать, не отпустить ли мне бороду. Потом решил, что меня все равно никто не узнает, а если и узнают — мне-то что до того?

На мое имя стало поступать множество идиотских писем. В одном из них мне обещали, что я буду поджариваться на вечном огне в аду за нарушение предначертания Божьего. Письмо я выкинул, а про себя подумал: если бы Бог захотел воспротивиться тому, что со мной произошло, он не допустил бы самой возможности погружаться в «холодный сон». Иначе бы я не стал суетиться.

Во вторник, третьего мая 2001 года, мне позвонили.

— На проводе миссис Шульц, сэр. Соединить?

Шульц? О черт, я же обещал мистеру Дафти, когда мы созванивались с ним последний раз, что разберусь с ней. Но все откладывал, потому что особого желания у меня не было. Я почти не сомневался, что она одна из тех сумасбродок, которые пристают к «спящим» с дурацкими расспросами.

Мистер Дафти говорил, что с тех пор, как я в декабре выписался, она звонила уже несколько раз. В соответствии с правилами храма ей не давали адреса, но соглашались сообщить мне о ее звонках. Что ж, придется поговорить с ней: я в долгу перед Дафти.

— Соедините меня с ней.

— Это Дэнни Дэвис?

Экрана у моего служебного телефона не было, поэтому видеть меня она не могла.

— Слушаю вас. Ваша фамилия — Шульц?

— Ох, Дэнни, милый, как приятно вновь услышать твой голос! — Я медлил с ответом, и она продолжала: — Разве ты не узнаешь меня?

Конечно, я узнал ее. Это была Белл Джентри.

7

Я договорился с ней о встрече.

Моим первым порывом было послать ее к черту и бросить трубку. Я давно уже понял, что пытаться отомстить — ребячество. Пита не вернуть, а кончиться все для меня может тюрьмой. Поэтому я прекратил поиски Майлза и Белл и забыл о них.

Но Белл наверняка знала, где Рикки. Вот почему я и договорился с ней о встрече.

Она хотела, чтобы я пригласил ее пообедать, но я не согласился. И дело тут не в правилах хорошего тона, просто, по-моему, разделить трапезу можно только с другом. Встретиться я с ней встречусь, но вести в ресторан — слишком много чести для нее. Я спросил адрес и сказал, что буду у нее к восьми вечера.

Она снимала дешевую мебелирашку в доме без лифта в Нижнем Ла-Брея, в той части города, которой еще не коснулось современное строительство. Не нажав кнопку звонка, я уже понял, что отнятое у меня обманом ее не обогатило, иначе она не жила бы в такой дыре. А увидев ее, я окончательно убедился, что мстить вообще не имело смысла: годы справились с этим лучше меня.

Белл было не меньше пятидесяти трех (если верить ее прошлым утверждениям о возрасте), но в действительности, скорее всего, около шестидесяти. Благодаря успехам геронтологии и эндокринологии женщина в 2001 году, если она следила за собой, могла выглядеть тридцатилетней еще тридцать лет подряд. Многие так и выглядели. Некоторые звезды «хваталки» хвастались, что они уже бабушки, хотя продолжали подвизаться в амплуа инженю.

Она всем этим пренебрегла.

Белл растолстела, в голосе появились визгливые нотки, и она была игрива, как котенок. Очевидно, она до сих пор считала тело своим основным достоянием и поэтому была одета в стиктайтский пеньюар, который не только выставлял напоказ чересчур много, но и позволял глазу отметить, что перед вами существо женского пола, млекопитающее, перекормленное и ведущее малоподвижный образ жизни.

Она сама этого не осознавала. Ее некогда острый ум зачах, и от прежних времен в ней оставались только неистребимая самонадеянность и тщеславие. С радостным визгом она бросилась мне на шею, и я с трудом увернулся от целуя. Я схватил ее за запястья и оттолкнул:

— Спокойнее, Белл.

— Но я так счастлива, милый! Так взволнована и так рада тебя видеть!

— Еще бы! — Я пришел сюда с намерением держать себя в руках, мне просто нужно было выяснить у нее один вопрос — и уйти. Но сдерживаться мне было все труднее. — Помнишь нашу последнюю встречу? Ты тогда накачала меня наркотиками под завязку, чтобы сплавить в «холодный сон».

Казалось, это ее озадачило и даже обидело.

— Но, милый, мы так сделали для твоего же блага. Ты ведь был так болен. — Она, похоже, искренне верила в то, что говорила.

— Ладно, ладно. А где Майлз? Ты же теперь миссис Шульц.

Ее глаза округлились.

— Разве ты ничего не знаешь?

— Не знаю чего?

— Бедный Майлз... бедный дорогуша Майлз! Он и двух лет не прожил с тех пор, как ты покинул нас. — Неожиданно выражение ее лица резко изменилось. — Подонок, он надул меня!

— Худо дело. — Хотел бы я знать, как он умер. Сам или ему помогли? Может, мышьяка подсыпали? Я решил перейти к цели своего визита, пока она не завралась окончательно. — А что стало с Рикки?

— Какой Рикки?

— Падчерицей Майлза, Фредерикой.

— Ах, эта ужасная маленькая грубиянка! Откуда я знаю? Она уехала к своей бабке.

— Где живет ее бабка? И как ее фамилия?

— Где? В Тусоне... или в Юме, или еще в какой-то дыре. А может, в Индио. Милый, я не хочу говорить об этом невыносимом ребенке... Давай лучше поговорим о нас с тобой.

— Сейчас, сейчас. Так как фамилия бабушки?

— Дэнни, какой ты скучный! Ну чего ради я должна помнить такие глупости?

— И все-таки?

— Ну, Ханолон... или Хейни, нет, Хайнц. Или, может, Хинкли. Не хмурься, милый. Давай лучше выпьем. Давай поднимем бокал за наше счастливое воссоединение.

Я покачал головой:

— Я не пью. — И это было почти правдой. Испытав на своей шкуре, что пьянство до добра не доводит, я теперь ограничивался кружкой пива с Чаком Фрейденбергом.

— Фу, как скучно, дорогой! Ты не против, если я себе налью?

Она уже наливала себе неразбавленный джин — утешение одиноких женщин. Но прежде чем опустошить стакан, она достала пластиковый флакон и вытряхнула на ладонь две таблетки.

— Хочешь?

Я узнал полосатую этикетку на флаконе — эйфорион. Он считался нетоксичным и ненаркотическим, хотя единого мнения на сей счет не было; некоторые предлагали зачислить его в один ряд с морфином и барбитуратами.

— Благодарю, мне и так хорошо.

— Рада за тебя.

Она проглотила обе таблетки разом и запила их джином. Я понял, что, если я хочу что-то разузнать, мне лучше поспешить, иначе через некоторое время она будет способна только глупо хихикать. Тогда я взял ее за руку, усадил на диван, а сам сел напротив.

— Белл, расскажи мне о себе. Как ты жила все это время? Вышло у вас что-нибудь с «Мэнниксом»?

— А? Нет, не вышло. — Тут она вспыхнула. — И все из-за тебя!

— Из-за меня? Да ведь меня уже не было!

— Конечно из-за тебя. Ты же сделал из инвалидной коляски эту уродину... она-то им и была нужна. А потом она пропала.

— Пропала? Откуда?

Она подозрительно уставилась на меня своими свинячьими глазками:

— Тебе лучше знать. Ведь ты ее взял.

— Я? Белл, ты в своем уме? Я ничего не мог взять. Я лежал намертво замороженный в «холодном сне». Откуда пропала? Когда?

Это полностью подтверждало мою догадку, что, раз Майлзу и Белл не удалось воспользоваться «Феноменальным Фрэнком», его украл кто-то другой. Но из всех, кого можно было заподозрить, я единственный, кто этого не сделал. Я не видел «Фрэнка» с той самой горестной ночи, когда они меня выставили из фирмы.

— Расскажи мне, как было дело, Белл. И что заставило вас подумать на меня?

— А кто же еще? Никто другой не знал, как он много значит... Это куча хлама! Говорила я Майлзу не оставлять его в гараже!

— Но ведь если кто-то украл его, то все равно не мог разобраться, как он работает. У вас же остались инструкции и чертежи.

— У нас и их не было. Майлз, идиот, засунул все бумаги в машину той ночью, когда нам пришлось перевезти ее, чтобы защитить.

Меня даже не покорило, когда она сказала «защитить». Я хотел сказать, что засунуть кипу бумаг в чрево «Фрэнка» Майлз вряд ли мог, — «Фрэнк» и без того был напичкан аппаратурой, как рождественский гусь яблоками. Но тут вспомнил, что сам приспособил под днище коляски ящичек для инструментов. В спешке Майлз вполне мог вывалить все мои бумаги именно туда.

Ладно, не важно. Преступление (или преступления) было совершено тридцать лет назад. Еще мне хотелось выяснить, каким образом они потеряли «Горничную, инкорпорейтед».

— Когда у вас не выгорело дело с «Мэнниксом», что вы сделали с нашей компанией?

— Мы, конечно, продолжали работать. Но когда от нас ушел Джейк, Майлз заявил, что надо свертывать дело. Майлз был тряпкой, а Джейка Шмидта я с самого начала терпеть не могла. Подонки! Все докапывался, почему ты ушел... Будто мы могли остановить тебя! Я настаивала, чтобы наняли нового хорошего мастера и продолжали дело. И тогда фирма бы стоила дороже. Но Майлз уперся.

— А что было потом?

— Ну, потом мы, конечно, продали лицензию на производство «Горничной» фирме «Приводные механизмы». Ты будто не знаешь — сам ведь там работаешь.

Я действительно знал — полное зарегистрированное название «Горничной» теперь было: «Горничная. Производство агрегатов и приводных механизмов, инкорпорейтед», а на вывеске значилось только «Горничная». Ну вот, похоже, я выяснил все, что старая калоша была в состоянии рассказать. Но меня интересовала еще одна деталь.

— После того как лицензия была передана «Механизмам», вы оба продали свои акции?

— Что? Как тебе такая глупость в голову пришла? — Лицо ее перекосилось, и она зарыдала; слабой рукой она пошарила в поисках платочка, но не нашла и продолжала сквозь слезы: — Он меня надул! Он меня надул! Грязная скотина, обдурил меня... он надо мной издевался. — Она шмыгнула носом и добавила задумчиво: — Вы все меня надули, а ты — больше всех, Дэнни. И это после всего, что я для тебя сделала! — Она снова разрыдалась.

Я подумал, что эйфорион не стоит затраченных на него денег. Впрочем, может быть, ей доставляло удовольствие поплакать.

— Как же он тебя обманул, Белл?

— Что? А то ты не знаешь. Он все оставил этому гнусному отродью... после того, как обещал оставить все мне... после того, как я ухаживала за ним, пока он болел... А ведь она ему даже не родная дочь! Всем это известно.

Впервые за весь вечер я услышал добрую весть. Значит, Рикки все-таки повезло, даже если они перехватили посланные мною акции. Я опять вернулся к главному:

— Белл, как фамилия бабушки Рикки и где они жили?

— Где кто жил?

— Бабушка Рикки.

— Кто такой Рикки?

— Дочь Майлза. Постарайся вспомнить, Белл. Это очень важно.

Белл взвилась. Тыча в меня пальцем, она завизжала:

— Знаю я тебя! Ты был ее любовником, вот что! Грязная маленькая стерва... и ее вонючий кот.

При упоминании о Пите меня охватила ярость, но я постарался не дать ей выхода. Я просто схватил Белл за плечи и слегка потряс:

— Возьми себя в руки, Белл! Я хочу знать только одно. Где они жили? Куда адресовал Майлз письма, когда писал им?

Она заартачилась:

— Не буду я с тобой разговаривать! Весь вечер ты ведешь себя отвратительно. — Потом, словно мгновенно отрезвев, она добавила уже спокойно: — Не знаю. Бабку звали Ханикер или что-то в этом роде. Я видела ее только однажды, в суде, когда они приходили выяснять вопросы с завещанием.

— Когда это было?

— Сразу после смерти Майлза, конечно.

— Белл, а когда умер Майлз?

Настроение у нее опять изменилось.

— Много хочешь знать. Ты хуже шерифа... все выпытываешь да выпытываешь! — Она взглянула на меня умоляюще. — Давай забудем все... Только ты, милый, и я... у нас ведь вся жизнь впереди... Женщина в тридцать девять лет еще молода... Шульчик говорил, что я самая свеженькая из всех, кого он знал, — а этот старый козел, скажу я тебе, знал многих. Мы можем стать такими счастливыми, милый! Мы...

Тут мое терпение лопнуло. Я и так делал все, чтобы сдержаться, — даже в сыщика играл.

— Мне пора идти, Белл.

— Что ты, милый! Еще так рано... у нас впереди целая ночь. Я думала...

— Мне все равно, что ты думала. Я ухожу.

— Ах, милый! Какая жалость! Когда мы снова увидимся? Завтра? Я, правда, ужасно занята, но ради тебя я отложу дела и...

— Больше мы с тобой не увидимся, Белл, — отрезал я и ушел.

Я больше никогда ее не видел.

Придя домой, я тут же залез в горячую ванну и долго с остервенением тер тело мочалкой. Потом сел за стол и попытался обдумать все, что мне удалось узнать. Белл считала, что фамилия бабушки Рикки начинается на «Х» (если вообще можно было доверять ее бессвязному бормотанию) и что жили они в одном из пустынных городков Аризоны или, может быть, Калифорнии. Ладно, наверно, сыщик-профессионал и извлек бы из этих сведений какую-нибудь пользу. А может, и нет. В любом случае поиск утомителен, а главное — дорого стоит. Так что придется отложить его до лучших времен.

Узнал ли я еще что-нибудь полезное?

Майлз, по словам Белл, умер году в 1972-м. Если он скончался в этом округе, я, должно быть, смогу выяснить дату смерти уже через несколько часов. Потом смогу уточнить дату слушания в суде дела о завещании... если такое слушание имело место, как утверждала Белл. Через суд я смогу установить прежний адрес Рикки, если в канцелярии суда хранятся архивы. Я точно этого не знал. А чего я добьюсь, сократив разрыв до двадцати восьми лет и найдя город, где Рикки жила в далеком прошлом?

И есть ли вообще смысл разыскивать сорокалетнюю женщину, почти наверняка замужнюю и обремененную семьей? Вид старой развалины, некогда бывшей Белл Даркин, потряс меня. Я начинал понимать, что скрывается под понятием «тридцать лет». Нет, я был уверен, что взрослая Рикки останется такой же доброй и обаятельной, но вот вспомнит ли она меня вообще? Я не сомневался, что она помнит меня, но, скорее всего, как безликую фигуру — того, кого она звала «дядя Дэнни» и у кого был очень славный кот.

Неужели я, как и Белл, но только по-своему, живу воспоминаниями прошлого?

Ладно, никому не повредит, если я предприму еще одну попытку найти Рикки. Будем, в конце концов, ежегодно обмениваться рождественскими открытками... Не думаю, что ее супруг станет очень возражать против этого.

Утром следующего дня (в пятницу, четвертого мая), вместо того чтобы пойти на работу, я направился в Центральный архив округа. Архив был закрыт «по техническим причинам», и меня попросили зайти через месяц. Тогда я отправился в архив редакции «Таймс». Когда я вышел оттуда, у меня ломило спину от долгого сидения за просмотром микроплёнок старых номеров «Таймс». Зато мне удалось выяснить, что если Майлз и умер в период между декабрем 1970 и декабрем 1973 года, то случилось это не в округе Лос-Анджелес, — некролога я, во всяком случае, не нашёл.

Естественно, никакого закона, предписывающего ему умереть в округе Лос-Анджелес, не существовало. Человек может умереть где угодно — им так и не удалось это упорядочить.

Можно ещё попробовать навести справки в объединённом архиве штата Сакраменто. Я решил съездить туда как-нибудь. Поблагодарив библиотекаря «Таймс», я перекусил в ближайшем кафе и в конце концов пошёл на службу.

Оказалось, мне дважды звонили; кроме того, на столе лежала записка. И записка, и звонки были от Белл. Мельком взглянув на записку и увидев первую строчку: «Дэн, дорогуша!», я, не читая, разорвал её и выбросил. Потом позвонил на коммутатор и попросил не регистрировать звонков от миссис Шульц и не соединять меня с ней. Потом я зашёл к главному бухгалтеру и спросил, можно ли выяснить бывших владельцев изъятого из обращения пакета акций фирмы. Он обещал попробовать, и я назвал по памяти номера некогда принадлежавших мне первых акций «Горничной, инкорпорейтед». Напрягать память не пришлось — мы выпустили для начала ровно тысячу акций, и я оставил за собой первые пятьсот десять номеров; «подарок по случаю помолвки» для Белл состоял из акций под первыми номерами.

Возвратившись в свою нору, я застал так Макби.

— И где же вы были? — поинтересовался он.

— И тут и там... А в чём дело?

— Вряд ли подходящий ответ. Мистер Галлоуэй дважды заходил и справлялся о вас. Я вынужден был сказать, что не знаю, где вы.

— Господи ты боже мой! Если я нужен Галлоуэю, то рано или поздно он меня найдет. Чем попусту тратить время на придумывание хитроумных комбинаций, лучше бы он хоть часть его использовал для продвижения товара на рынок — фирма от этого только выиграла бы.

Галлоуэй начинал меня раздражать. Он считался ответственным за продажи, но, по-моему, занимался в основном тем, что вмешивался в дела рекламного агентства, которое нас обслуживало. Впрочем, я, может быть, сужу предвзято, ведь меня интересует только техническая сторона дела. А все остальное — пустая бумажная возня.

Я знал, зачем потребовался Галлоуэю, и поэтому не спешил. Он хотел, видите ли, облачить меня в костюм образца 1900 года и в нем сфотографировать. Я объяснил, что снимусь, сколько его душе угодно, но в костюме 1970 года: мой отец и тот родился спустя двенадцать лет после наступления 1900 года. Он ответил, что никто не заметит разницы. Тогда я заметил, что нельзя всех считать круглыми идиотами. Он обиделся и заявил, что у меня неправильный подход к делу.

Эти люди, которые занимаются украшательством, чтобы дурачить публику, полагают, верно, что никто, кроме них, не умеет ни читать, ни писать.

— У вас неправильный подход к делу, — сказал Макби.

— Да? Сожалею.

— Вы неплохо устроились. Числитесь за моим отделом, но я обязан предоставлять вас, когда необходимо, в распоряжение коммерческого отдела. Я думаю, для вас же будет лучше начиная с сегодняшнего дня отмечаться на табельных часах, как все остальные... и неплохо бы вам отпрашиваться у меня, если вы уходите куда-нибудь в рабочее время. Пожалуйста, учтите это на будущее.

Я медленно сосчитал про себя до десяти в двоичной системе.

— Мак, а вы сами отмечаетесь в табельных часах?

— Что? Нет, конечно. Я же главный инженер.

— Вот именно. Так и говорится на табличке вашего кабинета. Но послушайте, Мак, я был главным инженером

этого заведения еще до того, как вы начали бриться. Так неужели вы думаете, что я собираюсь отстукивать время прихода на табельных часах?

Он побагровел:

— Дело ваше. Но я вам вот что скажу: не будете отмечаться — не получите зарплату.

— Ах так? Не вы меня нанимали, не вам и увольнять.

— Посмотрим. По крайней мере, я могу перевести вас из моего отдела в отдел рекламы, где вам самое место. Если вам вообще есть где-то место. — Он взглянул на мою чертежную машину. — Здесь от вас никакого толку. И я не вижу смысла в простаивании такого дорогого оборудования без дела. До свидания. — Он быстро кивнул и вышел.

Я проводил его до двери. Тут вкатился «посыльный» и положил на стол большой конверт. Я не стал его вскрывать — слишком был взвинчен. Вместо этого я отправился вниз, в кафетерий для сотрудников. Мак, как и множество других педантов-бюрократов, считал, что результат творческой работы зависит от затраченных на нее человеко-часов. Неудивительно, что моя старая фирма годами не внедряла ничего нового.

Ладно, черт с ним. Все равно я не собирался здесь долго задерживаться.

Час спустя я притащился обратно и обнаружил на столе еще один конверт, на этот раз с грифом фирмы. Я вскрыл его, уверенный, что Мак решил не откладывать дела в долгий ящик. Но письмо было из бухгалтерии, оно гласило:

Уважаемый мистер Дэвис!

Относительно интересовавших Вас акций сообщаем, что дивиденды по основной части пакета акций выплачивались с I квартала 1970 года по II квартал 1980 года через трастовый фонд держателю по фамилии Хайнике. В 1980 году произошла реорганизация фирмы, и имеющиеся в наличии записи не позволяют с точностью проследить дальнейшую судьбу акций; очевидно (после реорганизации), они были проданы страховой компании «Космополитен», во владении каковой до сих пор и находятся. Держателем меньшей части акций до 1972 года являлась (как Вы и предполагали) Белл Д. Джентри, после чего права на акции были переданы акционерной компании «Сьерра

ассептанс», которая разделила пакет на части и пустила их в свободную продажу. В случае необходимости мы могли бы выяснить подробности относительно каждой акции после того, как фирма была реорганизована, но на это потребуется определенное время.

Если наш отдел может быть еще чем-нибудь полезен для Вас, не стесняйтесь и обращайтесь в любое время.

И. Е. Рейтер, гл. бухгалтер

Я позвонил Рейтеру, поблагодарил его и сказал, что их ответ полностью меня удовлетворил. Теперь я знал — переданные Рикки акции до нее не дошли. Как явствовало из записей, передача моих акций некоему Хайнике была явным мошенничеством — за этим, конечно, стояла Белл; она нашла какое-то подставное лицо или просто воспользовалась вымышленным именем. Скорее всего, уже замышляла надуть Майлза, потому и начала принимать кое-какие меры.

Очевидно, после смерти Майлза ей не хватало наличных денег и поэтому она решила продать акции, подаренные мною. Но теперь, когда я узнал, что Белл лишилась всех акций, меня они перестали интересовать. Я вот забыл спросить Рейтера, что стало с пакетом акций Майлза... Это могло бы навести меня на след Рикки, даже если она уже не владеет акциями. Но был вечер пятницы, рабочая неделя подходила к концу, так что придется отложить выяснение до понедельника. А пока я решил вскрыть большой конверт, принесенный ранее, так как по обратному адресу уже знал, откуда он поступил.

В начале марта я написал в патентное бюро и запросил исходные данные по «Трудяге» и «Чертежнику Чету». Моя прежняя убежденность, что «Трудяга» — всего-навсего доработанный вариант «Феноменального Фрэнка», была несколько поколеблена после знакомства с принципом работы «Чертежника Чета». Необходимо принимать в расчет и то, что тот же самый неизвестный гений, который создал «Чертежника Чета» в точности таким, каким я себе его представлял, вполне мог параллельно со мной конструировать такого же «Фрэнка». Моя теория подтвердилась и тем, что оба патента были выданы в один год и принадлежали (во всяком случае, пока не истек срок их действия)

одной компании — «Аладдину». Но я должен был знать все подробности. Если этот изобретатель до сих пор жив, я хотел встретиться с ним. Он мог бы кое-чему научить меня.

Сначала я написал в патентное ведомство и получил ответ с разъяснением, что вся документация на патенты, срок действия которых истек, хранится в Национальных архивах, что в Карлсбадских пещерах. Тогда я обратился в архивы, и в ответ мне прислали прејскурант платных услуг. Я написал туда в третий раз, приложив к письму платежное поручение (чеков они не принимали). Я запросил копию всех документов по обоим патентам — заявки, описания, чертежи и так далее.

Похоже, в большом конверте и было то, что я ожидал. Сверху лежали документы по патенту номер 4307909 («Трудяга»). Я проигнорировал заявку, описания и принялся за чертежи. От заявок прок разве что в суде — их пишут для того, чтобы заявить на весь мир о широчайших возможностях использования предлагаемого объекта. Потом настает очередь патентных экспертов, а они уж обязательно постараются свести на нет все ваши усилия — вот отчего появились адвокаты по патентному праву. Описание, наоборот, должно быть полным и подробным, но мне проще читать чертежи, чем описание.

Я должен был признать, что принципиальная схема «Трудяги» отличалась от схемы «Феноменального Фрэнка». Он был сконструирован лучше «Фрэнка», некоторые узлы были проще, и использовать его можно было в более широком диапазоне. Но основная идея была все та же, а иначе и быть не могло, поскольку автомат, управляемый трубками Торсена, должен был основываться на тех же принципах, что я использовал для «Феноменального Фрэнка». Думаю, я и сам со временем пришел бы к мысли о модернизации узлов — может быть, в следующих моделях. Нечто подобное даже как-то мелькало у меня в мозгу — «Фрэнк», используемый не только в работе по дому.

Наконец я решился взглянуть на имя изобретателя, указанное в заявке и описаниях.

Оно мне было хорошо знакомо: это был Д. Б. Дэвис.

Я долго вглядывался в него, медленно и фальшиво насистывая «Время в моих ладонях». Итак, Белл солгала, солгала опять. Интересно, была ли хоть капля правды в той

гнусной околесице, которую она несла? Конечно, Белл — патологическая лгунья, но я где-то читал, что в основе любого вранья лежит правда, измененная буйной фантазией лжеца до неузнаваемости. Совершенно очевидно: мою первую модель «Фрэнка» никто не крал, ее просто передали на доработку другому инженеру, а потом подали заявку на патент от моего имени.

С «Мэнниксом» дело у них не выгорело — это я знал точно по документам нашей фирмы. Но Белл утверждала, что причиной всему — отсутствие патента на производство «Фрэнка». Может, Майлз хапанул аппарат себе, а Белл оставил в уверенности, что «Фрэнка» украли, точнее, уже переукрали.

В таком случае... тут я бросил строить догадки — занятие более безнадежное, чем поиски Рикки. Можно было бы устроиться в фирму «Аладдин», чтобы раскопать там, кто им передал патент и получил за него денежки. Но игра не стоила свеч, поскольку срок действия патента давно истек. Майлз умер, а Белл если и получила что-нибудь с этого, то давно все промотала. Я же удовлетворился, доказав себе то, что для меня было важнее всего: подлинный автор изобретения — я сам. Это льстило моей профессиональной гордости, а кто беспокоится о деньгах, если нет повода беспокоиться о хлебе насущном? Только не я.

Итак, я перешел к патенту под номером 4307910 — на первого «Чертежника Чета». Чертежи были просто загляденье. Я сам не смог бы разработать прибор лучше, а этот парень смог. Меня привели в восхищение экономное применение цепей связи и умелая компоновка блоков с использованием минимума движущихся частей. Движущиеся части любого механизма подобны аппендиксу — во избежание неприятностей от них следует избавляться там, где только возможно.

Он даже использовал электрическую пишущую машинку для панели управления, указав ссылку на серию патентов Ай-би-эм. Это было сделано удачно и с инженерной точки зрения: нет смысла заново изобретать то, что можно купить в любом магазине.

Кто же этот головастый парень? Я полистал бумаги и нашел его имя — Д. Б. Дэвис.

Я долго сидел, задумавшись, над бумагами. Потом позвонил доктору Альбрехту. Нас соединили, и я назвал себя — у моего офисного телефона не было визуального ка-нала.

— Привет, сынок, — отозвался он. — Я узнал твой го-лос. Как дела на новом месте?

— Все нормально. В компаньоны пока не принимают.

— Дай им время. А в остальном — порядок? Попривык?

— Конечно! Знать бы, что здесь так здорово, — улегся бы в «холодный сон» пораньше. Ни за что не подпишусь вернуться обратно в тысяча девятьсот семидесятый год.

— Да будет тебе! Я прекрасно помню этот год. Я тогда был еще ребенком, жил на ферме в Небраске, охотился и ловил рыбу. Весело проводил время, не то что теперь.

— Что ж, каждому свое. Мне нравится здесь, сейчас. Но вот что, док. Я ведь позвонил не просто потрепаться на отвлеченные темы. У меня небольшая загвоздка.

— Ну, выкладывай. Хорошо хоть небольшая, а то у остальных — все больше крупные.

— Док, может ли Долгий Сон вызвать потерю памяти?

Он ответил не сразу.

— В принципе — да. Не скажу, что мне встречались по-добные случаи. Я имею в виду амнезию в чистом виде, не обусловленную другими побочными факторами.

— Что может вызвать потерю памяти?

— Да что угодно. Простейший случай — так называемая функциональная амнезия, когда сам пациент подсозна-тельно стремится что-то забыть; он забывает последова-тельность событий или переосмысляет их, поскольку эти воспоминания для него невыносимы. Затем следует амне-зия в результате травмы — скажем, от обыкновенного, пошлого удара по черепу. Или амнезия может возникнуть от внушения... с применением наркотиков или гипноза. А в чем дело, малыш? Не можешь отыскать свою чековую книжку?

— Да нет, не то. Насколько я понимаю, сейчас со мной все в порядке. Но я не могу вспомнить некоторые собы-тия, имевшие место до того, как я лег в сон... и это меня беспокоит.

— Может быть, дело в одной из упомянутых мною при-чин?

— Да, пожалуй, — задумчиво ответил я. — Подойдет любая, за исключением разве что удара по черепу... впрочем, меня вполне могли и огреть по башке, когда я был пьян.

— Я не стал упоминать, — сухо заметил он, — о самой распространенной временной амнезии — провалах в памяти под воздействием алкоголя. Послушай, сынок, почему бы тебе не зайти, мы обсудили бы все подробно. Если я не смогу распознать твой недуг — ты же знаешь, я не психиатр, — я направлю тебя к гипнологу; он очистит твою память, как луковицу от шелухи, и ты ему расскажешь, почему опоздал в школу четвертого февраля того года, когда учился во втором классе. Но он дорого берет, и потому не лучше ли сначала заскочить ко мне?

— Вот те на, док! Я и так отнял у вас много времени, а вы слишком шепетильны, чтобы брать с меня деньги.

— Сынок, мои пациенты мне небезразличны; кроме них, никого из близких у меня нет.

Я отделался от него, пообещав позвонить в начале следующей недели, если будет нужда в его помощи. Мне необходимо было все обдумать.

Во всем здании уже не было света, он горел только у меня в кабинете. Заглянула «Горничная» (тип: «уборщица»). Обнаружила, что в комнате кто-то есть, и безмолвно укачала прочь. Я опять остался один.

Вскоре в комнату заглянул Чак Фрейденберг:

— Я думал, ты давно ушел. Просыпайся и иди досыпать домой.

Я взглянул на него:

— Чак, у меня есть прекрасная идея. Давай купим бочку пива и две соломинки.

Он тщательно обдумал предложение.

— Что ж, сегодня пятница, а ясная голова нужна мне только в понедельник, чтобы знать, какой это день недели.

— Решено и обжалованию не подлежит. Подожди минутку, я засуну кое-что в дипломат.

Мы выпили пива, потом поели, потом еще выпили пива в заведении с хорошей музыкой, потом перебрались в другое заведение — без музыки, но со звуконепроницаемыми кабинами. Здесь нам никто не мешал, нужно было

только заказывать что-нибудь примерно раз в час. Мы сидели и спокойно разговаривали. Я показал ему копии патентов.

Чак просмотрел документацию на прототип «Трудяги».

— Это по-настоящему отличная работа, Дэн. Я тобой горжусь. Как насчет автографа?

— Взгляни-ка еще вот сюда. — Я протянул ему патентное обоснование на чертежную машину.

— Кое в чем эта штука будет лучше предыдущей. Дэн, ты сам-то понимаешь, что сделал для развития техники больше, чем в свое время Эдисон? Доходит до тебя, нет?

— Брось, Чак, тут дело серьезное. — Я ткнул пальцем в пачку фотокопий. — Ладно, я готов взять на себя авторство одной из них. Но я не мог быть автором другой. Я ее не создавал... разве только у меня из головы вылетело все, что случилось со мной до погружения в сон. Может быть, у меня амнезия.

— Ты толкуешь об одном и том же целых двадцать минут. Непохоже, чтобы у тебя предохранители отказали. Ты помешан не более, чем требуется для нормального инженера.

Я ударил кулаком по столу — аж кружки подпрыгнули:

— Должен я выяснить или нет?

— Держи себя в руках. Ну и что ты собираешься предпринять?

— Гм... — Я чуть замешкался с ответом. — Пойду к психиатру и заплачу ему, чтобы он докопался до истины.

Чак вздохнул:

— Я и ожидал услышать от тебя нечто в этом роде. Слушай, Дэн, предположим, ты заплатил своему специалисту по мозговой механике и он доложил, что все в порядке, память твоя — в прекрасном состоянии, реле у тебя в голове замкнуты как надо. Что тогда?

— Но это же невозможно.

— То же самое говорили Колумбу. Тебе даже не пришло в голову самое простое объяснение.

— Какое?

Не удостоив меня ответом, он подозвал робота-официанта и велел принести большой телефонный справочник.

— В чем дело? — поинтересовался я. — Собираешься вызвать мне полицейскую карету?

— Пока нет. — Он пролистал здоровенную книгу, нашел, что искал, и передал ее мне. — Посмотри-ка сюда, Дэн.

Я посмотрел. Он держал палец на строчке с фамилией Дэвис. Сверху донизу страница была заполнена колонками с фамилией Дэвис. А на том месте, куда указывал Чак, располагалась дюжина Д. Б. Дэвисов — от Дабни до Дункана. Там было и три Дэниела Б. Дэвиса. Один из них — я.

— И это из неполных семи миллионов человек, — заметил он. — Не хочешь ли попытать удачи среди остальных двухсот пятидесяти миллионов?

— Ничего это не доказывает, — попытался возразить я.

— Правильно, — согласился он. — Просто немыслимое совпадение, если случилось так, что два инженера с одинаковыми способностями работали над одним и тем же проектом в одно и то же время, да еще фамилии и инициалы у них совпали. На основе законов статистики можно, пожалуй, определить степень вероятности такого совпадения. Но люди, особенно те, кому вроде тебя положено знать такие вещи, забывают, что законы статистики имеют обратную силу — любое, даже самое невероятное совпадение может произойти. Здесь как раз тот самый случай. Мне такой вывод больше по душе, чем версия о том, будто у моего собутыльника винтиков не хватает. Тем более что хорошего собутыльника не так легко найти.

— И что, по-твоему, я должен делать?

— Во-первых, не тратить время и деньги на психиатра, а попытаться сделать «во-вторых». Во-вторых, надо узнать полное имя этого «Д. Б. Дэвиса», который подал заявку на патент. Есть довольно простой способ. Скажем, имя инженера — Декстер. Или даже Дороти. Но не падай духом, если окажется, что его зовут Дэниел, потому что среднее имя может оказаться — Березовски и номер социальной страховки у него другой. И в-третьих, а по сути во-первых, наплюй на все и закажи еще по кружке.

Так я и поступил. Потом мы говорили на другие темы; в частности, речь зашла и о женщинах. У Чака имелась теория, что женщины сродни механизмам, но их поведение

абсолютно не поддается логике. Свои рассуждения он подтверждал графиками, рисуя их на мокром от пива столе.

Послушав его некоторое время, я вдруг, неожиданно для себя самого, сказал:

— Если бы действительно существовало путешествие во времени, я знал бы, что мне делать.

— А? Ты о чем?

— Да о своей проблеме. Слушай, Чак, я попал сюда — имею в виду в «настоящее», — путешествуя во времени, но каким-то несовершенным способом. Беда в том, что я не могу вернуться обратно. Все, что меня беспокоит, произошло тридцать лет тому назад. Если вернуться и докопаться самому до истины... Если б существовала такая вещь, как настоящее путешествие во времени!

Он уставился на меня не мигая:

— Но оно существует.

— Что?!

Он мгновенно протрезвел:

— Мне не следовало говорить это.

— Может, и не следовало, но ведь ты уже сказал. А теперь выкладывай-ка лучше, что ты имел в виду, пока я не вылил пиво из кружки тебе на голову.

— Забудь, Дэн. Я оговорился.

— Нет, выкладывай!

— А вот этого я как раз и не могу. — Он огляделся вокруг. Возле нас никого не было. — Это засекречено.

— Путешествие во времени засекречено? Господи, но почему?

— Черт ты возьми, парень, ты что, никогда не работал на правительство? Будь их воля, они бы и секс засекретили. И безо всякой причины — такова их политика. Но то, о чем ты спрашиваешь, засекречено, и я давал подписку. Так что отвязись!

— Но... Брось трепаться, Чак, для меня это важно. Жутко важно.

Он упрямо молчал.

— Мне ты можешь сказать. Черт побери, да у меня самого был допуск «кью». И никогда меня допуска не лишали, хотя потом я и не работал на правительство.

— А что такое допуск «кью»?

Я пустился в объяснения. Наконец он одобрительно кивнул:

— Ты имеешь в виду форму допуска «альфа». Ты, видно, был крутой парень! Я-то заслужил только форму «бета».

— Тем более почему бы тебе не рассказать?

— Хм... Сам знаешь почему. Хотя у тебя и высокий уровень допуска, нужно еще и спецразрешение.

— Черта с два! Я только и делал, что пользовался таким разрешением. — Видя, что он, скорей всего, так и не решится продолжать, я раздраженно заметил: — Не думаю, что такое вообще возможно. Похоже, тебе просто пиво в голову ударило.

Он с торжественным видом уставился на меня, а затем произнес:

— Дэнни...

— Ну?

— Тебе я расскажу. Но не забывай, что значит допуск «альфа», парень. Да, я расскажу тебе, поскольку тем самым никому не причиню вреда. Но хочу предупредить: вряд ли этим можно воспользоваться для решения твоей проблемы. Да, правильно, это путешествие во времени, но оно неприменимо на практике. И ты не сможешь им воспользоваться.

— Но почему?

— Не торопи меня, ладно? Они не смогли устранить главную проблему и никогда не смогут — это теоретически невозможно. Это не представляет никакой практической ценности, даже для исследователей; просто побочный продукт при разработке нульграва — потому-то оно и засекречено.

— Какого черта, нульграв ведь рассекретили!

— И что с того? Если б путешествию во времени нашли коммерческое применение, гриф секретности тоже сняли бы. Заткнись и не перебивай.

Увы, я не внял его просьбе. Но лучше я передам его рассказ без моих замечаний.

Когда Чак учился на последнем курсе Колорадского университета — в Боулдере, — он подрабатывал лаборантом. Там у них была большая лаборатория криогеники, и он начинал в ней. Но университет заключил с Министерст-

вом обороны выгодный контракт на разработку, связанную с эдинбургской теорией поля, выстроил новую физическую лабораторию в горах, далеко от города, и Чака перевели туда. Завлабом был профессор Твитчел, доктор Хьюберт Твитчел, человек, который просто упустил Нобелевскую премию и по этому поводу сильно злобствовал.

— Твитчел решил попробовать поляризовать гравитационное поле по другой оси, — рассказывал Чак. — Он думал, что тогда поле не обнулится, а развернется в обратную сторону. Ничего не произошло. Тогда он ввел все данные по опыту в компьютер. Тот выдал в ответ такое, что у Твитчела глаза на лоб полезли. Мне, конечно, он ничего не сказал. Тогда он положил в испытательную камеру два серебряных доллара — они в то время были еще в ходу — и велел мне пометить их. Затем он нажал кнопку реле — и они исчезли. Так себе трюк, — продолжал Чак. — Похорошему ему бы следовало еще и достать эти доллары из ушей у парнишки, добровольно полезшего на сцену из зала, где давалось представление. Но его, похоже, вполне удовлетворила и первая часть фокуса, да и меня тоже — платили-то мне повременно.

Спустя неделю один из этих кругляков появился вновь. Но только один. А несколькими днями раньше, когда шеф уже ушел, а я прибирался в лаборатории, в испытательной камере появилась морская свинка. Раньше я ее не видел, да у нас в лаборатории их и не было, так что я занес ее в биолaborаторию по дороге домой. Они пересчитали свое хозяйство, но у них нехватки не обнаружилось, хотя морские свинки плодятся чуть не каждую минуту, поди подсчитай точно. Я прихватил ее с собой, и она стала жить в моей комнате.

После того как единственный серебряный доллар вернулся, Твитчел принялся так вкалывать, что забывал бриться. В следующий раз он поместил в испытательную камеру двух свинок из биолaborатории. Одна из них показалась мне ужасно знакомой, но я не успел ее рассмотреть как следует — он нажал волшебную кнопку, и они обе исчезли.

Когда дней через десять одна из них — та, что была мне незнакома, — вернулась, Твитчел понял, что добился нужного результата. Затем появился университетский воен-

пред от Министерства обороны — штабного вида полковник, он был когда-то профессором... ботаники. Очень воинственный тип... Твитчел его презирал. Этот полковник заставил нас дать сверхсекретную клятву вдобавок к нашим «статусным» допускам. Он, похоже, возомнил, будто имеет дело с величайшим открытием в области военной логистики, с тех пор как Цезарь изобрел копирку. Замысел этого стратега сводился вот к чему: можно было бы изменить ход проигранных сражений или спасти положение еще не проигранных, направляя с помощью установки Твитчела дивизии на подмогу; противник же так никогда и не разобрался бы, что произошло. Он, конечно, был с большим приветом... и так и не получил вожделенной звезды на погоны. А все, что касалось работы лаборатории, с тех пор отмечено грифом «Сверхсекретно». Насколько я знаю, материалы эти до сих пор не рассекречены.

— Отчего же, мне кажется, что такое открытие могло бы найти применение и в военном деле, — заспорил я, — если только найти инженерное решение проблемы переброски во времени дивизии солдат. Нет, погоди... Ага, понял, в чем дело, у вас же всегда были пары. Тогда потребовалось бы две дивизии? Одну надо направить во времени вперед, другую — назад. То есть одной дивизии придется лишиться полностью... Думаю, правильнее было бы временно направлять дивизию туда, где она требуется.

— Ты прав, но доводы приводишь неверные. Совсем не надо использовать две дивизии, двух морских свинок или вообще пару предметов. Просто массы должны быть одинаковыми. Можно взять дивизию солдат и кучу камней того же веса. Как гласит третий закон Ньютона, «действие равно противодействию». — Он опять принялся рисовать пальцем по мокрой от пива поверхности стола. — Произведение массы на скорость равно: $MV = mv$... основная формула космических полетов. Сходная формула путешествия во времени — произведение массы на время равно: $MT = mt$.

— Так в чем задержка? Камней не хватает?

— Пораскинь мозгами, Дэнни. Скажем, ракета движется к какой-нибудь определенной цели. А в каком направлении движется прошлая неделя? Покажи-ка мне, попробуй, ну? И ты не будешь иметь ни малейшего представле-

ния, какая из них летит в будущее, какая — в прошлое. Способа ориентировать установку не существует.

Я умолк. Можно представить себе состояние полковника, ожидавшего свеженькую дивизию, а вместо нее получившего гору щебня... Немудрено, что бывший профессор так никогда и не дослужился до бригадного генерала.

Между тем Чак продолжал:

— Представь себе две эти массы в виде пластин конденсатора, несущих один и тот же временной заряд. Потом пластины разряжаются по затухающей кривой, то есть фактически по вертикали, и — вжик! Одна из них отправляется в середину будущего года, другая — в глубь веков. Но какая из них куда направилась — никто никогда не узнает. Ну а самое худшее, что вернуться обратно ты уже не сможешь.

— Хм... Кому охота возвращаться?

— Слушай, тогда в чем смысл всей затеи, если ты не можешь вернуться? Какая польза для науки или коммерции? Все затраты ни к чему, если ты не сможешь связаться из времени, куда ты попадешь, с настоящим. Да и оборудования пока такого нет — оборудования и энергии. Мы пользовались атомным реактором. Дороговато... Это еще один недостаток.

— Обратно-то попасть можно, — напирал я. — С помощью «холодного сна».

— Хм... если попадешь в прошлое. А очутись ты в будущем? Ведь предугадать невозможно. И если в прошлом, куда ты попадешь, уже знают, как погружать в «холодный сон»... то есть надо угодить в послевоенное время. Но какой в том толк? Если тебя интересует, что произошло, скажем, в году тысяча девятьсот восьмидесятом, спроси у кого-нибудь из стариков или полистай подшивки газет. Эх, был бы способ попасть в прошлое и сфотографировать распятие Христа... Но такого способа нет. Просто невозможно. Ты не только не сможешь вернуться обратно, но пока на Земле нет достаточного количества энергии для таких путешествий. Тут действует свое правило обратных квадратов.

— И тем не менее должен же был кто-то попробовать, черт возьми! Неужели никто не путешествовал во времени — просто из любопытства?

Чак опять огляделся:

— Я и так наговорил слишком много.

— Скажи еще, хуже не станет.

— Предполагаю, что три человека попробовали. Предполагаю. Один из них — преподаватель. Я был в лаборатории, когда Твитчел привел этого Лео Винсента. Твитчел сказал, что я могу идти домой. Я еще потолкался в лабораторном корпусе и видел, как немного погодя Твитчел вышел, но без Винсента. Насколько я понимаю, он все еще где-то там. После этого он, конечно, у нас больше не преподавал.

— А двое других?

— Студенты. Они зашли в лабораторию втроем, вышел только Твитчел. Один из них был на занятиях уже на следующий день, другой пропадал целую неделю. Так что соображай сам, что к чему.

— Самого-то никогда не тянуло?

— Меня? Я что, похож на ненормального? Твитчел-то считал, что это мой долг — добровольно пойти на это в интересах науки. Я ответил: спасибо, нет. Я лучше пойду пивка попью... И еще сказал, что если он сам надумает, то я с радостью нажму для него кнопку пуска. Он мой вызов не принял.

— А я бы попытал счастья. Узнал бы все, что меня беспокоит, а потом вернулся бы, опять погрузившись в «холодный сон». Овчинка стоила бы выделки.

Чак глубоко вздохнул:

— Хватит с тебя пива, друг мой. Ты уже пьян. Ты меня совсем не слушал. Первое, — он нарисовал галочку на мокром столе, — где гарантия, что ты попадешь в прошлое? Вместо того ты можешь очутиться в будущем.

— Рискнул бы все равно. Что ж, настоящее мне нравится больше, чем прошлое. Возможно, через тридцать лет мне еще больше понравилось бы.

— Ладно, тогда ложись в Долгий Сон — так хотя бы безопаснее. Или просто сядь и тихонько жди, пока будут бежать годы; я лично так и собираюсь поступить. Но только прекрати меня перебивать. Второе — если ты все-таки окажешься в прошлом, вполне возможно проскочить тысяча девятьсот семидесятый год просто из-за допустимого от-

клонения. Я знаю, что Твитчел палил наугад; не думаю, что аппаратура у него откалибрована. Правда, я-то не в курсе, поскольку был мальчиком на побегушках. Третье — лабораторию построили в тысяча девятьсот восьмидесятом году, а раньше на этом месте была сосновая роща. Предположим, ты вернешься за десять лет до того, как лаборатория была построена, и угодишь внутрь сосны. Вот уж рванет, не хуже кобальтовой бомбы! Только ты об этом уже никогда не узнаешь.

— Но... Кстати, почему надо обязательно очутиться возле лаборатории? Почему не где-то в открытом космосе, на том месте, где когда-то стояла лаборатория?.. Я имею в виду — где она была... или, точнее...

— Да ничего ты не имеешь в виду. Ты окажешься на Земле и на том же самом месте по широте и долготе. За математику не беспокойся, просто помни, что произошло с морской свинкой. Но если окажешься в прошлом, до того как выстроили лабораторию, можешь очутиться в дереве. Четвертое — как ты сможешь добраться до настоящего, если ляжешь в «холодный сон», даже при условии, что все сойдет нормально?

— Однажды я прошел через это, пройду и во второй раз.

— Понятно. Но чем ты будешь расплачиваться?

Я открыл было рот, чтобы ответить, да так и остался сидеть. Чак поверг меня в полное замешательство. Когда-то у меня водились деньги, теперь их больше нет. Даже то, что я скопил (а этого едва ли хватило бы!), нельзя было взять с собой. Черт, если б даже я ограбил банк (искусство, совершенно мне незнакомое) и взял целый миллион — в 1970 году я не смог бы его потратить. Просто-напросто загремел бы в тюрьму за попытку сбыта подозрительных денег. У них даже форма изменилась, не говоря уж о серийных номерах, датах, цвете и дизайне.

— Может, я там скоплю кое-что.

— Молодчина. А пока накопишь, ты, скорее всего, снова окажешься здесь и сейчас без особых усилий... только без зубов и волос.

— Ладно, ладно. Давай-ка вернемся к твоему последнему пункту. Скажи, слышал ли ты когда-нибудь о взрыве на том месте, где стояла лаборатория?

— Да нет вроде.

— Значит, я не вмажусь в дерево, потому что уже не вмазался. Дошло?

— Это до тебя еще не дошло. Старый парадокс, меня на нем не купишь. Я думал о теории времени, и, пожалуй, побольше твоего. Ты начал не с того конца. Никакого взрыва не было и ты не вмажешься в дерево, потому что ты никогда не совершишь этот прыжок. До тебя дошло?

— Но предположим, я его совершил?

— Исключено. Потому что есть еще и пункт пять. Против него тебе крыть нечем, так что вникай. Тебе не удастся совершить такой прыжок, потому что все, о чем мы говорим, засекречено, тебе просто не позволят. Так что давай забудем об этом, Дэнни. Мы провели вечер за умной и содержательной беседой, а утром... утром за мной придут из ФБР. Давай-ка выпьем еще по одной, а в понедельник — если не сяду в тюрьму — я позвоню главному инженеру «Аладдина» и выясню, как зовут того, другого Д. Б. Дэвиса, кто он сейчас или кем был раньше. Может, он до сих пор там работает, а если так, мы с ним поужинаем и поговорим о наших делах. А еще я хочу познакомить тебя со Шпрингером, генеральным директором «Аладдина», он отличный парень. И забудь ты про эту чушь с путешествиями во времени: они никогда не доведут их до ума. Лучше б я тебе ничего не говорил... а если ты на меня сошлешься, я сделаю квадратные глаза и скажу, что ты врешь. Мой допуск может мне когда-нибудь пригодиться.

Мы выпили еще по кружке. Дома, приняв душ и избавившись от излишков пива в организме, я пришел к выводу, что Чак прав. От путешествия во времени мне будет такая же польза, как от гильотины при лечении головной боли. А главное, Чак выяснит все, что мне нужно, у мистера Шпрингера между салатом и закусками — без суеты, без затрат и без риска. И к тому же мне нравится год, в котором я живу.

Забравшись в кровать, я протянул руку и взял со столика скопившиеся за неделю газеты. Теперь, когда я стал солидным гражданином, каждое утро пневмопочта доставляла мне «Таймс». Я редко брался за газету: когда моя голова

занята решением инженерных проблем (а это было практически постоянно), вся эта чепуха меня либо раздражает, либо нагоняет скуку, либо, что еще хуже, настолько интересна, что отвлекает мой мозг от настоящего дела.

И все-таки я никогда не выбрасывал газету, не просмотрев прежде заголовки и не заглянув в колонку демографической статистики. В ней меня интересовали не рождения, смерти или свадьбы, а только «возвращения» людей из «холодного сна». У меня было предчувствие, что однажды я встречу чье-нибудь знакомое имя. Я бы зашел к нему, поприветствовал, поинтересовался, не нужна ли моя помощь. Конечно, это было почти невероятно, но я продолжал читать колонку, и делал это с удовольствием.

Наверно, подсознательно я считал всех остальных «спящих» своими родственниками. Так мы считаем приятелями всех, с кем служили в одной роте, — приятелями в том смысле, что, встретившись, можно вместе пропустить стаканчик.

В газетах я не нашел ничего достойного внимания, если не считать извещения о пропавшем по пути на Марс космическом корабле; это сообщение вряд ли можно было назвать новостями — скорее печальным фактом их отсутствия. Не обнаружил я и старых друзей среди недавно пробужившихся «спящих». Я откинулся на подушку и подождал, пока потухнет свет.

Часа в три ночи меня словно подкинуло в постели — я сел, и свет начал загораться. Я ошалело мигал, еще не придя в себя ото сна. Мне приснился страшный сон, почти кошмар: будто, просматривая газеты, я пропустил имя маленькой Рикки.

Я знал, что такого быть не могло, и все-таки с облегчением увидел стопку газет за неделю на столике у кровати. Я вполне мог скомкать их и выбросить в мусоропровод, как делал частенько. Я перетащил их на кровать и принялся перечитывать демографические колонки. На этот раз я читал все подряд — «рождения», «смерти», «свадьбы», «разводы», «усыновления» и «смена фамилии», «исходы» и «возвращения». Мне пришло в голову, что, пока я про-

смастривал единственный интересовавший меня раздел, мой взгляд бессознательно отметил имя Рикки в другой колонке, случайно попавшей в поле зрения. Возможно, Рикки вышла замуж, завела ребенка или что-то еще.

И я едва не пропустил то, что вызвало мой мучительный сон. Это было в «Таймс» за 2 мая 2001 года, среду. В списке «возвратившихся» во вторник: «Риверсайдский храм... Ф. В. Хайнике».

Ф. В. Хайнике!

Хайнике — фамилия бабушки Рикки... Я знал это. Знал наверняка! Не знаю почему, но знал. Она хранилась где-то в тайниках памяти и моментально всплыла, стоило мне увидеть ее напечатанной. Может, я слышал ее когда-то от Рикки или Майлза; возможно, даже встречал саму старушку в Сандиа. Как бы то ни было, имя, увиденное в «Таймс», активировало забытый фрагмент информации в моем мозгу, и тогда я вспомнил.

Но мне все-таки нужны были неопровержимые доказательства. Я должен быть уверен, что «Ф. В. Хайнике» означает «Фредерика Хайнике».

Меня трясло от возбуждения. Позабыв о новых, так хорошо усвоенных правилах, я, вместо того чтобы соединить швы, пытался застегнуть их на несуществующую молнию. Тем не менее спустя несколько минут я уже был внизу, в вестибюле, где находилась телефонная кабинка. В комнате у меня телефона не было: моя очередь на установку еще не подошла. Потом мне опять пришлось подняться в комнату — за кредитной телефонной карточкой: я, похоже, здорово был выбит из колеи.

Руки у меня так дрожали, что я никак не мог всунуть карточку в щель... Наконец мне это удалось, и я вызвал «Сервис».

— Назовите нужный адрес.
— Мне нужен Риверсайдский храм. Район Риверсайд.
— Ищем... соединяем... номер свободен. Вызываем абонента.

Наконец экран вспыхнул, с него на меня сердито уставился пожилой мужчина:

— Должно быть, вас неправильно соединили. Здесь храм. Мы ночью закрыты.

— Пожалуйста, не отключайтесь, — попросил я. — Если это Риверсайдский храм, то именно вы мне и нужны.

— Ну и что вам нужно? В такое-то время?

— У вас есть клиент, Ф. В. Хайнике — она только что «вернулась». Я хотел бы узнать...

Он покачал головой:

— По телефону мы справок о наших клиентах не даем. А уж тем более посреди ночи. Вам лучше позвонить утром, после десяти. А еще лучше подъехать.

— Непременно, непременно. Скажите только одно — что означают инициалы «Ф. В.»?

— Я же сказал вам...

— Пожалуйста, послушайте. Я спрашиваю не из праздного любопытства — я сам «спящий»... храм «Соутелл», только недавно выписался. Так что мне все известно о сохранении «тайны родственных связей» и так далее. Вы уже опубликовали в газете имя и фамилию этого клиента. Мы оба прекрасно знаем, что храмы сообщают в редакции полные имена «возвращающихся», но газеты, чтобы сэконо-
мить место, печатают только инициалы. Верно?

Он немного поразмыслил.

— Вполне возможно.

— Так, значит, не будет ничего предосудительного в том, если вы скажете мне, что означают инициалы «Ф. В.»?

На этот раз он медлил дольше.

— Пожалуй, что ничего. Если это все, чего вы требуете. Но больше я вам ничего не скажу. Ждите.

Он исчез с экрана. Мне показалось, что прошел целый час, пока он появился опять с карточкой в руке.

— Здесь темновато, — пробурчал он, вглядываясь в написанное. — Френсис... нет, Фредерика. Фредерика Вирджиния.

В ушах у меня зазвенело, и я едва не потерял сознание.

— Слава богу!

— Вам плохо?

— Нет-нет, спасибо вам! Сердечное спасибо! Да. Со мной все в порядке.

— Гм... Думаю, беды не будет, если вы узнаете еще кое-что. Возможно, это избавит вас от поездки сюда. Она уже выписалась.

Я мог бы сэкономить время и добраться до района Риверсайд на такси, но у меня кончились наличные. Я жил в Западном Голливуде, а ближайший банк, работавший круглосуточно, находился в центре, на Большом кольце движущихся дорог. Поэтому сначала я встал на дорожку, добрался до центра и зашел в банк. Здесь я впервые смог оценить достоинство единой системы чековых книжек. Благодаря единому городскому кибернетическому расчетному центру и радиоактивному коду на моей чековой книжке я получил наличные так же быстро, как в своем банке, что напротив «Горничной, инкорпорейтед».

Затем я воспользовался экспресс-полосой до Риверсайда. Когда я добрался до храма, уже рассвело.

Там не было никого, кроме ночного дежурного, с которым я говорил по видеотелефону, и его жены, ночной сестры. Боюсь, выглядел я нелучшим образом: небритый, с запахом перегара и блуждающим взглядом. К тому же я еще не придумал сколько-нибудь правдоподобной истории. Тем не менее миссис Ларриган, ночная сестра, отнеслась ко мне с сочувствием и заботой. Она вынула фотографию из дела и спросила:

— Это она, ваша кузина, мистер Дэвис?

Да, это была Рикки. Без сомнения, это была она! О нет, не та Рикки, которую я знал, не маленькая девочка, но вполне зрелая молодая женщина лет двадцати или чуть постарше, со взрослой прической и очень красивым взрослым лицом. И она улыбалась.

Но ее глаза остались прежними, и неподвластное времени очарование маленького эльфа, каким она была когда-то, все еще оставалось на ее лице. Это было ее лицо, повзрослевшее, цветущее, но прекрасно узнаваемое.

Изображение расплылось — мои глаза наполнились слезами.

— Да, — выдавил я из себя. — Да, это Рикки.

— Не следовало бы тебе показывать фотографию, Нэнси, — укоризненно сказал мистер Ларриган.

— Фу, Хэнк! Что за беда, если я и показала ему фото?

— Ты же знаешь правила. — Он повернулся ко мне. — Мистер, я же сказал вам по телефону, что справок о клиентах мы не даем. Приходите сюда в десять часов, когда откроется офис.

— А то возвращайтесь к восьми, доктор Бернстайн уже будет здесь, — добавила его жена.

— Помолчала бы ты, Нэнси. Если хочет навести справки, пусть идет к директору. Будто у Бернстайна других дел нет, как отвечать на вопросы. К тому же она не его пациентка.

— Хэнк, не лезь в бутылку. Ты просто обожаешь правила ради правил. Если он торопится повидать ее, ему надо быть к десяти в Броули. — Она ободряюще улыбнулась мне. — Приходите лучше к восьми. Мы с мужем действительно не можем вам ничего такого сказать.

— А что насчет Броули? Она что, поехала в Броули?

Может, если б рядом не было мужа, она сказала бы больше. Она замялась, перехватив его строгий взгляд.

— Зайдите к доктору Бернстайну. Если вы не завтракали, тут поблизости есть воистину чудесное местечко.

Я зашел в это «воистину чудесное местечко» (оно и вправду оказалось чудесным), перекусил и купил в автоматах тюбик крема «Брадобрей» и свежую рубашку. Зайдя в туалет, сменил рубашку, выбросив старую, и с помощью крема удалил выросшую за ночь щетину. Когда я вернулся в храм, то выглядел уже вполне прилично.

Но Ларриган, похоже, успел шепнуть обо мне доктору Бернстайну. Доктор был молод — видно, проходил при храме ординаторскую практику. Со мной он говорил довольно жестко.

— Мистер Дэвис, вы утверждаете, что сами были «спящим». Вы должны, естественно, знать, что есть преступники, которые охотятся за только что пробудившимися «воскресшими», чтобы воспользоваться их легковерием и дезориентацией. Большинство «воскресших» владеют значительными состояниями, после пробуждения они не понимают, где оказались, одинокие и немного испуганные, — идеальная жертва для всяких мошенников.

— Но все, что я хочу узнать, — куда она уехала! Я ее двоюродный брат. И я лег в «холодный сон» раньше ее и не знал, что она тоже собирается лечь!

— Вот и преступники, как правило, заявляют, что они родственники. — Он пристально взглянул на меня. — Я не мог вас видеть прежде?

— Сильно сомневаюсь. Разве что сталкивались где-нибудь в центре. — Всем всегда кажется, что они видели меня раньше. Лицо у меня принадлежит к одному из «двенадцати стандартных типов»; уникальности в нем не больше, чем у горошины в стручке. — Доктор, почему бы вам не позвонить насчет меня доктору Альбрехту в Соутелльский храм и все выяснить?

Он оставался непреклонным.

— Вам надо прийти еще раз и повидать директора. Может, он и позвонит в Соутелльский храм... или в полицию — куда сочтет нужным.

С тем я и ушел. Потом я, наверно, совершил ошибку. Вместо того чтобы вернуться и, вполне возможно, получить у директора точные сведения (заручившись поручительством доктора Альбрехта), я схватил воздушное такси и помчался прямо в Броули.

Там у меня ушло три дня, чтобы обнаружить след Рикки. Да, действительно, и Рикки, и ее бабушка жили там — выяснил я это быстро. Но бабушка умерла двадцать лет назад, а Рикки легла в «холодный сон». В Броули всего каких-то сто тысяч населения — не то что в семимиллионном Большом Лос-Анджелесе, так что найти архивы двадцатилетней давности было несложно. Гораздо проблематичнее оказалось обнаружить след недельной давности.

И часть проблемы была в том, что Рикки кто-то сопровождал, тогда как я искал одинокую молодую женщину. Когда я узнал, что сопровождал ее мужчина, то первой мыслью было: она попала в руки одного из мошенников, о которых мне рассказывал доктор Бернстайн. Тут я с удвоенной энергией продолжил поиски. Но взял ложный след, и тот привел меня в Кейликсико; тогда я вернулся в Броули, начал все сначала и проследил их путь до Юмы.

В Юме я прекратил преследование, так как узнал, что Рикки вышла замуж. А то, что я увидел в книге регистра-

ций браков в мэрии, настолько меня потрясло, что я тут же бросил все и прыгнул в самолет, летящий в Денвер, задержавшись только для того, чтобы послать открытку Чаку с просьбой выгresti все из моего стола в конторе и переправить мне на квартиру.

В Денвере я задержался ровно столько, сколько потребовалось на посещение магазина, поставлявшего стоматологическое оборудование и материалы. Я не был в Денвере с тех пор, как он стал столицей, — после Шестинедельной войны мы с Майлзом поехали прямо в Калифорнию. Теперь город меня потряс, я даже не мог отыскать Колфакс-авеню. Все объекты, имевшие хоть малейшее значение для правительства, были, как я понял, упрятаны вглубь Скалистых гор. Если так, то незначительных объектов на поверхности, по-видимому, оставалось больше чем достаточно — народу здесь было не меньше, чем в Большом Лос-Анджелесе.

В магазине я купил десять килограммов золота, изотоп 197 в виде проволоки четырнадцатого размера¹. Я заплатил восемьдесят шесть долларов десять центов за килограмм, что, несомненно, дороговато, так как килограмм технического золота стоил долларов семьдесят. Эта покупка нанесла ощутимый удар по моим сбережениям — а у меня всего-то и было 1000 долларов. Но техническое золото поступало либо с примесями, не встречавшимися в природе, либо — в зависимости от дальнейшего применения — содержащим изотопы 196 или 198. Мне же нужно было чистое золото, неотличимое от золота, добытого из обычной руды, и мне совсем не хотелось, чтобы оно прожгло мои штаны, если я буду носить его на теле, — доза, которую я схватил в Сандиа, внушила мне здоровое уважение к радиации.

Я обмотал золотую проволоку вокруг талии и отправился в Боулдер. Около десяти килограммов весит хорошо набитая сумка для поездки на выходные за город, а такого же веса слиток золота занял бы места не больше, чем литровая бутылка молока. Но золотая проволока — не то что золото

¹ Диаметр 1,63 мм.

в слитке: носить такой «поясок» я бы никому не советовал. Правда, тащить с собой слитки еще более неудобно, а так золото всегда было при мне.

Доктор Твитчел все еще жил в Боулдере, хотя уже не работал, — он был заслуженный профессор в отставке и большую часть времени проводил в баре при факультетском клубе. Чужих туда не пускали, и я потратил четыре дня, пока поймал его в другом баре. И оказалось, что он не прочь выпить на дармовщинку.

Это был персонаж в духе классических древнегреческих трагедий: великий человек — больше чем великий, — потерпевший поражение. По праву он должен был стоять в одном ряду с Эйнштейном, Бором и Ньютоном, но вышло так, что только парочка специалистов в области теории поля понимали значение его работ. А теперь, когда я с ним встретился, его блестящий ум притупился с годами, был отравлен ядом разочарования, затуманен алкоголем. Сходное чувство испытываешь, когда видишь руины некогда величественного храма: обрушившаяся внутрь кровля, половина колонн повалена, все заросло диким виноградом.

Тем не менее башка и теперь у него варила получше, чем у меня в молодости. На что моей головы хватает, так это на то, чтобы опознать гения, если доведется его встретить.

Когда я впервые подошел к столику, за которым сидел Твитчел, он поднял голову, взглянул прямо на меня и сказал:

— Опять вы!

— Извините?

— Разве вы не учились у меня?

— Да нет, сэр. Никогда не имел чести. — Обычно, когда кто-то говорит, что встречал меня раньше, я отрицаю, и довольно грубо. Тут я решил воспользоваться, если получится, удобным поводом для знакомства. — Вы, наверно, приняли меня за моего двоюродного брата, профессор. Он поступил в восемьдесят шестом и одно время учился у вас.

— Возможно. По какому предмету он специализировался?

— Ему пришлось бросить занятия, сэр, диплома он так и не получил. Но он был большим вашим поклонником. И при каждом удобном случае упоминает, что учился у вас.

Стоит похвалить ребенка — и вы наверняка подружитесь с матерью; вот и доктор Твитчел после моих слов предложил мне присесть и даже позволил заказать для него выпивку. Самой большой слабостью этого славного старичка было его профессиональное тщеславие. Четыре дня не прошли даром: до того как мне удалось завязать с ним знакомство, я собрал о нем кое-какие сведения в университетской библиотеке. Теперь я знал, какие он написал работы, куда их представлял, каких степеней и почетных званий был удостоен, автором каких книг являлся. Я даже попытался прочитать одну из его последних публикаций, но она мне оказалась не по зубам, и на девятой странице я застрял, зато набрался в ней кое-каких технических терминов.

Ему я представился ярым поклонником научной мысли, сказал, что в настоящее время собираю материал для книги под условным названием «Невоспетые гении».

— И о чем она будет?

Я смущенно признался, что подумывал начать книгу с очерка о его жизненном пути и популярного пересказа основных работ, при условии если он поступится своей широко известной скромностью. Конечно, мне придется беспокоить его расспросами, так как в основе должен быть фактический материал. Он считал, что все это чушь, и не желал даже думать о такой ерунде. Но я напомнил ему о долге перед будущими поколениями, и он согласился обдумать мое предложение. На следующий день он без обиняков предложил мне написать его биографию и посвятить ей не просто главу, а целую книгу. С этого дня он говорил без остановки, а я все записывал... действительно записывал. Дурачить его я не осмелился: время от времени он прерывал свой рассказ и просил почитать, как получилось. Но о путешествии во времени он не упоминал. Наконец я не выдержал:

— Профессор, правда ли, что, если б не некий полковник, одно время прикомандированный к университету, вам ничего не стоило получить Нобелевскую премию?

Три минуты подряд он замысловато ругался.

— Кто вам о нем рассказал?

— Видите ли, профессор, когда я собирал материал для статьи о Министерстве обороны... я ведь, кажется, упоминал об этом?

— Нет.

— Так вот, собирая тот материал, я услышал всю вашу историю от одного доктора наук — он консультировал в соседнем отделе. Он прочитал отчет полковника и был совершенно уверен, что, если б вам позволили опубликовать результаты опытов, ваше имя стало бы известно среди физиков...

— Хрмф! Тут он прав!

— Но я понял, что открытие засекречено... по приказу того полковника... как бишь его... Плашботтом.

— Трашботтем¹, сэр. Наглый, напыщенный, надутый недоносок, не способный найти свою шляпу, прибитую гвоздями к его башке. Что стоило бы проделать.

— Мне очень жаль.

— О чем сожалеть, сэр? Что Трашботтем был тупицей? Так в этом виновата природа, а не я.

— Мне очень жаль, что мир так и не узнает об открытии. Я понимаю, вам запретили говорить о нем.

— Кто вам это сказал? Что хочу, то и говорю!

— Я так понял, сэр... со слов моего друга из Министерства обороны.

— Хррмф!

Больше в тот вечер я ничего из него не вытянул. Только через неделю он решил показать мне лабораторию.

Все остальные лаборатории были заняты теперь другими исследователями, но свою темпоральную лабораторию он никому не уступал, хотя и перестал ею пользоваться. Ссылаясь на режим секретности, он запретил даже входить в лабораторию и не позволил демонтировать установку. Когда мы вошли в помещение лаборатории, запах там стоял, как в подвале, не проветриваемом годами.

Он, как всегда, был пьян, но не настолько, чтобы на все наплевать; да и на ногах держался твердо. А пил он как лошадь. Он принялся излагать мне математическое обоснование теории времени и темпоральных перемещений (он никогда не употреблял выражение «путешествие во времени»), но записывать запретил. Впрочем, в записях и так

¹ «Thrushbotham» (англ.) созвучно с «Thrash Bottom» — «надрать задницу».

не было бы смысла, ибо каждое обоснование он предв-
рял словами: «Таким образом, очевидно, что...» — и пере-
ходил к вещам, очевидным только для него и Господа Бо-
га, но ни для кого больше.

Когда он чуть притормозил, я спросил:

— От друга я слышал, что вам так и не удалось откалиб-
ровать установку и поэтому нельзя точно определить ве-
личину темпорального перемещения. Это верно?

— Что? Чушь собачья! Молодой человек, если чего-то
нельзя измерить, то это уже не наука. — Некоторое вре-
мя он клокотал, словно чайник на плите, потом немного
успокоился. — Смотрите сюда. Я покажу вам.

Он отвернулся и принялся налаживать аппаратуру. Все
его оборудование состояло из низкой, помещенной в клет-
ку платформы (он назвал ее «точкой темпоральной фазы»)
и панели управления, которая с равным успехом могла бы
управлять паровым котлом или барокамерой. Оставьте ме-
ня с ней наедине и дайте в ней покопаться — уверен, мне
не составило бы труда разобраться в элементах управления,
но Твитчел довольно резко приказал мне держаться от при-
боров подальше. Еще я заметил восьмиканальный самопи-
сец Брауна, несколько мощных релейных переключателей
и дюжину других знакомых компонентов, но без принци-
пиальной схемы они ни о чем мне не говорили.

Он повернулся ко мне и спросил:

— У вас есть какая-нибудь мелочь в карманах?

Я порылся и вытащил из кармана горсть мелочи.

Он выбрал две новенькие пятидолларовые монеты —
изящные шестиугольники из зеленого пластика, выпущен-
ные в этом году. Лучше б он взял монеты помельче: с день-
гами у меня было туго.

— Есть у вас нож?

— Да, сэр.

— Выцарапайте на каждой свои инициалы.

Я сделал, о чем он просил. Тогда он велел мне положить
монеты рядом на платформу.

— Засеките время. Я установил шкалу перемещения
ровно на неделю плюс-минус шесть секунд.

Я взглянул на часы. Доктор Твитчел начал отсчитывать:

— Пять... четыре... три... два... один... пуск!

Я оторвал взгляд от часов. Монеты исчезли. Мне не пришлось таращить глаза, изображая изумление. Чак рассказывал мне о подобной демонстрации, но видеть такое собственными глазами — совсем другое дело.

— Мы зайдем сюда через неделю и увидим, как одна из монет опять появится на том же месте, — оживленно говорил профессор Твитчел. — А другая... Вы ведь видели их обе на платформе? И сами их туда положили?

— Да, сэр.

— А где я был?

— У пульта управления, сэр.

Он действительно находился в добрых пятнадцати футах от решетки и от пульта не отходил ни на шаг.

— Очень хорошо. Подойдите сюда. — Он полез в карман. — Вот одна из ваших монет. Другую получите обратно ровно через неделю. — Он передал мне зеленую пятидолларовую монету с моими инициалами.

Я ничего не ответил: трудно говорить, если у вас отвисла от удивления челюсть. А он продолжал:

— На прошлой неделе вы своими разговорами задели меня за живое. И в среду я посетил лабораторию, впервые за... да, впервые за последний год. На площадке я нашел эту монету и понял, что произошло... произойдет... и что я опять воспользуюсь установкой. Но до сегодняшнего вечера я еще сомневался, стоит ли вам демонстрировать опыт.

Я повертел монету, разглядывая ее:

— И она была у вас в кармане, когда вы пришли сюда?

— Конечно.

— Но как она могла быть одновременно и в моем и в вашем кармане?

— Милостивый Господи! Человек, не затем ли у тебя глаза, чтобы видеть? А мозг, чтобы мыслить? Вы что, не в состоянии воспринять простой факт только из-за того, что он лежит за пределами вашей скучной реальности? Вы принесли монету сюда в кармане сегодня вечером — и мы ее направили в прошлую неделю. Несколько дней назад я нашел ее здесь. Положил в карман. Принес сюда сегодня вечером. Ту же самую монету... или, чтобы быть точным, более поздний сегмент ее пространственно-временной структуры, но на неделю более старый, на неделю более

изношенный. И какая каналья сможет назвать эту монету «той же самой»? Нельзя же называть взрослого человека ребенком только потому, что тот вырос из ребенка. Он старше.

Я снова взглянул на монету:

— Профессор... забросьте меня на неделю назад.

— Об этом не может быть и речи, — сердито взглянув на меня, ответил он.

— Почему? Разве ваша установка не работает с людьми?

— Что? Конечно, она может работать и с людьми.

— Тогда почему бы не попробовать? Я не из трусливых. Только подумайте, как замечательно это будет выглядеть в книге, если я напишу на основе собственного опыта, что установка перемещения во времени Твитчела действует.

— Вы и так можете писать на основе собственного опыта. Вы только что видели сами.

— Да, — нехотя согласился я. — Но мне могут не поверить. Этот случай с монетами... Я-то видел и верю. Но кто-нибудь из читателей может подумать, что я простофиля, которого вы надули с помощью простого фокуса.

— Какого черта, сэр?

— Именно так они и скажут. Читателей невозможно будет убедить, что я описываю то, что видел своими глазами. Но если бы вы отправили меня всего на неделю назад, то я смог бы написать на основе собственного опыта, как...

— Садитесь. Послушайте, что я вам скажу. — Он уселся, но для меня стула не нашлось, а он, похоже, даже не заметил этого. — Я проводил опыты с людьми, давным-давно. Именно поэтому я и не намерен их когда-нибудь повторять.

— Почему? Они погибли?

— Что? Не говорите ерунды. — Он сердито взглянул на меня и добавил: — Это не для книги.

— Как скажете, сэр.

— Серия предварительных опытов показала, что темпоральное перемещение не причиняет живым существам никакого вреда. Я доверился одному из коллег, молодому человеку, — он преподавал рисование и другие предметы в архитектурном колледже. Он, конечно, был больше инженер-практик, чем ученый, но мне он нравился: у него был

живой ум. Так вот, этот молодой человек — думаю, вреда не будет, если я назову вам его имя: Леонард Винсент, — горел желанием попробовать... попробовать всерьез. Он хотел подвергнуться перемещению на большое расстояние — пятьсот лет. И я не устоял — и позволил ему.

— И что случилось потом?

— Откуда я могу знать? Пятьсот лет — я просто не доживу, чтобы узнать...

— Так вы думаете, что он переместился в будущее?

— Или прошлое. Он мог оказаться и в пятнадцатом веке, и в двадцать пятом. Шансы абсолютно равные. Уравнение процесса неопределенно-симметрично. Иногда я думаю... нет-нет, это просто случайное сходство имен.

Я не стал спрашивать, что он имел в виду, так как внезапно тоже увидел сходство двух имен, и волосы у меня встали дыбом. Но я тут же постарался выкинуть это из головы: у меня хватало своих проблем. Кроме того, случайное сходство и есть случайное сходство: не мог же человек добраться до Италии из Колорадо — по крайней мере, в пятнадцатом столетии.

— Но я принял решение больше не поддаваться на уговоры. Это не наука, если нет результатов опыта, хорошо, если он попал в будущее. Но если он переместился в прошлое... тогда вполне вероятно, что я послал своего друга на верную смерть к дикарям. Или на съедение к диким зверям.

Или, что более вероятно, подумал я, он стал Великим Белым Богом, но высказывать свою мысль не стал.

— Но меня-то не потребуется перемещать так далеко.

— Если вы не возражаете, сэр, давайте не будем больше об этом.

— Как вам угодно, профессор. — Но отступить так просто я не мог. — Гм, могу я кое-что предположить?

— Что? Высказывайтесь.

— Простая репетиция дала бы нам почти тот же результат.

— Что вы имеете в виду?

— Полный прогон, но вхолостую, а все подготавливается в точности так, как если бы вы намеревались переместить живое существо. Я сыграю роль живого существа. Мы

все сделаем один к одному до того момента, когда вам следовало бы нажать вон ту кнопку. Тогда я разберусь в деталях... а пока мне не все ясно.

Твитчел поворчал немного, но чувствовалось, что он сам не прочь похвастаться своей игрушкой. Он взвесил меня, потом подобрал несколько металлических болванок — эквивалент моих ста семидесяти фунтов.

— На этих самых весах я взвешивал и бедного Винсента. Мы вместе перенесли болванки на край платформы.

— Какой временной промежуток мы установим? — деловито спросил он. — Выбирайте, у вас главная роль.

— Вы говорили, что на вашей аппаратуре можно установить время довольно точно?

— Да, сэр, именно так я и сказал. А вы сомневаетесь?

— Нет-нет! Так, дайте подумать. Сегодня у нас двадцать четвертое мая... А что, если на шкале установить, скажем, тридцать один год, три недели, один день, тринадцать минут и двадцать шесть секунд?

— Неудачная шутка, сэр. Когда я говорил «точно», я имел в виду «с точностью до одной стотысячной». У меня не было возможности откалибровать установку до требуемой вами точности — одной девятисотмиллионной.

— О! Вот видите, профессор, насколько важна для меня наша репетиция, — я ведь так мало знаю обо всем этом. Ну, предположим, просто тридцать один год и три недели. Так не слишком точно?

— Нисколько. Максимальное значение ошибки не должно превысить двух часов. — Он принялся налаживать аппаратуру. — Можете занять место на платформе.

— И это все?

— Да. Остается подключить более мощную систему снабжения электроэнергией. Напряжение от сети, которое я использовал в опыте с монетами, для вашего перемещения не годится. Но поскольку мы не собираемся никого перемещать, то вопрос об энергоснабжении не имеет значения.

Я был разочарован и не скрывал этого.

— Выходит, у вас нет всего необходимого для такого перемещения? Вы просто теоретизировали?

— К черту, сэр! Я вовсе не теоретизировал!

— Но если у вас нет достаточного количества энергии...

— Будет и энергия, если вы так настаиваете. Подождите.

Он направился в дальний угол лаборатории к телефону. Аппарат, должно быть, висел здесь со дня основания лаборатории, — с тех пор как я проснулся, мне подобная модель не встречалась. Последовал короткий разговор с ночным диспетчером университетской подстанции: профессор легко обходился без ненормативной лексики; как настоящий мастер слова, он мог быть более язвительным, употребляя и обычные выражения.

— Меня совершенно не интересует ваше мнение, уважаемый. Перечитайте свои инструкции. Вы подключите лабораторию, когда мне понадобится. Вы что, читать не умеете? Может, попросить завтра декана, чтобы он вам прочитал? А? Так вы умеете читать? А писать? Или на этом ваши таланты исчерпаны? Тогда запишите: ровно через восемь минут дать полное напряжение на аппаратуру мемориальной лаборатории Торнтона. Повторите. — Он повесил трубку на место. — Люди, люди!

Он подошел к пульту управления, пошелкал тумблерами и стал ждать. Даже с того места, где я стоял на платформе, можно было видеть, как дрогнули и поползли по шкале стрелки приборов, над пультом загорелась красная лампочка.

— Есть энергия! — объявил профессор.

— И что дальше?

— Ничего.

— Так я и думал.

— Что вы хотите этим сказать?

— То, что сказал. Ничего и не произошло бы.

— Боюсь, не совсем понимаю вас. Надеюсь, что не понимаю. Я имел в виду, ничего не произойдет, если я не замкну пусковой контакт. А замкнул бы, вы бы переместились ровно на тридцать один год и три недели.

— А я говорю, ничего бы не произошло.

Он помрачнел:

— Я думаю, сэр, вы оскорбляете меня намеренно.

— Называйте как хотите. Профессор, я пришел сюда проверить, насколько правдивы удивительные слухи о ва-

шем открытии. Что ж, я проверил. Я увидел пульт с разноцветными огоньками на нем — он был похож на пульт безумного ученого из какого-нибудь спектакля. Я увидел балаганный трюк с парой монет. Между прочим, слабенький трюк — ведь монеты выбирали вы сами и сами объясняли мне, как их помечать; да любой фокусник-самоучка сделает это лучше. Я слышал только разговоры, но слова ничего не стоят. Открытие, на которое вы претендуете, невозможно. Между прочим, в министерстве думают так же. Ваш отчет даже засекречивать не стали, просто подшили в папку курьезов; время от времени они достают его оттуда и дают почитать желающим посмеяться.

Я подумал, бедного старика вот-вот может хватить удар, но мне нужно было сыграть на единственной его чувствительной струне — тщеславии.

— Выходите оттуда, сэр! Выходите! Я вас сейчас изобью. Вот этими самыми руками изобью.

Он разъярился настолько, что действительно мог со мной справиться, несмотря на возраст, вес и состояние здоровья. Но я продолжал его подзадоривать:

— Не пугайте меня, дедуля! И эта дурацкая кнопка меня тоже не пугает. Давай, нажми ее!

Он взглянул на меня, потом на кнопку, но нажать все еще не решался. А я выдохнул со смехом:

— Фуфло это все — так парни мне и сказали. Твитч, ты самодовольный надутый старый жулик, чучело гороховое. Полковник Трашботтем был абсолютно прав.

Это сработало.

10

Когда он врезал по кнопке кулаком, я хотел крикнуть, чтобы он не делал этого. Но было слишком поздно — я уже куда-то проваливался. Помню, я успел подумать, что не надо было мне доводить дело до конца. Я ведь терял все... И замучил до смерти бедного старикана, который не сделал мне ничего плохого... А я теперь даже не знал, куда меня несет... и смогу ли я добраться куда-либо вообще...

И тут я прибыл. Я упал с высоты фута в четыре, но, поскольку не был готов к падению, шлепнулся на землю, как мешок с картошкой.

Затем кто-то спросил:

— Откуда, черт побери, вы взялись?

Я приподнялся и обнаружил, что сижу на гравии, присыпанном сосновыми иголками. Около меня стоял подбочившись мужчина лет сорока, лысый, худощавый, но хорошо сложенный. У него был умный, пронизательный взгляд, приятное выражение лица. Но сейчас он выглядел рассерженным. Рядом с мужчиной стояла симпатичная женщина гораздо моложе его. Она молча, широко раскрытыми глазами смотрела на меня.

— Где я? — глупо спросил я.

Я бы мог спросить: «В когда я?», но это прозвучало бы еще глупее, да я и не подумал о таком вопросе. Одного взгляда на них было достаточно, чтобы с уверенностью сказать — это не 1970 год. Но и в 2001-м я не остался, судя по их внешнему виду. В 2001-м так одевались разве что на пляж. Так что я, похоже, угодил куда-то не туда.

Потому что на этой парочке не было ничего, кроме ровного слоя загара. Ни пуговики, ни стиктайтской ниточки. Но они, видимо, считали, что этого достаточно, и держались вполне непринужденно.

— Давайте по порядку, — возразил он. — Я спросил, как вы сюда попали. — Он взглянул вверх. — Ваш парашют не застрял в ветвях деревьев? В любом случае что вы здесь делаете? Эта территория — частная собственность, там висит объявление. Вы нарушили право владения. И зачем вы вырядились в этот карнавальный костюм?

По-моему, у меня-то с одеждой все было в порядке, особенно если учесть, как они сами были одеты, точнее, как они совсем не были одеты. Но я не ответил: другие времена — другие обычаи. Похоже, здесь меня ожидали неприятности.

Женщина дотронулась до его руки.

— Оставь его, Джон, — мягко сказала она. — Он, кажется, ушибся.

Мужчина повернулся к ней, потом снова бросил на меня вопросительный взгляд:

— Вы ранены?

Я с трудом поднялся на ноги:

— Да нет, пожалуй. Отделался синяками, похоже. Гм, а какое сегодня число?

— Как! Ну, сегодня первое воскресенье мая, а число — третье. Верно, Дженни?

— Да, милый.

— Послушайте, — настаивал я, — я получил сильный удар по голове, у меня все спуталось. Какая сегодня дата? Полная дата, понимаете?

— Как — полная?

Мне бы помалкивать, пока я сам не выяснил, раздобыв календарь или газету. Но ждать было невыносимо, я хотел знать это прямо сейчас.

— Какой сейчас год?

— Ну, братец, видно, тебя здорово садануло. Конечно, тысяча девятьсот семидесятый. — И он снова принялся разглядывать мою одежду.

Трудно передать словами мое облегчение. Я добился, добился, чего хотел! Не опоздал...

— Спасибо, — сказал я. — Огромное спасибо. Вы и представить себе не можете, как я вам благодарен. — Видя, что он все еще колеблется, не позвать ли кого на помощь, я поспешил добавить: — Я подвержен внезапным приступам амнезии. Однажды я потерял пять... целых пять лет.

— Да, вам не позавидуешь, — медленно произнес он. — Вы уже пришли в себя, чтобы ответить на мои вопросы?

— Не приставай к нему, милый, — ласково сказала Джейн. — Похоже, он славный парень и попал сюда по ошибке.

— Посмотрим. Итак?

— Да, со мной все в порядке... сейчас. Но минуту назад у меня спуталось все на свете.

— Ладно. Как вы сюда попали? И почему так одеты?

— Сказать по правде, я и сам не знаю, как здесь очутился. И не имею ни малейшего понятия, где нахожусь. Приступы накатывают всегда так внезапно... А одежда... Можно назвать это причудой. Гм... Вы тоже необычно одеты. Вернее, не одеты совсем.

Он взглянул вниз, на себя, и усмехнулся:

— Ах да. Я вполне осознаю, что то, как мы с женой одеты... точнее, что мы раздеты, потребовало бы объяснений...

при определенных обстоятельствах. Но вместо этого мы бы предпочли получить объяснение от вас. Понимаете, вы нездешний, и не важно, как вы одеты. А мы живем здесь — так, как нам хочется. Эта территория принадлежит Денверскому клубу нудистов.

Джон и Дженни Саттон оказались людьми по-своему утонченными, лишенными предрассудков и дружелюбными. Они были из тех, кого не пугает неожиданный гость: у них для него всегда найдется чашечка чая. Джона явно не удовлетворили мои неуклюжие объяснения, и он все пыривался устроить мне перекрестный допрос, но Дженни сдерживала его. Я твердо держался версии о «внезапных приступах потери памяти» и сообщил, что со вчерашнего вечера, когда был в Денверском Нью-Браун-паласе, ничего не помню. Он выслушал меня и сказал:

— Ну ладно, все это очень интересно, даже увлекательно. Думаю, что кто-нибудь из наших, кто поедет в Боулдер, подбросит вас до города, а оттуда автобусом доберетесь до Денвера. — Он вновь осмотрел меня с ног до головы. — Но если взять вас в клуб, боюсь, что ваше появление вызовет сильное, очень сильное любопытство.

Я взглянул на себя. И почувствовал неловкость оттого, что был одет, а они нет. И при этом неестественно выглядел я, а не они.

— Джон, а не проще ли мне освободиться от одежды?

А что мне было стесняться? Правда, раньше я никогда не посещал лагеря нудистов — просто не видел в них смысла. Но мы с Чаком провели несколько выходных, загораючи нагишом на пляжах в Санта-Барбаре и Лагуна-Бич, но пляж — совсем другое дело.

— Конечно, так будет лучше, — кивнул он.

— Милый, — сказала Джейн, — можно представить его как нашего гостя.

— Верно. Моя единственная и неповторимая, направляй свое прекрасное тело в клуб. Повращайся там среди народа и постарайся, чтобы всем стало известно, будто мы ждем гостя из... Откуда будет лучше, Дэнни?

— Э-э-э... Из Лос-Анджелеса, Калифорния. Я ведь действительно оттуда. — Я чуть не сказал «из Большого Лос-

Анджелеса» и понял, что мне придется следить за своей речью. Не сказать бы «хваталка» вместо «кино».

— Из Лос-Анджелеса. «Дэнни из Лос-Анджелеса» — большего и не требуется. У нас не принято называть друг друга по фамилии, если кто-то сам того не захочет. Итак, сладкая моя, представь дело так, будто всем об этом давно известно. Через полчаса выйдешь к воротам — якобы встретить нас. А сама тем временемхвати мою спортивную сумку и иди сюда.

— А сумка зачем, милый?

— Чтобы спрятать этот маскарадный костюм. Уж очень он необычен... даже для такого любителя причуд, каким нам отрекомендовался Дэнни.

Я поднялся и поспешил скрыться в кустах, чтобы там раздеться. Ведь когда Дженни Саттон нас покинет, у меня не останется оправдания подобной стыдливости. А мне это было необходимо: я не мог раздеться и продемонстрировать золотую проволоку стоимостью в двадцать тысяч долларов по цене 1970 года шестьдесят долларов за унцию, обернутую вокруг моей талии. Много времени раздевание не заняло: вместо корсета я сплел из проволоки пояс, а когда у меня возникли проблемы с тем, чтобы снимать его перед походом в душ и одевать обратно, я сделал на концах двойную петлю и застежку.

Я завернул золото в одежду и постарался не показывать, как тяжел мой узелок. Джон Саттон взглянул на него, но ничего не сказал, а предложил сигарету. Пачку он носил за ремешком на лодыжке. Не думал я, что мне придется повстречать этот сорт сигарет снова!

Я по привычке помахал сигаретой в воздухе, но она не раскурилась. Джон дал мне прикурить.

— Ну а теперь, — заговорил он спокойно, — пока мы одни, вы ничего не хотите сказать мне? Поскольку я собрался поручиться за вас в нашем клубе, я должен быть совершенно уверен, что вы не причините никому никаких неприятностей.

Я затанулся, и в горле у меня запершило.

— Джон, я не причиню вам никаких неприятностей — поверьте, я вовсе не хочу этого.

— Возможно. А если «внезапный приступ»?

Я задумался. Я оказался в совершенно идиотском положении. Он имел право узнать обо мне все. Скажи я правду — он, конечно, не поверит... по крайней мере, я бы на его месте не поверил. Но еще хуже, если он поверит мне, — дело может получить совершенно ненужную мне сейчас огласку. Будь я настоящим, честным, законным путешественником во времени, прибывшим с научными целями, я бы стремился к гласности, предоставил бы неопровержимые доказательства, приветствовал бы любые научные проверки... Но я им не был. А был я сугубо частным лицом и не вполне легальным гражданином, прибывшим с сомнительной целью, которую не собирался афишировать. Я просто тихо искал свою Дверь в Лето.

— Джон, если я скажу вам правду, вы мне не поверите.

— Мм... вероятно. Тем не менее я видел, как с совершенно пустого неба падает человек... ударяется о землю и отделяется легкими ушибами. Он странно одет, он не имеет понятия, куда он попал и какое сегодня число. Дэнни, как большинство из нас, я читал Чарльза Форта¹. Но я никак не ожидал столкнуться с подобным в своей жизни. Раз уж я с этим столкнулся, то не думаю, что объяснение окажется столь же простым, как, скажем, разгадка карточного фокуса. Итак?

— Джон, по некоторым вашим высказываниям... по манере строить фразу я понял, что вы — юрист.

— Да, так оно и есть. Почему вы об этом спросили?

— Могу я сообщить вам сведения, не подлежащие оглашению?

— Хм, другими словами, вы спрашиваете, можете ли стать моим клиентом?

— Если вы так ставите вопрос, то — да. Мне, вероятно, понадобится ваш совет.

— Валяйте. Гарантирую неразглашение.

— Прекрасно. Я — из будущего. Путешествую во времени.

Несколько минут он молчал. Мы лежали, растянувшись на песке, и загорали. Я — чтобы согреться, ибо май в Коло-

¹ Чарльз Форт (1874–1932) — американский писатель, описывавший в своих книгах всевозможные необъяснимые феномены.

радо хоть и солнечный, но прохладный. Джон Саттон, похоже, не обращал внимания на свежий ветерок и размышлял, покусывая сосновую иголку.

— Что ж, вы правы, — наконец сказал он. — Я в это не верю. Давайте лучше придерживаться версии «внезапных приступов».

— Я же говорил, что вы не поверите.

Он вздохнул:

— Скажем так, я не хочу верить. Не хочу верить в духов, в реинкарнацию или в чудеса экстрасенсорного восприятия. Мне нравятся простые, доступные моему пониманию вещи. Думаю, большинству людей тоже. Так что мой первый совет — сохраните все в тайне. Не стоит об этом распространяться.

— Меня это вполне устраивает.

Он повернулся на спину.

— И я считаю, что нам следует сжечь вашу одежду. Я вам подберу что-нибудь другое. Она горит?

— С трудом. Скорее — плавится.

— Ботинки лучше снова надеть. Мы, как правило, носим обувь, и ваши сойдут. Если кто-то поинтересуется, скажете, что шили на заказ. Лечебная обувь.

— Это одно из их качеств.

— Вот и прекрасно. — Прежде чем я успел его остановить, он принялся разворачивать мою одежду. — Что за черт! — Останавливать его было слишком поздно, так что я позволил ему довести дело до конца. — Дэнни, — сказал он подозрительно, — это на самом деле то, чем оно кажется?

— А чем оно вам кажется?

— Это золото.

— Да, здесь золото.

— Где вы его взяли?

— Купил.

Он тронул мой пояс, пощупал обманчиво мягкий металл и взвесил его на руке.

— Вот те на! Дэнни... слушайте меня внимательно. Я задам вам один вопрос, а вы хорошо подумайте, прежде чем на него ответить. Потому что мне не нужны клиенты, которые лгут. Я таких отшиваю. И у меня вовсе нет жела-

ния быть соучастником уголовного преступления. Вы приобрели золото законным путем?

— Да.

— Может, вам не известен Закон о золотом запасе от тысяча девятьсот шестьдесят восьмого года?

— Известен. Я приобрел золото законным путем. И намереваюсь продать его за доллары. Монетному двору в Денвере.

— У вас есть лицензия на ювелирные работы?

— Нет, Джон. Я сказал вам чистую правду, хотите — верьте, хотите — нет. Я купил его там, откуда прибыл, и совершенно легально, в магазине. Теперь я хочу как можно скорее превратить его в доллары. Я знаю, что хранить золото незаконно. Что мне сделают, если я приду на Монетный двор, вывалю золото на прилавок и попрошу взвесить?

— В конечном счете ничего... если вы будете держаться своих «внезапных приступов». Но могут изрядно помочить вам нервы, пока вы чего-нибудь добьетесь. Мне кажется, вам лучше слегка измазать золото грязью.

— Вы имеете в виду — закопать его?

— Нет. Не обязательно кидаться в крайности. Но если то, что вы мне сказали, правда — вы нашли золото в горах. Ведь именно там старатели обычно находят золото.

— Что ж, как скажете. Я не против небольшой невинной лжи: золото все равно принадлежит мне по закону.

— Разве это ложь? Когда вы впервые увидели золото? Какого числа вы впервые вступили во владение им?

Я попытался припомнить. Купил я его в тот день, когда уехал из Юмы, то есть где-то в мае 2001 года. Примерно две недели назад... Тьфу ты!

— Пусть будет так, Джон... Впервые я увидел это золото... сегодня, третьего мая тысяча девятьсот семидесятого года.

Он одобрительно кивнул:

— И нашли его в горах.

Саттоны оставались в клубе до понедельника, так что я задержался с ними. Другие члены клуба были вполне дружелюбны и на удивление нелюбопытны в отношении моих личных дел. Такого мне не приходилось встречать ни

в одной компании, где я бывал прежде. Позднее я узнал, что именно это и считалось правилом хорошего тона в клубе нудистов. Тогда же они показали мне самыми разумными и вежливыми людьми из всех, кого я встречал.

Джон и Дженни занимали отдельный домик на двоих, а я спал на раскладушке в одной из спален клуба. Там было чертовски холодно. На следующее утро Джон принес мне рубашку и джинсы. Золото мы снова завернули в мою одежду и засунули в сумку Джона. Сумку положили в багажник его машины «ягуар-император». Судя по марке автомобиля, Джон был адвокатом не из дешевых. Правда, по его манере держаться я понял это еще раньше.

Следующую ночь я провел у них дома, а уже ко вторнику у меня появились кое-какие деньги. Золота я больше не видел, но через несколько недель Джон вернул мне его точный денежный эквивалент за вычетом обычных комиссионных. Я знал, что он не имеет дела напрямую с Монетным двором, так как за каждую проданную порцию он приносил квитанции от покупателей. За свои услуги он не взял с меня ничего и не стал посвящать меня в детали сделок.

Меня, честно говоря, детали и не интересовали. Раз у меня были деньги, я мог заняться делом. Уже во вторник, пятого мая, Джейн поехала со мной по городу, и я нашел небольшой лофт в старом торговом квартале. Я оборудовал его чертежным столом, верстаком, армейской складной кроватью и прочей необходимой мелочью. Там было электричество (120/240 вольт), газ, водопровод и туалет, который вечно засорялся, а большего мне и не требовалось — я должен был экономить каждый цент.

Проектировать с помощью допотопных циркуля и рейшины было медленно и утомительно, так что у меня не было ни одной свободной минуты. Поэтому, прежде чем строить заново «Феноменального Фрэнка», я занялся «Чертежником Четом». На этот раз «Феноменальный Фрэнк» станет «Первоклассным Питом», многоцелевым автоматом, сконструированным так, чтобы он мог делать все, что делает человек, — если, конечно, правильно задействовать торсеновские трубки. Я уже знал, что «Первоклассный Пит» не останется таким, как я его планирую, — его потомки превратятся в орду специализированных роботов.

Но мне необходимо было оформить патентные заявки на все, что возможно.

Для патентной заявки не требовалась действующая модель, достаточно было чертежей и описаний. Но модели нужны были мне — модели, которые бы прекрасно работали и которые можно было демонстрировать. Эти модели должны были сами себя продавать; своей полезностью и очевидной экономичностью конструкции для серийного производства. Они должны были показать, что не только будут работать, но и станут хорошей инвестицией. Патентные бюро завалены изобретениями, которые работают, но в коммерческом отношении ничего собой не представляют.

Работа продвигалась и быстро, и медленно; быстро — потому что я точно знал, чего добиваюсь; медленно — потому что у меня не было ни приличной мастерской, ни помощников. Наконец скрепя сердце я выкроил средства и взял напрокат кое-какое оборудование, и дела пошли быстрее. Я работал до изнеможения семь дней в неделю и позволял себе лишь раз в месяц провести выходные с Джоном и Дженни в их голозадом клубе неподалеку от Боулдера. К первому сентября обе мои модели уже были в рабочем состоянии, и можно было приступить к чертежам и описаниям. Я сделал эскизы лакированных корпусов и послал на фабрику заказы на их изготовление, а заодно и заказы на хромирование внешних движущихся частей. Пожалуй, это единственное, что я не в состоянии был сделать сам. Жаль было тратить деньги, но я понимал, что без этого не обойтись. Разумеется, везде, где можно, я использовал стандартные компоненты, заказанные по каталогу, — иначе мне было нельзя, иначе мои создания просто не окупились бы в производстве. Однако тратить деньги на всякие украшения мне не нравилось.

Я сидел в мастерской почти безвылазно — времени на прогулки у меня не хватало, что, кстати, было и неплохо. Однажды я вышел купить сервопривод и наткнулся на знакомого из Калифорнии. Он заговорил со мной, и я, не сообразив, что делаю глупость, ответил.

— Привет, Дэн! Дэнни Дэвис! Не ожидал тут на тебя нарваться. Думал, ты в Мохаве.

Мы обменялись рукопожатиями.

— Да, небольшая деловая поездка. Через пару дней собираюсь обратно.

— А я вернусь домой нынче вечером. Позвоню Майлзу и скажу, что встретил тебя.

Меня охватило беспокойство.

— Пожалуйста, не надо!

— Почему? Вы же с Майлзом такие братья-бизнесмены, неразлейвода...

— Ну... видишь ли, Морт, Майлз не знает, что я здесь. Я должен быть сейчас в Альбукерке, по делам фирмы. Но прилетел сюда по причине сугубо личной, к фирме отношения не имеющей. Дошло? И говорить с Майлзом на эту тему мне не хотелось бы.

Он понимающе хмыкнул.

— Неприятности с женским полом?

— Ну-у-у... да.

— Она замужем?

— Вроде того.

Он ткнул меня кулаком в ребра и подмигнул:

— Усек. Старина Майлз такой моралист, верно? Ладно, я тебя прикрою, а в следующий раз ты меня прикроешь. Она хоть ничего?

«Прикрыть бы тебя... саваном, — подумал я про себя, — недоумок чертов».

Морт был из тех никчемных коммивояжеров, которые вместо работы с клиентами больше заняты тем, что пытаются соблазнить официанток. Впрочем, товары, что он пытался всучить, были такие же дрянные, как и он сам, — прибыли они никогда не давали.

Но я поставил ему выпивку в ближайшем баре и наплел с три короба о выдуманной «замужней женщине», в ответ выслушав хвастливые рассказы о его подвигах. Не сомневаюсь, это тоже было вранье от начала до конца. Наконец мне удалось от него избавиться.

В другой раз я попытался поставить выпивку профессору Твитчелу — и потерпел неудачу.

Я уселся на табурет у ресторанной стойки аптеки на Чампа-стрит и неожиданно увидел в зеркале отражение его лица. Первой мыслью было заползти под прилавок и спря-

таться. Потом я овладел собой и сообразил, что из всех живущих в 1970 году его мне надо опасаться меньше всего. Ведь ничего еще не произошло... я хотел сказать «ничего не произойдет». Нет, не то. Я оставил попытки правильно выразить соотношение времен: когда темпоральные перемещения станут обычным делом, в английскую грамматику придется добавить целый ряд новых времен, чтобы отразить своего рода «возвратные состояния». Французские литературные и латинские исторические грамматические времена покажутся по сравнению с ними не такими уж сложными. Прошедшее ли, будущее ли — как бы то ни было, Твитчела можно было не опасаться, и я успокоился.

Я долго рассматривал отражение его лица в зеркале, сомневаясь, не обознался ли я. Нет, не обознался. Лицо Твитчела трудно было спутать с чьим-нибудь другим — моим, к примеру. Оно было суровым, слегка высокомерным, самоуверенным и довольно красивым — такое лицо могло быть у Зевса. Я вспомнил, во что он превратился потом... и тем не менее я не ошибся — это был Твитчел. Я поежился, представив его стариком и вспомнив, как плохо с ним обошелся. И задумался о том, как я могу загладить свою вину.

Твитчел поймал в зеркале мой взгляд и повернулся ко мне:

— В чем дело?

— Да нет, я так... Вы ведь доктор Твитчел? Из университета?

— Да, из Денверского университета. Разве мы знакомы?

Я чуть не оговорился, забыв, что в этом году он преподавал в городском университете. Помнить в двух временных плоскостях сразу — трудно.

— Нет, доктор, но я слушал ваши лекции. Можно сказать, я один из ваших поклонников.

Его губы дернулись в попытке улыбнуться, но дальше дело не пошло. По этому и другим признакам я заключил, что он еще не приобрел навязчивую потребность выслушивать лесть в свой адрес; в этом возрасте он был уверен в себе и мнение других о нем его не волновало.

— Вы уверены, что не спутали меня с какой-нибудь кинозвездой?

— О нет! Вы — доктор Хьюберт Твитчел, великий физик.

Он опять изобразил подобие улыбки:

— Давайте просто скажем, что я физик — или пытаюсь им быть.

Мы немного поболтали, а когда он расправился со своим бутербродом, я стал приставать к нему, предлагая выпить. Я сказал, что сочту за честь, если он позволит угостить его. Он покачал головой:

— Я почти не пью, а уж днем — никогда. Тем не менее спасибо. Приятно было познакомиться с вами. Если окажетесь поблизости от университета, заглядывайте ко мне в лабораторию.

Я сказал, что непременно загляну.

Но я не так уж часто совершал оплошности в 1970 году (попав туда во второй раз), потому что уже знал, что к чему, да и большинство моих знакомых были в Калифорнии. Я решил, что если встречу еще кого-нибудь из знакомых, то живо скажу, окинув холодным взглядом, что впервые вижу.

Но мелочи тоже могут причинять неприятности. Я, например, никак не мог отвыкнуть от стиктайтского шва и снова привыкнуть к молнии. Мне не хватало множества удобных мелочей, к которым я успел приучиться за шесть месяцев и которые уже воспринимал как само собой разумеющееся. И бритье! Мне опять пришлось бриться! А однажды я даже простудился. Этот ужасный призрак прошлого обрушился на меня по причине моей забывчивости. Я совершенно упустил из виду, что одежда может промокнуть под дождем. Хотел бы я, чтобы все эти изысканные эстеты, которые хулят прогресс и вздыхают о неповторимых прелестях прошлого, могли увидеть то, что видел я. Я привык к лучшим условиям жизни, и пока опять не освоился в 1970 году, меня постиг ряд мелких разочарований: тарелки, на которых остывала пища; рубашки, которые надо было отдавать в стирку; зеркала в ваннах, которые запотевают в тот момент, когда вам надо причесаться после мытья; сопливые носы; грязь под ногами и грязь в легких. Потом я привык ко всему этому, как собака привыкает к блохам.

Денвер в 1970 году еще оставался чудным старомодным городком — мне там очень нравилось. Еще не было ничего от продуманной путаницы Нового плана, с какой я столкнулся (или столкнусь), когда приехал (или приеду) сюда из Юмы. В нем все еще было меньше двух миллионов жителей, и по улицам ездили автобусы и другой автомобильный транспорт. И все еще были улицы — так что я без труда нашел Колфакс-авеню.

Денвер все еще привыкал к своей роли столицы и походил на мальчика, надевшего свой первый строгий вечерний костюм, — было ощущение какой-то неловкости. Денвер все еще тяготел к сапогам на высоком каблуке и гнусавому выговору жителей Запада, хотя знал, что ему суждено разрастись и стать многонациональным центром деловой и культурной жизни, с посольствами, шпионами и знаменитыми на весь мир ресторанами. Город застраивали на скорую руку и во всех направлениях, чтобы разместить бюрократов, лоббистов, посредников, секретарей-машинисток и всякого рода бездельников. Здания возводились с такой быстротой, что коров едва успевали сгонять с пастбищ, отведенных под застройку. И все-таки Денвер протянулся на восток всего на несколько миль от Авроры, на север — до Хендерсона и на юг — до Литтлтона, но дальше, до Академии ВВС, все еще лежали поля. На западе, правда, город полез в горы, и федеральные учреждения укрылись в каменной глубине.

Так что Денвер во времена федерального бума мне нравился, но все же я мучительно хотел вернуться в свое собственное время.

Но мелочи не дают жить спокойно. Вскоре после того, как меня зачислили в штат «Горничной», я смог позволить себе полностью подлечить зубы и не думал, что мне когда-нибудь вновь придется обратиться к зубному врачу. Но в 1970 году у меня не было антикариесных таблеток, и в зубе появилось дупло. Боль сильно донимала меня, и пришлось пойти к дантисту. Господи, я совсем забыл, что он увидит, заглянув мне в рот! Он поморгал, поводит зеркальцем вокруг зубов и наконец воскликнул:

— Великий Иосафат! У кого вы лечились?

— Аа-оо-ыы?

Он вынул руки из моего рта.

— Кто это вам сделал? И как?

— Что? Вы о моих зубах? Я лечился в одной экспериментальной клинике... в Индии.

— Как они это делают?

— Откуда я знаю?

— Подождите минутку. Я должен сделать несколько снимков. — Он начал возиться с рентгеновским аппаратом.

— Нет, нет, — горячо запротестовал я. — Просто вычистите эту дыру, заткните чем-нибудь и отпустите меня.

— Но...

— Извините, доктор, я очень тороплюсь.

Он оставил аппарат и занялся зубом, время от времени прерываясь, чтобы еще раз полюбоваться на мои зубы. Я расплатился наличными и ушел, не оставив своего имени и адреса в регистрационной книге. Пожалуй, я мог бы ему разрешить сделать снимки, но помешала осторожность, ставшая уже рефлексом. Конечно, никому вреда от снимков не было бы; впрочем, и пользы тоже, так как рентгеновские лучи не показали бы сам процесс регенерации, а я объяснить ему не смог бы.

Только в прошлом можно успеть сделать многое. По шестнадцать часов в день я потел над «Чертежником Четом» и «Первоклассным Питом», но между делом успел кое-что предпринять. Действуя анонимно, через адвокатскую контору Джона, я обратился в частное сыскное агентство, имевшее отделения по всей стране, с запросом о прошлом Белл. Я сообщил им ее адрес, номер и марку автомашины (на руле можно легко найти отпечатки пальцев) и намекнул, что она, возможно, не раз побывала замужем и на нее наверняка заведено дело в полиции. Я должен был экономить и без того таявшие средства, и мне не по карману были расследования, о которых написано столько увлекательных книг.

Не получив от них отчета через десять дней, я уже было подумал, что плакали мои денежки. Но спустя еще несколько дней в контору Джона был доставлен полосатый конверт.

Белл оказалась весьма предприимчивой девушкой. Она была на шесть лет старше, чем утверждала; когда ей еще не

исполнилось и восемнадцати, она уже успела дважды побывать замужем. Один из браков был не в счет: «супруг» уже имел семью; разведись она со вторым «мужем», агентству не удалось бы все это раскрыть. После этого она еще четыре раза выходила замуж, хотя один из браков был сомнительным: скорее всего, это было мошенничество для получения статуса солдатской вдовы. Тот человек был мертв и не мог возражать. Однажды она была разведена (официально), и один из ее мужей умер. Она могла быть все еще замужем за остальными.

Полицейское досье на нее было объемистым и весьма любопытным, но за тяжкое уголовное преступление она была осуждена лишь однажды, в Небраске, где тут же, не отбывая срока, получила условно-досрочное освобождение. Это установили только по отпечаткам пальцев, так как она сбежала из-под надзора полиции, сменила имя и фамилию и присвоила себе новый номер в системе социального страхования. Агентство спрашивало, следует ли им уведомить власти штата Небраска.

Я ответил, чтобы они не затрудняли себя: она была в розыске уже девять лет, а обвиняли ее всего лишь в том, что она работала приманкой у шантажистов. Интересно, как бы я поступил, если б она была осуждена за торговлю наркотиками? Необдуманные решения до добра не доводят.

Не успел я опомниться, как приблизился октябрь, а я отстал от своего графика: нужно было поторопиться с чертежами, да и описания из-за этого тоже не закончил — ведь они должны быть взаимно увязаны. К заявке я вообще еще не приступал. Хуже всего было то, что я пока и палец о палец не ударил для организации своего предприятия, но с этим можно было повременить: пока не закончена работа над моделями, показывать-то было нечего. Не было времени у меня и на то, чтобы завязать необходимые деловые контакты. Я стал подумывать, что совершил ошибку, попросив профессора Твитчела установить аппаратуру на тридцать один год и какие-то жалкие три недели, — мне надо было назвать срок по крайней мере в тридцать два года. Я явно переоценил свои возможности и недооценил нужное мне время.

Я не показывал свои игрушки моим друзьям Саттонам — не потому, что хотел скрыть их, а просто мне не нужны

были лишние разговоры и бесполезные советы, пока они не завершены. В последнюю субботу сентября мы договорились поехать вместе в их клуб. Из-за отставания от собственного графика я накануне работал до поздней ночи; меня разбудил душераздирающий лязг будильника — мне нужно было успеть побриться до того, как они за мной заедут. Я выключил это орудие пытки и поблагодарил Бога, что в 2001 году от него избавились. Собравшись с силами, спустился позвонить из аптеки на углу Саттонам — сказать, что у меня много работы и я не смогу поехать.

К телефону подошла Дженни.

— Дэнни, ты слишком много работаешь. Выходные за городом пойдут тебе на пользу.

— Ничего не поделаешь, Дженни. Я должен работать. Простите меня.

Джон взял другую трубку:

— Что за вздор ты несешь, Дэн?

— Мне надо работать, Джон. Просто надо — и все тут. Передавай от меня привет всем в клубе.

Я ушел на свой чердак, сжег несколько тостов, вулканизировал несколько яиц и вернулся к описанию «Чертежника Чета».

Час спустя ко мне постучали Саттоны.

Отдыхать в горы мы так и не поехали, зато я демонстрировал им обе мои модели. «Чертежник Чет» не произвел особого впечатления на Дженни (она ведь не была инженером), но «Первоклассный Пит» привел ее в восторг. Работу по дому ей помогала выполнять «Горничная» (вторая модель), и Дженни сразу поняла, что «Пит» может много больше.

Но Джон мигом оценил все преимущества «Чертежника Чета». Когда я показал ему, как могу изобразить свою подпись, неотличимую от настоящей, просто нажимая на клавиши (признаюсь, я уже тренировался), брови у него полезли на лоб.

— Ну, парень, по твоей милости тысячи чертежников без работы останутся.

— Да нет, не останутся. С каждым годом в нашей стране становится все меньше талантливых инженеров — эта машина поможет восполнить пробел. Через поколение она будет стоять в каждом конструкторском бюро. Без нее уже

не смогут обходиться, как современный механик не обходится без электрического инструмента.

— Ты так говоришь, будто знаешь наверняка.

— Так оно и есть.

Он обернулся и стал наблюдать за «Питом» — тот навёл порядок на верстаке. Потом снова взглянул на «Чертежника Чета»:

— Дэнни, иногда я думаю, что ты, наверно, сказал мне правду, — помнишь, в тот день, когда мы встретились?

Я пожал плечами:

— Назови это предвидением, если хочешь... но я знаю наверняка. Уверен, что так и будет. Какая тебе разница?

— Пожалуй, что никакой. Что ты собираешься делать с этими штуками?

— В том-то и загвоздка, Джон, — нахмурился я. — Я хороший инженер и, если понадобится, могу быть вполне приличным механиком. Но бизнесмен из меня никакой — в этом я убедился сам. Ты никогда не имел дела с патентным правом?

— Я тебе уже говорил, здесь нужен специалист.

— У тебя есть на примете кто-нибудь честный и с головой на плечах? Настало время мне обзавестись патентным адвокатом. Мне нужно основать фирму и вести дела. И продумать финансирование. На это у меня нет времени — я ужасно спешу.

— Почему?

— Я собираюсь вернуться туда, откуда появился.

Он сел и долго молчал.

— Сколько у тебя времени?

— Девять недель начиная со следующего четверга, если быть точным.

Он взглянул на машины, потом на меня:

— Тебе лучше бы пересмотреть сроки. По-моему, понадобится девять месяцев, не меньше. Но и тогда — при условии, если повезет, — ты только-только все подготовишь, чтобы приступить к производству.

— Джон, это невозможно.

— И я то же самое говорю.

— Я имею в виду, что нельзя пересмотреть сроки. Это от меня не зависит... сейчас. — Я спрятал лицо в ладони.

Я смертельно устал: мне удавалось поспать в среднем не больше пяти часов в сутки. Я дошел до такого состояния, что готов был поверить: от судьбы не уйдешь и бороться с ней бесполезно. Я взглянул на Джона:

— А ты не возьмешься управлять делом?

— Какой его частью?

— Целиком. Я уже сделал все, что умею делать.

— Это серьезный вексель, Дэнни. Я ведь могу тебя ограбить до нитки — ты это понимаешь? А ведь дело может стать золотой жилой.

— И станет. Я-то знаю.

— Тогда зачем вверять его мне? Лучше используй меня как адвоката на жалованье.

Я попытался обдумать его слова, но голова просто раскалывалась. Однажды у меня уже был компаньон — но, черт возьми, независимо от того, сколько бы раз ты ни обжигался, людям все равно надо верить. Иначе ты — одиночка в пещере, который всегда спит вполглаза. Опасности все равно никогда не избежать: жить и то смертельно опасно... Даже фатально. В конце жизни.

— Брось, Джон, ты же знаешь мой ответ наперед. Ты поверил мне. Теперь мне снова требуется твоя помощь. Ты мне поможешь?

— Конечно поможет, — ласково встала Дженни, — хотя я и не слышала, о чем вы тут говорили. Дэнни, он может мыть посуду? У тебя нет ни одной чистой тарелки.

— Что, Дженни? Наверно, может, ну да, конечно, он может.

— Тогда вели ему помыть посуду. Хочу посмотреть, как он с этим справляется.

— Извини, я еще не запрограммировал его на мытье посуды. Но если хочешь, я сделаю это. Правда, работа займет несколько часов, но зато потом он сможет всегда мыть тарелки. Но первое время... видишь ли, мытье посуды требует множества вариантов выбора... Это осмысленная работа, а не примитивная процедура вроде кладки кирпича или вождения грузовика.

— Господи! Я так рада — хоть один мужчина понимает, что такое работа по дому. Ты слышал, дорогой, что он сказал? Но не отрывайся от дела, Дэнни! Я сама помою

посуду. — Она оглянулась вокруг. — Дэн, мягко говоря, ты живешь тут как свинья.

Говоря по правде, у меня совершенно вылетело из головы, что «Первоклассный Пит» может работать на меня. Я был слишком поглощен планами применения его в коммерческой сфере и учил его работать на других людей, а сам просто заметал сор в угол или вообще не обращал на грязь никакого внимания. Теперь я начну учить его выполнять все работы по дому, и он станет делать их не хуже «Феноменального Фрэнка», тем более что торсеновских трубок в него вмонтировано в три раза больше.

И у меня теперь появилось время, чтобы осуществить задуманное, так как Джон принял на себя руководство делом.

Дженни печатала для нас описание, а для подготовки заявок Джон нанял патентного адвоката. Не знаю, заплатил ему Джон наличными или заинтересовал в будущих прибылях, — я никогда не спрашивал. Я все передоверил ему, включая распределение общего пакета акций. Теперь, освобожденный Джоном от других забот, я мог спокойно заняться своей основной работой. Я думаю, что поступил правильно: если он будет решать все щекотливые вопросы, то никогда не поддастся искушению надуть меня, как это случилось с Майлзом. Да, честно говоря, мне до всего прочего не было дела: деньги как таковые для меня не имели значения. Или я полностью доверял Джону и Дженни, или мне оставалось найти пещеру и учиться жить отшельником.

Я настаивал только на двух пунктах.

— Джон, думаю, нам надо назвать фирму «Аладдин. Производство автоматизированного оборудования».

— Звучит забавно. А чем плохо «Дэвис и Саттон»?

— Должно быть именно так, Джон.

— Неужели? Опять предвидение?

— Может быть, может быть. На торговой марке изобразим Аладдина, который трет лампу, а над ним — вылетающего джинна. Я сделаю черновой набросок. И еще одно: лучше, если главная контора будет находиться в Лос-Анджелесе.

— Что? Ну, тут ты явно перебрал... То есть если хочешь, чтобы я вел дело... Чем тебе не нравится Денвер?

— Всем нравится, очень милый городишко. Но здесь нельзя построить завод. Стоит выбрать хорошее место для застройки, как однажды утром выяснится, что его забрало федеральное правительство, — и начинай все сначала. Кроме того, здесь не хватает рабочей силы, сырье придется доставлять издалека, со строительными материалами очень сложно. А в Лос-Анджелесе неограниченный запас квалифицированной рабочей силы, Лос-Анджелес — морской порт, Лос-Анджелес...

— А как насчет смога? Тоже одно из достоинств?

— Со смогом там скоро будет покончено, поверь мне. И разве ты не заметил, что в Денвере стали вырабатывать свой собственный смог?

— Подожди, Дэн. Ты мне дал ясно понять, что доверяешь вести дело; ты же займешься своей работой. Ладно, я согласен. Но должен же я иметь возможность выбирать условия работы?

— Это необходимо сделать, Джон.

— Дэн, ни один человек в здравом уме не поедет из Колорадо жить в Калифорнию. Я служил там во время войны, так что знаю. Возьми, к примеру, хоть Дженни: она родом из Калифорнии — и втайне стыдится этого. Ее туда калачом не заманишь. Здесь хоть можно различить времена года; зимы, свежий горный воздух, чудесная...

— Разве я зарекалась никогда не возвращаться в Калифорнию? — прервала его Дженни.

— Что такое, дорогая?

Дженни во время нашего разговора спокойно вязала; если уж она заговорила, значит ей есть что сказать. Она отложила спицы — это был верный признак.

— Если мы переедем туда, милый, мы сможем вступить в клуб «Дубовая долина» — они там купаются круглый год. Я как раз подумала об этом на прошлой неделе, когда увидела, что открытый бассейн в Боулдере покрыт льдом.

Я оставался с ними до вечера второго декабря 1970 года — дольше уже было нельзя. Мне пришлось занять у Джона три тысячи долларов: цена, которую я заплатил за стандартные детали, была грабительской. Я предложил ему в залог долю в акциях. Он дождался, пока я подпишу документ, взял его у меня из рук и, порвав, выбросил в корзину.

- Расплатишься, когда вернешься.
- Это будет через тридцать лет, Джон.
- Так долго?

Я задумался. Со времени нашей первой встречи — шесть месяцев назад — Джон ни разу не предложил мне рассказать ему всю мою историю. Тогда он честно сказал, что не верит в саму возможность путешествия во времени, но тем не менее был готов поручиться за меня в своем клубе.

Я сказал ему, что, пожалуй, настало время рассказать все о себе.

— Разбудим Дженни? Она ведь тоже имеет право услышать обо всем.

— Нет. Пусть она подремлет до твоего отъезда. Дженни — очень цельная натура, Дэн. Если человек ей по душе, то для нее не имеет значения, кто он, откуда. Если ты не против, я ей перескажу все потом.

— Как знаешь.

Он внимательно выслушал все, останавливая меня только для того, чтобы наполнить стаканы; мой — имбирным пивом. У меня были причины не притрагиваться к алкоголю. Я дошел в своем рассказе до того момента, когда приземлился на горном склоне близ Боулдера, и остановился:

— Ну вот и все. Хотя я запутался в одном вопросе. Я еще раз осмотрел склон, где я приземлился, и не думаю, что я упал с высоты большей чем два фута. Если бы при строительстве грунт углубили еще, я имею в виду — «углубят», я был бы заживо погребен. Возможно, и убил бы вас обоих или, что хуже, взорвал бы весь округ. Я не знаю, что происходит, когда плоская волна преобразуется обратно в массу в точке, где уже есть другая масса.

Джон продолжал невозмутимо курить.

— Ну, — спросил я, — что скажешь?

— Дэнни, ты мне много рассказывал о том, как будет выглядеть Лос-Анджелес — я имею в виду Большой Лос-Анджелес. Когда мы встретимся, я скажу тебе, насколько точен был твой рассказ.

— Он точен. Разве что какие-то мелочи забылись.

— М-да... ты рассказал все довольно связно. Но тем не менее я все-таки считаю тебя самым приятным психом из

всех, что встречал. Это не мешает тебе быть хорошим инженером... и другом. Ты мне нравишься, парень. К Рождеству я тебе куплю новую смирительную рубашку.

— Пусть будет по-твоему.

— А как же иначе? Не то сам стану сумасшедшим... и тогда Дженни придется со мной помучиться. — Он взглянул на часы. — Давай-ка ее разбудим. Если я позволю тебе уехать, не попрощавшись с ней, она с меня скальп снимет.

— Только не это!

Они отвезли меня в Денверский международный аэропорт, и Дженни поцеловала меня на прощание.

Одиннадцатичасовым рейсом я вылетел в Лос-Анджелес.

11

На следующий вечер, 3 декабря 1970 года, такси высадило меня в квартале от дома Майлза. Я не помнил точно, в каком часу приезжал сюда в прошлый раз, поэтому подъехал заблаговременно. Когда я подошел к дому, уже темно, но у тротуара стояла только его машина. Поэтому я вернулся на сотню ярдов назад, выбрал место, откуда хорошо просматривался кусок тротуара перед домом, и стал ждать.

Две сигареты спустя подъехала другая машина и остановилась. Фары погасли. Я подождал еще несколько минут и поторопился к ней. Это была моя собственная машина.

Ключей от нее у меня не было, да они и не потребовались бы. Поскольку голова моя всегда была занята решением какой-нибудь инженерной проблемы, я давно выработал привычку хранить запасной комплект ключей в багажнике. Вот и теперь я достал их оттуда и залез в кабину. Машина стояла на полого спускавшемся участке дороги; я снял ее с ручного тормоза и, не зажигая фар и не включая зажигания, позволил ей катиться до угла и, только повернув, запустил двигатель и подъехал к переулку позади дома Майлза, как раз напротив дверей его гаража.

Гараж был закрыт. Я заглянул в грязное окно и различил что-то покрытое куском брезента. По знакомым очертаниям я сразу определил, что это мой старый друг «Феномальный Фрэнк».

Гаражная дверь не способна противостоять человеку, вооруженному решимостью и монтировкой. Во всяком случае, не в Южной Калифорнии 1970 года. Так что через считанные секунды я уже проник внутрь. Сначала я убедился, что записи и чертежи находятся там, где я и предполагал, — в ящике для инструментов. Я перенес их оттуда в машину и бросил прямо на пол. Затем принялся за «Фрэнка». Никто лучше меня не знал его конструкции, да к тому же мне было наплевать на сохранность составных частей; это сильно ускорило процесс. Но тем не менее провозиться мне пришлось около часа.

Я едва успел затолкать в багажник остатки «Фрэнка» — шасси от кресла на колесах и прикрыть крышку, насколько это было возможно, как услышал вой Пита. Ругая себя за то, что так долго возился с «Фрэнком», я обошел гараж и поспешил на задний двор. Представление началось.

Я дал себе слово, что на этот раз не упущу ни секунды и порадуюсь триумфу Пита. Но я не мог ничего увидеть. Хотя задняя дверь была открыта и свет струился через сетку, которая закрывала проем, я не видел, что происходит внутри. Я только слышал топот, грохот падавшей мебели, леденивший кровь боевой клич Пита и визг Белл. Тогда я подкрался к решетке, надеясь хоть одним глазком взглянуть на кровавую бойню. Проклятая решетка была заперта на крючок! Это было единственное, что я не учел в своем плане. Я лихорадочно стал шарить в карманах, нашел перочинный нож, сломал ноготь, пока открывал его, потом просунул лезвие в щель и откинул крючок. Едва я успел убрать нож, как Пит, словно каскадер-мотоциклист, таранящий забор, вдарил изнутри по решетке.

Я перелетел через розовый куст. Сомневаюсь, что Майлз и Белл пытались преследовать Пита, — я бы на их месте не рискнул. Но я постарался спрятаться за кустом, чтобы меня не заметили. Спустя некоторое время я поднялся на ноги, постоял немного и двинулся вокруг дома, подальше от открытой двери, из которой свет падал во двор. Теперь на-

до было подождать, пока Пит успокоится; только тогда его можно будет взять на руки — я-то знаю кошачьи повадки.

Каждый раз, когда он проходил мимо, чтобы подойти к двери и объявить им свой утробный вызов, я ласково подзывал его:

— Пит! Иди сюда, Пит. Успокойся, мой мальчик, все в порядке.

Он знал, что я здесь, но не обращал на меня внимания, лишь дважды взглянул в мою сторону — и все. Кошки никогда не делают несколько дел сразу; он был теперь очень занят, и у него не было времени любезничать со мной. Но я был уверен, что он подойдет ко мне, как только поостынет.

Пока я ждал Пита, сидя на корточках, из дома послышался шум воды — они ушли в ванную смывать кровь, оставив меня в гостиной. Тут мне в голову пришла жуткая мысль: а что произойдет, если проникнуть в дом и перерезать горло своему беспомощному телу? Но я прогнал эту мысль прочь: не настолько я любопытен, да и самоубийство может стать заключительным экспериментом, даже если обстоятельства его весьма любопытны с математической точки зрения.

И я могу не узнать его результатов.

Кроме того, я вообще не хотел входить в этот дом. Я мог столкнуться с Майлзом — а покойник в моем положении был бы ни к чему.

Наконец Пит остановился передо мной, не дойдя фута три-четыре.

— Мррроуфр? — сказал он, подразумевая: «Давай-ка вернемся и очистим от них помещение. Ты ударишь сверху, я — снизу».

— Нет, мой мальчик. Представление закончилось.

— О-о-о, ма-а-ало-о-о!

— Пора домой, Пит. Ну, иди к Дэнни.

Он сел и принялся умываться. Закончив туалет, он взглянул на меня, и я протянул руки. Он прыгнул ко мне.

— Мрряу? («Где, черт возьми, ты болтался, когда начался бой?»)

Я отнес его в машину и опустил на сиденье водителя — единственное свободное место. Он обнюхал железки, на-

громожденные на его обычном месте, и с упреком посмотрел на меня.

— Придется тебе сидеть у меня на коленях, — объяснил я ему. — Кончай суетиться.

Я включил фары, и мы рванули вниз по улице. Потом я повернул направо, и мы направились в сторону Большого Медвежьего озера, к лагерю девочек-скаутов. Через десять минут я освободил от обломков «Фрэнка» переднее сиденье, и Пит занял свое законное место — к нашему обоюдному удовлетворению. Потом я очистил пол кабины, а несколько миль спустя остановился и засунул заметки и чертежи в отверстие ливневого стока. Выше, уже в горах, я избавился от шасси кресла, сбросив его вниз, в сухое русло реки, — оно весело загрохотало по камням.

Около трех часов ночи я подъехал к придорожному motelю, недалеко от поворота к лагерю. Там я снял домик за бешеные деньги — Пит чуть не испортил все дело, поминутно высовывая голову из окна машины и вставляя замечания в наш разговор с хозяином.

— Когда приходит сюда утренняя почта из Лос-Анджелеса? — спросил я хозяина.

— Вертолет прилетает в семь тридцать, и ни минутой позже.

— Прекрасно. Разбудите меня в семь, ладно?

— Мистер, если вы сможете проспать здесь до семи, я вам завидую. Но ваш заказ запишу.

К восьми мы с Питом уже позавтракали, а я побрился и принял душ. Я осмотрел Пита при дневном свете и пришел к заключению, что он вышел из боя целым и невредимым, не считая одной-двух царапин. Мы выписались, и я свернул на частную дорогу к лагерю. Передо мной туда же свернул грузовичок Дяди Сэма с почтой — я решил, что это добрый знак и сегодня мне должно повезти.

Никогда в жизни я не видел столько маленьких девочек сразу. Они резвились, как котята, и были неотличимы друг от друга в зеленой скаутской форме. Все, мимо кого я проходил, хотели посмотреть на Пита, хотя большинство застенчиво смотрели издали, не приближаясь. Я подошел к домику с надписью «Штаб», где меня встретила еще одна особа в форме, но уже далеко не девочка.

Она ко мне отнеслась с естественной подозрительностью: если незнакомый мужчина спрашивает разрешения посетить маленькую девочку, которая вот-вот превратится в девушку, это всегда подозрительно. Я объяснил ей, что я — Д. Б. Дэвис, дядя одной из них, и мне надо сообщить кое-что, касающееся семьи моей племянницы. Она мне отказала, заявив, что посещать детей могут только родители, все остальные допускаются в лагерь только в их сопровождении и, уж во всяком случае, не с утра пораньше, а только с четырех часов.

— Мне не обязательно разговаривать с Фредерикой. Я должен лишь передать ей кое-что. Это чрезвычайные обстоятельства.

— В таком случае напишите записку, а я передам ей, как только закончатся занятия по ритмике.

Я расстроился и постарался, чтобы она это заметила.

— Мне не хотелось бы писать записку. Для нее будет лучше, если передать все на словах.

— У вас в семье кто-то умер?

— Не совсем. Семейные неурядицы. Извините, но я не вправе говорить с кем-либо об этом. Речь идет о ее матери.

Она все еще колебалась. Но тут в беседу вступил Пит. Я держал его на согнутой левой руке, а правой придерживал за грудь: не хотелось оставлять его в машине, да и Рикки, я знал, захочет его увидеть. Он терпел, пока я нес его сюда, а теперь ему захотелось размяться.

— Крварр?

Она взглянула на него и сказала:

— Ах ты, мой хороший. У меня дома такая же полосатенькая; может, они из одного помета?

— Это кот Фредерики, — торжественно сказал я. — Мне пришлось взять его с собой, потому что... так было нужно. За ним некому присматривать.

— Ох, бедняжка! — Она почесала его за ухом и сделала, слава богу, все как надо.

Пит принял ласку (еще раз слава богу!), зажмурился, вытянул шею и разомлел до неприличия. Но он может очень сурово обойтись с незнакомыми людьми, если ему придется не по вкусу их метод завязывать с ним знакомство.

Наконец хранительница юных дев смилостивилась и велела мне подождать за столом, что стоял под деревьями возле «штаба». Это было достаточно далеко, чтобы беседа была приватной, и достаточно близко, чтобы мы оставались под ее неусыпным наблюдением. Я поблагодарил ее и стал ждать.

Я не заметил, как подошла Рикки.

— Дядя Дэнни! — неожиданно услышал я ее крик. Стоило мне повернуться, как она закричала опять: — Ты и Пита привез! Ой как замечательно!

Пит издал долгий ликующий «блееррр» и перепрыгнул к ней на руки. Она ловко поймала его, пристроила, как он больше всего любил, и на некоторое время они забыли обо мне, занятые ритуалом кошачьего протокола. Потом она взглянула на меня и сказала уже сдержанно:

— Дядя Дэн, я ужасно рада, что ты приехал.

Я не поцеловал ее, даже не прикоснулся к ней. Я не из тех, кто любит тискать детей, да и Рикки не выносила нежностей и терпела их только по необходимости. Наши своеобразные родственные отношения, с тех пор как ей стукнуло шесть, держались на взаимном уважении чувства собственного достоинства и личной свободы.

Но уж рассмотреть-то ее я рассмотрел. Мускулистая, с торчащими коленками, еще не налившаяся, она не была уже такой хорошенькой, как в раннем детстве. Она была одета в шорты и рубашку навыпуск с коротким рукавом; одежда, в сочетании с облезшей от загара кожей, царапинами, синяками, непременной грязью под ногтями, никак не усиливала ее женского очарования. Это был черновой набросок той женщины, в которую она превратится потом; угловатость девчонки-подростка скрашивалась только огромными, не по-детски серьезными глазами и волшебным очарованием ее перепачканной мордашки.

Она была просто восхитительна.

— И я ужасно рад, что приехал, Рикки.

Неловко пытаюсь удержать Пита одной рукой, другой она полезла в оттопыренный карман шорт.

— А еще я удивилась! Мне только что пришло письмо от тебя — меня позвали с раздачи писем, и я его даже не успела распечатать. Ты написал, что приедешь сегодня?

Она наконец вытащила скомканный конверт, слишком большой для ее маленьких карманов.

— Нет, Рикки. Я написал, что собираюсь уехать. Но, уже отправив письмо, решил, что надо заехать к тебе и попрощаться.

Она помрачнела и опустила глаза:

— Так ты уезжаешь?

— Да. Я все тебе объясню, Рикки, потерпи немного. Давай-ка присядем, и я тебе все расскажу по порядку.

Итак, мы уселись друг против друга за столом под раскидистыми ветвями деревьев, и я поведал ей обо всем. Между нами, на столе, в позе отдыхающего льва лежал Пит, положив передние лапы на конверт, мурлыча свою песню, похожую на жужжание пчел в клевере, и довольно жмурил глаза.

Я с облегчением обнаружил, что Рикки уже знала о браке Майлза и Белл, — мне было неприятно самому сообщать ей об этом. Она взглянула на меня, потом сразу же опустила глаза и безучастно сказала:

— Да, я знаю, папа писал мне.

— Ах вот как...

Вдруг ее лицо приняло решительное выражение, и она твердо, совсем не по-детски сказала:

— Я туда не вернусь, Дэнни. Ни за что не вернусь.

— Но... Послушай, Рикки-тикки-тави, я тебя прекрасно понимаю. И конечно, не хочу, чтобы ты возвращалась туда; если бы я мог, то обязательно взял тебя с собой. Но как же ты можешь не вернуться? Ведь он твой папа, а тебе всего одиннадцать.

— Я не обязана туда возвращаться. И он мне не настоящий папа. Вот приедет бабушка и заберет меня с собой.

— Что? Когда она приедет?

— Завтра. Ей ведь надо добираться сюда из Броули. Я написала обо всем и спросила, могу ли жить с ней, потому что с папой больше я жить не буду — из-за *этой*. — Рикки сумела вложить в это местоимение столько презрения, сколько иной взрослый не выжмет из ругательства. — Бабушка ответила, что если я не хочу там жить, так и не должна. Потому что он меня так и не удочерил и бабушка — мой... официальный опекун. — Она с беспокойством

взглянула на меня. — Правда же? Они ведь не могут заставить меня жить с ними?

У меня словно гора с плеч свалилась. Единственное, что не давало мне покоя со времени моего «возвращения», — как уберечь Рикки от пагубного влияния Белл в оставшиеся два года. Да, кажется, действительно так — почти два года.

— Ну, если он тебя так и не удочерил, то я уверен, что бабушка имеет полное право забрать тебя. Но вам обоим надо твердо стоять на своем. — Тут я вспомнил о порядках в лагере. — А вот завтра могут возникнуть осложнения. Вполне возможно, что тебя с ней не отпустят.

— А как, интересно, они могут меня задержать? Да я и спрашивать никого не буду — просто сяду к бабушке в машину и уеду.

— Все не так-то просто, Рикки. В лагере существуют определенные правила. Отец — я имею в виду Майлза — привез тебя сюда, и воспитатели не имеют права отпустить тебя из лагеря с кем-нибудь, кроме него.

Она выпятила нижнюю губу:

— Не пойду к нему. Я поеду с бабушкой.

— Конечно, конечно. И я, пожалуй, научу тебя, как это лучше сделать. Я бы на твоём месте не говорил им, что ты уезжаешь из лагеря насовсем; я бы просто сказал, что еду покататься с бабушкой, — и никогда не вернулся бы.

Она немного опешила.

— Точно!

— Ну так вот... сумку не собирай, а то они могут догадаться. Не бери с собой ничего из одежды, а только что на тебе... Положи деньги и все, что ты хочешь захватить с собой, в карманы. Надеюсь, у тебя здесь не много такого, что жалко оставлять?

— Вроде нет, — задумчиво сказала она. — Вот только мой новенький купальник.

Ну как объяснишь ребенку, что иногда приходится бросать свой багаж?.. Он все равно не поймет и побежит в горящий дом спасать куклу или игрушечного слоненка.

— Рикки, пусть бабушка скажет им, что она забирает тебя с собой в Эрроухед искупаться и вы, возможно, там в отеле и поужинаете, но к отбою ты вернешься. Тогда ты

сможешь захватить с собой купальник и полотенце. Но ничего больше. Согласится бабушка приврать ради тебя?

— Наверно. Да, я уверена. Она ведь всегда говорит, что без невинной лжи людям было бы трудно выносить друг друга. И всегда добавляет, что врать нельзя часто и можно только ради дела.

— По-моему, твоя бабушка — женщина здравомыслящая. Так ты сделаешь, как я сказал?

— Я так все в точности и сделаю, Дэнни.

— Вот и ладно. — Я взял со стола потрепанный конверт. — Рикки, я говорил, что должен уехать. Уехать надолго.

— На сколько?

— На тридцать лет.

Она широко распахнула глаза, так широко, что трудно было поверить, что такое возможно. В одиннадцать лет такой срок кажется не долгим — вечным. Я добавил:

— Извини. Извини, Рикки. Но мне правда надо ехать.

— Зачем?

Я не мог ответить на этот вопрос. Правдивый ответ звучал бы невероятно, а лгать было недопустимо.

— Рикки, мне очень трудно тебе сейчас все объяснить. Но я должен, и тут ничего не поделаешь. — Поколебавшись, я добавил: — Я ложусь в Долгий Сон — ты ведь знаешь, что это такое.

Она, конечно, знала. Дети гораздо быстрее взрослых привыкают к новым идеям; «холодный сон» стал излюбленной темой комиксов.

— Но, Дэнни, я ведь больше никогда тебя не увижу! — возразила она с ужасом.

— Нет, увидишь. Это долгий срок, но мы с тобой встретимся опять. И Пита ты тоже увидишь. Потому что Пит вместе со мной ложится в Долгий Сон.

Она посмотрела на Пита. На лице у нее было отчаяние.

— Но... Дэнни, почему бы вам с Питом не поехать в Броули, чтобы жить с нами? Так же будет намного лучше. Бабушке Пит понравится. И ты ей понравишься — она говорит, что мужчина в хозяйстве всегда пригодится.

— Но Рикки... милая Рикки... Я должен. Не мучь меня, пожалуйста. — Я принялся раскрывать конверт.

Она взглянула на меня сердито, подбородок ее задрожал.

— Я знаю, это все из-за нее!

— Что? Ты имеешь в виду Белл? Нет, не из-за нее, во всяком случае не совсем из-за нее.

— Она что, разве не собирается спать в «холодном сне» вместе с тобой?

Меня даже передернуло.

— Господи, конечно нет! Я ее на милую к себе не подпущу!

Она, похоже, немного успокоилась.

— А знаешь, я так на тебя злилась из-за нее. Ты меня жутко обидел.

— Извини, Рикки. Я действительно виноват. Ты была права, а я нет. Но она здесь ни при чем. Я с ней порвал на веки вечные, вот те крест! Ну а теперь об этом... — Я достал сертификат на все мои акции в «Горничной, инкорпорейтед». — Знаешь, что это такое?

— Нет.

Я объяснил ей.

— Я отдаю его тебе, Рикки. Поскольку я уезжаю на такой долгий срок, то хочу оставить его тебе.

Я достал письмо с доверенностью на ее имя, разорвал его и клочки сунул в карман. Надо было избежать любого риска — Белл ничего не стоило восстановить письмо по кусочкам, и мы еще были в пределах ее досягаемости. Я перечитал отпечатанный типографским способом текст передаточной надписи на обороте сертификата, раздумывая, как передать его в Американский банк в доверительную ответственность.

— Рикки, как твое полное имя?

— Фредерика Вирджиния. Фредерика Вирджиния Джентри. Ты же знаешь.

— Разве Джентри? Ты же сама сказала, что Майлз так и не удочерил тебя.

— Ой! Сколько себя помню, все зовут меня Рикки Джентри. А ты про мою настоящую фамилию? Хайнике... как у бабушки и у моего настоящего папы. Но никто меня так не называет.

— Теперь будут.

Я написал: «Фредерике Вирджинии Хайнике» — и добавил: «...и переписать в ее собственность в день, когда ей исполнится двадцать один год». Тут у меня мурашки побежали по спине: до меня вдруг дошло, что мое первое поручение, которое я разорвал, было с самого начала недействительно.

Тут я заметил, что наш цербер высунула голову из окна конторы. Взглянув на часы, я понял, что мы разговариваем целый час. Мое время истекало. Но надо было доводить дело до конца.

— Мэм?

— Да?

— Нет ли, случайно, здесь кого-нибудь, кто мог бы заверить документ? Может быть, в деревне есть нотариус?

— Я нотариус. Что вам угодно?

— О господи, замечательно! У вас и печать с собой?

— Я всегда ношу ее с собой.

В ее присутствии я подписал передаточную надпись на сертификате, и она даже погрешила немного против истины, используя полную нотариальную форму: «...известный мне лично вышеозначенный Д. Б. Дэвис». (Разве Рикки не убедила ее, что знает меня, а Пит не засвидетельствовал молчаливо, что я — достойный уважения член братства кошатников?) Когда она наложила на мою и свою подпись гербовую печать, я вздохнул с облегчением. Пусть-ка Белл попробует теперь подделать такой документ!

Она с любопытством посмотрела на меня, но ничего не сказала. А я провозгласил торжественно:

— То, что произошло, не воротишь, но с вашей помощью мы кое-что исправили. Ребенок сможет получить образование.

Она отвергла плату и ушла в домик. Я повернулся к Рикки и сказал:

— Отдай это бабушке и скажи, чтобы она отнесла документ в отделение Американского банка в Броули. Там сделают все остальное. — Я положил перед ней сертификат.

Она к нему даже не притронулась.

— Это стоит много денег, да?

— Довольно много. Но будет стоить еще больше.

— Мне это не нужно.

— Но, Рикки, я хочу, чтобы это было у тебя.

— Не хочу я. Не возьму. — Глаза ее наполнились слезами и голос задрожал. — Ты ведь уезжаешь навсегда... и... тебе больше нет до меня дела. — Она всхлипнула. — Совсем как тогда, когда ты обручился с ней. А мог бы спокойно взять Пита и жить с бабушкой и со мной. Не хочу я твоих денег!

— Послушай меня, Рикки. Теперь уж слишком поздно, я не могу взять документ обратно, даже если б и захотел. Он теперь твой.

— А мне все равно. Я к нему не притронусь. — Она протянула руку и погладила Пита. — Пит бы не уехал и не оставил меня одну, да только ты забереешь его с собой. И теперь у меня даже Пита не будет.

— Рикки? Рикки-тики-тави? — осторожно сказал я. — Ты хочешь увидеть Пита... и меня снова?

— Конечно хочу. Но уже не увижу.

Я с трудом разобрал, что она прошептала.

— Почему не увидишь? Увидишь!

— Как это? Ты ведь сказал, что ложишься в Долгий Сон на тридцать лет, — сам сказал.

— Да, так и есть. Должен лечь. Слушай, Рикки, вот что можно сделать, чтобы мы встретились. Будь умницей, поезжай к бабушке, ходи в школу, а деньги пусть копятся. И к двадцати одному году у тебя будет достаточно денег, чтобы самой лечь в Долгий Сон, если, конечно, ты к тому времени не передумаешь увидеться с нами. А когда проснешься, я встречу тебя. Мы оба тебя будем там ждать, Пит и я. Клянусь!

Она немного успокоилась, но еще не улыбалась. После долгого раздумья она наконец спросила:

— Вы и вправду там будете?

— Да. Но нам с тобой надо точно договориться. Если ты решила, сделай, как я скажу: обратись в страховую компанию «Космополитен». И при оформлении документов не забудь указать, чтобы тебя обязательно поместили в Риверсайдский храм и распорядись, чтобы тебя разбудили в первый день мая две тысячи первого года — не позже и не раньше. Именно в этот день я буду тебя встречать. Если

захочешь, чтобы я присутствовал при твоём пробуждении, специально оговори это при оформлении, иначе дальше комнаты ожидания меня не пустят, — знаю я это святилище, они там страшно нудные. — Я достал конверт с запиской, заготовленной ещё в Денвере. — Тебе не обязательно запоминать, что я сказал, — тут все написано. Сохрани его, а в день совершеннолетия решишь, как тебе поступить. Но в любом случае мы с Питом будем тебя там ждать. — И я положил конверт с наставлениями поверх сертификата.

Мне показалось, что я убедил её, но она и теперь не дотронулась до бумаг. Она лишь пристально взглянула на них, а потом тихо сказала:

— Дэнни...

— Да, Рикки?

Она опустила глаза и продолжила так тихо, что я с трудом разбирал слова. Но я её услышал.

— Если все так и будет... ты женишься на мне?

Кровь бросилась мне в лицо. В глазах потемнело. Но ответил я твердо и внятно:

— Да, Рикки. Этого-то я и хочу. Потому и ложусь в Долгий Сон.

Я оставил ей ещё один конверт — с надписью: «Вскрыть в случае смерти Майлза Джентри». Я ничего не стал объяснять ей — просто попросил сохранить. В нём содержались улики, изобличавшие Белл в брачных аферах и других её преступных деяниях; с их помощью любой адвокат без труда выиграет процесс о завещании Майлза в пользу Рикки.

Потом я снял с пальца кольцо, полученное при окончании института, — другого у меня не было — и отдал ей, сказав, что теперь мы обручены.

— Оно тебе великовато, но ты сохрани его. Когда проснешься, я подарю тебе другое.

Она крепко зажала кольцо в кулачке:

— Не надо мне никакого другого.

— Ладно. А теперь попрощайся с Питом, Рикки. Пора ехать, у меня нет ни минуты.

Она крепко обняла Пита и передала его мне, пристально глядя мне в глаза. По ее лицу, оставляя на грязных щеках две дорожки, текли слезы.

— Прощай, Дэнни.

— Не «прощай», Рикки, а «до свидания». Мы будем ждать тебя.

В четверть десятого я вернулся к мотелю. Оказалось, что вертолет вылетает из центра городка через двадцать минут. Я отыскал единственного здешнего торговца поддержанными автомобилями и сбыв ему свою машину за полцены, получив тут же наличными. Вероятно, это была одна из самых быстрых сделок в истории торговли. Оставшегося времени едва хватило, чтобы тайком протащить Пита в аэробус (летный персонал недолюбливает страдающих воздушной болезнью котов), и в одиннадцать с минутами мы уже были в кабинете мистера Пауэлла.

Мистер Пауэлл был очень недоволен, что я отказался вверить заботам «Взаимной» свои капиталы, и вознамерился прочесть мне целую лекцию по поводу потери мной документов.

— Не могу же я просить судью во второй раз заверить одни и те же документы, а ведь еще и суток не прошло. Это выходит за всякие рамки.

Я помахал перед его лицом пачкой денег с весьма убедительными цифрами на банкнотах:

— В ваши обязанности не входит мотать мне нервы, сержант. Хотите, чтоб я был вашим клиентом? Если нет, так и скажите, я ведь могу пойти в «Центральную долину». Потому что лечь в Долгий Сон мне нужно именно сегодня.

Он все еще кипел от злости, но, похоже, сдался. Потом он начал ворчать о дополнительных шести месяцах «холодного сна» и ни за что не хотел гарантировать точную дату пробуждения.

— В контрактах обычно указывается: «Плюс-минус один месяц на усмотрение администрации с целью избежания риска при пробуждении».

— А в моем контракте не указывайте. В нем должна стоять точная дата: двадцать седьмое апреля две тысячи

первого года. И мне плевать, будет это написано в бланке «Взаимной» или «Центральной долины». Вы продаете, мистер Пауэлл, а я покупаю. Не можете продать, что мне надо, так я пойду туда, где могут.

Он внес изменения в контракт, и мы заверили его своими подписями.

Ровно в двенадцать я предстал перед врачом для заключительного осмотра. Он внимательно взглянул на меня:

— Ты пил?

— Трезв как стеклышко.

— Это еще выяснить надо. Увидим.

Обследовал он меня не менее тщательно, чем «вчера». Наконец он отложил свой резиновый молоток и сказал:

— Я удивлен. Сегодня ты в гораздо лучшей форме, чем вчера. Просто поразительно.

— Вы не представляете насколько, док.

Я взял Пита на руки и гладил его, пока ему делали успокоительный укол. Потом откинулся назад и позволил им заняться мной. Я мог бы, конечно, и подождать еще день-два, но, честно говоря, мне очень не терпелось поскорей оказаться в 2001 году.

Около четырех я мирно уснул; на груди у меня покоилась голова Пита.

12

На этот раз я видел более приятные сны. Единственный плохой сон, который я запомнил, был не так уж плох, просто он был полон бесконечных разочарований. Это был «холодный сон», и в нем я все шел и шел, дрожа, ветвящимися коридорами, заглядывая во все двери в надежде, что уж следующая непременно окажется Дверью в Лето и за нею меня ждет Рикки. Пит мешал мне, то и дело забегая вперед; у котов есть такая вредная привычка — шнырять под ногами туда-сюда, когда они тебе доверяют и уверены, что ты не наступишь на них или не пнешь ненароком. Перед каждой дверью он проскакивал у меня между ног,

выглядывал наружу, убеждался, что там все та же зима, и отпрыгивал назад, едва не сбивая меня с ног. Но нас с ним не оставляла надежда, что уж следующая-то дверь обязательно будет та самая, Дверь в Лето.

На этот раз я проснулся легко: все мне было уже привычно. Доктор был даже несколько раздосадован, что я не захотел поболтать с ним, а сразу спросил завтрак и местную «Таймс». Вряд ли стоило объяснять ему, что мне не впервой выходить из анабиоза: все равно он бы мне не поверил.

Меня ожидала недельной давности записка от Джона.

Дорогой Дэн!

Ладно, я сдаюсь. Как ты это проделал?

Выполняю твою просьбу и не встречаю тебя, но Дженни этим недовольна. Я как мог объяснил ей, что первое время ты будешь очень занят; а пока она посылает тебе сердечный привет и надеется, что мы вскоре увидимся. У нас все в порядке, хотя я теперь хожу там, где раньше бегал. Дженни же еще больше похорошела.

*Hasta la vista, amigo!*¹

Р. С. Если приложенной к письму суммы недостаточно — позвони, там еще много осталось. Думаю, мы неплохо поработали.

Джон

Я подумал было позвонить Джону — поприветствовать его и рассказать о колоссальной новой идее, пришедшей мне в голову во сне: сделать штуковину, которая превратит купание в ванне из обычной гигиенической процедуры в тонкое удовольствие. Но потом решил не делать этого: меня заботили другие дела. А пока я не забыл подробностей нового замысла, я кое-что записал. Вскоре я заснул. Заснул и Пит, сунув голову мне под мышку. Жаль, что не могу отучить его от этого. С одной стороны, лестно, с другой — не очень удобно.

Тридцатого апреля, в понедельник, я выписался и отправился в Риверсайд, где снял комнату в гостинице

¹ До свидания, друг! (*исп.*)

«Мишн инн». Как я и ожидал, по поводу Пита возникли сложности: автоматический коридорный взток не берет — тоже мне усовершенствование; но помощник менеджера проявил бóльшую гибкость в синапсах. Он внял моим доводам — хрустящим и шелестящим. В ту ночь я спал плохо. Очень волновался перед встречей с Рикки.

На следующий день в десять утра я уже представлялся директору Риверсайдского храма.

— Доктор Рамси, меня зовут Дэниел Б. Дэвис. Есть у вас клиентка по имени Фредерика Хайнике?

— Полагаю, у вас имеется удостоверение личности?

Я показал ему свои водительские права, выданные в 1970 году в Денвере, и свидетельство о выписке из храма «Лесная лужайка». Он осмотрел документы, потом меня, потом вернул их обратно.

— Я знаю, что ее должны разбудить сегодня, — взволнованно сказал я. — Распорядилась ли она разрешить мне присутствовать при этом? Я не имею в виду сам процесс — только ту минуту, когда ей введут рестимулянт и она придет в сознание.

Он выпятил нижнюю губу и безразлично взглянул на меня:

— В наших инструкциях относительно этого клиента не указано, что ее следует разбудить сегодня.

— Нет? — Я почувствовал обиду и разочарование.

— Нет. Ее пожелания были таковы: она не хотела, чтобы ее будили именно сегодня, она хотела, чтобы ее не будили, пока вы не появитесь. — Он оглядел меня и улыбнулся. — У вас, должно быть, золотое сердце, потому что вашей привлекательностью такое не объяснить.

Я вздохнул с облегчением:

— Спасибо, доктор.

— Подождите в вестибюле или погуляйте. В вашем распоряжении часа два.

Я вышел в вестибюль, забрал Пита, и мы отправились на прогулку. Я припарковал его в новую дорожную сумку, но он ею был не очень-то доволен, хотя я постарался подыскать в магазине точно такую же, как и прежняя, даже прорезал в ней окно. Должно быть, она пока еще неправильно пахла.

Мы прошли мимо «воистину чудесного местечка», но я не был голоден, несмотря на облегченный завтрак, — Пит съел мою порцию яиц, отворотив морду от дрожжевых полосок. В одиннадцать тридцать я вернулся в храм. Наконец меня впустили к Рикки.

Я мог видеть только ее лицо, тело было накрыто. Да, это была моя Рикки, но она уже стала взрослой женщиной и выглядела как спящий ангел.

— Она сейчас выходит из состояния гипноза, — мягко сказал доктор Рамси. — Стойте здесь, я сейчас начну ее будить. Да, а кошку бы лучше убрать отсюда.

— Нет, доктор.

Он хотел было что-то сказать, потом пожал плечами и повернулся к пациентке:

— Просыпайтесь, Фредерика. Просыпайтесь. Вы должны сейчас проснуться.

Ее веки затрепетали, и она открыла глаза. Блуждающий взгляд остановился на нас, и она сонно улыбнулась:

— Дэнни... и Пит. — Она протянула к нам руки — и на большом пальце ее левой руки я увидел свое кольцо.

Пит мяукнул, прыгнул на кровать и принялся тереться о ее плечо, по-своему выражая радость встречи.

Доктор Рамси хотел оставить ее в палате до утра, но Рикки наотрез отказалась. Я подогнал такси к двери храма, и мы рванули в Броули. Бабушка Рикки умерла в 1980 году, а других родственников у нее не было. Но она оставила там на хранение кое-что из вещей — в основном книги. Я распорядился отправить их в «Аладдин», на имя Джона Саттона. Рикки была немного ошеломлена изменениями, происшедшими в родном городе, и ни на миг не отпускала мою руку. Слава богу, она оказалась не подверженной ностальгии, той страшной опасности, что таит в себе Долгий Сон. Просто она хотела уехать из Броули как можно быстрее.

Поэтому я нанял другое такси, и на нем мы добрались до Юмы. Там, в книге актов гражданского состояния графства, красивым округлым почерком я вывел свое полное имя: Дэниел Бун Дэвис, чтобы ни у кого не возникло сомнений — Д. Б. Дэвис подписался под своим *magnum opus*.

Несколько минут спустя я уже стоял, держа в ладони ее маленькую руку, и, задыхаясь от волнения, произносил:

— Я, Дэниел, беру тебя, Фредерика, в жены... до тех пор, пока смерть не разлучит нас...

Моим шафером был Пит, а свидетелей мы наскребли прямо в мэрии.

Из Юмы мы направились в гостиницу — ранчо близ Тусона — и заняли коттедж подальше от центрального корпуса. В услужении у нас был гостиничный «Трудяга», а больше нам никого и не требовалось. Пит выиграл историческую битву у кота, который до нашего приезда считался хозяином округа, после чего нам пришлось держать Пита взаперти или следить за ним во время прогулок. Насколько я помню, это было единственным неудобством. Рикки восприняла замужество как нечто само собой разумеющееся, а я — ну, у меня была Рикки, и этим все сказано.

Ну вот, пожалуй, и все. Рикки оказалась самым крупным держателем акций «Горничной, инкорпорейтед», и я воспользовался этим, чтобы обеспечить Макби более спокойную жизнь на должности «заслуженного инженера-исследователя». Чака я сделал главным инженером. Джон по-прежнему стоит во главе «Аладдина», но все время угрожает, что подаст в отставку, — надеюсь, что дело до этого не дойдет. Он предусмотрительно выпустил привилегированный пакет акций и облигации, так что теперь Дженни, он и я контролируем дело. Я не вхожу в совет директоров ни одной из корпораций и не управляю ими, они между собой конкурируют. Конкуренция — вещь полезная; не зря Дарвин придумал естественный отбор.

А сам я — «Проектная компания „Дэвис инжиниринг“»: конструкторское бюро, небольшая мастерская да старик-механик. Он считает меня тронутым, но с абсолютной точностью изготавливает детали по моим чертежам. Когда мы заканчиваем очередной проект, я продаю лицензию и принимаюсь за что-нибудь новенькое.

Я расшифровал записи бесед с Твитчелом. Написал ему об этом, добавив, что я совершил путешествие во времени и вернулся обратно с помощью «холодного сна»... Еще я униженно просил простить меня за «подначку»; спросил

его, не хочет ли он прочитать рукопись книги, когда она будет закончена. Он так и не ответил — наверно, до сих пор злится.

Но я все-таки пишу книгу, а когда закончу — разошлю во все крупнейшие библиотеки. Даже если мне придется издать ее за свой счет. Я ведь в неоплатном долгу перед ним. Больше того — я обязан ему нашей встречей с Рикки и с Питом. Книгу я озаглавил «Невоспетый гений».

Дженни и Джон выглядят так, словно собрались жить вечно, — этим они обязаны достижениям гериатрии, све-жему воздуху, солнцу, гимнастике и уравновешенному характеру. Дженни даже похорошела в свои... да, пожалуй, шестьдесят три! Джон все так же считает меня «просто» ясновидящим и не желает взглянуть правде в глаза. Как мне это удалось? Я пытался объяснить все Рикки. Но она страшно расстроилась, узнав, что, когда мы проводили медовый месяц, я в то же время, совершенно очевидно, находился в Боулдере, а когда разговаривал с нею в скаутском лагере, одновременно лежал в наркотическом оцепенении в долине Сан-Фернандо.

Выслушав меня, она побледнела. А я продолжал:

— Давай рассуждать отвлеченно. Теоретически. Тут все логично, если рассматривать с точки зрения математики. Скажем, берем морскую свинку — белую с коричневыми пятнами, сажаем ее на темпоральную платформу и отправляем на неделю назад. Но неделю назад мы ее уже нашли там, и с тех пор она сидит в клетке сама с собой. Так что теперь у нас две морские свинки, хотя фактически — всего одна. Но она же и другая, только на неделю старше. Поэтому если взять одну из них и отправить на неделю назад и...

— Подожди минутку! Какую отправить?

— Как — какую? Так их всего одна. Но берем, конечно, ту, что на неделю моложе, потому что...

— Но ты сначала сказал — свинка у нас всего одна. Потом сказал, что две. Потом сказал, что две и есть одна. Но ты-то хочешь брать одну из двух — а их всего одна.

— Я и пытаюсь тебе объяснить, как две свинки могут быть одной. Так вот. Если взять ту, что младше...

— А как ты узнаешь, какая из них младше, если они похожи?

— Ну, у той, которую мы будем посылать на неделю назад, можно отрезать хвостик. И когда она вернется...

— Фу, Дэнни, как жестоко! К тому же у морских свинок и хвостов-то нет!

Она, кажется, решила, что опровергла все мои доводы, — напрасно я пытался что-то объяснить. Правда, Рикки не из тех, кто беспокоится из-за таких пустяков. Увидев, что я расстроился, она тихо произнесла:

— Иди сюда, дорогой.

Она ласково взъерошила остатки моей шевелюры, поцеловала меня и сказала:

— Мне нужен ты в единственном числе, дорогой. Двоих таких для меня будет слишком много. Скажи мне лучше: ты рад, что дождался, пока я вырасту?

И я приложил все усилия, чтобы доказать ей это.

Но на самом-то деле мои объяснения ничего не проясняют. Я и сам потерял нить — словно сидел на карусели и считал обороты, а потом сбился со счета. Почему я не видел сообщения о своем собственном пробуждении? Я имею в виду второе, в апреле 2001 года, а не то, которое было в декабре 2000 года. Я должен был его увидеть, регулярно просматривая газеты после своего первого пробуждения. Меня разбудили (во второй раз) в пятницу, двадцать седьмого апреля 2001 года, значит на следующее утро в «Таймс» должны были опубликовать сообщение. Почему я его тогда, в первый раз, не видел? Вот же оно! Черным по белому: «Д. Б. Дэвис» — в «Таймс» за субботу, двадцать восьмое апреля 2001 года.

Рассуждая философически, одним росчерком пера можно с одинаковой легкостью создать новую вселенную и уничтожить Старый Свет. Неужели верна гипотеза о существовании параллельных временных потоков и альтернативных миров? Может, подкрутив начальные условия, я попал в другую вселенную? Даже притом что я нашел в ней Рикки и Пита? А может, где-то (или когда-то), в какой-то другой вселенной, Пит выл, пока не отчаялся, а потом, брошенный на произвол судьбы, отправился бродяжничать? А Рикки в ней не сбежала к бабушке, а вынуждена была сносить издевательства Белл?

Но газетная строчка мелким шрифтом ничего не доказывает. Той ночью я мог задремать и пропустить свое имя,

а наутро попросту выбросил газету в мусоропровод, уверенный, что прочитал все. Я всегда отличался рассеянностью, особенно если думал в это время о работе.

Да и что бы я сделал, увидев? Пошел сам себя встречать — и сошел бы с ума? Нет, если б я и увидел свое имя в газете, я бы ни за что не сделал всего того, что и привело в конце концов к моему второму пробуждению. Вот потому-то этого и не случилось.

Ход событий регулируется, по-видимому, отрицательными обратными связями со своего рода «охранными цепями». И поэтому само существование этой строчки пети-том зависело от того, увижу я ее или нет. У меня была вполне очевидная возможность ее увидеть, но моя способность увидеть эту строчку в данной системе считалась «запрещенным» состоянием.

«То божество намерения наши довершает, хотя бы ум наметил и не так»¹. Тут и свобода воли, и предопределение — в одной фразе. И то и другое — верно. Есть только один реальный мир — с одним прошлым и одним будущим. «Каков был изначально, таков есть и таким пребудет вовеки мир бесконечный. Аминь». Только один... Но достаточно большой и сложный, чтобы вместить в себя и свободу воли, и путешествия во времени, и все эти «обратные связи» и «охранные цепи». В пределах его правил нам разрешается все... но возвращаемся мы к тому, с чего начали.

Я не единственный, кто путешествовал во времени. И Форт, и Амброз Бирс описали много подобных случаев, которые иначе не объяснишь. А еще те две дамы в садах Трианона². Подозреваю, что старый профессор нажимал кнопку чаще, чем признался мне... И это не говоря уже о других неизвестных, побывавших в прошлом или будущем. Но сомневаюсь, что о них когда-нибудь узнают. Взять хоть меня: о том, что со мной произошло, знают всего три человека. И двое из них мне не поверили. Не так уж много может путешественник во времени. Как говаривал Форт, железные дороги строят только тогда, когда приходит их время.

¹ У. Шекспир. Гамлет. Акт V, сц. 2. Перевод М. Лозинского.

² Имеется в виду история блужданий по Версалию двух дам из Бри-танской академии наук в 1901 г.

Но у меня не выходит из головы Леонард Винсент. Неужели он стал Леонардо да Винчи? Неужели он прошел через весь континент и отплыл в Европу с Колумбом? В энциклопедии о его жизни имеются какие-то сведения, но не подделал ли он записи? Знаю я, как это делается, — мне самому приходилось заниматься подобными делами. А ведь в Италии пятнадцатого века не было ни номеров социального страхования, ни удостоверений личности, ни отпечатков пальцев. Так что он легко мог повернуть все это.

Вы только представьте себе его, оторванного от всего, к чему он привык, знавшего об авиации, электричестве, о миллионах вещей, отчаянно пытавшегося их изобразить, чтобы их можно было сделать... и обреченного на разочарование. Потому что ничего из того, что мы знаем сегодня, невозможно сделать без опыта, накопленного веками.

Танталу и тому было легче.

Я подумал о том, что можно было бы сделать путешествия во времени коммерческим предприятием, если бы их рассекретили. Можно совершать короткие прыжки, создавая механизмы для возвращения из прихваченных с собой компонентов. Но однажды вы можете прыгнуть так далеко, что обратно будет уже не вернуться, потому что еще не «наступило время железных дорог». Это может быть что-то совсем простое, какой-нибудь особый сплав, но он подрежет вам крылышки. И остается эта ужасная опасность попасть в прошлое вместо будущего — или наоборот. Представьте себе, что вы очутились при дворе короля Генриха VIII с грузом субфлексивных фасартов, предназначенных для XXV века. Уж лучше оказаться на шлюпке в северных широтах Атлантики.

Нет, никогда не следует выбрасывать на рынок новый механизм, не удалив прежде все неполадки.

Меня не волнуют «парадоксы» или «обусловленные анахронизмы», если какой-нибудь инженер в тридцатом веке отладит установку и подготовит станции перемещения, значит Создатель именно так predetermined пути развития Вселенной. Он дал нам глаза, руки, мозг; то, что мы вершим с их помощью, — отнюдь не парадокс. И Ему не нужны представители, чтобы «проводить в жизнь» Его законы: они сами себя проводят. Чудес не бывает, и слово «анахронизм» — просто семантическая чепуха.

И философия волнует меня не больше, чем Пита. Каким бы на самом деле ни оказался мир, в котором мы живем, он мне нравится. Я нашел свою Дверь в Лето и не стану снова путешествовать во времени из страха, что можно сойти не на той станции. Может, мой сын станет, но тогда я постараюсь убедить его отправиться вперед, а не назад. «Назад» — только для экстренных случаев, ведь будущее лучше прошлого. Назло всем нытикам, романтикам и иррационалистам мир постоянно совершенствуется, потому что человеческий разум, познавая окружающий мир, делает его лучше. Используя руки... используя инструменты... простой здравый смысл и достижения науки и техники.

А всяких длинноволосых хулителей, которые не могут ни гвоздя вбить, ни логарифмической линейкой пользоваться, я бы посадил на платформу профессора Твитчела и спровадил назад, в двенадцатое столетие, — пусть там наслаждаются.

Но лично я ни на кого не держу зла, и мне нравится время, где я живу. Разве что Пит стареет, потихоньку полнеет и уже сторонится более молодых соперников. Увы, скоро, очень скоро он заснет самым Долгим Сном. Я всем сердцем надеюсь, что его храбрая маленькая душа найдет свою Дверь в Лето, за которой его ждут изобильные поля кошачьей мяты, где дамы ласковы и обходительны, а роботы-соперники запрограммированы на свирепые битвы — но всегда терпят поражение и где у людей есть добрые руки и ноги, о которые можно потереться и которые никогда вас не ударят.

Рикки тоже заметно пополнила, правда временно и по более счастливой причине. Она от этого еще больше похорошела и все так же сладко тянет свое неизменное «да-а?!», когда удивлена. Но чувствует она себя неловко. И я работаю над разными приспособлениями, чтобы облегчить ей жизнь. Роль женщины и без того не самая легкая, с этим нужно срочно что-то делать. И я надеюсь, мне это удастся. В интересном положении женщин мучает боль в пояснице и им трудно наклоняться; для Рикки я сконструировал специальную гидравлическую кровать — думаю со временем получить на свое изобретение патент. Надо еще что-то придумать для облегчения принятия ванны — над этой проблемой я сейчас и работаю.

Для старины Пита на случай плохой погоды я построил кошачий туалет — полностью автоматизированный, самоопорожняющийся, гигиенический и с воздухоочистителем. Однако Пит, как подобает настоящему коту, предпочитает выходить на улицу. И он по-прежнему убежден в том, что, если просто перепробовать все двери, одна из них непременно окажется Дверью в Лето.

И я думаю, что он прав.

О романах «Кукловоды» и «Дверь в Лето»

КУКЛОВОДЫ: СЛИЗНИ ИЗ ТИТАНА

Речь у нас пойдет о коммунистической угрозе, нависшей в начале 1951 года над Соединенными Штатами. И хотя угроза эта была больше воображаемая, чем реальная, за прошедшие полвека она отнюдь не развеялась, а, напротив, продолжала и продолжает победное шествие по миру. Потому что людей всегда притягивает ужасное. А «Кукловоды» — «The Puppet Masters» — роман ужасов. И несмотря на то что роман посвящен коммунистической угрозе, его популярности не помешало ни падение Берлинской стены, ни, что более важно, весьма слабая экранизация 1994 года. Ныне книга переведена на два десятка языков, издана суммарным тиражом в десятки миллионов экземпляров (на русском языке напечатано лишь немногим меньше миллиона). Конечно, это не «Рейнджеры» и не «Чужак», но книга все еще популярна, поэтому говорить о ее содержании не имеет смысла — зато стоит сказать немного о самой книге и о том, как она возникла.

История «Кукловодов» началось в 1949 году, когда новое издательство «New American Library» только налаживало контакты с известным детским писателем Робертом Хайнлайном. «Почему бы вам не написать книгу про корабль-пришелец, инопланетян, войну миров... Что-нибудь этакое? — спрашивали издатели, пытливно заглядывая в глаза. — Это сейчас в тренде!» Детский писатель благосклонно кивал, предлагал издателям свои старые «взрослые» вещи и не спешил попадать в тренд. Понадобилось особое стечение обстоятельств, чтобы детский писатель всерьез обратился к этой теме. Это произошло через год-полтора.

1. Деньги

Ну конечно же, основной причиной были деньги. «В то время мной двигала настоятельная потребность заполнить чек по уплате подоходного налога и оплатить строительные счета», — рассказывал писатель позднее. Строительство дома его мечты (от и до спроектированного персонально Р. Э. Х.) внезапно оказалось под угрозой. Война в Корее (чисто полицейская операция, как говорили официальные лица) вызвала на рынке услуг и стройматериалов катастрофический рост цен — за месяц они подскочили на 60 %. Бюджет строительства был мгновенно исчерпан. А ведь его нужно было закончить, причем как можно скорее, иначе оно могло не закончиться вообще: повестка с призывом на действительную военную службу на имя Вирджинии Хайнлайн уже лежала в военкомате. Роберт не мог оставить жену (помните? «В печали и радости, до конца дней»), он собирался следовать за ней, несмотря на гарантированный белый билет. И потому дом должен был быть достроен. Хотя бы для того, чтобы было куда возвращаться после войны. Альтернативой были унылые развалины, впус- тую поглотившие немалые усилия и деньги. А терять деньги Хайнлайн очень не любил.

2. НЛО

Всемирная НЛО-истерия начала свой отсчет с катастрофы в Росуэлле, в 1947 году. В 1949 году радиостанция Би-би-си по-прежнему обо всем умалчивала и все отрицала, но некто Кейхо в статье для журнала «True» убежденно писал о том, что НЛО — это корабли пришельцев. Статья получила большой резонанс, и люди принялись всерьез обсуждать проблему «тарелок». В марте 1950-го некто Мак-лоулин, работавший с ученым на полигоне Белые Пески, в другой статье для «True» авторитетно утверждал, что это корабли с других планет, управляемые пришельцами. Авиабазы и атомный полигон в Белых Песках — это было на самом деле серьезно. Авторитет официальной науки и ее представителей имели вес в массовом сознании. И очень скоро это массовое сознание сорвалось в психоз. До душе-

раздирающего «ОНИ ПОХИЩАЮТ ЛЮДЕЙ ДЛЯ ОПЫТОВ!» оставалось чуть больше десяти лет. Хайнлайн решил позаимствовать «Блюдца, полные тайн», но в мыслях у него было наполнить их более ходким товаром: ужасом, паранойей и ксенофобией.

Спусковым крючком к началу работы, по-видимому, послужила история об ушлых фермерах из Айовы, построивших муляж потерпевшей крушение летающей тарелки. Парни водили к нему туристов фотографироваться за деньги. Жаль, в интернете мне не удалось найти следов этой истории, — здесь не помешала бы парочка подробностей. С тех пор муляжи НЛО распространились по всей Америке, и имена первооткрывателей затерялись среди толп подражателей.

3. Вопрос, оставленный без рассмотрения

Итак, коварные пришельцы летят на Землю в своих летающих тарелках. Редкое вторжение инопланетян обошлось бы без Герберта Уэллса и его марсиан. Концепции «технологическое превосходство», «холодный продвинутый интеллект», «люди как скот» и «спасительная мелочь», пущенные в обиход английским классиком, прочно укоренились в основе фантастического жанра и дали обильные всходы. Хайнлайн тоже отталкивался от Уэллса, но именно *отталкивался*, стараясь перевернуть все с ног на голову или хотя бы просто отойти подальше. Технологическое превосходство было сведено к минимуму, спасительных микробов пришлось импортировать с Венеры, люди остались скотом, но банальный статус источника протеинов сменили на нечто более сложное. С продвинутым интеллектом и вовсе пришлось распрощаться — Хайнлайн умел высчитывать шансы и понимал, что при таком раскладе у человечества никаких шансов не будет. И здесь он сделал совершенно неожиданный ход, который ни Уэллсу, ни массе его коллег-современников даже в голову бы не пришел. «Разумны ли они?» — спрашивает он в первой же строчке романа. Вопрос, который он затем быстро скомкает, не давая ему дальнейшего развития. По сути, Хайнлайн спрашивает, дает ли человеческий разум, который мы

привыкли видеть на вершине эволюционной пирамиды, преимущество в глобальной вселенской конкуренции видов? Вопрос на миллион долларов, на много лет опередивший свое время. Задолго до «Ложной слепоты» Уоттса он вводит инопланетных тварей, для которых разум, интеллект — совершенно необязательное приложение, гаджет, который можно подключить, если возникает необходимость, но не более того. Жаль, что Хайнлайн не копнул эту идею глубже, а оставил в полуподвешенном состоянии. Но вопрос был задан, а это уже немало.

4. Коммунизм

В феврале 1950 года сенатор Маккарти в своей речи заявил, что Госдепартамент битком набит коммунистами. К этому времени Хайнлайн полностью распростился с социалистическим прошлым и был ярким антикоммунистом. До полной паранойи было еще далеко (ее подхлестнуло внезапное превосходство СССР в ракетостроении и вытеснение США из Юго-Восточной Азии), но автор прошагал большую часть этого пути. Параноидальная картина, когда близкие и знакомые люди внезапно оказываются чужаками, — это отражение собственных переживаний Хайнлайна, хотя в те времена он еще считал усилия по поиску коммунистов малоэффективными и потому не слишком актуальными. Особенно его раздражала необходимость заполнять бесчисленные анкеты, припоминать все факты общения с актуальными или потенциальными коммунистами и стучать на своих близких и далеких знакомых. «По своему личному и горькому опыту я знаю, что опознать скрытого коммуниста практически невозможно», — признавался он. Невозможность простыми способами выявить, что таится у человека в голове, порождала у Хайнлайна чувство беспомощности, он неоднократно фатально ошибался в людях. Был ли он слеп, или это люди незаметно для глаза изменялись и становились *другими*? Привычный мир плыл и менялся вокруг него, вещи и личности выпадали из фокуса, а потом вдруг оборачивались неожиданной стороной. Будь он Стивеном Кингом, этот страх неизвестного вылился бы в историю о психопатах и шизофрениках, но он был

научным фантастом — ему ближе оказалась метафора паразитов мозга, превращающих близких людей во враждебных чужаков. Невидимое вторжение — на этом страхе и возникла эпоха маккартизма, так что Хайнлайн поймал очень важный тренд современности еще в самом зародыше. Но, помимо Вторжения, кукловоды были манифестацией других страхов — от физиологического страха потери контроля над собственным телом до индивидуалистического ужаса растворения в «коллективном бессознательном». Последнее обстоятельство тоже принято связывать с коммунизмом, но мне думается, что связь между оруэлловским единомыслием и растворением в море дхарм немного притянута за уши. Хайнлайн вовсе не чуждался трансцендентности, но интерес к нему ушел вместе с женой-колдуньей, а мода на дзен-буддизм еще не пришла.

Из всех этих компонентов и сложилась история о кукловодах, которую сам Хайнлайн впоследствии назвал «тонко замаскированной аллегорией, обличительной речью против тоталитаризма во всех его формах». В октябре 1950 года он сумел отгородить в своем строящемся доме что-то вроде кабинета и за пять недель написал черновик, в котором было около 100 000 слов — довольно объемный текст, которого мы никогда не увидим.

5. Золотые ножницы

Каждый свой роман Хайнлайн продавал как минимум дважды: сначала он печатался в каком-нибудь журнале с продолжениями, а затем выходил в твердой обложке. Далее наступала очередь иностранных изданий, а потом начинали капать роялти с проданных тиражей, через некоторое время наступал этап переизданий... Тщательно возделываемая делянка способна приносить два-три урожая в год — Хайнлайн очень внимательно просчитывал последовательность заключения контрактов и писал тексты, изначально предназначенные для сокращений и разбивки на части, что позволяло ему более оперативно готовить журнальный вариант. Тем не менее рутина переписываний отнимала много времени. Обычно он сам выкидывал из чернового варианта тысяч 10–15 слов при вычитке, затем

урезал текст по требованиям книжного издателя, выкидывая еще 5–10 тысяч, параллельно ужимая исходный текст до журнального варианта в 40 000 слов.

2 декабря 1950 года

Роберт Э. Хайнлайн — Лертону Блассингейму

Посылаю два машинописных экземпляра «Кукловодов».

Вещь в нынешнем ее состоянии длинновата (приблизительно 90 000 слов) для переделки в журнальный вариант и слишком длинная для книжного варианта, но я предпочел бы сокращаться по конкретным требованиям редактора, а не заранее и наобум.

Редактором в «Doubleday» был Уолтер Брэдбери (который однажды посоветовал своему однофамильцу объединить разрозненные рассказы в цикл — так возникли «Марсианские хроники»). Уолтер предложил Хайнлайну уменьшить сексуальный градус текста, и блондинка, сверкавшая прелестями в первых кадрах, исчезла из постели Элихью. Обратно она вернулась только в 1990 году. Хайнлайн предвидел подобные требования и был готов к ним. Не готов он был к тому, чтобы снизить уровень саспенса. «По моему мнению, роман ужасов — а это он и есть — не улучшится в коммерческом плане, если разбавить его водой», но и эти правки он внес скрепя сердце. Общение с Брэдбери вообще доставило писателю несколько неприятных минут: Уолтер, объясняя свои требования по сокращению текста, сказал, что Хайнлайн просто «должен вспомнить своих несовершеннолетних читателей и представить, что пишет для них». Носить пожизненно клеймо «детский писатель» Хайнлайну отнюдь не улыбалось. Он рассчитывал, что к его взрослым вещам будут относиться без предвзятости. Но это были только цветочки — ягодки ожидали писателя впереди.

А тем временем журнальный вариант ушел в «Galaxy». Его редактор Гораций Голд грамотно расставил сети, избежать которых Хайнлайн не мог, — сначала он подманил автора, взяв в печать его эссе «Пандора», отвергнутое журналом «Cosmopolitan», а затем оглушил финансовой колотушкой, предложив за «Кукловодов» довольно жирную сумму — 2000 долларов, упускать которую было решитель-

но невозможно. И тут Хайнлайна ждал неприятный сюрприз: Гораций лично редактировал все вещи, которые проходили через его руки. И его редактура Роберта решительно не устроила.

20 августа 1951 года

Роберт Э. Хайнлайн — Лертону Блассингейму

Всю прошлую неделю бил себя по рукам, чтобы не написать жесткое письмо Голду. Он послал мне сигнальный экземпляр сентябрьского «Galaxy» с первым выпуском «Кукловодов». Голд, оказывается, напортачил с моей рукописью, вряд ли в ней остался хоть один абзац, который он не «улучшил», — я чуть с ума не сошел.

Будь я фрилансером без литагента, меня не остановил бы даже риск навсегда потерять этот рынок. Я бы сказал ему: «Послушай, ты, придурок, когда мы оба были внештатными авторами, мой рейтинг был намного выше твоего. За всю свою жизнь ты не написал ни одного классного научно-фантастического рассказа, так какого же черта ты решил, что можешь „улучшить“ мою рукопись?!»

Понятно, я ему этого не сказал и не собираюсь — но именно это я ощущаю, и все это истинная правда. Голд выпускает хороший журнал, но как писатель он просто ничтожество.

Черт возьми! Я не возражаю против небольших изменений, которые делает большинство редакторов, и я не возражаю против разумного количества правок, сделанных мной по требованию редакции, но этот тип нагадил на каждой странице.

Справедливости ради замечу, что Голд не был жалким графоманом. Его рассказ «Вопрос формы» очень даже неплох, проблема, видимо, в диаметральной несовпадении стилей — Голд более мягок, Хайнлайн более жесток. Голд не мог пройти мимо острых углов, характерных для брутально-агрессивной подачи «Кукловодов».

6. Голливудский зигзаг

Фильм Роджера Кормана «Пожиратели мозга», снятый в 1958 году, немедленно попал в поле зрения Хайнлайна и вызвал у писателя вполне предсказуемую реакцию. Если

вы не видели «Пожирателей», вам просто остается поверить мне на слово: его сюжет построен на идеях «Кукловодов», вплоть до того, что несколько сцен из романа аккуратно перенесены в сценарий фильма. В 1959 году, когда права на роман вернулись писателю, Роберт Энсон Хайнлайн подал в суд иск на продюсера Роджера Кормана, обвинив последнего в плагиате и потребовав возмещения в размере 150 000 долларов. Разумеется, Корман все отрицал. Он заявил, что «Кукловодов» не читал, а ключевая идея, по его мнению, витала в воздухе. По правде говоря, такое заявление имело основание — к 1958 году тему «похитителей тел», замещающих или контролирующих сознание людей, уже обкатала целая вереница фильмов:

«Это прибыло из космоса» («It Came from Outer Space», 1953),

«Захватчики с Марса» («Invaders from Mars», 1953),

«Вторжение похитителей тел» («Invasion of the Body Snatchers», 1956),

«Я вышла замуж за монстра из космоса» («I Married a Monster from Outer Space», 1958).

Но, прочитав в ожидании суда роман и сопоставив сцены фильма с его эпизодами, Корман убедился в правоте писателя. Он немедленно позвонил Хайнлайну и попытался соблазнить его тремя тысячами баксов при условии, что тот напишет для Кормана сценарий о летающем городе и другими заманчивыми (с точки зрения создателя фильмов категории «Б») предложениями. Хайнлайн отказался, и в конце концов они разрешили конфликт в досудебном порядке — это обошлось Корману в сумму от пяти до десяти тысяч долларов. К сожалению, юридическая переписка по этому делу не выложена в широкий доступ, поэтому подробностей очень мало. Можно сказать только, что половину суммы забирал адвокат, а выплаты шли (формально) за права Кормана на экранизацию «Кукловодов» и «...Если это будет продолжаться...». Разумеется, Корман ничего из этого так и не снял. Последнее, пожалуй, к лучшему — что бы там Корман назкранизировал, представить страшно.

В 1966 году к «Кукловодам» проявил интерес Орсон Уэллс. Но что-то не срослось, — по-видимому, великий режиссер побрезговал брать вещь, на которой остались

отпечатки пальцев Кормана. Тридцать лет спустя роман наконец-то был адаптирован и поставлен Стюартом Ормом — с Дональдом Сазерлендом в роли Старика, и... и, пожалуй, это единственное достоинство фильма. Что поделаешь — не всем быть Полами Верховенами.

7. Версии и редакции

До 1990 года читателям были доступны только две редакции романа — журнальная, Горация Голда, и книжная, Уолтера Брэдбери. А в 1990 году Вирджиния Хайнлайн начала восстанавливать литературное наследие мужа, и в печать пошли «авторские» версии произведений Хайнлайна. Надо сказать, что «авторские» — это не значит «исходные», и разница между черновиком и «авторским» вариантом могла достигать пяти-шести тысяч слов. Что ушло из романа вместе с этими тысячами слов — бог ведает. Надеюсь, ничего ценного. Но давайте наконец посмотрим, чего были лишены мы — русскоязычные читатели, долгие годы довольствовавшиеся сокращенным и порезанным цензурой вариантом романа, в то время как весь остальной мир с 1990 года читал его в авторской редакции.

Сегодня эти долгие годы внезапно закончились, и теперь полный текст романа перед вами.

ДВЕРЬ В ЛЕТО: КОТЫ И ГАДЖЕТЫ

1. Хронология событий

Дело было в конце января 1956 года. Хайнлайн отстрелялся по контракту со «Scribner's» романом «Время для звезд», первоначально задумывавшимся как история о релятивистских скачках во времени, которые сопровождаются шокирующими культурными скачками на Земле. Идею о скачках во времени и фьючер-шоке затем вытеснила другая идея, а исходная отправилась полежать на полочке. Там бы она и оставалась, но тут Хайнлайн решил написать еще одну, на этот раз «взрослую» книгу. Возможно, стоит упомянуть, что незадолго до этого бывшая супруга писате-

ля Лесли Макдональд ненадолго появилась на горизонте, напомнив о себе письмами в адрес общих знакомых, в которых опять наговорила про Боба разных интимных гадостей. Образ злонравной и подлой красавицы явно был одной из отправных точек нового романа. Первоначально он назывался «A Very Small Difference» («Очень маленькая разница»). Сюжет строился вокруг семейной драмы непризнанного гения, инженера-изобретателя, которого бросила стервозная красавица-жена, чтобы уйти к богатому и более успешному сопернику. Оставшийся в одиночестве инженер заменяет жену различными гаджетами... э-э-э... ну, в общем, как-то так. Роман должен был стать историей успеха нового Эдисона. Однако с историей что-то не заладилось, она на глазах превращалась в унылый производственный роман с полупрозрачным изобретателем и его детально описанным детищем. Вот тут-то и пригодилась идея скачков во времени, оставшаяся от детской книжки. Время придавало масштаб событиям и перспективу картине. Перспектива должна была показать, что на самом деле является истинной ценностью: кошелек, красота или интеллект. А путешествие во времени должно было оживить и украсить тусклую производственную картину. Разумеется, повторять детский сюжет с межзвездными полетами Хайнлайн не стал, для перемещения во времени он избрал анабиоз, и название романа сменилось на «Perchance to Dream» («Видеть сны, быть может» — цитата из гамлетовского монолога «Быть или не быть»). Прыжок в будущее позволил инженеру увидеть, как его гаджеты вошли в обиход, а заодно и насладиться местью, встретив в будущем свою престарелую бывшую (а сам-то он весь из себя молодой, красивый и чертовски богатый, да!). Нетрудно понять, что с деньгами у Боба на момент написания романа было туговато, но все остальное отчасти совпадало: имелись изобретенные им гаджеты, которые облегчали жизнь одним людям и укорачивали жизнь другим (но последние все до одного были враги Америки!), была работа на инженерной должности в лаборатории ВМФ под грифом «Совершенно секретно», была масса возни с синьками и логарифмической линейкой (правда, это были строительные чертежи) и, разумеется, имелась бывшая красавица-жена. В общем, фантасту было откуда почерпнуть правду жизни.

Но и с путешествиями во времени текст как-то не вытанцовывался, сюжет рассыпался, не хватало некоей изюминки, эмоционального стержня, который соединил бы все вместе. Боб начал было вводить в сюжет своих любимых трехногих марсиан, но марсиане не помогли — они только отвлекали, и Боб изгнал марсиан прочь.

И вот однажды поздним январским утром, во время завтрака, в поле его зрения показалась Джинни в сопровождении их кота Пикси. Она подошла к двери на улицу и открыла ее, выпуская кота. Пикси увидел снег, понюхал воздух и презрительно фыркнул, а затем отвернулся и пошел обратно в дом, недовольно мяукая. В доме было семь дверей, ведущих наружу, и они с Джинни обошли их все. Эта сцена повторилась семь раз, у каждой двери. Когда Пикси отверг последнюю дверь и пошел прочь, громко негодуя, Джинни пожала плечами и сказала: «Я думаю, он ищет дверь, ведущую в лето». Хайнлайн, бросивший свой завтрак ради этого представления, замер, как охотничий пес, сделавший стойку. «Не говори больше ни слова!» — сказал он жене и чуть ли не бегом направился в свой кабинет. Он вышел оттуда через тринадцать (!) дней с готовой рукописью. Для тех, кто не успел лопнуть от зависти, спешу уточнить, что даже для самого Хайнлайна этот срок был рекордно коротким (рекордно длинным был срок в 100 дней, и то была *очень толстая книга*).

2 февраля 1956 года

Роберт Э. Хайнлайн — Лертону Блассингейму

Я на 104 с. рукописи нового романа, надеюсь, он подойдет для так называемого взрослого рынка. У меня от него постоянные головные боли и хроническая бессонница, и я все время удивляюсь, как я мог ввязаться в этот глупый бизнес, — но если я выдержу физически, «Дверь в Лето» должна быть закончена вчерне в этом месяце и закончена на чистовую примерно в конце марта. Возможно.

У нас тут на земле лежит фут снега, всюду фазаны. Пикси ненавидит все это. Он считает, что во всем виновата Джинни.

104 страницы превратились в 290, затем сократились до обычного размера, и роман был направлен Кэмпбеллу в «Astounding». Джону он не понравился. Ему вообще не

правились все последние вещи Боба. Он считал, что тот перестал по-настоящему работать над текстом и потихоньку деградирует. В своем письме Азимову он писал:

5 ноября 1956 года

Джон В. Кэмпбелл-мл. — Айзеку Азимову

У меня сейчас на руках роман Боба Хайнлайна, нужно принять решение, что заставляет меня волноваться и беспокоиться. Боб может написать одной рукой лучше, чем большинство в этой области пишут обеими руками. Но, Иисусе, как бы я хотел, чтобы этот сукин сын вынул бы ту, другую руку из кармана. У меня на руках также роман Джека Вэнса; у него прекрасная идея. Если бы Вэнс мог писать так, как Хайнлайн, или Хайнлайн взял бы на себя труд продумывать свои вещи так же крепко, как Вэнс...

Боб вставил в сюжет кота Петрония, известного как Пит. Пит — замечательный персонаж, Боб сделал его восхитительным. Вот только... Он же не имеет ничего общего с этой историей, черт возьми!

Кэмпбелл отклонил роман — через литературного агента, не написав Бобу ни слова о том, что он думает по этому поводу. И Хайнлайн с чистой совестью (он по-прежнему чувствовал себя обязанным Кэмпбеллу) отправил роман Энтони Бучеру в «The Magazine of Fantasy & Science Fiction». Права на книжное издание были у «Doubleday», и это была последняя книга Хайнлайна в этом издательстве — Боб справедливо считал, что там его нагло обворовывают, выпуская большую часть тиража в «клубных изданиях» с мизерным роялти.

А пока роман о Петрониусе медленно продвигался к печатному станку, настоящий кот Пикси неотвратимо двигался к смерти.

12 января 1957 года

Роберт Э. Хайнлайн — Лертону Блассингейму

Пикси умирает... уремия, слишком далеко зашедшая, чтобы надеяться на ремиссию; несколько дней назад ветеринар отправил его домой умирать. Сейчас ему не больно и он все еще мурлычет, но он очень слаб и изо дня в день становится все более истощенным — как будто по дому бродит маленький

желтый призрак. Когда у него начнется период боли, я должен буду помочь ему миновать его и надеяться, что он наконец-то найдет Дверь в Лето, которую искал. Мы очень всем этим подавлены... мы стали чрезмерно привязанными к этому маленькому коту. Конечно же, мы знали, еще когда он только появился у нас, что это должно будет случиться, и я скорее предпочел бы пережить своего домашнего питомца, чем он переживет нас, — мы лучше приспособлены, чтобы выдержать это. Однако от этого нисколько не легче...

Пикси так и не дождался выхода книги. Через месяц сосед Хайнлайнов, Арт Херцбергер, практикующий ветеринар, пришел, чтобы усыпить кота. Хайнлайн завернул еще теплое тельце в свою рубашку и похоронил его. Над могилой вместо памятника Хайнлайны посадили деревце, чтобы местные койоты не смогли раскопать захоронение. С этого дня они больше никогда не называли своих котов именем Пикси. Этот был Пикси Третий, и другого не будет вовек. Аминь.

2. Немного об истоках

Попробуем на скорую руку разобрать отправные точки, оттолкнувшись от которых Хайнлайн создал самый теплый и человечный роман в своем творчестве.

2.1. Гаджеты

Вначале был Жюль Верн, затем Том Свифт и журналы Гернсбека. Герои Верна обстоятельно объясняли, как сделать то-то и то-то, формируя простенькую, но чрезвычайно сильную мысль «Все возможно, если знать, как птичка устроена». Том Свифт неустанно изобретал различные гаджеты и создавал приятную иллюзию того, что вокруг — непаханая целина для гениального одиночки. А Гернсбек поддерживал ощущение, что инженеры — авангард и лучшая часть человечества и что можно творить любые чудеса, если только немного подучиться. Хайнлайн впитывал этот наркотик с детских лет и до преклонного возраста истово верил в гаражные технологии и силу одиночек. Это

был принципиальный вопрос мировоззрения. Хайнлайн был убежден, что часть равна целому и способна его с успехом заменить. Он не верил в необходимость кооперирования, разделения труда и поддержания социальных структур. Он так и прожил свою жизнь в добровольной внутренней робинзонаде, всякий раз с удовольствием доказывая, что может обойтись без помощи узких специалистов. Главное, придумать *как* — и постараться сделать *то*, что задумано.

При этом Хайнлайн не мог похвастаться систематически полученным образованием. За его плечами была начальная и средняя школа. В 1924-м, ожидая поступления в Академию ВМФ, он пару месяцев проучился по технической программе в колледже. В Академии был курс прикладной математики, включавший в себя сферическую тригонометрию, дифференциальное исчисление, баллистику и т. п., а также черчение, но флот не позволил ему получить полноценное высшее образование, на что он рассчитывал при поступлении. В 1933 году отсутствие признанного документа об окончании колледжа или технического училища (флот не выдавал таких бумаг) не позволило ему поступить в университет. Он хотел в Калтех, к Фейнману и прочим небожителям, а вместо этого пришлось довольствоваться ролью вольного слушателя в Калифорнийском университете. Он начал посещать курсы атомной физики, химии, оптики, но это довольно быстро кончилось — его здоровье было еще слишком слабо для высиживания на лекциях, а перспективы получения диплома были весьма туманными. Затем его сманила политика, и более к точным наукам он до войны не возвращался. И тем не менее образования, полученного на первых курсах академии, было достаточно, чтобы занять во время войны в лаборатории ВМФ должность гражданского инженера.

Удивительно, но довольно рутинные тесты образцов плексигласа в поисках оптимальных соотношений пополам с бюрократической волокитой так и не погасили юношескую страсть Боба к выдумыванию разных штук. Они только убедили его, что начальство, а особенно военное начальство — совершенно ненужная помеха на пути прогресса.

И еще вера в могущество Логарифмической Линейки.

Вот краткий перечень идей из произведений Хайнлайна (были это его собственные или где-то прозорливо позаимствованные — не важно), которые позднее вошли в наш быт:

1940 г. Бесконтактные сушилки для рук («Ковентри») — теперь они повсюду, а в 1940-х годах, по-моему, даже одноразовых бумажных полотенец не было.

1940 г. Солнечные батареи («Дороги должны катиться», «Ковентри», «Да будет свет!») — теперь они на каждом калькуляторе.

1941 г. Движущиеся дорожки («За этим горизонтом») — кое-где попадаются, хотя преобладают горизонтальные ленточные эскалаторы.

1941 г. Водяной матрас («За этим горизонтом») — этот гаджет так и не был никем запатентован.

1941 г. Онлайн-газеты («За этим горизонтом») — современники Хайнлайна предполагали только вариант «печатать по требованию» или что-то вроде бегущей телетайпной строки.

1942 г. Дистанционные манипуляторы («Уолдо») — их так и называли: *waldo*.

1948 г. Мобильные телефоны («Космический кадет») — именно обыденный мобильник, а не мини-рация или навороченный мультифункциональный гаджет.

1950 г. Автоматические выключатели света («Человек, который продал Луну») — каждый из нас видел, как свет вспыхивает и гаснет вслед за идущим по длинному коридору.

1956 г. Программы и устройства для черчения («Дверь в Лето») — в 80-х я сам стоял за кульманом, а в 90-х увидел плоттер и осваивал пикад. Это просто фантастика!

1960 г. Экранные заставки (*screensaver*) («Чужак в стране чужой») — додуматься до картинки, которая занимает экран в неактивном режиме, мог только гений.

1979 г. Дистанционный пульт для автомобиля («Число зверя») — лично меня особенно впечатлила возможность зимой издали кликнуть брелоком, чтобы машина начала прогреваться.

О приоритетах и авторстве можно спорить, но для меня в данном случае важен общий принцип — внимание к деталям. В большинстве своем это вещи, упомянутые ми-

моходом, исключительно для создания культурного фона. Не эпохальные изобретения, делающие сюжет, а обыденные вещи, которые порождает прогресс, проникающий в повседневность. В разной ретрофантастике часто попадаются пульта управления звездолетов с циферблатами, рычагами, штурвалами и тому подобными анахронизмами — это хороший маркер экономии мышления у авторов, которые не давали себе труда выстраивать картину мира, а по-простому транслировали в будущее то, что было под рукой. Хайнлайн отличался тем, что не только прогнозировал появление разных гаджетов — он встраивал их в культурный фон и отслеживал их влияние до второго-третьего порядка: например, на основании появления дешевых автомобилей делал вывод о грядущей сексуальной революции.

Именно благодаря такому пониманию причинно-следственных связей герой Хайнлайна сначала готовит для себя «Чертежника Дэнни», а затем начинает конструировать «Салли».

2.2. Коты

Хайнлайн изначально не был кошатником. В детстве он любил своего пса Никси, а обзаведясь семьей и собственным домом, он завел нового пса, которого назвал... Никси.

Но Никси суждено было уйти в прошлое вместе с красавицей-женой. На смену им пришла Вирджиния, а Вирджиния любила котов. Первого кота они называли... Пикси.

Поначалу Хайнлайн не понимал кошек и считал их чем-то вроде марсиан в человеческом обществе. Но со временем это прошло. Коты были включены в семейный круг, хотя по-прежнему бродили сами по себе. Благо котам было где побродить. Хайнлайны предпочитали жить на природе, подальше от городской суеты.

1 марта 1953 года

Роберт Э. Хайнлайн — Лертону Блассингейму

...У нас у всех снова все хорошо, даже у кота, потому что я наконец-то разобрался с большим черным котом, который его терроризировал. Джинни разбудила меня однажды утром и сказала, что черный котяра ошивается у входа. Я накинул халат и шлепанцы, зарядил свой «Remington .380» и вышел.

К счастью, достал его с первого выстрела, поскольку он победил и у меня не было ни секунды промедления. Похоронил его и вернулся в постель менее чем через двадцать минут. Невеселая работенка, но Пикси так крепко доставалось, что я не думаю, что он пережил бы еще одну драку, — а я предпочитаю моего собственного кота дикому.

23 марта 1959 года

Роберт Э. Хайнлайн — Лертону Блассингейму

...Полька Дот принесла котят на День св. Патрика, вот как это было: мы с Джинни были как на иголках, видя, что кошке сильно нехорошо от всего этого. Я поднялся в час ночи, Джинни только что легла спать. Поки притащила в мой кабинет, и там у нее начались родовые схватки. Так что я почти час держал ее за лапу, после чего она разродилась пестренькой кошечкой — Брайди Мерфи. В течение следующих трех часов она испытывала большие неприятности, поэтому мы подняли ее ветеринара с постели, и он приехал к нам. Он сделал ей инъекцию экстракта гипофиза; вскоре у нее начал появляться еще один черно-белый мальчик (Блэрни Стоун); бедный маленький Блэрни не смог этого завершить... задохнулся во время родов, он был мертв к тому времени, когда мы смогли его извлечь, хотя был жив, когда только появился. Кошка зверски прокусила Джинни руку (Джинни кричала, но не отпускала... и кошка тоже не отпускала). На рассвете мы троим и Поки отправились в клинику, где ей сделали кесарево сечение для третьего и последнего (Шемрок О'Тул, еще одна трехцветная девочка, полный близнец Брайди). Около 8 утра мы принесли мать и дочерей домой, Джинни успела только подремать, а я вообще не спал. У всех трех сейчас все хорошо, и котята за шесть дней стали вдвое больше. Что меня поразило больше всего в этом деле, так это хирургическая процедура в стерильных условиях, на том же уровне, что и у людей; это разительно отличается от хирургии животных, какой она была всего лишь двадцать лет назад.

17 апреля 1964 года

Роберт Э. Хайнлайн — Лертону Блассингейму

...А больше у нас никаких новостей, кроме того, что Шемми в прошлое воскресенье, сразу после того, как мы приняли у нее последний помет, немедленно ушмыгнула и нагуляла но-

вый урожай, так что у нас будут еще котята приблизительно к 17 июня. Она трудится без устали, уже тридцать один котенок, а ей едва только исполнилось пять лет.

4 сентября 1966 года

Роберт Э. Хайнлайн — Лертону Блассингейму

Вот что у нас есть: мы (а) начали дом, (б) обзавелись бездомным котенком и (с) принимали гостя в течение трех дней, когда у нас буквально не было ни комнаты, ни удобств для большого гостя — до такой степени мы замотались...

Котенок — хорошенькая маленькая кошечка, которая постоянно пищит... и гадит прямо под этой пишущей машинкой со здоровой регулярностью... и теряется под домом... и настаивает на том, чтобы спать под головой Джинни... и постоянно нервнует нашего кота. Очевидно, она еще маленькая, чтобы пахнуть как кошка; для него она — просто монстр, который вторгся в его дом и который слишком часто занимает слишком много времени у Мамы и Папы. Но она всего лишь очередная неудачница: Джинни спасла ее, когда ее собирались отдать в приют. О боже! Думаю, когда мы приучим ее к дому и едва у нее начнется течка, она тут же окажется самым желанным дополнением к обитателям нашего дома, а прямо сейчас она просто заноза в заднице.

...Наша новая кошечка снова и снова забирается под дом — это совершенно невозможно, но она справляется. Джинни только что вышла в темноту с миской кошачьего корма и фонариком, попробует соблазнить ее. Здесь никогда не бывает скучно...

16 августа 1967 года

Роберт Э. Хайнлайн — Лертону Блассингейму

...И Джинни, и я временно физически истощены и эмоционально угнетены; мы потеряли нашего маленького котика. Его не было уже неделю, и теперь остается только признать, что он мертв. Вряд ли он оставил жизнь домашнего кота ради какой-то дамы и живет на подножном корму — это крайне маловероятно. Два или три дня — да, но полную неделю — нет. Рысь, лиса, енот, автомобиль. Конечно, он был всего лишь котом, и мы и раньше не раз теряли котов. Но в данный момент мне больно, я не могу уснуть и остаюсь эмоционально не-

устойчивым. Джинни продолжает упорно трудиться, хотя со сном у нее вообще обстоит неважно, а что до меня, то я ни черта не высыпаясь, так что с трудом печатаю на машинке и не в состоянии на чем-нибудь сосредоточиться.

Тэффи, последний представитель генетической линии кота Пикси (восьмое поколение), умер в 1982 году. Для нас они — один из эпизодов жизни, а мы для них — вся жизнь без остатка. Никогда не заводите кошек, если не осознаете, что это значит.

2.3. Нимфетка и фавн

Нет, я не настаиваю, что источником вдохновения при написании истории взаимоотношений дяди Дэна и маленькой Рикки послужила набоковская «Лолита». История вполне могла быть инспирирована биографией Эдгара Аллана По и поэмой «Аннабель Ли» или «Длинноногим дядюшкой» Джин Уэбстер. В конце концов, история о дядюшке, который покупает юной особе кукольный домик, а несколько лет спустя просит у родителей ее руки, утвердилась в классической литературе задолго до пятидесятих годов прошлого столетия. Но изюминка этой истории не в банальной разнице возрастов, а в том, как благожелательный взаимный интерес внезапно превращается в нечто иное. Или даже в том, кто в этой ситуации делает первый шаг — нимфетка или фавн. Что-то такое витало в воздухе в середине пятидесятих, а Хайнлайн умел улавливать актуальные тренды. Факт заключается в том, что роман «Лолита» Набокова был опубликован в 1955 году и в том же году Хайнлайн написал «Время для звезд», в финале которого внезапно выросшая «племянница» решительно уводит своего «дядюшку» под венец. «Дверь в Лето» была написана в 1956-м, в нем опять же резко повзрослевшая юная особа вновь решительно женит «дядюшку» на себе. Финалы произведений похожи, но разница между ними есть — «Дверь в Лето» предваряет этот внезапный роман историей отношений, в частности визитом Дэна в летний лагерь, где и происходит психологический поворот, когда благожелательный взаимный интерес внезапно превращается в нечто

иное. Тут ассоциации с романом Набокова, на мой взгляд, проступают достаточно отчетливо.

Читал Хайнлайн «Лолиту» или слышал пересказ сюжета скандальной книги, мне неизвестно. Его поездка в Европу пришлось на лето 1955-го, как раз когда в парижском издательстве «Олимпия пресс» вышла книга Набокова, так что возможности у него были. Но допускаю, что он ловил с Набоковым одни и те же тренды, витающие в воздухе, и просто сместил свои подростковые фантазии в обстоятельства взрослой жизни. Как бы то ни было, эта тема возникла в творчестве Хайнлайна именно в 1955 году. Позднее Боб углубит и разовьет ее до самого последнего дюйма и опишет инцест как один из элементов свободного существования свободных людей.

2.4. «Холодный сон»

В начале 20-х Хайнлайн прочитал роман Уэллса «Когда спящий проснется». Разумеется, были еще Рипы ван Винкли, да и понятие анабиоза фантасты эксплуатировали достаточно активно. Но мало кто додумался до концепции фьючер-шока, предусмотрел в сюжете появление лингвистического барьера и ввел понятие адаптационного сервиса для новичков. Обычно мистеры маккинли откидывали крышку саркофага и немедленно включались в окружающую жизнь, послушно восхищаясь развешенными тут и там чудесами. И почти всех их ждали местные Вергилии, готовые бесплатно играть роль гида и читать лекции по любому поводу. «Нет, — сказал Хайнлайн, — так не бывает. И так не будет», — после чего включил здравый смысл и проработал все технические, экономические и социальные аспекты «холодного сна». К сожалению, он не мог ограничиться анабиозом, потому что ввел в сюжет временную петлю, а вместе с ней, по необходимости, и машину времени — единственное, на мой взгляд, спорное место в романе.

Страх перед необратимостью смерти и технический прогресс в холодильном оборудовании породили один из причудливых бизнесов двадцатого столетия — криогенные хранилища трупов. Тела или головы счастливых (или

идиотов, кому что больше нравится) ждут своего воскрешения в хранилищах. И пока оцифровка мозга не уничтожила этот бизнес, люди будут платить за «холодный сон» после смерти.

В 1985 году знакомый Хайнлайна Кейт Хенсон попытался заинтересовать писателя реальным погружением в «холодный сон» (или что-то вроде того), которым занимался фонд «Алькор». Автору «Двери в Лето» эта услуга предлагалась бесплатно. Хайнлайн отказался. «Откуда я знаю, не помешает ли это последующей реинкарнации?» — сказал Боб и больше не возвращался к этому вопросу. Его прах развеялся над океаном и с водой вошел в нашу плоть и кровь.

3. Неприятное эхо

В начале марта 1957 года группа писателей-фантастов затеяла выпускать мимеографический журнал литературной критики под названием «SF Forum». Планировалось, что здесь писатели будут разбирать друг друга на высоком профессиональном уровне. Хайнлайн терпеть не мог критику и завел себе правило никогда не высказываться о творчестве коллег по перу. Коллег это, впрочем, не останавливало. И фэнзин для профессионалов с неизбежностью добрался бы до Хайнлайна, рано или поздно. Случилось рано. Джеймс Блиш использовал рассказы Хайнлайна, написанные от первого лица, и «Дверь в Лето» для того, чтобы устроить сеанс любительского психоанализа писателя.

«...Для неквалифицированного писателя форма повествования от первого лица — ловушка. Первое лицо превращает текст в упражнение типа автобиографии, постоянно повторяя слово „я“, оно неудержимо подводит писателя к самому себе».

На этом, прямо скажем, нехитром основании Блиш и построил свой анализ. По его мнению, Хайнлайн, скованный точкой зрения, заданной формой от первого лица, взвалил на себя и не сумел разрешить проблемы героя, что и убило всю историю.

Прочитав это, Хайнлайн предсказуемо пришел в ярость и написал тогдашнему редактору «SF Forum».

15 апреля 1957 года

Роберт Э. Хайнлайн — Лестеру дель Рею

Любому писателю стоит научиться встречать неблагоприятные отзывы, он должен принимать их вместе с плохой погодой, спущенными шинами и тому подобными неприятностями. Каждый профессиональный писатель понимает, что его опубликованные работы становятся открытыми для литературной критики общества в рамках правила «Справедливого Комментария». Но мне кажется, что эта статья — литературный обзор только во вторую очередь, что по большей части это не литературная критика вообще, а прежде всего попытка персональной критики, неадекватной и гораздо хуже чем неадекватной, попросту лживой... Самое разумное, что можно было сделать, — это, видимо, молчать и попытаться выкинуть из головы.

Но я обнаружил, что не могу забыть, это мешало моей работе и прогоняло сон. Я чувствовал себя так, будто меня пригласили на чай, а едва я вошел в дверь, оглушили мешками с песком.

Далее Хайнлайн критикует попытку Блиша вытащить личность писателя из персонажа-рассказчика:

Ни одна из этих вещей не делается «по наитию». Я пластаюсь как проклятый, чтобы сделать увлекательный, интересный рассказ, из которого читатель извлечет ту мораль, которую я хочу ему преподнести... Я полагаю, что чем больше туда чего-либо попадает неосознанно, невольно или «инстинктивно», тем ниже уровень мастерства рассказчика и тем вероятнее, что результатом будет дрянное произведение.

Любопытно в этой связи вспомнить слова Уолта Уитмена, которые я тоже очень люблю:

«Пойми, что в твоих писаниях не может быть ни единой черты, которой не было бы в тебе же самом. Если ты вульгарен или зол, это не укроется от них. Если ты любишь, чтобы во время обеда за стулом у тебя стоял лакей, в твоих писаниях скажется и это. Если ты брюзга или завистник, или не веришь в загробную жизнь, или низменно смотришь на женщин, это скажется даже в твоих умолча-

ниях, даже в том, чего ты не напишешь. Нет такой уловки, такого приема, такого рецепта, чтобы скрыть от твоих писаний хоть какой-нибудь твой изъян».

Я просто оставляю здесь эти две цитаты, за каждой из которых парадоксальным образом вижу несомненную правду жизни. А истину пусть каждый, как водится, найдет у себя внутри.

4. Важнейшее из искусств и прочие его виды

Все успешные литературные произведения переживают одну и ту же последовательную цепочку: рождение, успех, экранизация, пародия, забвение. До забвения «Двери в Лето» еще далеко, она только на самой середине пути.

В 1970 году состоялись переговоры о съемках фильма по сюжету «Двери в Лето», но они кончились ничем, как и многие другие голливудские кинопроекты по романам Хайнлайна. Единственная известная мне на данный момент экранизация — наш отечественный телеспектакль 1992 года режиссера Валерия Обогрелова.

Его легко можно найти на «тубике». Из десятка экранизаций Хайнлайна эта не самая плохая.

А теперь перенесемся в Страну восходящего солнца. Надо сказать, в Японии «Дверь в Лето» понравилась читателям — во-первых, потому, что про котиков (японцы открыли для себя этот тренд гораздо раньше европейцев), во вторых — маленькая девочка. Такая няша с большими глазами, в клетчатой юбочке и белых гольфиках. В-третьих — роботы, ну или почти роботы (в Японии обожают роботов почти так же, как девочек в клетчатых юбочках, а может, даже сильнее). В общем, роману была уготована прекрасная судьба. Но тут случилась неприятность. Сыграли свою роль особенности перевода, потому что «Дверь в Лето» и «На пороге лета» с точки зрения японцев практически одно и то же. А под этим названием в 1975 году вышла манга, посвященная обретению подростком сексуальной гармонии, и теперь любой школьник, открыв книгу с названием «Natsu e no Tobira» на обложке, чувствует себя обманутым, обнаружив внутри повесть об изобретателе самоходного

пылесоса, а вовсе не то, что он ожидал... Тем не менее «Дверь в Лето» неоднократно выходила в Японии в виде книги, а в 2011 году чуть не завоевала театральную сцену; ничего особенного, обычный моноспектакль с единственной декорацией — дверью посреди сцены. Увы, премьеру спектакля отменили из-за землетрясения, и от этого начинания остались одни афиши.

Но если роман с театром у романа не состоялся, то музыканты всех стилей и направлений «Дверь в Лето» открывали для себя неоднократно — начиная с реликтовых *The Monkees*, с заходом в джаз, техно, эмбиент, неоклассику, этюды для фортепиано, и кончая гитарой Джо Сатриани. Правда, музыканты меньше всего вдохновлялись историей успеха человека, который добился всего своими руками и головой. Дверь в Лето они воспринимают скорее как средство для бегства от наступающей зимы. Давно подмечено, что у рокеров немало общего с кошками.

Роман написан полстолетия назад, и то, что было будущим, стало прошлым. Давно миновали сроки пробуждения мистера Дэвиса, но мы все еще не догнали фантазии автора. У нас нет «Ловкого Фрэнка», но уже ползают по дому автономные «трилобиты», а «Чертежник Дэн» давно работает на «Тойоту». Возможно, мы добились бы большего — если бы брали пример не с упрямого котика, который искал Дверь в Лето, а с его не менее упрямого хозяина, который, не найдя, создал эту дверь своими руками.

И не забудьте погладить кота, если он у вас есть.

С. В. Голд

Содержание

<i>С. В. Голд. Сослагательное наклонение как фактор истории . . .</i>	5
КУКЛОВОДЫ. Роман	
<i>Перевод А. Корженевского, С. В. Голда</i>	9
ДВЕРЬ В ЛЕТО. Роман	
<i>Перевод А. Бранского</i>	309
<i>С. В. Голд. О романах «Кукловоды» и «Дверь в Лето»</i>	518

Хайнлайн Р.

Х 15 Кукловоды ; Дверь в Лето : романы / Роберт Хайнлайн ; пер. с англ. А. Бранского, А. Корженевского, С. В. Голда. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2018. — 544 с. — (Звезды мировой фантастики).

ISBN 978-5-389-13844-5

Впервые на русском — полная авторская версия классического романа «Кукловоды», опубликованная в несокращенном виде уже только после смерти Хайнлайна. Итак, в секретную службу, подчиняющуюся непосредственно президенту США и известную лишь как «Отдел», поступает сообщение о том, что в штате Айова приземлилась летающая тарелка. Это начало вторжения — вторжения инопланетных паразитов, подчиняющих себе волю человека и быстро захватывающих огромные территории. Удастся ли остановить их иначе чем ядерными бомбами и не уничтожить при этом половину собственного населения?

Также в книгу входит другой классический роман Хайнлайна — «Дверь в Лето». Это история талантливого изобретателя Д. Б. Дэвиса, который пытается вернуть свой бизнес, предательски отнятый бывшим компаньоном и бывшей невестой, и помочь своему коту по имени Петроний Арбитр (для друзей — Пит) отыскать Дверь в Лето. Ведь каждое живое существо на Земле стремится найти Дверь в Лето — где тепло, нет холода, нет войны, ненависти, обиды, где тебя не предаст друг, не обманет невеста. Для этого Дэвису придется преодолеть само время — и, возможно, не единожды...

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)-445

Литературно-художественное издание

РОБЕРТ ХАЙНЛАЙН
КУКЛОВОДЫ
ДВЕРЬ В ЛЕТО

Ответственный редактор Александр Гузман
Редактор Екатерина Доброхотова-Майкова
Художественный редактор Сергей Шикин
Технический редактор Татьяна Тихомирова
Компьютерная верстка Светланы Шведовой
Корректоры Светлана Федорова, Валерий Камендо,
Елена Терскова

Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 01.11.2017. Формат издания 84 × 108 ¹/₃₂.
Печать офсетная. Тираж 3000 экз. Усл. печ. л. 28,56. Заказ № 9554/17.

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
119334, г. Москва, 5-й Донской проезд, д. 15, стр. 4

Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А

ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
04073, г. Киев, Московский пр., д. 6 (2-й этаж)

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3 «А».
www.pareto-print.ru

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ОБРАЩАЙТЕСЬ:

В Москве: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
Тел.: (495) 933-76-01, факс: (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru; info@azbooka-m.ru

В Санкт-Петербурге: Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
Тел.: (812) 327-04-55, факс: (812) 327-01-60. E-mail: trade@azbooka.spb.ru

В Киеве: ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua

Информация о новинках и планах на сайтах: www.azbooka.ru, www.atticus-group.ru

Информация по вопросам приема рукописей и творческого сотрудничества
размещена по адресу: www.azbooka.ru/new_authors/

Y-AFA-22839-01-R

ЗВЕЗДЫ МИРОВОЙ ФАНТАСТИКИ

Полвека не покладая рук он работал в фантастике, выпустил в свет 54 книги — романы, сборники рассказов и т. д. — общим тиражом 40 миллионов экземпляров. За три первых года работы он, на взлете таланта, создал несколько книг, которые живы и сегодня не просто как любопытные опыты довоенной фантастики, а как совершенно современные произведения. И когда я говорю о том, что Хайнлайн — создатель современной американской фантастики, я имею в виду именно свежесть, актуальность его работы — каждая из его повестей могла быть опубликована сегодня, и мы бы восприняли ее как сегодня написанную.

Кир Булычев

Один из многочисленных парадоксов Хайнлайна в том, что мы имеем дело с автором абсолютно цельным от начала до конца. И самое интересное в творчестве Хайнлайна — его адресат.

Формально писатель работал на довольно узкую и весьма специфическую аудиторию — «массового читателя фантастики», — пробиваясь к ней через фильтр в лице издателей, хорошо изучивших своего потребителя и имевших четкое мнение о его текущих запросах.

На практике Хайнлайн не делал на это никаких скидок. Он всегда обращался к читателю так, будто апеллирует к нации в целом.

Строго говоря, это единственно верная писательская стратегия, занимайся ты хоть фантастикой, хоть дамским романом. В конечном счете она ведет прямоком к зачислению в Классики. Но чтобы такую стратегию успешно реализовать, мало быть самоуверенным и упрямым. Еще нужно быть искренним. Проблему, над которой задумалось общество, надо отрефлексировать так, будто она для тебя — вопрос жизни и смерти. У Хайнлайна это получалось легко.

Олег Дивов

